

ИНАКОМЫСЛИЕ В УСЛОВИЯХ «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА»

ПОИСКИ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
КОНЕЦ 60-х – 80-е гг. XX в.

ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНИЮ
ХЕЛЬСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

О СБОРНИКЕ ДОКУМЕНТОВ
ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНИЮ
ХЕЛЬСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

1. В 1978 году в Ленинграде состоялось Третье Собрание Хельсинкской Группы в СССР. Третье собрание этой международной организации проходило в гостинице «Англетер» в Ленинграде. На собрании приняли участие представители 21-го и 22-го пунктов Заключительного Акта Хельсинкского соглашения. В работе собрания участвовали представители 11 стран: Австрии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Германии, Италии, Испании, Японии, Швеции, Финляндии, Франции.

2. Собрание проходило в соответствии с принципами, установленными в пункте 11 Заключительного Акта Хельсинкского соглашения. В работе собрания участвовали представители 11 стран: Австрии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Германии, Италии, Испании, Японии, Швеции, Финляндии, Франции.

3. Собрание проходило в соответствии с принципами, установленными в пункте 11 Заключительного Акта Хельсинкского соглашения. В работе собрания участвовали представители 11 стран: Австрии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Германии, Италии, Испании, Японии, Швеции, Финляндии, Франции.

СБОРЕНИЕ
ДОКУМЕНТОВ
САМИЗДАТА

ИЗДАНИЕ
1980

И САМИЗДАТ ИЗ СССР

ВВЕДЕНИЕ

Сборник документов самиздата, собранный группой содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, представляет собой первый шаг к созданию единой базы данных о деятельности диссидентского движения в СССР. В сборнике представлены документы, созданные в период с 1960 по 1980 год. В сборнике представлены документы, созданные в период с 1960 по 1980 год.

Сборник документов самиздата, собранный группой содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, представляет собой первый шаг к созданию единой базы данных о деятельности диссидентского движения в СССР. В сборнике представлены документы, созданные в период с 1960 по 1980 год. В сборнике представлены документы, созданные в период с 1960 по 1980 год.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИНАКОМЫСЛИЕ В УСЛОВИЯХ
«РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА».
ПОИСКИ НОВОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(КОНЕЦ 60-х — 80-е гг. XX в.)

МОСКВА
2014

УДК 94(4+7)“654”

ББК 63.3(4)63

И57

Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН
Программа фундаментальных исследований секции истории
«Нации и государства в мировой истории»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *КВ. Никифоров* (ответственный редактор), кандидат исторических наук *ВВ. Волобуев*, доктор исторических наук *ЭГ. Задорожнюк*, кандидат исторических наук *ОН. Майорова*, кандидат исторических наук *АС. Стыкалин*

Рецензенты:

доктор исторических наук *ЕП. Серапионова*
кандидат исторических наук *ЛН. Шанишева*

Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности (конец 60-х — 80-е гг. XX в.). — М.: Институт славяноведения РАН, 2014. — 728 с.

ISBN 978-5-7576-0318-6

Впервые в отечественной и зарубежной историографии в рамках одного из важнейших направлений исторической науки — истории идей — дан анализ концепций и трактовок новых форм государственности. Диссидентские течения и отдельные оппозиционные мыслители в Центральной и Юго-Восточной Европе рассматривали их как матрицу социальных новшеств и связывали с ними проекты трансформации государственности. Эти проекты были основаны на сочетании национальных государственно-исторических традиций и демократической системы ценностей как гарантии соблюдения общечеловеческих прав и свобод. Выводы содержат принципиально новую для отечественной историографии концептуальную трактовку оппозиционных и диссидентских течений, что особо важно для понимания указанного феномена не только в странах Европы, но и в других регионах мира.

For the first time in domestic historiography, the analysis of concepts and interpretations of the new statehood forms was given within the framework of one of the most important areas of history — the history of ideas. Dissident movements and certain dissident thinkers considered those new forms as a matrix of social innovations and related them with the statehood transformation projects. Transformation projects were based on a combination of local national and historical traditions and democratic value system as a guarantee of compliance with human rights and freedoms. Conclusions contain a fundamentally new for the national historiography conceptual interpretation of opposition and dissident movements, which is particularly important for the understanding of this phenomenon not only in Europe.

УДК 94(4+7)“654”

ББК 63.3(4)63

© Институт славяноведения РАН, 2014
ISBN 978-5-7576-0318-6

© Коллектив авторов, текст, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (К.В.Никифоров) 7

РАЗДЕЛ 1.

Альтернативы новой государственности: методологические и сравнительно-исторические аспекты

И.С.Яжборовская (Россия). Системная и внесистемная оппозиция в контексте внутри- и внешнеполитических отношений в «социалистическом содружестве»..... 14

В.Л.Мусатов (Россия). Оппозиционные движения и протестные проявления в СССР и европейских социалистических странах в 1970-е – 1980-е гг. Субъективные заметки..... 32

Т.С.Бушуева (Россия). Протестное движение в СССР в 20–30-е гг. XX в.: формы и динамика развития 60

Л.П.Колодникова (Россия). Особенности гражданского общества в СССР в 30–40-е гг. XX в..... 75

РАЗДЕЛ 2.

Центральная Европа: концепции и версии новой государственности

ГДР

Ш.Трёбст (Германия). Восточноевропейские оппозиционные движения в западных исследованиях по Восточной Европе (1975–1989). Три очерка 88

ВЕНГРИЯ

Л. Н. Шишелина (Россия). Представления венгерской оппозиции о реформировании общества и внешней политики страны в 70–80-е гг. XX в.101

А. С. Стыкалин (Россия). Польский кризис 1980–1981 гг. и активизация оппозиционного движения в Венгрии.114

ПОЛЬША

В. В. Волобуев (Россия). Правый фланг политической оппозиции в Польше (1956–1980 гг.)144

О. Н. Майорова (Россия). Идейные принципы и политические цели Комитета защиты рабочих (КОР) в Польше (1976–1981)168

О. Ю. Михалев (Россия). Третья Речь Посполитая в представлениях Конфедерации независимой Польши (1979–1989 гг.)190

Е. Эйслер (Польша). Общественно-политические концепции участников «Солидарности» в 1980–1989 гг.221

Л. С. Лыкошина (Россия). Гданьский либерализм 1980-х гг. Люди и идеи233

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В. В. Марьина (Россия). Реабилитация Г. Гусака и возрождение идеи федерализации Чехословакии253

Э. Лондакова (Словакия). Истоки, проявления и последствия идей новой государственности до и после 1968 года в Чехословакии277

И. Пернес (Чехия). От Чехословацкой социалистической партии к Чехословацкому движению за демократический социализм (1968–1972 гг.)298

Я. Пажоут (Чехия). Программные положения антирежимной оппозиции в Чехословакии на первом этапе «режима нормализации» (1969–1972 гг.)323

Э. Г. Задорожнюк (Россия). Контуры нового формата государственности в документах чешского и словацкого протестных течений (1969–1989 гг.): общее и особенное346

<i>И. Сук</i> (Чехия). Мораль и власть. Политическое мышление и политическая практика Вацлава Гавела (1977–1992).....	381
<i>Э. Ворачек</i> (Чехия). М. Горбачев и Г. Гусак – деятели сумерек реального социализма. Реалии взаимоотношений Советского Союза и Чехословакии.....	405
<i>Н. В. Коровицына</i> (Россия). Новая государственность в чешском общественном сознании до и после 1989 г.	432

РАЗДЕЛ 3.

Юго-Восточная Европа: специфика формирования различных вариантов новой государственности

БОЛГАРИЯ

<i>И. Баева</i> (Болгария). Политическая альтернатива в Болгарии в 1980-е годы.....	456
<i>Е. Л. Валева</i> (Россия). Видение будущего демократического общества в программных материалах болгарских диссидентов (конец 1980-х гг.).....	475

РУМЫНИЯ

<i>А.-М. Кэтэнуш, В. Буга</i> (Румыния). Формы оппозиционного движения в Румынии 70-х – 80-х гг. XX века.....	494
<i>А. С. Гладышева</i> (Россия). Феномен открытых писем протеста в Румынии в середине 1970-х – 1980-е гг. Правозащитная деятельность Дойны Корни.....	520

ЮГОСЛАВИЯ

<i>И. В. Руднева</i> (Россия). Оппозиционное движение в Хорватии в конце 1960-х – начале 1970-х гг.	541
<i>Е. Ю. Гуськова</i> (Россия). Социалистический союз трудового народа Югославии как форма преодоления оппозиционного движения.....	562
<i>А. Животич</i> (Сербия). Власть и оппозиция в Белградском университете (1971–1975 гг.).....	578

<i>А.А. Пивоваренко</i> (Россия). Становление Ф. Туджмана как лидера движения за независимое хорватское государство.....	596
--	-----

РАЗДЕЛ 4.

Протестные настроения художественной интеллигенции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы

<i>Ю.П. Гусев</i> (Россия). Диссиденты и диссидентствующие ...	610
<i>И.Китти</i> (Венгрия). Советское, антисоветское или не-советское? Проблемы официальной кодификации и неофициального восприятия романа «Мастер и Маргарита» в Венгрии, Польше и СССР в 1960–1980-е гг.	626
<i>Д.Балан</i> (Румыния). Писатели-диссиденты при режиме Чаушеску.....	646
<i>С.А.Шерлашмова</i> (Россия). Чешские писатели-диссиденты и эмигранты в период «нормализации»: от духовного лидерства к отказу от идеологии	668
<i>Л.Ф.Широкова</i> (Россия). «Культура как общение». Концепция развития общества в творчестве Д. Татарки....	681
<i>А.Шереш</i> (Венгрия). Диссидентская оппозиция коммунистической власти: на улице и в павильонах киностудий. Венгрия 1970-х гг. глазами советского кинорежиссера	691
Резюме на английском языке	712
Сведения об авторах	724

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую читатель держит в руках, посвящена различным аспектам истории инакомыслия и диссидентства в европейских социалистических странах. Она является частью большого проекта, разрабатываемого в Институте славяноведения РАН¹ с участием научно-исследовательских институтов из Румынии, Сербии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В основе сборника – доклады, прочитанные на международной конференции, состоявшейся в Москве 15–16 октября 2013 г. и называвшейся: «Идеи новой государственности в программах и концепциях инакомыслящих и диссидентства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 60-х – 80-е годы XX в.».

Такое внимание к проблеме инакомыслия в социалистических странах совсем не случайно. Инакомыслие (или диссидентство как его крайнее и более организованное проявление) было важным явлением общественной жизни в Советском Союзе и странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Оно оказало большое влияние на постановку вопроса об альтернативных путях развития этих стран и в конечном итоге способствовало краху европейского социализма. Советское диссидентство оказало сильнейшее влияние на развитие подобных процессов в других странах социалистического лагеря, стало существенным международным фактором тех лет. Так, подписанный 1 августа 1975 г. в Хельсинки 33 европейскими государствами, США и Канадой Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе содержал обязательства этих стран придерживаться стандартов в области прав человека.

Инакомыслие по самой своей сути не могло быть однородным явлением. Людмила Михайловна Алексеева, автор до сих пор самой известной книги на тему советского диссидентства², разделила это пестрое общественное движение на три группы: 1) национальные движения, 2) религиозные движения и 3) гражданские, правозащитные движения. Впрочем, все эти движения часто переплетались, и разделить их иногда на составные части довольно проблематично.

В узком смысле слова правозащитное движение как раз и ассоциируется со всем протестным движением, а правозащитники были теми, кого и называли диссидентами. Нас тоже они интересуют прежде всего, поскольку именно в их среде в бесконечных спорах на кухнях зарождались идеи альтернативного развития общества и государства. В СССР это направление инакомыслия называлось демократическим, либеральным, движением гражданского сопротивления. Позже из него выделились участники русского национального движения, которые разочаровались в демократических и правовых идеалах, в опыте зарубежных западных демократий и выступили за возвращение к традиционным дореволюционным российским ценностям. Идеей к этому направлению примыкали «писатели-деревенщики». В этом смысле и среди инакомыслящих проявилось традиционное расслоение думающего русского сословия на западников и славянофилов. Это деление диссидентов на демократов и «почвенников» олицетворяли две мощные фигуры, два нобелевских лауреата – академик-физик А.Д. Сахаров и писатель А.И. Солженицын.

Часто среди диссидентов выделяют еще социалистическое течение, выступавшее за обновление и демократизацию социализма. Они не дали яркого, бесспорного лидера, но преобладали на начальном этапе среди «шестидесятников» – особого умонастроения советской интеллигенции того времени, обличителей недостатков власти, но еще не режима в целом, критиков Сталина, но не Ленина (более того, выступавших за возвращение к «ленинским нормам»).

Хронологический охват советского диссидентства – с середины 1960-х до середины 1980-х годов, от затухания импульсов XX съезда КПСС и хрущевской «оттепели» и до нового демократического импульса, порожденного горбачевской

«перестройкой». Тем самым, интересующий нас период почти совпадает с брежневским правлением, выродившимся в конце концов в так называемый «застой». Конкретнее начало диссидентского движения обычно связывают с процессом писателей А. Синявского и Ю. Даниэля, арестованных в 1965 г. Окончанием советского диссидентства можно считать смерть в лагере в декабре 1986 г. Анатолия Марченко. Его смерть и особенно реакция на нее уже разбуженного общества подтолкнули М.С. Горбачева освободить всех политзаключенных. Незадолго перед этим советский генсек вернул из ссылки академик Сахарова. И для власти, и для общества это стало ясным знаком – жить по-старому уже невозможно.

Трудно сосчитать, сколько всего было диссидентов. Ведь понятно, что они представляли собой только верхушку айсберга, только тех, кто был готов бросить власти прямой вызов. Таких – всегда меньшинство. Гораздо больше было тех, кто пассивно не принимал советский режим, принципиально чуждался комсомольской и партийной карьеры. Отдельно надо сказать и о деятельности художественной интеллигенции, не желавшей мириться с идеологическим диктатом. Однако определить ту грань, за которой обычный человек превращался в нонконформиста, а нонконформист – в открытого диссидента, не всегда легко. К тому же в диссидентском движении часто не было четких организационных форм. Словом, вопрос о числе диссидентов остается дискуссионным. Существуют разные подсчеты. Алексеева дает цифру почти в полмиллиона человек, учитывающую участников всех неформальных общественных движений. Но, похоже, эта цифра преувеличена.

Открытый протест наиболее честной и мужественной части советской интеллигенции против тоталитарной советской системы не мог не завораживать. Диссиденты нашли смелость вести себя свободно в несвободной стране; жить по законам, которые сама власть не соблюдала; быть моральными в аморальной обстановке; быть честными в атмосфере тотальной лжи. Понятно, что это требовало не только огромного мужества, но даже жертвенности. Анатолий Марченко повторил судьбу многих других диссидентов. Причем на репрессии властей правозащитники отвечали только словом, для них оставался принципиальным отказ от насильственных революционных

методов борьбы. В этом смысле диссидентство – феномен российской истории и особенно российской истории XX в. Эта была совсем другая нехарактерная для России тенденция, в корне отличавшаяся от доминировавших в XX в. революций, войн, репрессий, дискриминаций, депортаций.

Движущей силой правозащитного движения была интеллигенция, причем интеллигенция в первом поколении, выросшая уже при советской власти. Со временем она стала довольно массовым слоем («прослойкой» – по советской терминологии), пополнявшимся по большей мере за счет простого народа – рабочих и крестьян. Это так называемая «народная интеллигенция» стала формировать собственные интересы. Она не только оторвалась от своих корней, но в чем-то даже заменила или попыталась заменить уничтоженные коммунистами слои – аристократию и буржуазию. Неполная, усеченная социальная структура социалистических стран привела к тому, что верхушка стала формироваться из двух потоков – все более вырождавшейся номенклатуры и интеллигенции.

В этих условиях политически активная интеллигенция стала фактически альтернативой официальной «красной буржуазии» и ощутила себя ответственной за национальное развитие той или иной страны. Вернее – часть такой интеллигенции обслуживала интересы номенклатуры, пополняя порой ряды системной оппозиции; другая часть оказалась нонконформистской, склонной к скрытому или явному протесту в виде инакомыслия и диссидентства.

Советские диссиденты оказались правы, предсказывая крах режима, в случае его отказа от демократических реформ. В то же время к этим реформам привела скорее деятельность системной оппозиции, оппозиции внутри правящего слоя, которая имела, несомненно, больше возможностей для реализации своих целей. Внесистемная оппозиция, каковой были инакомыслящие диссиденты, одержала, можно сказать, лишь моральную победу над своими гонителями, но выполнили свою главную миссию – на ментальном уровне подготовила общество к необходимости демократических преобразований.

Правда, когда эти преобразования наступили, диссиденты почти повсеместно в них не вписались. За редким исключением их опыт, морально-нравственная доминанта их движения

оказались не востребованными в условиях новой России. Отчасти в этом были виноваты и сами диссиденты, за годы борьбы привыкшие к сектантству и отвыкшие от компромиссов. Сегодня по отношению к диссидентам встречается даже ерничанье – они предстают какими-то чужаками не от мира сего, если не хуже – проплаченными агентами Запада. Молодое поколение их просто не знает.

Пока еще не ясно, займет ли диссидентское движение (и инакомыслие в целом) достойное место в новой российской школьной программе по истории, какой оценке оно удостоится. Состоится ли научное осмысление идей, событий, личностей диссидентского движения? Это вопрос – принципиальный, связанный с общим направлением развития современной России, со становлением в ней правового, гражданского общества, прообразом которого и было диссидентское движение.

Историей диссидентского движения занимаются в России общество «Мемориал», Российский государственный гуманитарный университет, ряд других вузов и институтов. Однако феномен диссидентства изучен явно недостаточно, его место в российской и восточноевропейской истории еще точно не определено. Тем более не написано общей истории диссидента в Восточной Европе. Надеемся, что наш сборник станет вкладом в разработку этой важной проблемы.

Книга получила название «Инакомыслие в условиях “реального социализма”. Поиски новой государственности (конец 60-х – 80-е гг. XX в.)». Известно, что под «реальным социализмом» обычно понимается система, сложившаяся в СССР и других странах социалистического лагеря (содружества). Но мы решили, что без Югославии, которая упорно противопоставляла свой «самоуправленческий социализм» советской модели, картина была бы неполной. Мы исходили из того, что к «реальному социализму» могут быть отнесены все европейские социалистические страны, которые «реально» существовали. К тому же, несмотря на все различия, общего между этими странами было гораздо больше. После заигрывания с самоуправлением в 1950-е гг. уже в следующее десятилетие, особенно после подавления Пражской весны, развитие Югославии опять в целом шло синхронно с остальным европейским социалистическим лагерем, развивалось по тем же законам и закончи-

лось аналогично – застоєм и крахом. Инакомыслие и диссидентство – тоже неотъемлемая общая черта всех европейских социалистических стран.

В книгу вошли статьи о протестном движении в довоенном СССР (строго говоря, выходящие за хронологические рамки заявленной темы, но углубляющие исторический контекст проблематики), а также статьи об оппозиционных движениях и идеях в ГДР, Венгрии, Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Югославии. Отдельный раздел посвящен протестным настроениям художественной интеллигенции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Не все статьи сборника прямо посвящены поискам новой государственности, но это тема – центральная, инакомыслием по существу и было несогласие с существующей государственной моделью в самых различных ее проявлениях. Помимо российских ученых, свои статьи предоставили исследователи из Болгарии, Венгрии, Германии, Польши, Румынии, Сербии, Словакии и Чехии. Все это, на наш взгляд, делает сборник более разносторонним и репрезентативным.

Константин Никифоров

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Назовем некоторые работы, вышедшие в Институте славяноведения РАН в последние годы: Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989 г.) М., 2008; Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М., 2009; Он же. Польша–1970: Репетиция «Солидарности». М.–СПб., 2012; 1968 год «Пражская весна» (Историческая ретроспектива) / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М., 2010; Революции и реформы в странах Центральной и Юго–Восточной Европы: 20 лет спустя / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011; В поисках новых путей: Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. / Отв. ред. Н.М. Куренная. М., 2011; Анатомия конфликтов: Центральная и Юго–Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века. В двух томах / Отв. ред. Ю.С. Новопашин. Т. 1. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. Т. 2. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. СПб., 2013; Протестные движения в странах Центральной и Юго–Восточной Европы. Конец 1960-х – 1980-х гг. Хрестоматия / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2013.

² Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. М., 1992.

РАЗДЕЛ 1

АЛЬТЕРНАТИВЫ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

И.С. Яжборовская (Россия)

Системная и внесистемная оппозиция в контексте внутри- и внешнеполитических отношений в «социалистическом содружестве»

Статья раскрывает динамику роста оппозиционности в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе с использованием естественно-научного инструментария. Дается характеристика содержания этого процесса (отказ от модели «партии-государства», поиск новых путей развития государства и общества), а также значения изменения внешнеполитической ситуации.

Ключевые слова: «социалистическое содружество», кризисное развитие, оппозиция, Пражская весна, «доктрина Брежнева», «Солидарность», социально-политические процессы.

Для начала общее соображение по поводу предложенного в настоящем коллективном труде дискурса – подтверждение верности датировки избранных аспектов социально-политических процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе 60–80-ми годами XX века. Этот дискурс вполне соответствует новым достижениям общественных и естественных наук.

Их рассмотрение в свете циклически-волновой парадигмы органически вписывается в структуру больших циклов мировой конъюнктуры, в частности адекватно отражая существо гипотез А. Чижевского, В. Вернадского и Л. Гумилева, а также четко выраженные этапы длинных волн циклов Н.Д. Кондратьева («кондратьевских циклов»).

Что является базой зарождения, как складывается социально-политическая основа диссидентских групп и более или менее массовых оппозиционных движений в исследуемом нами регионе в это время? В последние десятилетия объединившие

свои значительно повысившиеся при помощи новых технологий (в том числе множества наземных и космических телескопов) усилия естественные науки установили, что существует сопряжение процессов воздействия Солнца на Землю, на ее сложносоставляющее движение – вращение вокруг своей оси (которая меняет угол наклона) и орбитального вращения вокруг нашей звезды (с изменением параметров и вытянутости орбиты), смещение полюсов Солнца, – его перемещение со всей планетной системой по Галактике и т.д. – на развитие биосферы и антропосферы, на человеческую деятельность, на периоды и меру повышенной активности человечества. Открытия в этой области сделали возможным не только эмпирический анализ многих из этих процессов, но и выявление как их глубинных закономерностей, так и последствий для жизни на Земле.

Собственно, периодичность появления «пятен» на Солнце и коронарного выброса протуберанца – облака солнечной плазмы, вызывающего энергетическую атаку нашего светила и колебания земной магнитосферы наблюдалась еще в XVII в., когда астрономы научились их наблюдать, подсчитывать их количество по модели «числа Вольфа», по которой определяется уровень солнечной активности. На этой основе появились соответствовавшие тому уровню знания догадки о роли ее воздействия на Землю. С XIX в., с дифференциацией научного знания, роль астрономического и космического факторов в протекающих на Земле процессах неуклонно привлекала внимание и все более систематично изучалась учеными самого различного профиля. Масштабность этой проблемы потребовала создания различных международных структур и подписания соответствующих конвенций, многих десятилетий разносторонних исследований и объединения, сведения воедино во многих публикациях их результатов.

Проблема массовых социальных движений в контексте единства природы и общества была затронута в наследии раннего К. Маркса, концентрировавшего внимание на дискурсе классовой борьбы¹, но его последователи в основном ограничивались только этим. Более того, стремление посмотреть на проблему шире, систематизировать факторы развития человечества, используя сумму накопленных наукой знаний и разных

методик исследований, переходя к синтезу в рамках более широких обобщений, долго не получало одобрения как излишняя «гигантомания», «чрезмерная» и «неоправданная».

В отечественной науке значимая научная гипотеза о связи социально-политических процессов на Земле с астрономическими и космическими явлениями и процессами появилась на заре новейшей истории. Еще в 1918 г. известный российский ученый А. Чижевский в защищенной в МГУ диссертации напрямую связал динамику поведения человечества с фазами активности Солнца: именно она вызывает периодически возникающую креативную активизацию населения тех или иных регионов Земли и планеты в целом. Он обосновывал свою концепцию на материалах различных отраслей знания в течение длинного ряда лет. Эмпирические и теоретические результаты его работ касались различных аспектов воздействия солнечной активности – не только климатических и биологических на биосферу Земли, но также ее влияния на социально-политические процессы. Ученый указывал на ее цикличность, в том числе проявления в России 1905, 1917, 1929 годов и с аналогичной повторяемостью в дальнейшем, их связи с определенной периодичностью повышенной солнечной активности.

Академик В. Вернадский подошел к этой проблематике с позиций комплексного изучения биосферы Земли и предложил в 1926 г. концепцию воздействия на происходящие на планете процессы². Выдающийся российский историк и этнолог Л. Гумилев, автор теории пассионарности, расширения представлений о естественнонаучных, объективных основаниях изменения энергетической напряженности атмосферы Земли, в свою очередь, связал ее с ритмами биохимических процессов как результатом энергетических процессов на Солнце. В своей крупной работе «Этногенез и биосфера Земли» он обращал внимание на избыток первичной информации в истории и этнографии при слабой разработанности принципов ее систематизации, которую пытались, но не смогли преодолеть Н. Данилевский, О. Шпенглер и А. Тойнби. Он указывал на плодотворность усилий в этой области представителей естественнонаучного знания³. Один из его важнейших выводов: «...Как движение Земли является сложносоставным из многих закономерных движений (вращение вокруг оси, смещение полю-

са, перемещение со всей планетной системой по галактике и многие другие), так и человечество, антропосфера, развиваясь, испытывает не одно, а ряд воздействий, изучаемых отдельными науками...». Ученый прозорливо подчеркивал: необходимо учитывать различные аспекты исследований, их сопряжение, «благодаря чему становятся доступны эмпирическому обобщению и сам процесс, и его составляющие», и только тогда удастся обнаружить не «скопище “состояний”, не связанных друг с другом, а лишь совпадающих по месту и времени», калейдоскоп «без системы и закономерности». Ибо, подчеркивал он, «смены социальных состояний подобны (хотя и не идентичны) сменам природных состояний: они обратимы и требуют для перехода из одного в другое вложения дополнительной энергии»⁴.

Такое направление исследований, якобы противоречившее господствовавшим тогда узким идеологическим установкам, сделало как Чижевского, так и Гумилева жертвами политических репрессий, проведшими годы в сталинских лагерях. Впоследствии работы обоих ученых были опубликованы и получили широкое признание⁵, хотя дискуссии вокруг работ Л. Гумилева в гуманитарной среде длились годами, поскольку обществоведы в большинстве своем не были готовы стыковать учения о природе и человеке. Они видели в этом проявление «наивной натурфилософии», «неоправданный географический детерминизм», отвергая «существование некоего неизвестного физического процесса, управляющего человеческой историей», предпочитая не связывать ее с «геофизикой и космическими лучами», поскольку в этом направлении «продвинуться глубже по цепи причинно-следственных связей не удастся», и рассматривать человечество только сквозь призму «защищенности от известных вредных внешних воздействий»⁶ и т.д.

Известный историк А. Янов традиционно настаивал на том, что когда ученый соединил между собой «два этих ряда никак не связанных между собой явлений – геохимический с цивилизационным, природный с историческим», он поставил во главу угла в качестве объяснения исторических явлений «произвольные и не поддающиеся никакой периодизации извержения биосферы» и его гипотезы, которые «навсегда» остались

«непроверенными», можно считать «недобросовестными». Таким образом, он решительно отверг как «экзотическое» учение Гумилева, «смешивающее предмет точных наук с предметом наук гуманитарных» и его метод, согласно которому «он... небо к Земле тянул»⁷.

А между тем поиски этих связей успешно продолжались. В начале XXI в. развитие научного знания весьма продвинуло в различных естественнонаучных дисциплинах преодоление их самоизоляции методами системного подхода к решению столь масштабного комплекса воистину интердисциплинарных проблем. Они обстоятельно изучены усилиями ученых последних лет – астрономов, гелиофизиков, геофизиков, математиков, климатологов, палеоклиматологов и других специалистов естественнонаучного профиля, что позволило обнаружить влияние в этом направлении констелляций различных компонентов Вселенной.

Новые открытия принесли весьма существенные результаты в этой области. Установлено, что временами точки минимумов космической и максимумов солнечной активности сходятся, что лежит в основе формирования моделируемых крупномасштабной синусоидой вековых и тысячелетних циклов⁸. Временами повышенная активность Солнца перекрывает приток космических лучей от «леденящих звезд» и наступает глобальное потепление, что имело место и в XX в. Или, наоборот, наступают более или менее длительные ледниковые периоды, связь которых с деятельностью Солнца также установлена в последние десятилетия при помощи анализа ледяных кернов, добытых из глубин гренландского ледяного щита и массивов полярных ледников Антарктиды. Совместными усилиями российских, французских и американских ученых удалось воссоздать климат Земли за последние 420 тыс. лет, на которые пришлось четыре климатических цикла «потепление – похолодание» с периодичностью около 100 тыс. лет⁹.

В ряде авторитетнейших научных центров – в Физическом Институте им. Лебедева РАН на основе обсчета нескольких достоверных волновых циклов – длинных волн Кондратьева (проф. Богачев), в Пулковской обсерватории (проф. Х. Абдусаматов) – квазидвухвековых периодов изменения мощности излучения Солнца, на географическом факультете МГУ им. Ло-

моносова (проф. А.В. Кислов и др.) – 11-летних вариаций его излучения в моменты смены полюсов и т.д. Фактор влияния гелиосферы изучен довольно основательно. Солнечный цикл, в среднем обычно 11-летний (на практике он колеблется от 9 лет до 13 лет и 7 месяцев), связан со сменой полюсов магнитного поля Солнца, когда гигантская активная область на поверхности Солнца выходит на одну линию с Землей и выбрасывает облако плазмы – потоки своеобразной лавы жесткого излучения. В этот период меняется число солнечных вспышек, скорость солнечного ветра, количество магнитных бурь и в результате – плотность и высота земной атмосферы. Так постоянно «пульсирует» наша звезда, производя весьма мощный «геоэффективный обстрел» Земли сгустками токопроводящей коронарной плазмы, снабжая ее повышенной энергетикой и вызывая сильные магнитные возмущения. Это влияет на природу, на атмосферу и климат Земли, а также на всю ее цивилизацию, повышая энергетическую насыщенность верхних слоев атмосферы. А гео- и гелиофизики уже 24 раза подкрепили эти выводы детальным анализом циклов перемещения полюсов Солнца с соответствующим изменением направления и интенсивности выбросов энергетических потоков в сторону Земли.

Что касается кондратьевских циклов, ученые отказались от представления об их казавшейся стабильной продолжительности в 60 лет, что было с XIX в. принято в мир-системном анализе как константа, в пользу «двупоколенного» цикла в 40–45 лет с тенденцией к его дальнейшему сокращению при ускорении исчерпания потенциала технологических укладов, когда сохраняются повышательные циклы и сокращаются понижательные циклы. Это связано с тем, что в обществе интенсифицируются поиски путей оптимизации развития, отлаживаются ритмы дальнейших модернизационных рывков в различных сферах жизни общества.

Особенно интересны обнаруженные и исследованные естественнонаучные основания развития на Земле важных социально–политических и экономических процессов¹⁰. Более того, информационное общество подсказало новые интерпретации циклов К. Жюгляра в экономике и занятости размером в 7–11 лет, с резким падением производительных мощностей,

ростом безработицы, снижением темпов обновления основного капитала. Рассматриваются и другие – краткие, внутренние «циклы в циклах»: волны Дж. Китчина продолжительностью в 3–4(5) лет, с падением спроса на большинство товаров, а также более длительные волны С. Кузнеца (в 15–25 лет), связанные с ипотечным кризисом и сокращением жилищного строительства¹¹.

В настоящее время закономерности и динамика природных процессов изучена настолько, что сопоставимость их с историческим процессом была убедительным образом доказана и стала очевидна.

Вновь расширились методологические подходы. Так, в 2013 г. советник Президента РФ С.Ю. Глазьев отдал дань популярности Гумилева как одного из крупнейших русских мыслителей, который опирался на К. Маркса как предвидевшего в ранних работах возникновение принципиально новой науки о мире, синтезирующей все прежние учения о природе и человеке. По словам Д. Камбер, сочетая предмет точных наук с предметом наук гуманитарных, Л. Гумилев методологически обосновал «исключительно глубокий и философский концепт, позволяющий соединить в человеке субъект и объект своей истории» – в пассионарном человеке, творящем себя и свой мир, «реализуя субъектную эгопассионарность непосредственно как объект общественных и политических отношений, рожденных пассионарным же (революционным) разумом-действием»¹².

В СССР и России в ряде лабораторий психологами продолжают исследования в области энергетической основы формирования и распространения новых, многообещающих представлений и идей, природных механизмов мобилизации мыслительных ресурсов человека для раскрытия причин трудностей и кризисов, а также закономерностей дальнейшего развития, синхронизации информационных событий, происходящих в мышлении населяющих смежные территории людей, а затем реализации целевой функции оптимизации массового поведения. Когда накопление не находящих адекватного ответа различных потребностей, запросов и вызовов времени, повышение градуса общественного недовольства достигают критического уровня, происходит их перенос не на отдельные

частности политического курса, а на весь курс целиком, в том числе в масштабах стран и регионов. Так фрагментированные волны периодически накладываются друг на друга и создают не только локальные, но региональные и даже мировые, глобальные кризисы разного уровня и стимулируют креативный общественный слой искать пути выхода из них.

Рассматривая возможности осмысления возникающих ситуаций, формулирования целеполагания и оптимизации поведения в рамках обобществления новых мыслительных ресурсов, выдающийся советский философ М. Мамардашвили именовал возникающие коллективные очаги интенсивной работы мысли ментальным классом.

В определенных ситуациях особое значение приобретает оптимальное сочетание научных поисков со стимулируемыми гелиосферой массовыми движениями. Разработки последних лет показали как огромную будирующую роль периодических выбросов гелиоплазмы на те или иные регионы земной поверхности, так и повышенные возможности восприятия этой энергетики открытой, с богатым воображением, креативной психикой молодежи, особо склонной к нонконформизму в своих стремлениях принять близко к сердцу нужды и стремления человечества, при этом тяготеющей к самовыражению, к обновлению жизни. Именно на долю этой возрастной категории с подвижностью и мобильностью ее психики, с обеспечивающей прогресс амбициозностью планов и надежд на «спасение человечества», ставящей на соратников и берущей на себя ответственность за пути и направления развития в первую очередь приходится жадно впитываемая ею мощная энергетическая инъекция активизации жизненных сил. Такие, как правило, изначально немногочисленные, но сосредотачивающие в себе смыслы и цели движений «агенты изменений» и являются их «точками роста».

Во многом разделяющий взгляды Гумилева Ю.Ш. Биглов, рассуждая, в частности, с позиций теории информации и утверждая, что если «управление поведением – информационный процесс», то события в этом процессе «...не связаны напрямую с событиями вне человека», а территориальная близость «не является обязательным условием обобществления ресурсов и общности поведения», призывал «поискать причи-

ну синхронизации информационных событий, происходящих в мышлении людей, населяющих смежные территории...», являющихся жителями «областей пассионарного толчка»¹³.

Подчеркнем, что именно Гумилев указал на наличие линий, по которым происходит облучение Земли Солнцем – они, как правило, весьма протяженны и охватывают территории нескольких стран, близких к тем или иным меридианам и параллелям. Это неоднократно подтверждалось синхронностью и нередко идентичностью процессов существенных социально-политических и экономических перемен странового и регионального масштаба в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Во второй половине XX в. гипотеза соотнесения этих рядов явлений и процессов в «социалистическом содружестве», была успешно подтверждена значительным объемом исследовательских работ как в России, так и в рамках международного научного сообщества. Будучи проверяема на материалах внутрисистемной и внесистемной оппозиции, а также массовых движений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, она демонстрирует свою достоверность и позволяет сделать новые, углубленные выводы.

* * *

Пространственные и временные рамки сюжета нашего сложносоставного исследования – это регион стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Советский Союз в период пика и завершения послевоенного повышательного (репродукционного) цикла 1945–1968 гг. и фаза структурного кризиса с 1968/1969 гг. по 1981–1989 гг. с последующим выходом в фазу технологического переворота и инновационного рывка. Если мы будем добавлять к 1945 году согласно солнечному ритму смены полюсов в среднем по 11 с небольшим лет, то получим в качестве «пассионарных» лет после 1956–1957 гг. – 1968-й, 1980-й, а затем рубеж 1990-х гг. Таков диапазон нашего объекта исследования.

Переломный момент формирования оппозиции в регионе относится к середине 1960-х гг. Налагавшиеся в регионе друг на друга, интерферентные, разнонаправленные процессы прогрессивного и регрессивного развития, обусловленные многообразными, в том числе политическими причинами, ослож-

ненные порождаемыми ими противоречиями и трудностями, были чрезвычайно запутанны и многолики¹⁴.

Утвердившаяся в регионе жесткая, статичная политическая система, прибегая к всеобщей идеологической обработке и прямому насилию, используя мобилизационные, фактически принудительные формы политической активизации населения, затормозила развитие политических структур и гражданского общества, всячески противодействуя этому процессу. Политическая инфраструктура оставалась застойной и не опиралась на сколько-нибудь отлаженные политико-правовые механизмы. Не были достаточно определены политический статус правящих партий и их права, ответственность перед государством, формы участия партий в выборах, принципы их действий в представительных органах власти и т.д. С неизбежностью все насущнее становилась задача радикальной демократизации политической жизни как средства усилить контроль над государственными органами, сблизить власть и народ, совершенствовать партийно-политическую систему, пресекая негативные явления в аппарате управления. Потребность стран «социалистического содружества» в освобождении от навязанных им унифицированных идейно-политических установок и централизованно-бюрократических схем функционирования обнаруживалась все более явственно. Повседневность стран «социалистического содружества» все настойчивее диктовала принципиально иные основы организации всех областей общественной жизни.

Часть партийно-государственного руководства стала нащупывать пути преодоления минусов тоталитарно-бюрократической системы. Практически до 1980-х гг. почти во всех странах региона немногочисленные партийные реформаторы мыслили преобразование общества возможным только в системных рамках. Реформы объективно направлялись не против какого-либо класса, а против определенного социального слоя – руководящих кланов в структурах «партии-государства» и административно-командной системы управления. Внутри правящей элиты стало зарождаться и оформляться критически оценивавшее ситуацию нарастающего кризиса и искавшее выхода из него направление будущих реформаторов.

В наиболее политически активных в это время странах – Польше и Чехословакии – сложная по составу внутрипартийная оппозиция совместила опыт дискуссионных клубов, протестных социальных движений интеллигенции и студенчества против ограничения свобод периода «оттепели» – и борьбу за политическую кадровую ротацию в рамках управляющего слоя всех уровней. Ни в Польше, ни в Чехословакии ее нельзя называть диссидентствующей. В ней сформировалась прослойка так наз. «ревизионистов», пытавшихся дать собственную интерпретацию марксистской теории, в том числе в сфере трактовки проблематики общественного строя, а также политического режима, лояльности по отношению к высшим партийно-государственным инстанциям. Они выступали за смягчение цензуры, свободу высказываний, увеличение политической роли самоуправлений – рабочих советов. Другая часть активной элиты сформировала прослойку «догматиков», молодую партийную бюрократию «национал-коммунистов», стерегущую нерушимость сталинистской доктрины «реального социализма» и дисциплины.

Детальнее будем рассматривать этот процесс на примере Польши, вскоре ставшей в регионе флагманом процесса преобразований. Если вначале польские обществоведы – экономисты и политологи, философы и социологи – воспринимались как внутрисистемная оппозиция, то вскоре их убежденность и политический резонанс политических собраний и диспутов антагонизировали их взаимоотношения с властью. Как внесистемная оппозиция, эволюционирующая в ее глазах в сторону антисистемной, она была поставлена вне партии и вскоре вынуждена была покинуть страну.

Студенческая молодежь, на что указывал известный социолог З. Бауман, осознавала пропасть между своими жизненными aspirationами и лозунгами, провозглашаемыми пропагандой, что вначале вело к отчуждению (государство воспринималось как чуждое, нелюбимое¹⁵), но не к открытому бунту. Я. Литыньский определял это состояние так: «Мы еще не считали, что нужно сменить систему, но нам это не нравилось»¹⁶. Это была несистемная оппозиционность, как и оппозиционность католической церкви, с которой молодые общались повседневно. Однако Март 1968 г. внес в них новое качество. Установка влас-

тей на то, чтобы «примерно наказать» студентов и выбить из них желание критиковать власти, стала стимулом политического самоопределения студенчества как внесистемной оппозиции.

Вначале многомерный и длительный кризис в Польше и Венгрии не обнаруживал явных черт назревания системных преобразований, хотя уже шел процесс ослабления управленческих и контрольных функций «партии-государства». Внутрисистемная критика политических режимов, авторитарического стиля управления пресекались. А это вызывало протесты под лозунгом соблюдения конституционных гарантий.

Социологические опросы того времени отразили рост социальной напряженности, накопление энергии для влекущего за собой социально-политические изменения конфликта – отторжения авторитарно-тоталитарного режима. Одновременно политическое пространство готовились осваивать силы, не связанные с командно-административной системой и нащупывавшие новые пути развития страны. В ставшей флагманом этого процесса Польше «ведущую роль партии в государстве и руководящую в обществе» в 1980 г. признавали 32%, в 1981 г. – 20,4%, затем – только 12,7% населения. В этот период за демократию и плюрализм, за демократическое самоуправление предприятий стали высказываться 80–90%, в 1988 г. за право формировать независимые организации – 91%, за свободу слова – 96% опрошенных¹⁷.

За этими цифрами скрывалось нараставшее противостояние все более многочисленной оппозиции с партийно-государственной элитой, кульминациями которого стали события 1980–1981 и 1989 гг. Внесистемная оппозиция, нацеленная на отказ от модели «партии-государства», активно использовала массовое движение трудящихся «Солидарность» уже для борьбы с тогдашней системой, выдвинув альтернативную программу развития. Зародившиеся на базе «Солидарности» различные политические образования становились антисистемными.

Превращение контрэлиты ряда стран региона в антисистемную силу, раскол и выделение из прежней элиты групп реформаторов оказывали решающее воздействие на массовое сознание, в том числе на сознание рабочего класса, на динамику разворачивавшейся трансформации политической системы.

Обратимся к геополитическому аспекту рассматриваемых процессов, к контексту внешнеполитических отношений в «социалистическом содружестве», где крылась причина периодически и многократно усиливавших друг друга кризисогенных процессов и их последствий. Наложим на хронологию кризисных периодов в регионе центральноевропейской зоны «социалистического содружества» «советские» циклы, складывавшиеся в моменты смены полюсов Солнца под влиянием расположенного рядом попавшего под мощное, массивное воздействие солнечного облучения данного сегмента планеты. Именно так на большом протяжении широт «социалистического содружества» постоянно взаимодействовали, суммируясь и деформируя ход объективных процессов развития, циклично возникавшие зоны «вливания солнечной лавы». В то время как в Центральной и Юго-Восточной Европе образовывались обширные полосы повышенного возбуждения ноосферы с соответствующими социальными запросами, монополия власти в СССР, инерционность властных отношений, недопустимость нарушения монополии «центра» на политику обеспечивали малоподвижность внутреннего политического курса и преобладание длительных периодов застоя. Результатом было клиширование социально-политических структур, не допускавшее оспаривания «общих закономерностей», принимавшихся в «диспозиционном центре» решений, и оптимизации развития.

Канонический курс постоянно подтверждался решениями съездов и пленумов коммунистических и рабочих партий региона и с большим или меньшим успехом воплощался в жизнь. Для этого поддерживались «добрососедские» партийно-государственные отношения, постоянно проводились политические консультации. Однако эта политика приносила разные результаты. Странам с более низким уровнем развития (Албании, Болгарии, Румынии) она обеспечивала определенный успех, хотя корректирование развития, оптимизация форм и методов управления гарантировали бы лучшие темпы продвижения вперед. Польша и Венгрия – средний эшелон стран региона, в котором возросли потребности совершенствования организации всех областей жизни – задерживались в развитии, что с неизбежностью вызывало протестные настроения.

Для передовых стран региона – ГДР и Чехословакии – нахождение в общем потоке «социалистического содружества» в результате вынужденной «повторной индустриализации» было чревато не только заторможенностью развития, но и его ломкой.

Согласно матрице, представленной известным ученым К.Г. Холодковским, уже середина 1950-х гг. стала временем кризиса сталинской модели с одновременным перекрытием для стран региона возможности выйти на оптимальный курс преобразований. 1964–1976 гг. стали периодом поисков (с неким гарантированным результатом в связи с продолжением действия «оттепели» и модификации советской модели), 1976–1982 гг. – полосой исчерпания хрущевско-брежневской модели и возникновения очагов оппозиции в авангарде региона, 1982–1985 гг. – временем углублявшегося кризиса в СССР и 1985–1993 гг. – поиска новой модели постсоветской России¹⁸. Именно тогда скрепы «социалистического содружества» уже не смогли воспрепятствовать разворачиванию системной трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Вызревание этих процессов, их продолжительность зависели от накопления кризисных явлений и роста общественного недовольства, от способности и готовности оппозиции к формированию новой модели, от степени радикальности и единовременности предлагаемых преобразований, от скорости утверждения нового курса. Все это определялось сугубо конкретно-исторической ситуацией, временем и характером внешнеполитических обстоятельств, персональными качествами правящих лиц или правящей группы (клана).

Постсталинский период, когда обозначился вектор обновления социально-политического развития, постепенно отлившийся в концепцию демократизации, обновления социализма, очищения межгосударственных и межпартийных отношений от иерархического подчинения, принес с собой целый комплекс проблем для правящей элиты стран региона.

У советского руководства возникала проблема удержания «мировой социалистической системы» и ликвидации очагов «смуты». Л. Брежнев, который воевал в Польше, Венгрии и Чехословакии и поэтому ощущал свою личную причастность к

их историческим судьбам, по складу характера осторожный и осмотрительный, взял на себя миссию «охранителя социализма». По свидетельству А. Черняева, он «вряд ли знал, что такое марксизм-ленинизм – разве что в пределах “Краткого курса истории ВКП (б)”», и предупреждал своих спичрайтеров: не делайте из меня теоретика, никто не поверит. Потом он, не признавая всяческие теориеподобные изыски вроде терминов «развитой» или «развивающийся» социализм, «новое прочтение Ленина» и т. п., смирился с тем, что его стали величать «выдающимся марксистом-ленинцем»¹⁹. Брежнев «правил “без намерений”, лишь бы сохранить власть и режим»²⁰, в отличие от временами проявлявшего более трезвые оценки Ю. Андропова, от которого можно было услышать: «Какой, к черту, развитой социализм! Нам еще до простого социализма пахать и пахать»²¹.

Сложные, все более принимавшие кризисный характер процессы в странах социалистического блока требовали осмысления назревавших перемен и уточнения внешнеполитической модели поведения в этой ситуации. Поскольку у советского руководства сомнений в правильности внутреннего курса по воплощению в жизнь «закономерностей социалистического строительства», как правило, не возникало, главная причина трудностей усматривалась в подрывной деятельности центров империалистической пропаганды. А это требовало повышения эффективности внешнеполитической доктрины. Брежнев не очень был склонен форсировать репрессивные действия. Но в широком геополитическом контексте защиты социалистического содружества в руководстве страны преобладала обязывающая идеологическая ангажированность. Поэтому в докладе генсека Брежнева на V съезде ПОРП в ноябре 1968 г. была сформулирована «доктрина ограниченного суверенитета» – концепция, получившая с подачи западных политиков название «доктрины Брежнева», хотя сам он никогда и нигде не обозначал свое авторство.

Пражская весна была воспринята большинством руководителей стран социалистического содружества как «антисоциалистические» проявления, как угроза не только социализму советского типа, но и как противопоставление опыту других социалистических стран, а декларирование «полной свобо-

ды» – как дезориентирующие массы «ревизионизм» и «правый оппортунизм». Претензии на «самостоятельную» внешнюю политику считались расшатыванием союза с СССР и другими социалистическими странами.

«Доктрина ограниченного суверенитета» базировалась на утверждении, что ввиду появления «слабых звеньев» в цепи социалистического содружества, отступающих от «общих закономерностей социалистического строительства», существует потенциальная угроза реставрации капитализма – как угроза для независимости и суверенитета таких стран со стороны империализма. А поскольку суверенитет любого социалистического государства является общим достоянием и «заботой всех социалистических стран», они обязаны сообща отстаивать соблюдение этих «общих закономерностей» и выступать единым фронтом при оказании такой стране «братской помощи». Жестко утверждался принцип коллективной ответственности. Политика «невмешательства» определялась как неприемлемая, прямо противоречившая интересам обороны «братских государств».

В начале 1980-х гг. «доктрина Брежнева» уже теряла силу. В Польше она была опробована, но практически не сработала, хотя неоднократные попытки прямо или косвенно применять ее предпринимались. После отмены военного положения польскому руководству вновь рекомендовалось вернуться к «общим закономерностям социализма», на что они уже не пошли. И если у Ю. Андропова появилось понимание необходимости перемен в области государственного управления и политической либерализации, которое он не успел претворить в практику, то К.У. Черненко вообще не был склонен к этому²².

2–3 декабря 1989 г. на мальтийской встрече с Дж. Бушем М. Горбачев заверил о невмешательстве в дела этого региона: «Мы – за мирные перемены, мы не хотим вмешательства и не вмешиваемся в будущие процессы. Пусть народы сами, без вмешательства извне решают, как им быть»²³. Это касалось и объединения Германии. Признание неоправданности, ошибочности вооруженного вмешательства СССР и его союзников во внутренние дела стран «социалистического содружества» состоялось в декабре 1989 г. и на встрече руководителей бывших социалистических стран в Москве.

История убедительно показала, насколько теория и практика «реального социализма» не соответствовали конкретным условиям и возможностям стран «социалистического содружества», состоянию и динамике развития их политической системы. Ни «доктрина Брежнева», ни перестройка не смогли оптимизировать его жизнедеятельность.

Свое решающее слово о путях дальнейшего развития сказали сами страны и народы региона.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 176.

² См.: Вернадский В.И. Избр. соч. В 6 т. Т. 5. Биосфера. М., 1960. С. 5–102.

³ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2005.

⁴ Там же.

⁵ См.: Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2005. См. также сайт: Сборник книг Льва Гумилева. 2000–2009 // www.torrentino.com/torens/709436

⁶ Биглов Ю.Ш. Пассионарность. Л.Н. Гумилев и попытка диалога с «гумилевцами» // gumilewica/htm

⁷ См. дискуссию на сайте журнала «Дилетант» от декабря 2013: Янов А. Учение Льва Гумилева. См. также: Он же. // Свободная мысль. 1992. № 17. С. 104–111.

⁸ Солнце, магнитные бури // <http://www.utro.ru>; <http://planeta.moy.su>

⁹ Российские ученые подключились к международной программе изотопных исследований сравнительно недавно, в 1998 г. См.: Николаев В. Наука и жизнь. 2001. № 8.

¹⁰ См.: Перегудов С.П. Объективные и субъективные факторы политического развития // Циклы политического развития: прогностический потенциал. М., 2010.

¹¹ Турчин П.В. Циклы, вложенные в циклы: сложная динамика политической нестабильности // Там же.

¹² Д. Камбер // Дилетант. 2013. Декабрь.

¹³ Биглов Ю.Ш. Указ. соч.

¹⁴ См.: Kołodko G. W. Od szoku do terapii. Ekonomia i polityka transformacji. W-wa, 1999.

¹⁵ Bauman Z. Wzory sukcesu życiowego młodzieży warszawskiej // Мłodzież epoki przemian. W-wa, 1965. S.27–28.

¹⁶ Relacja J. Lityńskiego // Ośęka P. Marzec'68. W-wa, 2008. S. 60.

¹⁷ Koralewicz J, Ziółkowski M. Changing Value System // New Europe. The Impact of the First Decade. Vol.1. Trends and Prospects. W-wa, 2006.

S.181–182; Adamski W., Beskid L., Białecki I. Polacy'81. Postrzeganie kryzysu i konfliktu. W–wa, 1982; Adamski W., Jasiewicz K., Rychard A. Polacy'84. Dynamika społecznego konfliktu i konsensusu. W–wa, 1986. S.722.

¹⁸ См.: Холодковский К.Г. О циклах в российской истории // Циклы политического развития...

¹⁹ Черняев А.С. Двойной портрет: Брежнев–Горбачев (II) // Полис. 2012. № 3. С. 57–58.

²⁰ Там же. С. 66. См.: Брежнев Л.И. Избранные произведения. В 3-х т. М., 1981.

²¹ Брутенц К.Н. Несбывшееся: Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 51.

²² Там же. С. 52–53.

²³ См.: Польшин М.Ф. «Доктрина Горбачева» и уход СССР из Восточной Европы // Новейшая история России. СПб., 2011. № 2. С. 114.

В.Л. Мусатов (Россия)

Оппозиционные движения и протестные проявления в СССР и европейских социалистических странах в 1970-е – 1980-е гг. Субъективные заметки

В статье анализируется влияние диссидентского, оппозиционного движения в Советском Союзе и восточноевропейских странах в 70-е – 80-е гг. XX века на ослабление социалистического строя. Если в СССР это движение было активным, но по масштабам небольшим, то в бывших соцстранах ситуация была другой. Феноменом явилось возникновение массового движения «Солидарности» в Польше, которое вместе с костелом являлось главным противником польского «социализма». В целом же на фоне процессов, начатых перестройкой в Советском Союзе, выступления правозащитников и внесистемной оппозиции послужили только одной, но отнюдь не главной причиной краха «реального социализма».

Ключевые слова: система социализма, СССР, эпоха Брежнева, Восточная Европа, польская «Солидарность», оппозиция, диссидентские движения.

Говоря о проблемах оппозиции и диссидентских выступлениях в Советском Союзе и странах Восточной Европы в 1970-е – 1980-е гг., необходимо, конечно, в полной мере учитывать специфику сегодняшнего момента. В обстановке, когда в научный оборот и в СМИ выброшена масса не только серьезных, но и мелких, незначительных, причем ранее засекреченных документов и свидетельств, очень важно разобраться в этом огромном массиве материала. Без этого невозможно дать объективную оценку основным силам и факторам, повлиявшим на процесс распада Советского Союза и социалистической системы. Происходящему осмыслению благоприятствует и стреми-

тельно летящее время: за 23 года с момента развала Советского Союза политические страсти поутихли, тем самым создаются условия для более объективного подхода.

Президентская власть в России взяла курс на стабильность и консолидацию общества. Звучат официальные заявления о том, что новые революции нам не нужны. Разработка единого учебника по истории России для средней школы также призвана способствовать формированию единства общества, в последние десятилетия не только лишённого идейных канонов, но и оторванного от традиционных ценностей. Насколько можно понять инициаторов этого замысла, в его основе лежит стремление установить внутреннюю, органическую взаимосвязь всех этапов истории России с главными этапами мировой истории. Хотя в научном сообществе и высказываются сомнения в возможности быстрого преодоления существующих разногласий по многим ключевым вопросам нашей истории, а многие ученые подвергают критике саму концепцию единого учебника и вообще выступают против всяческих подобий пресловутого «краткого курса», хотелось бы все-таки верить, что из этой попытки выйдет нечто, способствующее в перспективе сплочению российского научного сообщества. Ведь история – это общенациональное достояние, ее нельзя приватизировать. Или она у нас общая, или ее нет вообще.

При явном стремлении некоторых политиков сгладить острые углы, попытки создать общую историческую основу для общественного единства – это все же лучше, нежели звучащие иногда призывы вернуться к системе ценностей царской, императорской России, выбросив при этом за скобки весь советский период как аномалию.

Рассматривая же всесторонне советский период отечественной истории, нельзя избежать постановки вопроса о сути оппозиции в условиях советского общества. На всем протяжении семи десятилетий существования СССР в нашем обществе имели место определенные проявления несогласия, оппозиционности и даже протеста в отношении официальной политики Советского государства и большевистской партии (с 1952 г. КПСС). И в этом нет ничего удивительного. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. сломали прежний государственный строй, изменили весь уклад жизни народа. Но-

вые общественные отношения зарождались в ожесточенной классовой борьбе, в условиях гражданской войны и иностранной интервенции. Существовали дискуссии и внутри большевистской партии, при этом сопротивление противников сталинской модели социализма было в основном подавлено в 1930-е гг.

Гитлеровская агрессия против Советского Союза, Великая Отечественная война (1941–1945) сплотили всех граждан, всех патриотов Родины, даже тех, кто был обижен Советской властью и пострадал от необоснованных репрессий.

Однако после тяжелейшей войны, завершившейся победой над фашизмом, власть и народ столкнулись с новыми вызовами. Пережитые испытания породили в обществе ожидания позитивных перемен, но они не наступали. Разрушенную экономику удалось быстро восстановить, но страна жила трудно. Прежний мобилизационный механизм не справлялся с новыми сложными задачами в экономике и социальной сфере. Нужны были реформы. В новой обстановке, сложившейся после смерти Сталина и XX съезда КПСС, в общественной жизни начал постепенно формироваться идейный плюрализм, особенно в средних слоях. Официальный марксизм-ленинизм, занимавший до тех пор монопольное положение, продолжал сохранять гегемонию, однако все более явно давали о себе знать альтернативные течения – либеральное западничество, державное, русофильское почвенничество и неортодоксальный подход к социализму, в котором стремились усилить демократические начала. Эти направления сталкивались или вступали в альянсы, что проявлялось в соответствующей форме, прежде всего, в литературе, в культурной жизни. Но инакомыслие присутствовало и в других общественных сферах.

Вместе с тем, как считает российский историк А.В. Шубин, хотя в 1950–1960-е гг. «официальная идеология вела борьбу против всех видов неортодоксальности, но это уже давно не была борьба на уничтожение»¹. При этом важно представлять себе, какие формы и масштабы принимали оппозиционные проявления. Необходимо отметить, что, несмотря на разоблачения порочной практики сталинизма на XX съезде КПСС, массовых выступлений трудящихся, рабочего класса и колхозного крестьянства против политики коммунистических влас-

тей, против главенствующей, руководящей роли партии практически не было. В годы правления Н.С. Хрущева имели место довольно крупные локальные протестные акции, сопровождавшиеся серьезными нарушениями общественного порядка (например, в 1962 г. в Новочеркасске). Как и в случае с восстаниями заключенных в лагерях, их подавление потребовало применения вооруженной силы, что привело к человеческим жертвам. Ежегодно наблюдались многочисленные случаи приостановки работы на предприятиях. Диссидентское движение в СССР появилось в условиях «оттепели», когда начали зарождаться зачатки гражданского общества. Еще более ошеломляющее воздействие решения XX съезда КПСС оказали на страны «народной демократии» в Восточной Европе и мировое коммунистическое движение в целом. Радикальный пересмотр оценок деятельности И.В. Сталина, разоблачение его преступлений стали, как известно, одной из причин обострения советско-китайских отношений, а, следовательно, крупномасштабного раскола в коммунистическом движении.

Необходимо объективно изучать общественную роль и политические взгляды советской оппозиции 1960–1980-х гг., выделяя в ее наследии конструктивные элементы и прогностические оценки, а не просто восхвалять тех или иных диссидентов и правозащитников, тем более, что диссидентское движение хотя и менялось на разных этапах истории, но в целом все-таки оставалось довольно аморфным и маргинальным. И не следует также забывать, что отдельные протестные, правозащитные группы могли вести сколько-нибудь серьезную деятельность только благодаря поддержке и финансированию с Запада. На Западе же термином «диссидент» зачастую готовы были определять едва ли не всех, кто в той или иной форме действовал против советского конституционного строя. Кстати, и первый вариант известной книги об истории инакомыслия в СССР², Л. Алексеева, по ее собственному признанию, писала на основе гранта Госдепа США.

Когда читаешь публикации последних лет на эти темы, то задаешься вопросом, а какой являлась реальная сила воздействия на прочность советского строя и на процесс его эволюции и модернизации тех диссидентских групп и отдельных инакомыслящих деятелей, названия и имена которых мелька-

ют в рассекреченных и опубликованных в наши дни записках идеологических структур КПСС или в донесениях КГБ. На основе нынешних публикаций иногда может сложиться впечатление, что диссидентов было много и едва ли не всех их можно считать героями в борьбе против коммунизма. Понятно, что кое-кто сейчас склонен приукрашивать свое прошлое. Не принижая ничьих заслуг, не пытаясь кого-то обидеть, не отрицая моральной стороны вопроса, хотелось бы все же заметить, что в реальности диссиденты и правозащитники в советском обществе никогда не представляли собой массового движения. Так, в направленном в ЦК КПСС отчете КГБ от 1976 г. упоминается о 850 политзаключенных, из них 261 был осужден за антисоветскую деятельность³. Там говорится и о 68 тыс. т.н. профилактированных, т.е. тех, кого органы госбезопасности вызывали и предупреждали о последствиях их действий, причиной вызова нередко служили только контакты с людьми, состоявшими под наблюдением политической полиции. Много это или все-таки мало на 280 млн. чел. населения СССР? Правда, Л. Алексеева, определяя масштабы диссидентского движения, называет в своей книге цифру до полумиллиона человек. Впрочем, дело не только в численности. Последний председатель союзного правительства – Совета министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС Н.И. Рыжков полагает, что диссидентское и, в частности, правозащитное движение, хотя и являлось малочисленным, раздробленным и слабо организованным, но привлекло внимание Запада, поскольку «важен был сам факт, что в Советском Союзе существуют оппозиционные круги, которые могут при определенных условиях приобрести какой-то политический вес»⁴.

В послевоенное время, особенно после XX съезда КПСС, наше общество и общественное мнение стали другими по сравнению с предшествующими десятилетиями, более свободными и открытыми, но даже в 1970-е гг. в целом оставались еще довольно инертными и управляемыми. Несмотря на все трудности повседневной жизни, вера в Советскую власть, доверие к руководству КПСС имели сравнительно прочные корни. Идеологический контроль, цензура оставались жесткими, однако и споров, дискуссий в общественной сфере было немало, тем более что развитие Советского Союза замедлялось, страна

сталкивалась с новыми серьезными проблемами в экономике, из-за роста военных расходов оставался низким уровень жизни, увеличивалось отставание в научно – технической области и в производительности труда, обострялось противостояние с западными державами. Но «кухонные дискуссии» или даже научные форумы, где остро дебатировались те или иные общественно-политические проблемы, – это одно, а публичные действия против официальной власти, открытые протестные выступления, подпольные группы, ориентированные на западные «радиоголоса» и выпускавшие различные информационные листки, оставались сравнительно небольшим по размерам явлением. Во всяком случае, сила их воздействия не была значительной, до широких народных масс их протест не доходил, хотя после Хельсинкской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) советским диссидентам и правозащитникам целенаправленно помогали западные политики, им давали трибуну различные, в первую очередь американские идеологические центры, не упускавшие из виду собственных целей – ослабления конкурирующей сверхдержавы, Советского Союза. При этом в силу тактических соображений лобовых атак было мало. Можно сослаться, в частности, на программу Комитета радио «Свобода», в которой говорилось: «...Мы не проповедуем антисоветизм и антикоммунизм, а заботимся о конструктивных изменениях в стране»⁵.

Несмотря на то, что к Л.И. Брежневу отношение было достаточно снисходительным, в народе все-таки существовало понимание, что высшая власть одряхлела, ее не мешало бы сменить, омолодить. Так что известная грубоватая частушка об обмене диссидента В. Буковского на чилийского коммуниста Л. Корвалана отражала реальные настроения – «где б найти такую б..., чтоб на Брежнева сменять».

Диссидентское, правозащитное движение в нашей стране было небольшим, но сравнительно активным. Разных по политической и идейной ориентации людей, составлявших лагерь инакомыслящих, объединяло отношение к свободе и правам человека, неприятие властного режима, который контролировал, ограничивал эти права, подвергал цензуре творчество. Протестное движение выдвинуло на авансцену политической жизни ряд знаковых фигур, исповедовавших оппозиционные

взгляды и выступавших против сложившегося режима власти. В первом ряду следует назвать таких людей, как А.Д. Сахаров, Р.А. Медведев и А.И. Солженицын. За ними соответственно выстраивались три направления оппозиционного поведения интеллигенции по отношению к политике КПСС.

Общим для всех было отрицание сталинского наследия, стремление к восстановлению исторической правды, признание необходимости демократизации, обеспечения прав и свобод гражданина. Но за пределами этой общей платформы проявлялись особенности: для одних на первый план выходила реализация идеи А. Сахарова о конвергенции двух мировых общественно-политических систем, предполагавшей не только их стратегическое равновесие, но и разоружение, поскольку в ядерный век не могло быть победителей. Концепция А. Сахарова была изложена летом 1968 г. в его статье «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Для других инакомыслящих, стоявших на позициях социализма (Р. Медведев, отчасти А. Зиновьев и др.), основное требование заключалось в демократических реформах, очищении общества от пережитков сталинизма, недопущении ресталинизации, обновлении правящей партии. По многим пунктам они сходились с платформой Сахарова. Недаром А. Сахаров, Р. Медведев и физик В. Турчин выступили с «Меморандумом о демократизации и интеллектуальной свободе» (1970 г.), где проводилась мысль о том, что демократизация общества – это основа для развития науки, экономики и культуры. Но примерно с 1973 г. тесные связи А. Сахарова с братьями Р. и Ж. Медведевыми были нарушены в силу идейных расхождений.

Позднее А. Сахаров играл активную роль в деятельности первой политической оппозиции в советском парламенте – фракции Межрегиональной депутатской группы (МДГ), стал ее нравственным авторитетом. В последней своей речи в декабре 1989 г. он обвинил руководство страны в том, что оно ведет Советский Союз к катастрофе, предложил оппозиции усилить давление на власть и осуществить ради спасения эволюционного характера перестройки ее радикализацию.

Наконец, среди правозащитных движений возникло радикально антикоммунистическое, националистическое на-

правление, которое было представлено целым рядом фигур не только в Москве и Ленинграде, но и в союзных республиках. Условно можно считать, что данное направление в целом олицетворял А. Солженицын. Поначалу, в его повестях («Новый мир» опубликовал повесть «Один день Ивана Денисовича» еще в 1962 г.) или первых романах, даже в известном открытом письме IV съезду писателей СССР (1967 г.) его резкая антикоммунистическая позиция не выражалась открыто. Позднее, в сентябре 1973 г. в «Письме вождям Советского Союза», суть позиции писателя (получившего в 1970 г. Нобелевскую премию по литературе) проявилась ярко. Он предлагал отбросить марксистскую идеологию, усматривая в ней основную опасность, грозящую, наряду с экологической катастрофой, русскому народу. Писатель призывал также отказаться от «внешнеполитической экспансии», указал на опасность войны с Китаем, чреватой гибелью цивилизации. Он считал нецелесообразной опеку над странами Восточной Европы, предлагая направить сэкономленные средства на освоение российского Северо-Востока. Автор письма требовал освободить политзаключенных, прекратить «карательную психиатрию».

Это письмо Солженицына послужило основой консолидации русофильского, националистического движения и отдалило его от правозащитников, которые выступали за правовое демократическое государство. Солженицын ратовал за авторитарную власть, но без произвола и беззакония. Вообще он не относил себя к диссидентам, считал себя писателем, вероятно, исходя из принципа: «поэт в России больше, чем поэт». С конца 1950-х гг. тайно работая над «Архипелагом Гулаг» (художественно-историческим исследованием о репрессиях в 1918–1956 гг.), Солженицын начал публикацию этой книги во Франции в декабре 1973 г. Для его позиции в последние годы жизни была характерна православно-патриархальная тенденция. В концентрированном виде она была выражена в эссе «Как нам обустроить Россию?» (1990). Вернувшись на родину в 1994 г., он пытался занять видное место в общественной жизни, но властителем дум народных едва ли стал, хотя после публикации миллионными тиражами его трудов сначала за рубежом, а начиная с периода горбачевской гласности и у нас, его влияние, конечно, выросло. В 1993–1994 гг. в обстановке идей-

ного хаоса перед Солженицыным, готовившимся вернуться в Россию, какое-то время заискивали даже политики левой ориентации, включая лидеров КПРФ, которые списывали его антикоммунизм на грешки молодости. В кругах интеллигентов-почвенников его называли не только патриотом, но и «отцом нации», патриархом русской литературы.

Официальные власти подарили Солженицыну государственную дачу с участком в пять гектаров, способствовали его избранию академиком РАН, присудили ему ряд высших премий России. Правда, президенты Б.Н. Ельцин и В.В. Путин, демонстрируя внешне уважение к писателю, не придали особого значения предложениям Александра Исаевича относительно «обустройства России». Его лекции по телевидению были свернуты. Но В. Путин в 2007 г. встречался с ним. Сейчас власти поддерживают деятельность Фонда российского зарубежья и Русского общественного фонда, носящих имя А.Солженицына⁶.

Что касается взаимоотношений либерального и националистического направлений диссидентского движения, то А. Сахаров и А. Солженицын совместно обсуждали общественно-политические проблемы, проводили пресс-конференции, в 1975 г. Солженицын поддержал выдвижение академика Сахарова на Нобелевскую премию мира. Но принципиальная разница подходов не способствовала их сближению. В отличие от националистического, русофильско-православного крыла диссидентства, не видевшего смысла в сохранении СССР, выдающийся ученый – физик Сахаров, занявшийся по возвращении из ссылки в Горьком, прежде всего, общественно-политической деятельностью, в 1989 г. подготовил проект Конституции Союза советских республик Европы и Азии.

Развал СССР начался с прибалтийских республик. Восстановление ими статуса независимых государств было открыто поддержано США, что проявилось и на встрече президента Дж. Буша с М. Горбачевым на Мальте в декабре 1989 г.⁷ Требование о невмешательстве Москвы в дела республик Балтии открыто выражал и госсекретарь Дж. Бейкер в ходе контактов с министром иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе⁸. Стремление к суверенитету проявилось и в других республиках и регионах, на политической сцене все активнее выступали движения, пос-

тавившие лозунги далеко идущей децентрализации во главу угла своих политических программ (среди прочего «Рух» на Украине, «Саюдис» в Литве, Народные фронты в ряде других республик). Особенно разрушительную с точки зрения сохранения СССР роль сыграло провозглашение независимости от союзного центра Россией и Украиной. Собственно говоря, проект нового союзного договора о создании «демократического конфедеративного государства», который уже после августовского путча 1991 г. проталкивал президент М. Горбачев, был признанием его неспособности сохранить Советский Союз. Беловежский сговор Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича, о подготовке которого был проинформирован и президент США Дж. Буш, завершил распад единого союзного государства.

При этом в большинстве бывших советских республик рычаги власти остались в основном в руках партийно-государственной номенклатуры первого или второго эшелона, получивших поддержку национальных элит. Для этого повсеместно использовался институт президентства, выросший из структур республиканских компартий. Можно согласиться с тем, что «в большинстве новообразованных государств президенты получили огромную формальную и неформальную власть, которая была легитимизирована путем общенациональных выборов»⁹. Вряд ли это явление соответствовало ожиданиям диссидентов либеральной ориентации.

В новых властных структурах России почти не было представителей диссидентов и правозащитников, только единицы из них избирались депутатами Госдумы. Парадоксальным образом так и не проявилась общественная потребность в услугах диссидентов, вернувшихся из эмиграции. В условиях не только гласности и свободы, но и возникшей в сложившейся обстановке вседозволенности им оставалось только критиковать те или иные просчеты перестройки Горбачева или политики Ельцина. Один из руководителей КГБ СССР, генерал армии Ф. Бобков позже писал в связи с этим, что страна действительно нуждалась «в свежем ветре перемен», однако на Западе были и силы, заинтересованные отнюдь не в конструктивных переменах, а в том, чтобы строить своего рода бизнес на слабых сторонах жизни СССР, устраивая из них мировые

сенсации и раскачивая тем самым советский конституционный государственный строй. Но при отсутствии массовой поддержки общества у диссидентов уходила почва из-под ног¹⁰. На ослабление позиций диссидентства и его, по сути, самоизоляцию влияла и продуманная система нейтрализующих мер КГБ, которым руководил Ю. Андропов, политик здравомыслящий, реально осознававший степень согласия народа и власти (особенно в первые годы правления Л. Брежнева) и в то же время обладавший максимумом информации о положении в стране и видевший в динамике всю сложность ситуации. Расчеты части либеральной интеллигенции на гибкость и терпимость Андропова не всегда оправдывались, но все же действия КГБ на диссидентском направлении были довольно эффективными, ведь само движение к началу 1980-х гг. удалось существенно ослабить. Вместе с тем влияние неформальных идей, реформаторских подходов, критических взглядов было бы в принципе неправильным сводить только к деятельности диссидентов, все это проявилось, например, в ходе широкого обсуждения в обществе проекта новой конституции СССР 1977 г.

Сами бывшие диссиденты, в частности, Р. Медведев признавали, что отказ от диалога с властями и усиливавшиеся гонения вызвали разлад в рядах диссидентского движения, по сути, его кризис. Борьба против реабилитации Сталина, утратив свою актуальность, отошла на второй план, и даже общий интерес к выступлениям против политических репрессий и за свободу слова не мог объединить диссидентов. Возможность выезда или высылки на Запад породила множество проблем¹¹. Позднее была ослаблена и почва для самиздата.

Деятели либерального направления в СССР не сумели трансформировать правозащитную деятельность в мощное протестное движение. Примерно такое же положение наблюдалось и в европейских соцстранах, за исключением Польши, где антикоммунистически настроенная интеллигенция, используя недовольство населения материальным положением, начиная с 1970-х годов стремилась дать программу действий забастовочному рабочему движению, усилить его за счет выдвижения политических требований.

В протестном движении в СССР и странах Восточной Европы, разумеется, наблюдались свои приливы и отливы. Напри-

мер, после 1975 г. зарубежные и внутренние критики социализма получили новый шанс, поскольку в советском руководстве была недооценена роль «третьей корзины» Хельсинкского Заключительного Акта, в которой формулировались требования о соблюдении прав человека. Этот шанс не сразу был понят и некоторыми диссидентами, тем не менее, достаточно скоро в Советском Союзе и европейских соцстранах стали возникать комитеты и группы по проверке выполнения договоренностей Хельсинкского Акта, подписанных и СССР, а также его союзниками. Но больше всего критические голоса усиливались по мере нарастания кризисных явлений в экономике, усиления застоя в верхнем эшелоне власти и во всей общественно-политической сфере и, конечно, под влиянием крупных просчетов Москвы во внешнеполитической и оборонной областях. Речь идет не только об интервенции в Афганистане, авантюрных акциях в Африке и о конфликте с Китаем, но также и об усилении гонки ракетно-ядерных вооружений, раздувании масштабов военно-промышленного комплекса, серьезно отягощавшего развитие народного хозяйства.

Таким образом, после противоречивой десталинизации, создавшей условия для критики изъянов социализма в СССР и социалистических странах, решения Хельсинкской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, которые рассматривались Москвой и ее союзниками, прежде всего, как успех в закреплении послевоенных границ и создании системы общеевропейской безопасности, открыли противникам СССР новые возможности для проведения критических кампаний, нацеленных на дискредитацию советского строя. При этом можно было ссылаться на гуманитарные разделы Заключительного Акта и широко использовать лозунги защиты прав человека. Советской делегации, как и представителям соцстран, пришлось отбиваться от нападков западных стран по вопросам «третьей корзины» на Белградской конференции государств-участников ОБСЕ (октябрь 1977 г. – март 1978 г.). Итоговое коммюнике отразило существование «различных мнений относительно достигнутой до сих пор степени выполнения Заключительного Акта».

Развязанная на Западе в свете решений Хельсинкского совещания кампания в защиту прав человека в СССР воспри-

нималась в Москве с обеспокоенностью, как возобновление подрывной политики в духе холодной войны. Об этом свидетельствует, в частности, информационное письмо ЦК КПСС в адрес руководителей братских компартий от 14 января 1976 г. В письме предпринималась попытка опровергнуть утверждения западной пропаганды о нарушениях прав человека в СССР, партнерам по блоку предлагалось решительнее давать отпор любым стремлениям опорочить демократию в социалистических странах. Вопреки звучащим за Западе обвинениям советская судебная система, как отмечалось в информационном письме, карает не за инакомыслие и критику (ибо культ личности с его нарушениями законности в СССР давно искоренен), а за противоправную, антиконституционную деятельность. В письме обращалось внимание на то, что в некоторых случаях представители зарубежных компартий ведут себя пассивно в отношении антисоциалистической пропаганды. Как резюмировалось в документе, «КПСС, как правящая партия, несущая историческую ответственность за судьбы социализма в СССР и за дело мира, не вправе полагаться на самотек, утрачивать революционную бдительность, проявлять пассивность в идейной борьбе»¹². Вопросы совместного ведения идеологической борьбы (что включало в себя и нейтрализацию внутренних оппозиционных элементов) постоянно рассматривались на совещаниях секретарей ЦК компартий социалистических стран по международным и идеологическим вопросам¹³.

Следует подчеркнуть, что кризисные явления в мире социализма (ГДР – 1953 г., Венгрия – 1956 г., Чехословакия – 1968 г., целый ряд кризисов в Польше с 1956 г. по 1981 г., «культурная революция» 1960-х гг. и события лета 1989 г. в Китае), естественно, подвергались анализу в Москве и других столицах социалистических стран, из них извлекались соответствующие выводы. Правда, зачастую причины усматривались исключительно в «кознях империализма» и ошибках «друзей». В качестве реакции на изменения международной обстановки рождались и попытки новых концептуальных подходов. Была политика «разрядки», но появилась и так называемая «доктрина Брежнева» об ограниченном суверенитете, в соответствии с которой страны лагеря, ссылаясь на принцип социалисти-

ческого интернационализма, брали на себя обязанность коллективной защиты завоеваний социализма. Как бы то ни было, после трех военных интервенций в Восточной Европе (1953, 1956 и 1968 гг.) Советский Союз не мог брать на себя ответственности за новые военные вторжения в целях восстановления порядка в социалистических странах, тем более, что Москва с 1979 г. надолго застряла в Афганистане. По этой причине в 1980–1981 гг. руководство СССР, несмотря на все опасения, довольно взвешенно подходило к разработке мер по урегулированию кризиса в Польше, что проявилось не только в интенсивном давлении на польских руководителей с тем, чтобы побудить их действовать собственными силами, но и в предоставлении экономической помощи, а также в нейтрализации попыток Запада вмешаться в польские дела.

В этой связи хотелось бы затронуть кардинальный вопрос о роли оппозиционных факторов (диссидентства, инакомыслия) во всех переменах в мире социализма. Можно согласиться с тем, что в жизни социалистических стран наблюдалось два оппозиционных направления. «Одно из них в принципе отрицало идеи социализма, выступая против установленного строя как такового. Сторонники этого направления вынуждены были вскоре эмигрировать на Запад, сформировав в эмиграции наиболее непримиримую странам социалистического лагеря антикоммунистическую оппозицию»¹⁴. Другое направление выступало за обновление существовавшей системы, за «социализм с человеческим лицом». Разные группы и объединения вносили свой вклад в зарождавшийся процесс демократизации и ослабления авторитарных тенденций. Кое-кто из бывших партийных функционеров до сих пор гордится тем, что всегда держал «кукиш в кармане». Разумеется, можно высоко оценивать роль в происходивших демократических переменах дискуссионного кружка Петефи в Венгрии в 1956 г. или форума венгерской оппозиции в Лакителеке в 1986 г., деятельность комитета КОС-КОР в Польше в 1970-е – 1980-е гг., можно восхищаться Хартией 77 в Чехословакии, а затем Гражданским форумом в Праге и движением Общественность против насилия в Братиславе, как и усилиями оппозиционных групп при протестантских церквях в ГДР, нужно отдать должное ряду видных критиков «реального социализма» в каждой

из восточноевропейских стран (Д. Лукач и его ученики, Я. Корнаи в Венгрии, М. Джилас в Югославии, А. Шафф, Л. Колаковский, А. Михник, Я. Куронь в Польше, О. Шик, Ч. Цисарж, З. Млынарж в Чехословакии, Ж. Желев в Болгарии, П. Гома в Румынии и др.). И все же следует прямо признать, что не деятельность этих групп или персоналий явилась первоочередным фактором, определившим тренд общественного развития. Конечно, доводы инакомыслящих, настроения оппозиционных кругов, аргументы критиков «реального социализма» находили общественный отклик, они учитывались и использовались в политической и внутрипартийной борьбе руководителями компартий, партийной номенклатурой, т.е. теми, кто стоял у руля управления своих стран. Но при всем многообразии причин «бархатных» революций в Центральной и Юго-Восточной Европе решающее влияние на развитие ситуации в социалистическом содружестве в направлении смены общественного строя оказала перестройка в Советском Союзе, начатая новым генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачевым.

Перестройка, вне всякого сомнения, была ожидаемой и востребованной обществом. Ее семена упали на подготовленную почву в европейских социалистических странах. Другое дело, что перестройка в СССР пошла не так, как планировали ее инициаторы. Процессы ускорения развития экономики, обновления, демократизации и гласности, запущенные без должной подготовки, из-за концептуальных и практических просчетов М. Горбачева, отрыва от действительности, поспешного проведения далеко идущих политических реформ, отказа от ведущей роли КПСС, и, наконец, по причине непродуманной смены внешнеполитических приоритетов привели к развалу Советского Союза и распаду всего социалистического содружества и его международных организаций – ОВД и СЭВ. Обновления «реального социализма» не произошло, политическую систему не удалось модернизировать, компартии не перестроились, а их руководители попросту обанкротились. В условиях ухода или отступления Советского Союза из регионов Центральной и Юго-Восточной Европы во всех бывших соцстранах ослабла, а то и была сведена к нулю роль правящих компартий, активизировались оппозиционные силы. Восторжествовали гласность и свобода, окреп политический плюра-

лизм и, в конечном итоге, произошла смена строя, причем в основном мирным, более того, договорным путем. Идея «демократического социализма» была зафиксирована в документах последнего, XXVIII съезда КПСС, но вот советская федеративная государственность, выдержавшая испытания Второй мировой войны, погибла, и вместе с ними потерпели поражение социалистические режимы в Центральной и Юго-Восточной Европе, причем в Румынии это произошло в ходе заговора элиты и вооруженного восстания.

В этой связи хотелось бы затронуть вопрос о роли другой оппозиции, а именно внутрисистемной, внутривластной оппозиции, которая после смерти Сталина вынашивала идеи обновления и модернизации советской модели социализма, изменения сложившейся жесткой системы власти, расширения демократии и ослабления идеологического пресса. События новейшей истории Советского Союза и бывших соцстран подтверждают, что все перемены в мире социализма начинались внутри правящих коммунистических и рабочих партий, на основе идей, зарождавшихся в головах партийной интеллигенции. Так было в Югославии при Й.Б. Тито в 1948–1950 гг. и позднее, когда идеям «национального коммунизма», рабочего самоуправления и неприсоединения пришлось прокладывать себе дорогу в условиях массированного давления извне. Так было и в Венгрии в 1953–1956 гг., когда И. Надь и его единомышленники провозгласили «новый курс» с упором на учет национальных особенностей, на укрепление национальной независимости, завершившийся осенью 1956 г. в ходе народного восстания попыткой выхода из Варшавского договора и объявления нейтралитета. В Польше кризисные процессы тянулись с лета 1956 г., но партийные лидеры В. Гомулка и затем Э. Герек, неоднократно меняя политический и экономический курс правящей ПОРП, так и не сумели найти «польский путь к социализму», приемлемый для всего общества. Избранный в 1980 г. новый первый секретарь ЦК С. Каня, выступавший под лозунгом «диалога и согласия» с оппозицией, в обстановке надвигавшегося кризиса был отстранен своей партией. Коммунисту-реформатору генералу В. Ярузельскому в декабре 1981 г. не оставалось ничего другого, как использовать силовой фактор, чтобы сохранить (как оказалось, ненадолго!) социалис-

тическое государство в Польше. Массовое движение чехов и словаков, названное Пражской весной 1968 г., имело в качестве идейной основы наработки партийной интеллигенции, идеологов-реформаторов КПЧ, учитывавших демократические традиции своей страны и стремившихся к «социализму с человеческим лицом».

Разоблачив культ личности Сталина и указав на деформации в строительстве социализма в СССР, Н.С. Хрущев думал о дальнейших переменах, вынашивал планы реформ, но действовал волюнтаристски, хаотично и топорно, чем вызвал противодействие партийной верхушки, свергнувшей его на пленуме ЦК в октябре 1964 г. Его преемник Л.И. Брежнев говорил о необходимости нововведений, но после Пражской весны опасался каких-либо системных реформ. Вместе с тем и на пленуме ЦК КПСС в декабре 1969 г. он говорил о внутренних недостатках системы управления, о нездоровых тенденциях в развитии советской экономики, заявлял о необходимости бороться с безответственностью кадров и ослаблением дисциплины. Показательно, в частности, его заявление о том, что «наши недостатки, трудности и проблемы не такие мелкие, чтобы можно было себе позволить закрывать на них глаза». О трудностях и недостатках, продолжал тогда Брежнев, надо высказаться откровенно, «ибо многие из них, хотя они возникли и не сегодня, могут разрастись в такие отрицательные тенденции, которые будут дорого нам стоить»¹⁵. Это закрытое выступление привлекло тогда внимание. И позже, в 1980 г., генсек подчеркивал перед партийной аудиторией необходимость борьбы с разбухшей бюрократией, раздутым госаппаратом, говорил о необходимости приобретения нового опыта строительства социализма. Но все это были только отдельные всплески. В целом в нашей истории с именем Брежнева справедливо связываются годы застоя в Советском Союзе.

Немалый импульс критическому анализу положения дел и наведению порядка в партии и государстве дал, на наш взгляд, Ю.В. Андропов за короткий период своего нахождения на посту генерального секретаря ЦК КПСС. Новый партийный руководитель М.С. Горбачев начал перестройку на эмоциональной основе («так больше жить нельзя!»), в основном методом проб и ошибок, не имея четкой программы действий. Ускорение в

экономике, демократия, свобода и гласность, формирование правового государства – все это требовало других методов работы правящей партии. Но поспешно проведенные политические реформы опережали экономические преобразования, а потребительский рынок так и не был насыщен товарами, в которых нуждалось население. КПСС и компартии в социалистических странах оказались неготовыми к переменам, они закостенели, превратились в бюрократические структуры, оторвались от народа, отвыкли от дискуссий. При этом общая тенденция к расширению политического плюрализма вела к лишению компартий руководящей роли в обществе, ранее закрепленной в конституциях. Проведение в 1989–1990 гг. демократических выборов создало новую обстановку в странах соцсодружества. КПСС, которая при всех своих недостатках все-таки скрепляла каркас политической системы, после отмены 6-й статьи Конституции СССР была отодвинута от властных функций, ей пришлось зарегистрироваться и действовать как общественной организации, на что она в принципе оказалась неспособна. Аналогичные процессы происходили и в других странах.

В атмосфере гласности, отмены цензуры, безудержной критики прошлого и отказа от многих традиционных подходов, в том числе в сфере внешней политики, изменилась и роль традиционных оппозиционных групп и личностей. Бал правили другие политические силы, в первую очередь, выросшие в рамках КПСС и комсомола, в том числе популярные среди молодежи различные неформальные клубы и объединения. Процессу развала Советского Союза больше, чем любые домашние и зарубежные диссиденты, способствовали, на наш взгляд, силы, зародившиеся в недрах самой партии, причем экономический и финансовый кризис, обострение межнациональных отношений дополнили картину развала. Силы, выступавшие за сохранение КПСС как интегрирующей силы советского общества, потерпели поражение и отступили еще в 1990 г. К концу лета 1991 г., в преддверие готовившегося подписания нового союзного договора, ситуация в стране обострилась, и вряд ли можно свалить всю ответственность за сложившееся положение на ГКЧП. Что касается компартии, то как общественный институт КПСС не участвовала в деятельности ГКЧП. В августе

1991 г. руководство КПСС вообще было расколото. Президент СССР М. Горбачев, пытаясь сосредоточить всю власть в своих руках, только формально оставался генсеком ЦК КПСС, есть основания считать, что он подумывал, подобно А. Яковлеву, о создании новой партии. Фактически летом 1991 г., в условиях глубокого политического кризиса, партийные организации были расколоты и бездействовали, чему, кстати сказать, удивлялись коммунисты зарубежных партий. Не была созвана в августе 1991 г. и внеочередная сессия Верховного Совета СССР в интересах спасения советского государства. Народ, за исключением нескольких десятков тысяч москвичей, защитников Белого Дома, и многомиллионная компартия¹⁶, привыкшие беспрекословно выполнять команды вождей, в условиях глубочайшего кризиса системы власти застыли в оцепенении. Так было и позднее, когда Б. Ельцин в конце 1991 г. запретил КПСС. Депутаты Верховного Совета одобрили его действия. Так что не внутренние оппозиционные группировки некоммунистического толка и не враждебная пропаганда и идеологические диверсии США и их союзников сломали социалистический строй и такое мощное государство, каким являлся Советский Союз. Решающую роль в сломе КПСС сыграл фактор, который условно можно назвать внутрипартийным.

Перестроечные процессы в Советском Союзе ускорили перемены в соцстранах, хотя ряд лидеров этих стран и возражал Горбачеву, сопротивлялся «экспорту» перестройки. Но существовал и обратный процесс – влияние изменений в странах соцсодружества на Советский Союз. Особенно сильно повлияли эволюция Польши с ее «недостроенным социализмом» и исчезновение с политической карты ГДР, главного союзника СССР в Европе, поглощенного ФРГ.

Особо стоит остановиться на Польше, сделав акцент на роли «Солидарности». В Польше в 1980 г. в ходе забастовок произошло феноменальное явление – был создан независимый самоуправляющийся профсоюз «Солидарность», противопоставивший себя компартии (ПОРП), социалистическому государству и официальным профсоюзам. Иными словами, большинство рабочего класса повернулось против власти коммунистической партии. Идейными лидерами «Солидарности», во главе которой формально стоял рабочий гданьской

Судоверфи Лех Валенса, были члены КОС–КОР, комитетов, созданных деятелями польской интеллигенции антикоммунистического толка для поддержки рабочих выступлений. Ничего удивительного в этом нет, смычка между интеллигенцией и рабочим движением имела свои прецеденты в истории, в том числе и российской. Вместе с тем большое влияние на «Солидарность» оказывали епископат католической церкви и Ватикан в лице папы Иоанна Павла II (в прошлом польский кардинал К. Войтыла). Выступая то в роли посредника, то успокоителя, то однозначно поддерживая «Солидарность», епископат и костел постоянно держали руку на пульсе польской политики¹⁷.

После подписания соглашений с забастовщиками осенью 1980 г. руководство ПОРП пыталось достичь компромисса с «Солидарностью», даже разрешило своим членам вступать в профобъединение. Власти, по сути, официально признали антисоциалистическую оппозицию в качестве законно действующей силы, что привело в конечном итоге к дальнейшему подрыву престижа ПОРП, ослаблению ее позиций в идейно-политическом противоборстве с независимым профсоюзом. Члены «Солидарности» составили до 20% как членского состава партии, так и состава ее ЦК. Всего же, на волне протестного забастовочного движения, в быстро усилившийся профсоюз «Солидарность» вошли, по некоторым оценкам, до 10 млн. чел. Главным органом «Солидарности» была Всепольская согласительная комиссия, но большой самостоятельностью располагали региональные центры. По мнению аналитиков из аппарата ЦК КПСС, из трех политических сил в Польше (ПОРП, «Солидарность» и костел) позиции компартии в 1981 г. были самыми слабыми, она оставалась у власти практически лишь потому, что за ней стояли Советский Союз и «социалистическое содружество»¹⁸.

В Польше 1980–1981 гг. оппозиционные социализму силы сумели выступить как защитники интересов трудящихся, апеллировали к их недовольству, при этом во внешнеполитическом плане они действовали более осмотрительно, стараясь избегать антисоветских лозунгов, не требовали изменения внешнеполитического курса, разрыва с СССР, выхода из Варшавского Договора и СЭВ (по контрасту, скажем, с венгерс-

кими событиями 1956 г.). Главным оружием этих сил стали забастовки, в том числе общенациональные, и другие методы давления, вплоть до захвата предприятий и зданий госучреждений. В условиях нараставших экономических трудностей власти под давлением забастовочного движения взяли на себя целый ряд дорогостоящих обязательств перед рабочим классом, которые еще более отягощали и без того сложное экономическое положение страны. За компромисс, позволивший приостановить забастовки, была заплачена дорогая цена и в политическом плане. Развитие событий в стране выходило из-под контроля государства. Можно согласиться с И.С. Яжборовской в том, что «Солидарность» стала альтернативной не только правящей партии, но всей системе «реального социализма» общественно-политической структурой, через которую политическая оппозиция распространила свое влияние на все слои общества. «Год спустя, – пишет автор, – этот опыт привел к открытому кризису легитимности власти»¹⁹. Правда, в тот исторический момент это спонтанное движение еще никем не воспринималось как начало лавины, которая сметет прежние порядки и изменит соотношение сил в Европе и мире²⁰.

Дальнейшие события в Польше известны, но на отдельных моментах эскалации обстановки и действий «Солидарности» имеет смысл остановиться. К осени 1981 г. ситуация осложнилась до крайности. Вся антисоциалистическая оппозиция сплотилась вокруг «Солидарности», которая из-за поведения своего правого крыла, стремившегося быстрее опрокинуть власть, проводила бескомпромиссную политику. Первый съезд профобъединения, состоявшийся в сентябре – октябре в Гданьске, продемонстрировал, что «Солидарность» нацелена на демонтаж всей политической и экономической системы социалистического государства, выдвинув вместо него концепцию самоуправляющейся Речи Посполитой. Программа «Солидарности», принятая на съезде под знаменем «рабочего самоуправления», была программой отстранения ПОРП от власти, выведения из-под ее контроля экономики, ее децентрализации, коренного изменения характера общественных и производственных отношений. Создавалась параллельная система институтов в центре и на местах, претендовавшая на осуществление власти. Планы проведения свободных выборов

на основе политического и идейного плюрализма предполагали выдвигание неограниченного числа кандидатов. Речь шла о проведении досрочных выборов в Сейм в 1984 г., реорганизации парламента, создании в нем двух палат, одна из которых должна была состоять из представителей органов самоуправления, что позволило бы профобъединению контролировать высший законодательный орган. Смысл всех требований сводился к захвату органов местной администрации и Сейма с тем, чтобы добиться трансформации ПНР в парламентскую республику с классической многопартийной системой. Большое внимание на съезде уделялось усилению влияния в СМИ, работе среди молодежи, а также крестьянства. Студенчество рассматривалось как естественный резерв для формирования будущих кадров оппозиции. В документах съезда ставились также задачи подчинения влиянию «Солидарности» армии и милиции, нейтрализации органов госбезопасности. Руководящие органы социалистических стран Восточной Европы были особенно обеспокоены обращением съезда «Солидарности» к трудящимся этого региона, считая это вмешательством во внутренние дела.

Во второй половине 1981 г. конфликтующие стороны польской драмы наносили друг другу удар за ударом, приближаясь к последней черте. В ПОРП усиливалась тревога за будущее. Беспokoйство нарастало в Советском Союзе и в соцстранах. Правящая ПОРП была дезорганизована и деморализована, но у нее оставался силовой резерв – в армии, в органах МВД и в войсках спецназа. При этом польская коммунистическая верхушка была вынуждена реорганизовать высшее руководство страны, понимая, что провал политики на диалог с оппозицией ставит на повестку дня вопрос о крайних средствах спасения власти. На Пленуме ЦК в октябре 1981 г. первым секретарем ЦК ПОРП стал генерал В. Ярузельский, который занимал также посты премьер-министра, министра обороны и являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами. Этот выбор поддержали Москва и союзники. Во внутренних дискуссиях все чаще возникал вопрос о применении чрезвычайных мер на основе польской конституции.

Свое выступление в сейме новый лидер начал с выдвигания идеи национального соглашения. Однако предпринятая

Ярузельским в начале ноября на совместной встрече с Л. Валенсой и кардиналом Глемпом попытка прийти к договоренности путем создания фронта национального согласия не принесла успеха. «Солидарность» не нуждалась в компромиссе со слабым партнером. Позднее, в 1991 г., В. Ярузельский назовет это своим крупнейшим поражением. В начале декабря 1981 г. руководство «Солидарности», в котором Л. Валенса не всегда определял доминировавшее настроение, решило идти на дальнейшую конфронтацию. Было решено провести два референдума – об изменении военно-политических отношений с Советским Союзом и о введении многопартийности. Обсуждался и вопрос о досрочных выборах в сейм. На 17 декабря в центре Варшавы столичное отделение «Солидарности» наметило проведение массовой демонстрации протеста в память о подавлении рабочих выступлений 1970 г. Актив ПОРП пытался ответить контр-демонстрацией. С учетом всех тревожащих факторов, прежде всего, дезорганизации системы управления народным хозяйством, опустошения рынка, продолжения забастовок и нарастания всеобщей анархии в стране властями Польши в ночь на 13 декабря 1981 г. было, как известно, введено военное положение. При этом более 5 тыс. лидеров и активистов «Солидарности» и нелегальных политических организаций, а также 32 бывших партийно-государственных руководителей страны были интернированы. Временно страной управляли военные коменданты.

Это был крах политики прежнего режима, не способного управлять страной при помощи адекватных политических и экономических методов. Но государственная власть в Польше получила передышку и возможность обеспечить условия выхода из затяжного кризиса. Оправдывая свое решение, В. Ярузельский говорил, что этот шаг явился наименьшим злом по сравнению с бедами, грозившими Польше²¹. Под этим, очевидно, надо понимать и вероятность гражданской войны, и возможность ввода в страну войск СССР и его союзников, если бы польские власти не справились с ситуацией.

Вопрос о правомерности и обоснованности введения военного положения в Польше дебатруется до сих пор. Правоконсервативные правительства Польши пытались отдать под суд В. Ярузельского и его товарищей. В 2012 г. по иску Наци-

онального института памяти их обвинили на суде в том, что они создали «преступную организацию» – Военный совет национального спасения. Решением суда ответственность за совершение «преступления» – введение военного положения в 1981 г. была возложена на бывшего президента Польши генерала В. Ярузельского. Но со ссылкой на преклонный возраст и тяжелое онкологическое заболевание судебный приговор генералу не выносился. Бывший министр внутренних дел Ч. Кищак получил два года условно.

В связи с этими явно политизированными разбирательствами мне вспоминается международная встреча в Яхранке, под Варшавой в 1997 г., на которой были представлены четыре фактора исторического конфликта в Польше – ПОРП, «Солидарность», Советский Союз и США. Уже тогда чувствовался сильный критический настрой против бывших польских властей, хотя президентом Польши был в тот момент социалист А. Квасьневский. Тем не менее, в ходе дебатов довольно однозначно вынесли суждение о том, что применение в декабре 1981 г. чрезвычайных мер было в сложившихся условиях неизбежным и что этот вариант с теми или иными нюансами устраивал все заинтересованные стороны. Представители ПОРП и «Солидарности» отметили, что обстановка вражды, конфронтации, отсутствие доверия не позволили в 1980–1982 гг. прийти к национальному согласию. В. Ярузельский подчеркнул на встрече, что не снимает с себя ответственности, однако нельзя представлять дело таким образом, будто в ПОРП были исключительно злодеи, а в «Солидарности» – исключительно «ангелы». Были люди, вводившие военное положение, но имелись и силы, способствовавшие этому. Участник встречи, бывший помощник президента США З. Бжезинский заявил, что США исходили из необходимости всемерно поощрять трансформацию Польши в направлении «свободного мира». Он отрицал, что американцы способствовали зарождению «Солидарности», но признал, что они целиком поддержали это движение. Проводились и консультации с Ватиканом, но конкретная координация действий не велась, так как Святой престол преследовал долгосрочные цели морального порядка. По словам Бжезинского, Вашингтон не хотел давать ложные сигналы Москве. В то же время американцы использовали в своих

целях афганский и китайский факторы. Американский политолог пытался доказать, что именно президент США Дж. Картер своим давлением «остановил» вторжение войск ОВД в Польшу в конце 1980 г. Другой президент, Р. Рейган хотел подвергнуть Советский Союз «карантину» за введение военного положения в Польше в декабре 1981 г., но западные союзники отговорили его это делать.

Бывший сотрудник Совета национальной безопасности США Р. Пайпс в своем выступлении на той же встрече сконцентрировался на усилиях ЦРУ в польском вопросе, заметив при этом, что ЦРУ умеет делать перевороты, в Польше же речь шла о социальной революции. В принципе США устраивали эволюция ПНР к иной политической модели и эрозия Варшавского договора. Деятели «Солидарности» З. Буяк и Б. Борусевич рассказали об обширных контактах с США, сделав особый акцент на вопросе о полученной помощи (2 млн. долларов от так называемых фондов поддержки демократии) и консультациях по вопросам защиты прав человека. Бывший премьер-министр, связанный с «Солидарностью», Т. Мазовецкий высказывался довольно осторожно, не до конца раскрывая стратегические цели лидеров независимого профсоюза, но все же дал понять, что на первом плане стояли задачи легализации движения и защиты «зоны свободы и демократии» в Польше. Бывший министр обороны, также «солидарист», Я. Онышкевич отметил, что в условиях «плебейской революции» руководство профобъединения не могло эффективно управлять своими организациями в регионах. Бывший пресс-секретарь «Солидарности» К. Модзелевский подтвердил высокий накал страстей и ожесточенный настрой некоторых деятелей, действовавших на стороне «Солидарности», но выразил при этом сомнение в способности профобъединения в декабре 1981 г. вывести на улицы Варшавы широкие людские массы.

Поскольку представители бывшей ПОРП ссылались на фактор советского давления, то американцы и поляки прямо спросили о советских военных планах того времени людей, к этим планам непосредственно причастных. Маршал В.Г. Куликов и генерал армии А.Н. Грибков заявили, что планы военной операции по смене власти в Польше не разрабатывались, но признали, что «определенные наметки» ввода союзных войск

имелись на случай угрожающих действий НАТО. Советские представители участвовали в разработке концепции введения военного положения, однако реализация плана «операции X» оставалась делом рук военно-политического руководства ПНР. Бывший помощник генсека и президента СССР Г. Шахназаров отметил, что советское руководство не хотело привлекать свои войска к разрешению польского кризиса, но это вполне могло произойти в случае кровопролития или если бы к власти пришла группа политиков, вознамерившаяся вырвать ПНР из Варшавского договора. В целом, по мнению З. Бжезинского, выраженному в частной беседе, встреча 1997 г. под Варшавой была полезной, но на ней высказалось только 80–90% всей правды²².

Дальнейшее развитие обстановки в Польше в направлении демократизации привело к отмене в 1983 г. военного положения и к всеобщей амнистии 1986 г. Не прекращались и поиски формы восстановления «Солидарности», структуры которой нелегально существовали по всей стране. 45 тыс. ее функционеров формально были распущены, но многие получали зарплату. Костел выступал за сохранение профобъединения, такой же позиции придерживались некоторые партийные лидеры, в том числе М. Раковский. Выход нашли в 1988 г. в виде проведения «круглого стола» представителей властей и оппозиции. Л. Валенса, всегда утверждавший, что нет свободы без «Солидарности», согласился с этим предложением. Переговоры закончились весной 1989 г. своеобразным политическим пактом, но уже без «самоуправленческой» утопии «Солидарности» 1981 г. Было положено начало глубоким экономическим преобразованиям в направлении рыночного хозяйства, продвинувшим вперед и социальные перемены. В. Ярузельского избрали президентом Польши. Но ПОРП и власти проиграли парламентские выборы в июне 1989 г. Масштабы мирной политической победы оппозиции оказались разрушительными для прежней партийно-государственной системы. Было сформировано многопартийное правительство во главе с советником «Солидарности», профессором Т. Мазовецким. Вспоминая баталии тех дней, В. Ярузельский как-то сказал, что в 1981 г. его правительство выиграло сражение, но проиграло затем всю кампанию.

Как часто бывает в истории, плодами победы лагеря «Солидарности» воспользовались различные политики и политические силы, стоявшие у ее колыбели. Две ведущие политические партии Польши – правящая «Гражданская платформа» и оппозиционная «Право и справедливость» ссылаются сейчас на традиции и ценности первой «Солидарности». Но действительность далека от замыслов. По мнению экономиста Р. Бугая, «в целом польская версия “демократического капитализма” имеет мало общего с идеалами “Солидарности”». Экс-президент Польши, первый лидер «Солидарности» Л. Валенса считает, что пора закончить деятельность профобъединения под этим историческим названием, пора свернуть знамена и заняться профсоюзными делами под новой вывеской²³. Конечно, этот профсоюз потерял массовый характер – в нем осталось не более 700 тыс. чел. Для сравнения: в бывшем официальном профсоюзе насчитывается более 2 млн. членов. Но право-консервативные силы, прежде всего партия «Право и справедливость», поддерживают нынешнюю, вторую «Солидарность», полагая, что она имеет цели, достойные реализации. Профобъединение считается брендом Польши. Оно вновь призывает к всеобщим забастовкам, к отставке правительства. Иными словами, профобъединению «Солидарность» опять отводится роль в борьбе за власть.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Шубин А. Тайны советской эпохи. Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2008. С. 150.

² Алексеева Л. История инакомыслия в Советском Союзе. Вильнюс, 1992.

³ Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М., 2008. С. 202–203.

⁴ Рыжков Н. Кто стоял за спиной Горбачева? // Олейник Б., Павлов В. и Рыжков Н. Горбачев. Анатомия предательства. М., 2013. С. 124.

⁵ Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 114.

⁶ В. Путин одобрил просьбу вдовы Солженицына о включении сокращенного ею (в 4 раза) и откорректированного варианта «Архипелага Гулаг» в список обязательной литературы для средней школы. В декабре 2013 г. отмечалось 95-летие писателя, причем президент России в одном своем заявлении, попавшем в СМИ, даже приравнял

А. Солженицына к таким мирового масштаба общественно–политическим деятелям, как Махатма Ганди и Нельсон Мандела. А газета «Комсомольская правда» 11 декабря 2013 г. назвала Солженицына крупнейшим русским писателем XX в., что вызывает, конечно, сомнения, учитывая созвездие великих имен в русской литературе новейшего времени.

⁷ Горбачев М. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 149.

⁸ Baker James A., III. The Politics of diplomacy. Revolution, War and Peace, 1989–1992. Washington, 1995. S. 146–147.

⁹ Шмелев Б.А., Симон М.Е. Влияние внутриполитических процессов на внешнюю политику постсоветских государств. М., 2013.

¹⁰ Бобков Ф. Как готовили предателей. Начальник политической контрразведки свидетельствует. М., 2011. С. 187.

¹¹ Медведев Р. Из воспоминаний об академике Сахарове // Вестник РАН. 2002. № 9. С. 822–830.

¹² Русскоязычные страницы сайта Архива национальной безопасности США // nsarchiv@gwu.edu

¹³ После 1986 г. идеологи и международники стали заседать отдельно. Последнее совещание секретарей по идеологии состоялось в Берлине, столице ГДР, летом 1989 г., когда обстановка во всех «братских партиях» была на грани глубокого кризиса. Падал и авторитет КПСС в коммунистическом движении. Кубинский представитель, например, почти в открытую иронизировал над выступлением члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС В.Медведева.

¹⁴ Центрально–Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. От стабилизации к кризису. 1966–1989. М., 2002. С. 96.

¹⁵ Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева на пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г. // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. Л. 36–60.

¹⁶ Хотя численность КПСС к тому времени уменьшилась вследствие добровольных выходов, тем не менее в ней насчитывалось не менее 18 млн. членов.

¹⁷ Подробнее см.: Мусатов В.Л. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996. С. 217.

¹⁸ Из документа Отдела ЦК КПСС // Личный архив автора.

¹⁹ Яжборовская И.С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго–Восточной Европы. М., 2008. С. 78.

²⁰ Там же.

²¹ Jaruzelski W. Mein Leben für Polen. München, 1992. S. 291.

²² На основе отчета В.Л. Мусатова // Копия в архиве МИД РФ.

²³ Журнал «Мир перемен». 2010. № 3. Из обзора польских СМИ о 30–летию «Солидарности». Автор обзора – Н.И. Бухарин.

Т.С. Бушуева (Россия)

Протестное движение в СССР в 20–30-е гг. XX в.: формы и динамика развития

Статья написана на рассекреченных материалах, включенных в документальное многотомное издание «“Совершенно секретно”. Лубянка – Сталину о положении в стране 1922–1934». Эти неизвестные ранее материалы информационной службы государственной безопасности СССР свидетельствуют, как на огромной территории довольно сложно шло установление советской власти. Протест был выражен в широком диапазоне средств: вооруженные восстания, бунты, промышленные забастовки, восстания крестьян, действия антисоветских партий и групп, критические разговоры в очередях и в домах. Наиболее протестными регионами в рассматриваемый период были Украина, Кавказ и Поволжье. На все эти антигосударственные действия власти отвечали репрессиями. В XXI в. вновь актуализировалась проблема выработки приемлемой модели отношений власти и общества с учетом исторических уроков прошлого XX столетия.

Ключевые слова: антисоветские настроения, бандитизм, Белоруссия, восстания, ВЧК-ГПУ-ОГПУ, гражданская война, инновационный прорыв, интеллигенция, Лубянка, меньшевики, монархисты, протест, профессура, репрессии, советская госбезопасность, Украина, фашизм.

С конца XX в. в современной российской историографии идет процесс, который многие исследователи объективно оценивают как инновационный прорыв. Иными словами, за два постсоветских десятилетия исследователями подготовлено значительное количество работ, в которых сложнейшие проблемы истории решены на базе ранее недоступных для обще-

ства документальных источников бывших советских архивов¹. В 2000 г. началась публикация особого рода источников, а именно – многостраничных информационных обзоров и ежедневных сводок о социально-политическом и экономическом положении в СССР, подготовленных секретно-политическим, контрразведывательным, военным, информационным и другими отделами Всероссийской чрезвычайной комиссии – Государственного политического управления – Объединенного государственного политического управления (ВЧК-ГПУ-ОГПУ) и докладывавшихся в совершенно секретном формате только высшему советскому руководству во главе со Сталиным. Именно эти документы, как справедливо отмечал академик Г.Н. Севостьянов, стоявший у истоков подготовки этого издания, отличаются поистине энциклопедическим характером, так как содержат объективную информацию о положении всех слоев общества. На страницах этих документов впервые представлена обширная информация о таком феномене истории советского общества как наличие протестного движения среди не смирившейся с политикой новой власти немалой части населения СССР.

В 1930 г. в докладе Секретно-Оперативного Управления ОГПУ под грифом «совершенно секретно», адресованном властям, давалась следующая характеристика внутреннего положения в стране: «кулак, белогвардеец, репатриант, поп... и сектант, эсерово-анархо-меньшевистствующий элемент, бандит, национальная контрреволюция, петлюровец, мусаватист и иттихадист, дашнак и грузмек, антисоветская часть интеллигенции – всё быстро образует в этих условиях общий, единый канал антисоветских настроений, планов и прямых контрреволюционных действий...». Руководство ОГПУ высказывало мысль о необходимости систематически и последовательно обезвреживать все потенциально протестные элементы по мере накопления их контрреволюционности. Исследованные документы неизбежно подводят к выводу о том, что, очевидно, и Сталин, и советское руководство в силу своего классового менталитета и невозможности вести диалог с народом, не видели иного способа подавления инакомыслия в стране и удержания своей власти, кроме силовых и репрессивных методов в отношении всех слоев населения.

Документы советской госбезопасности рассматриваемого периода позволяют назвать следующие формы протеста, фиксировавшиеся властью в рассматриваемый временной отрезок. На первом месте стояли вооруженные, повстанческие и массовые выступления, восстания, бандитизм и диверсии, затем упоминались кулацкий террор, убийства партийных и колхозных работников, массовое недовольство крестьян – основной части населения страны (75% населения), и далее – забастовочное движение по отраслям промышленности, остановка производства, протестный уход квалифицированных рабочих с заводов, выход рабочих из партии, выступления против формальных выборов в советы по заранее подготовленным спискам, распространение прокламаций с угрозами в адрес администрации и коммунистов, антисоветские листовки, а также, что особенно настораживало советское руководство, контрреволюционные выступления в так называемых национальных восточных районах, и, конечно, нелегальная деятельность в стране и за рубежом политических партий – правых и левых эсеров, меньшевиков, кадетов.

Объективную и характерную оценку настроений в обществе в целом дает доклад ОГПУ по интеллигенции от 15 февраля 1925 г. К ней в рассматриваемый период новая власть причисляла такие слои, как учительство, профессура, студенчество, журналисты, театральные работники. Руководством ОГПУ делался вывод о том, что интеллигенция в массе настроена враждебно по отношению к советской власти, более того, значительная ее часть близка к разрыву с советской властью, впрочем, зачастую хорошо замаскированному внешне лояльным к ней отношением. Причины такого настроения интеллигенции крылись, по мнению силовых структур, в значительной степени в экономическом, но иногда и в правовом ее положении: безработица, перманентные чистки советского аппарата и вузов, жилищная политика в городах с лишением выборных прав, реорганизация Красной Армии с продвижением краскомов и увольнением офицерства прежнего состава, расформирование ряда вузов и новый (комплексный) метод преподавания в них, крайне невысокая оплата труда наиболее квалифицированной части интеллигенции – профессуры, ущемление помещиков, осевших за время революции в своих поместьях, и ряд других причин такого же порядка. Все это в

сумме, по оценке ОГПУ, создавало среди интеллигенции кадры недовольных советской властью. Кадры этих недовольных, как зафиксировано в докладе от 15 февраля 1925 г., не слитые организационно, были, тем не менее, тесно спаяны между собой обильностью экономических и правовых интересов. Вследствие этого при соответствующей ситуации эти кадры могли служить и служили весьма благодатным элементом для формирования различных антисоветских групп и организаций. При выявлении таких организаций чрезвычайно характерным и существенным обстоятельством являлся, по оценке ОГПУ, нередко явно фашистский, а иногда и террористический характер ряда раскрытых в то время организаций. Руководство ОГПУ считало, что известная часть интеллигенции на 8-м году Октября изжила свои прежние демократические и социалистические иллюзии; она при соответствующей ситуации (голод, международные осложнения, внутрипартийные неурядицы и т.д.) могла представлять собой существенную опасность для советской власти, если не подвергнется систематическому и последовательному обезвреживанию.

ОГПУ отмечало, что в последнее время особую тревогу вызывало стремление интеллигенции идти в Советы и профсоюзы, продвигаться к советским командным высотам на просвещенческом фронте. Иными словами, как указывалось в документе, «интеллигенция теперь идет к нам сплошь и рядом», «бросая нам перчатку», предъявляя советской власти определенные требования, «как те, что звучат в кулуарах последних съездов врачей, даже учителей».

ОГПУ беспокоило стремление интеллигенции спланиваться организационно в форме различных обществ и кружков. Внешне эти общества выглядели вполне лояльными, но по существу и на деле значительное количество таковых представляли собой попытки интеллигенции использовать легальные возможности для нелегальной работы. Так, Пироговское общество ставило своей задачей борьбу с Всемедикосантруд; Сельскохозяйственное общество — борьбу с Всеработземлес, Русское театральное общество — борьбу с Всерабис². ОГПУ отмечало, что интеллигенция, лишенная руководства политических партий и не способная создать партийное антисоветское объединение, встала на путь создания кастовых, замкнутых объединений в виде различных обществ, «не преследующих цели личной на-

живы». ОГПУ делало вывод о том, что потенциальная контрреволюционность интеллигенции, несомненно, будет расти прямо пропорционально нажиму на СССР со стороны буржуазных государств: чем сильнее будет нажим интервенционистской волны, тем откровеннее интеллигенция будет выражать свое враждебное отношение к советской власти. Поэтому теперь, как никогда, ставилась задача предельно внимательно следить за возникавшими в среде интеллигенции процессами, исходя из основной предпосылки — потенциальной контрреволюционности интеллигенции и ее экономического и правового положения как базиса для развития этой потенции.

Что касается *учительства*, то ОГПУ отмечало, что там, где кулак поднимает свою голову, где нарастает его экономическая мощь, сельская интеллигенция (врачи, агрономы, учительство и т.д.), ввиду ее крайне тяжелого материального положения, зачастую подпадает под идеологическое влияние кулака, который умело использует ее в своих целях. До тех пор, как констатировалось в документе, пока не будет побежден в деревне кулак, невозможно довести до конца процесс советизации учительства и сельской интеллигенции в целом.

В отношении *профессуры* функционеры ОГПУ излагали следующие соображения. «Наиболее активны из реакционной профессуры это те профессора, которые чувствуют под ногами твердую почву своей научной популярностью. Целый ряд из них позволяет себе открыто критиковать с кафедры отдельные мероприятия советской власти, в частности, проводимый теперь в вузах новый (комплексный) метод преподавания. Двух профессоров такого типа в текущем месяце — Анучина и Харламповича — мы арестовали и выслали в административном порядке, что на время несколько разрядит атмосферу антисоветской активности в профессорской корпорации. Характерным представителем антисоветской активной профессуры является, в частности, и пресловутый профессор ТСХА Дояренко, о котором мы в свое время безуспешно ставили вопрос о его высылке. Крупное научное имя дает ему такую уверенность в своей безопасности, что он в настоящее время фактически проводит забастовку в академии на почве невыплаты содержания»³.

ОГПУ сообщало также о раскрытой на Украине сплоченной группировке кадетской профессуры, которая пыталась

координировать свои действия с ленинградской профессурой, ставя своей задачей скрытую форму саботажа как метода борьбы с советской властью. Такой же метод антисоветской деятельности профессуры был вскрыт в Одессе. В Смоленске на последних пере выборах правления реакционная профессура, выступив сплоченной группой, вела ожесточенную кампанию против коммунистических кандидатов в члены правления университета. В Перми на негласном собрании группой профессуры было вынесено постановление сугубо организационного характера о том, что ни один из профессоров данной группировки не должен самостоятельно решать те или иные вопросы академической жизни без ведома и санкции корпорации; в Харькове, кроме вышеотмеченной группировки профессуры, была раскрыта группировка петлюровской окраски.

Эти факты, по оценке ОГПУ, свидетельствовали о росте антисоветской активности среди интеллигенции, а также о том, что определенная ее часть тяготела к фашизму и монархистам. ОГПУ настораживали факты противодействия интеллигенции пролетаризации вузов. Эта борьба иногда проявлялась в том, что антисоветская профессура «резала» на зачетах пролетарское студенчество и вела преподавание таким образом, что малоподготовленное пролетарское студенчество с большим трудом усваивало научные дисциплины. Отмечалось также и использование профессурой зарубежных командировок для антисоветских целей. В качестве примера приводился профессор Слоним установивший во время командировки, судя по документам, контакты не только с белогвардейскими эмигрантами, но и с Эррио.

Что касается поведения и настроений студенчества, то ОГПУ делало следующий вывод: «До академической и политической проверки вузов на двести с лишним тысяч студентов в главных вузах мы имели студентов, членов профсоюзов, сто примерно тысяч, т.е. почти половина студентов даже внешне не стремилась доказать своей лояльности. Проверка, чрезвычайно взбудоражившая студенчество и профессуру, в общем, хотя и содействовала в значительной степени пролетаризации вузов, однако должна быть признана неудачной, в особенности на Украине. Вначале при проверке, как говорится, “рубил с плеча”, и в некоторых вузах на отдельных курсах исключали до

80%; затем с такой же стремительностью был дан отбой, и комиссией восстановление (в частности, на Украине) в ряде вузов было доведено чуть ли не до 90%. Такие колебания, естественно, чрезвычайно нервировали и озлобляли антисоветское студенчество, которое доходило до эксцессов, и, в конце концов, несомненно, признало, что правительство должно было пойти им на уступки. Этот вывод, несомненно, практически скажется и в будущем, так как студенчество, выказав во время чистки удивительную сплоченность и организованность, выкажет такие же и при других обстоятельствах... Характерным примером этой организованности студенчества являются так называемые коллективы исключенных студентов, представляющие собой сплоченные организации, с выборными уполномоченными, кассой и т.п. В Москве такой коллектив, объединивший до 2000 студентов, нами ликвидирован оперативным путем (изъятием головки организации); в Ленинграде же этот коллектив (объединяет до 500 человек) существует и поныне. Не менее характерными следует признать выявляющиеся в последнее время попытки антисоветского студенчества установить связи с белогвардейскими студенческими организациями за границей... Общий рост антисоветских настроений среди студенчества приводит к тому, что антисоветские полит[ические] партии (меньшевики, леваки и анархисты) пытаются взять в руки руководство студенческим движением и создают ряд контрреволюционных организаций; эти организации, несомненно, будут появляться и впредь, поскольку антисоветская активность студенчества, разжигаемая, между прочим, чрезвычайно тяжелыми экономическими условиями жизни студенчества, развивается в потенции. При соответствующей ситуации эта потенция, несомненно, приведет к активным действиям»⁴.

Наряду с сугубо контрреволюционными группами, ОГПУ фиксировало в Москве и на Украине в студенческой среде наличие замкнутых кружков теософов и христиан, ставивших своей задачей борьбу с комсомолом и с его идеологическим влиянием на молодежь. Усиление антисоветских настроений ОГПУ отмечало в театральной среде, среди молодежи, а также среди журналистов.

Особое внимание ОГПУ обращало на факты «террористических тенденций среди интеллигенции». В качестве приме-

ра назывался ликвидированный ОГПУ так называемый «Орден русских фашистов», возникший в Москве в среде литераторов из Всероссийского союза поэтов; ее руководители – поэты Ганин, Чекрыгин Петр, Чекрыгин Николай, Галанов и ряд других писателей и литераторов. «В организации этой, – указывалось в документе, – отмечается чрезвычайно своеобразное сцепление таких моментов, как террор (не проведенный в жизнь только потому, что мы своевременно ликвидировали Орден), уголовщина, шпионаж, фальшивомонетчики, предательство, вакханалия утонченных половых извращений, наркотики и т.п. Деятели этой организации (Глубоковский, например) имели широкие связи в диапазоне от английской миссии до трущоб “Трубы”, не говоря о широких связях в советском мире. Орден, как это установлено следственной разработкой, подготавливал такие акты, как взрыв здания Коминтерна, ОГПУ, убийство ряда наркомов, установление связей с белой эмиграцией и т.п. При аресте одного из участников этой организации мы захватили несколько пудов шрифта, машинку для выделки фальшивых золотых монет, подлинники протоколов заседаний белогвардейских организаций конца 1921 года, подлинники обращения к Лиге Наций от 1923 года и т.п. Эта разработка чрезвычайно показательна в том отношении, что она характеризует рост потенциальной контрреволюционности среди интеллигенции, которая при соответствующей ситуации, несомненно, может вылиться в форму активных действий. Арестованные нами главари Ордена — братья Чекрыгины, Дворяшин, Галанов и др., несомненно, выполнили бы свои проекты о террористических актах, если бы мы не захватили их вовремя; об этом можно судить хотя бы по тому, что при аресте во время дикой оргии с кокаином, вином и проститутками они пытались оказать нам сопротивление. Кроме Ордена мы отмечали в ряде других разработок по интеллигенции этот характерный рост начавшихся в последние годы террористических тенденций. В одной из таких разработок у нас проходят в Москве десятка полтора бывших офицеров, которые систематически собираются для обсуждения за бутылкой вина фантастических проектов о террористических актах и т.п. Публика такого сорта, несомненно, может перейти от слов к делу, этот вывод и должен служить нашей основной предпосылкой при разработке подобных организаций»⁵.

Следует отметить, что обстановка в стране в целом, спустя десятилетия после революции, складывалась отнюдь не так, как хотелось бы ее руководству, а потому органы госбезопасности того времени официально фиксировали и систематически докладывали «во власть» следующие высказывания протестовавших граждан страны: «Разве это власть, когда она обманывает»; «рано или поздно крестьянину надо схватиться с правительством»; «так дальше оставаться не может, мы должны сделать другую революцию крестьянства, при наличии какого-нибудь случая мы восстанем»; «надо организовать и сделать другую революцию, надо только попробовать, а там дело пойдет»; «Все равно мы пойдем войной против рабочих, будем бить коммунистов»; «Крестьянство оказалось обманутым, нужна новая революция» и так далее.

На базе документов Лубянки представляется возможным классифицировать цели антисоветского террористического движения, участники которого сопротивлялись установлению колхозного строя; выражали недовольство заготовками; распределением земли и воды; уничтожали советских и партийных работников, активистов-колхозников и дехкан; разрушали соваппарат; устраивали волнения и забастовки на предприятиях; распространяли контрреволюционные листовки с призывами к антисоветским действиям; к изменению политики партии, к смене всего руководства, «начиная с Москвы».

Так, под грифом «совершенно секретно» Генрих Ягода докладывал «во власть», что только с 15 декабря 1930 г. по 1 февраля 1931 г. органами ОГПУ на всей территории СССР было «вскрыто и ликвидировано широкое вредительско-повстанческое контрреволюционное подполье» с установкой на подготовку восстания к весне 1933 г.

В 1930 г. обострилось положение на территории Чечни. Там, как докладывали информаторы ОГПУ, происходила активизация кулачества и «объединение всех видов контрреволюционных, бандитских и духовных авторитетов и лидеров». Шла подготовка к вооруженным выступлениям, участились случаи террора на железных дорогах, ограблений, похищений людей. Все это вызывалось насильственными методами коллективизации и наступления на мусульманскую веру. Для стабилизации в Чечню были введены регулярные войска: стрелковая дивизия,

кавалерийская бригада. В это же время в соседнюю Ингушетию вошли пехотный и кавалерийский полки.

Материалы Особых отделов ОГПУ в марте – апреле 1932 г. содержат информацию, которая докладывалась лично Сталину о ходе контрреволюционного вооруженного восстания в Чечне, его причинах и его ликвидации. 20 августа 1933 г. лично Сталину, Молотову и Кагановичу был направлен материал о деятельности кулацких контрреволюционных групп в колхозах, о террористической деятельности контрреволюционных элементов в деревне и борьбе с бандитизмом.

По данным ОГПУ, на Украине было вскрыто 46 контрреволюционных организаций, соответственно 731 ячейка, охватывающая 171 район; в Белоруссии – 23 организаций; в Северо-Кавказском Крае – 29, в Центрально-Черноземной области – 11; в Западной Области – 20, в Горьковском крае – 48, в Московской области – 10, по Средне-Волжскому Краю – 9, в Западно-Сибирском Крае – 38, на Урале – 26 организаций. Одной из крупных политических антисоветских организаций, попавшей в поле зрения чекистов, стал Украинский Национальный Центр (УНЦ), являвшийся межпартийным союзом социалистов-революционеров, социал-демократов, национал-демократов, кооператоров и галичан. Помимо рядовых членов в состав УНЦ и Украинской военной организации (УВО) входили ученые, научные сотрудники, члены коммунистической партии Украины, административные деятели, литераторы, учителя, профессора, инженеры, журналисты, сотрудники Наркомпроса Украины, ВСНХ и других советских наркоматов. Ряд из них были в прошлом членами Центральной Рады. В планы организации, судя по документам ОГПУ, входило также: применение террора в момент восстания, использование террористической деятельности, осуществлявшейся УВО, а также подготовка терактов против Сталина, Косиора, Балицкого и Скрышника. Следует подчеркнуть, что в документах проходит более 600 фамилий лиц, в той или иной степени имевших отношение к УНЦ и его деятельности.

В Усть-Каменогорском и Семипалатинском районах Казахстана состоялись вооруженные выступления с лозунгом: «Долой грабежи и колхозы, да здравствует свободный труд!». Расправа с восставшими оказалась жестокой: десятки убитых, раненых

и покончивших жизнь самоубийством, 600 мятежников были взяты в плен. 3 марта 1930 г. Сталину сообщалось о том, что в Барабинском округе Сибири за оружие взялись до 1000 чел.; 11 марта его информировали о массовых выступлениях в Грузии, Армении, Азербайджане; 15 марта – о том, что в Центрально-Черноземной области за два месяца и 14 дней 1930 г. произошло 205 выступлений с 83 030 участниками.

Активными волнениями в 1930 г. были охвачены районы Нижегородского, Средне-Волжского и Нижне-Волжского краев, Урала, Московской и Ивановской, Западной и Ленинградской областей, Северного и Дальневосточного краев, БССР, УССР, Башкирии, Крыма, Узбекистана, Дагестана. В Закавказье, в частности в Азербайджане, в апреле 1930 г. шли настоящие бои. В Украине в 1930 г. произошел разгром «Народной революционной социалистической партии», состоявшей преимущественно из крестьян.

В целом документы дают общую оценку негативным настроениям значительной части народа в рассматриваемый исторический отрезок времени. По сути, в стране шла скрытая гражданская война, вызванная реакцией людей на тяжелейшее материальное положение рабочих в городах, голод, нехватку предметов первой необходимости, ухудшение условий и оплаты труда, сплошную коллективизацию, разного рода насилия, репрессии, высылки, уничтожение национальных норм жизни разных народов, притеснение церкви и др. Документы Лубянки свидетельствуют также и о том, что ни о каком диалоге протестовавших слоев населения с государственной властью речи не шло и не могло идти, а потому инакомыслие в стране было задавлено, главным образом, силовыми методами.

На основании изучения рассекреченных документов можно сделать вывод о том, что все эти явления в массовом масштабе перерастали в открытый антигосударственный террор. Во многих регионах страны, подвергшихся кардинальным переменам, в 1920–1930 гг. вспыхивали вооруженные выступления, многочисленные акции протеста, бастовали рабочие, развертывалось так называемое «движение кулацкого террора», жесткие столкновения крестьян с властью на почве пользования землей и водой, беспредел в налоговой и продовольствен-

ной политике. Эта тема еще недостаточно изучена в постсоветской историографии.

В качестве примера рассмотрим документально подтвержденную общую динамику забастовочного движения в стране с 1925 по 1930 годы. В 1925 г. было 419 забастовок (75 914 участников), в 1926 – 813 (105 117), в 1927 – 1020 (89 013), в 1928 – 940 (100 796), в 1929– 820 (74 242), в 1930 г. – 1464 забастовки (109 386 участников). Основными причинами забастовок на предприятиях и шахтах становились экономические требования: повысить заработную плату, остановить нерегулярные ее выплаты; ограничить интенсификацию труда; наладить продовольственное и промышленное снабжение, ликвидировать безработицу. Одновременно с экономическими требованиями раздавались политические лозунги, призывавшие к смене власти «вплоть до Москвы».

Значительное количество т.н. «эксцессов», по терминологии ОГПУ того времени, отмечалось в рассматриваемые годы в городах. Наибольшее их количество в 1930 г. было характерно для городов Украины - 12 930 чел. Далее ОГПУ фиксировало многочисленность «эксцессов» в таких регионах, как: Ивановская промышленная область, Урал, Северо-Кавказский край, Московская область, территория Ленинградского Военного Округа, Крым, Средне-Волжский край, Нижккрай, Средняя Азия. В 1930 г. в итоговых информационных сводках ОГПУ отмечалось, что за 1930-й год было ликвидировано: 109 «контрреволюционных и кулацко-белогвардейских повстанческих организаций» и арестован (по неполным данным) 3221 чел.; а также 100 «контрреволюционных группировок» с числом арестованных 612 чел. В соответствии с итоговыми данными ОГПУ, «за контрреволюцию» были арестованы 14 748 чел.; «по шпионажу и диверсиям» ликвидировано 94 «шпионских организаций и групп» с числом арестованных участников – 710 чел.; 10 «диверсионных групп» с числом арестованных участников – 143; а также 796 «одиночек по шпионским и диверсионным делам». Общее количество арестованных «по шпионажу и диверсиям» составило 1649 чел.

На Украине по статье «бандитизм» в 1930 г. проходило три «вооруженных выступления». Это Павлоградское (Днепропетровский округ) восстание (июнь 1930 г.), в ходе которого произошел разгром и ограбление коммуны и совхоза, совершались

акты террора против актива колхоза, выдвигались антиколхозные лозунги, требования поддержать Украинскую Народную Республику (УНР, 1917–1920 гг.). В восстании участвовали 210 чел., в том числе: 155 кулаков, 40 середняков, 7 бедняков, 8 служащих. В подавлении восстания участвовали 15 сотрудников ГПУ, 57 милиционеров, охраны – 18, а также 80 коммунистов. В результате восстания 31 чел. был убит, один ранен.

О другом восстании – Драбовском, начавшемся в Лубенском и Прилукском округах 6–7 июня 1930 г., ОГПУ сообщало, что еще в марте 1930 г. весь район был поражен массовыми выступлениями. Основные действия повстанцев и их лозунги сводились к террору против актива, уничтожению телеграфа и телефона, поджогам советских учреждений. Повстанцы призывали к всеобщему восстанию, борьбе за независимость Украины и за УНР. В ходе восстания были убиты 7 сотрудников ОГПУ, арестованы 149 чел., изъято 19 единиц огнестрельного оружия.

Третье восстание – Синявское проходило 12–15 марта 1930 г. в Сумском и Ровенском округах. ОГПУ заранее предупреждало, что район будущего восстания поражен массовыми выступлениями. В ходе восстания были разгромлены два сельсовета, раймилиция, захвачено оружие, подожжено здание сельсовета и милиции. Восставшие выдвигали лозунги: за индивидуальное землепользование, за самостоятельную Украину. В восстании участвовали 50 чел., в основном «кулацкая молодежь и бандитский элемент», арестованы 46 участников, изъято 13 единиц огнестрельного оружия. В подавлении восстания участвовали 40 сотрудников ГПУ и милиции. Восстанием руководила, как сообщало ОГПУ «кулацкая контрреволюционная организация».

Если рассмотреть положение в национальных областях Северо-Кавказского края и Дагестана, то здесь за 1930-й год были ликвидированы «по контрреволюции» 6400 чел., зарегистрирована деятельность 88 банд с 957 участниками, арестованы 714 чел., убиты 124 «бандита», ликвидировано «бандодиночек» – 2440. В этом регионе ОГПУ зафиксировало в 1930 г. семь вооруженных восстаний, кроме того, в ряде случаев восстаниями было охвачено несколько округов и районов разновременно.

Достаточно перечислить следующие протестные регионы:

Кабардино-Балкария. Нагорно-Баксанский округ (восстание 13 февраля – 7 марта), Балкарский округ (16 февраля – 12 мар-

та); Мало-Кабардинский округ (22 февраля – 5 марта); Урванский округ (1 – 4 марта); *Карачай-Черкесия*. Мало-Карачаевский округ (1 марта – 12 апреля); Тибердинское ущелье (19 – 28 марта); Учкуланский округ (18 – 27 марта); Мар-Архызский округ (7 марта – 3 апреля); «*Стык*» и *Голончожский район Чечни* – район «Стыка» (15 марта – 3 апреля); Голончож (15 марта – 8 апреля); *Горная Ингушетия* (17 марта – 1 апреля); *Чечня (Чиберловеский р-н, Нагорная Чечня)* (4 – 30 июля); *Южный Дагестан* (5 районов, граница Азербайджана) (27 апреля – 6 июня); *Дидоевско-Ункратлинское*. Дидоевский участок (11 марта – 23 апреля); Ункратлинский участок (восстание 11 – 16 апреля). По данным ОГПУ, участников восстаний насчитывалось 13 500, восстаниями были охвачены 173 населенных пункта. В боях были убиты 608 повстанцев, ранены 349, захвачены в боях 339, арестованы – 1584, добровольно сдались 2464 повстанца.

Согласно итоговым сведениям по борьбе с контрреволюцией по линии Контрольно-Разведывательного и Военного Отделов, за 1930 г. на Северном Кавказе (как в русских районах, так и в национальных областях) было ликвидировано: «контрреволюционных кулацко-белогвардейских повстанческих организаций» – 83, арестованы – 4300 чел.; ликвидировано «контрреволюционных группировок» – 725, арестованы – 5177 и «контрреволюционных одиночек» – 5966 чел. Всего по обвинениям в контрреволюции были ликвидированы 15 443 чел. Уничтоженные контрреволюционные силы по социальному составу градировались властью следующим образом: кулаков – 6836, середняков – 3905, зажиточных – 1350, бедняков – 621, прочих – 656.

Таковы лишь некоторые выборочные факты и статистика протестного движения, представлявшего угрозу существованию советской системы власти. Ответом на эту угрозу явились широкомасштабные репрессии, которым подверглась значительная часть населения в ходе операций воинских формирований и отрядов ОГПУ по подавлению массовых выступлений с использованием террористических способов борьбы против антисоветских деятелей за рубежом. Нараставшую мощную волну протеста в стране приостановила лишь начавшаяся Вторая мировая, а затем и Великая Отечественная война. Трагическая и героическая судьба России генетически сформиро-

вала у народа уникальную способность к всесторонней мобилизации в ответ на внешние вызовы и угрозы в экстремальные судьбоносные периоды истории. Важнейшим феноменом российской, в то время советской, государственности по-прежнему оставался выработанный веками стержень русского соборного патриотизма, который спасал Отечество от любого иноземного нашествия. В годы Великой Отечественной войны он совпал с пропагандой советского патриотизма, чутко уловленной властью, когда все смертельные обиды на советское государство, все групповые пристрастия и личные интересы отступили в сторону перед иноземным нашествием.

Вот почему при наличии немалого протестного движения в стране стала возможной ее массовая защита в годы Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Статья подготовлена на основе сквозного системного и контент-анализа всего объема ежемесячных аналитических обзоров политико-экономического состояния СССР и ежедневных сводок ВЧК-ГПУ-ОГПУ, опубликованных в десятитомном документальном издании «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Кн. 1–2. 1922–1923 гг. М., 2001; Т. 2. 1924 г. М., 2002; Т.3. 1925 г. М., 2002; Т.4. 1926 г. М., 2001; Т.5. 1927 г. М., 2003; Т. 6. 1928 г. М., 2004; Т.7. 1929 г. М., 2007; Т.8. Часть 1–2. 1930 г. М., 2008; Т.9. 1931 г. М., 2013, а также материалов книг: Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические, контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью. По документам ВЧК-ОГПУ. М., 2012. С. 17–73, 164–203, 206–282; С.А. Мельников, Ю.Л. Дьяков, Л.П. Колодникова, В.Ф. Зима, Т.С. Бушуева. Советское общество 1920–1941. Цивилизационный феномен. Исследования. Документы. М., 2014. С. 135–187, 285–262, 623–668.

² Всемедикосантруд – Всероссийский профсоюз работников медико-санитарного труда; Всеработземлес – Всероссийский профессиональный союз работников земли и леса; Всерабис – Всероссийский союз работников искусств.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т.2. 1924. М., 2001. С.390.

⁴ Там же. С.391–392.

⁵ Там же. С. 395–396.

Л.П. Колодникова (Россия)

Особенности гражданского общества в СССР в 30–40-е гг. XX в.

Открывшийся исследователям массив ранее скрытых документальных источников позволяет рассмотреть проблему гражданского общества не только с правовой или социологической сторон, но, прежде всего, в историческом ракурсе. Гражданское общество и диссидентство в СССР в рассматриваемый период существовали в весьма специфических условиях и формах не только с 60–70-х годов XX в., но и на более ранних этапах существования СССР. И хотя в настоящее время доступен значительный документальный пласт источников, процесс существования и функционирования гражданского общества еще далеко не изучен.

Ключевые слова: СССР, авторитарно-командная система, власть, госбезопасность, антисоветизм, политические процессы, гражданское самосознание, гражданское общество, цивилизационный феномен.

Документальные источники высокого уровня информативности свидетельствуют о том, что советская политическая система до сих пор остается наиболее сложной структурой, своеобразным советским цивилизационным феноменом, требующим дальнейшего научного постижения. Это было время, полное драматизма и проверки способности людей выживать в тяжелейших условиях. Историкам еще предстоит понять мотивы этого общества.

Мощный поток официальной пропаганды активно формировал в сознании людей убеждение, что они являются первыми строителями самого справедливого общества на земле, ради чего можно все вытерпеть. Пафос и оптимизм имели под

собой реальную основу, так как за короткий исторический срок разоренная войнами и революциями страна ценой самоотверженного труда и лишений миллионов превращалась в индустриальную державу, открылся широкий доступ населения к образованию, медицине, культуре. Все это поддерживало авторитет власти в глазах советских граждан. Гордость за свою страну, достижения которой связывались с именем Сталина, станут побудительным стимулом для защиты страны в годы Великой Отечественной войны. Вместе с тем оптимизм официальной пропаганды входил в противоречие с другими реалиями жизни: репрессиями, выселением крестьянства, преследованием религии.

По переписи, проведенной в марте 1939 г., численность населения СССР составила 170 126 000 чел.¹ С вхождением в состав СССР новых территорий² в 1939–1940 гг. она возросла еще на 20,1 млн. чел. Таким образом, накануне Великой Отечественной войны СССР был одной из самых крупных и самых «молодых» государств мира, к этому надо добавить невероятную динамичность населения предвоенных лет. Высокая численность населения СССР обеспечивала как производительные, так и вооруженные силы страны в случае агрессии.

Рассекреченные документы госбезопасности рассматриваемого времени свидетельствуют, что в стране по-прежнему грозно бурлила поднятая революцией волна народного чувства социального реванша по отношению к старому миру, пробивая для революционного потока все новые русла в области экономики, культуры, политических установлений, социальных отношений. И когда революция стала доходить до каждого человека, когда бедные и даже нищие люди поняли, что они могут не только встать вровень с богатым, имущим, интеллигентным человеком, но и оказаться выше него в социальной иерархии, когда они в полной мере осознали этот сокровенный смысл революции, тогда революция явила собой многомиллионный социальный взрыв, который и стал на десятилетия исторически реальным результатом Октября 1917-го.

Представленная в настоящей статье научная позиция, возможно, противоречит тем основополагающим критериями, которые в настоящее время принято вкладывать в такие термины, как диссидентство или гражданское общество. Дело

в том, что открывшиеся в постсоветский период источники дают возможность рассмотреть данные понятия, как это ни парадоксально, в формате советской системы такого временного отрезка, как 1920 – начало 1940-х гг. Существование гражданского общества в рамках советской системы, конечно, не было связано ни с всеобъемлющей демократизацией, ни с демократическими институтами. Оно стало возможным только вопреки существовавшей политической системе, в жестком противодействии ей. Загнанные властью в подполье, одни формы антисоветской борьбы исчезали, уступая место другим.

Открывшийся исследователям массив ранее скрытых документальных источников позволяет рассмотреть проблему гражданского общества не только с правовой или социологической сторон, но, прежде всего, в историческом ракурсе. Гражданское общество как в рамках Российской империи, так и позднее в советской системе, – это особое, отличное явление, по сравнению с моделями, утвердившимися в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, явление, присущее только такому гигантскому государственному образованию, как Россия в разных ее исторических ипостасях. В истории России все тесно связано и переплетено, и функционирование здесь гражданского общества – явление не одномоментное. Гражданское общество не могло появиться и начать функционировать, не пройдя длительного периода своего созревания, сопровождавшегося многочисленными факторами внутреннего и внешнего воздействия. Ряд исследователей гражданского общества полагают, что оно существовало всегда. Эта точка зрения в известной степени оправдана. Известно, что Аристотель определял государство как совокупность граждан, и только Гегель, а затем К. Маркс и Ф. Энгельс, высказали идею о самостоятельном существовании гражданского общества наряду с государством и вне его в результате сужения роли последнего. Именно в рамках советской системы гражданское общество существовало по Гегелю и Марксу.

Конечно, гражданское и тоталитарное общества, казалось бы, несовместимы. Именно эта точка зрения существовала в советской историографии. Однако в статье будут приведены факты, которые свидетельствуют о том, что как гражданское общество в СССР, так и диссидентство в рассматриваемый пе-

риод существовали здесь в весьма специфических условиях и разнообразных формах, причем не только с 60–70-х гг. XX в., но и на более ранних этапах. И хотя в настоящее время доступен значительный документальный пласт источников, процесс существования и функционирования гражданского общества еще далеко не изучен.

Гражданским обществом обычно называют наивысшую форму общности, состоящую из частных лиц или классов, групп и институтов, прямо не зависящих от политического государства. Рассмотрим лишь несколько свидетельств того, что гражданское общество, диссидентское движение в СССР или, точнее говоря, антисоветское, контрреволюционное и националистическое движения, если применять терминологию силовых структур советского времени, несмотря на успехи социалистического строительства, все еще оставались тем грозным явлением, которое беспокоило политическое руководство советской страны с момента революционного переворота.

Остановимся только на одном сюжете, а именно на деятельности официально ушедших с исторической российской сцены традиционных политических партий. В документах информационной службы госбезопасности 1920-х гг. содержатся аналитические оценки меньшевиков, правых и левых эсеров, кадетов, максималистов, анархистов, монархистов, а также партий в национальных регионах страны. В истории этих оппозиционных большевистскому режиму партий рассматриваемый период до сих пор все еще остается «белым пятном». Такое положение вызвано слабым исследованием источников, а именно архивных дел ОГПУ–НКВД, а также недостатком введенного в научный оборот значительного массива эмигрантских источников (периодических изданий, мемуаров, личной переписки и др.).

Отечественная историография сводила всю деятельность политических партий к мрачной картине только «умирания» и «угасания». В соответствии с общей оценкой ГПУ, данной в 1922 г., все антисоветские партии переживали кризис и раскол, переходя к нелегальной деятельности. ОГПУ сообщало во власть: «Хотя старые политические партии и группы (эсеры, меньшевики, анархисты и пр.) находятся в состоянии распада и в значительной степени оторваны от масс и низового

движения, дальнейшее развитие классовой борьбы, и особенно борьбы деревни с городом, может, в случае ослабления репрессивного давления, явиться толчком к быстрому возрождению этих политических партий и превращению их в организационный костяк, который овладеет разрозненным движением, направит его по определенному руслу, даст ему определенное политическое оформление».

Документы ОГПУ, пожалуй, впервые дают исследователям огромный материал для конкретного рассмотрения антисоветской деятельности партий, ушедших в подполье, озлобившихся, изменивших тактику, оправившись от нанесенного органами госбезопасности удара, умело применявших конспирацию, не смирившись с новой властью.

Какие же выводы можно сделать на основании анализа источников? Прежде всего, в рассматриваемый временной отрезок времени, несмотря на преследования властей и силовых структур, а также громкие политические процессы над партиями, тем не менее, их деятельность по-прежнему характеризовалась:

Во-первых, широчайшим пространственным размахом. Она как бы расплзалась как незаметная порой паутина, но обволакивала в самых разнообразных формах огромную территорию СССР. Ею охватывались *центральные губернии и регионы* (Украина, Сибирь, Урал, Кубань), особенно Москва, Ленинград (Петроград), Харьков, Киев, Минск, Архангельск, Витебск, Вятка, Одесса, Гомель, Ростов-на-Дону, Новониколаевск, Тюмень (Тюменское Единое Потребительское Общество), губернии: Актюбинская, Архангельская, Алтайская, Акмолинская, Владимирская, Иваново-Вознесенская, Калужская, Киевская, Костромская, Одесская, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Рязанская, Ставропольская, Саратовская (правые эсеры – «учредивловцы»), Смоленская, Тамбовская, Томская, Тульская, Тюменская, Тверская, Харьковская, а также национальные восточные области (Туркестан), Северный Кавказ (Горреспублика), Закавказье (Грузия – на ее территории все еще продолжалась вооруженная борьба с советской властью), Азербайджан – (Бакинская организация ПСР). Так, меньшевики активно действовали через свои ячейки на Глуховской, Морозовской мануфактурах, Сестрорецком оружейном заводе, заводе Сельстрой, на заводе Дюмо, а также

в таких гособъединениях, как Внешторг, ВСНХ, Всемедикосантруд, Сибпродком, Наркомзем, Всероссийский союз промышленной кооперации, Сибцентросоюз, Рабиспрос, Моспродком, в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, 1-м Государственном университете, Институте восточных языков, Институте народного хозяйства им. Карла Маркса, на бывшей типографии Сытина, во многих вузах и на предприятиях, в кооперации, на железных дорогах и станциях (Московско-Балтийская, Белорусская, Курская, Южные железные дороги, Ярославские главные мастерские). Представители политических партий не прекращали деятельность в Крыму (швейники), в Сочинском районе (здесь действовал Комитет освобождения – подпольная организация эсеров), в южных и юго-восточных районах РСФСР, в южных губерниях Украины, в Поволжье и Сибири. Усилилась работа в Нижнем Новгороде, Ярославле, в Царицыне, в профсоюзах печатников, кожевников, швейников, советских работников, Томгубсоюзе, в Ставрополе наблюдалось объединение белого офицерства с правыми эсерами и кадетами. В Сибири (Иркутск), Омске, Красноярске активизировалась организация правых эсеров.

Во-вторых. Можно констатировать факт наличия, несмотря на репрессии, *опытных кадров* в составе партий, имевших значительный опыт работы в массах, что давало возможности активизировать работу.

В-третьих, партийцы оперировали самыми *разнообразными формами и способами деятельности*, но цели в основном сводились к подрыву и неприятию существовавшей власти. Эсеры, меньшевики провоцировали рабочих на забастовки (в том числе на крупных предприятиях) и другие беспорядки, осуществляли, по терминологии используемых документов, «будирование рабочих» на сугубо экономической почве; выступали на рабочих и других собраниях, уделяли внимание работе среди рабочей молодежи; распространяли влияние партийных кадров; вели агитационную и пропагандистскую работу; агитировали учителей; восстанавливали партийные типографии, что давало возможность изготавливать большое количество партийной литературы; агитировали против изъятия церковных ценностей; организовывали кружки для обсуждения партийных программ и текущего момента; заво-

евывали влияние в кооперативных органах; распространяли листовки, агитационные листки, прокламации, циркулярные письма к организациям и др. Литература распространялась на собраниях, среди сочувствовавших и в местах скопления людей. Под разными предлогами видные эсеры-партрработники старались пробраться в центр, проникали в кооперативные учреждения и местные органы власти. В Западном крае эсеры нацеливались на овладение сельхозкооперацией. Большевики проводили работу в армии, и ОГПУ фиксировало довольно сильною меньшевистскую группу, образовавшуюся в Отдельной Кавказской армии (комдив Масенадзе).

В Минске также работала организация социал-демократического «Бунда», ведя довольно энергичную работу среди еврейских масс. На беспартийную еврейскую конференцию, проведенную в конце мая, организации удалось провести восемь человек своих членов, где они выступали с требованием установления в России единого фронта социалистических партий.

Свои цели бывшие партийцы видели в осуществлении плана террора по отношению к коммунистам с целью свержения советской власти³ и передачи всей власти Учредительному собранию; организации т.н. «эксов»; в разложении советского аппарата, установлении конституционной монархии, достижении независимости профсоюзов, подготовке всеобщего собрания рабочих.

Нужно отметить, что относительно заграничной работы зарубежные делегации Социал-Демократической Рабочей Партии (СДРП) и Партии социалистов-революционеров (ПСР) приняли решение объединить работу по таким направлениям как: отправка в Россию «людей за литературой, организация совместных ячеек на фабриках и заводах, и в профсоюзах, совместное распределение в Советской России литературы». В Париже ожидалось совещание представителей левых кадетов, правых эсеров и меньшевиков по вопросу создания объединенной Республиканско-демократической партии и об издании нового журнала «Новь», предназначенного, главным образом, для России. В Москве и Харькове было перехвачено два меморандума бюро ЦК Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) на имя германской рабочей делегации с характеристикой положения рабочего класса в России.

В ноябре в Чехословакии состоялось совещание представителей Партии социалистов-революционеров (ПСР) и Польской социалистической партии (польская аббревиатура ППС – Polska Partia Socjalistyczna), которое вынесло постановление об организации единого социалистического фронта против СССР и РКП (Российская коммунистическая партия (большевики)). ППС обязалась через польское правительство оказывать эсерам финансовую поддержку. Польское правительство согласилось на образование «центра» на польской территории, был решен и вопрос о финансовой поддержке, а газета правых эсеров «Дни» (главный редактор – А.Ф. Керенский) переместилась в Варшаву. Согласие на свое вступление в «центр» дали меньшевики, Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП) и Украинский Союз федералистов (УСФ).

ГПУ удавалось нейтрализовать некоторые важные партийные центры, в частности ленинградскую организацию ПСР, причем было арестовано ее новое Центральное бюро, созданное после разоблачения провокации в рядах партии в СССР («беспаловщина»), (всего отправлены в тюрьму 40 чел.); сталинградскую ячейку ПСР во главе с губбюро (арестованы 20 чел.); юго-восточную областную организацию во главе с юго-восточным облкомитетом (операции производились в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Новороссийске, Армавире, Пятигорске, Нальчике, Нахичевани, Ставрополе, и арестованы до 200 чел.); новозыбковскую группу ПСР в Гомельской губернии (арестованы пять чел.).

Что касается кадетов, то ОГПУ отмечало, что кадетские группировки вокруг различного рода легальных научно-технических обществ и союзов усиливаются по всей территории РСФСР; а основная линия тактики – это «внеполитическая платформа, уводящая их за пределы правительственного влияния». Относительно зарубежной деятельности указывалось на начало переговоров о создании Республиканско-демократической партии. Планировалось в ближайшем будущем в Париже организовать совещание представителей левых кадетов (Милоков, Демидов, Волков), кадетов (Бакор, Зелинский), правых эсеров (Авксентьев, Руднев, Вишняк), правых социал-демократов и энесов (с участием Кусковой и Прокоповича).

ИНФО ГПУ сообщало о том, что в среде кадетов для борьбы против советской власти отдавалось предпочтение военному перевороту, нежели народному восстанию. Наиболее желательным для кадетов являлся «военный переворот», произведенный красноармейскими частями под руководством высшего состава и представителей интеллигенции. Вместе с тем ГПУ констатировало, с одной стороны, факт отсутствия у правых кадетов непосредственной связи с РККА, а с другой – хорошие связи среди петроградской и московской интеллигенции⁴.

Что касается организаций и партий еврейского народа, то следует отметить, что в 1923 г. ОГПУ сообщало о решении Сионистско-социалистической партии, которая потребовала от «советской власти скорейшего разрешение свободной эмиграции во все страны мира, в частности в Палестину, а также представления льгот и оказания помощи трудовой эмиграции». И далее ОГПУ фиксировало решение этой партии «вести решительную борьбу с Евсекцией, разъясняя еврейским трудящимся, с одной стороны, значение Палестины как главного фактора лабораторизации и полного национального освобождения, а с другой – предательскую роль Евсекции, фактически стандартизирующейся (так в оригинале. – Л.К.) с арабскими помещиками в палестинском вопросе». Члены партии открыто требовали: 1. Признание еврейской нации равноправной политической частью СССР путем привлечения представителей еврейских трудящихся в совет национальностей. 2. Предоставление еврейским трудящимся национально-персональной автономии в форме трудовых советов. 3. Содействие государственных органов в работе по экономическому восстановлению и лабораторизации еврейских трудящихся».

В ежемесячном докладе за подписью врио Начальника секретного отделения Козалева и уполномоченного политгруппы секретного отдела Лившица 7-му отделению СО ГПУ УССР (Харьков) о деятельности Сионистской организации «Цейрей-Цион» на Волыни за время с 1 июля по 1 августа 1923 г. отмечалось: «А) Члены Житомирской Сионистской организации «ЦЕИРЕЙ-ЦИОН» выявлены все, но необходимо отметить, что существующая сионистская организация на периферии в Старо-Константинове и Кутузове, которые поддерживают связь с Житомиром и Киевом (здесь и выше выделено в оригинале. –

Л.К.) непосредственно и другими организациями, выявление всех членов вышеназванной организации проходит весьма слабо, ввиду отсутствия квалифицированных работников на местах и на что нами обращено серьезное внимание и приняты меры к устранению этого дефекта, тормозящего освещение деятельности Сионистских организаций на периферии»⁵.

По итогам 4-ой Всероссийской партконференции СТП «Цеирей-Цион» [июнь–июль 1925 г.] были сформулированы следующие положения: «Ведь, в сущности, коммунисты в СССР закабаляют волю и творчество населяющих СССР народов не в меньшей степени, чем это делает Англия в своих колониях... РКП гордится “разумным решением” проблемы нацменьшинств, но это глубоко неверно. Всякие, “автономные” и “самостоятельные” ЦИК и представляют собой не что иное, как обыкновенную национально-культурную автономию и то не для широких масс народа, а для правящей верхушки. В отношении же еврейского населения СССР и эти бумажные решения не применяются. Мы очутились вообще за бортом советской “нации” [...]»⁶.

На общую обстановку в стране заметное влияние оказывали продолжавшиеся в 1925 г. внутривнутрипартийные дискуссии по различным проблемам внутреннего и международного положения. Практически велась борьба за власть, за лидерство в осуществлении того или иного политического курса в стране. Его реализация проходила достаточно тяжело, о чем свидетельствуют документы архива Лубянки. Со страниц рассекреченных документов силовых структур ОГПУ советского времени впервые предстает не спокойно созидающая страна, как писали об СССР, а страна, в значительной своей части охваченная протестным движением.

Вполне очевидно, что общество в целом в рассматриваемый временной период переживало тяжелейший процесс приспособления к новой власти. К середине 1930-х гг. в СССР завершилось формирование административно-командной системы. Ее важнейшими чертами стали: централизация системы управления экономикой, сращивание политического управления с экономическим, усиление авторитарных начал в руководстве общественно-политической жизнью.

Именно к этому времени борьба за власть увенчалась победой И.В. Сталина и его окружения. При осуществлении выбранной политической линии жестко отвергались любые

альтернативные позиции и взгляды. Партия большевиков все более переставала быть политической партией, ее аппарат постепенно срастался с государственными структурами⁷. Именно она определяла политическую, идеологическую, экономическую и культурную ситуацию в стране. Сталин и его сторонники выступили за использование наиболее радикальных методов преобразования общества по социалистическому образцу, в их понимании.

Несоответствие целей по преобразованию общества с методами их достижения и создание однопартийной политической системы отталкивали от большевиков демократическую интеллигенцию, казачество, кулаков, середняков, бывших представителей политических партий⁸. Недовольство в обществе усиливалось разрушением вековых традиций, перекраиванием без учета исторических и этнических особенностей административной карты России. На основе анализа объективных источников – донесений, сообщений, оперативных, специальных сводок во власть от органов ОГПУ очевиден вывод о том, что значительная часть протестных акций в стране носила именно политический характер, свидетельствуя о далеко еще не закончившихся процессах гражданской войны.

Авторитарно-командная система осуществила предельную концентрацию власти с доведенным до предела единообразием и авторитарностью во всех сферах экономического, политического и культурного развития страны.

Научный подход к прошлому позволяет найти в определенной мере ответы на вопросы: каковы причины возникновения проблемы, в чем заключается ее сущность, какую роль здесь играет идеология, политика, государство. История исследуемого периода имеет свою логику и этапы. Это позволяет реализовывать замысел, затрагивая многие проблемы одновременно с обоснованием авторских методологических подходов. Разнообразие взглядов, позиций, надежд и разочарований, жесткий прессинг повседневности, упования на лучшее и в тоже время постоянное ощущение трагического – все это было характерно для 1920-х гг. прошлого столетия. Сегодня мы можем говорить о том, что перенес и сколько претерпел народ нашей страны, какими невероятными усилиями выжил, сохранив генетическое чувство любви к Отечеству, прозревал, преодолевая насилие и лицемерие демагогов от власти. И в этом оче-

виден тот своеобразный, трагический, но определенный нам ходом истории, путь прозрения и выработки гражданского самосознания народа России.

История повторяется: события в России конца 2011–2012 гг. вновь актуализировали проблему выработки приемлемой модели взаимоотношения власти и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. I. 1900–1939 гг. М., 2000. С.180.

² Были присоединены западные области Украины, Белоруссии, Правобережная Молдавия, Литва, Латвия и Эстония.

³ *Чечня*. Отмечается оживление деятельности партии Иттихат–ислам, причем действия ее становятся более конспиративными. Имел место ряд совещаний видных деятелей организации (Гоцинского, Али–Митаева, Бело-хаджи и турецких агентов), вслед за коими усилилась агитация за неподчинение советской власти и распространялись слухи о приходе турок.

⁴ В декабре 1922 г. ГПУ сообщало: «Между прочим, Гессен стремится эти связи расширить путем взятия под свое влияние высланных в Берлин из России интеллигентов. Он ведет переговоры с профессором Ильиным, Кизеветтором, Кузьминым–Караваевым и Франком. Кроме того, Каминка имеет большие связи в берлинском представительстве Наркомвнешторга, а Гессен в петроградском издательстве “Право”».

⁵ «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. 1925. М., 2002. С.134.

⁶ Там же.

⁷ В середине 1937 г. заведующий организационным отделом ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков представил вождю записку со следующими данными. Среди секретарей обкомов партии высшее образование на то время имели лишь 15,7%, а низшее — 70,4%; секретарей окружкомов соответственно 16,1 и 77,4; секретарей горкомов — 9,7 и 60,6; секретарей райкомов — 12,1% и 80,3%. К 1921 г. 90% состава партии вступили в ее ряды во время Гражданской войны. К 1923 г. лишь 1% членов партии с дореволюционным стажем состояли в рядах большевиков

⁸ Декретами «Об аресте вождей гражданской войны против революции» (ноябрь 1917 г.) и о «красном терроре» большевистское руководство законодательно обосновало «право» на насильственную расправу со своими политическими оппонентами. См.: Осенина Е.А. Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 13–14.

РАЗДЕЛ 2

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА: КОНЦЕПЦИИ И ВЕРСИИ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ГДР

III. Трёмбст (Германия)

Восточноевропейские оппозиционные движения в западных исследованиях по Восточной Европе (1975–1989).

Три очерка¹

Диссидентские группы и оппозиционные движения, возникшие после Хельсинкского совещания 1975 г. в сфере советской гегемонии, занимали подчиненное место в ряду проблем, волновавших западных ученых – специалистов по СССР и Восточной Европе. Однако были и примечательные исключения, как в научных кругах, так и за их пределами. Статья посвящена журналу «Info des Sozialistischen Osteuropakomitees» («Информационный бюллетень Социалистического комитета по Восточной Европе»), издававшемуся с 1973 по 1979 гг. студентами университетов в Гамбурге и Берлине, канадскому политологу Г. Гордону Скиллингу, который после Пражской весны из коммуниста советского толка стал антикоммунистом, сторонником Хартии 77 и ее «хронистом», наконец, Институту по Восточной Европе («Forschungsstelle Osteuropa») Бременского университета – проекту, объединившему в себе не только институт, но и центр документации, библиотеку и архив. Основанный в 1981 г., он вскоре получил повсеместное признание в Европе как ведущий исследовательский центр, изучающий гражданские движения и самиздат в странах «восточного блока».

Ключевые слова: Восточная Европа, ГДР, западные исследования, левые силы, гражданские движения, самиздат.

Хронологические рамки статьи – период с 1975 по 1989 гг. – пересекаются с этапом моей профессиональной биографии, тесно связанным с изучением Восточной Европы на Западе. В эти годы я был, соответственно, студентом, аспирантом,

научным сотрудником и, наконец, главным ассистентом в Институте Восточной Европы (*Osteuropa Institut* или сокращенно *OEI*, далее – ОЕИ) Свободного университета в Западном Берлине. Этот основанный в 1958 г. в городском квартале Далем Институт региональных исследований был, наряду с американским Радио «Свобода» / «Свободная Европа», располагавшимся в Мюнхене, и Федеральным институтом восточноевропейских и международных исследований в Кельне (*Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien* или сокращенно – *BIOst*, далее – БИОст), крупнейшим в ФРГ учреждением, специализировавшимся на изучении Восточной Европы. Берлинский ОЕИ имел в период своего расцвета, в годы «холодной войны», до 25 профессорских ставок и штат, насчитывавший 50 научных сотрудников и 50 библиотекарей и другого научно-вспомогательного персонала, крупную библиотеку междисциплинарного характера, издавал многочисленные журналы и периодические издания². Сегодняшний ОЕИ с его пятью профессорами – не что иное, как бледная тень себя самого³. Зато он, как минимум, продолжает свою работу, в то время как Институт в Кельне в 1999 г. был распущен.

Если проанализировать многоплановую деятельность ОЕИ – преподавание, научная работа, публикации, мероприятия, конференции и библиотечные коллекции – за полтора десятка лет в контексте заявленной мною темы, субъективный вывод будет однозначно негативным. Восточноевропейские оппозиционные движения не играли какой-либо заметной роли ни в учебных планах, ни в общем потоке научных публикаций. Печальную картину несколько подправляют немногочисленные сотрудники Института, стоявшие в стороне от магистральных направлений в исследованиях, такие как Петер Райна – родившийся в Индии специалист по Польше, или происходивший из Восточной Галиции Богдан Осадчук (публиковавшийся под именем Александр Кораб), а также то обстоятельство, что одна из студенческих групп в ОЕИ («Социалистический комитет по Восточной Европе») поддерживала тесные связи с восточноевропейскими диссидентами, публиковала их тексты в переводе на немецкий язык и, таким образом, закладывала фундамент для будущих региональных исследований.

Изучение Восточной Европы в Западном Берлине имеет, конечно, свою локальную специфику, что не позволяет считать ситуацию там типичной для ФРГ или изучения Восточной Европы на Западе в целом. Тем не менее, западноберлинский опыт в некотором роде довольно показателен: восточноевропейские оппозиционные движения, те, которые формировались вне коммунистических партий, воспринимались западной наукой в целом как политически маргинальные и, как следствие, привлекали ограниченные исследовательские ресурсы. Конечно, имелись исключения, но они оставались, по крайней мере, до эпохальной даты 1989 г., не более чем исключениями. Тот, кто просмотрит тома с 6 по 39 (за 1956–1989 гг.) самого влиятельного в этой области немецкого журнала «*Osteuropa*» («Восточная Европа»), имевшего в то время подзаголовок «*Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens*» («Журнал о вопросах современности Востока»), найдет совсем немного информации о советских диссидентах и ненамного больше о демократической оппозиции в Центральной и Восточной Европе⁴. Картина ощутимо меняется в других периодических изданиях, подобных печатному органу русской эмиграции в Париже журналу «Континент», который с начала 70-х годов XX в. издавался Корнелией Герстенмаер на немецком языке под названием «*Kontinent. Ost-West-Forum*» («Континент. Форум Восток–Запад») с целью «компетентного распространения новостей о развитии демократических оппозиционных движений в Восточной Европе». К слову, «Континент» являлся не профессионально-научным, но политико-консервативным журналом. Англо-американский исследовательский ландшафт был немногим лучше: там могли похвастаться сборником «Оппозиция в Восточной Европе», который составил и в 1979 г. издал Рудольф Текеш⁵, в то время как близкие по тематике журналы «*Index on Censorship*» («Цензурный указатель», издавался с 1972 г.), основанный в 1977 г. «*Labour Focus on Eastern Europe*» («Лейбористский фокус на Восточной Европе»), наконец, «*Cross Currents*» («Перекрестные течения», издавался с 1982 г.) и «*Across Frontiers*» («Поверх границ», издавался с 1984 г.) не были строго научными.

Три из перечисленных исключений будут более подробно рассмотрены ниже. Итак, *pars pro toto*⁶, я сосредоточусь на

одном периодическом издании, на одном выдающемся ученом и на одном научном институте в надежде, что из этих фрагментов мозаики сложится общая картина. Периодическое издание – это основанный в 1973 г. «*Info des Sozialistischen Osteuropakomitees*» («Информационный бюллетень Социалистического комитета по Восточной Европе»). Его издавала группа студентов, осевших затем в Свободном университете Берлина и других западногерманских университетах. Ученый – это скончавшийся в 2001 г. канадский историк Восточной Европы Г. Гордон Скиллинг. Научное учреждение – Институт по Восточной Европе Бременского университета (*Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen*).

«*Info des Sozialistischen Osteuropakomitees*». Из трех основных – вышедших из студенческих движений 1968 г. в ФРГ – течений новых левых, а именно промосковского, маоистского и троцкистского, лишь последнее проявляло интерес к оппозиционным движениям в зоне советской гегемонии. Это не в последнюю очередь объяснялось антисталинистским импульсом, а еще тем, что оппозиционные движения в Восточной Европе в большинстве своем определяли себя как социалистические. Ученые амбиции этого позднего троцкизма проявлялись в том числе и в научных публикациях его активистов, даже в защите диссертаций. Тематически их интересы в некоторых западногерманских университетах пересекались с леволиберальными и социалистическими течениями, получившими в то время известность, как «недогматические». К началу 1970-х гг. ряд западноберлинских и гамбургских троцкистов объединились с недогматиками в уже упомянутый «Социалистический комитет по Восточной Европе», который в 1973–1987 гг. издавал журнал «*Info des Sozialistischen Osteuropakomitees*»⁷.

В редакционной статье говорилось: «Мы полагаем, что левые силы не должны обходить молчанием – как это было до сих пор – репрессии в отношении различных оппозиционных течений в Восточной Европе. Это молчание будет истолковано как согласие и лишь подтвердит уравнивание социализма с бюрократическими деформациями его реально существующих типов, отчего выиграет только буржуазная пропаганда»⁸. Берлинская группа Комитета тесно взаимодействовала с по-

литически и регионально близкими организациями, такими как основанный в 1973 г. там же, в Западном Берлине, «Комитет против репрессий в Чехословакии и Восточной Европе», а также с ведущими левыми интеллектуалами в ФРГ, такими как Эрнст Блох, Руди Дучке, Ханс Магнус Энценбергер, Йохен Штеффен, Сибилле Плогштедт, Манфред Вильке и др. Итогами их деятельности стали два крайне популярных и цитируемых в свое время тома – «Советский Союз, Солженицын и западные левые» (1975) и «Права человека. Ежегодник по Восточной Европе» (1977)⁹. В кругах западногерманских левых стало модным демонстрировать солидарность с восточноевропейскими правозащитниками и советскими диссидентами.

В 1973–1987 гг. свет увидели 73 номера «*Info des Sozialistischen Osteuropakomitees*», публиковавшего важнейшие тексты центрально- и восточноевропейской оппозиции – от прибалтийских республик СССР, Польши, ЧССР и Венгрии до Югославии, Албании, Румынии и Болгарии, облекая в форму научного анализа такие проблемы, как экология, религия, гендерные отношения, антисемитизм, национализм и т.д. Особый интерес проявлялся к оппозиционным движениям и организациям, таким как Хартия 77, КОР¹⁰, «Солидарность», а также к действовавшей в Белграде группе «Paxis» («Практика») и еврокоммунизму. Синкретический характер «*Info*», на страницах которого политические тексты соседствовали с научным анализом региональных особенностей, становится понятен, если посмотреть на его авторов. В их числе активные по сей день историки Восточной Европы Карл Шлегель и Вольфганг Хепкен, политологи Бригитте Михок и Хубертус Кнабе, журналисты Рейнгольд Феттер и Ханнес Хофвилер, а также всемирно известные имена: венгерский писатель Дердь Далош, американский историк румынского происхождения Влад Тисмэнеану¹¹. Редакционные группы «*Info*» в Берлине, Гамбурге и позднее в Тюбингене были многонациональными, состоявшими наполовину, как правило, из восточноевропейцев. Секретарь редколлегии Ян Коукал был чехом, движущая сила берлинской группы Марианна Хауслайтнер – родом из Румынии. Можно по праву говорить, что во второй половине 1980-х гг. склонность к научному анализу усилилась. В это время из печати выходят тематические номера, посвященные евреям и антисеми-

тизму в Восточной Европе (1984), проблемам международного сотрудничества в рамках СЭВ (1985), национализму и национальным меньшинствам (1985).

Интересно, что издатели журнала относили к Восточной Европе также ГДР, которую включали в сравнительный анализ оппозиционных движений. На обложке номера 44 за 1981 г. красовался лозунг «Гданьск горит, Лейпциг спит!» («Danzig brennt, Leipzig pennt!»). Строились планы начать с 1986 г. выпуск в дополнение к «Info» ежегодник «*Osteuropa – Analysen und Berichte*» («Восточная Европа – аналитика и сообщения»), но им не суждено было сбыться. В 1987 г., начиная с номера 73, журнал стал выходить под названием в «*OstEuropaForum*» (Форум Восточная Европа»), но уже в 1989 г. появился его последний, 77-й номер.

«Info» тесно сотрудничал с периодическим изданием «*Listy–Blätter*» (дословно: «Листы»), имевшим подзаголовок «*Zeitschrift für Fragen des Sozialismus und der Demokratie in Ost- und Westeuropa*» («Журнал по вопросам социализма и демократии в Восточной и Западной Европе»). Он издавался с 1972 г. во Франкфурте-на-Майне и содержал значительное число переводов из оригинального эмигрантского чешского журнала «Listy». Это же можно сказать о венском журнале «*Gegenstimmen: Solidarität mit der demokratischen und sozialistischen Opposition in Osteuropa*» («Голоса против: Солидарность с демократической и социалистической оппозицией в Восточной Европе»). Его в 1980–1987 гг. печатала австрийская организация, также именовавшая себя «Социалистический комитет по Восточной Европе». Всего в свет вышло 27 номеров. В 2005 г. историк культуры и один из основателей венского Комитета Бела Рашки подвел самокритичный и ироничный итог семи годам издания «Голоса против» в заголовке: «Мы все-таки были подлинными интернационалистами...». К заслугам журнала он отнес то, что под его сильным влиянием австрийское общественное мнение стало шире солидаризироваться с демократическими оппозиционными движениями в соседних восточноевропейских государствах. Впрочем, по мнению ученого, решающую роль в этом процессе сыграла не редакционная политика самого журнала, а скорее удачное совпадение нескольких факторов. Оглядываясь на прошлое, он назвал

комитет «крайне закрытым троцкистским и анархо-синдикалистским товариществом»¹². Эту характеристику можно с полным основанием распространить и на их западногерманских единомышленников.

Г. Гордон Скиллинг. Итак, перейдем ко второму показательному примеру – к канадцу Гарольду Гордону Скиллингу (1912–2001)¹³, который, наряду с американским специалистом по истории СССР Петером Реддевейем, был видной фигурой среди англосаксонских исследователей диссидентских и гражданских движений в Центральной и Восточной Европе и СССР в так наз. период застоя. Скиллинг, изучавший в 1930-е гг. историю Восточной Европы сначала в Оксфорде, а затем в Лондоне, зарабатывал на жизнь репортажами из Центральной и Восточной Европы. В 1937 г. он вступил в Коммунистическую партию Великобритании и тогда же впервые побывал в Чехословакии, где в 1938 г. работал для английской программы «Радиожурнал», предшественника «Радио Прага». Попытки левого интеллектуала Скиллинга после окончания Второй мировой войны и защиты диссертации в Лондонской школе славистических и восточноевропейских исследований бросить якорь в одном из университетов США долгое время не давали результатов. После недолгого пребывания в университете Висконсина, Дартмутском колледже и Колумбийском университете ему удалось, наконец, получить профессию на кафедре политологии университета Торонто, где он основал Центр по изучению России и Восточной Европы.

В 60–70-е годы XX в. этот канадский профессор стал частым гостем в центрально- и восточноевропейских столицах, прежде всего в Праге, где у него и после 1968 г. было немало знакомых в среде партийного руководства. В монографии «Чехословацкая прерванная революция», вышедшей в свет в 1976 г., произошел разрыв с протагонистами «нормализации» и идейный разворот на 180 градусов¹⁴. Прежде симпатизировавший Советскому Союзу Савл преобразился в демократически-оппозиционного Павла, стремившегося установить контакты с активистами Хартии 77 и пропагандировавшего идеи центрально- и восточноевропейской оппозиции. Неудивительно, что во время следующего визита в ЧССР в 1978 г. он был подвергнут аресту и допросу. Спустя годы, он сам с не-

скрываемой иронией описывал эти события так: «Словацкая тайная полиция неожиданно сама предоставила мне возможность для полевого исследования, когда в октябре 1978 г. подвергла меня допросу в Братиславе, чем позволила составить некоторое представление о методах устрашения, применявшихся к хартистам»¹⁵.

К сожалению, автобиография Скиллинга «Мои канадские университеты: жизнь ученого и политического активиста», написанная в 2002 г. и изданная посмертно, не дает ответа на вопрос, что повлияло на отказ от коммунистических убеждений. Оставляя за собой право на самокритику, автор, тем не менее, весьма лаконичен в выражениях: «Не я один разочаровался в коммунизме, но мое пробуждение от иллюзий произошло довольно поздно»¹⁶. В другом месте историк расплывчато говорит о своей «медлительности в осознании подлинной природы коммунизма»¹⁷. Остается лишь предположить, что в 1968 г. в душе Скиллинга боролись два чувства: симпатия к чехам, словакам и их государству, с одной стороны, и выбор в пользу коммунизма советского образца – с другой. Когда первое победило – второе неизбежно отошло на задний план. В 1981 г. из печати вышел по сей день фундаментальный труд Скиллинга «Хартия 77 и права человека в Чехословакии», сочетавший глубокий анализ процессов с обширным цитированием ключевых документов. В 1989 г. последовала книга о параллельной оппозиционной культуре, озаглавленная «Самиздат и независимое общество в Центральной и Восточной Европе»¹⁸. В ней автор характеризовал «вторую культуру» диссидентских движений как зародыш гражданского общества. В основу труда легла богатая коллекция самиздатовских материалов, собранная Скиллингом в Торонто с помощью политических эмигрантов. Параллельно он брал интервью практически у всех видных деятелей оппозиции в Центральной и Восточной Европе и в эмиграции. Некоторые из них вошли в изданный им в 1991 г. совместно с Полом Вилсоном сборник документов «Гражданская свобода в Центральной Европе: голоса из Чехословакии»¹⁹. Нет никаких сомнений, что, начиная с 1977 г., бывший «попутчик» сталинизма (*fellow traveller*) стал важнейшим посредником между англо-американскими исследователями Восточной Европы и центрально- и восточноевропейской оп-

позицией, однако по-прежнему не ясно, что подвигло тогдашнего сталиниста и сторонника Брежнева взять на себя роль рулора чехословацкого движения за гражданские права.

Институт по Восточной Европе Бременского университета. Итак, пример номер три – институционализация регионального научного интереса к оппозиционным движениям в Центральной и Восточной Европе в форме «Института по изучению независимой литературы и общественных движений в Восточной Европе», созданного в Бременском университете в 1982 г. Этот проект стал возможным благодаря колоссальным усилиям историка Восточной Европы Вольфганга Айхведе (р. 1942). В 1974 г. он возглавил кафедру политики и новейшей истории Восточной Европы в Бременском университете. Обосновывая в марте 1981 г. свою заявку на создание научного института, Айхведе вместе с единомышленниками и коллегами из Оксфорда, Парижа и Рима исходили из того, что «значение критических и оппозиционных устремлений в Восточной Европе на сегодняшний день несоизмеримо возросло». «Эти устремления, – подчеркивал он, – не только обладали колоссальным потенциалом критики и преобразования господствующей системы, но также могли стать исходным пунктом и зерном кристаллизации нового общественного развития. В отличие от более ранних оппозиционных форм деятельности, которые не составляло труда обезвредить, эти новые движения вследствие изменившейся политической обстановки нельзя было просто запретить или подавить Их интеллектуальный вклад, моральный вес и политическое значение простирались далеко за пределы Восточной Европы»²⁰.

За четыре года до прихода к власти Горбачева и за восемь лет до падения Берлинской стены это был весьма прозорливый анализ. Группа ученых ставила цель «собрать и оценить все приметы несогласия, противодействия, попыток политических изменений в Восточной Европе начиная с 1950-х годов»²¹. В проекте об этом в весьма удачных выражениях говорилось: «Ни в Федеративной Республике, ни в Западной Европе нет сопоставимой научной организации, хотя ученые разных стран постоянно подчеркивают необходимость ее создания»²².

Эта инициатива фокусировалась на двух весьма перспективных, идущих параллельно направлениях. Первое – со-

здать архив самиздата – предложили чешские интеллектуалы, эмигрировавшие из ЧССР в 1977 г. Второе – основать институт – Айхведе задумал совместно с преподававшим в Оксфорде экономику политэмигрантом из ПНР Влодзимежем Брусом, проживавшим в Париже русским литературоведом Ефимом Эткиндром и работавшим в Риме чешским политиком и журналистом Иржи Пеликаном. Он также сумел заручиться поддержкой таких фигур, как федеральный канцлер Вилли Брандт и бременский мэр Ханс Кошник. 11 декабря 1981 г. – за два дня до введения военного положения в Польше – парламент г. Бремена принял решение о создании научного института, который приступил к работе в мае 1982 г.²³

За минувшие тридцать лет Институт развил впечатляющую деятельность по сбору информации, исследованиям, публикациям, организации конференций и проведению выставок, охарактеризовать которую даже вкратце здесь не представляется никакой возможности²⁴. Я отсылаю всех к ценнейшему каталогу крайне интересной берлинской выставки 2000 г. «САМИЗДАТ. Альтернативная культура в Центральной и Восточной Европе: 60–80-е годы»²⁵. В 2002 г. выставка в чешско- и англоязычных вариантах была показана в Праге и Брюсселе и стала подлинной европейской сенсацией. Можно с полным правом сказать, что Институт по Восточной Европе в Бремене оказался самым удачным проектом в истории изучения Восточной Европы в ФРГ. Остается надеяться, что три федеральные земли, спонсирующие проект – Бремен, Гамбург и Нижняя Саксония – продолжат его финансирование.

Таким образом, в эпохальном 1989 г. изучение центрально- и восточноевропейских оппозиционных движений в научных коллективах разных стран, специализирующихся на Восточной Европе, не прервалось. Напротив, падение Берлинской стены открыло перед учеными новые, невиданные ранее перспективы: личные архивы, донесения спецслужб, материалы судебных процессов и многое другое. Таким образом, все сказанное выше о периоде 1975–1989 гг. является только первой частью истории, за ней должна последовать часть вторая – с 1990 г. по настоящее время. Подвести промежуточные итоги непросто. Несомненно одно: интерес Запада к оппозиционным движениям в Центральной и Восточной Европе в эпо-

ху «холодной войны» сосредоточивался на грани между региональными исследованиями и политикой, если не сказать идеологией – «*Info des Sozialistischen Osteuropakomitees*» и иные сходные периодические издания, а также фигура бывшего промосковского коммуниста Г. Гордона Скиллинга подтверждают это. Одновременно, с начала 1980-х гг., наблюдалось все более отчетливое стремление к наукообразности: достаточно сослаться на создание Института по Восточной Европе в Бремене или возобновление издания того же «*Info*». Эта тенденция, обозначившаяся еще до коллапса Германской Демократической Республики, со всей очевидностью усилилась после 1989 г., и с недавнего времени наблюдается повышенный интерес к этой проблематике в самых разных странах. В 2006 г. Фонд Фольксвагена выделил Институту по Восточной Европе финансирование для координации масштабного международного проекта с участием ученых из Венгрии, Польши, Чешской Республики и Российской Федерации «Другая Восточная Европа – 1960-е и 1980-е годы. Несогласие в политике и обществе, альтернативы в культуре»²⁶. В рамках транснационального и междисциплинарного сотрудничества на широкой источниковой базе будет подведен окончательный итог истории оппозиционных движений в Центральной и Восточной Европе. Остается с нетерпением ждать результатов этого исследования.

Перевод с немецкого О.В. Хавановой

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Настоящая статья – переработанный текст доклада автора на V Международном симпозиуме по сравнительному изучению европейских диктатур и их падения, организованном Фондом Эберга в октябре 2006 г. в Веймаре по теме «Взаимодействие Восток–Запад: диссидентское движение, оппозиция и гражданское общество, 1975–1989». См.: Troebst, S. Die ostmitteleuropäischen Oppositionsbewegungen in der westlichen Osteuropaforschung 1975–1989. Drei Skizzen // Wechselwirkungen Ost–West. Dissidenz, Opposition und Zivilgesellschaft 1975–1989/ Hrsg. v. H.–J. Veen, U. Mählert, P. März. Köln; Weimar; Wien, 2007. S. 173–182.

² Aus dreißig Jahren Osteuropa–Forschung. Gedenkschrift für Georg Kennert (1919–1984) / Hrsg. von H. Müller–Dietz, N. Reiter. Berlin, 1984; Sundhaussen H. Osteuropäische Geschichte und Regionalstudien

am Osteuropa-Institut der Freien Universität Berlin: Eine unendliche Geschichte // Hundert Jahre Osteuropäische Geschichte. Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft / Hrsg. von D. Dahlmann. Stuttgart, 2005. S. 195–204.

³ См. страницу ОЕИ в Интернете: <http://www.oei.fu-berlin.de> (3.11.2013).

⁴ Это справедливо также для взвешенного тематического выпуска этого журнала «Изучение Восточной Европы в Федеративной Республике Германия». См.: Osteuropa. 1980. Jg. 30 Н. 8/9.

⁵ Tökés R., Rudolf L. Opposition in Eastern Europe. Baltimore; London, 1979.

⁶ Pars pro toto (лат.) – часть вместо целого. – Прим. переводчика.

⁷ Для ознакомления с содержанием см. номера–указатели за 1984 г. (N 59) и 1987 г. (N 69).

⁸ [Editorial] // Info des Sozialistischen Osteuropakomitees. 1973. № 1. S. 1.

⁹ Die Sowjetunion, Solschenizyn und die westliche Linke / Hrsg. von R. Dutschke, M. Wilke. Reinbek, 1975 (Rororo–aktuell, 1875); Menschenrechte. Ein Jahrbuch zu Osteuropa / Hrsg. von J. Pelikán, M. Wilke. Reinbek, 1977 (Rororo–aktuell, 4192). Ср.: Opposition ohne Hoffnung? Jahrbuch zu Osteuropa / Hrsg. von J. Pelikán, M. Wilke. Reinbek, 1979. Jg. 2. (Rororo–aktuell, 4537); Entstalinisierung. Der XX. Parteitag der KPdSU und seine Folgen / Hrsg. von R. Crusius, M. Wilke. Frankfurt/M., 1977 (Edition Suhrkamp, 609).

¹⁰ КОР – правозащитная организация Комитет защиты рабочих (Komitet Obrony Robotników) в ПНР. – Прим. переводчика.

¹¹ Автор настоящей статьи также публиковался в «Info», но, подобно некоторым другим, под псевдонимом или анаграммой, чтобы «реально–социалистические» режимы не запретили ему въезд в свои страны. Ср.: Baest T.F. Neues von der «einheitlichen sozialistischen Nation»: Die VR Bulgariens und ihre türkische Minderheit (1944–1985) // Neuer Nationalismus und nationale Minderheiten / Hrsg. von Sozialistisches Osteuropakomitee. Hamburg, 1985, S. 92–118 (Osteuropa–Info. № 61).

¹² Kerekes A., Rásky B. «Wir waren schon echte Internationalisten ...» Die ungarische zweite Öffentlichkeit und die österreichischen Parallel- und Alternativöffentlichkeiten // Kakanien revisited. 2006. 28.IX. S. 2. Цит. по: www.kakanien.ac.at/beitr/emerg/AKerekes_BRasky1.pdf (3.11.2013).

¹³ О жизни и творчестве Г.Г. Скиллинга см.: Skilling H.G. The Education of a Canadian: My Life as a Scholar and Activist (далее – The Education of a Canadian). Montreal, 2002. См. также архивный фонд «Skilling Collection (1940)» (шифр: SKI) в библиотеке Школы славистических и восточноевропейских исследований (School of Slavonic and

East European Studies, сокращенно SSEES) в Университетском колледже University College) в Лондоне.

¹⁴ Skilling H.G. *Czechoslovakia's Interrupted Revolution*. Princeton (NJ), 1976.

¹⁵ Skilling H.G. *Charter 77 and Human Rights in Czechoslovakia*. London; Boston (MA); Sydney. 1981. S. IV. Ср.: Idem. *The Education of a Canadian...* S. 307–308.

¹⁶ Ibid. S. XI.

¹⁷ Ibid. S. 403.

¹⁸ Skilling H.G. *Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe*. Basingstoke; London, 1989.

¹⁹ *Civic Freedom in Central Europe: Voices from Czechoslovakia* / Ed. by H.G. Skilling, P. Wilson. London, 1991.

²⁰ Eichwede W. u. a. Antrag auf Gründung einer wissenschaftlichen Einrichtung «Forschungsstelle für unabhängige Literatur und gesellschaftliche Bewegungen Osteuropas» (Arbeitstitel). Bremen, im März 1981. S. 4 (рукопись).

²¹ Ibid. S. 5.

²² Ibid. S. 6.

²³ Eichwede W. *Forschungsstelle Osteuropa: Über uns: Geschichte*, Juli 1997 // www.forschungsstelle-osteuropa.de/html/01_ueberuns/geschichte.htm (3.11.2013).

²⁴ См. страницу «Publikationen» («Публикации») на веб-странице Института: www.forschungsstelle-osteuropa.de/con/index.php (3.11.2013).

²⁵ *Forschungsstelle Osteuropa: Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa: Die 60er bis 80er Jahre*. Bremen, 2000. Ср. с публикацией Центра восточноевропейских исследований Бременского университета (Research Centre for East European Studies at the University of Bremen): *Samizdat. Alternative Culture in Central and Eastern Europe – from the 1960s to the 1980s*. Bremen, 2002.

²⁶ *Forschungsstelle Osteuropa: VW-Forschungsverbund «Das andere Osteuropa – die 1960er bis 1980er Jahre»*, April 2006 // www.forschungsstelle-osteuropa.de/con/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=230 (3.11.2013).

ВЕНГРИЯ

Л.Н. Шишелина (Россия)

Представления венгерской оппозиции о реформировании общества и внешней политики страны в 70–80-е гг. XX в.¹

Характерной особенностью Венгрии в 70–80-е гг. XX в. можно считать то, что понимание необходимости реформ присутствовало одновременно и у оппозиции и в самой правящей партии. С середины 1980-х гг. венгерская политика обрела две школы политизирования: легальную и нелегальную. Важной вехой развития венгерского реформаторского движения явился переговорный процесс в виде «круглого стола» между властью и оппозицией. Это привело к конструктивной совместной работе по реформе и организации свободных выборов в венгерский парламент в апреле 1990 г. В наши дни отношение к произошедшей в Венгрии 25 лет назад смене системы весьма неоднозначное. Имеется убежденность в том, что реформы были необходимы, но есть и консенсус в том, что итог их не принес желаемого результата.

Ключевые слова: Венгрия, реформа, оппозиция, внешняя политика, преобразования, переходный период, трансформации.

Среди социалистических стран Восточной Европы кадаровская Венгрия отличалась сравнительно высоким уровнем жизни. Яношу Кадару, председателю Венгерской рабочей социалистической партии (ВСРП), за время нахождения у власти, удалось создать из своей страны образ «самого веселого барака» в «восточном блоке». Здесь молчаливо совмещались порой совершенно противоречивые мировоззрения, сохранился средний класс в виде 100–160-тысячной прослойки мелких ремесленников. После политических баталий 1950-х гг. вы-

жила достаточно авторитетная интеллигентская прослойка, а партийные круги не были чужды размышлений о реформах. В 1982 г. Венгрия первой из восточноевропейских стран вступила в МВФ и МБРР, начала переговоры с ЕЭС. Все это удавалось делать под недремлющим оком советских советников. На Западе, да и в самой Восточной Европе, все это иронично называлось «гуляш-социализмом», социализмом с национальной спецификой.

Это был в известной степени компромисс, при помощи которого Я. Кадар пытался вывести общество из глубокого противостояния 1956 года. Компромисс этот отразился в перелицовке известного большевистского лозунга «Кто не с нами – тот против нас» на **«Кто не против нас, тот с нами»**. Кадар оставил своим политическим оппонентам, не разделявшим взгляды и политику ВСРП, возможность продолжать автономно существовать внутри своего национального государства, занимаясь в том числе самостоятельной экономической деятельностью. Фактически прослойка мелких и средних предпринимателей сумела занять важную нишу в экономике страны, восполнив дефицит товаров общего потребления, решить проблему, с которой не могли справиться другие страны социалистической системы.

Как писала известный в нашей стране знаток Венгрии М.А. Усиевич, «Социалистический режим в Венгрии еще до начала системной трансформации отличался от режимов других стран ЦВЕ тем, что он был наиболее демократическим, склонным на первом этапе к экономическим, а в конце 1980-х гг. – и к политическим реформам. Не случайно опросы венгерского населения, проведенные в 1999 г., показали, что две трети его с ностальгией вспоминают эпоху Я. Кадара, считая, что тогда им жилось лучше и они могли с большей эффективностью использовать свои возможности»².

Тем не менее, в 1968 г. Венгрия приняла программу экономической реформы, своеобразие которой заключалось в том, что это была попытка доказать возможность решать экономические проблемы исключительно экономическими способами. Она состояла в том, что «административно-командная система управления экономикой была заменена системой экономического регулирования, то есть управления посредством

экономических рычагов, или, как их называли в Венгрии, экономических регуляторов: цен, прибыли, заработной платы, отчислений в госбюджет и т. д.»³.

Слабым местом реформы была вынужденная ограниченность маневра рамками социалистического разделения труда, рынком равных или более слабых экономик. Однако этот новаторский задел сказался в том, что венгерская оппозиция на протяжении 1970-х и 1980-х гг. считала достаточным продолжение предпринятого в рамках реформы 1968 г. курса, но не радикализации реформ. Не было мыслей о необходимости перехода к капиталистическому пути развития, переделу собственности и т.п. Все это пришло уже после прихода к власти в 1990-е гг. новых политических сил и под влиянием обстоятельств, в том числе внешних. Практически общим требованием в экономической области – за минимальным исключением – оставалось укрепление системы уже существовавшей кооперативной собственности и самоуправления на предприятиях. Ни о какой реставрации капитализма речи не шло.

После неоправдавшихся надежд, связанных с реформой 1968 г., пришло понимание необходимости дополнения набора экономических мер политическими, открытости в сторону Запада, мировых рынков, связанного с неизбежным изменением векторов внешней политики, что в свою очередь, не могло не сопрягаться с внутривнутриполитическими изменениями.

Характерной особенностью Венгрии можно считать то, что понимание о необходимости реформ присутствовало одновременно как у оппозиции, так и в самой правящей партии. Этот параллелизм стал еще более очевидным в 1980-е гг., когда часть партийных функционеров стала почти открыто участвовать в собраниях и дискуссиях оппозиции. Активную роль в поддержании связи между официальной властью и гражданским обществом осуществлял Отечественный народный фронт (ОНФ), возглавляемый Имре Пожгаи. Такая непосредственная связь между властью и оппозицией имела положительную функцию амортизатора, поскольку главное, чего боялись и те, и другие – это повторение кровавых событий 1956 года. Оппозиция издавала журналы, собиралась в клубах и на частных квартирах и, таким образом, до поры до времени реализовывала критику системы, которая, в свою очередь, была ограничена

действиями, допустимыми членством в социалистической союзнической системе. В самом деле, вплоть до 1991 г. никто в Венгрии всерьез не верил, что возможно крушение СССР и могущественной партии коммунистов.

Что касается предмета политической дискуссии, то в Венгрии в 1970-е–1980-е гг. было одновременно несколько направлений оппозиционной мысли.

Самая распространенная – это недовольство замалчиванием факта раздробления Венгрии после Трианонского мира, что было повторено и после Второй мировой войны. Как писал венгерский историк Тибор Хайду в статье «От Сараево до Трианона», уже «в середине 60-х годов, после двух десятилетий как навязанного, так и самовнушенного молчания, венгерские историки начали осторожно подгонять Трианонский договор к истории современной Венгрии»⁴. Эта проблема, положенная в основу одного из лозунгов революции 1956 года, вплоть до начала 1980-х гг. не выходила на уровень общественной дискуссии, однако никогда и не уходила из круга вопросов, сближавших оппозицию. В 1980-е гг. можно было наблюдать, как поддержанию «антитрианонских настроений» в Венгрии способствуют западные политики. В частности, посетивший Венгрию с официальным визитом в январе 1990 г. президент Франции Франсуа Миттеран, по свидетельству М. Сюреша, коснулся в ходе переговоров вопроса «несправедливости послевоенных границ, которые могли бы быть скорректированы».⁵ В конце 1980-х гг. образовалась связь между проживавшими в Германии венгерскими и румынскими эмигрантами, ратовавшими за смену режима Чаушеску. Если изначально, да и теперь, эта проблема носит для венгров исключительно национальный оттенок, то во второй половине 1980-х гг. она несла еще одну «нагрузку». Как пишет в своей книге Дьюла Тюрмер, в то время советник Президиума ВСРП по внешней политике, а ныне председатель Венгерской рабочей партии, «целью националистического крыла было не столько достижение перемен в положении *венгерства*, сколько на этой волне, возможность нападок на румынский социализм и ослабление социалистических сил в Венгрии»⁶.

В 1980-е гг. дискуссии по национальному вопросу стали все активнее совмещаться с проблемой послевоенного тер-

риториального урегулирования и его последствий, а также с поисками своего нового места в Европе, что призвано было направлять главное недовольство в сторону СССР. Одним из важнейших направлений внешней политики Венгрии становится развитие и укрепление связей с венгерскими национальными меньшинствами в соседних странах: Австрии, Югославии, Чехословакии, СССР и Румынии. Это были так называемые «пробные шаги», осуществлявшиеся в рамках политической, а точнее – внешнеполитической реформы.

Наиболее острой к концу 1980-х гг. стала румыно-венгерская полемика по поводу Трансильвании вплоть до откровенных высказываний о возможности вооруженного конфликта. Причиной явилась провозглашенная в Румынии в 1988 г. политика территориального переустройства, нацеленная, как и некоторые предыдущие санкционированные сверху кампании, на ассимиляцию венгерского населения Трансильвании.

Эти события воодушевили венгерскую оппозицию на более решительные действия. 27 июля 1988 г. в центре Будапешта на площади Героев состоялась 30-тысячная демонстрация, организованная в то время неформальными объединениями и организациями, протестовавшая против разрушения деревень в Румынии.

Вопрос защиты прав национальных меньшинств, национального единения 15 млн. венгров, населяющих карпатский бассейн, занял в конце 1980-х гг. одно из центральных мест в борьбе партий за места в новом парламенте страны. Наибольшее распространение получила *идея создания национальных венгерских автономий в соседних странах.*

Важнейшей темой внутривнутриполитической дискуссии, несмотря на официальное замалчивание, оставались события 1956 года. Венгерское общество очень трудно было успокоить после тех событий. Часть сторонников Имре Надя выехала на Запад, оставив в Венгрии родственников, которые не были столь решительны, но связи между частями семей не разрывались. Многие из венгерских эмигрантов стали в 1980-е гг. весьма влиятельными людьми на Западе, пытаясь помогать оставшейся в Венгрии оппозиции и влиять на западное мнение относительно кадаровской Венгрии. На Западе вышел не один сборник статей и научных работ, посвященных событиям

1956 года, которые также служили предметом дискуссий в оппозиционных клубах Венгрии.

Переломным моментом дискуссии, не завершением ее, а именно переходом на открытый уровень, стало выступление председателя ОНФ И. Пожгаи в венгерской программе 168 часов 28 января 1989 г., в которой он призвал к пересмотру оценки событий 1956 года, назвав их народным восстанием.

Мощный толчок оживлению оппозиционной мысли дало подавление чехословацкой весны 1968 года, приведшее к консолидации широкого фронта антикоммунистических сил в Центральной Европе с начала 1970-х гг. Живой отклик в венгерской оппозиционной среде нашли и события рубежа 1980-х гг. в Польше. Оппозиционное движение в 1970-е–1980-е гг. приобретало черты центральноевропейского движения – о чем позднее много писали причастные к созданию Вишеградской четверки политики – и венгерские оппозиционеры стали его неотъемлемой составной частью.

В 1970-е–1980-е гг. одной из таких оппозиционных групп стала группа Ласло Райка – младшего, сына казненного в 1949 г. по ложным обвинениям министра иностранных дел Венгрии. Л. Райк активно поддерживался Западом как представитель молодого поколения, и, одновременно, как фигура, способная постоянно напоминать о жертвах периода культа личности в Венгрии⁷. Однако программой группы, с которой она пыталась прорваться к общественному мнению была все та же триада: трансильванский вопрос, восстание 1956 года, участие Венгрии во Второй мировой войне. Добавлялось к этому требование прекратить разрастание пропасти между богатыми и бедными.

В 1970-е – 1980-е гг. существенную роль в поддержке политической оппозиции в Венгрии играли западные страны. Многие оппозиционеры выступали на радиостанциях «Голос Америки», «Свобода», «Свободная Европа» и т.д. И тем не менее, правящая партия не желала идти на обострение ситуации. Я. Кадар, высказался по этому поводу следующим образом: «...действительно, есть определенное молчаливое согласие с немногочисленным лагерем “инакомыслящих”, что, видимо, наиболее понятно можно выразить следующим образом: уж лучше жить в мире»⁸.

В 1984 г. Венгерская академия наук, первой из социалистических научных организаций, заключила с соглашением о сотрудничестве с американским фондом Д. Сороса. Венгерские ученые получили возможность выезжать по грантам Сороса на Запад, в Америку, где вливались в дискуссии о собственной истории, посвященным участию Венгрии во Второй мировой войне, событиям 1956 года и т.д. Только за 5 лет (1984–1989 гг.) венгерские студенты и ученые получили 2880 грантов на 500 млн. форинтов. В 1989 г., в рамках совместного с созданным в 1988 г. фондом Бетлена конкурса, было распределено еще 1 млн. 870 тыс. долларов⁹.

Чтобы привлечь на свою сторону не только членов партии, руководство страны в эти годы делает ставку на основанный в 1954 г. ОНФ. Его лидеру И. Пожгаи, действительно, на какое-то время удается не только найти общий язык с оппозицией, но и по ряду вопросов захватить инициативу. Так, члены ВСРП, одновременно являвшиеся членами ОНФ, начали политику гласности во внешней политике, открыв в центральной, в том числе правительственной, печати дискуссию по тем вопросам, которые считали своим коньком оппозиционеры, в числе них – вопрос о выводе советских войск. Активно обсуждалось возвращение к идее Центральной Европы.

В 1980-е гг. в Венгрии разрабатывается реформа политической системы, первой «остановкой» которой стал закон о выборах 1983 г. Впервые он был применен в ходе выборов в местные и государственные органы власти в 1985 г. Суть инициативы состояла в альтернативности выборов, т.е. на одно место должны были выдвигаться не менее двух кандидатов. Однако, несмотря на то, что несколько лидеров оппозиции выдвинули свои кандидатуры, в парламент страны им пройти не удалось. Выборы 1985 г., по-сути, сигнализировали обеим сторонам – и власти и оппозиции: если они, действительно, хотят изменить систему, следует действовать еще активнее. В центральном аппарате ВСРП формируется реформаторское крыло, которое возглавляют уже упоминавшийся И. Пожгаи, а также Матьяш Сюреш и Реже Ньерш. В венгерской прессе появляются статьи М. Сюреша и Чабы Табайди о проблеме зарубежных венгерских меньшинств. Выступая в октябре 1988 г. в Вене на совещании представителей стран-участников СБСЕ, госсекретарь

Венгрии Дьюла Хорн предлагает начать вывод войск с территории его страны. Можно сказать, что реформаторское крыло в конце 1980-х гг. продолжало опережать оппозицию, к тому же у него имелись для этого и соответствующие возможности.

Венгерская же оппозиция по-прежнему концентрировалась вокруг Союза писателей Венгрии, откуда в 1986 г. после смены руководства ушли все члены партии, вокруг журналов «Hitél» («Капитал»), «Beszélő» (Собеседник), «Tiszatáj» (Край Тисса), «Alföld» (Алфёльд – область Венгрии), «Forrás» («Источник») и др. а также полулегальных клубов. В 1987 г. партийный аппарат замораживает средства Союза писателей, что усиливает противостояние власти и оппозиции, костяк которой в Венгрии как раз и составляли именно писатели, а также историки и научная интеллигенция.

По мнению писателя, а ныне госсекретаря МИД Венгрии Ивана Бабы, с середины 1980-х гг. венгерская политика обрела две школы политизирования: легальную и нелегальную. При этом ответственность возлагалась на легальную, которая вынуждена была проводить государственные решения, нелегальная же работала исключительно на расшатывание политической системы страны.

После закона о выборах 1983 г. свой ход делает оппозиция. В июле 1984 г. 19 видных представителей венгерской интеллигенции направляют Кадару письмо, в котором формулируют три насущные просьбы к власти: создание Фонда Бетлена и Института национальных меньшинств, издание журнала «Капитал». В 1986 г. эти требования выполняются, но одновременно закрывается журнал оппозиции «Край Тисса». Таким образом, существенной разрядки в отношениях между властью и оппозицией не наступает.

Новую волну дискуссий вызвала появившаяся в 1986 г. статья экономиста Ласло Лендьела «Поворот и реформа».

В мае 1988 г. к руководству ВСРП и страны пришло поколение т.н. реформкоммунистов. В верхах завязалась борьба между консерваторами, наследниками линии Кадара, и реформкоммунистами. Такая обстановка в итоге лишила ВСРП инициативы в поисках путей выхода из кризиса.

Параллельно в стране набирала обороты деятельность оппозиционных сил. Кроме реформ коммунистов в Венгрии су-

уществовали еще две оппозиционные силы, которые условно можно было бы определить как национал-консерваторы и либералы, ориентировавшиеся исключительно на западные установки. Как пишет в своих воспоминаниях венгерский писатель и политик И. Баба, «одно движение состояло преимущественно из писателей, поэтов, литературных редакторов, историков, учителей, которые пытались расширить политические границы – в первую очередь – свободу слова, но одновременно следили за тем, чтобы не спровоцировать серьезной схватки с властью. Они не переступали за политические границы, стремились сохранить возможность диалога с коммунистическим руководством»¹⁰. Эти политики в 1987 г. основали Венгерский Демократический Форум (ВДФ) – партию, победившую на первых свободных парламентских выборах.

Другое направление возникло в 1970-е гг. в среде интеллектуалов, «которые сгруппировались вокруг вышедшего за рамки социалистической цензуры самиздата под названием «Маркс в четвертом десятилетии». Эта среда культивировала устойчивую собственную духовную и общественную субкультуру. Она поддерживала подпольные издания и типографии, наладила связи с чешской и польской оппозицией, регулярно выступала на радиостанции «Свободная Европа»¹¹. Из этой группы в 1988 г. образовался Союз Свободных Демократов (ССД) – вплоть до последних выборов неизменный союзник реформированной ВСП.

Эти две силы не могли не заметить затруднений, возникших внутри самой ВСП, и трений в отношениях партии с руководством СССР. Уже осенью 1987 г. в местечке Лакителек у реки Тиссы, собрались 180 чел. – представителей духовной элиты Венгрии, тогда «наивно веривших», как они сейчас говорят, в то, что смогут вывести страну из опасности. Причем, такой опасности, «ощущение которой гораздо глубже, чем политический и экономический кризис»¹². Примерно с такими словами двадцать лет назад обратился к собравшимся писатель Иштван Чурка, один из основателей победившего на выборах 1990 г. ВДФ. Это событие стало для Венгрии моментом отсчета современных общественных преобразований.

Какие мысли и чувства двигали собравшимися ранней осенью 1987 г. в шатре на окраине Лакителека видными предста-

вителями венгерской оппозиционной интеллигенции? На этот вопрос можно ответить с полной определенностью: желание выйти из советской системы, освободиться от присутствия советских войск, открыть страну для Западной Европы. Или, как это интерпретировали участники исторического форума, «предложить альтернативу монолитной власти»¹³. Предпосылкой таких настроений послужили, конечно же, события в СССР. Прежде всего – политика Горбачева, давшая восточноевропейским союзникам понять, что «варианты возможны». Однако определенности в том, насколько далеко можно заходить в своих действиях и заявлениях, тогда не ощущал никто. Позже, после очередной крупной ссоры в стане победившей партии летом 1992 г., один из ее лидеров, уже упоминавшийся И. Чурка в скандально нашумевшей статье «Несколько мыслей о двух годах смены системы и в связи с новой программой ВДФ» напишет следующее: «Когда в сентябре 1987 года сложился Венгерский демократический форум, никто не думал, да и, пребывая в трезвом уме, вряд ли мог предположить, что вскоре произойдет коренная смена системы. ... И пока Запад медитировал по поводу того, поддерживать ли реформкоммунистов наличными или чеками, и если “да”, то какого достоинства, советская империя расплзлась с едва слышным треском, несопоставимым с ее величием»¹⁴. А далее Чурка задает риторический вопрос, на который сам же и отвечает: «Что делает тот, кого исторический шанс настигает неожиданно? Это очевидно: он импровизирует»¹⁵.

Но тогда сама перспектива радикальных политических реформ представлялась в высшей степени иллюзорной и полностью зависевшей от внешних факторов. Восточноевропейская элита, в памяти которой свежи были воспоминания о 1956, 1968 и 1981 годах, не слишком верила в то, что дискуссию о демократизации и рыночных реформах очень скоро придется переводить в практическое русло.

Выступая 28 января 1989 г. в венгерской программе «168 часов», И. Пожгаи призвал к пересмотру оценки событий 1956 года, назвав их народным восстанием. Мартовские дни Петёфи, ставшие впоследствии одним из главных государственных праздников новой Венгрии, прошли уже под другими, более радикальными лозунгами. Их главным событием

можно, с *расстояния сегодняшнего дня*, назвать то, что среди лидеров колонны, возглавившей марш венгерской оппозиции в Будапеште, шел посол США в Венгрии Марк Палмер. Это, как полагает Д. Тюрмер, ясно указывало как на вдохновителей венгерской оппозиции, так и на уверенность США в полной безнаказанности вследствие подобного нарушения дипломатической этики¹⁶.

22 марта 1989 г. сформировался «круглый стол» оппозиции, поставивший целью начало переговоров с правящей ВСРП. Первое заседание состоялось 13 июня 1989 г. За «круглый стол» также были приглашены и многочисленные т.н. «возрожденные партии». В Венгрии имела место попытка возродить те политические партии, которые существовали в стране до 1947 г., когда к власти в стране пришли коммунисты. Вместе с тем, иное время и иные задачи востребовали появление новых партий. Таким образом, та политическая палитра, которая в итоге появилась в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг. – это качественно новое и весьма своеобразное явление.

То обстоятельство, что обсуждение вопросов перехода страны к народной демократии и правовому государству происходило не в ходе уличных демонстраций и соизмерения сил, а за столом переговоров, было предопределено особенностями венгерской истории и политической жизни. В стране, которая только-только вышла из-под наложенного Кадаром негласного запрета на тему 1956 года, все стороны более всего опасались повторения кровавых событий 32-летней давности.

Тем не менее, одно массовое политическое мероприятие все же состоялось. 16 июня 1989 г. на площади Героев было устроено перезахоронение праха руководителей восстания, погибших в 1956 году. Особый символизм приняла реабилитация и перезахоронение Ласло Райка, одного из бывших соратников Я. Кадара. Сегодня многие склонны считать, что расстановка сил и речи на площади именно в тот день на многие годы предопределили судьбу новых политических партий и их лидеров. Многие ожидали провокаций и арестов, но ничего подобного не произошло. Напротив, возобновились переговоры национального круглого стола.

В результате переговоров удалось утвердить основные принципы и пути перехода к новой системе. Как это определили

бы сегодня в Брюсселе – удалось создать «дорожную карту» перехода Венгрии к правовому демократическому государству с многопартийной парламентской системой.

Национальный «круглый стол» договорился о том, что 23 октября 1989 г., в 33-ю годовщину начала революции 1956 года, Венгерская Народная Республика формально прекратит свое существование и под флагом 1956 года будет провозглашена Венгерская Республика. К этому событию были подготовлены изменения в Конституцию страны, разработан закон о партиях и о конституционном суде. Вводилась смешанная избирательная система с партийным и индивидуальным представительством. Правящая партия взяла обязательство не препятствовать проведению свободных выборов, и на пост временного президента Венгрии до выборов был назначен в свое время посол Венгрии в СССР, а затем секретарь по внешней политике ВСРП М. Сюреш.

В марте – апреле 1990 г. в два этапа прошли первые свободные выборы в парламент обновляющейся страны. Победу одержал ВДФ, за который проголосовали 24,73% избирателей. На второе место вышел ССД, набравший 21,39 %, возрожденная Партия мелких сельских хозяев получила доверие 11,73% граждан страны. Реформированную ВСП поддержали лишь 10,89% электората. Союз молодых демократов на первых выборах смог заручиться поддержкой лишь 8,95% венгров. Избирательный барьер преодолела и Христианско-демократическая народная партия, получившая 6,46% голосов. Наследники ВСРП Я. Кадара сумели набрать лишь 3,68% голосов и в парламент страны не прошли.

2 мая 1990 г. состоялось первое заседание новоизбранного парламента, которое можно считать завершением первого этапа смены системы в Венгрии.

Сегодня отношение к произошедшей в Венгрии 25 лет назад смене системы весьма неоднозначное. Имеется убежденность, что реформы были необходимы, но практически есть и консенсус в том, что итог их не принес желаемого результата. Потому это событие не отмечается в Венгрии столь широко. Все мероприятия концентрируются преимущественно вокруг нескольких институтов, занимающихся послевоенным развитием Венгрии и ее современным периодом (Институт

1956 года, Дом террора и Институт изучения реформы, недавно созданный одним из инициаторов событий 1980-х гг. писателем и государственным деятелем Золтаном Биро).

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Исследование проводится про поддержке РГНФ, проект № 12–03–00650: Восточно–Центральная Европа: проблемы адаптации в рамках ЕС и формирование новых отношений с Россией.

² <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/7.htm>

³ <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2000/7.htm>

⁴ *The New Hungarian Quarterly*. 1984. № 93. P. 89.

⁵ *Magyar Hirlap*. 1990. 19.01.

⁶ Thürmer G. *Az elsikkasztott ország*. Bp., 2009. 131 old.

⁷ *East–West Relations and the Future of Eastern Europe*. / Ed. M. L. Bronstein, 1981.

⁸ Кадар Я. Избранные статьи и речи. М., 1985. С.119.

⁹ Bába I. *Békés átmenet. Adalékok a kialakult rendszerváltoztatáshoz*. Bp., 2007. 36 old.

¹⁰ Баба И. 1990: Смена системы в Венгрии // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. М., 2009. Т. 7. С. 36.

¹¹ Там же.

¹² <http://www.stop.hu/articles/article.php?id=202556>.

¹³ <http://www.stop.hu/articles/article.php?id=203469>.

¹⁴ Churka I. *Nehány gondolat a rendszerváltozás két esztendeje és az MDF új programja kapchan* // *Magyar Forum rendkívüli kiadványa*. Bp.08.1992. 2 old.

¹⁵ *Ibid*. 3 old.

¹⁶ Thürmer G. *Op. cit.* 117 old.

А.С. Стыкалин (Россия)

Польский кризис 1980–1981 гг. и активизация оппозиционного движения в Венгрии

Под влиянием выступлений польских рабочих в 1976 г. и чехословацкой Хартии 77 в Венгрии, начиная с 1977 г., формируются первые структуры правозащитного оппозиционного движения, однако относительная стабильность вплоть до начала 1980-х годов уровня жизни в стране подрывала социальную базу оппозиции. Большинство населения продолжало придерживаться негласного общественного договора, предоставлявшего гражданам возможность обогащаться при условии отказа от политической активности. Однако польские события 1980–1981 гг. и создание в Польше независимого профсоюза «Солидарность» дали толчок оппозиционным движениям в Венгрии, которые, крепнув с каждым годом на фоне усугублявшегося экономического положения, выступили во второй половине 1980-х гг., с началом горбачевской перестройки, в качестве мощного политического игрока, завоевывающего все новые и новые позиции.

Ключевые слова: Венгрия, Польша, кадаровская модель социализма, польский кризис, венгерское оппозиционное движение, Я. Кадар, В. Ярузельский.

Подъем забастовочного движения в Польше в августе 1980 г. совпал по времени со вступлением венгерской экономики в длительную полосу стагнации. Режим Яноша Кадара, на протяжении 1970-х гг. привлекавший немалое внимание западного леволиберального экспертного сообщества как наиболее удачная попытка надолго примирить общество одной из стран советской сферы влияния в Восточной Европе с ком-

мунистической властью, преодолел апогей своего развития и начал явно клониться к упадку. Негласный общественный договор, гарантировавший неуклонное повышение уровня жизни населения в обмен на отказ граждан Венгерской народной республики (ВНР) от любого рода политической активности (грозившей со всей неизбежностью перерасти в оппозиционные выступления!), выполнять с каждым годом становилось все труднее. Кадаровская модель социализма давала все более заметную трещину. Летом 1979 г. венгерское общество, уже успевшее привыкнуть к определенному уровню потребительских стандартов и поступательному, хотя и медленному росту благосостояния, было шокировано повышением цен на основные продукты питания на 20%. Поставив перед собой в качестве приоритетной задачу сохранения достигнутого уровня жизни, правительство берет новые кредиты на Западе, что только усиливает зависимость венгерской экономики от конъюнктуры цен на нефть (революция 1979 г. в Иране нарушила выполнение обязательств этой нефтедобывающей страны по поставкам нефти на мировой рынок, что вынудило страны ОПЭК поднять цены на 10%). Все большая часть бюджета шла на погашение внешних займов. Заботясь о сохранении общественного спокойствия, власть по-прежнему сторонилась вмешательства в частную жизнь граждан, реагируя лишь на немногочисленные откровенно враждебные проявления. Одновременно она разрабатывает новые меры, направленные на повышение социальной мобильности. Но замаячившая на горизонте утрата гражданами привычного, гарантированного достатка делала более зыбкой почву под заключенным общественным договором, подрывая венгерскую модель «прагматического социализма» в самих ее основах¹. Возникает реальная перспектива новой политизации успешно деполитизированного в течение 1960–1970-х гг. венгерского общества, причем политизации на явно оппозиционным властям платформе.

Драматические события осени 1956 г. явно не соответствовали провозглашенному идеалу национального единства, а потому в 1960–1970-е гг. власти предпочитали о них лишний раз не напоминать². Но многолетняя установка пропаганды на достижение «коллективной амнезии» должна была рано или поздно показать свою неэффективность. Ведь нелегитимность

прихода Я. Кадара к власти в ноябре 1956 г. хорошо осознавалась сотнями тысяч венгров, склонных терпеть существующую власть лишь в той мере, в какой она предоставляла привычный им материальный достаток и возможности дополнительного заработка, довольно широкую свободу в частной жизни, в неполитических проявлениях деятельности. Хотя многоопытный политик Янош Кадар довольно прочно еще удерживал управление страной в своих руках, с каждым годом все более отчетливо проявлялись симптомы грядущего кризиса власти.

В начале 1970-х гг. идеологические органы ВСРП восприняли в качестве вызова деятельность ряда учеников всемирно известного философа-марксиста Дьердя Лукача, таких как Агнеш Хеллер, Ференц Фехер, Дьердь Маркуш, Михай Вайда. После принятого в 1973 г. партпостановления с критикой ревизионистских взглядов³ им создавались препятствия в публикации новых трудов и преподавательской деятельности, что, в конце концов, подвигло их к эмиграции. Деятельность этих интеллектуалов, получившая международную известность в гуманитарно-научной среде (А. Хеллер, например, со временем возглавила в США философскую кафедру, основанную Ханной Арендт), имела концептуально-теоретический характер. Но несколько позже зарождается иная, правозащитная и более близкая к политической практике тенденция в венгерском оппозиционном движении, получившем (как и в других странах советского лагеря) оживление после Совещания по безопасности и сотрудничеству 1975 г. в Хельсинки. Декларация этого Совещания обещала гарантировать широкий набор демократических прав, в том числе свободу на выражение альтернативных мнений. Требуя обеспечения этих свобод на практике, восточноевропейские диссиденты (инициаторы Хартии 77 в Чехословакии и их единомышленники в других странах) могли апеллировать к букве и духу этого документа, подписанного и лидерами социалистических стран.

Таким образом, в конце 1970-х гг. на первый план в зарождавшемся венгерском диссидентском движении выдвигается борьба за права человека. Этому способствовало и то, что пришедшая в начале 1977 г. к власти в США администрация Дж. Картера уделяла в диалоге с СССР первоочередное внимание именно правозащитным требованиям. В 1977 г. 34 представи-

теля венгерской интеллигенции подписали письмо с выражением солидарности с чехословацкими диссидентами, организаторами Хартии 77, подвергнутыми преследованиям. В том же году предпринимается попытка наладить первое периодическое издание венгерского самиздата. Забастовки 1976 г. в Польше и создание там Комитета защиты рабочих привлекли внимание оппозиционно настроенных венгерских интеллектуалов к рабочему движению, но перспективы это не имело⁴: венгерский пролетариат был пока еще в целом удовлетворен своим материальным положением, не требовал радикальных перемен. Венгерские диссиденты М. Харасты и др. устанавливают связи с единомышленниками из Польши и Чехословакии, а также с венгерской эмиграцией – речь идет об организации совместных правозащитных акций, способных вызвать более широкий международный резонанс.

Притеснения властей способствуют постепенному сближению между разными группами оппозиционно настроенной интеллигенции. Одной из платформ для сплочения людей, придерживавшихся разных убеждений, было общественное внимание к положению венгерского национального меньшинства в соседних странах, особенно в Румынии, где в политике режима Чаушеску усиливаются националистические тенденции, сопровождавшиеся попытками ограничить сферу использования венгерского языка в культурной жизни, образовании и административной практике Трансильвании (края, в котором проживал примерно 1 млн. 700 тыс. венгров). Встречи Я. Кадара и Н. Чаушеску в июне 1977 г. не сняли напряженности в двусторонних отношениях. Венгерские власти после этого позволяют одному из духовных вождей нации выдающемуся писателю Дюле Ййешу выступить в прессе по проблеме положения венгров в Румынии. Это вызвало дипломатические демарши со стороны официального Бухареста, но открыло зеленый свет публичному и порой довольно острому обсуждению названной проблемы в общественной жизни самой Венгрии. Все чаще звучат упреки в адрес венгерского правительства за слишком индифферентное отношение к положению соотечественников в соседних странах. Выслушивая эти упреки, Кадар и его окружение, однако, не собирались (с учетом установок официальной Москвы на нейтралитет в

венгеро-румынских спорах) вступать на путь дальнейшей эскалации конфликта с ближайшим соседом. С другой стороны, к национально ориентированной фронде венгерские власти проявляли, как правило, больше терпимости, нежели к формировавшейся либерально-демократической оппозиции, акцентировавшей внимание на фактах ущемления прав человека не в соседней Румынии, а в самой Венгрии.

Вплоть до конца 1970-х гг. коммунистические власти Венгрии, считая стабильным положение в стране, не воспринимали диссидентство в качестве опасного вызова. Это объяснялось и положением кадаровской Венгрии на международной арене. Янош Кадар, сумевший примирить народ с коммунистическим режимом и превративший свою страну к 1970-м гг. в своего рода «витрину» социалистического содружества, обладал международным авторитетом, и не только в коммунистических кругах. В обстановке определенного признания западным либеральным общественным мнением венгерской модели активизируется внешняя политика Венгрии. В 1976 г. Будапешт посетила делегация Французской социалистической партии во главе с ее лидером, будущим президентом Франции Ф. Миттераном. В 1977 г. Кадар побывал в Риме, где встречался с итальянскими лидерами и папой римским Павлом VI, выразившим удовлетворение положением католиков в Венгрии. В знак признания заслуг Кадара в деле придания венгерскому социализму «человеческого лица» в январе 1978 г. в Венгрию, наконец, возвращается из Ватикана национальная реликвия, корона святого Иштвана, вывезенная за рубеж в годы Второй мировой войны. В 1978 г. состоялся визит Кадара в Париж по приглашению президента В. Жискара д'Эстена. В том же году видный американский дипломат А. Гаррриман посетил Будапешт по поручению президента Дж. Картера, в Белом Доме зондировали возможности использования Я. Кадара в роли посредника при решении конкретных проблем советско-американских отношений. Не только в Вашингтоне, но и в Москве имели свои виды на посредническую миссию Венгрии, правда, в деле налаживания не советско-американских, а советско-французских отношений после победы Ф. Миттерана летом 1981 г. на президентских выборах. Таким образом, именно к началу 1980-х гг. международное признание кадаровско-

го режима достигает своего пика, что резко контрастировало с той дипломатической изоляцией, через которую он прошел в первые годы своего существования, после подавления революции 1956 г. Западное общественное мнение, не простив Кадару репрессий конца 1950-х гг., вместе с тем готово было признать его как наиболее уважаемого коммунистического политика современной эпохи. Немалая популярность Кадара за пределами своей страны, внешнеполитические успехи Венгрии, готовность разных государств активизировать с ней экономические связи были фактором, сдерживавшим внутреннюю оппозицию.

Между тем, по мере нарастания экономических трудностей власти все более тщательно отслеживали любые оппозиционные проявления. Так, в 1979 г. были приняты меры по изъятию из обращения самиздатского сборника, составители которого предприняли попытку беспристрастно оценить экономическое положение в стране⁵. Приверженность либеральным ценностям и чувствительность к проблемам венгерских меньшинств в соседних странах органически сочетал в себе социолог и публицист Габор Танцош (1928–1979), много сделавший для активизации связей интеллигенции Венгрии с культурой венгерской диаспоры в странах Дунайского бассейна. Весной – летом 1956 г. руководитель молодежного дискуссионного Кружка Петефи, на заседаниях которого формулировалась программа демократического обновления страны в духе идей XX съезда КПСС, после подавления восстания осени 1956 г. он провел ряд лет в заключении, а после освобождения активно включился в общественную жизнь, став к концу 1970-х гг. одной из центральных фигур оппозиционного движения. В конце 1979 г. Танцош был среди инициаторов нового меморандума в защиту Хартии 77. В состоянии душевной депрессии, вызванной предчувствием новых преследований, он покончил жизнь самоубийством, что было воспринято в кругах интеллигенции как знак бессмысленности любой оппозиционной деятельности в условиях, когда режим Кадара прочно стоит на ногах и к тому же пользуется западной поддержкой как самый либеральный коммунистический режим Восточной Европы. Самоубийство Танцоша явилось ударом для зарождавшейся оппозиции, на некоторое время ее деморализовавшим⁶.

Понимая, что в Венгрии нарастают проявления системного кризиса, угрожающего власти, руководство ВСРП все более нервно реагировало на любые идеологические манифесты и концепции альтернативной направленности, даже не заявляющие о разрыве с социализмом. Серьезным гонениям подвергаются Иван Селени и Дьердь Конрад (будущий президент Международного ПЕН-клуба), в опубликованной на Западе в 1979 г. книге «Интеллигенция на пути к классовому господству» изложившие программу постепенной передачи власти коммунистической партократией интеллигенции и технократии, в принципе принимающей социалистические ценности⁷. Аналогичной была реакция на социальные прогнозы, содержащиеся в работе молодых философов школы Д. Лукача Яноша Киша и Дьердя Бенце, также вышедшей под псевдонимом в США⁸. Никакой жизнеспособной реформаторской альтернативы подобным проектам идеологи Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) предложить не могли, и это уже само по себе свидетельствовало о вступлении режима Кадара в полосу стагнации. В верхах ни о какой корректировке его концептуальных основ в целях повышения эффективности функционирования речи не шло, дело сводилось к ситуативным мерам по сохранению достигнутого уровня жизни, главным образом за счет западных кредитов. В момент, когда руководство ВСРП было всерьез озабочено поиском новых источников поддержания экономической и социальной стабильности в стране, из Гданьска приходят вести о волне забастовок и создании независимого профсоюза «Солидарность».

Во внутривнутриполитическом плане польские события, весьма неожиданные для Кадара, поставили лидера ВСРП и его команду в двойственное положение. С одной стороны, появился соблазн разыгрывать польскую карту при демонстрации успехов социалистического строительства в Венгрии, доказывая (не только самим себе, но также соседям по блоку и западному общественному мнению) эффективность всей проводимой после 1956 г. политики, в том числе экономической и культурной. Ведь любое сопоставление двух стран с точки зрения стабильности и благополучия населения было явно в пользу Венгрии – даже при сохранении тенденции к некоторому снижению в этой стране уровня жизни. Пресса, контролируемая

партией, не упустила своего шанса. Сам Кадар, выступая перед партактивом, прямо заявлял, что венгерские коммунисты сумели счастливо избежать многих ошибок, совершавшихся их польскими товарищами и приведших в конце концов Польшу к серьезному кризису. Венгерский лидер также публично заверял своих граждан, что оправдавшая себя политика не изменится⁹. Впрочем, звучащие на фоне гданьских забастовок фанфары неадекватно отражали реальное настроение Кадара и его окружения. Страх, что венгры (прежде всего рабочие) последуют польскому примеру, был сильнее гордости за стабильность в стране. Конечно, Кадар надеялся на здравый смысл венгерского пролетариата, который не захочет рисковать более высоким, чем в Польше, жизненным уровнем, пойдя по пути забастовок (венгерским рабочим и в самом деле было что терять). В то же время в руководстве ВСРП знали о длительной традиции польско-венгерской революционной солидарности, хорошо помнили о притягательности польского примера для многих венгров осенью 1956 г.¹⁰

В ходе бесед с лидерами братских партий Кадар неизменно подчеркивал, что польские события не представляют непосредственной угрозы для положения в Венгрии: проблемы, стоящие перед ВСРП, будут своевременно разрешены независимо от ситуации в Польше. Тем не менее, судя по документам, содержащим анализ деятельности растущей оппозиции¹¹, в аппарате партии отдавали себе отчет в том, что в стране имеются силы, которые не против перенесения в Венгрию польского сценария. А это значит, желающие избрать забастовки инструментом давления на власть. Ключевая страна советской сферы влияния – Польша – переживала системный сбой, который мог негативно сказаться на функционировании и других компонентов той же системы социализма, включая Венгрию. Ситуация требовала от руководства ВСРП принятия превентивных мер в целях недопущения в Венгрию «польской крамолы».

С началом августовских событий 1980 г. в Польше венгерское оппозиционное движение поднимается на более высокую ступень, возникают новые неформальные структуры со своими программами. Первым крупномасштабным проектом венгерского самиздата стала подготовка сборника памяти леволиберального мыслителя мирового масштаба Иштвана Бибо

(1911–1979). В 1956 г. министр в правительстве Имре Надя, несколько лет после подавления восстания проведенный в заключении, в последние годы жизни он поддерживал связи с участниками зарождавшегося диссидентского движения, пользуясь в этой среде непререкаемым авторитетом. К работе над проектом, объединившим людей разных политических идеалов, были привлечены видные представители венгерской гуманитарной интеллигенции¹². В статьях доминировали идея реформ и требования политико-идеологического плюрализма. События осени 1956 г. трактовались как революция. Авторы некоторых статей осторожно подвели читателя к мысли о нелегитимности кадаровского правления. Даже в статьях на исторические темы прочитывались аналогии с сегодняшним днем. Выход сборника весной 1981 г. был приурочен к 70-летию со дня рождения Бибо¹³.

В отличие от ряда других восточноевропейских лидеров, занявших очень жесткую позицию в связи с неспособностью Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) «навести порядок» у себя дома, Кадар, также весьма критически относившийся к прежней, оторванной от реалий политике ПОРП (просчеты в планировании, увлечение индустриальной гигантоманией, непродуманные акции по повышению цен и т.д.), вместе с тем считал целесообразным приободрить новое руководство партии во главе с С. Каней, внушить ему уверенность в своих силах. Несмотря на переживаемые Венгрией экономические трудности, руководство ВСРП проявило готовность оказать Польше материальное содействие, оговорив, правда, при этом: никакая помощь невозможна без честных партнерских отношений, выполнения взаимных обязательств по поставкам, тогда как продолжение забастовок сведет все усилия на нет – выделенные средства будут выброшены на ветер.

Позиция лидера ВСРП отчетливо проявилась на встрече 5 декабря 1980 г. в Москве руководителей компартий стран-участниц Организации Варшавского договора (далее – ОВД). В Польше незадолго до этого, в ноябре, власти пошли на компромисс, разрешив легальную деятельность независимого профсоюза «Солидарность» в общепольском масштабе, что было воспринято в других социалистических странах как непро-

стителная уступка, подрывавшая монополию коммунистов на власть. Как и в марте 1968 г. на первом совещании представителей стран ОВД, посвященном поискам путей разрешения чехословацкого кризиса¹⁴, выступление Кадара по своей тональности довольно резко отличалось от выступлений некоторых других партийных лидеров. Не отрицая сложности стоявших перед Польшей проблем, он был последователен в своем стремлении к поискам политического, а не силового решения¹⁵. Кадар пока еще отнюдь не считал положение катастрофическим для социализма в ПНР и призывал своих собеседников не поддаваться паническим настроениям. В то же время в ходе контактов с деятелями ПОРП он подчеркивал, что даже в случае оказания им силовой помощи извне главная нагрузка по выведению страны из кризиса все равно ляжет именно на плечи польских коммунистов. По личному опыту, приобретенному в конце 1956 – 1957 гг., Кадар знал, насколько трудно управлять страной и заниматься вопросами экономики и снабжения, воспринимаясь большинством населения в качестве иностранной марионетки. Польским коллегам он этого не желал, будучи искренне заинтересованным в скорейшей нормализации положения в этой стране на единственно приемлемой для него платформе государственного, однопартийного социализма. С другой стороны, он соглашался с лидерами «братских» партий в том, что польский кризис является вызовом для всей «системы социализма», и что выпадения Польши из ОВД допустить никак нельзя, поэтому необходима твердость и наступательность в реализации четко сформулированной программы действий. Здесь Кадар считал уместным ссылаться и на венгерский опыт 1956 г.

9 декабря 1980 г., сразу после возвращения Кадара в Москву с совещания представителей компартий по польскому вопросу, Политбюро ЦК ВСРП обсуждало вопрос о собственной оппозиции и приняло по ее итогам резолюцию, в которой было вынуждено констатировать, что ее активность заметно усилилась, причем имеют место попытки расширить социальную базу за счет рабочего класса¹⁶. Власти осознавали, что оппозиция угрожает, прежде всего, монополии партии в области идеологии, а учитывая ее внешние связи, речь идет о явлении международном, что лишь усиливало его политический вес.

При этом в руководстве ВСРП не было единства мнений относительно того, как реагировать на оппозицию. Больше определенности было в вопросе о внешнеполитических ориентациях ВНР. После советской военной акции в Афганистане, замораживания ратификации договора ОСВ-2 международная обстановка поляризовалась, период разрядки сменился новым витком холодной войны, и Кадар в этих условиях предпочел демонстрировать Западу верность Венгрии ее союзническим обязательствам в рамках ОВД, а отнюдь не ее особую позицию по тем или иным конкретным вопросам международных отношений.

В конце 1980 г. в Политбюро ЦК ВСРП должны были обратить внимание и на ослабление контроля партии над культурной жизнью. Альтернативные течения в художественной культуре (не только в легально выходивших литературных журналах, изобразительном искусстве, легкой музыке, но даже в театре) приобретают все более протестные формы, речь шла уже не об эскапизме и подчеркнутой аполитичности (терпимыми властями в соответствии с официальной доктриной культурной политики, сформулированной еще в 1960-е гг. главным идеологом партии Д. Ацелом), но о прямом выражении политической оппозиционности. В октябре 1980 г. в Сент-эндре состоялось совещание молодых писателей, на котором звучали требования расширения творческих свобод, было объявлено о создании Кружка молодых писателей имени Атилы Йожефа, претендовавшего на автономное положение в литературной жизни. Все это вызывало раздражение лидера партии. В ряде публичных выступлений Кадар не преминул заявить, что власти будут защищать социалистические завоевания от любой угрозы, откуда бы она ни исходила, и дадут отпор любого рода подстрекателям. Произшедшие в 1980 г. некоторые волнения на крупнейшем в Венгрии Чепельском комбинате вызвали особенно большую обеспокоенность руководства ВСРП, живо напомнив ему как о собственном 1956 г., так и о польской «Солидарности», заставив отказаться от запланированного нового повышения цен.

В течение первой половины 1981 г. не прекращалось давление извне на руководство ПОРП, из Москвы постоянно поступали призывы навести порядок, сопровождавшиеся указа-

ниями в деле расстановки и подбора кадров, а иногда и плохо скрытыми угрозами – дескать, иначе придется наводить порядок внешними силами. Угрожающий тон был призван побудить руководство ПОРП к более решительным действиям во избежание советской военной акции. Известно, что в Генштабе с августа 1980 г. разрабатывались конкретные планы ввода дополнительных советских воинских соединений в Польшу¹⁷. Вместе с тем прямая интервенция рассматривалась в Москве как крайне нежелательный вариант развития событий. В руководстве КПСС в целом осознавали, что военное вмешательство в дела более чем 30-миллионного государства, учитывая настроения большинства его населения, массовую базу оппозиции, может привести к самым непредсказуемым последствиям. Вмешательство СССР в Афганистане в декабре 1979 г. не только нарушило атмосферу Хельсинкского совещания 1975 г., возродив дух холодной войны, оно было весьма непопулярно в советском обществе, создавало определенные внутривнутриполитические проблемы. Ввязаться в этих условиях в новую, куда более крупномасштабную авантюру было непосильно, едва ли не губительно для советской державы, переживавшей кризисные явления в экономике, и в Кремле это до некоторой степени понимали. Показательно замечание влиятельного Ю.В. Андропова, занимавшего жесткую интервенционистскую позицию в 1968 г. в условиях чехословацкого кризиса. В 1981 г. в связи с Польшей он со всей определенностью говорил в среде партаппаратчиков: лимит военных решений исчерпан, надо искать средства политического давления¹⁸. Надо было также принимать во внимание более жесткую позицию Запада в сравнении с 1968 г. Пришедший к власти в январе 1981 г. президент-республиканец Р. Рейган актуализировал лозунги антисоветской направленности, напрямую касающиеся сферы влияния СССР в Восточной Европе. В Вашингтоне постоянно давали понять Москве, что на этот раз цена использования военной силы в регионе будет куда более высокой, чем в ноябре 1956 и августе 1968 гг.

В условиях, когда со стороны лидеров «братских» партий продолжала звучать жесткая критика руководства ПОРП за уступчивость и бездеятельность, Я. Кадар проявил больше понимания. Деятели ПОРП, приезжая в Венгрию, хотели услы-

шать совет более успешной национальной коммунистической элиты и, в первую очередь, самого Кадара, выведившего свою страну после 1956 г. из еще более глубокого политического кризиса. Среди функционеров ПОРП распространено было отношение к венгерской модели как к едва ли не образцовой, на которую надо ориентироваться, пытаться внедрять ее элементы на польской почве¹⁹. Ведь кадаровская модель долгое время позволяла успешно справляться с экономическими трудностями, а главное: в Венгрии удалось то, что не получилось в Польше – примирить с коммунистической властью рабочий класс. В первую очередь в Варшаве хотели лучше узнать и перенять конкретный опыт венгерской консолидации второй половины 1950-х гг. Встречаясь с польскими коммунистами, Кадар постоянно указывал на имеющиеся у них возможности разрешения кризиса собственными силами на базе четко проработанной программы, приемлемой для основной массы населения, заинтересованной в стабильности и сохранении жизненного уровня, а значит в прекращении забастовок. Программа эта должна была свидетельствовать как об открытости политики, так и о твердости намерений: надо дать оппонентам понять, что власть не хочет кровопролития, выступает за соблюдение законности, но будет до конца защищать конституцию и определенные устои.

Между тем, в Польше с каждым месяцем углублялся экономический кризис, ухудшалось снабжение населения продовольствием. Обострялся конфликт между ПОРП и «Солидарностью», выступавшей с новыми требованиями, грозившими еще более ослабить властные позиции правящей партии. В конце марта возникла угроза всеобщей забастовки в общепольском масштабе. Отдавая, как и прежде, явное предпочтение политическим средствам, Кадар в принципе не исключал и применения силовых мер, но только в самом крайнем случае, если режим окажется в смертельной опасности. Однако сделать это должны сами поляки, любое внешнее вмешательство еще более ослабит позиции ПОРП, затруднит (а то и сделает вовсе невозможной) последующую консолидацию общества, главная забота о которой в любом случае ляжет не на внешнюю силу, а на самих польских коммунистов. Кроме того, внешнее вмешательство не в интересах мирового коммунистического движения.

тического движения (венгерский лидер хорошо представлял себе масштабы морального урона, который понесло коммунистическое движение вследствие августовской акции 1968 г. в Чехословакии). Зная о своем международном авторитете в коммунистических кругах и отношении польских функционеров к венгерской модели как наиболее совершенной, Кадар постарался использовать накопленный капитал с тем, чтобы донести до лидеров ПОРП свою позицию и повлиять на выбор ими адекватных средств решения стоящих задач.

Что же касается венгерского опыта 1956 г., то о нем в те месяцы вспоминал не только Кадар. Польский самиздат проявил немалый интерес к истории венгерской революции, опубликовав в своих книжных сериях посвященные ей книги В. Ворошильского, П. Гостони, П. Кенде, мемуары Ш. Копачи и югославского дипломата В. Мичуновича и многое другое. Среди сюжетов, привлекавших особое внимание, был опыт деятельности в ноябре 1956 г. большого будапештского рабочего совета, претендовавшего на роль альтернативного центра власти. Как идеологи польской оппозиции, так и западные политологи, анализируя последствия скоропалительного решения Имре Надя и его правительства о выходе Венгрии из ОВД в ноябре 1956 г., приходили к выводу о том, что восточноевропейская оппозиция должна делать упор на независимое массовое движение с участием рабочего класса и создание альтернативных квази-государственных структур наподобие «Солидарности», а не на независимость во внешней политике²⁰.

К осени 1981 г. обеспокоенность Кадара и всей элиты ВСРП в связи с польскими событиями еще более усилилась. В рядах «Солидарности» шел процесс поляризации, на первый план все более выступали силы, придерживавшиеся более радикальной программы действий, в частности, открыто подвергавшие сомнению легитимность власти ПОРП. В сентябре состоялся первый общепольский съезд 10-миллионного к тому времени (!) профсоюза, на котором было принято обращение к рабочим стран Восточной Европы с призывом бороться за независимое профсоюзное движение, в нем содержалась идея провести международную встречу в целях обмена опытом. Это обращение нашло отклик в диссидентских кругах Чехословакии и Венгрии. Хотя в этих странах не было зачатков не-

зависимого рабочего движения и политическая оппозиция носила преимущественно интеллигентский характер, интерес к современному польскому опыту был особенно велик именно в интеллигентской среде. К концу 1981 г. в Венгрии складывается довольно развитая периодика самиздата – журналы «Beszélő» (позже также «Hírmondó»), а также книжные серии подпольных издательств АВ и АВС. Главным менеджером венгерского самиздата был Габор Демски²¹, который изучил опыт польской независимой прессы²². К декабрю 1981 г. венгерским самиздатом было выпущено не менее 100 изданий журнальной и книжной продукции. Освещение и анализ современных событий в Польше становятся одной из приоритетных тем самиздата Венгрии, чему, естественно, способствовало большое внимание общества к «Солидарности» как феномену независимого рабочего движения²³. В венгерских подпольных изданиях с учетом польского опыта разворачивается дискуссия о роли и задачах оппозиции, ее тактике. Подчеркивалась необходимость создания новых общественных структур, борьбы за их автономизацию, за отвоевывание у властей все больших свобод в интересах дальнейшего формирования гражданского общества²⁴. Принимавшее все более организованные формы венгерское диссидентство не только интересовалось происходившим в Польше, но и пыталось установить непосредственные связи с польскими единомышленниками – его представители выезжали для этого в Варшаву и Гданьск. Но связи пытались установить также и с собственным рабочим классом, взвешивая возможности создания по польскому образцу структур, призванных защищать интересы рабочих. Неспойно было и в студенческой среде, в 1981 г. проводились акции солидарности с польскими оппозиционерами, выдвигалась идея создания независимой студенческой организации, а также (явно по польскому образцу) идея свободных университетов как альтернативной формы общественно-политического образования.

Обращение «Солидарности» к рабочим других стран вызвало истерическую реакцию в руководящих кругах всех государств ОВД, включая (в определенной мере) и диссидентскую Румынию²⁵. В средствах массовой информации предпринимается мощная идеологическая кампания в связи с угрозой соци-

ализму в Польше. Брежнев и его окружение, постоянно оказывавшие давление (временами довольно грубое) на польских коммунистов²⁶, прибегают на этот раз к еще более жестким оценкам происходящего в Польше. «Правда» изо дня в день пишет о курсе «Солидарности» на захват власти, о ее беспрецедентных по своей наглости призывах.

Как и в июне 1968 г. после публикации в чехословацкой прессе программных документов, свидетельствовавших о далеко зашедшем процессе формирования внепартийной оппозиции²⁷, в сентябре 1981 г. Кадар также несколько корректирует свою изначальную позицию. Он выражает солидарность с требованиями союзников, ужесточает риторику. Повод для пересмотра установок дало именно упомянутое обращение «Солидарности» к рабочим стран Восточной Европы, воспринятое им как попытка подстрекательства пока еще довольно слабой венгерской оппозиции. В ЦК ВСРП готовится письмо в адрес ЦК ПОРП, подписанное Кадаром²⁸. В нем было указано, что в последнее время в Польше перешли в наступление враги социализма, антикоммунистическая оппозиция стремится к захвату власти. Вместо установки на консолидацию общества и конструктивной программы действий, отмечалось далее, имеют место призывы к анархии, под лозунгами свободы и демократии совершаются нападки на основы социализма, причем подстрекатели, ссылаясь на прежние ошибки, пытаются увлечь за собой и рабочие массы. В письме содержался призыв сплотить все приверженные социализму силы для того, чтобы преградить антикоммунистам путь к власти. Стабильность в Польше при этом называлась гарантом безопасности всей системы социализма.

Венгерские власти принимают меры, чтобы воспрепятствовать проникновению обращения «Солидарности» в открытую прессу, что было реально в условиях фактического отсутствия в кадаровской Венгрии предварительной цензуры (в необходимых случаях из обращения изымались уже отпечатанные номера газет и журналов, а редакторы привлекались к ответственности). Немало головной боли вызывал у лидеров ВСРП вопрос о том, кто войдет в польскую делегацию, приглашенную на очередной съезд венгерских профсоюзов. Ничто так не беспокоило Кадара как перспектива формирования непод-

контрольного партии рабочего движения (в этом он сходиллся с руководителями всех других стран ОВД). Венгерский лидер понимал, что в Польше возникла внесистемная политическая сила, реально угрожающая власти коммунистов. Он также хорошо осознавал, что глубокий польский кризис способен вызвать цепную реакцию, поколебать ситуацию в других странах социалистического содружества. В свою очередь оппозиционно настроенные венгерские интеллектуалы, внимательно следившие за деятельностью «Солидарности» по всем доступным каналам информации, понимали, что многоопытного лидера ВСРП, выходца из рабочего движения, знающего пролетариат изнутри и прекрасно умеющего излагать базовые идеологемы на доступном ему языке, может всерьез напугать лишь одно – утрата контроля над массовым рабочим движением. Использование забастовок по польскому примеру в качестве орудия давления на власть стало бы наглядным свидетельством выхода венгерского рабочего движения из-под контроля.

Для того чтобы воспрепятствовать разворачиванию опасных для властной монополии компартии процессов, идеологические структуры ВСРП предпринимают беспрецедентную пропагандистскую кампанию, направленную на дискредитацию польской оппозиции. Еще 5 декабря 1980 г. на вышеупомянутом совещании в Москве Кадар говорил о том, что забастовки в Польше зачастую вызывают недоумение простых граждан Венгрии, у которых не находит понимания иждивенческая позиция деятелей «Солидарности»: почему польский пролетариат может позволить себе не работать, а бастовать, тогда как венгерским рабочим приходится трудиться еще и в расчете на оказание помощи Польше²⁹. Венгерский лидер исходил из того, что происходящее в «братской стране» не всеми в Венгрии воспринимается позитивно, в глазах части общественного мнения существует определенная взаимосвязь между снижением уровня жизни в Венгрии и забастовками в Польше. Играя на этих настроениях, пропаганда ВСРП не упустила случая разыграть польскую (а в известном смысле антипольскую) карту в целях объяснения народу причин экономической стагнации в собственной стране³⁰. Было найдено, таким образом, довольно удобное (пусть частичное) объяснение переживаемых страной экономических трудностей, способное на какое-

то время отвлечь внимание части населения от главных, внутренних проблем. Но оно было все же малоубедительным для мыслящей части общества, которая в целях более глубокого понимания истоков кризисных явлений (как в Польше, так и в Венгрии) все чаще обращалась к самиздату, где периодически появлялись статьи с анализом тяжелого экономического положения и требованием возвращения к реформам, свернутым в 1972–1973 гг.

Главной заботой ВСРП становится недопущение распространения «польской заразы» на более благополучную Венгрию; все средства пропаганды были призваны убедить венгерских рабочих в том, что идти по пути забастовок – значит вести дело к снижению жизненного уровня. Напротив, более энергичные усилия всех на своих рабочих местах способны внушить трудящимся уверенность в своих силах перед лицом наметившихся в экономике негативных явлений. По мере усиления своей обеспокоенности событиями в Польше Кадар все чаще обращался к ним в публичных выступлениях. При этом он, как правило, пытался оценивать ситуацию, исходя из венгерского опыта 1956 г., сравнивал происходящее в Польше с динамикой политического развития в Венгрии 25-летней давности, проецировал на польский кризис 1980–1981 гг. привычную для себя схему – правые, контрреволюционные силы, воспользовавшись справедливым недовольством трудящихся, предприняли наступление, манипулируя обоснованными требованиями рабочих, введенных в заблуждение. Съезд «Солидарности» живо напомнил Кадару Венгрию ноября 1956 г. – выступления рабочих советов с оппозиционной правительству платформой, в течение двух недель фактическое двоевластие в стране, с которым можно было покончить лишь самыми жесткими мерами.

Под непосредственным влиянием польского кризиса кардинально меняется вся концепция сохранения исторической памяти о событиях 1956 г. Прежняя стратегия на забвение венграми тех событий, установка на «коллективную амнезию» признается недостаточно эффективной. Ведь несмотря на все усилия идеологов режима «будапештская осень» все равно зримо присутствовала в национальном сознании, а еще более в «национальном подсознании», и не только как предостере-

жение от нарушения заключенного с режимом Кадара общественного договора, но и как напоминание о возможности политических альтернатив. Для поддержания в обществе воспоминаний о 1956 году прилагала немалые усилия доступная в Венгрии радиостанция «Свободная Европа», особенно в дни очередных годовщин. Не проявляя со своей стороны инициативы в обращении к истории восстания, власть в то же время была вынуждена реагировать на выступления «радиоголосов» и заботиться о пресечении внутри страны любых «вражеских вылазок» в оценке октябрьских событий. Осенью 1976 г. на фоне очередного кризиса в Польше и создания там Комитета защиты рабочих идеологическим структурам ВСРП пришлось принять дополнительные меры для нейтрализации мощной пропагандистской кампании, развернувшейся на Западе в связи с 20-летием венгерской революции. Особенно много головной боли у кадаровских работников идеологического фронта вызывали кадры кинохроники времен «будапештской осени», широко демонстрировавшиеся по западным телеканалам, ставшим к этому времени все более доступными восточноевропейскому телезрителю. В 1981 г. приходилось уже реагировать и на собственный самиздат, сделавший «осень 1956 г.» своей приоритетной темой и требовавший коренного пересмотра концепции контрреволюции. В акциях памяти о событиях 1956 г., состоявшихся в дни их четвертьвекового юбилея, приняли участие люди разных поколений – от ветеранов тех событий, подвергавшихся преследованиям, до молодежи и студентов. Именно память о 1956 г. была (наряду с положением венгров в соседних странах) платформой, в наибольшей мере способной сплотить людей разных политических убеждений. И хотя тактика замалчивания возымела определенный эффект (к концу 1970-х гг. большинство молодых людей Венгрии мало что знало о событиях 1956 года сверх установленного властями канона), она казалась уже недостаточной в условиях, когда в деполитизированном обществе «зрелого кадаризма» заметно ослабла коммунистическая индоктринация.

Таким образом, осенью 1981 г., в канун 25-летнего юбилея «будапештской осени», на фоне резко обострившегося польского кризиса тактика властей решительным образом меня-

ется: на смену прежнему замалчиванию событий 1956 г. приходит мощное идеологическое контрнаступление. Это была, с одной стороны, реакция на широкое обсуждение темы в диссидентских кругах – власть не хотела упускать инициативу в споре с активизировавшейся оппозицией. Необходимо было думать и о нейтрализации «Свободной Европы», постоянно проводившей параллели между Венгрией 1956 и Польшей 1981 г. и работавшей в расчете на повышенный интерес венгерской молодежи к замалчиваемой истории новейшего времени. Принималась также во внимание активность эмиграции: для многих ветеранов «будапештской осени» четвертьвековой юбилей стал поводом заново осмыслить те события и свое место в них, а для кого-то – подвести итоги всей своей политической и интеллектуальной деятельности. Немалое влияние на смену тактики оказал и подъем неоконсерватизма на Западе, причем новый президент-республиканец Р. Рейган выступил с одной из своих программных антисоветских речей именно 23 октября 1981 г., намеренно приурочив ее к 25-летию юбилею начала венгерской революции. В условиях такого «натиска» в странах советского блока (и не в последнюю очередь в Венгрии) сочли целесообразным, «не поддаваясь на провокации», демонстрировать последовательность прежней политики. Это касалось и оценки венгерской коммунистической элитой событий 1956 года. В октябре – ноябре 1981 г. в Венгрии выходит обилие пропагандистской литературы, тема подавления «контрреволюции» не сходит с полос многих газет, по венгерскому телевидению был показан документальный сериал о зверствах в 1956 г. «контрреволюционеров». Через считанные недели по инициативе идеологов ПОРП его демонстрируют и по центральному польскому телевидению: власти ставили своей задачей напугать миллионы поляков неизбежной перспективой братоубийственной войны (и неминуемого советского вторжения) в случае если противоборствующим сторонам не удастся достигнуть компромисса. Что касается венгерских средств массовой информации, то 25-летие событий 1956 г. дало агитпропу ВСРП новый неплохой повод для того, чтобы поговорить об успехах собственной, более гибкой в сравнении с Польшей внутренней политики.

Ужесточение оценок Кадаром ситуации в Польше не означало пересмотра им принципиальной позиции: лидер ВСРП по-прежнему последовательно выступал против вмешательства в польские дела извне. Он понимал, что в силу исторических традиций подключение венгров к этой акции было бы в высшей степени непопулярно в венгерском общественном мнении (это понимали и хортисты, не поддавшиеся давлению Гитлера, настаивавшего на объявлении Венгрией войны Польше в сентябре 1939 г.). Идею участия венгерской армии во вторжении в Польшу Кадар категорически отвергал даже при наименее благоприятном стечении обстоятельств, советское же силовое вмешательство по-прежнему считал допустимым лишь в ограниченном объеме и в самом крайнем случае. Сложившаяся ситуация, по его мнению, пока еще отнюдь не достигла критической точки, делающей такое вмешательство необходимым. Эту позицию он продолжал отстаивать и при встречах с представителями социалистических стран, а также в телефонных разговорах с Москвой. Брежнев Кадара не любил как выдвигенца Хрущева (не скрывавшего к нему своих симпатий и после отставки последнего в октябре 1964 г.), однако мнение опытного и пока еще весьма благополучного венгерского политика, имевшего за плечами реальный опыт успешного выведения своей страны из глубочайшего кризиса, в Кремле внимательно выслушивалось. Правда, как хорошо показали чехословацкие события 1968 г., оно было не более чем совещательным голосом, не влиявшим по большому счету на принятие окончательного решения, и сам Кадар не питал в этом плане никаких иллюзий.

Как бы то ни было, с осени 1981 г. венгерский лидер, очень опасавшийся импорта в свою страну идей «Солидарности», и сам все более активно пытается надавить на поляков, настаивая на принятии ими более решительных мер. Подобно руководителям других «братских партий», Кадар считал необходимым положить конец тому, что происходит в Польше. Но, исходя из горького опыта 1956 г., он призывал деятелей ПОРП (высоко ценивших его мнение) обходиться по возможности без кровопролития, прибегая лишь к самым необходимым административным мерам – прежде всего, к изоляции наиболее радикально настроенных оппозиционеров.

Избрание генерала В. Ярузельского в октябре 1981 г. первым секретарем ЦК ПОРП Кадар воспринял с удовлетворением, видя в нем человека, способного к более твердой политике. В этом лидер ВСРП не ошибался. Опасаясь полного экономического коллапса и того, что Москва вмешается силовым путем в ход событий, Ярузельский, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти (руководство партией, советом министров и министерством обороны), приступил к подготовке введения военного положения собственными силами³¹. В Москве не исключали в качестве крайней меры оказание определенной военной помощи Ярузельскому в деле наведения им порядка в Польше, в генштабе разрабатывались соответствующие планы. Вместе с тем в Кремле считали предпочтительным, чтобы польское руководство само ввело военное положение, всячески побуждали к этому Ярузельского, не торопясь с принятием политического решения даже о самой ограниченной советской военной акции в помощь «польским друзьям». Это нашло отражение в записи заседания Политбюро от 10 декабря, в том числе в выступлениях влиятельных его членов Ю.В. Андропова и А.А. Громыко³². В Москве все же извлекли определенные уроки из событий 1968 г. в Чехословакии, когда полностью сорвались планы по приведению к власти правительства «здоровых сил» и пришлось вызволять из-под ареста и сажать за стол переговоров людей «команды Дубчека». В 1980–1981 гг. Брежнев неоднократно заверял польских лидеров, что не предпримет акции без них и вопреки их воле, что в принципе не расходилось с планами руководства СССР и отражало более реальную оценку ситуации – «здоровые силы», на которые можно было бы опереться, были здесь еще более слабыми, нежели в Чехословакии 1968 г. Если в первой половине 1981 г. в Кремле еще питали некоторые надежды на их активизацию, то ход и решения IX съезда ПОРП, состоявшегося в июле, показали беспочвенность таких планов, заставили делать ставку на Ярузельского³³.

Введение Ярузельским 13 декабря 1981 г. военного положения, приостановка деятельности «Солидарности» и интернирование активистов оппозиции были восприняты Кадаром положительно. Позже, в октябре 1983 г., венгерский лидер, встречаясь в Польше с Ярузельским, высоко оценил тот факт,

что польским коммунистам удалось без внешней помощи преградить путь «контрреволюции» и «анархии», они тем самым оказали неоценимую услугу не только Польше, но всему социалистическому лагерю и мировому коммунистическому движению³⁴. На самом деле это, однако, нисколько не меняло того обстоятельства, что, как и в Венгрии 1956 г., в Польше 1981 г. для сохранения коммунистического режима пришлось прибегнуть к силовым средствам.

Общественное мнение в Венгрии восприняло силовой вариант разрешения польского кризиса в целом спокойно, увидев в этом неизбежный в сложившихся условиях путь к преодолению хаоса в союзнической стране. Более того, на определенные категории оппозиционно настроенной интеллигенции введение военного положения в Польше подействовало сдерживающе. Подачкой Кадара венгерскому пролетариату в целях нейтрализации нежелательных настроений явилось провозглашение субботы нерабочим днем (требование, фигурировавшее в программе «Солидарности»). Как бы там ни было, венгерская оппозиция откликнулась на события 13 декабря 1981 г. новыми программными документами: глубокий анализ истоков кризисных явлений в Восточной Европе сочетался в них с поисками перспектив развития³⁵. В марте 1982 г., по свежим следам польских событий, Политбюро ЦК ВСРП вновь обратилось к обсуждению вопроса о враждебной деятельности оппозиции, с обеспокоенностью констатируя растущую активность диссидентов³⁶. Летом того же года власти инициируют волну полицейских мер против оппозиции (задержания, обыски, изъятие нелегальной литературы)³⁷. Все это, однако, не переломило вектора дальнейшей эволюции венгерского диссидентского движения. В журнале «Beszélő» публикуются новые программные заявления представителей либеральной оппозиции с требованием экономических реформ, расширения гласности, реформ государственной системы (при ограничении роли правящей партии), создания независимой судебной системы. Сохранялось внимание венгерской оппозиции (и в том числе самиздата) к положению венгров в соседних странах, ухудшавшемуся в условиях нарастания в этих странах кризисных явлений в экономике. В декабре 1981 г., как раз в дни введения военного положения в

Польше, в Трансильвании вышел первый номер нелегального журнала «Ellenpontok» («Контрапункты») на венгерском языке. Годом позже, в ноябре 1982 г., редактор этого журнала Г. Сеч и ряд других диссидентов из числа трансильванских венгров были арестованы после того, как обратились с письмом к мадридской конференции по правам человека, в котором ставили вопрос о нарушении прав человека в Румынии, в том числе о положении национальных меньшинств. Хотя румынские власти всячески препятствовали связям собственных очень малочисленных диссидентов с единомышленниками в других странах и запрещали их выезд из страны, это уже не приносило эффекта. Венгерские оппозиционеры не только поддерживали контакты с оппозицией в других социалистических странах (в особенности из венгерской диаспоры Румынии и Чехословакии), но и информировали читателя через нелегальную прессу об их программах. Дело с арестом Сеча и др. вызвало большой отклик в Венгрии, было организовано письмо в высокие инстанции, подписанное многими видными интеллектуалами. Аналогичным был отклик на преследования чехословацкими властями видного венгерского диссидента Словакии М. Дюрая в 1983–1984 гг.

25-летие казни Имре Надя в июне 1983 г. дало в диссидентских кругах повод поразмышлять не только о роли этого политика (оставшегося верным своим убеждениям сторонника венгерского пути к социализму) в 1956 г., но и об актуальности его политического наследия. Ставился вопрос об изменении отношения к казненному премьеру и его единомышленникам, об их полной реабилитации, а заодно и о пересмотре характера событий 1956 г. (без этого, как отмечалось в некоторых публикациях самиздата, совершенно невозможно приступить к назревшим системным реформам). Власти отвечали на происходившее преследованиями (обысками, изъятием нелегальной литературы, привлечением людей к административной ответственности за распространение самиздата)³⁸. Эффекта это не приносило. В конце 1983 г. венгерские диссиденты принимают участие в международной акции «Amnesty International» с требованием освобождения политзаключенных, устанавливаются все более тесные связи с польской и чешской оппозицией, венгерский самиздат публикует среди прочего

произведения В. Гавела, М. Кундеры, З. Млынаржа, Ч. Милоша, Л. Колаковского, серию книг о ГУЛАГЕ, в том числе рассказы В. Шаламова. Переход властей к более агрессивной тактике дал повод для новых разочарований на Западе в режиме Кадара. Международный хельсинкский комитет подготовил в 1983 г. доклад о нарушениях прав человека в Венгрии, опубликованный и в венгерском самиздате,

Как бы то ни было, несмотря на явно обозначившийся переход от разрядки к новому витку холодной войны и ужесточение в самой Венгрии риторики в отношении оппозиции, контакты Кадара с западными лидерами не стали менее интенсивными. На встречах в Будапеште с Ф. Миттераном, посетившим Венгрию с официальным визитом, и в Бонне с В. Брандтом венгерский лидер неизменно уклонялся от обсуждения вопроса о положении в Польше, подавая это как внутреннее дело Польши и лишь в некоторых своих, международных аспектах как внутриблоковое дело, относящееся к компетенции стран ОВД, но отнюдь не западных держав. Любые попытки Запада вмешаться в польские события, подчеркивал он, лишь угрожают разрядке напряженности. С другой стороны, ухудшившееся экономическое положение Венгрии только стимулировало заинтересованность в экономическом сотрудничестве с Западом и поиске внешнеторговых партнеров, возникает идея вступления страны в Международный валютный фонд, реализованная вопреки возражениям Москвы в 1982 г. Дальнейшее наведение мостов к Западу не ограничивалось экономикой. Уже со второй половины 1970-х гг. расширяются возможности получения фрондирующими венгерскими интеллектуалами западных стипендий – идя в этом плане на послабления, кадаровские власти втайне надеялись, что самые «злостные» оппоненты режима, выехав на Запад (например, Д. Конрад, в дни введения военного положения в Польше «осмелившийся» со страниц «New York Times» поставить вопрос о несправедливости осуждения И. Надя), останутся невозвращенцами. С 1982 г. такие возможности расширяются. Осенью 1983 г. (в самый пик нового витка холодной войны) начинаются переговоры с уроженцем Венгрии миллиардером Джорджем Соросом, завершившиеся в 1984 г. соглашением, раз-

решающим его деятельность в Венгрии в сфере культуры и образования.

После введения военного положения кадаровская Венгрия оказала Польше необходимую экономическую помощь. Однако польская сторона была заинтересована не только в материальной поддержке. Команда Ярузельского поддерживала связи с Кадаром и его окружением, внимательно выслушивала советы, проявив особый интерес к конкретному опыту политической консолидации в Венгрии в первые месяцы после событий осени 1956 г.³⁹ Этот опыт считался позитивным, ведь положение в Венгрии оставалось стабильным на протяжении уже более чем двух десятилетий⁴⁰.

Стремление польской коммунистической элиты учесть все позитивное, что было в венгерской модели социализма, и использовать эту модель в качестве образца, не переломило вектора развития Польши. Тем более, что уже не за горами был 1985 год, когда приход к власти М.С. Горбачева и начало перестройки в СССР поставили коммунистических лидеров Восточной Европы перед совершенно новым вызовом – всех, включая не чуждого реформаторским идеям генерала В. Ярузельского и прагматика Я. Кадара, эволюционировавшего в 1980-е гг. под влиянием польских событий к более консервативной, контрреформаторской платформе. Однако это уже предмет другой статьи. Следует только подчеркнуть: именно внутривнутриполитические изменения в СССР ускорили крах коммунистического режима в Польше. Та же судьба постигла в конце 1980-х гг. и более благополучный режим Кадара в Венгрии. Реальный социализм не выдержал испытания временем, в новых исторических условиях закономерно уступив место плюралистическим формам правления.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Можно в целом согласиться с известным венгероязычным эссеистом Словакии Л. Гренделем: «венгр кадаровской закалки не нашел компромисс с властью, а сторговался с ней, склонил перед ней голову, потому что больше не верил в то, что режим, который ему навязала чужая держава–оккупант, сможет при его жизни измениться. Этот менталитет строился среди многого прочего и на отрицании об-

щенациональной солидарности, и на историческом беспамятстве» (Грендель Л. Гражданин Центральной Европы. Венгерские травмы – венгерские заблуждения. М., 2011. С. 60).

² См.: Стыкалин А.С. От революции 1956 г. к «смене систем» в 1989 г.: метаморфозы исторической памяти венгерской нации // Революции и реформы в странах Центральной и Юго–Восточной Европы: 20 лет спустя. Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 324–349 (См. также: Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 6).

³ См. соответствующие документы: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго–Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. С. 124–141.

⁴ По сути, все ограничилось созданием в 1979 г. Фонда помощи бедным как структуры альтернативной государственной социальной политике, но совершенно не выдерживавшей конкуренции с соответствующими государственными институтами.

⁵ Сборник «С другого берега» (Túlpartról; редакторы Farkas P., Németh G.) был составлен в форме серии интервью.

⁶ Свидетельство известного переводчика венгерской литературы на русский язык В.Т. Середы, находившегося в Венгрии в дни самоубийства и похорон Г. Танцоша в декабре 1979 г.

⁷ См.: Konrád G., Szelényi I. The Intellectuals on the Road to Class Power. New York, 1979.

⁸ См.: Rakovski M. Towards an East European Marxism. New York, 1978.

⁹ См.: Tischler J. The Hungarian Party leadership and the Polish Crisis of 1980–1981 // Cold War International History Project Bulletin. Issue 11. Washington, Winter 1998.

¹⁰ Массовая демонстрация 23 октября, переросшая затем в вооруженное восстание, была создана, как известно, в знак поддержки польского движения за обновление социализма и суверенитет

¹¹ См. документ аппарата ЦК ВСРП, относящийся к декабрю 1980 г.: MSzMP dokumentum az ellenzékéről, 1980–ből (Közli Sipos L.) // Társadalmi Szemle, 1992. № 5. См. также: Анатомия конфликтов... Т. I. С. 148–157. МВД Венгрии в это время оценивало число активных оппозиционеров в стране в 1500–2000 чел.

¹² Инициатор проекта, бывший соратник Имре Надя экономист Ференц Донат, стремясь подчеркнуть свое стремление к диалогу с властями, вначале предложил книгу в государственное издательство «Gondolat», но поддержки не получил. Среди участников сборника были Я. Киш, Д. Бенце, Д. Конрад, М. Харасты, И. Эрши, М. Вайда, выходец из Трансильвании Г.М. Тамаш и др.

¹³ Факт издания книги памяти Бибо обсуждался на Политбюро. Кое-кого из участников проекта уволили с работы, в том числе из академических институтов, но прежде всего лишили права активно заниматься преподавательской деятельностью, чтобы ограничить возможности для распространения оппозиционных взглядов на молодую аудиторию.

¹⁴ Об эволюции позиции Я. Кадара в условиях чехословацкого кризиса 1968 г. см.: Стыкалин А.С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 21 – 41.

¹⁵ More Documents on the Polish Crisis, 1980–1981 // Cold War International History Project Bulletin. Issue 11... Подробнее о позиции Я. Кадара при обсуждении с лидерами стран-союзниц по ОВД польского вопроса в условиях кризиса 1980–1981 гг. см.: Стыкалин А.С. Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе // Славяноведение. 2011. № 5. С. 52 – 67.

¹⁶ См.: Анатомия конфликтов... Т. I. С. 148–157.

¹⁷ См.: Грибков А.И. Доктрина Брежнева и польский кризис начала 1980-х годов // Военно-исторический журнал, 1992. № 9; Kramer M. «In Case Military Assistance is Provided to Poland». Soviet Preparations for Military Contingencies, August 1980 // Cold War International History Project Bulletin. Issue 11...; см. также документы комиссии Политбюро, занимавшейся проблемами Польши: Документы «комиссии Суслова». События в Польше в 1981 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 1.

¹⁸ См.: Советский Союз, социалистические страны и польский кризис 1980–1981 годов // Мусатов В.Л. Россия и Восточная Европа. Связь времен. М., 2008. С. 193.

¹⁹ См. работы известного венгерского полониста Я. Тышлера об отклике руководства ВСРП на ситуацию в Польше и его контактах с польскими лидерами: Tischler J. The Hungarian Party leadership and the Polish Crisis of 1980–1981...; Tischler J. «Ha az osztályellenség támadása kibontakozik». Kádár János és a lengyel válság, 1980–1981 // Magyar Nemzet, 1997. Augusztus 23; Tischler J. Kádár and the Polish Crisis 1980–1981 // The Hungarian Quarterly. Vol. 39. Autumn 1998; Tischler J. Az MSzMP és a lengyelországi válság, 1980–1981. Dokumentumok // Századok, 1998. № 5; Tischler J. Magyarország és a lengyel válság (1980–1981) // Századok, 1999. № 2.

²⁰ Подробнее см.: Стыкалин А.С. Венгерские события 1956 г. в западной историографии и общественно-научном сознании (1956 – 1981 гг.) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Выпуск 11. Ставрополь, 2010.

²¹ Впоследствии Г. Демски стал одним из политических тяжеловесов посткоммунистической Венгрии, был многолетним мэром Будапешта.

²² В Польше в 1976–1980 гг. в разных нелегальных сериях вышло более 500 книг, в 1980–1981 гг. под эгидой «Солидарности» выходило около 300 периодических изданий.

²³ См.: A Magyarországi Szamizdat bibliográfiája. 1981–1989. Bp., 1990.

²⁴ Изучение опыта «Солидарности» давало повод для резкой критики собственных профсоюзов во главе с их бессменным лидером Шандором Гашпаром (с 1978 г. председателем контролируемой Москвой Всемирной федерации профсоюзов), ставших оплотом контрреформаторства. Их эгалитаристская позиция стала тем внутренним фактором, который наряду с фактором внешним (давлением Москвы) повлиял на свертывание в 1972 г. венгерской экономической реформы.

²⁵ Подробнее см.: Стыкалин А.С. Польский кризис 1980–1981 гг. и ситуация в Румынии // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности. Книга II. Отв. редактор Е.С. Узенева. М., 2013. С. 5–18.

²⁶ См.: Воронков В.И. События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопросы истории. 1995. № 10.

²⁷ См.: Стыкалин А.С. «Пражская весна» 1968 года и позиция руководства Венгрии...

²⁸ См.: More Documents on the Polish Crisis, 1980–1981... P. 85–86.

²⁹ Ibid. P. 113–115.

³⁰ Газеты (в первую очередь, профсоюзная «Népszava») писали, в частности, о том, что постоянно бастующая «Польша слишком дорого обходится венгерскому рабочему классу», заставляя Венгрию, как, впрочем, и другие страны блока, корректировать свою социальную политику с учетом необходимости оказания помощи «слабому звену» в социалистическом содружестве.

³¹ О мотивах его действий см.: Ярузельский В. Можно ли было избежать введения военного положения в Польше в 1981 году // Новая и новейшая история. 2008. № 4.

³² См.: Документы «комиссии Суслова». События в Польше в 1981 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 1.

³³ См.: Воронков В.И. Указ. соч.

³⁴ См.: Tischler J. «Ha az osztályellenség támadása kibontakozik». Kádár János és a lengyel válság, 1980–1981...

³⁵ См.: Tamás G.M. Illegális röpirat, 1982. Február // Eszmélet. Bp., 2003. № 57.

³⁶ См. соответствующие материалы: Анатомия конфликтов...Т. II. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. СПб., 2013. С. 157–167.

³⁷ Министр внутренних дел И. Хорват, выступая в октябре 1982 г. в парламенте, призвал к более строгим мерам против оппозиции, при этом ссылаясь на сложную международную обстановку.

³⁸ Судебный процесс против Г. Демского и преследования Кружка молодых писателей имени А. Йожефа в конце 1983 г. Автор этих строк, в декабре 1983 г. студент–пятикурсник МГУ, находившийся на практике в Венгрии, стал свидетелем студенческой акции в защиту легального журнала «Mozgó világ», один из номеров которого был запрещен.

³⁹ См.: Tischler J. The Hungarian Party leadership and the Polish Crisis of 1980–1981... P. 87–89.

⁴⁰ При этом в польской пропаганде после 13 декабря 1981 г. тема Венгрии 1956 г. занимала значительное место. Снова и снова показывая по телевидению кинохронику тех дней, партпропагандисты старались внушить рядовому поляку, что только своевременное введение военного положения собственными силами позволило избежать не только линчеваний и прочих ужасов «будапештской осени», но и ввода иностранных войск.

ПОЛЬША

В.В. Волобуев (Россия)

Правый фланг политической оппозиции в Польше (1956–1980 гг.)

В статье представлен идейный облик национально-патриотического крыла политической оппозиции в Польше в период от общественно-политического кризиса 1956 г. до возникновения независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность». Показаны причины размежевания внутри данного течения неформальной оппозиции и взаимоотношения ее деятелей с представителями лево-демократического фланга политической оппозиции в Польше.

Ключевые слова: Польша, социализм, оппозиция, советское влияние, государственный суверенитет, права человека.

Политическую оппозицию в ПНР в наиболее общем виде принято делить на левых и правых. К левому флангу относят людей социал-демократических убеждений (нередко – с коммунистическим прошлым), которые, критикуя политику правящей партии и строй Народной Польши, все же допускали (как правило) возможность реформирования системы в сторону большей демократизации. Правые, наследники пилсудчины, национал-демократии и христианской демократии, в подавляющем большинстве выступали против основ общественно-политической системы, стремились к ее демонтажу и освобождению страны от советского влияния. Соответственно, если главным требованием левых было соблюдение прав человека, то правые акцентировали внимание на проблеме государственного суверенитета.

Первой организацией правого толка, появившейся после 1947 г. (когда окончательно была подавлена легальная анти-

коммунистическая оппозиция), следует признать Союз молодых демократов (СМД). Это была вполне легальная структура, находившаяся (правда, короткое время) под опекой Демократической партии (ДП) – одной из двух «союзнических партий», действовавших под патронажем ПОРП. Союз возник осенью 1956 г. на волне идейных поисков молодых поляков в момент распада структур официальной организации – Союза польской молодежи. Окончательно СМД оформился на съезде 30 ноября 1956 г. (характерно, что с этого съезда по настоянию президиума были удалены все члены ПОРП и ее молодежных пристроек¹). В своей программе Союз хотя и выражал поддержку решениям VIII пленума ЦК ПОРП, вернувшем на пост лидера партии В. Гомулку, высказывался за польскую модель социализма и рабочее самоуправление, но первым из легальных организаций выразил протест против «фактической однопартийности», и, кроме того, заявил, что демократические идеи имеют надклассовый характер (опровергая тем самым марксистский тезис о том, что каждому общественному классу соответствует партия или идеология). «Нет такой партии, которая имела бы право монополии на теоретическое и практическое создание строя общественной справедливости», – утверждалось в программе СМД². Согласно данным Службы безопасности, идеологические постулаты СМД сводились к трем пунктам: независимые молодежные организации; полная самостоятельность в мировоззренческой области; строительство социализма на основе демократии и национального суверенитета³. Подобные настроения бытовали тогда и среди руководства ДП, в частности, к ним склонялся ее председатель С. Кульчинский. Неудивительно, что партия взяла Союз под свою опеку, а 6 декабря 1956 г. руководители СМД и ДП в совместном заявлении указали, что между ними нет принципиальных идеологических расхождений. Очень быстро численность Союза выросла до 10 тыс. чел. Это была, главным образом, студенческая молодежь католических учебных заведений. К январю 1957 г. организация, по заявлению председателя Главного правления СМД К. Глоговского, имела свои ячейки во всех вузах, на четырнадцати предприятиях и в пяти школах⁴. Но вскоре В. Гомулка заявил, что в СМД собираются элементы, явно враждебные народной власти. Политбюро

ЦК ПОРП упрекнуло руководство ДП в том, что оно оказывает поддержку «нелегальной» молодежной организации, и партия отказала Союзу в своей поддержке. 16 января 1957 г. СМД заявил о самороспуске⁵.

В 1957 г. бывший заместитель Глоговского П. Гурный вместе с лаборантом Гливицкого политехнического института Ю. Коссецким создал в Варшавском университете подпольную организацию студентов Национально-демократическая лига. В программе Лиги чувствовалось сильное влияние национал-демократии (которую участникам организации привил знакомый Коссецкого бывший эндек П. Богданович). В частности, заявлялось, что организация является продолжением запрещенной в 1945 г. Национальной партии и стремится к воссозданию великой Польши от Одры до Днепра. «...Полагаем необходимым, – утверждалось в программе, – сохранение союза с Россией до тех пор, пока наша западная граница не будет окончательно признана всеми... Потом будем стараться использовать любую возможность, чтобы отторгнуть у России наши восточные земли. Если Россия будет вынуждена признать наши территориальные претензии, мы создадим и станем систематически полонизировать федеральное государство, сложенное из Польши, Литвы, Белоруссии и правобережной Украины... После этого наша внешняя политика будет опираться на союз с Россией и Китаем». В отношении внутренней политики автор программы Ю. Коссецкий предлагал всяческую поддержку католической церкви как оплота польской культуры, при одновременном дистанцировании от нее в тех случаях, когда ее цели не имеют непосредственного отношения к величию польского государства. «Поскольку, – утверждалось далее, – наша внутренняя жизнь уже давно ограничена деятельностью международной мафии в виде масонства и коммунистического интернационала, а также враждебной деятельностью национальных меньшинств (прежде всего, евреев, немцев и украинцев), мы будем всячески стараться избавить нашу страну от всех интернационалов, а также исключить из нашей политической жизни (а впоследствии – и из страны) все меньшинства, которые попытаются бороться с польским народом... Чрезвычайно опасным для нашего национального быта является проникновение чужих культур, особенно еврей-

ской, византийской и туранской...». В отношении экономики программа отвергала «капитализм как частный, так и государственный... Поскольку неподконтрольное ничему развитие хозяйственной жизни опасно, государство должно руководить экономическими процессами... ключевые ветви экономики должны остаться в руках государства, но легкая промышленность... должна перейти в частную собственность либо в собственность рабочих коллективов... В силу специфики крестьянского хозяйства оно должно остаться сугубо в частном владении... В сфере политического строя... мы будем стремиться к построению системы без антинациональных факторов. Чтобы игра сил проходила между группами национального толка, отличающихся друг от друга не целями, а только методами...»⁶. Другими словами, члены организации принимали идеологию эндеции в ее крайней форме – национализм и антисемитизм.

Наиболее активными деятелями Лиги, наряду с Гурным и Коссецким, являлись: М. Бараньский, Г. Клята, А. Глязер, Я. Кшижевский. Организация была разделена на два уровня – высший и низший, причем члены низшего уровня не знали о существовании высшего. В целом деятельность Лиги свелась к встречам, на которых обсуждалась идеология эндеции, и к вербовке новых членов. Вскоре ее разоблачили, и 7 мая 1960 г. костяк группы был арестован.

Похожей оказалась судьба и бывшего лидера СМД К. Глоговского. Первое время после разгона Союза он пытался сколотить в лояльной властям христианской организации Товарищество ПАКС общество левых христиан, однако не преуспел в этом⁷. Тогда он принялся создавать в Лодзи, где жил, просветительское движение в виде тайных кружков самообразования. В этом ему помогали бывшие соратники по СМД. 18 марта 1964 г. во время очередного собрания группа была арестована. При обыске сотрудники госбезопасности нашли большое количество документов политического содержания, а также обширную программу под названием «Положение в Польше – инструкция № 3» (Глоговский утверждал, что получил ее от своего друга инженера М. Завистовского, известного Службе безопасности «по враждебным высказываниям»)⁸. Программа содержала обстоятельную критику коммунизма как идеологии-

ческой, экономической и политической системы и противопоставляла ему «культурализм», т.е. концепцию распространения культуры как антитезы коммунизма. По мнению авторов программы, господствующий в Польше режим посредством лозунга об «общественном авансе» способствовал приходу к власти большого количества непрофессиональных и аморальных людей. Это грозило вырождением как польского народа, так и населения всего мира, которое стояло перед лицом распространявшегося коммунизма. Поэтому настоящей задачей всех противников коммунизма являлось идеологическое сопротивление этой доктрине, а в дальнейшем – объединение Центральной Европы под знаменем «сражающейся культуры» и совместная колонизация земель Сибири и Африки. При этом авторы программы не отождествляли Россию и Советский Союз (хотя оговаривались, что коммунизм стал орудием советского империализма) и признавали некоторые достижения социалистического строя (планирование экономики, жилищное строительство, ликвидация безработицы, развитие политической дисциплины в обществе и т.д.)⁹. По сути, это была программа буржуазной демократии, что позволило органам госбезопасности квалифицировать группу Глоговского как «либерально-буржуазную»¹⁰. В том же году Глоговского приговорили к пяти месяцам заключения.

Еще одной конспиративной организацией в 1960-е гг. стал «Рух», образованный как «протест против тоталитарной политической системы». В отличие от Национально-демократической лиги Гурного, члены «Руха» больше склонялись к наследию Ю. Пилсудского. В частности, они вынесли из пилсудчины убеждение, что малые группы способны пробудить активность общества, поэтому они рассматривали название «рух» («движение») как действие, направленное против всеобщей апатии¹¹. В то же время руховцев нельзя считать пилсудчиками в полном смысле этого слова, поскольку они были сторонниками демократических принципов в лучших традициях западного парламентаризма, что не вполне сочеталось с классическим образом маршала. «Рух» считал ПНР, равно как и другие страны советского блока, ненастоящими государствами, правящие режимы которых, именуемые «коммунистическим тоталитаризмом», опирались на «чужую вооруженную силу»¹². Отсюда

вытекала главная цель организации: борьба за независимость Польши, проводимая путем пробуждения нонконформизма, национальных традиций, и, в конечном счете, достижение такого положения, при котором Польша, используя благоприятные обстоятельства, смогла бы завоевать независимость. «Рух» рассматривался его членами как продолжатель дела Армии Крайовой, то есть как общепольская, тщательно законспирированная структура, объединявшая всех борцов за свободу страны вне зависимости от их идеологических установок. Исключение в данном случае делалось только для марксистов, которые, видимо, представлялись «Руху» коллаборационистами, сотрудничавшими с оккупационными властями¹³. При этом руховцы не были врагами социализма как такового. Наоборот, в своей декларации «Проходят годы» они высказались против использования доктрины социализма для прикрытия диктатуры, и в целом, по словам одного из лидеров организации молодого биолога С. Неселовского, выступали не за капитализм, а за «средний путь между социализмом и либерализмом». «Рух» также выражал доверие левым оппозиционерам, ибо те ставили совесть выше собственных интересов¹⁴.

Первый проект программы организации разработал в 1967 г. журналист Э. Моргевич. Проект предусматривал роспуск ПОРП, выход Польши из ОВД, реприватизацию экономики, восстановление всех традиционных партий, передачу высшей власти Сейму, лишение деятелей ПОРП права занимать руководящие посты в экономических сферах, возвращение судам подлинной независимости и т.д. Проект Э. Моргевича был отвергнут как нереальный и поверхностный¹⁵.

Окончательный вариант программы разработал юрист А. Чума, который и перенес ряд черт пилсудчины в идеологическую декларацию «Руха». Первым постулатом в программе значилась независимость как «основополагающее условие развития общества и экономики». Программа оговаривала широкое участие государства в экономике, независимость суда, создание организаций (не обязательно политических), реально отражавших общественное мнение и ответственных перед этим мнением, отделение церкви от государства и запрет на деятельность партий «тоталитарного, фашистского типа, партий, провозглашающих классовую и общественную ненависть,

диктатуру групп либо классов, организаций, которые в прошлом или настоящем запрещают либо борются административными методами с религиозным мировоззрением и идеями Бога». В области внешней политики программа предусматривала создание блока государств Центральной и Восточной Европы для организации «третьей силы» как противовеса России и Германии¹⁶. В то же время Э. Моргевич, став главным редактором нелегального «Бюллетеня» (печатного издания «Руха»), в первом номере журнала выступил против антинемецкой кампании, развязанной В. Гомулкой, и заявил, что признание ПНР со стороны ФРГ не должно увязываться с признанием польской границы по Одере и Нейсе¹⁷.

«Рух» остался в стороне от мартовских выступлений 1968 г., так как руководство посчитало организацию пока слишком слабой для этого. Кроме того, участники «Руха» не испытывали симпатий к лозунгам движения. «Мне не нравилось, – вспоминал Э. Моргевич, – что требования студентов не выходят за рамки “социализма с человеческим лицом”. Эти постулаты казались мне недостаточными. Никто ведь не говорил: “Нам плохо, потому что Польша – несuverенное государство... С самого начала мы полагали, что хоть мартовские события и ослабили режим, но они не затронули его природы, так как речь там шла лишь об усовершенствовании социализма, а это ничего принципиально не меняло»¹⁸. После волнений 1968 г. в «Рух» вошли несколько участников студенческих выступлений из Лодзи (И. Щенсна, В. Сулковский, С. Тершмидт и др.). Это были люди социалистических убеждений, враждебно относившиеся к церкви и пилсудчине, но осуждавшие диктаторскую сторону социализма. Вступая в «Рух», они делали не политический, но моральный выбор, поскольку не видели другой возможности действовать¹⁹. Новички потребовали от организации более выраженных антитоталитарных установок и, в отличие от прочих членов «Руха», очень рассчитывали на реформаторское крыло ПОРП²⁰. Налицо было столкновение двух противоположных концепций. Правые не допускали никаких компромиссов с режимом и отвергали его как таковой, в то же время отдавая себе отчет в устойчивости существующего строя и рассчитывая на враждебность населения к власти, враждебности, которая рано или поздно выльется во всеобщее восстание. Ле-

вые, в свою очередь, не только не собирались бороться против общественно-экономической модели Народной Польши, но отстаивали ее легитимность, признавая лишь «вырождение» режима и требуя немедленных активных действий как продолжения «революции». Разгром организации в 1970 г. помешал окончательному размежеванию этих двух тенденций.

«Рух» оказался наиболее многочисленной нелегальной организацией в период 1956–1980 гг. (следствие выявило 75 участников²¹). 38 членов организации имели высшее образование, 14 – неполное высшее, 12 – среднее, 4 – неполное среднее (об остальных данных не имеется). 36 человек происходили из семей интеллигенции, 20 были детьми рабочих, 14 – крестьян, 5 – мелких торговцев. 18 участников работали на момент задержания в инженерно-технической области, 12 – в научных учреждениях, 12 были служащими, 4 – учителями, 4 – священниками, 9 – безработными, 1 – журналистом. 10 членов организации уже имели за плечами опыт антикоммунистической конспиративной деятельности²². Отделы «Руха» существовали в Лодзи, Варшаве, Быдгощи, Гданьске, Скерневицах, Люблине, Вроцлаве и Лигнице²³. В состав организации входило несколько ветеранов АК (самым известным был М. Голембевский – начальник Владимиро-Волынского и Люблинского округов Армии Крайовой), которые, впрочем, играли, скорее, символическую роль, олицетворяя непрерывность традиции борцов за свободу²⁴. Заметного следа в истории ПНР «Рух» не оставил. Организация не принимала участия в антиправительственных выступлениях, а единственная попытка внешней активности (несостоявшийся поджог музея В.И. Ленина в Поронине) закончилась раскрытием и разгромом «Руха» органами госбезопасности. Тем не менее, стоит отметить, что «Рух» явился чем-то совершенно новым на фоне тогдашней оппозиции. Бросалось в глаза не только количество участников, но и отменная организация: несмотря на постоянное наблюдение за некоторыми его членами (М. Голембевским, А. Чумой), Служба безопасности вплоть до 1969 г. не располагала бесспорными данными о наличии столь разветвленной структуры²⁵. Чем-то неслыханным для оппозиционного движения в ПНР после 1948 г. стало и появление подпольного издания («Бюллетень»), а также проведение регулярных

съездов (всего их было шесть). Несомненно, возникновение столь крупной организации не на шутку взволновало руководство партии и страны. О результатах следствия по делу «Руха» сообщили всем членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК и первым секретарям воеводских комитетов ПОРП. Власть опасалась, что столь крупный процесс вызовет ненужный ажиотаж, поэтому число подсудимых свели к тридцати трем, а с остальными членами организации провели предупредительные беседы²⁶.

В начале 1970-х гг. произошло некоторое сближение позиций левых и правых. Прежние коммунистические бунтари, испытав репрессии 1968 г., расстались с марксистскими убеждениями и приняли в свой идеологический арсенал постулат государственного суверенитета. И хотя окончательного слияния двух течений оппозиции не произошло (левые по-прежнему ставили на первое место права человека), все же оппозиционеры начали проводить совместные акции (сбор подписей за помилование участников «Руха», протестные письма против изменений в Конституции и т.д.).

По мере того, как демократическая оппозиция спланировалась во все более тесное и крепко спаянное сообщество, возникла настоятельная необходимость выработки идеологической платформы, которая могла бы послужить единой программой для всех противников режима. На потребность такой программы указал весной 1975 г. известный публицист З. Найдер, опубликовавший в парижском эмигрантском ежемесячнике «Kultura» («Культура») статью под красноречивым названием «О необходимости программы». Довольно противоречивая по содержанию, она, как видно, вполне отражала хаотичность и неуверенность, которые были свойственны мировоззрению политической оппозиции в ПНР в начале 1970-х гг. Найдер констатировал, что эмиграция оторвалась от нужд и интересов народа и не способна оказывать ощутимое влияние на внутренние процессы в Польше. Однако именно эмиграция, по мнению автора статьи, должна была заняться разработкой альтернативных политических концепций, поскольку население страны не располагало доступом ко всему объему информации. Вопреки подавляющему большинству других деятелей оппозиции, Найдер утверждал, что правительство

не только в определенной степени независимо от Москвы, но его интересы часто противоречат интересам Советского Союза. Поэтому союзниками оппозиции могли бы стать даже некоторые члены польского руководства. И вообще, говорил публицист, призывы «не замечать» партию бесплодны, так как поляки все равно не могут жить вне системы, то есть представлять, будто партии нет. Впрочем, рассчитывать на соглашение с правительством, по мнению Найдера, не стоило, потому что оно в любом случае марионеточное. Идеология польской оппозиции, согласно утверждению автора статьи, была в достаточной степени стихийной, самой же важной ее частью являлись национальные лозунги, ибо вопрос независимости оставался наиболее насущной проблемой в Польше²⁷.

Именно Найдер считается главным инициатором создания Польского национально-освободительного соглашения – политической структуры, задуманной как конспиративная организация, ведущая борьбу за освобождение страны от иностранной зависимости и свержение существующего строя. В мае 1976 г. эта тогда еще анонимная организация выступила со своей программой в лондонском польскоязычном журнале «Dziennik Polski» («Польский ежедневник»). В качестве основополагающих принципов деятельности организации принимались пять положений: 1) суверенитет народа, то есть право общества решать свою судьбу; 2) равенство граждан перед законом, а также наделение одинаковыми возможностями; 3) неприятие дискриминации католического большинства населения со стороны господствующего строя; 4) отношение к правящему в ПНР режиму как к «тоталитарной автократии», навязанной польскому народу и чуждой национальным традициям; 5) принадлежность Польши к западной, «греко-латинской и христианской культуре». Главными целями организации признавались: завоевание полноценной национальной независимости; участие всех поляков в управлении страной; гражданские свободы; многопартийная демократия; установление зависимости экономики от потребностей общества; свобода науки и культуры. Соглашение мыслилось его создателями как организация, которая объединит всех поляков, в том числе – членов ПОРП, в борьбе за свободу. В качестве тактики действий предлагалось открытое обсуждение на страницах пе-

чатных изданий Соглашения любых тем, интересующих современного поляка, и ожидание общественного взрыва, который «может произойти в любой момент». «Только сами поляки могут изменить ситуацию к лучшему», – утверждалось в связи с этим в программе организации²⁸.

В области восточной политики Найдер следовал программе Гедройца – Мерошевского (по имени главного редактора «Kultury» Е. Гедройца и его близкого сотрудника Ю. Мерошевского): он выступал за поддержку национально-освободительных движений в Белоруссии, на Украине и в Литве и за отказ от каких-либо территориальных претензий к ним. В 1978 г. Соглашение также выдвинуло пункт о необходимости объединения Германии, без чего (по мнению его участников) невозможно было завоевание польской независимости. Участники Соглашения ратовали за вхождение Польши в структуры Европейского сообщества.

1976 год стал временем оформления открытых оппозиционных организаций, опиравшихся в своей деятельности на Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный главами 35 государств 30 июля – 1 августа 1975 г. Толчком к этому явились репрессии властей против участников июньского протеста рабочих. В сентябре возник Комитет защиты рабочих, объединивший в своих рядах деятелей преимущественно левого (социал-демократического) толка. Они не стремились придать своей организации политический характер и выдвигали на первый план вопрос прав человека.

Активизировались и представители правого крыла. В марте 1977 г. они основали Движение в защиту прав человека и гражданина. Название организации также напрямую отсылало к Заключительному акту совещания в Хельсинки, который тем самым становился своего рода охранной грамотой для ее участников. Власти вынуждены были терпеть обе структуры, поскольку экономика Польши все более попадала в зависимость от западных кредитов, и правящая верхушка уже не могла открыто репрессировать оппозиционеров. У истоков Движения стояли такие люди, как журналист Л. Мочульский (автор исторического труда «Польская война», в котором выдвигал нетрадиционные для официальной историографии оценки участия

поляков во Второй мировой войне), участники «Руха» А. Чума и С. Неселовский, прежний лидер Союза молодых демократов К. Глогровский, студент-историк А. Халль, редактор и журналист В. Зембиньский (один из активнейших участников варшавского клуба интеллигенции «Кривое колесо», закрытого со скандалом в 1962 г.), министр в подпольном правительстве в период оккупации А. Пайдак (проходивший по «делу 16-ти» в 1945 г.), довоенный генерал М. Борута-Спехович и др.

Появление Движения ввело в замешательство некоторых участников Комитета защиты рабочих, воспринявших его как общепольскую организацию для защиты прав человека. Когда выяснилось, что Движение представляет собой, скорее, конкурирующую с Комитетом структуру, объединяющую людей правых убеждений, ряд подписавших декларацию отошли от сотрудничества с Движением (А. Пайдак, ксендзы Я. Зея и Л. Вишневский).

Наиболее плодовитым мыслителем из когорты основателей Движения проявил себя Мочульский, который уже в 1976 г. разработал две программы. В более ранней, своеобразной программе-максимум (под названием «На пороге»), четко ставилась цель завоевания полноценной независимости, без которой, по убеждению Мочульского, были невозможны никакие глубокие реформы. Во второй же, «Программе 44-х», уже не было антисоветских выпадов, зато признавалась социалистическая демократия (т.е. существующий режим) при условии ее сильной корректировки (в частности, регулярной смены правящей верхушки и свободной деятельности лояльной оппозиции). В программе выдвигалась концепция четырех ветвей власти (исполнительной, законодательной, судебной и экономической), опиравшихся на независимое от власти местное самоуправление. Выборы членов Госсовета (коллективного органа, заменявшего пост президента) должны были стать всеобщими и тайными, при этом Госсовет предназначался для надзора за деятельностью Высшей контрольной палаты, прокуратуры, цензуры, органов внутренних дел и госбезопасности. Мочульский высказывался за развитие частной собственности в деревне, но выступал против таковой в промышленности. Он предполагал сохранение плановой экономики, хотя и желал вывести руководство ею из-под контроля пар-

тии путем частичных выборов в состав дирекции «Больших хозяйственных организаций». Выборы должны были проводиться среди членов заводских советов и свободного конкурса среди специалистов. За планирование национального хозяйства отвечал бы Главный экономический совет. Каким образом формировался бы его состав, из программы было неясно²⁹.

В самой декларации Движения защиты прав человека и гражданина, изданной в марте 1977 г., не содержалось никакой программы действий, кроме собственно защиты прав человека. Даже само Движение не являлось организацией как таковой, поскольку не требовало ни устава, ни постоянного членства. Такой характер этой структуры отражал убеждение ее участников, что бороться с однопартийной системой можно лишь на основе плюрализма мнений, а не с опорой на другую подобную систему³⁰.

Движение изначально объединяло людей весьма разных убеждений. Единственным общим местом у них был упор на необходимость полноценного суверенитета для Польши, без которого, как они считали, теряли смысл рассуждения о реформах в стране. Требование уважения прав человека в этих условиях являлось, скорее, тактической уловкой, необходимой для того, чтобы легально расшатывать режим, оставаясь в рамках международных договоренностей Польши.

Уже тогда сформировалась определенная политическая линия, которой придерживалось Движение. Так, в январском номере официального органа Движения журнале «Opinia» («Мнение») заявлялось: «Мы протестуем против выкапывания политических динозавров, вроде анархизма или *liberum veto*, в качестве якобы альтернативы диктатуре пролетариата, которая суть – дымовая завеса для мнимых выборов и мнимого представительства... Следует избрать в честных, ничем не ограниченных выборах подлинных представителей народа...». И далее уточнялось: «Обязанностью каждого поляка является приложить все усилия, чтобы построить истинно демократический социализм»³¹. Однако этот демократический социализм понимался участниками Движения совершенно иначе, нежели членами правящей партии. «Существует явный водораздел, – писала редакция “Opinii” в марте 1978 г. – С одной стороны – те, кто хочет сохранить нынешнюю тоталитарную

систему однопартийной диктатуры, пусть и с косметическими поправками, чтобы замаскировать её псевдодемократический характер. С другой же – те, кто представляет демократическую оппозицию. Принципиальное значение имеет ответ на два вопроса: 1) ты за упразднение однопартийной диктатуры и замену ее плюралистической системой (т.е. за отмену “руководящей роли ПОРП”)? 2) ты за полноценную самостоятельность Польши от чужой державы (т.е. за отмену “руководящей роли СССР в социалистическом лагере”)? Тот, кто ответит на оба вопроса утвердительно, принадлежит к демократической оппозиции. Тот, кто хотя бы на один вопрос ответит отрицательно, против демократической оппозиции. Третьего не дано»³². И словно не удовлетворяясь этим, два члена редколлегии уточнили в майском номере: «борьба со сталинизмом не означает борьбы с социализмом. А нарастающий кризис сталинской модели не означает кризиса социалистических структур. Лишь четкое разграничение этих в общем-то разных вопросов позволит вычленить суть проблемы, содержащейся в заявлении редакции»³³.

Движение очень быстро раскололось на ряд группировок, отражавших в значительной степени три традиционных направления национал-патриотизма в Польше: пилсудчиковское, национально-демократическое и христианско-демократическое. Первые (условно их можно назвать державниками) делали упор на создании сильного государства, вторые (наследники довоенных эндеков-шовинистов) выдвигали на первый план вопрос национального самоопределения, третьи (светские католики) стремились вести политическую деятельность, базируясь на социальной науке римских пап и линии польского епископата.

Наиболее резкий водораздел пролегал между Л. Мочульским и А. Чумой. Первый, известный пилсудчик, видел в Движении лишь одну из форм оппозиционной деятельности и не считал, что с его созданием нужно отказаться от политической работы. Кроме того, Мочульский весьма скептически смотрел на участников Комитета защиты рабочих, которых обвинял в пренебрежении лозунгом государственного суверенитета. Чума же охотно сотрудничал с Комитетом и делал упор на открытую общественную деятельность. В мае 1978 г. Мочульский

был исключен из редакции журнала «Orinia» и создал новый журнал – «Droga» («Дорога»). Кредо нового журнала (который Мочульский считал продолжателем дела «Orinii») редактор выразил в первом же номере: «Свобода – для каждого человека, для Польши; независимость – для народа, для Республики»³⁴. Позднее, в январе 1979 г., он поставил вопрос ребром: «Любая программа независимости должна стремиться упразднить советскую гегемонию, а это возможно только при условии лишения власти ПОРП». При этом Мочульский отбрасывал главный аргумент сторонников просоветской ориентации о немецкой опасности, утверждая, что СССР в любой момент может ради кредитов договориться с ФРГ за счет Польши. Он также отвергал тезисы Я. Куроня из Комитета защиты рабочих о «финляндизации» Польши, говоря, что Советский Союз совсем не заинтересован в такой перспективе³⁵.

В том же первом номере «Drogi» было помещено интервью с тремя оппозиционными экономистами, которые вступили в спор с Э. Липиньским из Комитета защиты рабочих. Они заявили, что реальное рабочее самоуправление, за которое ратовал их оппонент, должно вести к изменению отношений собственности, и значит, к слому всего строя, а не к его реформированию, за что выступали члены Комитета. Также экономисты оспаривали тезис о необходимости создания некоей независимой от власти организации потребителей, говоря, что такая организация может возникнуть лишь на основе других независимых от власти структур, а это подразумевает изменение всей политической системы³⁶. Ту же, по сути, мысль высказал еще один экономист, опубликовавший осенью 1978 г. статью в «Orinii» под названием «Содержание социалистического государства», где доказывал, что полное подчинение общества управленческому аппарату, как это происходит в социалистических государствах, – неизбежное следствие обобществления средств производства. А значит, чтобы избежать этого, надо реприватизировать промышленность (т.е. ликвидировать основу строя Народной Польши)³⁷. Связанный с Мочульским экономист Э. Щепаняк попытался позднее объединить все эти взгляды. Он вычленил общие требования в концепциях обоих лагерей оппозиции: экономическая свобода (частная собственность в промышленности, сельском хозяйстве, тор-

говле и услугах, свобода труда и потребительства); общественно-экономическая справедливость (разумное распределение национального продукта между внешними и внутренними потребностями, инвестициями и спросом); полное трудоустройство людей на производстве и сокращение партийно-государственного аппарата; рост национального дохода и уровня жизни; стабильность экономической системы; превращение директивных планов в перспективные, связанные с определенными направлениями экономики; либерализация цен на основе свободного рынка; ограничение государственного вмешательства в ценовую политику исключительными случаями; перевод приоритетов в экономике с тяжелой промышленности на легкую, сельское хозяйство, жилищное строительство, транспорт и т.д.³⁸

Таким образом, необходимым условием реформ заявлялся демонтаж существовавшей общественно-политической системы. В связи с этим правые экономисты не рассчитывали на понимание власти и в своих рассуждениях обращались к народу. В этом заключалось их коренное отличие от деятелей Комитета защиты рабочих, которые весьма полагались на «реформистское крыло» правящей партии.

Мочульский был ведущим геополитическим аналитиком в среде правой оппозиции. Он первым обратил внимание на то, что Польша вовсе не является ключевым членом Организации Варшавского договора, как это молчаливо подразумевалось всеми остальными деятелями оппозиции, т.к. основные газопроводы, а также линии передачи электроэнергии и единственная полностью электрифицированная железная дорога, соединяющая Москву с Берлином и Парижем, проходили через Чехословакию и Венгрию. Из этого следовал вывод, что, во-первых, массовые протесты в Польше совсем необязательно вызовут советскую интервенцию, а, во-вторых, завоевание Польшей полноценной независимости может и не привести к падению советского блока (как утверждал Куронь). Позднее, в работе «Революция без революции», Мочульский допустил возможность советской интервенции, но только в случае, если она принесет результаты в течение 2–3 дней³⁹. Однако в целом Мочульский опасался социального взрыва. Вместо этого он настаивал на всеобщей забастовке, которая и должна была

низвергнуть партийно-правительственный аппарат, а заодно уберечь страну от советской интервенции и сделать бессмысленными кадровые перестановки в партийной верхушке, т.к. государственная машина в этом случае будет парализована.

Одним из магистральных путей своей деятельности участники Движения в защиту прав человека считали создание независимых от власти профсоюзов. В этом они опередили Комитет защиты рабочих, который на первых порах предоставлял только юридическую и финансовую помощь репрессированным рабочим, не делая попыток организационного оформления недовольных. Уже в феврале 1978 г. в Катовицах участником Движения К. Свитонем был образован Комитет свободных профсоюзов, который начал выпускать подпольный журнал «Ruch Związkowy» («Профсоюзное движение»). В связи с этим в «Opinii» (которая к тому моменту усилиями А. Чумы все сильнее сближалась с Комитетом защиты рабочих) возникла рубрика «Проблемы свободных профсоюзов». «Официальные профсоюзы в ПНР, – говорилось в октябрьско-ноябрьском номере за 1978 г., – исполняя свою жалкую роль, не только не защищают трудящихся от эксплуатации и произвола тоталитарной коммунистической власти, но и являются препятствием для низовых самоуправленческих инициатив трудящихся»⁴⁰.

Другим принципиальным требованием Движения были свободные выборы. По этому поводу в феврале 1979 г. «Opinia» опубликовала заявление, где, в частности, говорилось о необходимости предоставления всем гражданам страны активного и пассивного избирательного права; включения в избирательные списки всех кандидатов, выдвинутых теми или иными инициативными группами; свободной избирательной кампании в СМИ; общественного контроля за ходом выборов⁴¹. На этой основе позднее произошел еще один конфликт Чумы с Мочульским: последний настаивал, чтобы Движение в защиту прав человека и гражданина также участвовало в выборах и выдвинуло своих кандидатов как самостоятельная политическая сила.

Спорил Чума и с хадеками. В статье «Политические предложения церкви» (лето 1979 г.) он писал: «Во-первых, я считаю, что христианские демократы ошибаются, когда утверждают, будто церковь в Польше прокладывает себе третий путь между

капитализмом и социализмом. Во-вторых, все мы видим людей церкви (некоторых священников и епископов), которые никак не реагируют, когда на их глазах ПОРП действует явно вопреки справедливости, любви, правде и свободе». Далее Чума говорил, что вообще не следует кому-либо рядиться в одежды католицизма, ибо это приведет к размежеванию политических групп по религиозному признаку⁴².

Хадеки в социалистической Польше имели мало шансов для самовыражения. После эмиграции в 1946 г. их лидера К. Попеля и запрета самой партии функции политического католицизма взяло на себя лояльное режиму Товарищество ПАКС, которое власти использовали как орудие против епископата. Лидер Товарищества Б. Пясецкий неоднократно пытался преобразовать свою структуру в партию, но каждый раз власти мешали ему в этом из боязни, что политическая организация католиков, опирающаяся на костел, создаст угрозу существующей системе. Те из хадеков, кто не пожелал идти на поклон коммунистам, одно время старались обрести себя в клубах светской католической интеллигенции (возрожденных в 1956 г.), но линия клубов вообще не предполагала политизации движения. Равным образом не одобрял таких намерений и глава епископата С. Вышинский, опасавшийся, что, почуввав угрозу своей власти, ПОРП обрушит новые гонения на церковь, как это уже было при Беруте и Гомулке. На волне рабочего восстания декабря 1970 г. – января 1971 гг. и смены правящей верхушки один из бывших лидеров хадеков К. Студентович обратился к кардиналу К. Войтыле с просьбой поддержать вероятное восстановление христианско-демократической партии, но у него тоже не встретил понимания⁴³.

В Движении за права человека и гражданина главным проводником таких идей был товарищ Л. Мочульского юрист Р. Шереметев. В 1974 г. он вступил в ряды ПАКСа, но уже в октябре 1978 г. был исключен. В интервью, данном тогда же подпольной «Dzoga», он указывал на пять вопросов, по которым у него обнаружилось расхождение с руководством ПАКСа: отношение к демократии, к ПОРП, к Советскому Союзу, к обществу и к католической церкви. Шереметева не устраивали яростные атаки ПАКСовской прессы на епископат (главным образом – на краковского архиепископа Войтылу), диктаторская манера

Пясецкого управлять своей организацией и неуемная угодливость ПАКСа перед СССР. В этом последнем вопросе, по словам Шереметева, руководство ПАКСа прогнулось особенно сильно, т.к. «если не пропагандировать дружбу с СССР, то, по их мнению, к нам приедут советские танки. Мне же всегда казалось, что можно вести разумный диалог с любым государством, даже с Россией. Но когда я пытался найти рациональные предпосылки для таких отношений, меня тут же начинали пугать танками»⁴⁴.

Движение в защиту прав человека и гражданина совсем недолго просуществовало как конфедерация различных групп и сообществ. Уже 9 декабря 1978 г. Консультативный совет журнала «Ornia» (приверженцы Чумы) объявил о регламентации членства в Совете. А 1 сентября 1979 г. Л. Мочульский провозгласил создание Конфедерации независимой Польши – первой партии, бросившей вызов монополии ПОРП на власть. Одновременно происходило и организационное оформление других групп, входивших в Движение. Между ними не раз возникали острые конфликты, вызванные, как признал подпольный журнал Мочульского «Aspekt», «не столько программными расхождениями, сколько личными отношениями». Так, например, по утверждению того же «Aspekta», «в Лодзи Конфедерация находится в изоляции. Две фракции Движения за права человека и гражданина вообще не сотрудничают друг с другом»⁴⁵.

Сообществом, наиболее явно тяготевшим к наследию эндеции (хотя и в ее умеренной форме), являлось Движение молодой Польши (ДМП) в Гданьске, оформившееся в июле 1979 г. Его основу составили недавние студенты, собравшиеся вокруг популярного священника Л. Вишневского. Сам Вишневский был известен просветительскими мероприятиями (например, организованным в начале декабря 1978 г. в Люблине «круглым столом» «Католицизм – патриотизм – национализм»), куда он приглашал известных интеллектуалов из круга светских католиков. Вишневский избегал явной политической деятельности и не одобрял увлечения своих воспитанников эндецией. К образованию ДМП он не имел прямого отношения, т.к. с 1972 г. проживал в Люблине. Сами участники ДМП во главе со своим лидером А. Халлем поначалу не проявляли желания создать отдельную организацию, ограничиваясь деятельностью в рамках

Движения в защиту прав человека и гражданина. Когда же Движение начало рассыпаться на идеологические составляющие, они почувствовали необходимость выступить со своей декларацией. В этой декларации содержалось немало рассуждений о том, что такое нация и независимость, звучало требование слома существующего строя, но кроме пункта о государственном суверенитете не было сказано ничего конкретного о будущем Польши. «Мы можем лишь выразить надежду, – писали авторы декларации, – что независимое польское государство гармонично разрешит антиномию между принципами сильной власти и гражданских свобод... Авторитет власти, сильное влияние подлинных элит, стабильность правительства и внешней политики должны сочетаться с далеко идущим сближением государства и народа, а также такой организацией жизни, которая будет опираться на как можно более широкое земельное, экономическое, профессиональное и культурное самоуправление»⁴⁶.

Гораздо больше внимания ДМП посвящало рассуждениям о цивилизационном пути Польши и Европы. Оно выступало за более тесное сотрудничество стран Европы как противовес ядерному зонтику США, но при этом негативно относилось к общеевропейским структурам, опасаясь, что они уничтожат самобытность народов. Публицист ДМП А.Т. Ярмаковский предвидел также ослабление СССР и потерю им некоторых азиатских территорий, в свете чего Советский Союз мог пойти на соглашение с США за счет Европы. Ярмаковский призывал налаживать польско-немецкие связи, т.к. именно Германия имела шансы стать ядром сильной Европы, уравновешивавшей США и противостоявшей российскому империализму. Последний признавался постоянным фактором истории Европы, независимо от существовавшего в России строя. При этом ДМП напрочь отвергало принадлежность России к европейской культуре (в связи с чем его деятели спорили с литературоведом из Комитета защиты рабочих Я.Ю. Липским, который эту принадлежность отстаивал)⁴⁷.

Еще одной группировкой, чья идеология несла на себе отпечаток эндеции, было Движение свободных демократов (ДСД) во главе с К. Глоговским. Программа этой организации, опубликованная 4 ноября 1978 г., сводилась, главным образом, к

конкретизации понятия «независимость». Авторы программы констатировали, что в Польше отождествляют оппозицию к правительству с оппозицией к государству, а значит, надо определиться с тем, что такое «суверенитет» и «независимость», и идти дальше. ДСД стремилось вернуть понятию «национальный суверенитет» его изначальное значение как источника власти в стране и вновь поднимало лозунг студенчества 1956 года – «ничего о нас без нас». В политической области ДСД разделяло традиционные для Движения в защиту прав человека и гражданина требования либеральной демократии. В отношении тактики оппозиционной борьбы его участники занимали промежуточную позицию между Комитетом защиты рабочих и Движением: окружение Глоговского верило, что возможно сначала реформирование существующего строя, а потом его слом⁴⁸. Например, в февральской декларации 1980 г., посвященной выборам в Сейм, участники ДСД сокрушались, что власти не допустили свободные выборы даже в рамках Фронта национального единства (предвыборного блока во главе с ПОРП), и обращались к обществу с призывом добиться этого права⁴⁹.

Наиболее подробную и четкую программу действий сформулировал Л. Мочульский в работе 1979 г. «Революция без революции». Мочульский выдвигал последовательную программу слома общественно-политической системы ПНР, состоявшую из пяти фаз:

1. Создание политических групп с общей стратегией, основной целью которых является завоевание полного суверенитета страны.
2. Превращение этих групп в партии и союзы
3. Возникновение на этой основе параллельных общественно-политических учреждений
4. Развитие альтернативной политической системы через распространение параллельных советов на всех уровнях, объединённых в кульминационной фазе в параллельный парламент под названием «Общепольское политическое представительство»
5. Провозглашение Третьей республики (постепенно или через общественный взрыв) на основе свободных выборов в сейм и другие органы государственной власти.

Взгляды Мочульского, откровенно и декларативно антикоммунистические, сподвигли Службу безопасности разработать оперативный план по обезвреживанию его сторонников. В конце августа 1980 г., накануне подписания исторических соглашений в Гданьске, признававших независимый самоуправяемый профсоюз «Солидарность», Мочульский был арестован⁵⁰.

Движение за права человека и гражданина сыграло огромную роль в оформлении правого фланга политической оппозиции, которое именно в его рамках впервые вышло из подполья. Дальнейшие события, связанные с появлением независимого профсоюза «Солидарность», показали, что вес деятелей национально-патриотического толка в Польше совсем невелик. В большинстве своем они были оттеснены на второй план социал-демократами из Комитета защиты рабочих, а также лидерами забастовщиков. Это свидетельствовало о некоторой абстрактности их идей, оторванности от нужд народа. Хотя проблема независимости и являлась одной из насущных проблем польского народа, но, как показали последующие события, решать ее надо было в тесной увязке с социальными вопросами, а в этом деятели правого фланга проигрывали своим соперникам из Комитета защиты рабочих. Поэтому в целом (за редкими исключениями) участники Движения за права человека и гражданина оказались на обочине протеста, хотя их идеи какое-то время были популярны в среде протестующих.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Instytut Pamięci Narodowej Biuro Udostępnienia (IPN BU) MSW D S–A AK 150. S. 19.

² Цит. по: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.122. Оп. 40. П. 145. Д. 720. Л. 34.

³ IPN BU. MSW D S–A AK 150. K. 18.

⁴ Ibid. K. 28.

⁵ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 40. П. 145. Д. 720. Л. 34–35.

⁶ IPN BU 0364/377 t. 4. K. 12–20.

⁷ Pleśniar A. Karol Głogowski // Opozycja w PRL. Słownik biograficzny. T. 1. W–wa, 2000. S. 102–103.

⁸ IPN BU 0296/93 t. 2. K. 2–3.

- ⁹ Ibid. K. 4–68.
- ¹⁰ IPN BU MSW II 3745. K. 119.
- ¹¹ Niesiołowski S. Organizacja «Ruch» // *Więź*. 1990. № 1. S. 95.
- ¹² Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce. 1956–1976. Wybór dokumentów. W–wa, 1991. S. 351.
- ¹³ Hemmerling Z., Nadolski M. Op.cit. S. 356.
- ¹⁴ Ibid. S. 352–353; Niesiołowski S. Op.cit. S. 95.
- ¹⁵ Niesiołowski S. Op.cit. S. 100.
- ¹⁶ Hemmerling Z., Nadolski M. Op.cit. S. 362–366.
- ¹⁷ Friszke A. Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn, 1994. S. 261.
- ¹⁸ Цит. по: Byszewski P. Konspiracyjna organizacja «Ruch» // *Glaukopis*. 2003. № 1. S. 79.
- ¹⁹ Это слова одного из участников группы Яцека Березина. См.: Berezin Jacek // *Opozycja w PRL...* S. 44–46.
- ²⁰ Niesiołowski S. Op.cit. S. 106–107.
- ²¹ Byszewski P. Konspiracyjna organizacja «Ruch» (в личном архиве автора). S. 32.
- ²² *Archiwum Akt Nowych (AAN)*. 237/XVIII–161. K. 2.
- ²³ Byszewski P. Konspiracyjna organizacja «Ruch» // *Glaukopis*. 2003. № 1. S. 91.
- ²⁴ Byszewski P. Konspiracyjna organizacja «Ruch» (в личном архиве автора). S. 6.
- ²⁵ Byszewski P. Konspiracyjna organizacja «Ruch» // *Glaukopis...* S. 93.
- ²⁶ *AAN 237/XVIII–161*. S. 1–13.
- ²⁷ Kowalski M. O potrzebie programu // *Kultura (Paryż)*. 1975. № 5.
- ²⁸ Hemmerling Z., Nadolski M. Opozycja demokratyczna w Polsce. 1976–1980. Wybór dokumentów. W–wa, 1994. S. 43–45.
- ²⁹ Sielezin J.R. Koncepcje i spory programowe opozycji politycznej w Polsce w latach 1976–1982. Wrocław, 2012. S. 130–136.
- ³⁰ Redakcja. Charakter i zamierzenia Ruchu Obrony // *Opinia*. 1977. № 1. S. 2.
- ³¹ Fatuga J. Wola narodu // Ibid. 1978. № 1. S. 17–19.
- ³² Redakcja. Probierz demokracji // Ibid. 1978. № 3. S. 6.
- ³³ Głogowski K., Pleśniar A. Czy probierz demokracji? // Ibid. 1978. № 5. S. 21.
- ³⁴ Od redakcji. Dlaczego Droga? // *Droga*. 1978. № 1. S. 5.
- ³⁵ Redakcja. Cel: niepodległość // Ibid. 1979. № 4. S. 5–9.
- ³⁶ Dyskusja o sytuacji gospodarczej // Ibid. 1978. № 1. S. 9–14.
- ³⁷ Stanisławski A. Istota państwa socjalistycznego // *Opinia*. 1978. № 10–11. S. 37–39.
- ³⁸ Szczepaniak E. Poglądy polskiego ruchu oporu na politykę gospodarczą // *Aspekt*. 1979. № 2–3. S. 52.

- ³⁹ Sielezin J.R. Op. cit. S. 191–194.
- ⁴⁰ O roli i statucie WZZ // *Opinia*. 1978. № 10–11. S. 40.
- ⁴¹ O wolne wybory w Polsce // *Ibid.* 1979. № 2. S. 20–21.
- ⁴² Czuma A. Propozycje polityczne a kościół // *Ibid.* 1979. № 5–6. S. 24–26.
- ⁴³ IPN BU. 0648/134 K. 131, 178.
- ⁴⁴ Czego pragną młodzi z Paxu. Rozmowa z Romualdem Szeremietewem // *Droga*. 1978. № 3. S. 24–25.
- ⁴⁵ Czwórka. Cztery lata i co dalej? // *Aspekt*. 1979. № 2–3. S. 2.
- ⁴⁶ Deklaracja ideowa Ruchu Młodej Polski. Gdańsk, 1979. S. 7–8.
- ⁴⁷ Sielezin J.R. Op. cit. S. 176, 179.
- ⁴⁸ Deklaracje Ruchu Wolnych Demokratów // *Aspekt*. 1979. № 2–3. S. 33–41; Sielezin J.R. Op. cit. S. 141–142.
- ⁴⁹ Oświadczenie Ruchu Wolnych Demokratów w związku z deklaracją wyborczą Frontu Jedności Narodu, z dnia 21 lutego 1980 r. // *Aspekt*. 1979. № 2–3. S. 40–41.
- ⁵⁰ Sielezin J.R. Op. cit. S. 193–195.

О.Н. Майорова (Россия)

Идейные принципы и политические цели Комитета защиты рабочих (КОР) в Польше (1976–1981)

В статье рассматриваются политические цели и идейные принципы Комитета защиты рабочих (КОР) в Польше в 1976–1981 гг. Он положил начало организованному антикоммунистическому движению в стране. КОР видел свою роль в выполнении двух основных функций: во-первых, быть творцом оппозиционных концепций, вырабатывать стратегию, тактику и программу; во-вторых, проверять свои концепции на практике, чтобы показать, что легальная и организованная диссидентская деятельность возможна. Все эти идеи рассматривались как конкретные средства для достижения конечных целей – парламентской демократии и суверенной Польши. Их удалось реализовать спустя восемь лет после роспуска КОР. Он был предшественником и инициатором создания независимого профсоюза «Солидарность».

Ключевые слова: Комитет защиты рабочих (КОР), легальная оппозиция, суверенная Польша, «Солидарность», гражданские права, политический плюрализм.

В первой половине 1970-х гг. практически отсутствовали общественные условия для активности оппозиционно настроенной интеллигенции. Подвергшись репрессиям в 1968 г., она не оказала влияния на выступления рабочих в декабре 1970 – январе 1971 гг. Молчание интеллигенции можно объяснить также отсутствием новых концепций у переживавшей расставание с марксизмом ее левой демократической части.

Со временем оппозиционно настроенная интеллигенция стала концентрироваться в основном на интеллектуальной работе. А. Михник и Я. Куронь оставались ведущими предста-

вителями демократической оппозиции. В конце 1974 г. Куронь опубликовал в парижской «Культуре» статью «Политическая оппозиция в Польше», посвященную программе и тактике оппозиционной деятельности. В основу своих рассуждений он положил два тезиса: 1) правящий в ПНР режим носит тоталитарный характер, стремится к разрушению всех общественных связей, независимо от формальной структуры государственной организации; 2) Польша – несuverенное государство, которое не проводит самостоятельной внешней политики и не может выбирать общественный строй. Следовательно, отмечал автор, «польская оппозиция должна быть антитоталитарной и национально-освободительной». «Тоталитарная система неустанно рождает свое отрицание. Тенденция охватить все центральным контролем настолько деструктивна, что каждый гражданин, чтобы жить, должен постоянно ей сопротивляться, – продолжал далее автор статьи. – Это личное и коллективное сопротивление выступает на всех ветвях власти, во всех институтах, организациях, на каждой фабрике, в каждой семье...». Задача оппозиции – противодействовать моральному и культурному разрушению нации, т.е. вести просветительскую деятельность, воспитывать в народе чувство терпимости, плюрализм мнений и критическое отношение к действительности. В позитивном плане это означает работу над выработкой в обществе антитоталитарной позиции, моральной восприимчивости, политического плюрализма, толерантности, желания самоутверждения, критицизма, а вместе с ними политических знаний – умения политически мыслить и действовать¹.

Первое серьезное программное выступление оппозиционных кругов – Программа Польского национально-освободительного соглашения (ПНОС) – была опубликована в мае 1976 г. в издаваемом в Лондоне еженедельнике «Tygodnik Polski» («Польский еженедельник»). В ней акцентировалась роль польского народа как суверена, равенство граждан перед законом, уважение силы католического костела, демократических и антитоталитарных традиций, а также общее европейское наследие. Главными целями оппозиции назывались достижение полной независимости от СССР, выход из Варшавского договора, введение демократического строя и гражданских свобод, ликвидация цензуры, восстановление свободы

слова и права на объединение, свобода культурной деятельности и научных исследований, свобода хозяйственной деятельности для частного сектора², а также примирение с ФРГ, поддержка «стремлений» к независимости Украины, Белоруссии и Литвы. «По отношению к ним, – подчеркивалось в документе, – ведется постоянная русификация. Многовековая общность не позволяет нам смотреть на это равнодушно или с молчаливым сочувствием. Мы выражаем горячую солидарность и поддержку стремлению этих народов к независимости от русского насилия. Мы должны по мере наших возможностей поддерживать их в этих стремлениях»³.

Лозунг парламентской демократии выражал убеждение в ключевой роли парламента в политической системе, причем принцип верховенства Сейма должен стать критерием демократичности строя. В программе ПНОС этот вопрос формулировался таким образом, что не оставалось сомнений: «Всякая власть должна исходить от народа и быть ответственной перед народом, так как выполняет по отношению к нему служебную роль. Управляющие должны быть зависимы от управляемых, а не наоборот, – вот основа демократии. Правительство и другие органы исполнительной власти должны подчиняться Сейму и другим органам законодательной власти, свободно избираемым обществом»⁴. «Мы стоим на той позиции, – говорилось далее в документе, – что высшую власть в государстве должен осуществлять народ, через своих представителей, избранных в результате свободного, равного, тайного, прямого и пропорционального голосования. Начиная с Сейма как высшего органа власти, на всех уровнях и во всех областях государственной, административной и экономической деятельности свободно избранные представители общества, а также отдельные граждане должны иметь право и возможность контроля над исполнением обязанностей и соблюдением прав»⁵. Этот документ имел фундаментальное значение для дальнейшего процесса формирования программной мысли оппозиции.

В отличие от предыдущих подпольных организаций, ПНОС заявило о себе прежде всего за границей. Его первыми членами стали Г. Дембиньский, искусствовед В. Карпиньский, литератор А. Киёвский, адвокат Я. Ольшевский, филолог Ю. Рыбиц-

кий, литератор Я.Ю. Щепаньский и Я. Зараньский. Создание этой организации можно считать окончанием еще одного этапа в развитии мировоззрения левой демократической оппозиции, на протяжении которого выстраивалась новая система ценностей взамен концепции «польского пути к социализму». Как справедливо отмечает российский исследователь В.В. Волобуев, произошел переход левой, оппозиционно настроенной интеллигенции на позиции неприятия режима Народной Польши и сближения с идеями западной социал-демократии. Кроме того, она включила в свои концепции идеи суверенитета и ряд традиционных ценностей, которые до сих пор исповедовали лишь представители националистически настроенной оппозиционной интеллигенции⁶.

Уже с 1974 г. в польской экономике проявились первые признаки инфляции, обозначился неконтролируемый рост цен, усилились спекуляция, коррупция. Цикл неурожайных лет, осложнивших положение в сельском хозяйстве Польши, совпал с мировым топливно-энергетическим кризисом, а к концу 1975 г. задолженность капстранам возросла почти до 8,5 млрд. долларов.

После рабочих волнений в Радоме, Плоцке и на тракторном заводе «Урсус» под Варшавой в июне 1976 г., вызванных решением правительства о радикальном повышении цен на продовольствие, довольно аморфные и разобщенные ранее оппозиционные течения начали приобретать определенные организационные формы.

Непосредственно начало организованному оппозиционному движению в стране положил Комитет защиты рабочих (польская аббревиатура – КОР), который был создан оппозиционно настроенной интеллигенцией для оказания прямой материальной и юридической помощи рабочим, репрессированным после июньских демонстраций. Инициаторами создания КОР выступили Я. Куронь, А. Михник, Я. Карпиньский, Я. Липский, А. Мацеревич.

Создание КОР было важным моментом в организации польской оппозиции. Оно предоставляло возможность реализации требований, наиболее полно сформулированных Куронем в трех работах, опубликованных поочередно (в подполье) в 1970-е годы: «Размышления о программе действий» (1976),

«Идейные принципы» (1978) и «Заметки о структуре демократического движения» (1978). В первой из них автор убеждал, что Польша лишена суверенности вдвойне. С одной стороны, «тоталитарная система радикально отделяет от народа государственную власть. Последняя превращается в единственный центр мысли, инициативы и решений... А если суверенностью народа мы будем называть его способность решать свою судьбу, то можно сказать, что тоталитаризм лишает народ суверенности». То есть тоталитарный характер правительств лишил граждан прав, что имело целью, в частности, сделать невозможным самоорганизацию общества. Тоталитарная власть отобрала у общества (народа) суверенность, а она сама была зависима от власти в СССР. Следовательно, польское государство несuverенно, и неудивительно, что в сознании поляков источником всякого зла в нашей общественной жизни является именно несuverенность. «С ростом суверенности народа укрепляется и государственный суверенитет... Поэтому борьба с тоталитаризмом – это борьба за суверенность народа, а тем самым и государства», – подчеркивал автор статьи⁷. Таким образом, проблему суверенности, точнее ее отсутствия в Польше, можно рассматривать в двух аспектах. Один из них охватывает проблематику стремлений польского общества в плане влияния на характер правления и принятия решений внутри страны. Второй касается политических отношений Польши с СССР, а также возможности выхода из советской сферы господства.

Главной целью признавалось обретение суверенности государства и общества, а также борьба с тоталитаризмом, что связывалось со сменой строя. Существовавшая система должна была быть преобразована в парламентскую демократию. Представляя ее характеристику, автор статьи подчеркивал: «Эта система основывается на разделении трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. Первая – парламент, избираемый на выборах с пятью прилагательными, – определяет принципы и цели общественного сотрудничества в таком объеме, в каком оно централизовано и организовано государством. В выборах в парламент принимают участие различные политические группировки, представляющие несовпадающие программы общественного сотрудничества».

«Уже хотя бы только из-за того, – продолжает автор, – что эти группировки должны добиваться общественной поддержки своих программ, выражаются в какой-то степени различные и противоположные стремления всех членов общества. Исполнительная власть – правительство, сформированное парламентом в рамках своей утвержденной и контролируемой последним программы действий – организует общественное сотрудничество, обладает точно определенными правами, которым соответствуют также четко определенные обязанности граждан. В свою очередь, правам граждан соответствуют точно определенные обязанности правительства, парламента и суда. Первых из упомянутых обязанностей придерживается парламент, вторыми руководствуются политические группировки, а все вместе обеспечивают свободу слова, объединений и всеобщие выборы».

«В целом же можно сказать, – заключает Я. Куронь в своих “Размышлениях”, – что в системе парламентской демократии несовпадающие и прямо противоположные стремления членов общества обусловлены различными группами интересов при свободе слова, объединений, выборах с пятью прилагательными. Значит, общественное сотрудничество в рамках этой системы может функционировать нормально до тех пор, пока группы интересов выражают стремления всех членов общества, а их различия и противоположность могут быть преодолены путем компромисса, на который все согласятся... Что касается тоталитаризма, он не ликвидирует общественные кризисы, напротив, до определенных границ маскирует проявление таковых и делает невозможным их преодоление»⁸.

Большое значение Куронь придавал общественным движениям. На его взгляд, это «такое сотрудничество крупных коллективов людей, в котором каждый участник реализует свои стремления, действуя в малых, самостоятельных группах. Такие небольшие, самостоятельные группы становятся общественным движением только в том случае, если их объединяет общая цель... Опыт последних 30 лет истории нашего общества доказывает, что общественные движения, рожденные в ходе сопротивления тоталитаризму, могут успешно противостоять его тенденциям, ограничивая господство центральной

государственной власти над определенными сферами жизни граждан».

Куронь обозначил четыре направления общественного сопротивления (протест крестьян-собственников против огосударствления сельского хозяйства; забастовки и демонстрации рабочих, ведущих борьбу за свою реальную заработную плату; активная защита верующими католического Костела и его деятельности; все действия ученых, писателей, артистов, направленные на создание национальной культуры и независимой научной мысли). Каждое из них успешно ограничивает тоталитаризм. «Однако представляется, что вряд ли какое-либо из этих движений достигло бы успехов независимо от других, в любом случае они были бы очень поверхностны и кратковременны. Принципиальным отличием нашей общественной ситуации после 1956 г. является совместное выступление всех названных движений»⁹, – резюмирует автор.

Движение сопротивления, согласно Куроню, должно было быть организовано на уровне предприятий и выражать стремления рабочих, главным образом крупных предприятий. Акцентировалась также необходимость сотрудничества рабочих (а также крестьян) с интеллигенцией. Таким образом, речь шла о том, чтобы «общество организовалось в общественные движения, взаимодействующие между собой, наиболее полно выражающие стремления всех». Автор определял границы борьбы за суверенность: с одной стороны – активность польского общества, с другой – осознание возможности вооруженной интервенции Москвы¹⁰.

Примечательно, что идеологи КОР Куронь и Михник считали себя представителями левицы. Михник утверждал, что антитоталитарная левица «провозглашает идеи свободы и толерантности, идеи суверенитета человеческой личности и свободного труда, идеи справедливого и равного для всех распределения национального дохода страны, а осуждает шовинизм и национальное угнетение, ... бесправие и общественное зло»¹¹.

Куронь подчеркивал следующие политические цели: плюрализм по образцу парламентских демократий на Западе; независимость Польши; социальная справедливость и гражданские свободы для всех, т.к. «основной перспективной целью всей польской демократической оппозиции является государствен-

ная суверенность и парламентская демократия». Это, несомненно, совпадало со стремлениями польского общества, что придавало движению силу.

В работе «Идейные принципы» определялись важные направления оппозиционной деятельности, проявляющиеся в стремлениях к плюрализму и самоуправляемости, а также в гарантировании суверенности личности и реализации принципа общественной справедливости. Действия, предпринимаемые в пользу польского народа, должны были учитывать интересы личности и заботиться о благе других наций¹².

Куронь вслед за либералами признавал, что благо личности является высшей ценностью, но при этом не менее важными считались и благо семьи, и благо той социальной группы, к которой принадлежит личность. Проблема в том и состоит, как сочетать эти ценности. По мнению Куроня, оптимально решает эту непростую задачу система парламентской демократии с развитым самоуправлением на всех уровнях.

Идея самоуправляющейся Польши явилась своего рода продолжением концепции Польши общественных движений, которую ранее выдвигал Куронь. Самоуправлению в идейных представлениях КОР отводилась двойственная роль: в системе парламентской демократии самоуправление призвано было сыграть функциональную роль, являясь ее интегральным элементом. В условиях же реального социализма самоуправление должно ограничивать и постепенно вытеснять прежние управленческие функции государства и партии¹³.

Ключом к политической реформе коммунистической системы, по мнению А. Мацеревича, являлась концепция «самоорганизации общества» в различные общественные движения и их институты, сосредоточенные на конкретных, «частичных» целях. Идею самоорганизующегося общества лучше всех представил в своих работах Я. Куронь, автор популярной фразы «вместо того, чтобы поджигать [партийные] комитеты, создавайте свои собственные». По его убеждению, только в результате организованного, постоянного давления на власть коммунистические руководители могут подчиниться воле народа. С его точки зрения, следует сначала закончить с размежеванием на различные общественные слои, которое целенаправленно навязала партия. Особенно срочной необходимостью

для оппозиционеров считалась ликвидация деления между рабочими и интеллигенцией. Задачей последней должна стать выработка политических программ и внедрение их в жизнь путем взаимодействия с рабочими, т.к. только они обладают достаточной силой, чтобы влиять на политику государства. Именно самоорганизация общества рассматривалась не просто как идейный принцип, а как реальный способ преодоления кризисной ситуации в стране, как важный элемент тактики политической деятельности¹⁴.

В предполагаемом будущем государственном устройстве значительное место отводилось политическому плюрализму. Именно соблюдение этого принципа рассматривалось как гарантия суверенитета человека, с плюрализмом тесно увязывался принцип свободной игры политических сил, хотя предполагалась известная модификация этого принципа с целью достижения некой «новой формулы плюрализма», которая предусматривала социальное сотрудничество¹⁵.

Особо следует отметить, что политическая борьба была уже не борьбой капитализма с коммунизмом, а тоталитаризма с плюрализмом. Это различие имело принципиальное значение, т.к. указывало, что с этого момента общим врагом народа является тоталитарная система, каждый, кто выступает за политический плюрализм, является союзником.

Особую роль в становлении идеологии КОР сыграло появление в 1977 г. книги А. Михника «Костел, левые, диалог». Ее новаторской идеей стало признание автором необходимости для левицы защищать права церкви и верующих так же, как и права иных граждан. «Права человека, – писал Михник, – существуют для всех или их нет ни для кого»¹⁶. Он сформулировал платформу объединения усилий светских левых демократов и католической церкви. В качестве основы их сближения автор предложил антитезу тоталитаризму: концепцию прав человека, защищающую личность от всевластия государства. Михник считал, что костел в политических реалиях ПНР мог стать влиятельным союзником в борьбе оппозиции с тоталитаризмом. Это вытекало из факта, что Костел считал актуальной проблеме прав человека и несоблюдения их в стране. Защита этих прав стала для Костела и оппозиции идейно-политической платформой¹⁷.

Отличительная черта взглядов идеологов КОР – относительный эгалитаризм, неприятие углублявшихся различий в доходах граждан. Демократический социализм подвергал критике тоталитарный строй, однако не признавал централизацию власти существенным недостатком ПНРовского государства. Такая позиция была в немалой степени следствием признания доминантной роли госсобственности и государства в целом в экономике. «Введение в нашей стране парламентской демократии поставит перед польским обществом сложную и в таком масштабе совершенно новую проблему совместного владения формально общественной экономикой. Правда, что все серьезные польские экономисты требуют проведения кардинальной децентрализации управления национальной экономикой, тем не менее, даже далекоидущие проекты оставляют принципиальные решения в ведении центра», – писал Куронь в статье «Размышления...»¹⁸. В своих экономических воззрениях идеологи КОР не ставили задачу отрицания общественной собственности на средства производства, но признавали право на существование собственности частной¹⁹.

Важным составным элементом этой концепции явилось убеждение в ключевом значении рабочего класса, выступления и последовательная позиция которого должны были вынуждать власти делать уступки и расширять пространство свободы. Позиция Куроня по этому вопросу не вызывала сомнений. В этой же работе он писал: «... система парламентской демократии никоим образом не предопределяет характера собственности на средства производства, однако ей свойственна реализация целей всех граждан. Следовательно, чтобы в рамках этой системы провести реприватизацию, например тяжелой промышленности, большинство граждан должно было бы этот акт или, точнее, процесс сделать своей целью. Между тем, в Польше, возможно, и найдутся такие, кто хотел бы получить право собственности на металлургические заводы или шахты, но они не имеют никаких шансов получить поддержку своих целей со стороны общества»²⁰.

Различия в программах сводились в основном к определению главенства целей и форм их реализации. Представители националистического крыла польской оппозиции упрекали

КОР в отсутствии патриотизма и внимания к национальным проблемам. Несомненно, не национальные ценности были основополагающими в КОРовской идеологии. Михник писал, что «человек, воспитанный публицистикой и стилем мышления КОРовской оппозиции, должен быть свободен от всяких национальных и религиозных предубеждений, должен уважать культуру других народов, оценивая ее, прежде всего, с точки зрения ее отношения к тоталитаризму, правам человека и моральным принципам»²¹.

Различия политических положений между Конфедерацией независимой Польши (КНП) и КОР проявлялись во многих аспектах. В отличие от КНП, считавшей своей главной задачей борьбу за независимость с идеологией, в которой доминировали ностальгия по довоенной Польше и крайняя враждебность к восточному соседу, КОР на первое место в своих программных заявлениях ставил борьбу за демократические ценности, а отношения с СССР намеревался радикально реформировать. Лидеры КОР не скрывали, что такая последовательность политических задач имела не концептуальные основы, а была обусловлена геополитическими условиями. По мнению руководителей КОР, независимость должна будет увенчать строительство демократического общества. В заявлении о роспуске КОР от 28 сентября 1981 г. подчеркивалось, что члены группировки в своей деятельности руководствовались убеждением: «не может быть справедливой Европы без независимой Польши на ее карте»²².

Разногласия в оценке международного положения появились в представлениях КОР и Движения молодой Польши (ДМП). Последнее видело в России угрозу для Польши. Оно также выступало против вовлечения Польши в вопросы независимости стран, находившихся в границах СССР. КОР же старался развенчать стереотипное видение России, также акцентировал внимание на поддержке свободы и суверенности Украины, Литвы и Белоруссии. Эти страны считались фактическими соседями Польши. По мнению Куроня, «польская демократическая оппозиция дело независимости У[краины], Б[елоруссии], Л[итвы], Латвии и Эстонии должна считать своим»²³. Лидеры КОР признавали, что единственный путь к обретению суверенности Польши – изменение сознания поляков в

понимании национально-освободительных устремлений народов этих стран. Эту позицию поддерживали все круги КОС-КОР. Считая, что борьба за полную независимость Польши невозможна без далеко идущих перемен в соседних странах, в том числе в СССР, они оказывали поддержку диссидентским движениям в ЧССР и ГДР²⁴.

На стратегическую цель оппозиции – борьбу за полную суверенность и политический плюрализм – указывала и упоминавшаяся ранее работа Куроня «Размышления о программе действий». При этом автор ратовал за эволюционное реформирование системы, без выхода из советской сферы влияния. Речь в ней шла о своеобразной «финляндизации» статуса Польши в международном контексте, т.е. формировании в стране парламентской демократии, ограниченной во внешней и внутренней политике в аспектах, непосредственно касающихся интересов СССР. «Как народ, т.е. население, организованное в общественные движения, – писал он, – мы можем сознательно, учитывая внешние обстоятельства, отказаться от части своей суверенности в пользу государственной власти или, при соглашении с этой властью, непосредственно в пользу соседнего государства». Политический статус Финляндии допускал парламентскую демократию, однако с ограниченной внутренней и внешней политикой, касающейся интересов Советского Союза²⁵. Это предложение негативно воспринималось частью оппозиции, особенно лидером КНП Мочульским. Он квалифицировал его как политический минимализм и отход от «национально-освободительных принципов». В этом статусе государства он усматривал проявление политической слабости Польши в отношениях с СССР²⁶.

Кроме того, КОР определился программно в «Декларации демократического движения» в 1977 г., которая стала платформой КОРовской оппозиции. Признавалось, что кризис польского государства является следствием отсутствия гражданских прав, а также лишения страны суверенности. Властям предписывалось провести перемены, которые должны гарантировать польскому обществу свободу, в частности, слова, информации, объединений, собраний. Основой перемен должно было быть уважение ратифицированных Польшей Международных пактов прав человека; предполагалась борьба

ба с репрессиями и нарушением законности. Рассматривалась возможность реализации намеченных целей в создании независимых и самоуправляемых институтов. Аналогичные требования повторялись в статье Куроня «Заметки о структуре демократического движения».

Таким образом, сутью программных выступлений демократической оппозиции было отсутствие позитивных системных концепций и неспособность выйти за рамки демократизации социалистического государства. Это можно объяснить той стадией, когда оппозиция концентрировалась на защите прав человека и гражданина. Защита гражданских прав стала главной задачей двух важнейших оппозиционных группировок: КОС-КОР и Движения в защиту прав человека и гражданина²⁷.

Куронь, как и Михник, был сторонником эволюционных перемен, по примеру Испании, где в 1975 г., после смерти Франко, крайне враждебные политические силы заключили компромисс с целью перехода к либеральной демократии и включения страны в процесс европейской интеграции, при одновременном отказе от сведения счетов с авторитарным прошлым. Он утверждал, что «свои стремления к парламентской демократии и независимости вся демократическая оппозиция стремится реализовать постепенно мирными средствами». Важным представляется факт, что адресатом стремлений называлось общество, а не власть. Куронь заявлял: «Как сторонник парламентской демократии я являюсь противником господствующей в Польше тоталитарной системы. Однако я считаю, что в настоящих условиях эту систему нельзя свергнуть путем переворота, т.е. революции, но можно постепенно изменять, преобразовывать... Я являюсь сторонником реформистской программы, а все реформы, т.е. частичные, постепенные изменения системы предполагают сотрудничество общественных сил... с широко понимаемыми государственными властями... Реформировать систему – значит ограничить тоталитарную тенденцию... Старая система не обладает внутренними механизмами изменений, поэтому ее нужно реформировать под внешним давлением, т.е. в нашем случае – общества, организованного независимо от системы»²⁸.

Оригинальность КОРовцев заключалась не в выборе целей, которые они собирались реализовать, а в избранной ими стра-

тегии. Оппозиционеры, по их убеждению, должны действовать легально и организованно, опираясь, прежде всего, на общество. Только благодаря ему, а также массовому и одновременно сильному давлению на власть можно провести коренное реформирование коммунистической системы. Ясно, что это означало мирный, а не революционный или стихийный характер деятельности.

Вторым положением, на котором базировалась деятельность КОР, было убеждение, что власти руководствуются рациональными принципами. Подразумевалось, что под соответствующим давлением власти будут вынуждены скорее пойти на определенные уступки, чем потерять всё. Об этом ясно свидетельствовал отказ от повышения цен в июне 1976 г.

Политическую позицию Куроня поддержал его близкий друг Михник. Этот молодой человек в своей программной статье «Новый эволюционизм», написанной после выхода работ деятелей КОР Мацеревича и Куроня, представил собственную политическую стратегию, основанную на аналогичных принципах. Признавая невозможность изменить политический строй в ближайшем будущем, идеологи Комитета стремились найти ту сферу общественного бытия, где желаемые перемены можно достичь немедленно. С этой целью Михник разработал программу действий, назвав ее «новым эволюционизмом». Она постулировала полное отрицание социализма, но не средствами открытой политической борьбы, а путем создания снизу широких анклавов независимости от власти, борьбы за реформы и максимального расширения прав человека. Михник писал, что «основной составляющей формулы “нового эволюционизма” является убеждение в силе рабочих кругов, которые своей твердой и последовательной позицией несколько раз вынуждали власти пойти на уступки. Трудно предвидеть развитие ситуации в этих кругах, но представляется несомненным, что этой общественной группы властная элита боится больше всего и перед ее натиском должна уступить»²⁹.

Левые распрощались с проектами реформы системы сверху и приняли линию оказания давления на власть снизу в пользу реформ, допустимых в рамках геополитических ограничений. Постревизионистскую стратегию этих кругов Михник определил как «новый эволюционизм», который, в отличие от «реви-

зионизма» и «неопозитивизма», должен стать программой, адресованной обществу, а не власти.

Михник, как уже упоминавшиеся Мацеревич и Куронь, поддерживал постепенное введение все более масштабных перемен в течение относительно длительного времени с использованием мирных средств. Он предлагал вести «неустанную борьбу за реформы, которая эволюционным путем расширяет сферу гражданских свобод и права человека», считая, что «суверенность народа, социалистическая демократия, правопорядок – это ценности, которые нам никто не подарит, мы должны за них бороться ежедневно»³⁰. Михник выступал против революционных методов, т.к. на том этапе они были бы «как нереальными, так и небезопасными». Он утверждал, что перемены революционного характера немислимы в Польше, пока в СССР не наступят кардинальные перемены. Поэтому «путь борьбы за реформы, путь эволюции – единственный для оппозиционеров в Восточной Европе». Это означало, что и он видел возможность коренного реформирования коммунистической системы. По сути именно на этой предпосылке основывалась стратегия Михника.

Таким образом, в число основополагающих принципов идеологии КОР входили права и свободы граждан. Как полагали теоретики оппозиции, самоуправление должно было ограничивать и постепенно вытеснить прежние управленческие функции государства и партии. Это был проект общественной самоорганизации против тоталитарного государства. Реализация этой концепции возлагалась на свободные профсоюзы, а также студенческие комитеты солидарности³¹.

КОР существенным образом способствовал созданию профсоюза «Солидарность» и его функционированию, оказывая влияние на формирование его программы, структуры и стратегии. Победой «Солидарности» следует признать согласие властей ПНР на реализацию требований из 21 пункта, сформулированных бастующими в августе 1980 г. В них также содержалось предложение программы доавгустовской оппозиции: требование одобрения независимых от партии и работодателей профсоюзов (п.1), соблюдение свободы слова и печати (п.3), а также освобождение политических заключенных (п.4в). К новым программным лозунгам из области расшире-

ния прав человека в Польше можно причислить гарантию права на забастовки (п.2) и отмену репрессий за убеждения (п.4с). Первый пункт считался наиболее важным. Неисполнение его могло привести к невозможности реализации других требований. Михник назвал Гданьские соглашения Великой хартией прав польского народа³².

События Августа 1980 г. и создание НСПС «Солидарность» явились переломными в формировании политической мысли польской оппозиции. «Новый профсоюз возник как выражение стремлений бастующих рабочих и почти всего народа, – писал Михник, – но представлял – часто неосознанно – реализацию КОРовского видения антитоталитарных преобразований. В определенном смысле КОРовцы считали новое профсоюзное движение своим детищем»³³. Отчасти ближе всех к этому мнению среди польских политиков был вице-премьер М. Раковский, который в 1985 г. писал: «Нельзя не видеть того, что КОРовцы, а среди них Яцек Куронь, задолго до июльско-августовских забастовок готовили кадры будущих руководителей “Солидарности”»³⁴. После того, как идея самоорганизации масс стала реальностью в лице независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность» и других оппозиционных группировок, КОР перенес акцент на пропаганду идей политического и экономического плюрализма.

В течение года – от создания «Солидарности» до ее съезда – профсоюз (как и сами КОРовцы) все более радикализировался и политизировался, что нельзя считать случайным. С момента основания профсоюза польская интеллигенция вела постоянную борьбу за влияние на программу и деятельность. Его лидер Л. Валенса, в частности, отмечал создание трех групп экспертов: ведущими советниками «Солидарности» были люди, связанные с Клубами католической интеллигенции (ККИ), примасом и КОР³⁵.

КОС-КОР считал создание свободного профсоюза (с правом рабочих на забастовку) исходным пунктом длительного процесса радикальных политических перемен коммунистической системы, а также шагом к суверенности Польши. Мазовецкий же видел в «Солидарности» исключительно профсоюз. Это различие во взглядах подтвердил Михник: «Для Я. Куроня – и для меня – было очевидно, что гданьское соглашение – это

начало перемены, [в то время как] Т. Мазовецкий и другие эксперты трактовали гданьское соглашение как окончание процесса перемен»³⁶.

Хотя КОС-КОР апеллировал к польскому обществу с целью создания программы экономических и политических перемен, он не представил ни собственного детального плана реформ, ни способа их реализации. Причины этого явления следует усматривать в гетерогенной идеологии членов Комитета. Им удалось договориться по общим проблемам и способам деятельности, но когда пришло время создать конкретную программу, различия оказались слишком велики. Представляется, что истинную причину споров между фракциями КОР не следует искать исключительно в полемике вокруг выборов соответствующих методов деятельности. В действительности более глубокие причины несогласия внутри Комитета следует связывать с идеологическими делениями внутри группировки: фракция А. Мацеревича, по сути, враждебно относилась к левой идеологии, в т.ч. к социал-демократии западного типа, т.е. к идеологии фракции Куроня. Примечательно, что хотя Комитет формально не являлся левой группировкой, именно так его часто воспринимали в Польше и за рубежом. О существовании либеральной фракции практически ничего не было известно.

С возникновением «Солидарности» при постоянно растущих разногласиях между левой и либеральной фракциями появились также признаки противостояния внутри самой левой фракции. Это наводило на мысль, что противоречия во взглядах обеих фракций нельзя приписывать исключительно идеологическим различиям. Более правдоподобным представляется, что они являлись следствием различных оценок текущей политической ситуации. По существу, после создания «Солидарности» даже Михник, ближайший политический союзник Куроня, не всегда разделял конкретные взгляды своего друга, хотя по главным идеологическим вопросам их мнения всегда совпадали³⁷. Например, Куронь выступил с инициативой создания «коалиционного правительства», в состав которого могли бы войти три главные общественные силы в Польше: ПОРП, Костел и «Солидарность». Михник выступал против этой концепции, аргументируя тем, что это означало бы конец независимого профсоюза.

Примечательно изменение позиции властей в отношении КОС-КОР после событий августа 1980 г. Если раньше задачей официальной антиКОРовской кампании было скомпрометировать Комитет в глазах общественного мнения, то с момента создания «Солидарности» наряду с прежней появилась новая цель: дискредитировать КОС-КОР в глазах отдельных членов профсоюза, особенно его руководства с целью уменьшить его влияние на «Солидарность», а также рассорить руководство профсоюза с КОРовцами. На пленуме ЦК ПОРП в феврале 1981 г. член политбюро Т. Грабский уточнил позицию партии в отношении роли, которую сыграл КОС-КОР после создания «Солидарности»: «Куронь, Михник, Мацеревиц и другие идеологи, а также руководители КОР в многочисленных статьях и интервью, напечатанных в буржуазной прессе, не скрывают своих надежд ввести в социалистическую систему различные партии антисоциалистической ориентации. Пока же стремятся ввести двоевластие, а также склонить “Солидарность” к подрывной, авантюрной деятельности, а в конце концов – контрреволюции... Руководители КОР трактуют “Солидарность” как форум для пропаганды собственных антисоциалистических взглядов, завоевывая тем самым новых сторонников и политический капитал за границей, а также пытаются придать профсоюзу явно политический характер»³⁸.

При этом, несмотря на решительную антиКОРовскую позицию, в политбюро существовали «тайные», неофициальные контакты между высшими партийными чиновниками и Комитетом: глава канцелярии I секретарь Зб. Регуцкий несколько раз встречался с Куронем и Михником. Сам факт этих встреч указывает на то, что в то время партийные руководители должным образом оценивали значение КОС-КОР. Регуцкий также проводил неофициальные переговоры с другими советниками «Солидарности»: Т. Мазовецким и А. Велевейским, влиятельными католическими интеллектуалами, не являвшимися членами КОР.

С перспективы времени видно, что влияние «экспертов», особенно Комитета, на «Солидарность» достигло кульминации непосредственно перед его роспуском в сентябре 1981 г. На съезде «Солидарности» идея Куроня преобразовать систему с помощью «самоуправления» стала частью ее официальной

программы (несмотря на разногласия среди ведущих деятелей КОР: Х. Вуец и Зб. Ромашевский поддерживали, Мацеревиц выступал против реформирования системы с помощью институтов самоуправления). Съезд показал, что КОС-КОР, хотя и разделенный и как организация практически пассивный со времени создания «Солидарности», все же оказывал на нее значительное влияние, большее, чем какая-либо иная группировка³⁹.

На съезде (28 сентября 1981 г.) проф. Эдвард Липиньский зачитал решение о роспуске КОС-КОР. Главная причина этого, как отмечалось в заявлении Комитета, заключалась в том, что «НСПС “Солидарность” создала и создает многочисленные отделения и комиссии, которые должны заниматься тем, чем занимался по мере сил и возможностей в течение нескольких последних лет Комитет общественной самообороны КОР. Многие его члены и сотрудники являются сегодня членами “Солидарности”, нередко работают в ней в качестве экспертов или просто людей с многолетним опытом». «Мы полагаем, – отмечалось далее в документе, – что каждый, кому когда-то были близки цели Комитета защиты рабочих, а позднее Комитета общественной самообороны КОР, должны сегодня поддерживать – в силу своих компетенций и способностей – “Солидарность” и действовать в ее рядах или в ее пользу»⁴⁰. Представляется, что две другие основные причины для подобного решения – это систематически углублявшаяся идейная и политическая дифференциация (уже не только между либеральной и левой фракциями, но и внутри каждой из них), а также позиция властей. С момента создания независимого профсоюза польские и советские власти обвиняли Комитет во вмешательстве в его дела, утверждая, что он манипулирует «Солидарностью». Более того, некоторые члены «С» не возражали против имиджа Комитета, который представляли власти в официальных СМИ. Поэтому было признано, что только роспуск Комитета может положить конец такого рода обвинениям. Роспуск КОР «Трибуна люду» прокомментировала следующим образом: «Вероятно, КОР так сильно окопался в “Солидарности”, что две организации слились в одну»⁴¹.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Комитет видел свою роль в выполнении двух основных функций: во-

первых, явился творцом оппозиционных концепций, «банком идей», выработывавшим стратегию, тактику и программу; во-вторых, стал организацией, которая проверяла свои концепции на практике, чтобы показать другим, что легальная и организованная диссидентская деятельность возможна.

Комитет преобразовал политическую жизнь в Польше, вводя метод решения общественных конфликтов мирными средствами, главным образом на пути соглашения.

Крупное достижение КОР основано на том, что он ввел новый метод – метод проб и ошибок. Через несколько лет после роспуска Комитета Куронь отметил: «В политике важно не слишком привязываться к своим собственным рецептам». И благодаря этому, хотя Комитет перестал существовать, процесс перемен, который он инициировал в середине 1970-х гг., по-прежнему продолжался. Заслугой лидеров оппозиции было поддержание оппозиционной активности путем неустанного поиска новых форм и направлений антисистемной деятельности.

Несомненно, один из крупнейших успехов КОР – деятельность, направленная на создание «Солидарности». Комитет способствовал развитию легальной и организованной диссидентской деятельности, охватывавшей десятки организаций, действовавших независимо друг от друга.

Еще одним важнейшим достижением КОР следует считать совместные действия рабочих, крестьян и интеллигенции, что связано с выбором соответствующих методов деятельности. Если до середины 1970-х гг. характерной чертой польской оппозиционной деятельности являлось стремление интеллигенции оказывать непосредственный прессинг на власть, то Комитет сделал главный акцент на давление на власть с помощью других общественных групп. Указанный новый метод деятельности требовал создания не подлежащей цензуре прессы, свободных профсоюзов, а также независимых рабочих и крестьянских организаций. Словом, КОРовская идея союза между интеллигенцией, рабочими и другими общественными группами оказалась наиболее успешным орудием в борьбе оппозиционеров с властями.

Комитету удалось преодолеть еще один барьер – между неверующими и Костелом. Поддержка Костела помогла КОРу

продержаться первые годы существования и значительно подняла его авторитет в глазах среднего поляка.

Все эти положения и идеи рассматривались как конкретные средства для достижения конечных целей – парламентской демократии и суверенной Польши. Правда, в годы своей деятельности Комитету не удалось реализовать намеченные конечные цели, тем не менее, его достижения имеют большое значение, если говорить о польской политике и более широком, международном контексте. Конечные цели КОР удалось фактически реализовать спустя восемь лет после его роспуска.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Kuroń J. *Opozycja. Pisma polityczne 1969–1989*. W-wa, 2010. S. 41–42, 47.

² *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго–Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. Т. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов*. СПб., 2012. С.182–183.

³ Там же. С. 190–191.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Там же. С. 185.

⁶ Волобуев В.В. *Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976*. М., 2009. С. 214.

⁷ *Анатомия конфликтов...* Т. I. С. 209. См. также: Pyrzyńska B. *Suwerenność narodu i państwa polskiego w myśli politycznej polskiej opozycji 1976–1981 // Państwo polskie w myśli politycznej XIX i XX wieku. Teoria i praktyka*. Wrocław, 2008. S. 93.

⁸ *Анатомия конфликтов...* Т. I. С. 213–214.

⁹ Там же. С. 217–222.

¹⁰ Там же. С. 223, 226–228.

¹¹ Цит. по: Friszke A. *Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980*. Londyn, 1994. S. 418.

¹² Kuroń J. *Op. cit.* S. 8, 166.

¹³ Szacki J. *Liberalizm po komunizmie*. Kraków, 1994. S. 96.

¹⁴ *Dokumenty Komitetu Obrony Robotników i Komitetu Samoobrony Społecznej «KOR»*. W-wa–Londyn, 1994. S. 296–298.

¹⁵ Kuroń J. *Op. cit.* S. 118, 139.

¹⁶ Michnik A. *Kościół, lewica, dialog*. Paryż, 1977. S. 96.

¹⁷ Pyrzyńska B. *Op. cit.* S. 115; Friszke A. *Op. cit.* S. 420.

¹⁸ *Анатомия конфликтов...* Т. I. С. 215; см. также: Ujazdowski K.M. *Ciasna przestrzeń demokratyzacji socjalizmu // Polska Solidarności. Kontrowersje, oblicza, interpretacje*. Kraków, 2011. S. 142.

- ¹⁹ Подробнее см.: Лыкошина Л.С. Гражданское общество в Польше. Теоретические представления и социальная практика. М., 1998. С. 19.
- ²⁰ Анатомия конфликтов... Т. I. С. 215; см. также: Ujazdowski К.М. Op. cit. S. 138.
- ²¹ Цит. по: Friszke A. Op. cit. S. 418.
- ²² Анатомия конфликтов... Т. I. С. 300.
- ²³ Kuroń J. Op. cit. S. 135.
- ²⁴ Pyrzyńska B. Op. cit. S. 122, 133.
- ²⁵ Анатомия конфликтов... Т. I. С. 229.
- ²⁶ Friszke A. Op. cit. S. 382; Pyrzyńska B. Op. cit. S. 129.
- ²⁷ Ujazdowski К.М. Op. cit. S. 137; Pyrzyńska B. Op. cit. S. 96.
- ²⁸ Kuroń J. Op. cit. S. 188–191.
- ²⁹ Michnik A. Szanse polskiej demokracji. Londyn, 1984. S. 84–85.
- ³⁰ Michnik A. Będę krzyczał. W–wa, 1977. S. 1; Pyrzyńska B. Op. cit. S. 92.
- ³¹ Wildstein B. Przemyśleć Solidarność// Polska Solidarnosci...S.26.
- ³² Подробнее см.: Pyrzyńska B. Op. cit. S. 109–110.
- ³³ Michnik A. Takie czasy... Rzecz o kompromisie. Londyn, 1985. S. 34–35.
- ³⁴ Rakowski M. Czasy nadziei i rozczarowań. W–wa, 1985. S. 96.
- ³⁵ Подробнее см.: Zuzowski R. Komitet Samoobrony Społecznej KOR: Studium dysydemtyzmu i opozycji politycznej w Polsce. Wrocław etc., 1996. S. 152–153.
- ³⁶ Michnik A. Takie czasy... S.33.
- ³⁷ Подробнее см.: Zuzowski R. Op. cit. S. 108–111, 156.
- ³⁸ Правда. 1981. 15. 07.
- ³⁹ Подробнее см.: Zuzowski R. Op. cit. S. 176, 179.
- ⁴⁰ Анатомия конфликтов... Т. I. С. 299–300.
- ⁴¹ Trybuna ludu. 1981. 29. 09.

О.Ю. Михалев (Россия)

Третья Речь Посполитая в представлениях Конфедерации независимой Польши (1979–1989 гг.)¹

Конфедерация независимой Польши (КНП), созданная в 1979 г. группой оппозиционных деятелей во главе с Лешеком Мочульским, занимала видное место в польском антикоммунистическом движении. Ставя своей главной целью освобождение Польши от зависимости от СССР, конфедерация пыталась объединить вокруг себя широкий спектр националистически ориентированных сил и отрицала возможность диалога с коммунистами, что делало ее наиболее радикальной частью польской оппозиции. На основе документов КНП и произведений Мочульского в статье анализируются представления партии о путях освобождения Польши от коммунизма и о политической системе будущей Третьей Речи Посполитой. Рассматриваются также взгляды КНП на будущее место Польши в системе международных отношений, в частности концепция Междуморья, предполагающая авангардную роль Польши в освобождении Восточной Европы от коммунизма.

Ключевые слова: Восточная Европа, Третья Речь Посполитая, политическая система, антикоммунистическое движение, польская оппозиция, Конфедерация независимой Польши, концепция Междуморья.

В середине 1970-х гг. в польском оппозиционном движении выделились два главных течения. Первое из них, оформившееся в сентябре 1976 г. в Комитет защиты рабочих, объединяло преимущественно сторонников лево-демократических убеждений. Второе очень условно можно определить как националистическое, поскольку во главу угла оно возводило обретение

Польшей независимости, освобождение от влияния Советского Союза².

Одной из наиболее заметных фигур националистического крыла польской оппозиции был Лешек Мочульский. Родившийся в 1930 г., он в 1952 г. окончил Варшавский университет, получив юридическую специальность. В студенческие годы короткое время был членом Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), однако уже со второй половины 1950-х гг. принимал участие в конспиративных организациях, объединявших, главным образом, бывших офицеров Армии Крайовой. Начавшиеся складываться оппозиционные взгляды и кратковременный арест в 1957 г. по обвинению в очернении властей ПНР за рубежом не помешали Мочульскому в течение многих лет работать журналистом в крупных газетах, таких как «*Życie Warszawy*» («Жизнь Варшавы») и еженедельник «*Stolica*» («Столица»). В 1972 г. он выпустил книгу «Польская война 1939 г.», в которой, в отличие от принятых тогда норм, защищал деятельность польского руководства в начальный период Второй мировой войны. Власти вскоре изъяли книгу из библиотек, но ее автор получил широкую популярность в оппозиционных кругах³.

Подписание Польшей Хельсинкского заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором содержались гарантии гражданских прав и свобод человека, вселило у многих оппозиционеров уверенность в том, что настала пора действовать легально: перед лицом международного сообщества, опасаясь негативных экономических и политических последствий, польское коммунистическое правительство не решится презреть взятые на себя обязательства и применить против диссидентов силу. Осенью 1976 г. на встрече с единомышленниками, в числе которых были Анджей Чума и Александр Халль, Мочульский озвучил концепцию «айсберга», в соответствии с которой националистическая оппозиция должна была иметь двойственный характер: небольшая легальная организация представляла бы разветвленные конспиративные структуры и опиралась на них. При этом легальная, надводная часть «айсберга» изначально планировалась, скорее, как рыхлое общественное движение, не имевшее четких принципов членства, руководства, организационных

структур и программных установок с тем, чтобы сделать его как можно более массовым, привлечь все склонные к сотрудничеству силы⁴. Правда, впоследствии Мочульский утверждал, что с самого начала рассматривал легальное оппозиционное движение лишь как первую ступеньку к созданию политической партии⁵.

Объявление о создании движения, позже получившего название Движение за защиту прав человека и гражданина (польская аббревиатура – РОПЧиО), состоялось 26 марта 1977 г. на импровизированной пресс-конференции для западных корреспондентов. Там же было оглашено содержание воззвания «К польскому обществу» – программного документа РОПЧиО, из которого можно заключить, что движение предполагало носить не столько политический, сколько правозащитный характер. Целями его деятельности провозглашались: «бороться за соблюдение всех прав человека и гражданина, а также его достоинства; открывать общественному мнению и доводить до соответствующих органов факты нарушения прав и свобод человека, а также оказывать, по мере наших возможностей, помощь и защиту жертвам; пропагандировать в обществе и требовать от государственных властей изменений в действующем законодательстве, ведущих к реальному и непрерывному гарантированию прав и свобод»⁶. Основатели РОПЧиО старались действовать подчеркнуто открыто, так, как будто в Польше на самом деле существуют политические и гражданские свободы и нет практики преследования инакомыслия. Воззвание «К польскому обществу» было подписано, представители движения для связей с прессой названы журналистам, начавший издаваться в апреле 1977 г. журнал «Opinia» («Мнение») указывал адрес редакции, фамилии редакторов и авторов статей. Хотя для властей было очевидно, что в условиях коммунистической Польши правозащитная деятельность не может не иметь прямых политических последствий, они реагировали на появление РОПЧиО довольно вяло, предпочитая делать вид, что ничего не случилось. В отношении Мочульского реакция властей ограничилась слежкой, прослушиванием телефона, неоднократными задержаниями на 48 часов и увольнением с работы⁷.

Вопреки намерениям организаторов движения и несмотря на достаточно активную информационно-пропагандистскую

деятельность, РОПЧиО не сумело не только объединить вокруг себя национально ориентированные оппозиционные силы, но и превратиться в сколько-нибудь сплоченную структуру. Так и не стало интегральной его частью Движение молодой Польши – группа сплотившихся вокруг А. Халля оппозиционеров из Гданьска, ориентировавшихся на принципы консерватизма и окончательно отошедших от РОПЧиО во второй половине 1978 г. А в июне 1978 г. между лидерами РОПЧиО Л. Мочульским и А. Чумой произошел разрыв, результатом которого стал раскол движения на две части. Среди причин разрыва были программные разногласия: Мочульский настаивал на возможно скорейшем превращении движения в политическую партию и переносе центра тяжести на политические методы борьбы, тогда как Чума считал подобные действия преждевременными. Но все же главную роль сыграла личная борьба за руководство журналом «Opińia» и движением в целом, к которой примешались обвинения в утаивании Мочульским присланных на нужды движения денег⁸.

После раскола РОПЧиО группа Мочульского сосредоточилась на подготовке к созданию оппозиционной политической партии, которая должна была действовать легально, насколько это могло быть возможным в существовавших тогда в Польше условиях. Необходимость принятия именно такой формы Мочульский и его сторонники аргументировали, хотя это может показаться странным, юридическими соображениями. Они считали, что после утверждения власти ПОРП из законодательства были удалены все нормы, касавшиеся создания и деятельности политических партий – для того чтобы не ставить ПОРП под контроль каких-либо государственных органов. Законами не регламентировались ни процедуры регистрации партий, ни порядок функционирования, ни надзор за их действиями, и, следовательно, этот юридический пробел оставлял возможность для вполне легальной деятельности оппозиционной партии при условии соблюдения конституции и законодательства страны⁹. Поскольку имелись большие опасения, что многие оппозиционные группы не пожелают ограничить свою самостоятельность строгими рамками партийной дисциплины, с самого начала была выбрана форма конфедерации – свободного объединения группировок различной

идеологической направленности (от националистов до социалистов), лишь бы они выступали за обретение Польшей независимости. Так определилось название новой партии – Конфедерация независимой Польши (КНП).

Публичное объявление о создании КНП было решено приурочить к какой-либо важной для поляков дате. Выбор пал на 1 сентября 1979 г. – день нападения Германии на Польшу и начала Второй мировой войны. Во время мессы в варшавской кафедральной базилике активистка партии Нина Милевская развернула транспарант, а затем зачитала фрагменты акта о создании КНП и идейной декларации. Основной содержащейся в них мыслью было утверждение, что Польская народная республика является формой «русского владычества над Польшей», и конфедерация будет бороться за воссоздание полностью суверенной Речи Посполитой. Никакого противодействия со стороны властей акция не встретила. В тот же день информация о создании конфедерации была передана в Лондон и напечатана в британских газетах¹⁰. Это событие положило начало существованию первой антикоммунистической партии в Восточной Европе.

Незадолго до формального начала деятельности КНП, в мае 1979 г., Мочульский написал работу «Революция без революции», которая стала неофициальной программой партии¹¹. В ней он попытался дать ответ на главный вопрос, стоящий перед конфедерацией – каким образом достичь искомой цели, как добиться независимости для страны. Значительную часть работы занимает полемика с лево-демократическим течением польского оппозиционного движения, в частности с Яцеком Куронем. Тот в своих статьях предостерегал, что Польша стоит на пороге социального взрыва, который приведет или к советской интервенции, или к применению властями вооруженной силы для подавления сопротивления – и то, и другое станет всенародной трагедией. По мнению Куроня, оппозиция должна работать над предотвращением такого развития событий, что предполагает сотрудничество с властями по выработке и проведению в жизнь программы экономических и политических реформ, способных выправить ситуацию в стране. Эта программа должна включать: создание свободных профсоюзов, творческих, научных и прочих обществ, предоставление

права стачек, собраний, манифестаций, доступа к средствам массовой информации, увеличение самостоятельности предприятий, развитие частной торговли, ремесла, мелкой промышленности и пр.¹².

Мочульский категорически не соглашался с выводами Куроня – ни с оценкой состояния дел в стране, ни с предложенной тактикой оппозиции. Он считал, что сотрудничество с ПОРП не может быть оправдано необходимостью избежания национальной катастрофы. Конечно, в обществе усиливается сопротивление режиму, но оно носит пассивный характер, выражаясь преимущественно в тихом саботировании различных начинаний властей, но выльется ли оно в социальный взрыв, а если выльется, то когда, остается неизвестным. В любом случае ПОРП будет иметь достаточно времени для маневра, который позволит ей, опираясь на поддержку Советского Союза, остаться у власти. Предложенная Куронем тактика оппозиции, по мнению Мочульского, не вынудит коммунистов к каким-либо существенным политическим уступкам и не поставит под сомнение «руководящую роль партии» в обществе. Программе «соглашения» лево-демократического крыла оппозиции автор «Революции без революции» противопоставлял программу «независимости». Он настаивал на безоговорочном устранении ПОРП, являющейся проводником советского влияния, от власти. Только полный слом существующей системы, революция, поможет добиться Польше независимости, без обретения которой невозможно решение стоящих перед страной проблем¹³.

Выступая за революционный характер преобразований, Мочульский, тем не менее, отрицал применение революционных методов, считал необходимым не допускать насильственных действий, которые будут иметь для страны катастрофические последствия. «Слово “революция” следует понимать в наилучшем его значении. Революция – это уничтожение старой структуры и замена ее новой... Мы являемся сторонниками польской национальной революции, которая по мере возможностей будет воздерживаться от использования взрывных форм. Такой процесс мы определяем термином “конструктивная революция”... Конструктивная революция, по мере возможностей избегая взрывов, драматичных столкновений и конф-

ронтации там, где противник сильнее, сохраняя контроль как над внутренними процессами, так и над международным положением Польши, постепенно на месте ПНР создаст Третью Речь Посполитую», – утверждал Мочульский¹⁴. Собственно, таким противопоставлением революционных целей постепенным, легальным, политическим методам их достижения и объясняется название работы «Революция без революции».

В месяцы, последовавшие за провозглашением КНП, партия вела интенсивную организационную и пропагандистскую работу, несмотря на финансовые и технические трудности с изданием печатной продукции, преследования со стороны службы безопасности ПНР и скептическое отношение других оппозиционных групп, обвинявших Мочульского в несвоевременных, несогласованных и излишне радикальных действиях. Партийные группы образовались в Варшаве, Кракове и Люблине, а в целом ряде городов имелись ее сторонники. Выпускались газеты «Droga» («Путь»), «Gazeta Polska» («Польская газета») и «Opinia Krakowska» («Краковское мнение»), правда, нерегулярно и небольшими тиражами. Члены партии участвовали в манифестации 11 ноября 1979 г. в годовщину восстановления независимости Польши после Первой мировой войны¹⁵. А в начале 1980 г. КНП, в полном соответствии с ориентацией на легальную политическую борьбу, решила принять участие в запланированных на март выборах в Сейм. Конечно, было бы слишком наивным думать, что ее кандидатов и в самом деле допустят до избирательного процесса. Однако выборы давали хорошую возможность заявить о себе и вызвать общественный резонанс, а также в очередной раз показать недемократический характер режима, который будет вынужден переступить через собственные законы, не запрещающие выдвигать кандидатов партиям и общественным организациям. КНП попыталась зарегистрировать свои списки в Варшаве, Кракове, Катовицах, Люблине и Вроцлаве, но, как и следовало ожидать, эти усилия не увенчались успехом, а указанные в них кандидаты подверглись аресту¹⁶.

Накануне выборов конфедерация издала брошюру «Предвыборная платформа КНП», в которой впервые в развернутом виде представила свое видение необходимых стране преобразований. В ней утверждалось, что «КНП не признает ПНР в ка-

честве суверенной польской государственности и отказывает ей в моральном, правовом и общественном мандате» и участвует в выборах лишь для того, чтобы «использовать все законные возможности, существующие в ПНР». Целью КНП являлось «восстановление национальной и государственной независимости и создание на месте ПНР Третьей Речи Посполитой... – демократического и справедливого государства, представляющего собой общую собственность всех граждан. Эту цель можно достичь только путем устранения советского господства над Польшей и узурпаторской диктатуры ПОРП, поскольку ПНР является формой советского владычества над Польшей, а ПОРП – главным инструментом советского господства». Задачей нового Сейма КНП считала принятие временной конституции, которая провозгласит независимость страны и подтвердит права и свободы человека, пересмотр международных договоров Польши, в том числе о вхождении ее в структуры социалистического лагеря, и проведение комплекса широких социальных и экономических преобразований¹⁷.

Поднявшаяся в августе 1980 г. волна стачечного движения, приведшая к возникновению «Солидарности», оставила КНП на обочине общественной жизни. Несмотря на все попытки утвердить свое влияние среди забастовщиков, конфедерация не преуспела в налаживании контактов с рабочими, оставаясь замкнутой немногочисленной организацией. Не последнюю роль в этом сыграл арест Мочульского, которого в июле 1980 г. I конгресс КНП избрал председателем партии. 23 сентября ему предъявили обвинение, что в интервью немецкому журналу «Der Spiegel» он оболгал власти ПНР, после чего в отношении КНП было начато следствие по обвинению в попытке насильственного изменения государственного строя ПНР. Возглавивший партию после ареста Мочульского Ромуальд Шереметьев принял решение о прекращении политической деятельности, за исключением акций в поддержку Мочульского, с тем, чтобы не давать властям повода для дальнейших репрессий в отношении конфедерации. Но это не помогло. До конца 1980 г. за решеткой оказались еще несколько активистов партии. В декабре Шереметьев заявил о прекращении деятельности КНП, но уже через месяц и он был арестован. И хотя в июле 1981 г. конфедерация формально возобновила работу, удар, нанесенный

ей репрессиями, не прошел бесследно. Единого руководства больше не существовало, местные отделения были дезориентированы и не предпринимали согласованных действий. Но имелись и плюсы. Преследования сделали широко популярными Мочульского и его сторонников, а волна акций в их поддержку прокатилась по всей стране¹⁸.

Процесс по делу руководителей КНП тянулся долго и завершился уже после введения в Польше военного положения. Поначалу могло показаться, что суд не будет с обвиняемыми слишком суров. Они имели возможность подробно разъяснять свои взгляды, чем с удовольствием пользовались для популяризации конфедерации и ее программы, встречались с иностранными корреспондентами, а в начале июня 1981 г. решением суда даже получили свободу. Однако на воле они пробыли лишь месяц, после чего вновь оказались за решеткой. Произошло это под прямым давлением советского руководства, поскольку на встрече с С. Каней и В. Ярузельским в Москве в начале июля Л.И. Брежнев заявил, что его удивило освобождение Мочульского, которое создает впечатление, что политбюро ЦК ПОРП не владеет ситуацией. Состав суда тут же был заменен, а Мочульского и его товарищей через два дня вновь взяли под стражу. После введения военного положения процесс фактически начался с нуля, и приговор был вынесен 8 октября 1982 г. Четверым руководителям КНП – Л. Мочульскому, Р. Шереметьеву, Т. Станьскому и Т. Яндзишаку – вменялось в вину, что «действуя с целью насильственного свержения государственного строя ПНР, ослабления оборонной мощи страны путем разрыва союзнического единства с СССР, они предприняли подготовительные действия к достижению этой цели через создание нелегального союза под названием Конфедерация независимой Польши». Мочульский получил 7 лет лишения свободы, Шереметьев и Станьский – 5, Яндзишак – 2 года. Все приговоренные вышли на свободу по амнистии в конце июля – начале августа 1984 г.¹⁹.

В период военного положения и пребывания руководителей в заключении КНП фактически бездействовала. Не выходили ее центральные органы – «Opinia» и «Gazeta Polska», большинство местных групп не подавали признаков жизни. Исключение составляла только краковская организация, про-

должавшая издавать газету «Niepodległość» («Независимость»). После освобождения из тюрьмы Мочульскому и его товарищам пришлось восстанавливать партийные структуры заново. Сделать это оказалось непросто. На первом же после амнистии заседании политического совета КНП произошел раскол между Мочульским и теми, с кем он отбывал срок в тюрьме. Позднее Шереметьев объяснял причины разрыва тем, что, во-первых, он требовал четко определить партию как правую политическую силу, тогда как Мочульский продолжал настаивать на формуле конфедерации, то есть объединении всех течений, соглашающихся принять лозунг независимости. Во-вторых, Мочульский считал необходимым делать упор на явную деятельность, не выходящую за рамки законодательства ПНР. Шереметьев же утверждал, что после введения военного положения и значительного увеличения масштаба репрессий невозможно вести легальную деятельность и не нужно подставлять людей под гонения властей. Наконец, за время пребывания в шестиметровой камере между руководителями КНП накопились личные противоречия. Шереметьев стал упрекать Мочульского, что у того все более заметной становится тяга к вождизму. «Не ограничивалось это только внешним разыгрыванием из себя вождя, но имело также практические последствия внутри конфедерации, так как с определенного момента Лешек пробовал заменить коллегиальный способ принятия решений руководством КНП методом типа: молчать, я знаю лучше», – вспоминал он.²⁰ Окончательно Шереметьев, Станьский, Яндзишак и их сторонники покинули ряды КНП в декабре 1984 г., а через месяц они основали Польскую партию независимости²¹.

Несмотря на раскол, 22 декабря 1984 г. Мочульский провел II конгресс КНП, в котором приняли участие 25 человек. На конгрессе были внесены изменения в организационную структуру партии, направленные на придание ей большей сплоченности и идейной однородности. Избран новый состав руководящих органов, полномочия председателя партии вновь получил Мочульский. Принятый конгрессом программный документ «Политическое постановление» определил направления дальнейшей деятельности партии. Идейной основой постановления стала опубликованная незадолго до этого

статья Мочульского «Три горизонта», в которой он анализировал события, произошедшие в стране после выхода в свет его работы «Революция без революции». Приходя к выводу, что общая оценка ситуации им была сделана правильно, он считал необходимым дополнить ранее сказанное концепцией «трех горизонтов», под которыми понимал очередность достижения политических целей. Первый горизонт – возвращение плюрализма профсоюзов, что на практике должно вылиться в возобновление легальной деятельности «Солидарности». Другой горизонт находится значительно дальше, это демократизация системы и введение политического плюрализма, что, в свою очередь, проложит дорогу к третьему горизонту – восстановлению независимости²².

9 марта 1985 г. во время очередного заседания политического совета КНП службы безопасности задержали участников встречи и произвели обыски в их квартирах. Судебный процесс начался только через год. На скамье подсудимых сидели Л. Мочульский, А. Шоманьский, К. Круль, А. Сломка и Д. Вуйчик. На сей раз приговор был вынесен очень быстро: уже 22 апреля суд объявил, что Мочульский приговаривается к 4 годам лишения свободы, остальные получили по 2–2,5 года. Впрочем, уже в сентябре того же года все вышли на свободу после очередной амнистии²³.

К этому времени обстановка в стране стала существенно меняться, эпоха политических репрессий уходила в прошлое. КНП, с самого начала тяготевшая к открытой деятельности, решила приступить к воссозданию легальных структур. На рубеже 1986–1987 гг. ее ячейки появились в Варшаве, Кракове и Катовицах, шла подготовка к организации их в других городах. Возобновилось издание «Gazeta Polska», начали печататься и другие газеты, правда, не всегда регулярно. Росла численность активных сторонников партии. Службы безопасности оценивали их число в 500 чел., самая крупная организация действовала в Кракове (около 150 чел.)²⁴. Возрастанию популярности КНП способствовала очередная резонансная статья Мочульского «Пейзаж перед битвой», опубликованная в ноябре 1987 г. Ее название прямо отсылало к статье Я. Куроня «Пейзаж после битвы», в которой тот писал, что общество истощено прошедшими политическими баталиями и, не поддерживая власть,

в то же время не готово выступить на стороне оппозиции. В этой ситуации оппозиции необходимо выходить из подполья и искать соглашения с реформаторской частью правящей ПОРП. Само название работы Мочульского говорит о том, что он оценивал состояние дел в стране диаметрально противоположным образом. Он утверждал, что, действительно, позади много битв, выигранных и проигранных, но решающая схватка еще только предстоит. Да, общество измучено, но оно добилось огромных успехов, поскольку власть, сначала введя военное положение, а затем отменив его, расписалась в собственном бессилии. «Власть измучена гораздо сильнее. У нее сильное чувство безнадежности и даже приближающегося окончательного поражения. Военное положение пробудило у них надежду, которая теперь умирает», – доказывал Мочульский, считая, что необходимо продолжать следовать ранее намеченному курсу трех горизонтов²⁵.

В последние годы существования народной Польши основные усилия КНП были направлены на объединение националистических оппозиционных сил и оказание давления на власть с целью заставить прислушаться к требованиям общества. Нельзя сказать, что и то, и другое удалось в полной мере, хотя не следует отрицать и наличия успехов. В меньшей степени преуспела КНП в сплочении националистических групп, несмотря на то, что уже в марте 1987 г. выступила с призывом ко всем организациям, поддерживающим требование независимости страны, объединяться под лозунгом «сопротивления существующей системе ПНР». Конфедерация предлагала обмен взглядами и информацией, выработку общей политической платформы, которая была бы «выразителем независимого голоса польского общества»²⁶. Однако, как отмечали исследователи истории КНП Г. Валигура и Г. Волк, главным препятствием объединения националистических движений «был сам Мочульский и КНП – как крупнейшая структура националистического течения. Малые организации боялись маргинализации, а вождистский характер руководства партией Мочульским только усиливал их опасения»²⁷. Поэтому единственным достижением на этом пути было проведение нескольких встреч политически близких групп и принятие совместных деклараций. Тем не менее, влияние КНП быстро росло, особенно

в молодежной среде, формировались студенческие общества, входящие в состав конфедерации. В конце 1988 г. партия имела ячейки уже в 57 городах²⁸.

Главной формой оказания давления на власть в конце 1980-х гг. для КНП стали уличные формы протеста. Члены конфедерации принимали участие в организации забастовок и демонстраций, временами последние заканчивались столкновениями с милицией. В то же время не следует думать, что КНП занимала настолько радикальную позицию, что отвергала всякие формы договоренностей с коммунистическим правительством. В августе 1988 г., когда руководство ПОРП начинало осторожный зондаж возможностей диалога с оппозицией, политический совет КНП принял «Резолюцию в отношении соглашения с властями ПНР». Принимая саму идею соглашения, если оно «послужит интересам Польши и поляков», конфедерация считала, что его можно будет подписывать лишь при обязательном наличии определенных условий: восстановление правовой системы с ликвидацией всех остатков военного положения, легализация «Солидарности» и всех существующих политических партий и организаций, обеспечение свободы печати и проведение полностью свободных выборов в Сейм. При этом соглашение должно было касаться только вопросов экономической реформы, поскольку политическая цель – достижение независимости и создание Третьей Речи Посполитой – для КНП оставалась неизменной²⁹. Безусловно, такая позиция вряд ли могла заставить ПОРП воспринимать конфедерацию в качестве серьезного партнера по переговорам. В этот период коммунисты еще не допускали мысли о возможности поделиться с кем-либо властью или тем более отказаться от нее. Если они и соглашались завязать диалог с оппозиционными силами, то лишь потому, что нуждались в поддержке «Солидарности» для проведения программы реформ по выводу экономики из острого кризиса. В виде уступки они были готовы допустить возобновление легальной деятельности независимых профсоюзов, но не более того. В итоге КНП оказалась за бортом переговоров. К приглашению ее за «круглый стол» не стремились ни руководство ПОРП, ни лидеры «Солидарности», у которых уже давно сложилось негативное отношение к Мочульскому из-за личных и политических разногласий.

Определить стратегию КНП в условиях разворачивающихся в стране перемен, инициированных «круглым столом», должен был ее III конгресс, запланированный на начало февраля 1989 г. Из-за вмешательства службы безопасности его удалось провести только 4 марта. Важнейшим из решений конгресса стало принятие программы партии, где впервые самым детальным образом излагались ее цели и средства их достижения.³⁰ КНП провозглашалась продолжательницей двухвековых устремлений поляков к независимости: Барской конфедерации, восстания Костюшко, национально-освободительных движений XIX–начала XX вв. Считая своим непосредственным предшественником и идейным вдохновителем Ю. Пилсудского, конфедерация заявляла об ориентации на христианскую католическую мораль и ценности западной цивилизации. КНП признавалась партией плюралистичной, объединяющей людей разного мировоззрения и политических взглядов, но связанной убежденностью, что «в настоящее время наиболее важной и срочной задачей является восстановление независимой Польши». Отрицая насильственные методы борьбы, программа ориентировала на открытую работу в пределах правового порядка ПНР³¹.

Что касается участия в главной легальной форме политической борьбы – частично свободных выборах, решение о проведении которых было принято на «круглом столе», конгресс КНП так и не принял окончательного решения, колебался между бойкотом и принятием участия. С одной стороны, утверждалось, что партия не может признать законности выборов, не являющихся в полной мере свободными, а с другой, участие в них рассматривалось как «форма политической борьбы с навязанной Польше системой... Использование возможностей, которые дают несвободные выборы, позволит перечеркнуть манипуляторские намерения властей и усилить нашу деятельность во имя независимости»³². В конечном итоге вопрос об участии в выборах конгресс передал на усмотрение председателя и политического совета партии. После долгих колебаний Мочульский решил участвовать в выборах отдельным списком, поскольку переговоры о размещении кандидатов КНП в списках «Солидарности» не принесли успеха.

Ситуация, в самом деле, была крайне неоднозначной. Во-первых, для КНП, отрицательно относившейся к соглашению

с коммунистами, участие в выборах могло означать фактическое признание договоренностей «круглого стола», а значит, оттолкнуть часть ее радикальных сторонников. Во-вторых, в столкновении гигантов, ПОРП и «Солидарности», когда голосование осуществлялось по принципу «за» или «против» системы, КНП могли просто не заметить. И в-третьих, конфедерация не хотела и не могла агитировать против кандидатов «Солидарности», как из-за заключенного соглашения о проведении между ними неконфронтационной кампании, так и вследствие наличия общего противника, которому споры в лагере оппозиции могли сыграть на руку. Поэтому, демонстрируя внешний оптимизм и утверждая, что КНП в состоянии получить не менее 20 мест в Сейме, Мочульский для себя полагал, что главной целью участия в выборах является создание националистической альтернативы «Солидарности», демонстрация того, что в лагере оппозиции имеются и иные силы³³. На состоявшихся 4 июня 1989 г. выборах КНП потерпела формальное поражение – все места в Сейме, отдававшиеся на свободное голосование, достались представителям «Солидарности». Однако парадоксальным образом проигранные выборы привели к росту политического значения конфедерации. Предвыборные баталии укрепили партийные структуры, в ее ряды влились многочисленные сторонники³⁴. В новую эпоху в истории Польши КНП входила второй после «Солидарности» оппозиционной силой, которую нельзя было сбрасывать со счетов.

Таким образом, на протяжении десяти лет существования конфедерация сознательно не пыталась конкретизировать свои идеологические установки. Уже в работе «Революция без революции» Мочульский в качестве главного принципа националистического течения оппозиционного движения назвал «деятельность без идеологии», взяв эту формулу у одного из соратников Пилсудского. Он объяснял: «Есть определенные ценности и создающие их действия, которые не нуждаются в какой-либо отдельной идеологии, поскольку они востребованы любой идеологической мотивацией... Сообщества и политические структуры, действующие из различных идейных побуждений, не могут обойти сверхидеологическую, сверхполитическую и общенародную цель, каковой является обретение свободы и независимости»³⁵. Впоследствии формулиров-

ка «деятельность без идеологии» вошла во все программные документы КНП, определяя организационные принципы построения партии как ассоциации групп или отдельных лиц, сохраняющих значительную долю идеологической обособленности. Обнародованная 1 сентября 1979 г. идейная декларация устанавливала, что конфедерация открыта для всех, кто признает ее самые общие принципы, прежде всего, стремление к независимости страны, а детали программных установок каждая группа вольна определять самостоятельно³⁶. Тем не менее, уместно предположить, что, намереваясь создать Третью Речь Посполитую, КНП должна была хотя бы в основных чертах представлять важнейшие параметры ее политического и экономического устройства. Далее на основании работ Мочульского и партийных документов мы попробуем реконструировать образ будущей Польши, каким его видела КНП.

Представление о *политической системе* будущей Третьей Речи Посполитой складывалось поэтапно. В «Революции без революции» Мочульский очень мало сказал о том, какой должна быть Польша после обретения независимости, сосредоточившись на анализе пути движения к свободе. Как уже отмечалось выше, он не принимал революционных, насильственных методов, поэтому надежды на разрушение авторитарной власти ПОРП связывал с развитием независимых структур гражданского общества, которые по мере своего становления смогут создать альтернативную режиму политическую систему, способную перенять власть у коммунистов. Намеченная Мочульским «конструктивная революция» должна была пройти через пять этапов. На первом в дезорганизованном и атомизированном обществе начинают возникать центры независимой политической мысли как очаги сопротивления властям. Они вырабатывают программы, формируют свою политическую идентичность, оказывают воздействие на общество путем публикации газет и журналов. По мнению Мочульского, польское общество рубежа 1970–1980-х гг. находится как раз на этой фазе движения к независимости. Следующий, второй, этап будет временем создания политической инфраструктуры. Небольшие раздробленные группы либо распадутся и сойдут со сцены, либо сольются в мощные и влиятельные организации, обладающие развитыми постоянными структура-

ми и четкой программой. В конце этой фазы оппозиционные группы перейдут в иное качественное состояние, преобразовавшись в партии или политические союзы. На третьем этапе формируется «польская политическая система». Оппозиционные партии вступают во все более тесное сотрудничество друг с другом: «Наверное, сначала произойдет координация действий против репрессий и организация помощи пострадавшим от них. Со временем начнут вызревать общие институты политического и квази-государственного характера. Например, это могут быть советы, координирующие начинания всех группировок на данной территории либо объединяющие усилия в одной области, такой, как развитие независимой системы образования». Формирование «польской политической системы» завершится, когда входящие в ее состав политические группировки создадут институты, дублирующие органы государственной власти ПНР. Четвертый этап – это период двоевластия, когда наряду с официальной властью будет явно и открыто действовать «польская политическая система». Последняя должна стремиться расширять свое влияние на общество. Сначала на локальных уровнях, участвуя в выборах местных органов власти в селах или рабочих советов на предприятиях, которые будут создаваться в конфликтных ситуациях, например, в ходе забастовок. Затем, расширяя получаемый от общества мандат доверия, оппозиция проведет своих представителей во все структуры власти, вплоть до общенационального уровня. К концу этапа деятельность независимых институтов охватит «все сферы общественной жизни Польши» и приведет к созданию своего рода квази-парламента. Завершит «конструктивную революцию» этап перехода власти. Мочульский не брался предсказать, каким именно образом это осуществится, считая возможными несколько вариантов: «Может быть, эта фаза начнется переходом административной власти в некоторых регионах страны. Не исключено, что сначала состоится переход руководства отдельными предприятиями в руки фабричных советов. В ходе более или менее длительного процесса (есть вероятность, что он будет протекать лавинообразно) верховную власть возьмут в свои руки институты, созданные польской политической системой. Тогда наступит провозглашение независимой Третьей Речи Посполитой, бу-

дет принята временная конституция и проведены всеобщие, прямые, равные, тайные и свободные выборы в Сейм и другие высшие органы государственной власти»³⁷.

Мочульский оговаривался, что показал в своей работе лишь идеальную модель, что реальность будет гораздо сложнее и наверняка внесет свои коррективы в представленную схему. Он предупреждал, что «конструктивная революция» будет разворачиваться «во все более ожесточенной борьбе с властями ПНР. Они будут стараться не допустить развития политических структур, используя различные методы ограничения политической деятельности, включая попытки включения ее в официальные структуры. Следует учитывать, что власти будут неоднократно применять насильственные методы. В ходе событий, когда материальная сила ПНР начнет рушиться и распадаться, возрастет угроза советской интервенции»³⁸. Однако думается, что Мочульский все же очень поверхностно подошел к вопросу о том, что оппозиции следует делать, в случае если ПОРП будет пытаться удержать свои позиции силой, подавляя репрессиями независимые политические инициативы. Фактически его рекомендации свелись к тому, что «следует стремиться к такому течению событий, которое будет в принципе избегать драматических поворотов, поскольку они могут спровоцировать непредвиденную реакцию властей ПНР и СССР». Но даже в случае применения репрессий Мочульский оптимистично утверждал, что «на практике удары властей ПНР могут привести только к уничтожению определенных фрагментов нарождающейся структуры, что станет важным фактором, стимулирующим ее развития как целого. Возможно уничтожение какой-то группы – невозможно удержание общественного процесса формирования независимых структур»³⁹.

В еще меньшей степени он затрагивал проблему недопущения вмешательства Советского Союза в процесс восстановления польской независимости, а ведь в существовавших тогда обстоятельствах СССР с очень большой долей вероятности постарался бы не допустить падения союзной ему коммунистической власти в ПНР. Складывается впечатление, что Мочульский просто не верил в такой вариант развития событий, полагая СССР не способным на применение силы, и пытался убедить в этом своих единомышленников. Во всяком случае,

единственное развернутое объяснение, почему он не считает возможной советскую интервенцию в течение ближайшего года-двух, заключалось в том, что Польша не имеет для СССР важного экономического значения. Это доказывалось тем фактом, что соединяющая Советский Союз и Западную Европу система трубопроводов оставляла Польшу в стороне, проходя через территории Чехословакии и Венгрии⁴⁰. Но даже если принять во внимание доводы Мочульского, все же следует отметить, что он совершенно не упомянул геополитический фактор, который в условиях холодной войны имел не менее, а скорее всего, более важное значение, чем фактор экономический.

Что же касается того, как автор «Революции без революции» представлял политическую систему Третьей Речи Посполитой, текст работы почти не дает указаний. Можно лишь отметить следующие ее черты. Во-первых, хотя Третья Речь Посполитая будет возведена на месте полностью разрушенного здания ПНР, она впитает в себя лучшие достижения предшественницы. Это касается как принципов организации общественной жизни, таких как социальная справедливость, так и материальных объектов наподобие Новой Хуты. Во-вторых, новая Польша будет демократическим государством, обеспечивающим соблюдение прав и свобод своих граждан. Особенно выделял Мочульский необходимость существования свободных СМИ. В-третьих, польская демократия будет опираться на прочный фундамент в виде низовых структур: крестьянских и профессиональных союзов, а также органов местного самоуправления. Наконец, значимую моральную и культурную роль в обществе продолжит играть католическая церковь – единственный общественный институт, сохранивший независимость от коммунистической власти. Однако Мочульский отказывал ей в политическом значении в Третьей Речи Посполитой, считая, что церковь не может быть «политической формацией»⁴¹.

Не слишком дополняет нарисованную в «Революции без революции» картину предвыборная платформа, с которой КНП попыталась принять участие в выборах марта 1980 г. Она ориентировалась на преобразования, которые можно осуществить «в международных и политических условиях ПНР», поэтому описывала, прежде всего, первоначальные реформы, которые только создадут фундамент будущей Третьей Речи

Посполитой. Таковыми КНП считала принятие временной конституции, на основании которой будет созван учредительный Сейм, задачей которого станет выработка постоянной конституции независимой Польши; обеспечение прав и свобод человека и возможности функционирования независимых социальных и политических институтов; уничтожение репрессивного аппарата и признание верховенства закона; проведение демократических выборов в органы местного самоуправления; реформа системы образования, в том числе предоставление ученикам возможности изучать в школах религию⁴². Таким образом, получалось, что независимая Польша должна стать демократическим правовым государством, а более конкретным формам политического устройства, по-видимому, предстояло определиться в процессе преобразований.

Можно предположить, что в это время КНП и сама не очень представляла подробности политической системы посткоммунистической Польши. Они вызрели позже, в период пребывания Мочульского в тюрьме и оформились в работу, опубликованную весной 1984 г. под названием «Третья Речь Посполитая». Ее автор позже рассказывал, что продумал основные тезисы еще в начале 1981 г. и впоследствии неоднократно обсуждал их со своими товарищами, осужденными по первому процессу КНП. Втайне от охраны текст удалось изложить на бумаге и переправить на волю, где он был издан в виде брошюры небольшим тиражом. Хотя впоследствии работа несколько раз переиздавалась, в том числе в 1990-е гг., полную ее версию в университетских библиотеках Варшавы и Познани, где проводились исследования, найти не удалось. Поэтому придется ограничиться анализом фрагментов, размещенных на сайте Forum Polonus⁴³.

«Третья Речь Посполитая» начинается с развернутого историко-философского очерка, посвященного описанию конституционного опыта, существующего в мире в целом и в Польше в частности. Автор, считающий себя последователем идей Пилсудского, на удивление мало обращается к традициям межвоенной Польши, а если и говорит о них, то в критических тонах. Скорее ему импонирует устройство Первой Речи Посполитой XVI–XVIII вв., хотя он прекрасно осознает, что в современном мире из него можно взять лишь отдельные элемен-

ты, причем существенно их модернизировав. Общий вывод Мочульского неутешителен: в Польше нет институтов, олицетворяющих демократические традиции, поэтому их придется создавать заново. Более того, еще никогда в истории страны не удавалось найти оптимального соотношения гражданских свобод и прочности государственных институтов, способных эти свободы отстаивать: «проблема, сколько должно быть в Польше свободы, чтобы не впасть в анархию, и сколько власти, чтобы не утратить свободу, ждет разрешения половину нашей истории»⁴⁴. Поэтому излагаемый Мочульским проект конституционного устройства Третьей Речи Посполитой не является ни переработкой прежних польских конституций, ни экспортом уже готового варианта с Запада, который не может соответствовать национальным традициям. Это искусственно созданный проект, в котором автор пытался соединить лучшее из отечественного и зарубежного опыта, неминуемо привнеся в него отпечаток своей индивидуальности.

По мнению Мочульского, выразителем суверенитета польского народа будет Сейм, объединяющий в своем составе президента, сенат и палату депутатов. Ему принадлежит одновременно и исполнительная, и законодательная власть, хотя она и распределяется между разными составными частями Сейма. Таким оригинальным решением лидер КНП пытался достичь сразу нескольких целей: обратиться к традициям государственного устройства Первой Речи Посполитой, закрепить всю силу доверия народа за одним институтом и, главное, избежать недостатков системы разделения властей, когда одна из ветвей власти получает приоритет над другой. Правда, в чем заключается принципиальное отличие разделения власти между разными органами и различными подразделениями одного института, Мочульский не объяснял. В остальном его схема не претендовала на новизну: президент возглавляет исполнительную власть, палата депутатов принимает законы, а сенат «осуществляет надзор за исполнительной властью и непосредственно участвует в формировании политики государства». Систему управления страной дополняют судебная власть, органы местного самоуправления и органы, управляющие государственным сектором экономики. Они действуют в рамках принимаемых Сеймом законов, но сохраняют независимость от него⁴⁵.

Органы государственной власти и местного самоуправления избираются демократическим путем посредством всеобщих, равных и свободных выборов. Президент, сенаторы и судьи избираются на 6 лет, депутаты всех уровней и главы местных органов власти – на 4 года. Помимо выборов конституция, по мнению Мочульского, должна также предусматривать возможность проведения референдумов⁴⁶.

Характеризуя полномочия высших государственных органов, лидер КНП отмечал, что конституционная роль президента не должна зависеть от персональных черт конкретного человека, занимающего этот пост, впрочем, не поясняя детально, как этого добиться. Президент представляет страну за рубежом, подписывает законы, которые после этого вступают в силу, а также руководит правительством, членов которого назначает и смещает собственным решением. Мочульский предлагал ограничить состав правительства семью министрами, должностям которых он давал названия, восходящие к традициям Первой Речи Посполитой: канцлер (премьер-министр), координирующий деятельность министерств, маршал (министр внутренних дел), гетман (министр обороны), куратор (образование, наука, культура), подскарбий (министр экономики) и т.д. Помимо президента, правительство подотчетно сенату, который осуществляет текущий контроль за его деятельностью и может объявить вотум недоверия 2/3 голосов. Сенат также одобряет законы и ратифицирует международные договоры Третьей Речи Посполитой⁴⁷. Из сказанного видно, что новая Польша представлялась Мочульскому по форме правления ближе к президентской республике. Он, в первую очередь, стремился не допустить превалирования законодательной власти над исполнительной и значительно меньше внимания уделял проблеме ограничения полномочий президента. Здесь, скорее всего, сыграли роль убеждения Мочульского о падении Первой Речи Посполитой из-за недостаточно сильной власти, наследие идей Пилсудского, не слишком жаловавшего парламентскую демократию, и влияние американской и французской конституций, дающих большие полномочия президенту.

Основные положения «Третьей Речи Посполитой» вошли впоследствии в программу КНП, принятую III конгрессом в

марте 1989 г. Программа, правда, содержала две важные оговорки. Во-первых, целью деятельности КНП провозглашалось обретение независимости, что можно трактовать как отказ от участия в политической борьбе после достижения этой цели, в том числе и в определении конкретных форм государственного устройства новой Польши. Во-вторых, заявлялось, что социально-политический и экономический строй Третьей Речи Посполитой зависит исключительно от воли ее граждан, не должен определяться какими-либо идеологическими установками или навязываться политическими силами⁴⁸. Поэтому решающее слово оставлялось за учредительным Сеймом, которому следовало принять новую конституцию страны. Содержавшиеся в программе тезисы относительно будущей конституции предлагалось рассматривать лишь как пожелания КНП. Они были, в сущности, весьма немногочисленны. Речь Посполитая должна стать свободным демократическим государством, в котором полностью соблюдаются права человека и отсутствует какая-либо дискриминация. Верховная власть будет принадлежать Сейму в том смысле, который вкладывал в это понятие Мочульский, т.е. как органу, объединяющему президента, сенат и палату депутатов. Наконец, сферу компетенции государства следует ограничить развитой сетью органов местного самоуправления, независимых и имеющих собственные источники финансирования⁴⁹.

Подводя итог анализу представлений КНП о политической системе будущей Третьей Речи Посполитой, можно заключить, что официальные партийные документы вплоть до падения коммунистического режима не давали развернутого ответа на вопрос, каким будет государственное устройство новой Польши. Это связано, прежде всего, с организацией КНП как федерации различных политических групп, сохраняющих идеологическую самостоятельность и объединенных вокруг идеи независимости Польши. В то же время лидер партии Лешек Мочульский в своих работах показал детальную картину того, каким образом произойдет становление Третьей Речи Посполитой и каковы будут основные принципы ее политической системы. Правда, в обоих случаях его прогноз не сбылся. Падение коммунистического режима произошло не в результате «конструктивной революции», а вследствие соглашения уме-

ренной оппозиции и реформаторских кругов ПОРП, которое всегда категорически осуждалось КНП. Третья Речь Посполитая действительно пошла по пути создания демократической государственности, в которой будут в полной мере гарантироваться права человека. Однако конкретные черты ее политического устройства имеют немного общего с той системой, которую представлял Мочульский в 1980-е гг.

Поскольку достижение конечной цели КНП – обретение Польшей подлинной независимости – неизбежно затрагивало отношение страны с другими государствами, приобретая тем самым международный аспект, конфедерация, говоря о будущей Третьей Речи Посполитой, не могла не затронуть тему ее *внешней политики*. Ведь даже добившись свободы, необходимо было ее уметь защитить, а это, как показывала история Польши, отнюдь не всегда удавалось. Поэтому предстояло не только решить вопрос о выходе из зависимости от Советского Союза, но и о поиске в будущем механизмов обеспечения национальной безопасности страны.

Прежде всего, необходимо согласиться с мнением польского историка П. Вежбицкого, который утверждал, что КНП была партией антикоммунистической, но не антироссийской, приводя в доказательство высказывание газеты «*Niepodległość*»: «Сегодня у нас имеется один враг – большевистская Россия, но не русский народ или его внутреннее устройство»⁵⁰. Действительно, на протяжении десяти лет Мочульским и его товарищами было сказано немало гневных слов в адрес Советского Союза, лишившего Польшу государственной самостоятельности. Но после обретения независимости с ним надлежало выстраивать нормальные добрососедские отношения двух равноправных государств. В предвыборной платформе 1980 г., где КНП впервые представила свои взгляды на проблемы внешней политики, даже не ставился вопрос о немедленном разрыве Польши со структурами социалистического лагеря. Конфедерация высказывалась лишь за ревизию договоров с СССР и «принципов вхождения Польши в ОВД и СЭВ». Но она не отрицала возможность дальнейшего нахождения страны в этих структурах при условии, что государства-члены ОВД будут оказывать взаимопомощь в случае неспровоцированной агрессии и не станут вмешиваться во внутренние дела друг друга.

Последнее должно повлечь автоматический выход Польши из пакта. Условием вхождения в СЭВ назывался приоритет национальных интересов отдельных государств над интересами всего сообщества с соответствующим пересмотром заключенных соглашений⁵¹. КНП считала, что вхождение в ОВД и СЭВ не должно препятствовать развитию контактов Польши с ведущими мировыми державами, а также их союзами, в том числе с НАТО. При этом Польша могла бы «оказывать добрые услуги в отношениях между противостоящими блоками». Она должна поддерживать дружественные взаимосвязи со всеми своими соседями, и прежде всего с Германией, за которой следует безоговорочно признать право на объединение. Однако и Германии нужно будет взять на себя обязательства по ограничению вооружений и признать существующие границы, в том числе границу по Одере-Нейсе. Польша должна также стремиться к предотвращению любых актов агрессии и урегулированию международных конфликтов⁵².

В позднейших документах КНП вплоть до падения в Польше коммунистического режима стратегия развития отношений с СССР или странами Запада не получила дальнейшей разработки, зато появилась концепция, уходящая корнями в политическую мысль Пилсудского – идея Междуморья⁵³. По всей видимости, впервые само слово «междуморье» Мочульский использовал в 1984 г. в работе «Три горизонта», где прозвучала мысль о своего рода мессианстве Польши, которая выступит авангардом в освобождении от коммунизма всей Восточной Европы: «Независимая Речь Посполитая... должна исполнить важную международную роль. Со временем она должна стать не только примером, но и катализатором, а также главным фактором, интегрирующим действия других независимых народов нашей части Европы, определяемой часто названием Междуморья. А значит, мы стремимся не только к независимому государству свободных людей, но к великой Речи Посполитой – великой своей национальной и политической ролью»⁵⁴.

А в качестве самостоятельной проблемы концепция Междуморья появилась в программе КНП 1989 г., где давалась развернутая трактовка этого понятия. В документе отмечалось, что государства Междуморья, то есть страны, расположенные между Россией, Германией, Балтийским и Адриатическим мо-

рями, представляют собой «наибольший из оставшихся в мире анклавов несвободных народов». Однако целый ряд стран уже встали на путь борьбы за свободу. Она не будет легкой и не завершится одномоментно, но в сложившихся в мире условиях уже в течение ближайших лет принесет успех, в результате чего произойдет «политическая реорганизация всего Междуморья». Все говорит о том, что первой добьется независимости Польша, и это будет иметь огромное значение «для всего процесса политической эмансипации Междуморья и его дальнейшей политической реорганизации», поскольку именно Польша «определит направление перемен во всей Центрально-Восточной Европе». Но обретение свободы – только половина дела, так как геополитическое положение Междуморья трудно назвать благоприятным: «Центрально-Восточная Европа все еще будет находиться между двумя превосходящими ее территориально, демографически, экономически и в военном отношении потенциалами, а именно СССР (хотя бы и уменьшенного до одной России) и Западной Европы. Это определяет необходимость интегрирования усилий отдельных народов Междуморья и создания ими одной или нескольких систем взаимопомощи. Каждый народ примет свободное решение, в какой степени он захочет развивать взаимное сотрудничество и какие формы ему придать – соглашения двустороннего, многостороннего, союза, интеграции некоторых функций (оборонных, экономических), федерации, союза. Интеграционная формула будущей политической системы Междуморья является обязательной с точки зрения процессов объединения всей Европы и должна рассматриваться как ее начальная, но необходимая фаза»⁵⁵. Добавим, что в качестве членов Междуморья КНП рассматривала не только восточноевропейские государства, но и советские республики – Украину, Белоруссию, Литву, Латвию и Эстонию, которым еще только предстояло создать свою государственность. Польша должна была оказать содействие их устремлениям к независимости⁵⁶.

В 1990-е гг. КНП продолжала отстаивать концепцию Междуморья, развивая ее в партийных документах и периодической печати. Однако она так и осталась чисто умозрительной теорией, находясь далеко на периферии реальной внешней политики страны. Пришедшие к власти выходцы из «Солидарнос-

ти» видели главной задачей интеграцию в евроатлантические структуры, выполнение которой обещало Польше и обеспечение безопасности, и решение экономических проблем. Так же рассуждали и элиты соседних стран, не желавшие подменять вхождение в организации Запада польским доминированием, неизбежным в случае их объединения в Междуморье. Поэтому идея союза восточноевропейских стран оказалась непривлекательной ни как самоцель, ни как ступенька на пути к созданию единой Европы.

И в завершение несколько слов о том, как сложилась судьба КНП после падения в Польше коммунистического режима. Конечно, партия не прекратила существования, посчитав с провозглашением Третьей Речи Посполитой свою цель достигнутой, но так по-настоящему и не сумела обрести место в новой исторической реальности. На рубеже 1980–1990-х гг. КНП удалось получить довольно весомую общественную поддержку. Ее влияние ощущалось в уличных протестах и манифестациях, на которых раздавались требования предоставления независимости республикам бывшего СССР, вывода из Польши частей советской армии, национализации имущества ПОРП и т.д. Но наивысшим взлетом партии стали парламентские выборы 1991 г., когда она собрала более 11 % голосов избирателей, что стало третьим результатом среди более чем 100 партий и групп, принявших участие в кампании. Это было меньше ожидаемого накануне выборов, когда партия обещала получить сто мандатов и использовала в своих листовках лозунги типа «Время КНП», «осталась только КНП», но дало ей возможность занять в Сейме 46 депутатских мест⁵⁷. Тем не менее, КНП не вошла в состав правительственной коалиции, да и в целом продемонстрировала крайне низкий потенциал сотрудничества с другими политическими силами, которых отталкивал в конфедерации ее радикализм и порой просто скандальные выходки. Так, бурю эмоций в стране вызвало выступление Мочульского с трибуны Сейма 1 февраля 1992 г., в котором он расшифровал аббревиатуру ПОРП как «платные предатели, холуи России» (польск. PZPR – płatni zdrajcy, rachołki Rosji). К выборам 1993 г. оказалось, что лозунги партии устаревают, а обращение к политическим реалиям времен Пилсудского не способствует разрешению современных проблем. Избиратель

начал утрачивать интерес к КНП, которой удалось получить в этот раз 4,8 % голосов и 22 места в Сейме⁵⁸. В марте 1996 г. партия пережила очередной раскол, когда после неудачной попытки сместить Мочульского с поста председателя из нее вышла группа сторонников Адама Сломки, вскоре создавших альтернативную «Конфедерацию независимой Польши – Патриотический лагерь». В итоге в выборах 1997 г. КНП уже не участвовала самостоятельно, а включила своих кандидатов в списки «Избирательной акции Солидарность» – широкой коалиции правых и правоцентристских сил. Благодаря этому в Сейм вошли 4 ее представителя⁵⁹. В 2001 г. даже в составе коалиции кандидаты КНП в Сейм не попали, и партия фактически прекратила свою деятельность, вследствие чего в 2003 г. была вычеркнута из списка политических партий. В 2007 г. партия под названием «Конфедерация независимой Польши» вновь была зарегистрирована, Мочульский получил пост ее почетного председателя. Никакого заметного влияния на политическую жизнь Польши она не оказывает⁶⁰. Однако память о КНП как о символе борьбы с коммунистическим режимом и стремления к независимости по-прежнему занимает видное место в общественном сознании поляков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Центра польско–русского диалога и согласия.

² В.В. Волобуев называет данные течения социал–демократическим (левым, левым демократическим) и национально–патриотическим. См.: Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М., 2009. С. 204 и далее. Но если в отношении первого течения ни один из предложенных эпитетов не вызывает возражений, то со вторым дело обстоит сложнее. Дело в том, что в польской политической традиции понятие «националистический» ассоциируется прежде всего с национальной демократией Р. Дмовского. Однако представители рассматриваемого течения считали себя наследниками, как будет показано далее, политического противника Дмовского Ю. Пилсудского. Поэтому было бы наиболее точно определять их дословным переводом с польского как «независимцев», но по–русски звучит это слишком коряво.

³ Dudek A. Leszek Moczulski // Opozycja w PRL. Słownik biograficzny. 1959–1989. Red. J. Skórzyński, P. Sowiński, M. Strasz. T. I. W–wa, 2000. S. 243.

⁴ Waligóra G., Wołk G. *Konfederacja Polski Niepodległej. 1979–1990* // NSZZ «Solidarność». 1980–1989. – Т. 7. *Wokół «Solidarności»*. Pod red. Ł. Kamińskiego i G. Waligóry. W–wa, 2010. S. 389.

⁵ Leszek Moczulski: *W ROPCio działaliśmy wg planu „góry lodowej”* // Dzieje.pl. Portal historyczny. 26.03.2012. – (<http://dzieje.pl/aktualnosci/leszek-moczulski-w-ropcio-dzialalismy-wg-planu-gory-lodowej-0>). (Последнее обращение 24.10.2013).

⁶ Цит. по: Dudek A., Gawlikowski M. Leszek Moczulski. *Bez wahania*. Kraków, 1993. S. 116.

⁷ Ibid. S. 117.

⁸ См.: Ibid. S. 119–121.

⁹ Borowiec W. *Powstanie Konfederacji Polski Niepodległej*. – S. 4 // Kpn.org.pl. Oficjalna strona Konfederacji Polski Niepodległej. (<http://www.kpn.org.pl/page/Publicystyka/Publicystyka.htm>). (Последнее обращение 25.10.2013).

¹⁰ Ibid. S. 5.

¹¹ Moczulski L. *Rewolucja bez rewolucji*. B.m., 1979. Доступно на сайте <http://www.kpn.org.pl/page/Publicystyka/Publicystyka.htm>. К слову, книга вполне могла бы стать и официальной программой партии, но этому воспротивился сам автор, чтобы не создавать ассоциации с ПОРП, в которой выступления первого секретаря автоматически получали статус программного документа.

¹² Изложено по пересказу Мочульского. Ibid. S. 6–7, 21–23.

¹³ Ibid. S. 28.

¹⁴ Ibid. S. 35–36.

¹⁵ Waligóra G., Wołk G. *Op. cit.* S. 392–395.

¹⁶ Dudek A., Gawlikowski M. *Op. cit.* S. 132.

¹⁷ Опубликовано в: *Platforma wyborcza Konfederacji Polski Niepodległej*. Luty 1980 r. // *Konfederacja Polski Niepodległej w Krakowie w latach 1979–1990. Wybór dokumentów. Wybór, wstęp i opracowanie* M. Kasprzycki. Kraków, 2009. S. 63–72.

¹⁸ Waligóra G. *Konfederacja Polski Niepodległej. 1979–1989* // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2009. № 12. S. 104–105.

¹⁹ Подробнее о ходе процесса над Мочульским и его соратниками см.: Borowiec W. *Pierwszy proces przywódców Konfederacji Polski Niepodległej*. // Kpn.org.pl. Oficjalna strona Konfederacji Polski Niepodległej. (<http://www.kpn.org.pl/page/Publicystyka/Publicystyka.htm>). (Последнее обращение 25.10.2013).

²⁰ Цит. по: Dudek A., Gawlikowski M. *Op. cit.* S. 171.

²¹ Подробнее об образовании, программных установках и деятельности Польской партии независимости можно прочитать в: Wołk G. *Polska Partia Niepodległościowa* // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2009. № 12. S. 107–111; Szeremietiew R. *Polska Partia*

Niepodległościowa // Prawica Polska. Pismo społeczno–polityczne. (<http://www.prawicapolska.pl/pp/24/240809.shtml>). (Последнее обращение 26.10.2013).

²² Moczulski L. Trzy horyzonty // Forum Polonus. (<http://www.polonus.mojeforum.net/viewtopic.php?t=301>). (Последнее обращение 26.10.2013).

²³ Waligóra G., Wołk G. Op. cit. S. 409–410.

²⁴ Ibid. S. 412, 414.

²⁵ Moczulski L. Krajobraz przed bitwą // Forum Polonus. – (<http://www.polonus.mojeforum.net/viewtopic.php?t=299>). (Последнее обращение 26.10.2013).

²⁶ Rezolucja w sprawie integracji opozycji. 7 marca 1987 r. // Archiwum Instytutu Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk (далее – AISP PAN). Teczka KPN 1987–1993. S. 50–52.

²⁷ Waligóra G., Wołk G. Op. cit. S. 419.

²⁸ Ibid. S. 418–419.

²⁹ Rezolucja w sprawie porozumienia z władzami PRL. 10 sierpnia 1988 r. // AISP PAN. Teczka KPN 1987–1993. S. 39–42.

³⁰ Program Konfederacji Polski Niepodległej, uchwalony przez III kongres KPN. Warszawa–Kraków, 4 luty–4 marzec 1989 r. // Ibid. S. 57–93.

³¹ Ibid. S. 57–60.

³² Ibid. S. 70.

³³ Dudek A., Gawlikowski M. Op. cit. S. 199.

³⁴ Wołk G. Konfederacja Polski Niepodległej wobec wydarzeń 1989 roku // Konfederacja Polski Niepodległej na drodze do wolności. Pod red. M. Wenklara. Kraków, 2011. S. 75.

³⁵ Moczulski L. Rewolucja bez rewolucji... S. 49.

³⁶ Deklaracja ideowa Konfederacji Polski Niepodległej // Związek Konfederatów Polski Niepodległej 1979–89. – (http://kpn1979-89.pl/files/dok_prog_kpn.pdf). (Последнее обращение 28.10.2013).

³⁷ Moczulski L. Rewolucja bez rewolucji... S. 38–40.

³⁸ Ibid. S. 41.

³⁹ Ibid. S. 57.

⁴⁰ Ibid. S. 12–13.

⁴¹ Ibid. S. 36–37, 50.

⁴² Platforma wyborcza Konfederacji Polski Niepodległej. Luty 1980 r. S. 64–65, 68.

⁴³ Moczulski L. Trzecia Rzeczpospolita // Forum Polonus. (<http://www.polonus.mojeforum.net/viewtopic.php?t=680>). (Последнее обращение 1.11.2013).

⁴⁴ Ibid. Rozdziały 1–10.

⁴⁵ Ibid. Rozdział 16.

⁴⁶ Ibid. Rozdział 17.

⁴⁷ Ibid. Rozdziały 18–20.

⁴⁸ Program Konfederacji Polski Niepodległej, uchwalony przez III kongres KPN... S. 61–62.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Wierzbicki P. Konfederacja Polski Niepodległej – model opozycyjności // Konfederacja Polski Niepodległej na drodze do wolności... S. 17.

⁵¹ Platforma wyborcza Konfederacji Polski Niepodległej. Luty 1980 r. S. 66.

⁵² Ibid. S. 66–67.

⁵³ Идеи Междуморья в политической мысли Пилсудского и его окружения подробнейшим образом исследованы в книге: Okulewicz P. Konsercja «międzymorza» w myśli i praktyce politycznej obozu Józefa Piłsudskiego w latach 1918–1926. Poznań, 2001. 419 S.

⁵⁴ Moczulski L. Trzy horyzonty...

⁵⁵ Program Konfederacji Polski Niepodległej, uchwalony przez III kongres KPN... S. 66–67.

⁵⁶ Ibid. S. 85.

⁵⁷ Chwalba A. III Rzeczpospolita. Raport specjalny. Kraków, 2005. S. 44–45.

⁵⁸ Polityka w Polsce w latach 90. Wybrane problemy. Pod red. A. Antoszewskiego i R. Herbuta. Wrocław, 1998. S. 129–130.

⁵⁹ Partie i koalicje polityczne III Rzeczypospolitej. Pod red. K. Paszkiewicz. Wrocław, 2004. S. 36–37.

⁶⁰ Подробнее о деятельности КНП после 1989 г. см.: Wenklar M. Konfederacja Polski Niepodległej w III Rzeczypospolitej // Konfederacja Polski Niepodległej na drodze do wolności... S. 83–98.

Е. Эйслер (Польша)

Общественно-политические концепции участников «Солидарности» в 1980–1989 гг.

Автор затрагивает вопрос восприятия участниками общественно-политического кризиса 1980–1981 гг. независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность», а также его места в истории движений и идеологий XX в. Анализируются факторы гражданского конфликта в Польше в 1980-е гг., роль «Солидарности» в распаде советского блока и крушении социалистического строя.

Ключевые слова: Польша, «Солидарность», социализм, кризис, демократия, либерализация, ненасильственная борьба, альтернативная политическая элита.

Известно выражение, что у победы много отцов, зато поражение – всегда сирота. И чем более впечатляюща победа, тем больше людей пытаются отождествить себя с ней. Успех тем важнее, чем он неожиданнее. В Польше в XX в. такое чудо случилось дважды, т.е. дважды произошло событие, которого никто не предвидел. Я имею в виду 1918 и 1989 гг. И хотя эти даты разделяет мировоззренческая пропасть, их объединяет неожиданность, а также неясность, чья роль оказалась весомее. Другими словами, спор идет о том, чьим действиям и концепциям Польша обязана независимостью в 1918 г. и в 1989 г.

Понятно, что те или иные политические деятели склонны приписывать себе главную роль и выпячивать лишь один из факторов. Зато исследователи давно считают банальностью утверждение, что в истории почти ничего не происходит по одной-единственной причине. Мы стараемся вычленять все разнообразие политических, общественных, экономических

и культурных процессов. Ученым ясно, что вышеупомянутое чудо независимости в 1989 г. произошло потому, что удачно совпало множество обстоятельств. Ради этого чуда старались миллионы людей (известных и неизвестных): романтиков и реалистов, эмигрантов и жителей своей страны, упрямых оппозиционеров и реформаторов из Польской объединенной рабочей партии (ПОРП), представителей элит и широких масс.

Разумеется, ничего бы не произошло, если бы не исключительно благоприятная международная обстановка. Но и здесь можно спорить, кто сыграл большую роль: римский папа Иоанн Павел II с его антитоталитарными призывами, американский президент Рональд Рейган с идеей звездных войн, заставившей Советский Союз вступить в непосильную для него гонку вооружений, или генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев с его перестройкой, которая – вольно или невольно – привела к ослаблению СССР и распаду «внешней империи». Впрочем, главной заслугой последнего является то, что он удержался от вооруженного вмешательства в процесс перемен в странах-сателлитах, хотя вполне мог вмешаться. И когда в 1990 г. Горбачев получил Нобелевскую премию мира, многие утверждали, что впервые она досталась человеку не за его действия, а за бездействие. Бывший канцлер ФРГ Вилли Брандт так прокомментировал советскую санкцию на перемены в Центральной и Восточной Европе, и на объединение двух немецких государств: «Брежнев в этой ситуации послал бы танки».

Любопытно, однако, что аналитики крайне редко пытаются учесть все эти факторы. Например, в Польше нечасто принимают во внимание позицию Горбачева и последствия перестройки, а среди левых французских интеллектуалов обычным считается игнорирование «реакционера» Рейгана с его антикоммунистической концепцией новой фазы гонки вооружений. Я напоминаю об этих общеизвестных фактах, дабы показать, насколько сложна данная проблематика, а заодно оправдаться, что в соответствии с названием моего текста сосредоточусь лишь на одном факторе, а именно – на роли, какую в изменениях сыграла «Солидарность».

В 1989 г. поочередно, словно костяшки домино, падали диктатуры в Польше, Венгрии, ГДР, Чехословакии, Болгарии

и Румынии. Этому процессу сопутствовало своеобразное соперничество государств за лидерство в переменмах. Дух соперничества хорошо передавал популярный осенью 1989 г. лозунг: «Польша – 10 лет, Венгрия – 10 месяцев, ГДР – 10 недель, Чехословакия – 10 дней». Он не только символизировал происходившие тогда перемены, но и отдавал дань решимости чехов и словаков, которые в течение десяти дней достигли того, к чему другие шли годами, месяцами или хотя бы неделями. В то же время в этом лозунге содержался посыл, тогда очевидный для всех, а ныне уже признаваемый не столь единодушно: о лидерстве Польши и ее пусть не решающей, но немаловажной роли в происходивших изменениях. Сегодня, когда мы все чаще слышим, будто не движение «Солидарность», а разрушение Берлинской стены вызвало к жизни все эти перемены, следует все время напоминать о значении польских событий в данном процессе: речь тут не о заслугах, а об исторической правде.

Начать следует с провокационного вопроса: действительно ли «Солидарность» сыграла в этих событиях столь большую роль, и если да, то в чем эта роль заключалась? Чем вообще была «Солидарность» в 1980-х гг.? Уж точно не заурядным профсоюзом – с этим согласны все. Следует также задаться вопросом, в какой мере случившееся в Польше явилось следствием намерений и действий руководства «Солидарности», а в какой стало результатом стихийных событий? Напрашивается также вопрос о том, какие идеи и взгляды питали лидеров «Солидарности», к каким традициям и ценностям они обращались? Список вопросов можно было бы (и следовало) значительно расширить, но уже и эти заставляют меня опасаться, смогу ли я охватить их в столь кратком тексте. Думаю, я сумею лишь обозначить проблему и сформулировать исследовательские задачи.

Проблема начинается на уровне понятий. Уже много лет мы не можем определиться, чем было движение «Солидарность». Чаще всего можно услышать, что это было общественное явление, на пике развития вобравшее в себя более девяти с половиной миллионов человек. Движение это выступало под патриотическими лозунгами и требовало свободы, равенства, подлинной социальной справедливости. Оно стремилось к демократизации и либерализации системы мирным путем, но не к ее низвержению. Иногда можно услышать, что это была

бескровная революция (если не считать нескольких десятков жертв военного положения), растянутая почти на 10 лет, а порой речь шла даже о национальном восстании.

Последнее определение отбросим – оно не передает сути движения, т.к. восстание означает вооруженную борьбу, пусть и в виде партизанской войны (которую противники часто называют терактами). Нельзя забывать, что многие деятели «Солидарности» по сей день горды тем, что движение всегда придерживалось рамок ненасильственной борьбы.

Стоит задуматься, имела ли место в 1980-е гг. в Польше революция. Ответ на этот вопрос зависит от политических взглядов. Для немалой части бывших представителей той власти настоящая революция была в 1944–1945 гг., а «Солидарность» представляла собой контрреволюцию. Следовательно, надо определиться, что такое революция. У меня нет возможности приводить здесь разнообразные определения этого понятия. Достаточно сказать, что в данном тексте под революцией понимается сжатый по времени общественно-экономический и политический переворот (необязательно – кровавый), в результате которого к власти приходят новые политические силы, считавшиеся ранее незаконными либо действовавшие на обочине прежнего истеблишмента. Следствием политической революции обычно является общественная, экономическая и культурная революция.

В пропаганде времен ПНР слово «революция» носило однозначно позитивный оттенок. В качестве классических примеров революции чаще всего приводились Французская (как образец буржуазной) и Октябрьская в России (как образец пролетарской или социалистической). Однако восприятие данного слова в обществе уже не было таким позитивным. Для многих людей (необязательно из бывших «имущих классов») революция отождествлялась с преступлениями, уничтожением культурного достояния поколений, убийствами или репрессированием целых общественных групп, ограблением богатых, чему обычно сопутствовало выдвижение лиц, напроочь лишенных высоких устремлений и элементарной культуры, зато жаждущих крови и мести.

Укреплению негативного восприятия революции могли способствовать картины кровавых переворотов в Третью

ем Мира, которыми полнились СМИ и специальная литература. Люди видели, что место правых, прозападных диктатур занимают новые режимы, сплошь и рядом подстраивающие под свои нужды марксизм, а во внешней политике ориентированные на Советский Союз или Китай. Достаточно часто эти новые диктатуры оказывались еще более жестокими, чем прежние. Наиболее яркими примерами являются тут Куба, Никарагуа, Эфиопия или Камбоджа. А если даже эти революции и не являлись коммунистическими (как в Иране), их образ также не добавлял оптимизма.

Ничего удивительного, что в Польше неохотно прибегают к понятию «революция» при описании событий 1980-х гг. Созная это, Тимоти Гартон Эш придумал удачный термин «революция»: заменив «в» на «ф», он лишил данное слово остроты и выразительности; выбил, так сказать, зубы революции.

Независимо от нашего отношения к понятию «революция», следует подчеркнуть, что в Польше произошли фундаментальные политические изменения. Силы, находившиеся у власти, были частично (вовсе не целиком!) отстранены от управления и в значительной мере утратили прежнее влияние. Политической трансформации сопутствовали еще более глубокие экономические и общественные изменения. Поэтому следует согласиться с теми исследователями, кто говорит, что мы тогда имели дело с революцией, главной движущей силой которой, независимо от иных факторов, была «Солидарность». Более того, я склонен поддержать мнение, что началась эта революция летом 1980 г. и растянулась по времени почти на всю декаду.

Если этот взгляд верен, то необходимо задаться вопросом, чем именно являлась «Солидарность» и в чем выражалась ее революционность. Прежде всего, следует напомнить, что она была чем-то совершенно новым и необычным в истории стран, управляемых коммунистами. Да и в мировом масштабе это был совершенно иной феномен, нежели очередной профсоюз. Конечно, не случайно слово «solidarność» как определение этого движения вошло в лексикон многих языков в своем польском написании, наравне с английским «solidarity», французским «solidarité», немецким «Solidarität» и т.д. «Солидарность» стала первой в истории реального социализма оппозиционной, массовой, легальной и открытой организаци-

ей, действующей независимо от партийно-государственных властей. Ни одно объединение в истории Польши не могло похвастаться тем, что в нем состояло одновременно чуть ли не 10 млн. членов. Более того, «Солидарность» практически сразу превратилась в то, чем с 1956 г. или, по крайней мере, с 1970 г. хотела стать ПОРП – масштабным внеклассовым общественным движением.

Однако не число участников говорит об исключительности «Солидарности». Если она стала так знаменита и привлекала к себе внимание всего мира, то, прежде всего, потому, что это было огромное демократическое движение в диктаторском государстве. Немаловажное значение имел отказ от насилия со стороны деятелей «Солидарности» и последовательное соблюдение этого принципа даже после введения военного положения. Этим она отличалась от разнообразных движений, которые во имя правильных с их точки зрения лозунгов не останавливались перед самыми жестокими средствами. Избегание насилия в стране, известной своими повстанческо-заговорщицкими традициями, граничит с чудом, которое нельзя объяснить только боязнью советской интервенции. Видимо, большое значение здесь имели воспоминания о войне и оккупации, еще вполне живые у 30 % населения страны. Вероятно, для многих поляков имела вес и умеренная позиция католической церкви, особенно римского папы Иоанна Павла II.

Множество людей, особенно за границей, привлекал синтез левой (социал-демократической) и правой (патриотической) мысли в «Солидарности». Почти любой человек, кроме, наверное, коммунистов, мог найти в этом движении что-то свое. Как следствие, после введения военного положения другом «Солидарности» мог считать себя и консервативный президент Соединенных Штатов Р. Рейган, и социалистический президент Франции Ф. Миттеран. «Солидарность» поддерживали как левые, так и правые. Первые видели в ней мощное движение с преобладанием рабочего класса. В «Солидарности» импониروвали лозунги социальной справедливости и стремление защитить свободу личности в недемократическом государстве. Вторые же полагали «Солидарность» фактором «консервативной революции», осуществляемой под патронажем костела во имя христианских и национальных ценностей, а также во имя

семьи. Как левых, так и правых часто привлекал сам антикоммунизм лидеров «Солидарности», в то время как правительства западных стран – тот факт, что она ослабляла монолитность «социалистического сообщества» и умножала трудности Советского Союза. Объективно «Солидарность» была союзницей Запада в «холодной войне». Неудивительно, что она вызывала столько любопытства. Этому могла способствовать и личность профсоюзного вожака Леха Валенсы с его поразительной карьерой. История человечества и впрямь знает не много примеров столь молниеносного восхождения.

Всего за несколько лет Валенса прошел путь от простого электрика в Гданьской верфи до харизматичного предводителя забастовки, лидера огромного массового движения, лауреата Нобелевской премии мира и, наконец, президента Польши. Следовательно, для многих он мог бы быть воплощением американской мечты – расхожего мифа о том, как чистильщик обуви превращается в миллионера. Вождь «Солидарности» наравне с Иоанном Павлом II стал самым известным поляком XX века, а восхищение им еще больше возросло, когда он остался несломленным после введения военного положения, а затем, в 1983 г., получил Нобелевскую премию мира. Одно время в Голливуде собирались даже снимать фильм, основанный на его биографии, а Роберт де Ниро готовился к роли лидера независимого самоуправяемого профсоюза «Солидарность». Валенса стал частью массовой культуры и появился в клипе Майкла Джексона наряду с такими известными личностями как Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, мать Тереза и Нельсон Мандела. Нельзя забыть и о том, что именно Лех Валенса в феврале 2002 г. в качестве представителя Европы нес флаг с пятью кольцами на открытии зимних Олимпийских игр в Солт-Лейк-Сити. И хоть его часто критикуют в Польше, он по-прежнему является качественным «товаром на экспорт».

Сделаю небольшое отступление. Самые известные «-измы» в истории (либерализм, консерватизм, социализм, аграризм, синдикализм, национализм, христианско-демократическое движение) возникли до 1914 г. Межвоенный период принес человечеству тоталитаризмы: красный (коммунистический), черный (фашистский) и коричневый (национал-социалистический). А какую идеологию люди создали после Второй ми-

ровой? С некоторыми оговорками следует вспомнить здесь об экологии (движении зеленых) и феминизме. Вот, собственно, и все. И тут, без экивоков на национальную гордость, можно сказать, что именно «Солидарность» явилась одной из немногих попыток создать новую идеологию в последние пятьдесят лет, если вообще уместно говорить об идеологии «Солидарности».

На самом деле это было весьма эклектическое движение, которое обращалось к различным идеологиям: от социальной науки церкви (чему, несомненно, способствовала личность римского папы – поляка) до демократического социализма (ибо среди деятелей «Солидарности», особенно экспертов, было немало левых). Не подлежит, однако, сомнению, что «Солидарность» выступала за свободу личности, равенство перед законом, правду, патриотизм, достоинство, а прежде всего – за человеческую солидарность. И хотя эти требования нельзя назвать новыми (человечество знает их уже очень давно), «Солидарность», пытавшаяся придать им новое содержание, для многих людей в мире стала надеждой на лучшее будущее. И именно это, а не деятельность мнимых «антисоциалистических сил» и «диверсионных центров», как утверждала пропаганда, вызвало миллионные манифестации протеста по всему миру, когда в Польше было введено военное положение.

Еще одной (ныне полузабытой) заслугой «Солидарности» стало воспитание новой, альтернативной политической элиты, которая сыграла и до сих пор играет важную роль в общественной жизни страны. Насколько это было важно, могли бы убедиться россияне в 1995 г., когда им пришлось выбирать между двумя бывшими деятелями КПСС – Борисом Ельциным и Геннадием Зюгановым. В это же самое время польское общество выбирало между бывшим председателем «Солидарности» Валенсой и бывшим партийным деятелем Александром Квасьневским, министром в кабинетах Збигнева Месснера и Мечислава Раковского.

Политическая верхушка во главе с генералом В. Ярузельским не сомневалась, что в образе «Солидарности» столкнулась не просто с профсоюзом, а с чем-то большим. Когда читаешь сегодня документы Политбюро и Секретариата ЦК ПОРП тех лет, бросается в глаза, сколь много времени занимали у

представителей властей дискуссии о том, как избавиться от «Солидарности». Правящая элита едва ли не любой ценой хотела убрать ее из общественной жизни, хотя долго не могла признаться себе, что без использования массового террора в сталинском стиле сделать этого не удастся. А прибегнуть к террору она не могла или не хотела. Если даже отбросить все прочие факторы, этого не одобрил бы Кремль, который как раз начинал перестройку.

А следовательно, надо было долго и трудно договариваться с оппозицией. К диалогу пришли отнюдь не сразу. До сих пор не ясно, осознавало ли окружение Ярузельского, сколь высока ставка в этой игре. События 1989 г., кажется, показывают, что какая-то часть правящего лагеря этого не понимала. Нельзя же в самом деле поверить, будто главной целью ПОРП была передача власти «Солидарности». Очень трудно определить, в какой момент правящая верхушка осознала, что придется поделиться властью с оппозицией. Скорее всего, не получится указать точную дату или конкретное событие, после которого все сдвинулось. Началом дороги к Третьей Речи Посполитой, моментом, с которого «история ускорила», можно считать весеннюю забастовочную волну 1988 г. Это была первая столь мощная акция протеста с декабря 1981 г., которая не закончилась с режимом, но напомнила о «Солидарности». Именно тогда появился лозунг «Нет свободы без Солидарности», символизировавший борьбу за ее признание в качестве партнера для переговоров. Любопытно, что среди забастовщиков преобладали молодые люди, не успевшие принять участие в борьбе «Солидарности» в 1980–1981 гг.

Данный факт имел значение для лидеров профсоюза, которые не могли не считаться с радикализмом и решимостью молодых рабочих. Но в еще большей мере это должны были учитывать коммунисты, т.к. ПОРП систематически «старела» и все меньше могла рассчитывать на молодое поколение. В то время люди моложе 30 лет составляли всего 8 % членов партии. В «Солидарности» же сложилась обратная ситуация – молодежь нередко задавала тон.

Невзирая на то, что из Москвы поступали явные сигналы об уходе в прошлое «доктрины Брежнева», и хозяева Кремля уже не собирались вмешиваться вооруженной рукой во внутрен-

ную жизнь государств советского блока, окружение Ярузельского с большим трудом решилось на диалог с оппозицией. У руководства явно имелись проблемы с собственной опорой, которая еще не созрела для бесед с «Солидарностью» и возможных уступок. В ноябре 1988 г. социологи из высшей партийной школы провели опрос среди полутора сотен секретарей обкомов. 85 % опрошенных высказались за «сохранение фундаментальных основ системы..., заложенных в 1948 г.». Более того, авторы отчета определили, что почти 60 % опрошенных являются «сторонниками тоталитарных методов управления». Нельзя забывать, что в Польше у власти находилась, по сути, та же элита, которая за семь лет до того ввела военное положение. Боялись повторения событий, произошедших между августом 1980 г. и декабрем 1981 г., когда в стране установилось нечто вроде двоевластия.

Обычно, когда в истории случается двоевластие, то одна из сил (как правило, старшая и охранительная) имеет формальный характер, а другая (в основном, младшая и более динамичная) – реальный. Возникает вопрос, чья сторона в тот период представляла формальную власть, а чья – реальную? Логика подсказывает, что ПОРП как старшая и защищающая статус-кво сила являлась формальной властью, в то время как «Солидарность» – реальной. Однако это не вполне корректно. Мне кажется, в этом случае мы имеем дело с двумя реальными властями.

Нельзя признать формальной властью ПОРП, которая кроме поддержки СССР и союзников по Организации Варшавского договора по-прежнему располагала обширным аппаратом насилия (юстиция, армия, милиция, госбезопасность), центральной и местной администрацией, а также средствами массовой информации (в частности, телевидением). С другой стороны, так же трудно признать формальной властью почти десятиmillionной «Солидарности», обладавшей мощной поддержкой на крупных предприятиях (верфях, шахтах, металлургических заводах, фабриках), среди творческой интеллигенции, в католической церкви и у общественного мнения в мире.

Но ни одна из сторон конфликта не являлась тем, чем хотела быть. О том, что «Солидарность» была чем-то гораздо более мощным, нежели еще один профсоюз, уже шла речь. Но и ПОРП нельзя рассматривать как обычную партию в демокра-

тической системе, где путем выборов стараются получить и сохранить власть. Мы имели дело со слитыми воедино партией и государством – характерной чертой современных диктатур, причем не только тоталитарных. Следует помнить, что в 1970-е гг. в ПОРП происходило сразу два процесса: рост числа членов и идеологическое размывание, когда красный флаг постепенно подменялся красно-белым.

В начале 1980 г. в партии состояли более 3,1 млн. членов и кандидатов (около 15 % взрослого населения), из которых около миллиона вскоре оказались в «Солидарности». ПОРП все меньше исполняла роль «авангарда рабочего класса», становясь, прежде всего, партией власти. Среди ее деятелей внимательный наблюдатель мог без труда заметить ортодоксальных коммунистов, социалистов, социал-демократов, либералов, консерваторов, националистов и т.д. В недемократическом государстве, каким была ПНР, под крылом партии собрались люди самых разных взглядов и разной биографии, желавшие официально и легально строить карьеру. Система партноменклатуры делала затруднительным занятие какого-либо поста без партбилета или хотя бы рекомендации членов ПОРП. Поэтому достаточно большое количество людей вступало в ряды ПОРП не из идейных соображений, а ради продвижения по службе. Как следствие, в некоторых учреждениях (например, в аппарате госбезопасности, среди дипломатов и армейских офицеров) число партийных достигало 90 %, а иногда и превосходило этот уровень.

Однако в конце 1980-х гг., несмотря на принцип демократического централизма, позволявший почти без обсуждения навязывать партийным низам волю верхов, оказалось нелегко убедить членов ЦК в необходимости начать диалог с «Солидарностью». Аппаратчиков переполняло горькое чувство: зачем было вводить военное положение и «есть эту рыбу», зачем было уверять всех вокруг, что с «Солидарностью» не будет никаких переговоров, если теперь придется сесть с ее лидерами за один стол, да еще беседовать с «частным лицом», каким являлся Валенса?

Наконец, после двух месяцев трудных и драматических переговоров за «круглым столом», 5 апреля 1989 г. было подписано беспрецедентное в истории реального социализма

соглашение. Впервые власть официально признала наличие легальной оппозиции, которая и получила право принять участие в парламентских выборах. Через два дня после окончания заседаний «круглого стола» Сейм принял поправки к Конституции в соответствии с решениями этого заседания, а через десять дней воеводский суд в Варшаве повторно зарегистрировал «Солидарность». События в Польше вновь ускорились. Хотя изменения проходили эволюционно, скорость они набрали вполне революционную. 4 июня прошли исторические выборы, где победу, неожиданную даже для них самих, одержали кандидаты Гражданского комитета «Солидарность». 19 июля при драматических и весьма неприятных для заинтересованного лица обстоятельствах первым и последним президентом ПНР с наименьшим допустимым количеством голосов был избран генерал Ярузельский, который, в соответствии с ранее данным обещанием, ушел с поста первого секретаря ЦК ПОРП. Партию возглавил бывший премьер-министр Раковский.

Наконец, 24 августа Сейм доверил формирование правительства одному из ближайших советников Валенсы католическому публицисту Тадеушу Мазовецкому. После трех недель чрезвычайно нервных и изнурительных консультаций премьер представил состав коалиционного кабинета, который был утвержден Сеймом 402 голосами «за» при тринадцати воздержавшихся. «Против» не было никого. Первое за несколько десятилетий некоммунистическое правительство пользовалось огромной поддержкой и авторитетом в обществе. В первые месяцы оно располагало также громадным кредитом доверия, а на самого Мазовецкого смотрели с большой симпатией. В декабре 1989 г. поддержку премьеру выразили почти 90 % опрошенных Центром исследования общественного мнения. Ни один польский премьер не располагал и, скорее всего, уже никогда не добьется подобного доверия и общественной поддержки. Так начиналось строительство новой, свободной, независимой и демократической Польши на фундаменте, заложенном «Солидарностью».

Перевод с польского В.В. Волобуева

Л.С. Лыкошина (Россия)

Гданьский либерализм 1980-х гг. Люди и идеи

В статье рассматривается проблема идейного и организационного становления гданьского либерализма в период 80-х годов XX – начала XXI вв. Анализируются вопросы поиска либералами идейной идентичности в контексте общественно-политического развития Польши указанного периода, путь, пройденный гданьскими либералами от издания «Политического обозрения» до создания партии «Гражданская платформа».

Ключевые слова: либерализм, Польша, Гданьск, Д. Туск, Либерально-демократический конгресс, идейная идентичность.

Гданьский либерализм вписал свою страницу в непростую историю польского либерализма не только как течение политической и общественной мысли, но и как феномен, связанный с деятельностью многих крупных политиков III Речи Посполитой, прежде всего, конечно, Д. Туска, сумевшего дважды возглавить польское правительство, чего еще никому в Польше с 1989 г. сделать не удавалось.

Истоки гданьского либерализма восходят к 80-м годам XX в., к среде молодых оппозиционеров, не видевших для себя места в польских реалиях того времени. Важной вехой их становления стал 1970 г., который многие пережили, будучи школьниками или студентами. Они навсегда запомнили и тысячи демонстрантов, поющих «Варшавянку», и милицию, стрелявшую в толпу, и разграбленные магазины, и пылающее здание партийного комитета. Молодежь с негодованием отмечала несоответствие официальной, транслируемой СМИ версии событий, и того, что они видели своими глазами. Именно студен-

ческая элита, не поддавшаяся попыткам «промывания мозгов», и стала впоследствии основой либерального движения на Побережье¹. Немалую роль сыграло и непосредственное знакомство с жизнью на Западе, ставшее возможным благодаря включению Польши в практику международного студенческого обмена. Во время поездок была возможность приобрести книги, недоступные в Польше.

Пытливая молодежь много занималась самообразованием, знакомилась с достижениями мировой либеральной мысли. Путь к либерализму обретался в ходе непростого поиска своей идейной идентичности. Этот путь для одних пролегал через сотрудничество с Движением «Молодая Польша»² А. Халля (к числу таковых относился, например, Я. Левандовский), для других – через Свободные профсоюзы Побережья³ (Карпиньский, Д.Туск).

Конечно, оппозиционно настроенная молодежь не могла остаться в стороне от профсоюза «Солидарность». Для Туска, например, она была воплощением идеала прямой, афинской демократии, весьма интересовавшей студента-историка. Демократический характер движения представлялся Туску особенно значимым. Он не относит «Солидарность» ни к левому, ни к правому спектру политической жизни. Ему представляется важным «этическое измерение революции». Однако будущие либералы отнюдь не разделяли идеи «Солидарности». Как позднее вспоминал Я. Левандовский,⁴ «Шестнадцать месяцев “Солидарности” не входят в историю польского либерализма. Но свое личное мировоззрение я тогда повесил на гвоздик. Так было надо, если ты выбирал роль участника, а не зрителя»⁵.

Благодаря значительной роли, которую играл в «Солидарности» Я. Меркель⁶, с которым были близки Туск и его окружение, «Солидарность» стала местом встреч будущих либералов. В августе 1980 г. в последний день забастовки Туск с товарищами, собравшись у ворот гданьской судовой верфи, основали Независимое объединение студентов. Некоторые участники этой группы стали сотрудниками печатных органов «Солидарности». Так, Туск и В. Дуда работали в печатном приложении «Samorząd» («Самоуправление») к изданию «Dziennik Bałtycki» («Балтийский журнал»). Идеи самоуправления отнюдь не привлекали Туска, более того, в своих статьях он решительно кри-

тиковал венгерскую и югославскую модели, выступая за свободный рынок и конкуренцию. Вместе с тем Я. Левандовский замечает, что самоуправление все же привлекало либералов хотя бы потому, что «противоречило принципам коммунизма», и, вместе с тем, позволяло искать некие «политически допустимые»⁷ экономические решения. Но в целом «Samorząd» сыграл роль своеобразной интеллектуальной лаборатории «Солидарности». На страницах издания развивались идеи местного самоуправления, горячим поборником которых был главный редактор издания Лех Бондковский – публицист, писатель, общественный деятель, один из основателей Кашубско-Поморского объединения, автор книг и статей по истории польского Поморья. Бондковский создал Клуб общественных инициатив им. Конституции 3 мая⁸, ставший настоящим дискуссионным клубом гданьской оппозиции (после смерти Бондковского в 1984 г. Клуб прекратил свою деятельность).

С «Солидарностью» сотрудничали также Я.К. Белецкий, Я. Шомбург, Я. Левандовский, Я. Меркель – именно те, кто составил ядро гданьского либерализма. Планировалось даже издание своего журнала – «Motyw» («Мотивы»), но он так и не появился на свет: 13 декабря 1981 г. в Польше было введено военное положение, не воспрепятствовавшее, однако, идейным поискам. Профсоюзный характер оппозиционного движения казался членам кружка «все более анахроничным», тогда как либеральная и неоконсервативная традиция представлялась все более привлекательной. Мысли о необходимости модернизации Польши, возвращении в Европу, приватизации, не слишком популярные в Польше тех лет, притягивали. Уже тогда либералы недоверчиво относились к высоким идеям и революционному пафосу. «Правда, – замечает Туск, – банальна, что раздражает некоторых революционных интеллектуалов. Нашей целью было возвращение нормальности, обращение к традиционным ценностям в общественной жизни, а не создание нового, оригинального общественного устройства. В определенном смысле мы были за контрреволюцию, а не за завершение революции»⁹.

Либералы вполне осознавали далекую от либерализма сущность «Солидарности» и искали свои пути. Я. Левандовский вспоминает, что он, пытаясь понять, как устроена жизнь на

Западе, читал Локка, Токвиля, Гаека, Сормана, открывая в либерализме «генетический код» западной цивилизации¹⁰. Вместе с тем, тяга к либерализму была чем-то вроде «философского шика». «За рюмкой водки, – вспоминает Туск, – мы одинаково увлеченно говорили как о девушках и футболе, так и о Сореле, Здзеховском¹¹ или Леви –Строссе. Нас объединяла некая неприязнь к Варшаве, которая была такой социалистической и КОР-овской¹². Возможно, наш либерализм возник отчасти из чувства протеста гданьской интеллектуальной среды ...»¹³.

Гданьские либералы были в известной мере Колумбами, ищущими свой, особый путь в интеллектуальной жизни и в политике. Но это не означает, что они начинали с нуля, с чистого листа. Исследователи польского либерализма подчас усматривают его истоки в «золотой вольности» польской шляхты. Но эта позиция разделяется не всеми: в частности, с ней не согласен историк общественной мысли Е. Шацкий,¹⁴ а также известный польский философ А. Валицкий, справедливо замечаящий, что «золотая вольность понималась современниками как участие в коллективном суверенитете, а не как защита прав личности и индивидуальной свободы»¹⁵.

Бесспорно же к польским либералам исследователи относят группу послов сейма Царства польского, т. н. калишан, которые еще в начале XIX в. в своем идейном самоопределении обратились к идеям Б. Констана и французского просвещения. Однако о подлинном расцвете польского либерализма можно говорить применительно к 80–90-м годам XIX в. когда формируются два центра либеральной мысли: краковский и варшавский, связанный, прежде всего, с именем А. Свентоховского. В межвоенной Польше к либералам относили интеллигенцию, противостоявшую национализму, ксенофобии, клерикализму. Центром либеральной мысли в этот период становится Краков, ученые, связанные с краковской экономической школой, а также варшавская интеллектуальная среда, сосредоточенная вокруг журнала «Wiadomości literackie» («Литературные известия»). В период социализма само понятие «либерал» применялось отнюдь не по отношению к сторонникам либеральных взглядов. «Либералами» чаще всего называли коммунистов, не являющихся ортодоксальными марксистами. Одним из немногих представителей общественной мысли, отстаивающих

свои либеральные взгляды на страницах печати, был популярный польский публицист С. Киселевский¹⁶.

Но в начале 1980-х гг. и возникновением движения «Солидарность» ситуация несколько изменилась, и появилось несколько центров либеральной мысли, из которых наиболее значительными было Краковское экономическое сообщество и издаваемый в Кракове журнал консервативно-либерального направления «Stańczyk» («Станьчик»). Именно с краковскими либеральными кругами была связана деятельность яркого и популярного публициста М. Дзельского, выступавшего за идею соединения экономического либерализма и христианской этики.

В Гданьске же в начале 1980-х гг. формируется новый центр либеральной мысли. От разговоров о либерализме перешли к делу, начав издание журнала «Przegląd polityczny» («Политическое обозрение»). Для Туска появление журнала стало важной вехой в становлении либерализма. «Я полагаю, – замечает он, – что история партии либералов началась с того момента, когда я получил из типографии 400 экземпляров совершенно нечитабельного первого номера [журнала] “Przegląd”, передовица в котором была подписана моим первым псевдонимом, Анна Барыч...»¹⁷.

Очень скоро технические проблемы, связанные с изданием журнала, удалось преодолеть, благодаря П. Капчиньскому, «главному организатору полиграфии в подполье» (по определению Туска). Журнал стал выходить, имея вполне приемлемый внешний облик, тираж в 3 тыс. экземпляров и довольно серьезную интеллектуальную поддержку в лице деятелей «Солидарности» и либерально мыслящих гданьских экономистов. На страницах издания появлялись публикации экономистов Я. Левандовского, Я. Козловского, Я.К. Белецкого, Я. Шомбурга, социологов П. Спевака, Я. Станишкис. С журналом «Przegląd» сотрудничали Лех и Ярослав Качиньские. Именно этот журнал способствовал становлению польского либерализма как идейного течения, формированию некой сплоченной среды. За шесть лет (с 1983 по 1989 гг.) вышло 12 номеров журнала, ставшего форумом гданьского либерализма и вместе с тем лабораторией поиска идейной идентичности этого течения политической мысли, далекого от мейнстрима польского оп-

позиционного движения. Гданьские оппозиционеры были весьма далеки и от варшавской оппозиционной среды; серьезных попыток поиска этих контактов не предпринималось ни с той, ни с другой стороны.

Гданьский практицизм не только обуславливал мировоззренческий поиск, но и жизненный выбор. Определенная экономическая либерализация режима в 1980-е гг. создала возможности для предпринимательской деятельности. Нигде не возникло столько кооперативов, как на Побережье: «Советник», «Модем», «Корина» – вот лишь некоторые из оазисов свободного предпринимательства, понемногу «размонтировавших» (по выражению Левандовского) социализм. В одном из таких кооперативов под названием «Светлик» (позднее он стал называться «Гданьск») трудился и главный редактор издания «Przegląd polityczny» Туск в качестве «промышленного альпиниста» (фирма занималась высотными ремонтно-строительными работами). В «Светлике» работали только те, кто был связан с оппозицией. Трудная, рискованная работа (иногда, поднявшись на высотный объект, на что требовалось подчас несколько часов, работали без перерыва по 8 – 10 часов) давала неплохой заработок и стала хорошей школой жизни и обретения навыков руководства людьми.

Интересно, что первым инструктором Туска был Е. Боровчак, прототип главного героя фильма А. Вайды «Человек из железа». Предприятие возглавлял М. Плажиньский, впоследствии один из отцов-основателей ныне правящей «Гражданской платформы». «Светлик» стал приютом для многих оппозиционеров, попавших в трудную жизненную ситуацию, из заработанных денег сотрудники кооператива выделяли средства для помощи семьям товарищей по борьбе, оказавшихся в трудной ситуации. «Светлик» финансировал и выпуск издания «Przegląd polityczny».

Денег удавалось зарабатывать немало, хватало не только на политическую борьбу, но и на относительно нормальную семейную жизнь: во всяком случае, в 1985 г. Туск с женой смог поехать в Париж (о чем давно мечтала молодая семья). Там Туск не только любовался красотами французской столицы, но встречался с Е. Гедройцем, легендой польской оппозиции, издателем популярного среди польской интеллигенции журнала

«Kultura» («Культура»). Правда, молодой гданьский либерал не встретил особо горячего приема и поддержки со стороны мэтра. Да и вообще оказалось, что о гданьских либералах в Париже никто не знал, издания их не читали. Внимание эмиграции было сосредоточено на другом, магистральном направлении жизни польской оппозиции – на «Солидарности».

Деятельность последней сталкивалась в 1980-е гг. с немалыми трудностями. «Солидарность» утрачивала поддержку населения, уставшего от многолетней и, как казалось многим, бесперспективной борьбы. Туск расценивает середину 1980-х гг. (1983–1987 гг.) как достаточно бессодержательное в плане интеллектуальном и беспомощное в плане политическом время в истории «Солидарности»¹⁸. Левандовский, вспоминает, что в те годы иногда казалось, что дело «Солидарности» проиграно навсегда.

Либералы пытались реанимировать идею политического клуба, продолжая традицию Клуба политических инициатив имени Конституции 3 мая. С этой целью в 1986 г. совместно с А. Халлем, Туск и его соратники создали Клуб политической мысли имени Л. Бондковского. А в следующем 1987 г. произошло достаточно значимое событие в истории польского либерализма: в журнале «Przegląd» была опубликована статья Туска «Дорога и выбор», где автор, по сути, формулировал идею о необходимости изменения политических целей оппозиции в направлении решительного отказа от этатизма. Либеральные идеи присутствовали в экономических разделах программы «Солидарности», которые писали для Валенсы Левандовский и Шомбург. Идейные расхождения отнюдь не препятствовали тесным контактам либералов и «Солидарности». Поддерживаемое гданьскими предпринимателями, либеральное сообщество исходило из идеи необходимости самого активного участия в деятельности «Солидарности», всемерной поддержки всех ее действий, в сочетании с попытками влияния на программу в направлении придания ей более либерального звучания.

В 1988 г. оппозиция как бы обрела второе дыхание: этот год ознаменовался массовыми забастовками, самыми масштабными после запрета «Солидарности», началось движение к переговорам «круглого стола». Последний как в то время, так и сейчас весьма неоднозначно оценивается в Польше. Далеко не все

разделяют мнение Левандовского, согласно которому «вся традиция и этос “Солидарности” готовили к мирному соглашению. Бескровная революция ... относится к наиболее оптимистичным эпизодам нашего века»¹⁹. Позицию Левандовского поддерживали и другие либералы. В 1988 г. Д. Туск принимает участие в издании и редактировании газеты «Благоразумие и солидарность», издаваемой на гданьской судовой верфи. Эта нелегкая работа была реальной помощью либералов «Солидарности».

Шомбург и Левандовский в это время разрабатывают пути и методы приватизации, обосновывают целесообразность всеобщей приватизации, доказывая свою правоту в споре со сторонниками иных взглядов во время публичных дебатов в Главной школе планирования и статистики.

В декабре 1988 г. в Гданьске состоялся I Конгресс либералов. В его работе участвовали около 100 чел., приехавших из разных регионов Польши, представлена была как официальная, так и оппозиционная пресса, присутствовали и иностранные журналисты. На конгрессе Туск выступал с докладом «Право на политику», который многими был воспринят как заявка на создание политической партии. Правда, в то время речь о партии еще не шла, но практически сразу после Конгресса вместе с Левандовским, Белецким и Козловским Туск активно участвует в создании Гданьского социально-экономического товарищества «Конгресс либералов». Товарищество не являлось первым экономическим объединением в Польше, но только оно имело свою идеологию и политические амбиции. В феврале 1989 г. была подана заявка на регистрацию товарищества. Закончился, как замечает Туск, период «романтической конспирации либералов».

За годы, прошедшие с момента появления первого номера журнала «Przegląd», либеральное движение прошло путь серьезной эволюции и обретения идейной идентичности. Еще в 1983 г. Туск с оптимизмом писал о возможной интеграции либерализма и демократического социализма, а статья Л. Колаковского²⁰ с парадоксальным названием «Как быть консервативно-либеральным социалистом» воспринималась как «политическое исповедание веры». В конце же 1980-х гг. либералы более определенно формулировали свое идейное кредо. В декларации Конгресса либералов говорилось: «Свобода и ответс-

твенность человека, частная собственность как материальная гарантия свободы, толерантность и плюрализм, свобода экономической инициативы и объединений, верховенство права – вот естественный фундамент, на котором основана рыночная экономика и парламентская демократия, являющиеся нашими идеалами»²¹.

«Отцы-основатели» нового движения несколько по-разному видели его будущее. Если Левандовский считал, что главное – это пропаганда идей либерализма, то Туск больше акцентировал внимание на участии в большой политике. Правда, пока для этого не было особых возможностей, ибо либералы не являлись значимой политической силой. Имеющегося потенциала не хватило даже для того, чтобы принять участие в работе «круглого стола»²². Безоговорочно признавая политические решения последнего, либералы расценивали его экономическую программу как неадекватную тогдашней польской действительности. Левандовский говорил даже об «идиотизме» экономических решений «круглого стола», содержавших в себе неисполнимые социальные обязательства²³.

Хотя либералы отнюдь не являлись ведущей политической силой в Польше того времени, но все же присутствие их было заметно. По списку Гражданского комитета²⁴ кандидатами в депутаты сейма стали Я. Меркель и Я. Белецкий. Последний в интервью изданию «Gazeta wyborcza» («Газета избирателей») впервые упомянул в центральных СМИ о Конгрессе либералов, заявив, что будет работать в сейме, руководствуясь Декларацией Конгресса либералов. Несколько представителей этой среды по итогам выборов 1989 г. вошли в состав сейма, образовав либерально-демократическую парламентскую группу, вошедшую в Гражданский парламентский клуб. В ноябре 1989 г. состоялся II Конгресс либералов, на котором присутствовали уже и единомышленники из Европы. После этого конгресса во время обеда в ресторане «Кубицкий» было принято окончательное решение о создании либеральной партии.

В следующем, 1990 г., в Варшаве представители центров либеральной мысли из разных регионов Польши (главным образом из Гданьска и Варшавы) создали партию, получившую название Либерально-демократический конгресс (ЛДК). Первым председателем новоиспеченной партии стал Левандовс-

кий, один из немногих в Польше тех лет либеральных экономистов. Именно он предложил название партии, он же стал и автором «Идейной декларации»; Туск вошел в состав президиума партии. Либералы принципиально отличались от «политического салона» польской оппозиции тем, что они были способны делать что-то реальное, не сотрудничая с властью. Как замечает Левандовский, это был «практический либерализм», имевший мало общего с либерализмом «классическим», например, в версии С. Киселевского²⁵.

Новая партия начинала свою деятельность в весьма сложной обстановке. Оппозиционное движение, связанное с «Солидарностью», в начале 1990-х гг. раскололось в результате так называемой «войны в верхах». В основе «войны» лежал конфликт двух политиков – Л. Валенсы и Т. Мазовецкого, за которым стояло разное видение политического развития Польши. Т. Мазовецкий настаивал на необходимости соблюдения соглашений «круглого стола», его оппоненты полагали, что эти соглашения утратили свою актуальность в силу стремительно менявшейся обстановки как в Польше, так и в мире в целом.

В декабре 1989 г. Л. Валенса выступил с инициативой наделения правительства чрезвычайными полномочиями, предоставив ему право на издание декретов в целях ускорения перемен в стране. Эта инициатива не встретила поддержки правительства Т. Мазовецкого. Весной 1990 г. вполне определенно обозначилось стремление Л. Валенсы бороться за президентский пост, о чем сам глава «Солидарности» открыто заявлял. Намерение Валенсы всячески поддерживал Я. Качиньский, впоследствии признавая это своим «самым большим политическим грехом»²⁶. В целях поддержки Валенсы, а также ускорения преобразований в стране Я. Качиньский выступил с инициативой создания некоего политического объединения, получившего название Соглашение Центр (СЦ), которое он же и возглавил. Новая партия решительно выступала против политики «жирной черты», предлагаемой первым некоммунистическим премьером Т. Мазовецким и подразумевавшей попытку начать новую эпоху в жизни Польши с «чистого листа», никого не преследуя за прошлое.

Определяя свое место в этом противостоянии, ЛДК вошел в СЦ, чему в немалой степени способствовали, по мнению Туска,

«очень хорошие отношения» с Л. Качиньским. Идея создания широкой правоцентристской платформы, близкой Валенсе и способной противостоять левому течению в «Солидарности», как отмечает Туск, вполне соответствовала целям ЛДК в тот период²⁷.

В сентябре 1990 г. сейм принял поправку к конституции о досрочном прекращении полномочий действовавшего президента Ярузельского. Проведение всенародных выборов нового главы государства было назначено на 25 ноября 1990 г. ЛДК официально выразил поддержку Валенсе, и приступил к разработке президентской программы (в ней принимали участие все лидеры ЛДК, в том числе и Туск, но основная нагрузка пришлась на долю Левандовского, Меркеля и Белецкого).

Фаворитом предвыборной борьбы, несомненно, был Валенса, постоянно выражавший уверенность в своей победе уже в первом туре. Кампания его отличалась яркостью и динамичностью. Валенса в полной мере проявил свое обаяние и политическую харизму. Будучи совершенно уверенным в себе, он не стеснялся невысокого уровня своего образования и едва ли не кичился этим. Позднее Валенса признавался, что даже не читал программу, составленную для него помощниками. В качестве одного из козырей он рассматривал свое «чисто польское происхождение», выражая готовность подтвердить это документально и призывая к тому же других кандидатов. Валенса сурово критиковал правительство Мазовецкого за медлительность, обещал ускорение перемен и «100 миллионов каждому поляку». Этот лозунг со всей очевидностью свидетельствует о том, что Валенса, действительно, не очень проникся пафосом либеральных идей. Левандовский решительно открепивается от причастности либералов к этим пресловутым миллионам, замечая, что «какой-то анонимный оздоровитель экономики прорвался с этим лозунгом к будущему президенту, прежде, чем его остановили кордоны Меркеля»²⁸.

Премьер-министр Мазовецкий, также вступивший в борьбу за президентское кресло, не смог успешно противостоять напору, энергии и безапелляционной уверенности Валенсы в собственной победе. Самой большой неожиданностью выборов стал успех С. Тыминьского, приехавшего в Польшу в 1990 г. после 20 лет пребывания в Канаде. Тыминьский поми-

мо большого состояния обладал способностью располагать к себе людей. После его выступлений по телевидению рейтинг никому дотеле неизвестного кандидата стремительно пошел в гору. Уставший от политических склок, разочарованный трудностями начавшихся реформ, польский избиратель поверил в красивую сказку о возможности легкого и всеобщего преуспевания, предложенную Тыминьским. В итоге, в первом туре Тыминьский уступил только Валенсе.

Перед вторым туром либералы активно включились в работу, проводя по всей Польше встречи с избирателями и агитируя за Валенсу. В декабре 1990 г. Валенса стал президентом Польши и в том же месяце на пост премьера он пригласил Я.К. Белецкого. Рождество 1990 г., по словам Туска, гданьские либералы отмечали с ощущением того, что они «начинают новую главу своей истории. В новом году Конгресс либералов начал большую игру»²⁹.

Белецкий отнюдь не стремился занять столь высокий пост и сделал это во многом под давлением товарищей по партии, призывавших «не упустить шанс» и принять настойчивое предложение Валенсы. Белецкий пригласил на работу в министерство Я. Левандовского³⁰, что привело к необходимости избрания нового главы ЛДК. Таковым стал Д. Туск, роль которого в партии и движении в целом значительно выросла. Как замечает сам будущий премьер, без какого-либо личного участия он «перешел из третьей лиги в первую».

В процессе поиска идейной идентичности все больше расходились пути ЛДК и СЦ. Партия Я. Качиньского во главу угла ставила христианско-демократические ценности, активно выступала против экономической политики правительства Белецкого, критиковала план Бальцеровича. Идейная платформа либералов была совсем иной. В интервью еженедельнику «Spotkania» («Встречи») Туск в то время говорил о необходимости «выхода из замкнутого круга: коммунисты – «Солидарность». «Люди, – подчеркивал Туск, – ищут какую-то новую политическую силу, находящуюся за пределами анахроничных делений; есть группировки, которые не оглядываются без конца на Ченстохову, орла в короне и баррикады военного положения, но показывают, как можно организовать бизнес, как заработать деньги. Мы рассчитываем на собственников, работ-

ников частных фирм; молодежь, которая не хочет работать в государственном секторе;...Мы рассчитываем на всех тех, кто уже знает, в чем состоит ценность частной собственности и предприимчивости»³¹.

Белецкий пользовался достаточно большой популярностью в обществе во многом благодаря не совсем привычному стилю поведения (он предлагал отказаться от пожизненно полагавшихся премьеру автомобиля и личной охраны), что способствовало росту рейтинга ЛДК. Как показывали опросы, партия находилась в числе лидеров. Но на парламентских выборах 1991 г. ожидания либералов не оправдались: они получили 7,49%. Это был вовсе неплохой результат, если учесть, что в сейм вошло 29 партий, а больше всего голосов получил Демократический союз³² (12,32%). Но результат трудно оценить и как блестящую победу.

В ноябре 1991 г. Белецкий подал прошение об отставке с поста премьера, не видя возможности при новом составе сейма проводить свою политику. Валенса пытался удержать его, но тщетно. В декабре время либералов во власти закончилось, но уход этот вовсе не был окончательным.

Белецкого сменил политик правого толка Я. Ольшевский, и для либералов наступили непростые времена. Ольшевский относился к этой политической формации без малейшей симпатии. Он был автором скоро ставших очень популярными слов о том, что «невидимая рука рынка оказалась невидимой рукой афериста», с нелегкой для либералов руки Ольшевского и еженедельника «Nie» («Нет»)³³ по всей Польше ходило выражение «либералы – афералы». Некоторые основания для этого имелись: Туск признается, что в ЛДК порой встречались люди с далеко не безупречной предпринимательской биографией.

Либералы пытались бороться. В сейме сложилась т.н. «малая коалиция», куда вошли ЛДК, Демократический союз во главе с Мазовецким и Партия любителей пива (состоявшая, в некотором несоответствии со своим названием, из очень деловых людей, главным образом, предпринимателей).

В недолгой истории правительства Ольшевского, не сработавшегося с Валенсой, либералы были на стороне президента. Они поддерживали его в ту роковую для Ольшевского ночь,

когда Валенса добился вотума недоверия правительству и отправил того в отставку³⁴.

Сменивший Ольшевского В. Павляк, (глава Польской крестьянской партии), не сумел сформировать правительство. Если бы ему удалось это сделать, Туск, возможно, стал бы членом правительства: несостоявшийся премьер предлагал ему пост вице-преьера по социальным вопросам. Но не сложилось. Правительство, в состав которого вошло несколько членов ЛДК, возглавила Х. Сухоцкая.

В тот период парламентская карьера Туска вообще складывалась не очень удачно: он оставил пост главы думской фракции ЛДК, уступив его ушедшему из правительства Белецкому, но когда место вновь стало вакантным, Туск не смог на него вернуться, т.к. проиграл выборы на этот пост, Я. Памуле. Вместе с тем, Туску удалось отстоять свои позиции лидера ЛДК. Он получил вотум доверия на съезде в Собешове в 1992 г. Победа далась нелегко: в ЛДК в это время набирала силу группа Л. Мажевского, пытавшегося противостоять усиливающемуся, на его взгляд, антиклерикализму ЛДК, в частности, позиции Туска, выступавшего против введения преподавания религии в школах. Ситуация еще более осложнилась в 1993 г., после роспуска сейма президентом³⁵.

В досрочных парламентских выборах 1993 г. ЛДК выступал самостоятельно, хотя и предпринимались усиленные попытки достичь соглашения с ДС. Но коалиции не получилось, во многом из-за сугубо личных мотивов: с представителями ЛДК достаточно грубо разговаривал Я. Куронь,³⁶ и «гданьские парни» (по словам Туска) обиделись и решили, что справятся и сами. Но сделать это не удалось. ЛДК не набрал необходимых для прохождения в сейм 5% голосов. Не помогли и пиаровские приемы, заимствованные из американской политической практики: концерты, парады девушек в мини-юбках и вполне привлекательный в Польше, переживающей трудные времена, лозунг «Миллион новых рабочих мест». Победителем в этих выборах стал другой политический актер – Союз демократических левых сил.

Для оказавшегося на обочине политической жизни ЛДК объединение с парламентской партией было спасением от вполне вероятной маргинализации. Объединительный конг-

ресс состоялся в апреле 1994 г. Новую партию, получившую по предложению Л. Бальцеровича название Союз Свободы (СС), возглавил Т. Мазовецкий, Туск стал заместителем председателя, а Б. Коморовский – секретарем. Туск оказался не самым лучшим вице-председателем СС. Ни демократы, ни либералы не расценивали тандем Мазовецкий – Туск как удачный и эффективный. Туск признавался, что он не может приспособиться ни к темпам, ни к стилю руководства, предлагаемым Мазовецким.

Достичь единства, истинного, а не декларативного, оказалось делом непростым: слишком разные представления о политике, о государстве и, более того, об этике и морали оказались у ДС и ЛДК. На местах между представителями объединившихся партий нередко возникали трения и конфликты, в руководящих структурах тоже не было эйфории от объединения. Мазовецкий не скрывал своего разочарования. Среди ведущих политиков ЛДК также не было недостатка в недовольных.

Ситуация в стране в этот период развивалась в направлении далеко не благоприятном для партий правого толка: в польской политике явно усилилось левое направление.

Весной 1995 г. состоялся II Конгресс СС, на котором произошли серьезные перемены: Мазовецкого на посту лидера сменил Л. Бальцерович. Причиной смены лидера было не разделяемое многими в СС стремление Мазовецкого включить партию в широкое общественное движение, выбрать, скорее, правое направление в политике. Мазовецкого поддерживали Б. Коморовский и Я. Рокита; за Бальцеровича выступали Я. Куронь, А. Михник Я. Левандовский. Многие в ЛДК полагали, что кандидатура Бальцеровича возникла именно для того, чтобы оттеснить Туска, а придумал всю интригу со сменой лидера Б. Геремек. Сам же Туск придерживается мнения, что ключевую роль в этой политической рокировке сыграло не стремление оттеснить его от руководства партией, а опасение перед правым креном СС и осознание того, что «с Мазовецким далеко не уедешь». Туск опасался, что Бальцерович сделает присутствие гданьских либералов в партии ненужным, ибо он обеспечит «наличие либерализма в нужном количестве и без ЛДК»³⁷.

Новый глава партии предпочел другого вице-председателя – Т. Сырыйчика. Для Туска места в руководящих структурах СС не нашлось. Отсутствие единства взглядов внутри СС со всей оче-

видностью проявилось в ходе президентской кампании 1993 г. ДС выдвинул кандидатуру Я. Куроня, либералы не желали ее поддерживать, делая ставку на Валенсу. Все более очевидным становилась невозможность совместной деятельности двух составляющих СС. Начался процесс раскола партии.

В этот сложный период Туск иной раз был едва ли не на грани отчаяния. Особенно горькие минуты он пережил, когда в президентских выборах победил А. Квасьневский. Узнав об этом, Туск едва удержался от слез. Позднее, в книге «Солидарность и гордость», он писал, что утрата власти «Солидарностью», была вполне закономерна. Ведь партии, «вышедшие из шинели “Солидарности”» вступили между собой в ожесточенную борьбу.

В то время не Туск, а, скорее, П. Пискорский³⁸ выдвигается на первые роли среди либералов. Именно он становится главой избирательного штаба СС в кампании 1997 г., Пискорского очень ценит Бальцерович, в конце 1990-х гг. его избирают президентом Варшавы.

Туск же в это период как бы взял паузу, немного отошел в сторону от политики. «У меня сейчас меньше энтузиазма, – говорил он об этом времени, – но больше здравого смысла... из-за бешеного темпа совещаний, встреч, банкетов многие из нас утратили чувство реальности. Вкус поражения, а потом тяжелая, упорная работа привели к тому, что теперь я вижу политику в истинном свете... настоящий успех должен иметь солидный фундамент, может не очень эффектный, но зато основательный»³⁹.

Первый камень в этот фундамент Туск заложил в 1998 г. Тогда он вовсе не был звездой либералов, явно уступая как по популярности, так и по реальному влиянию П. Пискорскому и не входя в руководящие структуры партии. Коллеги вспоминают, как во время партийных мероприятий складывалось впечатление, что Пискорский всем руководит, а Туск сидит и курит сигару. Но, очевидно, при внешней пассивности Туск не оставлял усилий по поиску нового способа реализации политика, нового облика либералов, за дымком сигары будущему премьеру виделись новые идеи.

В конце 1998 г. во время съезда либералов в Гданьске Туск вновь громко заявил о себе, выступив с рядом инициатив. Его

целью было восстановление «легенды ЛДК», изрядно потускневшей за прошедшие 10 лет. Имелись и причины более прозаические: Туск не хотел уступать лидерство Пискорскому.

К концу десятилетия 1990-х гг. ситуация в СС была весьма непростой. Все более очевидным становился факт, что настоящей коалиции либералов и демократов не получилось. Это проявлялось во многих ситуациях, в частности, в вопросе о выборах президента. В 2000 г. предстояли новые выборы, и, хотя было почти очевидно, что Квасьневскому удастся сохранить свой пост, СС пыталась определиться со своим кандидатом. Вначале речь шла о Бальцеровиче, но когда тот отказался, все более вероятной становилась кандидатура А. Олеховского, выступившего в качестве независимого кандидата⁴⁰.

Туск определенно выступал против Олеховского, считая недопустимым поддерживать человека, некогда сотрудничавшего со спецслужбами. Но логика политической игры заставила Туска изменить свое мнение об Олеховском и начать с ним переговоры о возможности создания новой политической формации. Олеховский согласился не без колебаний: ведь еще совсем недавно Туск столь нелестно о нем отзывался. Но именно Олеховскому отводилась очень важная роль в новом политическом образовании. Его популярность в стране не вызывала сомнений: на президентских выборах 2000 г. он набрал более 17% голосов. Этот потенциал надо было использовать.

В конце концов, согласие было достигнуто и в январе 2001 г. Д. Туск, А. Олеховский и М. Плажиньский на пресс-конференции заявляют о создании партии «Гражданская платформа». С этого момента начинается новая глава в истории гданьского либерализма, ставшего со временем «польским либерализмом», прошедшего сложный и долгий путь и во многом определившего облик политической жизни страны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Lewandowski J. Utopiłem się w ministerstwie bez reszty // *Teczki liberałów*. Poznań, 1993. S. 118.

² Движение «Молодая Польша» – антикоммунистическое оппозиционное движение правого толка, возникшее в 1979 г. и ставившее во главу угла требование обретения Польшей независимости.

³ Свободные профсоюзы Побережья – созданная в 1978 г. организация, призванная защищать интересы рабочих. Позднее вошла в состав «Солидарности».

⁴ Я. Левандовский (р.1951) – эксперт «Солидарности» по вопросам экономики. В 1990-е гг. – министр приватизации. В настоящее время – комиссар ЕС по бюджетным вопросам.

⁵ Lewandowski J. Op.cit. S. 122.

⁶ Я. Меркель (р. 1954) – один из лидеров «Солидарности», участник «круглого стола», депутат сейма. В настоящее время отошел от политической жизни.

⁷ Lewandowski J. Op.cit. S. 122.

⁸ 3 мая 1791 г. в Польше, раньше, чем во Франции, была принята конституция, демократический характер которой является предметом гордости многих поколений поляков.

⁹ Tusk D. Solidarność i дума. Gdańsk, 2005. S. 47.

¹⁰ Ibid. S. 120.

¹¹ М. Здзеховский (1861–1938) – польский историк и публицист.

¹² КОР – Комитет защиты рабочих. Организация демократической оппозиции, созданная в 1976 г. в целях защиты интересов рабочих, преследуемых властями за участие в акциях протеста.

¹³ Grabias S. Donald Tusk. Pierwsza niezależna biografia. Łódź, 2011. S. 47.

¹⁴ Е. Шацкий является автором одного из наиболее полных и интересных исследований, посвященных польскому либерализму. Czacki J. Liberalizm po komunizmie. Kraków, 1994. 350 s.

¹⁵ Wałicki A. Trzy patryotyzy // Res publica. W–wa, 1991. № 3. S. 28.

¹⁶ Киселевский в 1987 г. стал одним из основателей либерально–консервативной партии Союз реальной политики (СРП), в свое время добившейся успеха и ставшей парламентской партией. Однако со временем партия утратила реальное политическое значение. Я. Корвин–Микке, один из лидеров СРП, долгое время возглавлявший партию, с завидным постоянством, но безуспешно пытается добиться избрания на пост президента Польши. В настоящее время лидером СРП является С. Михалкевич.

¹⁷ Tusk D. Krzyczeliśmy, żeby zrobić to szybciej // Teczki liberałów. Poznań, 1993. S. 54. Левандовский вспоминал, что читая статьи Анны Барыч, он увидел в авторе единомышленника и мечтал о встрече с интересной женщиной. Каково же было его разочарование, когда при встрече Анна Барыч оказалась забавным кудрявым парнем.

¹⁸ Tusk D. Idee gdańskiego liberalizmu. Gdańsk, 1988. S. 21.

¹⁹ Lewandowski J. Op.cit. S. 127.

²⁰ Л. Колаковский (1927–2009) – выдающийся польский философ. В начале своей научной деятельности – сторонник марксизма, внос-

ледствии ставший его критиком. В упомянутой статье Л. Колаковский размышляет, в частности, о том, что государство не может сделать людей счастливыми, а стремление к безопасности влечет за собой ограничение свободы. Kołakowski L. Jak być konserwatywno-liberalnym socjalistą: <http://wyborcza.pl/1,100696,4594012.html>

²¹ Tusk D. Idee gdańskiego liberalizmu... S. 31.

²² Из либеральной среды в работе «круглого стола» принимал участие только Я. Меркель, сыгравший серьезную роль в положительном решении вопроса о легализации «Солидарности».

²³ Lewandowski J. Op. cit. S. 127.

²⁴ Гражданский комитет – полулегальная организация, созданная в 1988 г. Первоначально называлась «Гражданский комитет при Лехе Валенсе», впоследствии Гражданский комитет «Солидарность».

²⁵ Lewandowski J. Op. cit. S. 130.

²⁶ Перипетии политической борьбы превратили бывших некогда соратниками Качиньского и Валенсу в непримиримых врагов.

²⁷ Tusk D. Idee gdańskiego liberalizmu. Gdańsk, 1988. S. 37.

²⁸ Lewandowski J. Op. cit. S. 133.

²⁹ Tusk D. Idee gdańskiego liberalizmu... S. 45.

³⁰ По договоренности с Белецким, Туск не должен был входить в состав правительства. Во-первых потому, что в нем видели будущего главу партии, а во – вторых, потому, что премьер понимал: за власть придется, возможно, дорого заплатить. Туска предполагалось сохранить для партии как политика, не несущего ответственность за деятельность правительства. Tusk D. Idee gdańskiego liberalizmu... S. 48.

³¹ Ibid. S. 57.

³² Демократический союз – центристская партия, созданная в 1990 г. и поддерживавшая политическую линию Т. Мазовецкого.

³³ «Нет» – воинствующе антиклерикальный и эпатажный журнал, издаваемый Е. Урбаном, видным партийным функционером периода «заката» социализма в Польше.

³⁴ Конфликт Ольшевского и Валенсы, коренившийся в разном видении будущего страны, вылился в попытках Ольшевского провести через сейм закон о люстрации. В рамках подготовки к этой акции депутаты получили списки тех депутатов и членов правительства, которые сотрудничали со спецслужбами в период социализма. В списках значились и Валенса, и спикер сейма Хжановский. В ночь на 5 июня 1992 г. правительство Ольшевского было отправлено в отставку. В подготовке данного решения немалую роль сыграли либералы.

³⁵ Деятельность правительства Х. Сухоцкой, сформировавшей кабинет после неудачи В. Павляка, разворачивалась в весьма неблагоприятных условиях. Именно на время его пребывания у власти пришелся пик забастовочного движения в Польше после 1989 г. Почва

стремительно уходила из-под ног правительства Сухоцкой. Но глава правительства не шла ни на какие уступки. Х. Сухоцкая отказалась от новеллизации бюджета, что дало повод для постановки вопроса о вотуме недоверия правительству, и 28 мая в сейме прошло голосование, завершившееся вотумом недоверия. Валенса воспользовался своим конституционным правом и распустил сейм. В период деятельности правительства Сухоцкой оно пользовалось неизменной поддержкой либералов.

³⁶ Я. Куронь (1934–2004) – политик, общественный деятель, диссидент, пользовавшийся большим авторитетом и влиянием. Один из основателей Комитета защиты рабочих (КОР).

³⁷ Stankiewicz A., Smilowicz P. Donald Tusk. Droga do władzy. W–wa, 2008. S. 146.

³⁸ П. Пискорский (р. 1968) – польский политик, президент Варшавы в 1999–2002 гг., неоднократно избирался депутатом сейма, был депутатом Европарламента. Его имя не раз фигурировало в разного рода коррупционных скандалах, что послужило поводом для исключения Пискорского из ГП в 2005 г.

³⁹ Stankiewicz A., Smilowicz P. Op. cit. S. 157.

⁴⁰ А. Олеховский (р. 1947) – экономист, политический деятель, в свое время бывший министром финансов, министром иностранных дел. Во времена ПНР, работая в международных структурах, сотрудничал со спецслужбами, чего никогда не отрицал. Участвовал в переговорах «круглого стола» в составе правительственной делегации.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В.В. Марьина (Россия)

Реабилитация Г. Гусака и возрождение идеи федерализации Чехословакии

Реабилитация так называемых буржуазных националистов в начале 1960-х годов стала импульсом к возобновлению обсуждения вопроса о государственно-правовом положении Словакии в Чехословацкой социалистической республике. В статье рассматривается, как ставился этот вопрос в 1963–1968 гг. и как разрабатывался закон о федеративном устройстве ЧССР.

Ключевые слова: Г. Гусак, А. Новотный, М. Госиоровский, буржуазные националисты, государственно-правовое устройство ЧССР, закон о федерализации ЧССР.

Несмотря на чрезвычайную близость чехов и словаков в этническом, языковом и культурном плане, взаимоотношения между ними в Чехословацкой республике (ЧСР), созданной в 1918 г., складывались непросто. На них накладывала отпечаток, с одной стороны, борьба чехов за усиление централизованного, унитарного государства, с другой – стремление словаков к возможно большей самостоятельности в его рамках. За время существования первой Словацкой республики (1939–1945 гг.) словаки окончательно ощутили себя сложившейся нацией не только в этническом, но и в политическом смысле. Возросли их самосознание и уверенность в том, что словацкий народ сможет самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Руководивший Словацким национальным восстанием (1944 г.) Словацкий национальный совет (СНС), созданный на паритетных началах коммунистами и представителями демократических политических сил, поддержал идею восстановления ЧСР, но заявил о самобытности словацкого народа и намерении войти в республику на правах равноправия с чешским народом. По

словам одного из руководителей СНС коммуниста К. Шмидке, находившегося в августе 1944 г. в Москве, «Словакия согласна войти в Чехословацкое государство только на федеративных началах»¹. Чехословацкая коммунистическая эмиграция стояла на позициях безусловного признания самобытности словацкого народа и выступала за его вхождение в ЧСР на основе принципа «равный с равным». Однако представления о его конкретном содержании были довольно расплывчаты, окончательное решение этого вопроса откладывалось на послевоенное время. Впрочем, не отвергалась и мысль о федеративном устройстве воссозданной демократической ЧСР². Возглавлявший тогда Отдел международной информации ЦК ВКП (б) Г. Димитров во время встречи с чешскими и словацкими коммунистами в начале 1945 г. видел будущее государственно-правовое устройство Чехословакии таким образом: «Полагаю, что наилучшим решением вопроса о взаимоотношениях чехов и словаков в освобожденной ЧСР было бы, чтобы чехи и Словакии находились в равноправном положении, чтобы в Чехии имелось чешское правительство, а в Словакии – словацкое правительство, и чтобы было совместное федеративное чехословацкое правительство. Чтобы существовал парламент чешский и парламент словацкий и, кроме того, парламент чехословацкий»³. Согласно Г. Гусаку, который в феврале 1945 г. три недели находился в Москве и неоднократно встречался с К. Готвальдом, жившие там чехословацкие коммунисты находились «под впечатлением точки зрения Г. Димитрова в отношении Чехословакии: у огромного большинства товарищей, с которыми я беседовал, была идея о федеративном решении государственно-правового устройства Чехословацкой республики. Это было коммунистическим решением, по примеру СССР, по этому пути уже пошла в то время Югославия. Лучшего решения никто не знал. Руководство Коммунистической партии Словакии в период восстания практически отстаивало эту точку зрения, хотя термин “федерация” мы не использовали... И Готвальд был в то время в принципе за федеративное решение»⁴. По-видимому, так оно и было. Иначе, выступая на конференции Коммунистической партии Словакии (КПС) в конце февраля–начале марта 1945 г., Гусак вряд ли заявил бы: «Исходя из факта существования двух равноправных народов, мы хо-

тим иметь федеративное государство, государство единое и общее, в котором, однако, каждый из народов правил бы сам»⁵.

В марте 1945 г. делегация СНС – Гусак был одним из шести ее членов – прибыла в Москву, где в то время проездом на освобожденную территорию Чехословакии находился президент Э. Бенеш и представители лондонского эмигрантского правительства. Начались переговоры о новом чехословацком правительстве и его программе. Для делегации СНС главным на переговорах являлся вопрос о статусе Словакии в восстановленной ЧСР. Однако, идея федеративного устройства республики не нашла сторонников среди «лондонцев». Осторожную позицию в связи с этим занял и Готвальд, уговаривая словаков пойти на компромисс. Мотивация была следующей: чешское общество не готово принять идею федерации, опасаясь новой вспышки словацкого сепаратизма. Вероятно, в этом заключался определенный резон, поскольку идея самостоятельной Словакии имела там еще много сторонников, и новое объединение с чехами приветствовалось далеко не всеми. Делегация СНС уступила. В программу сформированного в Москве нового чехословацкого правительства – позднее она получила наименование Кошицкая программа – вошла предложенная словаками компромиссная формулировка. «Новое правительство ЧСР, – говорилось в документе, – приложит усилия к тому, чтобы при конституционном решении отношений между чешским и словацким народами были учреждены словацкие органы власти (законодательной, правительственной и исполнительной), какую ныне словацкий народ имеет в лице СНС. Распределение компетенций между центральными и словацкими органами власти установят законно избранные представители словацкого и чешского народов»⁶. 5 апреля 1945 г. программа была оглашена на заседании СНС в г. Кошице. Раздел о государственном устройстве ЧСР Готвальд назвал «Magna Charta» («Великая хартия») словацкого народа. Гусак впоследствии вспоминал, что это название удивило словаков и не очень понравилось им: «Слово великая нам казалось слишком напыщенным. А Хартии (перечень свобод) феодальные владыки обычно дарили своим вассалам. Такого решения словацкого вопроса, как оно было сформулировано в правительственной программе, словацкий народ добился в борьбе. Никто ему ни-

чего не дарил. Однако название осталось»⁷. Впрочем, сомнений в том, что споры по вопросу о государственно-правовом устройстве ЧСР еще впереди, ни у кого не было. Их результаты зависели от развития ситуации и грядущей расстановки политических сил в стране.

А обстановка складывалась таким образом, что от декларированного формального равенства чешского и словацкого народов дело шло к их фактическому неравенству⁸. Исследовавший этот вопрос Я. Рыхлик пишет: «Чешская сторона, ограничившаяся в своих национальных требованиях восстановлением Чехословакии, стремилась к максимально возможной централизации государства, в то время как словацкая сторона, наоборот, стремилась удержать максимум из свободных отношений весны 1945 г. или же к этой модели возвратиться»⁹. Концепция Бенеша о едином чехословацком народе, по словам Г. Гусака, пустила глубокие корни в чешском народе, большинство которого разделяло мнение: «словаки нас предали» и с ними следует за это рассчитаться. Поэтому новое решение вопроса о взаимоотношениях чехов и словаков встретило у обоих народов большие сомнения и подозрения, с одной стороны, в том, «не надуют ли нас опять чехи», с другой, «не спекулируют ли словаки, не намерены ли, собственно, сохранить в рамках ЧСР так называемое словацкое государство»¹⁰. В Праге возобладало опасения словацкого сепаратизма. В результате трех так называемых Пражских соглашений (1945–1946 гг.), определявших компетенции центральных и словацких органов власти, усилились централизаторские тенденции в управлении государством. Они поддерживались всеми чешскими политическими силами, включая КПЧ, которая считала Словакию «слабым звеном» разворачивавшейся в стране национально-демократической революции. Этой позиции придерживались и «старые» словацкие коммунисты, работавшие в правительстве: В. Широкий, Ю. Дюриш. Часть руководства КПС, в том числе Г. Гусак, Л. Новомеский, К. Шмидке, внутренне не согласные с усилившимся неравноправием словацких органов власти, как дисциплинированные коммунисты вынуждены были подчиниться указаниям сверху. Новая чехословацкая конституция, принятая вскоре после коммунистического переворота (февраль 1948 г.), лишь закрепила существовавшее к

тому времени государственно-правовое устройство ЧСР. Таким образом, асимметрия в урегулировании чешско-словацких отношений, как и неравноправное положение Словакии и словацких государственных органов в ЧСР получили конституционное оформление. «Равноправие обоих народов, – разъяснял на заседании СНС 28 июля 1948 г. председатель чехословацкого правительства коммунист А. Запотоцкий, – состоит в создании условий для развития экономической, культурной и социальной жизни как чехов, так и словаков»¹¹.

Надо отметить, что решение национального вопроса в Чехословакии в первые послевоенные годы вызывало критическое отношение со стороны советских партийных функционеров и дипломатов. Так, в одной из записок, подготовленных в ОМИ ЦК ВКП (б) в июне 1948 г., говорилось об ошибках КПЧ в решении национального вопроса и о том, что проблему взаимоотношений чехов и словаков нельзя считать разрешенной. Давались также конкретные рекомендации по государственно-правовому урегулированию этого вопроса: «Наилучшей формой государственного устройства чехов и словаков было бы создание федерации, построенной не по буржуазно-территориальному принципу, а по национальному принципу»¹². Того же взгляда придерживался по сути и первый секретарь советского посольства в Праге И. Зайцев: «Отношения чехов и словаков никогда не были вполне удовлетворительны, и до сих пор большинство словаков склонны требовать более широкой автономии. При этом словаки ссылаются на пример СССР и Югославии, где осуществлено федеративное государственное устройство... предоставление Словакии федеративного статуса в большей мере удовлетворило бы национальные чувства словаков и сильно подорвало бы националистическую пропаганду словаков на Западе. Реальная власть чехословацкого правительства не ослабела бы от создания федерации. Надо думать, что рано или поздно Чехословакия станет федеративной республикой чехов и словаков, подобно Югославии»¹³. 20 лет спустя, был принят конституционный закон о чехословацкой федерации.

В начале же 1950-х гг. мысль о федерации расценивалась в Праге как подрывавшая основы единого Чехословацкого государства, строившего социализм. Ряд словацких политиков, в том числе Г. Гусак и Л. Новомеский, объявленные «словацкими

буржуазными националистами», несколько лет содержались в тюрьме. Закрытый суд (1954 г.) приговорил их к разным срокам тюремного заключения. Гусак, не признавший своей вины, получил пожизненный срок (затем наказание было снижено до 25 лет), но в 1960 г. по амнистии вышел на свободу под подписку о невыезде и находился под постоянным надзором органов государственной безопасности. В феврале 1961 г. на основе личного помилования президента ему вернули чехословацкое гражданство, а в апреле 1963 г. восстановили в партии. Партбилет Гусак получил из рук А. Дубчека, в то время первого секретаря ЦК КПС. Процесс реабилитации осужденных в 1950-е годы, несмотря на сопротивление пражского руководства во главе с президентом А. Новотным, постепенно набирал силу. 28 июня 1963 г. Президиум Верховного суда вынес приговор о снятии всех обвинений с Г. Гусака и осужденных вместе с ним лиц¹⁴.

Однако, по мнению Праги, Словакия в конце 1950-х – начале 1960-х годов по-прежнему оставалась «слабым звеном» и характеризовалась нарастанием враждебной по отношению к государству деятельности¹⁵. В июле 1960 г. Национальное собрание Чехословакии одобрило новую конституцию, в которой страна объявлялась социалистическим государством, нацеленным на построение «всесторонне развитого социалистического общества». Чехословацкая республика стала именоваться Чехословацкой социалистической республикой (ЧССР). Конституция провозгласила ее государством двух равноправных народов – чехов и словаков. Исходя из ложного посыла о том, что неизбежное сближение наций в условиях социализма приведет в ближайшей перспективе к их слиянию, конституция еще более ограничила полномочия и компетенции словацких национальных органов. Корпус уполномоченных (словацкое правительство) был объединен со Словацким национальным советом, исполнительным органом которого стал его президиум.

Несмотря на все старания пражского руководства во главе с Новотным, им не удалось воспрепятствовать возвращению в политику Г. Гусака, вокруг которого стал складываться круг активных единомышленников, недовольных ущемлением прав словаков. Гусак вступил на политическую сцену как противник Новотного и развил значительную активность, добываясь сво-

ей полной реабилитации, пересмотра и переоценки политических процессов 1950-х годов и наказания их инициаторов. Словацкое общество и, прежде всего, интеллигенция, пришли в движение. Немалую роль, как представляется, тут сыграли так называемые материалы «самиздата»: напечатанные на пишущей машинке на тонкой (папиросной) бумаге, в том числе пространные письма Гусака о реабилитации, направленные им в ЦК КПЧ. Некоторые из этих материалов по воле их распространителей, которые и таким способом надеялись привлечь к проблеме внимание Москвы, оказались в распоряжении автора статьи, находившегося тогда в научной командировке в Словакии. Их передача кому-либо в Москве, как представлялось, не могла принести никакой пользы (они «канули бы в Лету»), да еще грозила обвинениями в тайной перевозке через границу незаконно распространяемых в Словакии материалов. Так, они, к счастью, сохранились в личном архиве автора как исторический источник. На эти документы, в основном, и опирается настоящая статья. Среди привезенных материалов есть два письма Г. Гусака: от 20 декабря 1962 г. (64 машинописных страницы) и от 1 мая 1963 г. (134 страницы) и письмо Л. Новомеского без даты, судя по содержанию, скорее всего, конца 1962 г. или начала 1963 г. (25 страниц), адресованные ЦК КПЧ и его первому секретарю А. Новотному. Гусак и Новомеский ходатайствовали о пересмотре процесса 1954 г. ввиду лживости и голословности возведенных на них обвинений, о возвращении им гражданских и политических прав, о полной реабилитации. Доказательно и конкретно отрицая обвинение в «буржуазном национализме», они, в частности, объясняли, почему в конце войны возникла идея федерального устройства возрожденной Чехословакии.

«Жизнь в домюнхенской республике, – писал Л. Новомеский, – учила нас тому, что почвой, действительно питающей автономистское, а позднее сепаратистское движение в Словакии, было отношение к ней и к словацкому народу чешской буржуазии: её концепция чехословацкого национального единства (теория чехословакизма. – В.М.), её экономическая политика, не способствующая хозяйственному развитию Словакии, её (чешской буржуазии. – В.М.) политический, административный и культурный централизм. Соппротивление это-

му стилю республиканского правительства в Словакии было всеобщим... Также, как со дня на день росла надежда на крах нацизма и его клеро-фашистских¹⁶ сепаратистских последователей в Словакии, росло и опасение, что восстановление Республики будет означать простую реставрацию домюнхенских порядков с чехословакизмом и централизмом в отношении Словакии и с бесконечными переговорами с ней (Словакией. – В.М.) по мелочам ... словацкую национальную самобытность считали поддакиванием словацкому сепаратизму. Было ясно, что компартия может укрепить свой авторитет и снискать доверие широкой общественности в борьбе за восстановление Республики лишь в том случае, если заявит, что эта Республика будет иной, новой (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – В.М.)...республикой чехов и словаков, основанной на равноправии обоих народов. Она (партия. – В.М.) должна была сделать это еще и потому, что среди партийной и беспартийной общественности из-за опасения возврата домюнхенских отношений распространялись различные периферийные тенденции, [представители которых считали желательным] включение Словакии в СССР, для чего, как утверждалось, давало единственную возможность то обстоятельство, что Словакия будет освобождена Красной Армией. Пример для новой организации дел мы видели в Союзе советских республик, короче, в федеративном союзе чехов и словаков. Я был бы рад привести хоть одно имя словацкого коммуниста, функционера или рядового партийца, который был бы тогда, до и во время восстания, против такой концепции восстановления Республики. Различия между нами были лишь в степени горячности, с которой новое устройство совместного государства чехов и словаков признавалось и пропагандировалось. Единственно т. Широкий сначала стоял на такой точке зрения, что о будущем государственном устройстве не стоит говорить; Республику следует сначала восстановить, а уж потом наполнять ее новым содержанием. Но и он тоже признавал, что способность партии мобилизовать широкие слои народа была бы ослаблена, если бы ясно не было сказано, что республика и в этом вопросе не будет домюнхенской». Новомеский описал встречу чешских и словацких коммунистов с Г. Димитровым в декабре 1944 г. и изложил его вышеприведенную позицию по

вопросу государственно-правового устройства восстановленной Чехословакии. «С Клементисом и Гусаком, – по словам Новомеского, – мы, действительно, часто встречались до и после освобождения и многократно обсуждали вопрос о положении Словакии, то есть о таком её положении в Чехословацкой республике, которое раз и навсегда лишило бы живительной почвы в Словакии сепаратизм, шовинизм, античешскую или антипражскую озлобленность, то есть буржуазный национализм». До 1950 г., по словам Новомеского, «не появлялось никакого серьезного довода думать, что так называемые буржуазные националисты проводят иную, чем остальные члены КПС и КПЧ, политику, отличную от политики КПЧ. Правда, мы были весьма чувствительны к бюрократической бесцеремонности, к стремлению вылить с грязной водой и младенца, то есть во имя борьбы с реакцией ликвидировать или игнорировать национальные органы, выхолащивая их значение...»¹⁷.

Столь же критичной оценки прошлой политики Праги по отношению к Словакии придерживался и Г. Гусак в одном из своих писем в ЦК КПЧ. Кампания против «словацких буржуазных националистов», по его словам, постоянно связывалась с решением словацкого вопроса: «Эта, продолжавшаяся 10 лет кампания... нанесла партии и республике большой вред, особенно в области взаимного доверия обоих наших народов. В чешском народе эта кампания по необходимости вызвала недоверие к словакам и Словакии... Совершенно обратное действие по сравнению с тем, чего хотели ее инициаторы и режиссеры, эта кампания вызвала в Словакии. В течение 10 лет она (кампания. – В.М.) сеяла семена недоверия в отношениях словацкого и чешского народов, нанесла серьезный вред доверию между нашими народами... Непрерывная “мобилизация партии на борьбу против национализма в Словакии” ... рождала в словаках чувство обиды, неравноправности, несправедливости... Упомянутая кампания, связанная с нашим делом, является одной из причин грубых деформаций в решении национального вопроса у нас в период культа личности. Устраняя последствий культа личности у нас, необходимо устранить деформации в сфере национального вопроса... Укрепление доверия между двумя нашими народами, всестороннее улучшение их взаимоотношений я считаю одной из важнейших политических за-

дач у нас... Своей личной обязанностью я считаю всячески способствовать восстановлению и углублению взаимного доверия между нашими народами, содействовать укреплению единства, силы, расцвету нашего государства...»¹⁸.

В обращениях к руководству КПЧ Гусак выступал как убежденный коммунист – таковым он и являлся на самом деле – знакомый с марксистско-ленинской теорией и ленинскими работами по национальному вопросу. Своих оппонентов и недругов, прежде всего В. Широкого, Гусак упрекал в их незнании и извращении. Цитируя некоторые из ленинских работ, он писал: «Ленинские слова показывают, что точка зрения Широкого по национальному вопросу не имеет ничего общего с ленинскими принципами решения этого вопроса, что он нигилистически относится к решению этого вопроса, что механически и догматически толкует принцип подчиненности национального вопроса вопросу классовой борьбы и всеобщего прогресса». В понимании национального вопроса, по словам Гусака, расходятся не словацкие «буржуазные националисты», а Широкий. «Правильное, ленинское решение национального вопроса, – полагал Гусак, – у нас являлось предпосылкой укрепления классовой солидарности чешского и словацкого рабочего класса, создания атмосферы взаимного доверия между нашими народами и совместной борьбы против внутренней и международной реакции»¹⁹.

Распространяемые путем «самиздата» материалы, касавшиеся реабилитации так называемых словацких буржуазных националистов и нашедшие отклик, прежде всего, в интеллигентских кругах, снова поставили в повестку дня, казалось бы, уже решенный – это нашло отражение в конституции 1960 г. – национальный (словацкий) вопрос. Об этом свидетельствовало, в частности, и появление статьи доктора исторических наук профессора Братиславского университета, члена-корреспондента ЧСАН Милоша Госиоровского «К некоторым вопросам взаимоотношений чехов и словаков в политике Коммунистической партии Чехословакии». Ее автор, в прошлом (в начале 1950-х гг.) один из секретарей ЦК КПС, затем отошел от партийной работы и занимался наукой и преподавательской деятельностью. После выхода Гусака из тюрьмы, в начале 1960-х гг. у Госиоровского сложились, если не дружественные,

то нормально-уважительные отношения с ним²⁰. Статья была подготовлена для теоретического органа ЦК КПЧ журнала «Nová mysl» («Новая мысль») и одновременно направлена в ЦК КПЧ и ЦК КПС. Тогда же она появилась и в «самиздате»²¹. В статье (машинописный текст, 95 стр.) показано, как КПЧ на различных этапах своей истории, начиная с момента создания в 1921 г. и до современности, ставила вопрос о государственно-правовом положении Словакии в Чехословакии. В своих оценках и выводах Госиоровский опирался на труды классиков марксизма-ленинизма, на решения XX и XXII съездов КПСС, на опыт СССР и Югославии – поименованного Советского Союза она была единственным многонациональным славянским государством социалистического лагеря – в решении национального вопроса. Рассматривая современное состояние проблемы в ЧССР, Госиоровский рассуждал о том, может ли быть опыт этих государств примером для Чехословакии, учитывая специфику ее национального вопроса. Обращаясь к истории создания СССР, автор подчеркнул слова А.И. Микояна на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.), оценившего это событие как избрание единственной правильной формы социалистического союза народов (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. – В.М.). «Именно потому, что советская власть при практическом решении национального вопроса не ограничилась лишь выравниванием экономического уровня развития советских народов и их этнических территорий (подобная политика была положена в основу решения словацкого вопроса в Чехословакии в 1950-е годы. – В.М.), произошло всестороннее культурное и политическое развитие всех народов СССР», – писал Госиоровский. Далее следовало подробное описание структуры СССР и особенностей входивших в него национально-государственных образований. Многократно автор обращался к ленинским работам по национальному вопросу. «Советский Союз, – говорилось в статье, – по праву считается примером многонационального социалистического государства и поэтому остальные коммунистические партии, которые работают тоже в многонациональных государствах, учатся и непрерывно должны учиться у СССР, у КПСС». Высоко оценивалась и практика решения национального вопроса в Югославии. Далее автор показал, как ставился он на съездах КПЧ в довоен-

ный период, коммунистами во время войны, на завершающем ее этапе и в ходе национально-демократической революции 1945–1948 гг.

«Если оценивать урегулирование отношений между чехами и словаками после принятия Кошицкой правительственной программы с правовой точки зрения, – говорилось в статье, – то можно сказать, что тут фактически шла речь, хотя об этом и не говорилось, о специфической чехословацкой форме федерации». Кстати, так считают и современные исследователи, обращающиеся к этому вопросу. Как правильные, обеспечивавшие прогрессивное развитие Словакии (то есть, по пути углубления революционного процесса) оценивал автор и Пражские соглашения 1946 года, нацеленные на то, чтобы ограничить права ее национально-государственных органов, в которых временно получила большинство реакция, придав им фактически характер автономных органов».

«Февраль, – по мнению Госиоровского, – создал предпосылки для постепенного расширения национально-государственных прав Словакии... Но с 1948 г. мы стали свидетелями такого парадоксального явления, когда по мере укрепления власти рабочего класса и руководящей роли коммунистической партии, по мере укрепления социалистических отношений не только в Чехии, но и в Словакии, усиливалась тенденция к ограничению компетенции словацких национальных органов, причем не только в отношении обеспечения единого управления экономикой, но и в плане [усиления] административного централизма. Словом: после февраля 1948 г. мы в вопросе взаимоотношения двух народов встали на путь, противоположный тому, что было и что есть... не только в СССР, но и в СФРЮ».

«За прошедшие 13–15 лет, – писал Госиоровский, – ситуация зашла так далеко, что средний чешский человек думает (и это проявляется при большинстве встреч простых чехов со словаками), что в Словакии имеются только людаки и словацкие буржуазные националисты, что существующие словацкие национальные органы являются лишь неким рудиментом так называемого словацкого государства, что какое-либо предложение о расширении полномочий этих органов – это лишь путь к расколу республики, путь отторжения от нее Словакии. С другой стороны, простой словацкий человек в условиях это-

го пятнадцатилетнего непрерывного подчеркивания опасности лишь словацкого национализма думал и думает, что следует очень осторожно говорить о словацкой национальной гордости, о национальных правах и т. д., если он хочет избежать клейма буржуазного националиста. Словом, начиная с весны 1950 г. и до XII съезда КПЧ в декабре 1962 г. и даже до реабилитации видных словацких товарищей весной 1963 г.. все те, кто в словацком народе творчески мыслит, все те, кто время от времени общался с общегосударственными деятелями, жили [и живут] в страхе перед последствиями, которые могут быть результатом такого обвинения». Из-за ощущения страха перед обвинением в буржуазном национализме, из-за опасения не допустить каких-либо националистических уклонов («к сожалению, у многих работников общегосударственных органов не раз возникало стремление квалифицировать что-либо исходящее из Словакии и не отвечающее их представлениям как “буржуазный национализм”») почти полностью оказалась парализованной деятельность Словацкого национального совета и Корпуса уполномоченных, – писал Госиоровский.

«Следствием нового урегулирования положения словацких национальных органов в 1960 году, – говорилось в статье, – ... явилось то, что словацкий народ оказался единственным в социалистическом лагере, который на своей этнической территории не имеет таких органов социалистической государственной власти, которые отвечали бы уровню его современного развития, его численности и, особенно, необходимости (в любом случае) равноправного положения с братским чешским народом. Или же: пусть это новое урегулирование субъективно задумывалось, как угодно, но объективно оно вело к тому, что на многих участках совместной жизни наших братских народов дело дошло до полного фактического неравноправия в отношениях между ними...». Это привело, согласно Госиоровскому, фактически к ликвидации «Великой Хартии» словацкого народа, хотя с учетом «победы социализма» можно было реализовать принцип федеративного устройства республики. Однако этого не произошло. «Так это видят, – говорилось в статье, – преобладающее большинство не только словацкой интеллигенции, но и словацкие рабочие и крестьяне, так это видят все те, кто в словацком народе творчески мыслит».

В заключении Госиоровский, выступая от имени всех «творчески мыслящих» людей в Словакии и опираясь на мнение «многих чешских ученых», с которыми он обсуждал вопрос о государственно-правовом устройстве Чехословакии, предлагал для рассмотрения три варианта его решения: Первый: «Федеративное решение, как в СССР и СФРЮ. Это означало бы, что вся система государственного управления и народной власти снизу доверху (от национальных комитетов) на этнической территории чешского народа осуществлялась бы чешскими национальными органами (законодательными и исполнительными), а на этнической территории словацкого народа тоже словацкими законодательными и исполнительными национальными органами, над которыми как действительно общенародные стояли бы органы, абсолютно необходимые для обеспечения единого планирования и единого руководства чехословацкой экономикой, для обеспечения действительно эффективного взаимовлияния и взаимообогащения обоих братских народов и их общей социалистической родины» (подчеркнуто в документе. – В.М.). Второй: «Возвращение (правда, с учетом уровня социально-экономического развития, достигнутого в 1945–1963 гг.) к “Великой Хартии” словацкого народа весны 1945 г., которая являлась... специфической формой чехословацкой федерации, без упоминания “ужасающего” слова “федерация”». Третий: «Возвращение к управлению, зафиксированному в Конституции 9 мая 1948 г. (или в конституционном законе от июля 1956 г.), которое являлось специфической чехословацкой формой социалистической автономии и которое было сведено на нет деформациями во взаимоотношениях наших братских народов в период культы личности и нарушением социалистической законности в отношении видных представителей словацкого народа (и словацкой организации КПЧ)»²². Наиболее подходящим для ЧССР Госиоровский считал первый вариант. Но поскольку, по его мнению, только недавно принятая конституция не могла быть изменена так быстро, следовало пока начать широкую товарищескую дискуссию по всем этим вопросам и при определении дальнейших задач опираться на результаты научной работы экономистов, правоведов, историков, философов и т. д.

Журнал «*Nová mysl*» предложил автору доработать статью, что и было сделано. Но и после этого статья не была опубликована²³. Однако происшедшее не ушло от внимания чехословацкой, и особенно словацкой, общественности, и прежде всего ее творческих кругов. Вопросы государственно-правового устройства Чехословакии снова ставились в политическую повестку дня страны, что очень обеспокоило пражское руководство. И Новотный решил перейти в наступление. Совершив в сопровождении А. Дубчека поездку по Словакии, он 12 июня 1963 г. выступил перед коммунистическим активом в Кошицах с заявлением, которое, по словам Я. Рыхлика, должно было стать началом решительных действий против оппозиционеров²⁴. Прежде всего, Новотный обрушился с критикой на статью Госиоровского, который, по его мнению, «доказывает, что между чехами и словаками существует несогласие и говорит о необходимости федеративного устройства Чехословацкой социалистической республики в интересах решения национального вопроса между чехами и словаками». Он подчеркнул неправильность подхода Госиоровского к этому вопросу, дающего врагам ЧССР за границей «возможность нападков на Коммунистическую партию Чехословакии, на единство республики»²⁵. Новотный также подверг критике материалы, которые появились в словацких печатных органах, подчеркнув: «Мы открыто, таким образом, говорим, что не допустим, чтобы орган Центрального комитета Коммунистической партии Словакии “Правда” стал платформой неправильных взглядов и истерических выпадов против партии и с помощью подобных опубликованных в этом органе статей, оказывалось неправильное воздействие не только на словацкую, но и на чешскую общественность». Он отверг критику полномочий словацких национальных органов, зафиксированных в Конституции 1960 г., заявив, что в будущем коммунистическом обществе неизбежно слияние всех наций, а поскольку чехи и словаки являются самыми близкими из всех наций, то их слияние произойдет опережающими темпами. Кроме того, по словам Новотного, «на IX съезде Коммунистической партии Словакии критика национализма в Словакии была в основном правильной»²⁶.

Заявление первого секретаря ЦК КПЧ, опубликованное в «Правде», вызвало негодование словацкой общественности,

которая дала понять, что восприняла идею слияния наций как модифицированную версию единого чехословацкого народа. Оппозиционные по отношению к пражскому руководству и особенно Новотному настроения в Словакии не только не ослабли, но, наоборот, усилились. Одним из лидеров реформаторского движения, проходившего в Словакии под лозунгом нового обращения к вопросу о государственном-правовом устройстве ЧССР, становился наряду с А. Дубчеком Г. Гусак. Но до 1968 г., пока Новотный оставался главой КПЧ и президентом ЧССР, особых успехов это движение не имело, несмотря на то, что в декабре 1963 г. ЦК КПЧ вынужден был принять решение, гласившее: «Критика так называемой буржуазно-националистической фракции в руководстве КПС являлась неправильной, искусственно сконструированной». Однако в противоречии с этим, в резолюции утверждалось, что «вся линия нашей партии в национальной политике, особенно, что касается взаимоотношений чехов и словаков, была в прошлом и является в настоящем правильной». Это аргументировалось тем, что Словакия в своем политическом, экономическом и культурном развитии достигла больших успехов, ведущих к всестороннему выравниванию с Чешскими землями и сближению чешского и словацкого народов²⁷. Такой точки зрения Новотный и ЦК КПЧ придерживались и далее. Так, 25 марта 1966 г. Генконсульство СССР в Братиславе сообщало в ЦК КПСС о состоявшемся в январе этого года районном партийно-хозяйственном активе в Тренчине, на котором присутствовал и выступал Новотный. После выступления он получил ряд «вопросов, касавшихся мер ЦК КПЧ по выравниванию экономического уровня Словакии до чешских областей и усилению словацкой прослойки в руководящем составе Центральных учреждений ЧССР.. А. Новотный остро реагировал на эти вопросы, тем более, что они были поданы без подписи как анонимные. Он заметил, что вопросы проникнуты националистическим духом и что, по-видимому, националистические веяния в Словакии достаточно сильны». Участвовавшие в беседе с советскими дипломатами В. Биляк, А. Дубчек, В. Даубнер высказались примерно в том смысле, что, если после выступления Новотного в Кошице, в котором он говорил о словацком национализме, для нормализации обстановки, особенно среди братиславской интелли-

генции, потребовалось два – два с половиной года, то и теперь для этого потребуются столько же, а, может быть, и больше²⁸. Новотный от своей позиции не отступал и еще на октябрьском пленуме ЦК КПЧ 1967 г. обвинял руководство КПС в националистическом уклонизме²⁹.

Тем не менее, высшие партийные органы – ЦК КПЧ и ЦК КПС – вынуждены были, по крайней мере, делать вид, что не упускают словацкий национальный вопрос из своего поля зрения. В 1964 г. после принятого ими соответствующего решения несколько расширились компетенции СНС. Размышления о государственно-правовом устройстве ЧССР не прекратились и в творческой среде. Писатели, журналисты, историки поднимали эти вопросы на своих конференциях и съездах. Однако пугавшее власти слово «федерация» пока с трибун не произносилось. Осторожной выглядела и позиция ЦК КПС, среди членов которого было немало и сторонников государственного централизма. Так, в решении пленума ЦК КПС (25–26 мая 1967 г.) о некоторых вопросах работы партии в Словакии и укрепления единства социалистического общества лишь подчеркивалась необходимость «освещать национальную проблематику на высоком теоретическом уровне, посредством наступательной публицистики активно бороться против распространения односторонних, немарксистских точек зрения, против внеклассового, антиисторического и упрощенного подхода к этой проблематике, против как переоценки, так и недооценки национального вопроса»³⁰.

Положение изменилось после отставки Новотного с поста первого секретаря ЦК КПЧ (им в январе 1968 г. стал А. Дубчек, а ЦК КПС возглавил В. Биляк), а затем и президента ЧССР (в апреле 1968 г. этот пост занял генерал Л. Свобода). К этому времени приоритетным для словацкой общественно-политической жизни стал вопрос о реализации идеи чехословацкой социалистической федерации. Видимо, поэтому в резолюции ЦК КПЧ от 6 января 1968 г., предназначенной лишь для партийных функционеров, говорилось о том, что в интересах единства чешского и словацкого народов необходимо начать разработку в духе ленинского учения всех вопросов национальной политики³¹. Г. Гусак, тогда рядовой член КПС, был приглашен в Прагу и занял пост заместителя председателя

правительства, одним из направлений деятельности которого являлась подготовка законопроекта о новом государственно-правовом устройстве Чехословакии. Этим и занялся Г. Гусак. В марте 1968 г. ЦК КПС и СНС высказались за поэтапное создание федеративной ЧССР. Эту мысль поддержал и апрельский пленум ЦК КПЧ («разделение законодательных компетенций между Национальным собранием и Словацким национальным советом должно соответствовать принципам Кошицкой правительственной программы»). Однако в «Программе действий КПЧ», принятой на пленуме, указывалось на необходимость «использовать преимущества социалистического федеративного устройства как признанной и оправдавшей себя государственно-правовой формы сосуществования равноправных народов в социалистическом государстве»³². Напомним, что такая форма государственно-правового устройства социалистического государства имела место тогда только в СССР и СФРЮ. Но в иерархии внутривнутриполитических задач, намеченных пражскими реформаторами для решения в первую очередь, вопросы федерализации страны не значились. Между чехами и словаками шли споры о том, какие вопросы должны стать приоритетными: реабилитация незаконно осужденных, свобода слова, печати, информации, вероисповедания и прочие демократические ценности или государственно-правовое урегулирование взаимоотношений чешского и словацкого народов, которое должно предварять демократизацию и стать первым шагом на пути к ней. Чешская сторона настаивала на первом, словацкая – на втором³³. Спор, как представляется, носил схоластический характер, поскольку оба вопроса должны были решаться параллельно и одновременно.

В словацких верхах все более сторонников находил отказ от поэтапного и за быстрое, бескомпромиссное осуществление федерализации. Комиссии ЦК КПС, готовившие политическую и экономическую части «Программы действий Коммунистической партии Словакии», отвергли идею автономия Словакии как непоследовательное, половинчатое решение вопроса о государственно-правовом устройстве ЧССР, сохранения хотя бы и в усовершенствованном виде асимметричной его модели. Началась работа над проектом конституционного закона о федерализации страны. Профессор Братиславского

университета экономист К. Лацо, возглавивший созданную для этой цели комиссию СНС, заявил, что ее задачей является подготовка закона для всей республики, пересмотр всех параграфов конституции 1960 г., которые «сохраняют асимметрию»³⁴.

Выступая на краевой конференции КПС в Братиславе (19–21 апреля 1968 г.) уже в ранге вице-премьера правительства, облеченного соответствующими полномочиями, Г. Гусак заявил, что идея федерации принимается теперь всеми, в том числе и «чешскими товарищами», и что тенденций тормозить принятие закона не наблюдается. Предостерегая против распространения античешских настроений и высказываний, которые «могут оскорблять чешского человека», он сказал: «Мы хотим честно и справедливо решить национальную проблему, мы хотим спокойно и действительно по-братски жить с чешским народом в едином государстве». В программном заявлении правительства от 24 апреля 1968 г. уже говорилось, что оно считает урегулирование государственно-правовых отношений чешского и словацкого народов «своей первоочередной задачей». В этом же плане высказался и президент республики Л. Свобода, посетивший Братиславу 21 апреля. В марте–мае 1968 г. для обсуждения проблемы развития политической системы социалистического общества неоднократно собирались чешские и словацкие ученые-обществоведы, в целом одоббившие принцип федерализации государства. Однако экономисты не спешили с однозначными и окончательными суждениями, полагая, что эта сторона проблемы требует внимательного рассмотрения. Словаки же выражали нетерпение и не считали нужным оттягивать решение волновавшего их вопроса. Комиссия ЦК КПС по проблемам федерализации настаивала на создании центральной комиссии для их решения и рекомендовала до 20 июня 1968 г. выработать конституционный закон о чехословацкой федерации с тем, чтобы она была провозглашена к 50-летию образования ЧСР, то есть к 28 октября 1968 г. Подготовка закона рассматривалась как отправная точка в работе над новой конституцией ЧССР.

В середине мая 1968 г. Гусак предложил правительству проект создания политического Комитета по подготовке чехословацкой федерации и специальной правительственной комиссии по работе над конституционным законом. Документ

был одобрен кабинетом министров. Комитет, состоявший из 75 человек, – в него вошли представители политических партий Национального фронта чехов и словаков, пражского правительства, СНС, Национального собрания, общественных организаций, видные представители чешской и словацкой науки и культуры – возглавил председатель правительства О. Черник. В специальную комиссию по предложению возглавившего ее Г. Гусака на паритетных началах вошли 30 представителей чешских и словацких научных и культурных учреждений. Секретарем комиссии стал В. Плевза. В конце мая пленум ЦК КПЧ постановил, что проект конституционного закона должен быть разработан и предложен Национальному собранию к 50-летию образования ЧСР. В комиссии многие считали это неоправданным затягиванием дела, не идущим на пользу умиротворению кипящих вокруг него страстей. Другие же полагали, что нельзя действовать поспешно, поддаваться субъективизму и поступать волюнтаристски, что прежде следует демократическим путем решить вопрос о чешских национальных органах, которые будут представлены в симметричной модели государственно-правового устройства Чехословакии. По инициативе Г. Гусака комиссия после обсуждения неоднозначно трактуемого вопроса предложила все же ускоренно, до конца июня, разработать и представить конституционный закон о подготовке федеративного устройства ЧССР в конституционно-правовой комитет Национального собрания. 20 июня проект закона Гусак представил этому комитету. Пленарное заседание НС ЧССР 24 июня 1968 г. по предложению Гусака приняло указанный закон, который давал конституционную основу для образования Чешского национального совета (ЧНС) как временного органа, представлявшего интересы чешского народа. Решение задач по подготовке федерализации страны, согласно конституционному закону, возлагалось на эти советы. 10 июля 1968 г. на заседании НС ЧССР состоялось избрание ЧНС.

Общественно-политический кризис в стране набирал обороты, и в этой обстановке со страниц чешской печати зазвучали упреки в том, что Словакия, сосредоточившись на проблемах федерализации, не спешит с реализацией в стране модели демократического социализма. «Раздавались голоса, – как заявил Гусак на одном из митингов в Братиславе в конце июня, –

что Словакия отстает в процессе демократизации, что она становится более консервативной, что некоторые ее представители более сосредотачиваются на полемике с некоторыми экстремистскими выступлениями в печати, на радио, телевидении, чем размышляют об утверждении демократии на словацкой земле... Я не согласен с такими общими обвинениями»³⁵. Сначала демократизация, а потом федерализация – сторонники этого тезиса были не только в Чехии, но и в Словакии. Среди чехов усилилась своеобразная защитная рефлексия, возросли прежние опасения «предательства» со стороны словаков, крепло убеждение, что они не хотят идти по пути демократизации страны, а у словаков же вызвали недоверие излишне осторожная позиция чехов в вопросе федерализации, возможное его сведению лишь к разговорам о ней. Так видел состояние дел Г. Гусак, выступая на чрезвычайной городской конференции КПС в Братиславе 4–5 июля 1968 г. Не прекращались споры о содержании и форме федерации, о «жестком» и «мягком», «свободном» ее вариантах. Свое мнение по этому вопросу на городской чрезвычайной конференции КПС в Банской Быстрице 13–14 июля 1968 г. высказал и Гусак: «Я бы чересчур не заигрывал с идеей “свободной” федерации, означающей весьма произвольное объединение двух народов, которые практически отдалялись бы друг от друга, и к чему бы это привело? Так же энергично, так же решительно, как мы отвергаем централизованный тип федерации, который в определенной мере подтвердил бы неравноправие словацкого народа, мы отвергаем и свободный тип федерации, поскольку чувствуем свою ответственность за это государство. Мы помогли его восстановить. Словаки способствовали его восстановлению, и мы не позволим ни рисковать единством, ни заигрывать с идеями свободной, ослабленной или не знаю еще какими типами федерации»³⁶. Г. Гусак являлся последовательным сторонником, как федерализации Чехословакии на условиях равноправного положения чешского и словацкого народов, так и сохранения единства страны. Этой позиции, как представляется, он уже в статусе генерального секретаря ЦК КПЧ и президента ЧССР придерживался до конца своего нахождения у власти.

7 августа 1968 г. специальная правительственная комиссия представила документ под названием «Предложение о при-

нципах федеративного устройства ЧССР». Это был первый комплексно разработанный проект чехословацкой федерации, содержащий политические, правовые и экономические принципы ее функционирования, а также структуру и основные компетенции федеральных и национальных органов. В верхних эшелонах власти, как партийной, так и государственной, проект был принят с согласием и пониманием, хотя вызвал и немало замечаний по конкретным вопросам. Однако в печати дискуссия о взаимоотношениях чехов и словаков продолжалась. Так, например, чешская радикальная газета «Student» («Студент») ставила вопрос, какие выгоды приносит совместное проживание со словаками, и выражала сомнения в этом. «Имеет ли таким образом смысл наше совместное проживание? – ставил автор статьи вопрос. – Не лучше ли было бы создать два совершенно самостоятельных государства?... Почему бы именно нам, чехам и словакам, не проделать первый раз в истории социализма этот эксперимент? Возможно, что после этого, хотя бы и кратковременного опыта, мы, гораздо более умудренные опытом и гораздо более тактичные по отношению друг к другу, снова объединили бы свои силы». «Student» предлагал начать широкую общественную дискуссию по вопросам федерализации: «Демократия, на путь которой мы встали, допускает эту дискуссию»³⁷.

События 21 августа 1968 г. прервали в целом успешную и эффективную работу над документами по федерализации Чехословакии. Став первым секретарем ЦК КПС, Г. Гусак – он был избран им на чрезвычайном съезде КПС 31 августа 1968 г. – приложил все усилия к тому, чтобы ускорить их подготовку и завершить ее к концу октября. 27 октября 1968 г., в канун 50-летия образования Чехословакии, Национальное собрание ЧССР единогласно одобрило конституционный закон о чехословацкой социалистической федерации, который вступил в силу 1 января 1969 г.³⁸

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 4. Д. 552. Л. 14.

² Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 185.

³ Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. I–II. Praha, 1965. S. 519.

⁴ Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 789–790.

⁵ Cesta ke Květnu...I–II. S. 518–519.

⁶ Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945–květen 1946. Praha, 1975. S. 35–37.

⁷ Гусак Г. Указ. соч. С. 847.

⁸ Подробнее см.: Марьина В.В. Чехи и словаки в возрожденной Чехословацкой республике // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. С. 113–152.

⁹ Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko–slovenské vztahy. 1945–1992. Bratislava, 1998. S. 21.

¹⁰ List G. Husáka z 01.05.1963 adresovaný Ústřednímu výboru KSČ. S. 65. Машинописная копия // Личный архив автора.

¹¹ Цит. по: Falfan S. Slovenská otázka v Československu. Bratislava, 1968. S. 260.

¹² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 50. Л. 50–53.

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 177.

¹⁴ В приговоре Верховного суда говорилось, что доказательства вины «были вырваны из всех объективных и субъективных взаимосвязей, включены в искусственно сконструированные взаимосвязи, искажены и извращены до такой степени, что их нельзя рассматривать, как доказательство действительных поступков обвиняемых» (Presidium Nejvyššího soudu v Praze. Prz 9/63. Rozsudek Jmenem Republiky dne 28. června 1963. S. 8–9 // Личный архив автора).

¹⁵ Подробнее см.: Марьина В.В. Словакия начала 60-х годов: реабилитация так называемых словацких буржуазных националистов и словацкий вопрос // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 426–463.

¹⁶ В партийных документах периода Второй мировой войны и в послевоенные годы, а также в марксистской литературе режим первой Словацкой республики (1939–1945 гг.) именовался клеро–фашистским.

¹⁷ List L. Novomeského. Opis. Súdruh Antonin Novotný. I. tajomník ÚV KSČ a president ČSSR. Praha. S. 19–23 // Личный архив автора.

¹⁸ List G. Husáka z 01.05.1963 adresovaný Ústřednímu výboru KSČ. S. 131–134 // Личный архив автора.

¹⁹ Ibid. S. 88, 90, 101.

²⁰ В 1963 г. именно Госиоровский организовал встречу автора этой статьи с Г. Гусаком. Беседа, касавшаяся истории Словакии 1945–1948 гг. и длившаяся не менее двух часов, проходила в здании

Словацкой Академии наук, где тогда работал Гусак. Госиоровский присутствовал на беседе и активно включался в обсуждение вопроса. Представляется, что написанная им статья о взаимоотношениях чехов и словаков в политике КПЧ была известна Гусаку, а, возможно, даже согласована с ним.

²¹ Gosiorovský M. K niektorým otázkam vzťahu Čechov a Slovákov v politike Komunistickéj strany Československa // Личный архив автора.

²² Ibid. S. 18, 54, 55, 58, 70–72, 73–74, 91–92.

²³ Статья была опубликована только в 1968 г. в «Историческом журнале» – органе Института истории САН (Historický časopis. 1968. № 3. S. 354–406). Но не известно, в доработанном или первоначальном варианте.

²⁴ Rychlík J. Op.cit. S. 195.

²⁵ Цит. по: Plevza V. Národnostná politika KSČ a česko–slovenské vzťahy. Bratislava, 1979. S. 239. В. Плевза являлся секретарем специальной правительственной комиссии по вопросам государственно–правового устройства ЧССР и в книге, в идеологическом плане написанной в духе своего времени, приводит много документального материала. С некоторыми его выводами полемизирует Я. Рыхлик, скрупулезно исследовавший вопрос о рождении чехословацкой федерации (Rychlík J. Op.cit. S. 213–248).

²⁶ Rychlík J. Op.cit. S. 195–196.

²⁷ Plevza V. Op.cit. S. 238–239.

²⁸ См. Джалилов Т.А. К вопросу о влиянии советского фактора на чехословацкие события 1964–1967 годов // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 58–59.

²⁹ Plevza V. Op.cit. S. 243.

³⁰ Ibid. S. 242.

³¹ Rychlík J. Op.cit. S. 217.

³² Akčný program Komunistickej strany Československa. Bratislava, 1968 (См.: Plevza V. Op.cit. S. 256; Rychlík J. Op.cit. S. 223).

³³ Подробнее см.: Rychlík J. Op.cit. S. 226–232.

³⁴ Plevza V. Op.cit. S. 260.

³⁵ Ibid. S. 307.

³⁶ Цит по: Ibid. S. 310.

³⁷ «Slovak». 1968.7 augusta. (Цит по: Plevza V. Op.cit. S. 317–318).

³⁸ ÚSTAVNÍ ZÁKON ze dne 27. října 1968 o československé federaci (www.psp.cz/docs/texts/constituci_1968.html). Подробный анализ закона см.: Задорожнюк Э.Г. Чешско–словацкие отношения: от «режима нормализации» 1969 года к «бархатной» революции 1989 года // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 18–19.

Э. Лондакова (Словакия)

Истоки, проявления и последствия идей новой государственности до и после 1968 года в Чехословакии¹

Анализируется эволюция отношения представителей чешского и словацкого общества к называемому «словацкому вопросу» и, следовательно, к словацкой государственности, до и после вторжения войск стран-участниц Варшавского договора. Оккупация насильственным образом положила конец Пражской весне, после чего одни ее приверженцы отеснялись на периферию общественной жизни, другие же – вплоть до падения режима в 1989 г. – перешли в ряды диссидентства. Констатируется, что во имя сохранения единства в общей борьбе против коммунистического режима диссиденты лишь отчасти поднимали вопросы новой государственности.

Ключевые слова: цивилизационный сдвиг, Чехословакия, Словакия, чешско-словацкие отношения, национальная идентичность, словацкая государственность, «словацкий вопрос», федерализм, диссидентство.

Идеи национальной идентичности, а в XX веке – и государственности, становились лейтмотивом многих движений и программ, а также культурных и политических устремлений, которые в течение длительного периода воздействовали на словацкое общество на его пути к собственному государственно-правовому устройству. Они послужили благодатной почвой инициирования конфликтов между различными группами, убеждениями и интересами, меняли интенсивность и формы политического поля, в котором они происходили. Эти идеи целенаправленно становились составной частью политических амбиций, ординарных и усложненных концептов,

а также эмоциональной составляющей спонтанных гражданских движений.

В относительно краткой современной истории словацкой государственности огромное значение на пути к ее достижению имели вехи, которыми обозначались как общественный дискурс, так и дифференцированная шкала концепций. С появлением единого государства чехов и словаков в 1918 году Словакия впервые стала – хотя бы декларативно – равноправной частью нового совместного с чехами государства в Центральной Европе.

Несмотря на краткий по историческим меркам период существования государства, находившегося под влиянием идеологии чехословакизма, его можно считать демократическим, а соединение в нем двух народов являлось, несомненно, полезным, поскольку это позволило сформировать в Словакии стандартный спектр политических партий, повысить общий уровень образования, сформировать поколение научной и творческой интеллигенции.

После вынужденного обстоятельствами создания политически и морально скомпрометировавшего себя Словацкого государства (1939–1945 гг.) настал период вооруженного антифашистского сопротивления в годы Словацкого национального восстания, которое продемонстрировало жизнеспособность человеческого потенциала на этом пространстве. После освобождения, в ходе последних свободных выборов (1946 г.), словаки избрали не компартию, а конгломерат концентрировавшихся вокруг Демократической партии некоммунистических сил.

Тем не менее, в обновленной Чехословакии они стали одним из сателлитов Советского Союза. Даже в идеологически ангажированных условиях коммунистической эры Словакия добилась значительного цивилизационного сдвига, преодолев границы собственных, ограниченных историческими, экономическими, образовательными и культурными обстоятельствами, исходных позиций. Она была ввергнута в развернувшуюся в тот период политическую кампанию против так называемых словацких буржуазных националистов, направленную против национально ориентированной интеллигенции, а также против лидеров и акторов антифашистского сопротивления².

В конечном счете, эффект от такой борьбы оказался контрпродуктивным и привел к ухудшению сосуществования двух народов. Более того, она не только способствовала эскалации требований расширения полномочий и компетенций Словакии в едином государстве, но и инициировала демократизацию тоталитарной политической системы в 60-е гг. XX века и, в первую очередь, в 1968 году.

В этом десятилетии словаки становились полноценными партнерами своих чешских соратников в сфере культуры. В 1963 г. писатели и журналисты инициировали процессы постепенной либерализации чехословацкого общества. Одним из ее главных импульсов, но вместе с тем и источником разногласий, явились, с одной стороны, обоснованные требования реабилитации жертв незаконных процессов 50-х годов XX в., а с другой – стремление к равноправному положению Словакии в едином государстве, которое в течение длительного периода становилось не только источником взаимопонимания, но и точкой роста напряженности между чешской и словацкой интеллигенцией.

«Золотые шестидесятые» – время возвращения молодого послевоенного поколения со свойственными ему ценностными ориентациями, «незамыленным» взглядом на мир – становились для Чехословакии периодом некоторой либерализации отношений. В то время, когда на Западе вспыхивали протесты против общества потребления, против войны, за охрану природы, абсолютную свободу от условностей, в Чехословакии все более актуальными становились свобода слова, отмена цензуры, возрождение общества, концепции «социализма с человеческим лицом».

Александр Дубчек – новый тип политика – пытался избежать радикальных властных решений, предпочитая диалог и достижение консенсуса, уделяя большое внимание в том числе и так называемому словацкому вопросу. Правда, Дубчек не поддержал первые сигналы о необходимости федерализации государства³, все же в разряд его приоритетов в 1960-е гг. следует отнести кардинальное улучшение положения Словакии в едином чехословацком государстве.

В решение актуальных вопросов государства, помимо экономистов и политиков, включались также деятели культуры и

представители общественных наук, хотя на тот момент тема федерации все еще оставалась под запретом. Это подтверждает и реакция на статью университетского преподавателя, бывшего секретаря ЦК КПС, профессора Милоша Гюсиоровского «К некоторым вопросам взаимоотношений чехов и словаков в политике КПЧ», которая внесла в повестку дня государственно-правовые проблемы единого государства и его федеративного устройства. Статья встретила резкую негативную реакцию ЦК КПЧ, в том числе и за подвергавшуюся в ней критике централизованную Конституцию ЧССР 1960 года (поскольку она не отражала реального состояния государственно-правовых отношений, сведя на нет даже остатки релевантных полномочий словацких национальных органов). Автор, констатировавший в статье, что словаки являются единственным народом в тогдашнем социалистическом лагере, не имевшим на своей этнической территории адекватных органов власти, не избежал партийных санкций⁴.

Словацкие историки выступали в поддержку независимых исследований и объективной интерпретации истории, а также требований А. Дубчека «реабилитировать» скомпрометированные личности и забытые события отечественной истории. Они настаивали на необходимости переоценки систематического искажения истории, требовали доступа ко всем документам и источникам, права на независимые научные исследования и их публикацию, внедрения новых учебных программ преподавания истории в школах всех уровней.

Конференция, приуроченная к 20-й годовщине Словацкого национального восстания в Смоленице (8–10 июня 1964 г.), в которой, кроме коммунистических лидеров А. Дубчека и В. Биляка, приняли участие также Г. Гусак, Л. Новомеский, Э. Фриш, Й. Яблоничкий, Л. Липтак, С. Фалтян, Й. Тесарж, В. Кржен и др., «реабилитировала» восстание, ставшее выражением национального сопротивления фашизму и символизировавшее возвращение к ценностям собственной традиции и истории, столь важных для формирования национального самосознания будущих поколений⁵.

Вместе с тем эти устремления во второй половине 1960-х гг. несли на себе оттенок горечи. Аппарат Коммунистической партии не намеревался так просто сдавать свои позиции,

а пражский центр, используя директивные методы, стал подавлять считавшиеся подрывными настроения недовольства государством в чешском и словацком обществах. На пленуме в марте 1964 г. идеологическая комиссия Центрального комитета Коммунистической партии Словакии (ЦК КПС) подвергла критике издание «Kultúrny život» («Культурная жизнь»)⁶ за публиковавшиеся в нем «ошибочные статьи».

Впоследствии, в документе ЦК КПЧ «О задачах и состоянии культурных журналов» были предъявлены претензии к их вредным выступлениям и появились требования «решить» проблему самым решительным образом. Партийная газета «Pravda» («Правда») подвергла критике наиболее популярные периодические издания. Затем последовали кадровые перестановки как в редакциях, так и на постах главных редакторов следующих изданий: «Kultúrny život», «Smena» («Смена»), «Slovenský rozhlas» («Словацкое радио»). В 1965 г. был отозван со своего поста директор издательства политической литературы Рудольф Заяц. В протоколе от 15 сентября 1965 г. о реализации решения ЦК КПС ему инкриминировались «стихийный радикализм и бесплодная критика».

Современники характеризовали этот период как «...некое действо со странным и неустойчивым ритмом. Речь шла то о шаге вперед и двух шагах назад, то о трех шагах вперед и снова ...о полутора шагах назад. Новотный и его свита всегда прибегали к некоему тактическому манипулированию, оттягивая решение назревших проблем»⁷.

С другой стороны, подобного рода вмешательства лишь углубляли неудовлетворенность состоянием общества и вызывали мощнейшую ответную реакцию. Одни подвергались запугиваниям, другие же, напротив, еще больше повышали градус радикализма. Культурный фронт в ходе подавления свободы печати в Чехии и в Словакии удавалось парализовать лишь на какой-то определенный отрезок времени. Расколоть же его «удалось» только в результате конфронтации словацких национальных и чешских общегосударственных целей и требований.

Часть чешских интеллектуалов, выступавших в качестве авторов в словацких периодических изданиях с первых дней их основания, в первую очередь, на страницах еженедельника

«Kultúrny život», представляли идеи и взгляды, которые по политическим причинам не могли появляться в Чехии. Некоторые из них спустя некоторое время «ушли», поскольку в своих отечественных СМИ, таких как «Literární noviny» («Литературная газета»), «Kultúrní tvorba» («Культурное творчество»), «Tvář» («Облик») они могли рассчитывать на более массовую аудиторию и соответствующих партнеров, способных обогащать и развивать начавшуюся дискуссию в интересовавшем их направлении «всеобщего и демократического процесса», решать принципиальные идеологические вопросы, направленные против самой сути природы режима. Одновременно они концентрировали внимание на выявлении ошибок и недостатков системы, повышая прямо пропорционально усилению партийного антипрессинга степень своей решимости противостоять до победного конца продолжавшемуся умолчанию властей.

Либерально настроенным кругам не хотелось тратить энергию на полемику со словацкими оппонентами, например, известным писателем Владимиром Миначем, который критиковал их нападки на основы коммунистической политической системы и недооценку «словацкого вопроса».

Словацкая культурная сцена, напротив, считала национальный вопрос приоритетным, что, тем не менее, не способствовало росту взаимопонимания, а, напротив, вело к дисгармонии в борьбе за его решение, к примеру, с либеральными словацкими интеллектуалами (Милан Гамада), которые, как и их чешские коллеги, во главу угла ставили универсальные демократические ценности, отгесняя на второй план локальные – национальные и «региональные» – требования общественных преобразований.

Роль важнейшего трибуна свободного обмена мнениями в какой-то мере утратил еженедельник «Kultúrny život», который после отзыва П. Штевчека и замены его главным редактором Ю. Шпитцером (человеком компромисса, стремившимся в угоду «верхушке» и редакторам-радикалам запрещать неудобные статьи, чтобы не допустить жестких выпадов против журнала) терял свою глобальную и либеральную направленность. Возросла автоцензура редакции (и количество жалоб на нее), а темы стали ориентироваться на страны дальнего зарубежья, в

частности – если говорить о журналах – на орган Союза советских писателей, на исключительно профессионально-литературные темы.

Объединявшие чешских и словацких журналистов и писателей вопросы, своеобразно распределились между двумя сторонами, причем каждая из них решала их по-своему. Если главным словацким приоритетом оставалось решение государственно-правового вопроса, то чешские интеллектуалы своей основной целью считали принципиальное преобразование и дезинтеграцию коммунистического режима, смену его руководства, восстановление основных гражданских свобод. Они даже предпочитали отмежеваться от своих словацких соратников, в частности в 1967 г., когда готовился радикальный доклад на IV съезде писателей в Праге. Тогда они (якобы из соображений безопасности) скрыли это от своих словацких коллег.

Чешские элиты считали словацкие «проблемы» маргинальными, региональными, зачастую вовсе не воспринимая их в качестве проблем. Чешскую сторону полностью устраивал статус-кво, а реалистическая часть чешской элиты лишь спустя некоторое время осознала истинное значение этого вопроса для дальнейшего развития государства. Отдельные ее представители сделали это уже после IV съезда, поскольку их претензии словацкими (и некоторыми чешскими) коллегами не только не были поддержаны, но, напротив, подверглись критике (М. Валек, А. Лустиг). Период вынужденного замалчивания в 1960-е гг. проблемы федерализации единого государства сменился ее обострением вскоре после прихода в руководство ЦК КПЧ А. Дубчека. Он признавал ключевое значение проблем компетенции, управления и структурирования экономики для дальнейшего развития Словакии в едином государстве и рекомендовал ввести в состав аппарата КПС В. Павленду и Г. Кочтуха, которые уделяли особое внимание экономическим аспектам решения национального вопроса.

На проходившем 8 марта 1968 г. в Смоленице (Словакия) одном из последних рабочих заседаний экспертной группы под руководством З. Млынаржа они представили свое заключение о дальнейшем развитии политической системы для разрабатывавшейся Программы действий КПЧ. Институт го-

сударства и права САН поручил Ф. Вашечке⁸ обобщить данные оценки, которые затем, после консультации с Г. Гусаком, были представлены на конференции; в ее работе приняли участие не только юристы и экономисты, но также журналисты, историки, представители словацкой культуры (Л. Новомеский, С. Фалтян и другие).

Открыл встречу З. Млынарж, заявив, что работа экспертной комиссии находится в стадии завершения и речь идет лишь о согласовании заключения. Тем более неожиданным явилось выступление Г. Кочтуха, который представил «теоретическую гипотезу экономической федерализации государства» и пытался убедить присутствующих, особенно чешскую их часть, в «экономических преимуществах федерализации». На следующий день выступил Г. Гусак, подготовивший подробный доклад об истории чешско-словацких отношений, современном их состоянии и способах их решения. Вечером в неформальной обстановке дискуссии словацкие участники конференции фокусировали внимание на своих аргументах, пытаясь убедить чешских коллег в своей правоте⁹.

На конференции, концентрировавшейся преимущественно на идее федерации, произошел раскол чешских участников: тех, кто открыл для себя игнорировавшиеся ранее вопросы (Гюбл, Коцанда), а также тех, кто априори не выступал против подобного рода концепций (П. Питгарт, З. Йичински и З. Млынарж). Правда, Млынарж признал, что решение государственно-правового устройства единого государства – это в высшей степени «актуальная политическая проблема». По словам участника и автора записи работы конференции М. Ржегурека, форум явился ключевым прорывом во «...всеобщей антипатии, незаинтересованности и недооценке существующей проблемы» со стороны чешских элит¹⁰.

Однако подобную позицию разделяла не только политическая верхушка. Такие вопросы, согласно опросам общественного мнения, недостаточно значимыми считало и чешское население. Опросы демонстрировали явный перевес взглядов, подвергавших сомнению необходимость федерации, которая, по их мнению, могла привести в основном к увеличению финансовых затрат и росту численности бесполезных чиновников¹¹.

В 1960-е гг. словацкие журналисты и писатели инициировали изменения в политической сфере, причем движущими являлись как раз национальный и государственно-правовой мотивы. В ходе Пражской весны, когда чешские интеллектуалы в Праге принимали непосредственное участие во властных структурах, эти вопросы отодвигались на второй план, поскольку преференции оставались за так наз. общегосударственными интересами – демократизацией политической системы.

В финальной части своего известного манифеста «2000 слов» Л.Вацулик упомянул федерализацию как один из шагов на пути демократизации отношений, которые не смогут улучшить жизнь словаков. Он утверждал, что «правительство партийно-государственной бюрократии может просуществовать в Словакии гораздо более длительный период времени, если ему будет поставлено в заслугу то, что для Словакии оно “добилось большей свободы”»¹².

Все же в 1968 г., в отличие от середины 1967 г., чешские политические круги под давлением обстоятельств и своих словацких соратников «дозрели» (или лучше сказать – политически созрели) до определенных подвижек в решении данного вопроса. То, что многими ранее отвергалось как недостойный внимания излишний анахронизм, в 1968 г. должно было стать и стало одним из важнейших *объединяющих* факторов в борьбе с консервативными силами реакции.

Однако полагать, что данное понимание было достаточно реалистичным и глубоким, едва ли правомерно. Здесь, скорее, можно говорить о довольно формальной, политически ориентированной и недалёковидной идентификации «словацкой проблемы». Фактически же эти круги отличало отсутствие серьёзной заинтересованности в ускорении процесса федерализации; скорее, имело место стремление отложить его решение на будущее, т.е. использовалась тактика, приносившая свои плоды в прошлом. Впоследствии аналогичную позицию по этим вопросам заняли и чешские диссиденты. Эта же точка зрения укоренилась и у части либерально-ориентированного словацкого культурного сообщества, что приводило (как и в других вопросах) к постоянным конфликтам и противоречиям.

Если в 1968 г., после отмены цензуры и всеобщей политической либерализации, вопросы национальной государственной

ности решались на общегосударственном уровне в ходе аргументированных дискуссий и в целом цивилизованно, то на словацкой почве, как это ни парадоксально, они становились одним из источников недоразумений и разногласий как предельно актуальная и ключевая дилемма: «...что следует считать более важным и приоритетным – всеобщую демократизацию государства, либо же его федерализацию, которая интересовала лишь одну из его частей?».

Проблема федерализации еще более усугублялась, поскольку интерес к ее решению проявляли не только коммунисты-реформаторы, но и консервативные коммунистические силы, которых подозревали в намерениях использовать ее для умиротворения Словакии; элиминирование же данного принципа считалось важным в ходе борьбы за демократию, ориентирующуюся, в первую очередь, на трансформацию существовавшей политической системы. Эта точка зрения разделялась также и некоторой частью либерально настроенного словацкого культурного сообщества, что (наряду с другими вопросами) сопровождалось бесконечными конфликтами и разногласиями.

Недооценку значения федерализации (включая мнение Вацулика) словацкие представители и общественность сочли неправомерной. Они ссылались на негативный исторический опыт, связанный с задержками решения вопроса о положении Словакии в едином государстве под предлогом наличия других, более важных приоритетов. Решение его постоянно откладывалось и в итоге не выполнялось; более того – компетенции ограничивались еще в большей степени. Инициативу словацких экспертов относительно федерации поддержали КПС и Словацкий национальный совет (СНС), рабочая группа которого под руководством К. Лацо вскоре подготовила две версии проекта конституционного закона о чехословацкой федерации¹³.

Несмотря на оккупацию страны войсками шести стран-участниц Варшавского договора в августе 1968 г., Закон о Федерации после сложных переговоров и взаимных компромиссов 28 октября 1968 г. был утвержден. Этот закон, как и отмену цензуры, следует считать одним из главных итогов Пражской весны. Инициаторы федеративного устройства го-

сударства, которые надеялись, что словацкие национальные органы будут играть гораздо большую по сравнению с предыдущим периодом роль, не предполагали, что в политической системе советского типа с монополией на власть одной политической партии последовательная и реальная федерация невозможна. Собственно, это и подтвердила реальная практика Чехословакии непосредственно после 1969 г., когда федерация и компетенции республик в ходе нормализации постепенно ограничивались, превратившись в значительной мере в формальные.

«Шестидесятые годы» в Чехословакии ознаменовались, помимо этого, решительной политической борьбой с тенями прошлого, с политическим тоталитаризмом и консерватизмом, с поколенческими предрассудками; вместе с тем его можно назвать периодом больших надежд, всеобщей гармонии и веры в будущее.

Тем более сильный шок принесла нормализация и связанные с нею политические чистки, которые заставили многих видных интеллектуалов и политиков эмигрировать; оставшиеся же на родине их представители оттеснялись на периферию общественной жизни. В период, когда федерация уже зажила своей собственной жизнью, ряды диссидентства, где можно было встретить изгоев режима, постепенно укреплялись, но, по воспоминаниям Я. Чарногурского, его представители намеренно не занимались решением «национальных» вопросов. По его словам, памятуя именно предыдущий опыт 1960-х гг., диссиденты пришли к единому мнению – избегать постановки и решения этих вопросов, не позволять лишний раз национальным противоречиям и вражде выступать в роли причин фрагментации и без того их ограниченных сил и возможностей¹⁴.

Они, как заявил Питгарт, уже получили урок, поскольку еще помнили, что когда «...камень тоталитаризма стал крошиться на части, то сначала он надломился по линии чешско-словацких отношений». Он также высказал мнение, что «на судьбоносных перекрестках современной истории Чехословакии А. Дубчек и Г. Гусак, будучи словаками, изменили тренд развития государства. Оба они в критических ситуациях говорили и поступали, как словаки и от имени словаков, приводя тем не менее в движение абсолютно полярные силы»¹⁵. Парадокс за-

ключается в том, что указанные позитивный и негативный эффекты в конце концов вылились в отрицательное отношение к А. Дубчеку после подписанного им так наз. закона о дубинках, использованного затем против людей, выходивших на демонстрации в поддержку как его самого, так и его политики¹⁶.

Хотя чешские диссиденты тактично не напоминали об этом своим словацким коллегам, но фактически они считали, что «национальные чувства и страсти» «зашлаковывают» сугубо возвышенные общечеловеческие идеалы революции. С другой стороны, чешская интеллигенция понимала, что «пока отношения между чехами и словаками не станут равными, их всегда можно будет использовать или, точнее, злоупотреблять ими в каких угодно целях»¹⁷. Некоторые из них критически относились к чешским ошибкам и промахам, сосредоточенность на себе, отсутствие способности принимать инаковость, нежелание считаться с другими мнениями, что, в конце концов, в 1968 г. вернулось бумерангом.

Чешская и словацкая эмиграция, напротив, подвергалась все более масштабной фрагментации. Старшее поколение, верившее в единую Чехословакию, отказывалось принимать федерацию, усматривая в ней результат коммунистического прессинга. «Новая кровь», вливавшаяся из оккупированной нормализованной Чехословакии в 1968 г., занимала другую позицию. В первую очередь, словаки отказывались объединяться с чехословацкими сообществами, существовавшими практически во всех странах, за исключением Южно-Африканской республики; там же, где они все же объединились в разного рода организациях, неудачные переговоры приводили к формированию собственных – исключительно национальных – структур¹⁸.

«В эмиграции, – подчеркивается в литературе, – камнем преткновения между словаками и чехами становился вопрос о словацкой государственности. Чешская сторона считала оптимальным существование чехословацкого государства – по возможности в домюнхенском виде – как обязательное условие любых дебатов о сотрудничестве. Словаки же видели в чешско-словацкой федерации лишь исходную точку дальнейшего развития, подчеркивая, что их требования невозможно реализовать в рамках сложившейся государственности»¹⁹.

Поиску консенсуса, к которому стремилось как большинство уже существовавших сообществ, так и вновь возникавшие, противоречили, в частности, заявления П. Тигрида, который в своем самиздатовском журнале «Svědectví» («Свидетельство») опубликовал статью «Какие мы, когда плохо». В ней, в частности, шла речь исключительно о чехах, поскольку, по его словам, «литература о словацком национальном характере... скудна». Нет ничего удивительного в том, что именно П. Тигрид не позволил А.Дубчеку выступить в 1989 г. перед народом на Вацлавской площади в Праге, поскольку этого выдающегося деятеля Пражской весны и одного из ее творцов чешское диссидентство и эмиграция занесли в свои черные списки.

Известно, что чешское диссидентство оставалось политическим и занималось вопросами гражданских прав. Оно отличалось большей активностью и многочисленностью по сравнению со словацким, которого в первые годы нормализации, за исключением католической оппозиции, как будто бы и вовсе не существовало. Некоторые особенности иной ментальности, другой набор ценностей послужили причиной отказа от участия словацких диссидентов (за небольшими исключениями) в подписании Хартии 77.

Таким образом, и в «согласованном консенсусном» диссидентстве существовали различия, причем весьма существенные. Общий их лейтмотив – защита прав человека и гражданских свобод, идея Солженицына «жить не по лжи» либо же ее гавеловский парафраз «жить в правде»²⁰. В эти годы появляются философские размышления интеллектуально взращенных соратников, детально и всесторонне анализировавших политическую систему, в которой они жили²¹. Интересно, что те словацкие диссиденты, кто поддерживал чешскую концепцию противостояния режиму и кого чешское диссидентство принимало в качестве своих, вскоре перешли на чешский язык. Спустя некоторое время они слились с чешским диссидентством не только в мировоззренческом, но и в языковом плане (М. Шимечка, в дальнейшем один из постреволюционных представителей, «уроженец Мартина» Иван Гоффман, братиславчанин Ф. Гал, Юрай Фламик и др.); тем самым они ассимилировались как бы добровольно. Для некоторых из них был характерен сознательный отказ от словацкого происхождения и

намеренное притяжение к более европейской, по их мнению, чешской культуре.

Следовательно, оппозицию нельзя назвать монолитной, ее ряды затронули идейные расхождения с учетом приоритетов, трендов, ориентации, личного жизненного опыта и интеллектуальных возможностей. Многие авторы уделяли этой проблеме пристальное внимание и пришли к выводу о дифференциации оппозиции, выделив несколько течений: фундаментальная оппозиция, отрицавшая ключевые принципы системы, но в целом не подвергавшая сомнению ее как таковую; духовная, формировавшая альтернативные протестные течения, а также политическая оппозиция, которая пыталась интегрироваться в систему и разложить ее изнутри и пр.²²

По-видимому, фундаментальной оппозиция была только на начальном этапе нормализации – во времена, когда у коммунистов-реформаторов и их бывшей элиты теплились надежды на сохранение, по крайней мере, некоторых завоеваний Пражской весны. Другие же, выступая против конституционно закрепленной «руководящей роли КПЧ», трансформировались уже в 1969 г. в политическую оппозицию. После персональных проверок в 1969 г. (стартовавших весной этого же года после апрельского пленума ЦК КПЧ) и последующих массовых чисток в 1970–1971 гг. (когда появились 70 217 проверочных комиссий) партбилетов и, следовательно, карьеры лишились со временем почти полмиллиона членов партии, большинство которых вовсе не являлись активными диссидентами. Но вполне достаточно оказалось и тех, кто принимал активное участие в диссидентской деятельности, и, выражая свое отношение к режиму, естественно, переходили на более радикальные позиции²³.

Довольно широкую интеллектуальную базу инакомыслящих составили тысячи уволенных журналистов, редакторов СМИ, преподавателей и ученых, оказавшихся в экзистенциальной опасности, многие из которых навсегда потеряли право на профессиональную деятельность (в том числе их дети, у которых возникли проблемы с обучением в ряде университетов из-за подвергнувшегося сомнению их «происхождения» и отсутствие равенства возможностей для самореализации). Более совершенной становилась и программа диссидентства,

которую формально создавали беспартийные, ставшие таковыми не по своей воле; в новой ситуации они по логике стали больше склоняться к гражданской оппозиции, превратившись в одну из ее составных частей. Поскольку их гражданские права явно ограничивались, они начали выступать в поддержку диссидентов.

В первых программах начала 1970-х гг. (например, Десять пунктов от 21 августа 1969 года, Малая программа действий, Социалистическое движение чехословацких граждан и т.д.) выдвигались требования вывода войск стран-участниц Варшавского договора из Чехословакии, отмены цензуры, свободы слова и собраний, свободы передвижения, продолжения экономической реформы Шика и ликвидации параллельного управления предприятиями коммунистической партией с помощью первичных партийных организаций; настаивали они и на федерализации коммунистической партии.

Они находились под контролем студенческих радикальных левых, которые возглавил П. Ул. Постепенно развивался так наз. еврокоммунизм²⁴. Но если в традиционных западных коммунистических партиях проходил постепенный отход от Москвы (этому в значительной мере способствовало вторжение в Чехословакию в 1968 г.), то его последователи, реформистские деятели, прежде всего З. Млынарж, после 1978 г. стали обращать пристальное внимание на проблемы уже не усовершенствования и улучшения социализма, а на появление абсолютно новой ситуации, которая гипотетически могла бы наступить после коренных политических преобразований. Это, по сути, явилось ключевым поворотом в ориентациях оппозиции, которая в своих программных проектах стала отходить от фундаментальных основ реального социализма.

Млынарж разработал концепцию, согласно которой принципиально решалась проблема избавления Чехословакии от советского влияния, ставился вопрос о проведении свободных выборов, на которых демократическими методами можно было бы решить вопрос о реальном положении Коммунистической партии в государстве и даже о реализации демократических прав словаков (и чехов) «на самоопределение». При этом интеллектуалу Млынаржу следовало бы учесть, что свободные выборы могли закончиться для КПЧ, после ее

30-летнего авторитарного «господства», скорее всего, политическим крахом, а последовательная реализация права на самоопределение могла в дальнейшем послужить причиной расшатывания целостности единого государства.

Данная тенденция в тот период нашла отражение в кругах диссидентства, отказавшегося от реформы существовавшего социализма, открыто поддерживавшего ценности первой ЧСР и западноевропейские «социал-демократические» принципы (Хартия 77). Они установили контакты уже не с западными компартиями, а с известными в то время социал-демократическими политиками, часть которых позднее стала все более склоняться к правым и либеральным ценностям. В Словакии развитие событий в подобного рода направлении нельзя считать ключевым, поскольку лишь отдельные представители диссидентства копировали основные чешские диссидентские течения. В традиционно религиозной Словакии наиболее прочно они укоренились в христианском диссидентстве (Я. Чарногурский, Й. Микулошко, Я. Лангош).

Их чешские партнеры (В. Бенда, И. Медек) представили свою характеристику нации «как социального организма с собственной историей и культурой... с дифференцированной системой интересов и социальных ценностей», которых должна объединить идея «всеобщего примирения и обновления духовной сопричастности»²⁵.

На данном этапе чехословацкие диссиденты ограничивали себя, не идентифицируясь с оппозиционной политической платформой (политическая деятельность развивалась, скорее, в эмиграции); они по-прежнему базировались на своеобразных нравственных и культурных альтернативах существовавшему социализму, то есть укреплялись на позициях, которые давали им больше маневра и свободы для привлечения широкого спектра инакомыслящих; это также подтверждается несостоятельностью попыток создать узко ориентированные политические партии с политическими программами и субординацией.

Возможно, еще и по этой причине режим в какой-то степени относился к Хартии 77 «толерантно», поскольку в своей концепции она не выходила за рамки «реального социализма» (декларируя статус-кво) и не сформировала собственной

политической и конкурентной КПЧ альтернативы (дистанцируясь от нее и заявляя, что «не является и не стремится быть политической оппозицией»). Она сформировала, скорее, огромный моральный императив, имела неплохие зарубежные контакты, благодаря которым получала необходимую огласку, но для внутреннего коммунистического режима представляла собой достаточно деликатную и беззубую критику, требуя «уважения социалистической законности» и ее соблюдения в системе зачастую уже формально закрепленных прав. Однако именно приоритет закона над идеологическими запросами политической партии, которая игнорирует этот закон, хартисты считали началом «силовой деструкции системы, подрывом ее властных основ». Часть диссидентов, напротив, не возражала против дискуссий о политизации.

Словацкие диссиденты, несмотря на малочисленность, принимали участие в общегосударственных акциях Хартии 77. Помимо Я. Чарногурского, Д. Татарки, в ней участвовали М. Кусы, М. Дюрай, Г. Поницка, М. Стрыко, Я. Млынаржик, В.Чех и др. Их выступления дополняли акции за улучшение жизненной среды, объединившие участников экологических инициатив, а также публикация «Братислава/во весь голос», жестко критиковавшая режим за его неспособность предотвратить загрязнение окружающей среды, призывая к защите культурного наследия и памятников (М. Губа, Я. Будаи, П. Кресанек, Г. Калиска и т.д.). Постепенно формировалась художественная оппозиция (ассоциация исполнителей песен Солнцеворот, художников, музыкантов, журналистов и писателей).

Наиболее значительной акцией в марте 1988 г. явилась демонстрация со свечами за соблюдение прав человека и религиозных свобод, в которой на одной из главных братиславских площадей приняли участие около 7 тыс. чел.

Тем не менее, проблемы чешско-словацких отношений, находившиеся отнюдь не в эпицентре интересов диссидентов, которые упоминали о ней лишь вскользь, за исключением, пожалуй, лишь Млынаржа (неожиданно возникшая для него ранее «неизвестная и неактуальная» национальная проблема на конференции в Смоленице в 1968 г. оставила в его памяти неизгладимое впечатление, а в период разработки Программы действий КПЧ это побудило его к размышлениям об общем

будущем), и Питгарта (который в начале 1980-х годов считал проблему чешско-словацких отношений и их будущего одной из незначительных в историческом и политическом контекстах), не решались в принципе.

Со второй половины 1980-х гг. советская перестройка стала расшатывать коммунистическую власть, которая поддерживала жизнеспособность «реального социализма» во всех странах-сателлитах, а диссидентство активизировалось, перейдя форсированными темпами к поискам «политической» альтернативы явно распадавшейся системе; с весны 1989 г. оно перешло к конкретным шагам по ее разработке. Партийные органы, начиная с 1987 г., фиксировали повышенную оппозиционную активность, когда зарегистрировалось почти 20 оппозиционных «формирований» с численностью около 500 активистов и более 5000 сторонников. Они располагали достаточно точной информацией относительно их деятельности, концентрировавшейся вокруг Хартии 77, считая, что оппозиция перешла от стадии «моральных и демократических обновителей социализма» к открытым призывам деструкции социализма и замене его политической и экономической системой по модели буржуазного общества, подчеркивая, что она паразитирует на общественных проблемах²⁶.

В Проекте мер против враждебной деятельности нелегальных групп от 26 января 1989 г. констатировалась их активизация в 1987 г. в связи с 10-й годовщиной Хартии 77. В нем отмечалась политическая, идеологическая и финансовая поддержка отечественных структур официальными западными правительственными кругами, неофициальными институтами и международными организациями (например, критическое заявление госсекретаря США Шульца и министра иностранных дел ФРГ Геншера на конференции СБСЕ в Вене 1989 году, интервью А. Дубчека и И. Гаека в печатном органе Итальянской коммунистической партии «L'Unita»). В поведении инакомыслящих произошли значительные изменения, когда они вышли из подполья и стали выступать публично, популяризируя свои идеи, объединяясь с католическим духовенством и привлекая на свою сторону молодое поколение.

Диссиденты решились на открытую конфронтацию с режимом, на активизацию борьбы за признание статуса легальной

политической оппозиции; они стремились расширить свою деятельность на другие, помимо Праги, города, а также за пределы Чехословакии на соседние социалистические страны (следует отметить, в первую очередь, публикацию в венгерской прессе интервью со З. Млынаржем, который в конце 1988 г. вместе с А.Й. Лимом принял участие в семинаре диссидентов в Будапеште).

В документах отмечалась необходимость вмешательства со стороны сил правопорядка с целью предотвращения провокаций и сдерживания растущей активности неформальных структур, которые должны были встретить позитивную реакцию партийных структур, с другой стороны – осмыслялось их негативное воздействие на общественность. Поэтому власти повсеместно принимали меры, нацеленные на пропагандистскую и медиальную компрометацию этой оппозиции²⁷.

Фронтально-массированная атака ускорила процессы разложения коммунистического режима и в ноябре 1989 г. привела к его крушению. Отказ в течение многих лет от проведения дискуссий по вопросам государственно-правового устройства «отомстил» пришедшим к власти диссидентам после так наз. «бархатной» или «нежной» революции. Новые элиты взяли на себя управление государством, не ориентируясь в этой проблематике. Сосредоточившись на своей победе и основных атрибутах политики, они приступили к управлению многонациональным государством без какого-либо опыта, без знания исторических контекстов; вторая часть республики рассматривалась ими в рамках поверхностных и устаревших схем, что вело к радикализации ситуации. В конечном итоге, после смены политической системы все это удивительно быстро способствовало окончательному распаду просуществовавшего в течение 75 лет единого чешско-словацкого государства.

Перевод со словацкого Э.Г. Задорожнюк.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Статья публикуется в рамках проекта Вера №. 2/0104/13 «Словакия после 1968 г. От мороза нормализации к независимой Словацкой республике и демократии».

² Londáková E. Slovenské predjarie: mýty a realita slovenskej inteligencie v Československu pred rokom 1956 (a po ňom) // Česko–slovenská historická ročenka. 1998. S. 207–216; Pešek J. Nepriateľ so stránickou legitimáciou // Bystrický V., Rogulová J. a kol. Storočie procesov. Bratislava, 2013. S. 213.

³ Эту позицию представил проф. М.Госиоровский в своей полу-легально распространявшейся весной 1963 г. интересной статье: «K niektorým otázkam vzťahu Čechov a Slovákov v politike KSČ».

⁴ Londák M., Sikora S., Londáková E. Predjarie. Politický, ekonomický a kultúrny vývoj na Slovensku v rokoch 1960 – 1967. Bratislava, 2002. S. 340–34.

⁵ Г.Гусак вместе с В.Пречаном написал свой обширный труд «Свидетельство о Словацком национальном восстании», в котором, помимо прочего, роль КПС во многом переоценивалась.

⁶ Londák M., Sikora S., Londáková E. Op.cit. S. 314–316.

⁷ Kalinová A. Mojich sedem životov. Agneša Klainová v rozhovore s Janou Juráňovou. Bratislava, 2012. S. 241.

⁸ Вашечка Феликс (1915–2001) – юрист, ученый, журналист, представитель повстанческого поколения, один из руководителей повстанческого Словацкого национального совета, один из организаторов печатного издания «Nové slovo» («Новое слово»), сотрудник Словацкой академии наук, первый словацкий министр юстиции после создания чешско–словацкой федерации.

⁹ Žatkuliak J. Federalizácia Československého štátu 1968–1970. Vznik česko–slovenskej federácie roku 1968. Brno, 1996. S. 32.

¹⁰ Londák M. Rok 1968 a ekonomická realita Slovenska. Bratislava, 2007. S. 101.

¹¹ Rychlík J. Češi a Slováci v 20.století. Bratislava, 1998. S. 230.

¹² Hoppe J. Pražské jaro v médiích. Brno, 2004. S. 221.

¹³ Проект базировался на концепции так наз. свободной федерации двух национальных государств, предполагавшей передачу совместному государству части полномочий (оборона, внешняя политика, валюта) при соблюдении мажоритарного и паритетного принципов (то есть равноправного положения двух республик, независимо от размеров и численности населения) в принятии решений и формировании федеральных органов исполнительной и законодательной власти.

¹⁴ Выступление Я.Чарногурского 30 марта 2011 г. на конференции во Франции.

¹⁵ Pithart P. Osmádesátý. Praha, 1990. S. 89.

¹⁶ Речь идет о «Постановлении Президиума Федерального собрания о некоторых временных мерах по упрочению и охране общественного порядка» от 22 августа 1969 г.

¹⁷ Pithart P. Op.cit. S. 92–93.

¹⁸ Braxator F. Slovenský exil '68. Bratislava, 1992. S. 101.

¹⁹ Ibid. S. 103.

²⁰ Kmeť N. Disent // Slovensko a režim normalizácie. Prešov, 2003. S. 281.

²¹ Šimečka M. Kruhová obrana. Bratislava, 1992. S. 54–57.

²² Marušiak J. Medzi disentom a politickou opozíciou, predstavy československých disentov (1969–1989) // Česko–slovenská ročenka. Brno, 2009. S. 182.

²³ Štefánský M. Invázia, okupácia a jej dôsledky // Slovenská spoločnosť krízových rokoch 1967– 1970. Bratislava, 1992. S. 174.

²⁴ Marušiak J. Op.cit. S. 185.

²⁵ Ibid. S. 189.

²⁶ Archív ÚSD AV ČR. Praha. PÚV KSČ 1989. Fond 100. Aj. 102. Bod. 5.

²⁷ Ibidem.

И. Пернес (Чехия)

От Чехословацкой социалистической партии к Чехословацкому движению за демократический социализм (1968–1972 гг.)

После вторжения 21 августа 1968 г. войск стран Варшавского договора в Чехословакию не все политические силы в стране отказались от попыток отстоять демократические завоевания. В числе противников поставгустовских изменений оказалась брненская организация Чехословацкой социалистической партии, деятельность которой постепенно стала приобретать нелегальный характер. Наряду с изданием запрещенных печатных изданий и проведением дискуссий на политические темы члены партии ориентировались на выработку концептов новой государственности. Со временем партия трансформировалась в нелегальное Чехословацкое движение за демократический социализм, установила контакты с другими оппозиционными группами и поставила перед собой цель создать объединенную платформу для борьбы с режимом. В конце 1971 – начале 1972 г. активисты движения были арестованы органами госбезопасности, но после выхода из тюрьмы включились в деятельность в рамках Хартии 77.

Ключевые слова: Чехословакия 1968–1972 гг., политическая оппозиция, Чехословацкая социалистическая партия, Брно, демократический социализм, политические процессы.

Вторжение войск стран Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 г. не остановило процессы демократизации коммунистического режима и формирования гражданского общества. Широкие круги населения надеялись, что руководство Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) во главе с Александром Дубчеком не капитулирует перед со-

ветским руководством и сумеет отстоять хотя бы часть позиций, завоеванных в ходе процесса демократизации, начавшегося в январе 1968 г. Правда, официальное коммюнике о московских переговорах вызвало в обществе волну протестов, но перемежавшаяся слезами речь Дубчека после возвращения в Прагу давала повод засомневаться в его готовности к сопротивлению; правда, на этот счет высказывались и другие суждения.

Президент Свобода четко заявил: «Мы добились, главным образом, принципиального согласия на постепенное достижение полного вывода (советских) войск». Даже Густав Гусак, занимавший в тот момент пост вице-премьера, на внеочередном съезде Коммунистической партии Словакии 29 августа 1968 г. подчеркнул: «Мы продолжаем процесс, начавшийся у нас в январе. Происходящее в нашей стране – это наше дело. Для нас это было очищение идей социализма, коммунизма, марксизма... Прошедшие восемь месяцев – великий и светлый период в развитии нашей партии, наших народов... Мы хотим сохранить все это и двигаться дальше»¹.

Сразу после вторжения иностранных войск никто в Чехословакии не собирался уступать советскому давлению, в дальнейшем же радикализм и решительность только нарастали. Это проявлялось как в самой КПЧ², профсоюзах³, среди студенчества, так и в структурах Национального фронта (НФ). Одной из партий, члены которой отказывались возвращаться в доянварский (1968 г.) период, явилась Чехословацкая социалистическая партия, одна из легально существовавших в социалистической Чехословакии некоммунистических партий НФ.

Чехословацкая социалистическая партия. Чехословацкая социалистическая партия (ЧСП) была основана в 1897 г. под названием Национальная рабочая партии, а спустя год переименована в Чешскую национально-социальную партию. В 1918 г., после создания независимой Чехословакии и под влиянием охватившего Европу мощного революционного движения, она получила наименование Чешской, а спустя некоторое время стала Чехословацкой социалистической партией.

На внеочередном съезде в Брно в 1926 г. она снова сменила свое название на Чехословацкую национальную социалистическую партию (ЧНСП), фигурировавшее вплоть до 1948 г.

В указанный период значительно возросло влияние на партию министра иностранных дел, а затем президента Эдварда Бенеша; партия стала главной опорой политической группировки под названием Град. После Второй мировой войны она возобновила свою деятельность в качестве одной из партий Национального фронта чехов и словаков, став одним из серьезнейших политических противников и конкурентов КПЧ⁴.

В 1948 г., в дни государственного переворота, когда в Чехословакии был введен тоталитарный коммунистический режим, ЧНСП, как и другие некоммунистические партии – Чехословацкая народная партия (католическая) и Демократическая партия Словакии – потерпели поражение. Их лидеры либо эмигрировали, либо же оказались в заключении; организационная структура партий подверглась разрушению.

Руководство КПЧ в течение некоторого времени проявляло определенные колебания в выборе позиции по отношению к проигравшим партиям. Достаточно сильным являлось крыло, призывавшее к их ликвидации; его представители заявляли, что в Чехословакии – как и в Советском Союзе – правом на легальную деятельность может быть наделена только компартия. В конце концов, победило мнение более умеренного крыла, потерпевшие же поражение некоммунистические партии вошли в состав так называемого «обновленного» НФ. Однако их численность существенно сократилась, а лидеры этих партий встали на путь беспрекословного выполнения указаний КПЧ.

ЧНСП пришлось в очередной раз переименоваться и вернуться к названию 1918 г., т.е. Чехословацкой социалистической партии; ей пришлось отказаться от своей эмблемы, и, конечно же, от какой-либо самостоятельной политической деятельности, подчиниться директивам руководящих органов НФ, который находился под контролем КПЧ; в итоге партия превратилась в маргинальный политический субъект⁵.

По состоянию на 31 декабря 1967 г. она насчитывала всего 10705 членов⁶, большая их часть довольствовалась лимитированной деятельностью, на которую партия обрекалась: участие в добровольных бригадах, сбор вторсырья и участие в официальных политических акциях, как, например, празднование годовщины «февральской победы чехословацких трудящихся»

в 1948 г., 1 мая, годовщины освобождения Чехословакии Советской армией от фашизма и годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Тем не менее, 1968 год внес свои коррективы в деятельность и этой партии. Отмена цензуры в марте 1968 г., а также общая либерализация в стране способствовали активизации политической жизни общества. Многие поддерживали демократическое развитие, вступая в КПЧ, другие же полагали, что коммунисты за последние два десятилетия дискредитировали себя и утратили способность контролировать дальнейшее развитие. Поэтому одна их часть пополняла ряды уже существовавших под эгидой НФ партий, другая же решила пойти на создание принципиально новой организации под названием Клуб ангажированных беспартийных (чешская аббревиатура – КАН)⁷; отдельные же их представители даже предпринимали шаги по возрождению Социал-демократической партии, которая после 1948 г. подверглась насильственному слиянию с КПЧ⁸.

В самом начале 1968 г., когда появились надежды на демократические преобразования в стране, в ряды ЧСП стали вступать новые члены. Правда, уже к 28 февраля ее численность несколько снизилась, составив 10312 чел., но в последующем можно наблюдать возрастающий тренд: к 31 марта численность членов партии увеличилось до 11044 чел., к 31 мая – 15293, к 1 июля – 17223, а к концу 1968 г. – до 24665 чел. Таким образом, новые члены вступали в партию после советского вторжения, собственно говоря, вплоть до августа 1969 г., когда их количество достигло 28643 чел. После августа 1969 г., даты, ознаменовавшейся жесткими акциями чехословацких органов безопасности против демонстрантов, отмечавших первую годовщину оккупации, их число стало снижаться⁹.

В партию вступали как бывшие члены ЧНСП, которые после февраля 1948 г. вынуждены были выйти из ее состава, так и молодежь, не связанная с прошлым и считавшая своим образцом современные социалистические партии западного типа или же ликвидированную социал-демократию.

Приток новых членов и изменение в целом политического климата в стране явились причиной ухода 22 марта 1968 г. с поста ее председателя А. Неймана, тесно связанного с коммунистическим режимом и лично участвовавшего в февраль-

ских событиях 1948 г. на стороне КПЧ¹⁰. 6 апреля 1968 г. новым председателем ЧСП стал ее бывший генеральный секретарь Богуслав Кучера. Некоторые члены выдвигали серьезные аргументы против его избрания, считая, что он, как и Нейман, скомпрометировали себя сотрудничеством с КПЧ. Все же в итоге победу одержали те, кто искренне верил, что из состава партийного руководства удалось вывести человека, символизирувавшего подчинение компартии, которое всеми осуждалось. Однако всего через несколько месяцев стало ясно, что новое руководство ничуть не лучше прежнего.

Брненская организация ЧСП до 21 августа 1968 г. Брно – в прошлом историческая столица Моравии, исторической земли короны, существовавшей в течение тысячелетий и ликвидированной коммунистами в начале 1949 г., после отмены прежнего территориального (земского) деления в начале 1949 г. Тем не менее, Брно уже в течение длительного времени являлся вторым по величине и значимости городом Чехословацкой Республики и сегодня он занимает ту же позицию в Республике Чешской. Именно в этом городе ЧСП могла продолжить сложившиеся здесь традиции: на парламентских выборах в 1946 г., когда в целом по стране убедительную победу одержала КПЧ, в Брно большинство электората поддержало ЧНСП, представитель которой Й. Подседник занял пост градоначальника. Все же после 1948 г. партию запретили, а ее место заняла «возрожденная» ЧСП, не игравшая в жизни города значимую роль; в начале 1968 г. в ее рядах насчитывалось всего около 180 чел.¹¹

Однако, как уже отмечалось, в последующие месяцы в ряды ЧСП стали вступать новые члены с ярко выраженными политическими предпочтениями. Все они руководствовались стремлением превратить ЧСП в политический инструмент, способный оказывать эффективное влияние на проходившие в стране процессы. По данным центральных органов партии, средний возраст вступающих в партию членов составлял 37,8 лет¹²; благодаря своей активной позиции они вскоре взяли инициативу в городской организации в свои руки. В феврале – марте появилась группа, которая стала внедрять в работу брненской организации ЧСП новые методы, зачастую противоречившие партийному уставу. Ее ядро составили М. Шилган и его супруга Б. Шилганова, П. Вурм, Я. Шопф, А. Выроубал

и З. Покорны, историк Я. Мезник, а также Я. Потмешилова и Э. Килианова, к ним постепенно присоединялись и другие.

Одним из первых ее шагов явилось создание в марте–апреле 1968 г. Дискуссионного клуба¹³. Это неформальное объединение регулярно проводило дискуссионные вечера по текущим политическим вопросам, в которых принимала участие широкая брненская общественность, в том числе и члены других политических партий. Подобные Дискуссионному клубу структуры не предусматривались партийным уставом, поэтому руководство городской и краевой организаций ЧСП с опаской наблюдало за его деятельностью. Действительно, они не были наделены правом, руководствуясь политическими мотивами, лимитировать или запретить деятельность клуба. Но в то же время они не могли не видеть в нем реальную угрозу своим собственным интересам.

Ситуацию должна была разрешить кооптация М. Шилгана и Я. Мезника в брненский городской комитет ЧСП. Тем самым формировавшаяся политическая репрезентация, с одной стороны, пыталась усмирить радикализовавшуюся часть членов партии, а с другой – стремилась подчинить хотя бы минимальному контролю двух лидеров рождавшейся внутривнутрипартийной оппозиции. В итоге оба новых деятеля привнесли в деятельность горкома ЧСП новые идеи и веяния, а в принимавшиеся им постановления радикальную тональность.

В июне 1968 г. был избран комитет Дискуссионного клуба, председателем которого стал М. Шилган, а секретарем – Э. Килианова; в рамках клуба возникли идеологическая комиссия, комиссия по вопросам печати и др. В июне 1968 г. стал выходить бюллетень «Социалистический клуб» – размноженное на ротаторе издание, объемом от восьми до двенадцати страниц с ограниченным тиражом, значимость которого трудно было переоценить. Издание ставило минимальные цензурные барьеры печатавшимся в нем материалам: на его страницах проходили дискуссии о социализме, об этике в политике, о моральном вопросе, высказывались соображения по организационным партийным проблемам и даже полемика с партийным руководством.

В июле 1968 г. на его титульной странице появилась резолюция, призывавшая ЦК ЧСП поддержать заявление о возрож-

дении социал-демократии. В том же номере руководство Дискуссионного клуба опубликовало Предвыборный манифест, в котором призывало членов ЧСП избирать в ходе предстоящих конференций в городские, районные и краевые органы партии кандидатов, являющихся «убежденными сторонниками главных программных целей нашей партии (гуманизм, социализм, демократия, патриотизм), ... которые полностью поддерживают самостоятельность нашей партии», «будут в состоянии обеспечивать соблюдение в политике нравственных принципов» и выступать против концентрации в одних руках полномочий¹⁴.

Дискуссионный клуб, невзирая на партийный устав, стал налаживать контакты с другими организациями ЧСП как в Южноморавском крае, так и в других городах республики. Цель такого рода контактов – активизация групп и отдельных лиц, которые вступали в партию с целью изменения ее деятельности и превращения в эффективный инструмент политики демократизации¹⁵. Руководители брненской городской и краевой организаций ЧСП осознавали опасность подобного рода деятельности, но достаточными силами для ее запрета не располагали.

В это же время, брненская организация ЧСП стала привлекать в свои ряды молодых членов, преимущественно студентов вузов. В июне 1968 г. они основали в Брно Клуб чехословацкой социалистической молодежи, который стал издавать свой журнал «ВУЗовское слово»¹⁶. Члены этой ассоциации – которая также возникла вопреки партийному уставу – действовали еще более радикально по сравнению с членами Дискуссионного клуба. Они высказывали свои суждения по текущим политическим вопросам, вступали в заочную полемику с лидерами КПЧ, например Г. Гусаком, проводили публичные дебаты и собрания студентов, выступали против руководства ЧСП во главе с Б. Кучерой, а также требовали возврата к национальным и социалистическим традициям и ценностям¹⁷.

Неудивительно, что вскоре молодые социалисты вступили в конфликт с руководством краевой и городской организаций в Брно. 18 июня 1968 г. представителей молодежи пригласили на заседание городского комитета, который призвал ее умерить свой пыл. Спустя три дня краевой комитет партии вынуж-

ден был констатировать «неудовлетворительное руководство городским комитетом партийной деятельностью»¹⁸.

В мае и июне 1968 г. в ЧСП появилась новая структура – первичная организация, важнейший фактор не только в деятельности партии, но и в развитии политической системы в Чехословакии в целом. Ранее создание первичных организаций являлось исключительной прерогативой КПЧ, которая с их помощью оказывала влияние на рабочих и обеспечивала себе тем самым лидирующие позиции на предприятиях. Социалисты же попытались разрушить эту монополию и завоевать поддержку рабочих. Руководство ЧСП во главе с Б. Кучерой, который пришел к власти исключительно при поддержке КПЧ, понимало всю остроту сложившейся ситуации и пыталось предотвратить создание первичных партийных организаций¹⁹.

Тем не менее, политические события развивались независимо от мнения ЦК ЧСП, а первичные организации стали, помимо его воли, появляться на предприятиях фактически на всей территории республики. Уже в начале лета 1968 г. руководство партии вынуждено было пересмотреть свое негативное отношение к данной проблеме. 9 июня 1968 г. газета «Свободное слово», печатный орган ЧСП, опубликовала документ «Позиция ЧСП по некоторым дискуссионным проблемам», в котором в очередной раз подчеркивалось, что партия поддерживает последовательное отделение политики от управления экономикой; отмечалось также, что интересы трудящихся должны защищать независимые профсоюзы. Был сделан вывод, что ЧСП «при наличии соответствующих условий на отдельных предприятиях» также приступит к созданию своих первичных организаций. В то же время отмечалось, что положения о порядке их формирования и деятельности будут закреплены новым партийным уставом, который планировали принять на съезде осенью 1968 г.²⁰

Первая первичная организация ЧСП в Брно появилась на одном из крупнейших промышленных предприятий города – ZKL. Ее председателем стал П. Вурм, один из лидеров реформистской группы, сложившейся в рамках брненской городской организации. Под его руководством первичная организация ЧСП развивала на предприятии активную деятель-

ность, завоевав статус уважаемого партнера в глазах не только руководства предприятия по экономическим вопросам, но и лидеров первичной организации КПЧ²¹. Дискуссионный клуб считал важной деятельностью первичных организаций партии и поручил П. Вурму продолжать в Брно работу в этом направлении. Вскоре первичные организации ЧСП стали появляться и на других брненских предприятиях. Со временем их количество возросло, что послужило поводом к созданию Совета первичных организаций ЧСП в Брно, который стал координатором их деятельности.

Можно сказать, что указанные политические шаги инициировались Дискуссионным клубом. Его авторитет среди членов городской организации ЧСП в Брно возрос, а позиции как естественного центра оппозиции по отношению к городскому и южноморавскому краевому комитетам упрочились. Это наглядно продемонстрировали события начала июля 1968 г., когда актуализировался вопрос о выдвижении кандидатов на выборы в Чешский национальный совет. 5 июля 1968 г. бюро краевого комитета приняло решение о внесении в списки кандидатов «заслуженных», со стажем, деятелей ЧСП (В. Едличка, Л. Догнал, Я. Неуман, а также Я. Подола), которые должны были представлять на выборах Южноморавский край. В предшествующие годы они продемонстрировали свою готовность безоговорочно сотрудничать с КПЧ и выполнять все ее поручения и инструкции²².

Члены Дискуссионного клуба заявили о своем принципиальном несогласии с подобного рода решением, которое квалифицировалось ими как попытки скомпрометированных функционеров упрочить свои позиции. Клуб представил альтернативный список кандидатов, в который вошел, в частности, В. Кубеш, преподаватель юридического факультета Университета в Брно, бывший национальный социалист, а в 1950-е гг. – политзаключенный. В Брно стали раздаваться требования увеличить представительство некоммунистических партий Национального фронта в национальных комитетах²³.

Из вышесказанного ясно, что летом 1968 г. оппозиция в горкоме ЧСП в Брно, упрочив свои позиции, вполне могла действовать в качестве альтернативы партийным органам, избранным при поддержке КПЧ в доянварский (1968 г.) период.

Однако еще до начала возможной конфронтации наступило 21 августа 1968 г., когда войска стран-участниц Варшавского договора вторглись в Чехословакию.

Радикализация Чехословацкой Социалистической партии после 21 августа 1968 г. День двадцать первого августа 1968 г. стал шоком для большинства чехов и словаков. Хотя пресса ежедневно публиковала сообщения о позиции руководства Коммунистической партии Советского Союза, которое не поддерживало вектор политического развития Чехословакии, все равно почти никто не верил, что разногласия подобного рода можно решать военным вторжением, насильственной оккупацией независимого, суверенного и дружественного государства. Советский Союз традиционно воспринимался в Чехословакии как союзник и освободитель от немецко-фашистских захватчиков, в обществе преобладало традиционное русофильство, переходившее из поколения в поколение. Именно поэтому оккупация 21 августа 1968 г. явилась горьким разочарованием для всех, тем более что лишь незначительная часть общества поддержала советскую аргументацию о контрреволюционерах, которые якобы планировали захватить власть в социалистической Чехословакии.

Вторжение войск стран Варшавского договора парализовало страну. В первый день оккупации в брненском секретариате партии можно было увидеть одного абсолютно беспомощного заместителя секретаря краевой организации ЧСП З. Шмрза, оставшегося без связи с пражским центром и без директив относительно дальнейших шагов партии в сложившейся чрезвычайной ситуации. В конце концов, и он вскоре «куда-то сбежал, оставил секретариат, забыв на всякий случай в нем и свой партилет», как вспоминали спустя годы бывшие члены партии²⁴.

Между тем, помещение секретариата заняла группа, сплотившаяся вокруг Дискуссионного клуба, к которой спустя некоторое время присоединился секретарь городской организации ЧСП М. Эффенбергер. Группа в составе 10–15 человек готовила и размножала на официальном ротаторе листовки, возвания и инструкции не только для членов партии, но и для остальных граждан Брно. Для ознакомления с положением в других частях Южноморавского края им даже удавалось воспользоваться служебными автомобилями секретариата, на

которых они ездили по районам и собирали необходимую информацию²⁵.

После первоначального шока большая часть людей стала объединяться для проведения акций протеста. Вторжение в Чехословакию осудили даже многие из тех, кто критически относился к предшествующему периоду истории страны. В том же ключе выступил и ЦК ЧСП, который 23 августа 1968 г. провел экстренное заседание под руководством заместителя председателя ЧСП и председателя Южноморавского краевого комитета В. Едлички²⁶. На нем была принята декларация, осуждавшая вторжение в ЧССР войск стран Варшавского договора. Декларация квалифицировала его как оккупацию, требовала безотлагательного вывода войск из страны и освобождения ведущих чехословацких представителей, задержанных советскими органами. ЦК ЧСП направил также приветствие чрезвычайному XIV съезду КПЧ и выразил убеждение, что «в тесном сотрудничестве политических партий Национального фронта правое дело социализма, свободы и демократии победит».

В тот же день председатель партии Б. Кучера вылетел в Москву в составе группы сопровождения президента Людвика Свободы. Правда, он не принимал участия в переговорах в Кремле, но общественность, тем не менее, стала воспринимать ЧСП как политический субъект, на который можно положиться. Не случайно поэтому август и сентябрь 1968 г. стали последними из шести месяцев, когда рост новых членов партии достиг кульминации²⁷.

После возвращения чехословацких деятелей из Москвы ситуация в стране, в том числе и в городской организации ЧСП в Брно, стала постепенно приходить в норму. У власти после оккупации, вопреки советским планам, по-прежнему оставалось руководство Дубчека, которое и после возвращения из Москвы заявляло о своей поддержке идеалов послеянварской политики и демократического развития. Под «нормализацией» в этот период, как правило, подразумевалось достижение нормального состояния положения вещей, существовавшего до августа 1968 г. Даже консервативные марксисты-ленинцы понимали, что время для ревизии политического курса в Чехословакии еще не пришло. Это мнение разделялось как функционерами ЧСП, так и штатными сотрудниками аппарата. После со-

бытий последних августовских дней они снова вернулись в секретариат, уселись за свои столы и старались вести себя так, как будто ничего не произошло. Однако подавляющее большинство рядовых членов партии рассматривало августовские дни 1968 г. как принципиально новый качественный прорыв. Партийное руководство в Брно и в Южной Моравии – включая штатных сотрудников – полностью дискредитировало себя, утратив доверие рядовых членов. Напротив, благодаря своей принципиальной позиции и своим связанным с рисками действиям в критические дни оккупации, представители Дискуссионного клуба вместе со своими соратниками снискали огромное уважение и в решающие моменты стали естественным представителем брненской организации.

Решение о дальнейшем развитии брненской организации ЧСП было возложено на городскую конференцию, которая состоялась 23 ноября 1968 г. Конференция проходила под аккомпанемент студенческих забастовок в вузах, в атмосфере спонтанного сопротивления общества против тех мер, к реализации которых под давлением Москвы приступило руководство КПЧ. Выступления 151 делегата (из 170 избранных) соответствовали общему настрою. На конференции был избран новый комитет городской организации ЧСП в Брно. Выборы продемонстрировали решимость, несмотря на советскую оккупацию, ни на шаг не отступать от послеянварской политики. Два новых члена входили в состав прежнего комитета, остальные вступили в партию уже после января 1968 г.

Председателем городского комитета стал Я. Шопф (бывший председатель Я. Неуман²⁸ не вошел в состав комитета), его заместителем – А. Выроубал и З. Покорны, сотрудничавшие с Дискуссионным клубом, его членами – другие представители клуба²⁹. С первых же дней новые лидеры ввели новый стиль работы: в частности, штатному аппарату предписывалось выполнять поручения и решения выборных органов, что само по себе явилось, по сравнению с предшествующей практикой, значительным сдвигом. Уже 7 декабря был создан общегородской актив председателей городской и первичных организаций, разработавший новую политическую линию деятельности ЧСП в Брно³⁰, а 12 декабря 1968 г. стал выходить неперIODический «Бюллетень» городского комитета ЧСП в

Брно. 7 декабря участники актива обратились в президиум ЦК ЧСП с требованием ввести своих представителей в состав рабочих комитетов ЦК НФ³¹.

Атмосфера конца 1968 – начала 1969 гг. вынуждала новое руководство брненской организации ЧСП начать активные политические действия: оно потребовало оставить на посту председателя Федерального собрания ЧССР Й. Смирковского – одного из символов политики демократизации КПЧ, а также поддержало студенческие выступления, достигшие кульминации в дни похорон Я. Палаха³². 10 января 1969 г. на страницах газеты «Svobodné slovo» («Свободное слово») руководители горкома опубликовали заявление, в котором отказались квалифицировать спонтанные акции общественности против оппортунистической политики руководства КПЧ «как анти-социалистические и вредные для руководства государства» и потребовали проведения в ближайшее время выборов во все представительные органы³³.

Новый горком, в отличие от своего предшественника, активизировал муниципальную политику в Брно, направив своих представителей в районный национальный комитет, комитет экспертов, а также в органы разного уровня, организовал для членов организации Брно бесплатную юридическую консультацию и даже создал подготовительный комитет жилищного кооператива, специализировавшегося на строительстве семейных домов, поскольку в то время чехословацкое общество испытывало острую нехватку жилья³⁴. Новый городской комитет придавал особое значение первичным организациям ЧСП, которых в Брно в тот период насчитывалось девять³⁵. Важную роль играл также Экономический клуб, разработки и выводы которого кардинально расходились с социалистическими идеями, сближаясь с либеральными экономическими теориями³⁶. При новом руководстве Дискуссионный клуб активизировал свою деятельность, а реорганизованный Клуб молодых социалистов стал ориентироваться уже не только на студентов, но и на школьников и молодых рабочих³⁷. В начале 1969 г. в Чехословакии прошли краевые конференции ЧСП. Они продемонстрировали незыблемость позиции членов партии как после советской оккупации в августе 1968 г., так и после первых попыток просоветских сил добиться смены политическо-

го вектора Чехословакии. Полученные в марте – апреле 1969 г. руководством партии сообщения из различных районов и областей дали основание сотрудникам секретариата ЦК ЧСП сделать вывод о явной радикализации членов партии. Они отмечали, что в рядах ЧСП преобладало недовольство политикой руководства, более того, «появился ряд возражений против кумуляции функций, против избрания членов партийного аппарата на партийные должности, против деления на новых и старых членов партии»³⁸.

Несмотря на то, что другие партийные структуры Чехословакии, за исключением брненской городской организации ЧСП, не претерпели столь глубоких и принципиальных изменений, все же в ряде других городов руководящие посты заняли деятели, преисполненные решимости до конца сражаться за идеалы Пражской весны. Речь в основном шла о членах бывшей ЧНСП, но зачастую это были и не связанные с прошлым молодые люди. Похожая ситуация складывалась в Карловых Варах, Дечине, ряде пражских организаций, а также в других городах страны. Городской комитет ЧСП в Брно пытался установить с этими организациями самое тесное сотрудничество.

Президиум ЦК ЧСП сконцентрировал все силы на противодействии этим тенденциям; 14 февраля 1969 г. принимается резолюция, в соответствии с которой районные партийные органы наделялись правом обращаться в районные или краевые органы ЧСП не напрямую, как ранее, а при посредничестве ее высших органов³⁹. 3 апреля 1969 г. было принято постановление, запрещавшее первичным партийным органам издавать «партийные издания по общеполитической тематике»⁴⁰. Следует подчеркнуть, что документ составлялся с учетом действовавшего устава ЧСП, поэтому ему сложно было что-либо противопоставить; второе постановление появилось без подобного рода оснований.

Постановлением запрещалось издание материалов, игравших важную роль в налаживании контактов не только с брненскими однопартийцами, но и с членами ЧСП в других частях республики, где эти издания распространялись. В частности, речь шла о «Бюллетенях» Дискуссионного и Социалистического клубов, «Бюллетене» городского комитета ЧСП в Брно, о появившемся журнале Клуба молодых социалистов «Mladé

slovo» («Молодое слово»). Городской комитет в Брно направил в пражский центр письмо с требованием отменить данное решение, однако президиум ЦК 12 мая 1969 г. отклонил его, настаивая на принятом ранее решении⁴¹.

В рассматриваемый период Руководство ЧСП в Праге вело себя гораздо увереннее, поскольку 17 апреля 1969 г. с поста первого секретаря ЦК КПЧ ушел А. Дубчек, а его место занял Густав Гусак, послушный исполнитель указаний Кремля, сторонник жесткой линии. Он полагал, что политические партии Национального фронта не могут играть в обществе самостоятельную и независимую роль. С мая 1969 г. новое руководство КПЧ стало оказывать давление на руководящие органы ЧСП и Чехословацкой народной партии (ЧНП), пытаясь заставить их «консолидировать» положение в своих рядах и пресекать любые попытки проводить самостоятельную политику⁴².

Лидеры ЧСП считали важными для себя решения руководящих органов КПЧ и инструкции сотрудников секретариата ЦК КПЧ, что, конечно же, не могло не повлиять на решения пленума ЦК ЧСП, прошедшего 20 июня 1969 г. Пленум принял постановление, подтверждавшее ведущую роль КПЧ в обществе и выражавшее поддержку «основной ориентации чехословацкой внешней политики на союз с Советским Союзом и другими социалистическими странами»⁴³. В то время как сотрудники аппарата ЦК КПЧ с одобрением восприняли решения пленума ЦК ЧСП⁴⁴, у рядовых членов ЧСП они вызвали глубочайшее разочарование.

Руководство брненской организации созвало на 30 июня 1969 г. общегородской актив, который отказался признать постановление пленума ЦК ЧСП и призвал его «уважать мнения подавляющего большинства членов и повсеместно настойчиво отстаивать интересы как членов ЧСП, так и всех остальных демократически настроенных граждан ЧССР»⁴⁵. Разумеется, президиум партии осудил позицию членов брненской организации, намереваясь предпринять ряд шагов, чтобы снова поставить партию под свой контроль. Так, в июле 1969 г. принимается постановление о ликвидации дискуссионных клубов, созданных при различных партийных организациях⁴⁶. В то же время из ЧСП были исключены руководители городской организации ЧСП в Карловых Варах, отказавшиеся под-

держат постановление от 20 июня 1969 г. Некоторые из них позднее были арестованы органами госбезопасности и, в конечном счете, оказались за решеткой⁴⁷.

Лидеров ЧСП более всего тревожила ситуация в Брно, поскольку здесь речь шла уже не об отдельных членах, а о целой партийной организации, насчитывавшей сотни человек. Поэтому партийные чиновники оказывали давление на председателя городского комитета Шопфа и других членов президиума, требуя от них поддержки решений июньского пленума ЦК и соответствующих ему публичных заверений в лояльности руководству партии. В противном случае они пригрозили распустить горком партии в Брно, что, собственно, уставом как раз предусматривалось⁴⁸. Брненская организация пыталась лавировать: на 15 сентября было созвано еще одно собрание ее членов, основным пунктом повестки дня которого явился анализ постановления пленума ЦК от 20 июня 1969 г. и городского актива от 30 июня 1969 г.

Присутствующие, решительно отказавшись капитулировать, пытались не допустить ликвидации своей организации, поскольку в результате могли потерять право на легальную политическую деятельность. Как уже отмечалось, сначала, на общегородском активе 30 июня 1969 г., они однозначно отказались поддержать постановление центрального комитета, но затем, спустя два с половиной месяца, заявили, что будут руководствоваться им в своей работе. При этом они добавили, что поддерживают все высказанные к нему претензии; нет ничего удивительного, что руководство ЧСП назвало позицию брненской организации тактическим ходом⁴⁹.

Непримиримая позиция партийного руководства полностью соответствовала общему дискурсу относительно развития страны. 25–29 сентября 1969 г. состоялся пленум ЦК КПЧ, на котором гусаковское руководство добилось отмены антиоккупационного воззвания президиума ЦК КПЧ от 21 августа 1968 г., а также объявило недействительным XIV внеочередной съезд партии. Пленум также принял решение об исключении «из КПЧ главных идеологов правого оппортунизма»⁵⁰.

ЦК ЧСП не мог не отреагировать на эти решения. В докладе на пленуме, состоявшемся 24 октября 1969 г., председатель партии Кучера дистанцировался от политики партии, про-

водившейся в период с января 1968 г. по апрель 1969 г. Ее деятельность в указанный период расценивалась в докладе как поиск пути в трудные времена, как итог целенаправленных действий различных групп, оказывавших давление на ЧСП. Назвав руководство брненской организации в числе тех, кто наносил ущерб партийной политике, Кучера выразил убеждение: ее «здоровое ядро» должно осознать, что подобная деятельность угрожает не только данной организации, но и партии в целом⁵¹. Прессинг на горком ЧСП в Брно достиг высшей точки 4 января 1970 г., когда его распустили⁵². Городскую организацию, лишившуюся тем самым избранного демократическим путем руководства, возглавила назначенная пражским центром так наз. Административная комиссия⁵³.

На нелегальном положении. После роспуска городского комитета ЧСП в Брно в местной организации возобладало всеобщее разочарование, проявлявшееся в достаточно заметных акциях недовольных членов партии. Однако многие члены бывшего комитета (М. Шилган, Я. Шопф, П. Вурм, А. Выроубал, З. Покорны, Э. Килианова, Я. Мезник, Я. Потмешилова) не желали отказываться от политической деятельности, хотя и понимали, что ЧСП уже не может быть надлежащей платформой в их деятельности. Они по-прежнему встречались, но уже не на базе партийных структур, а чаще всего на своих квартирах. Сначала они пытались предпринять некую совместную акцию против ликвидации городского комитета, поскольку устав ЧСП допускал такую возможность. Однако ЦК ЧСП проигнорировал их жалобу. Политическое развитие в Чехословакии по-прежнему не устраивало их, поэтому они продолжали собираться, обмениваясь информацией, почерпнутой из зарубежных радио- и телепередач, а также из привезенной из-за границы прессы, в том числе и эмигрантской.

Со временем встречи становились более упорядоченными: их открывало сообщение одного из членов по определенной политической и экономической тематике, затем развертывалась дискуссия. Тем самым неформальная по своей сути группа людей, близких друг другу по мировоззрению, отрицавшая так называемую нормализацию гусаковского типа, постепенно трансформировалась в организованную структуру, ориентированную на политическую деятельность. Она должна была

действовать – учитывая эскалацию репрессий по отношению ко всем, кто не соглашался с новым режимом – в условиях конспиративности, нелегальности⁵⁴.

Примерно в середине 1970 г. М. Шилган установил контакты со второй подпольной группой в Брно. В ее состав входили бывшие члены и деятели городской организации КПЧ, которые после внутривластных чисток лишились своих постов, а затем и партбилетов. Их возглавил Я. Шабата, прекрасно понимавший преимущество сотрудничества двух политических структур, что свидетельствовало о существенном сдвиге в позициях, поскольку ранее такое сотрудничество категорически отрицалось⁵⁵.

Во второй половине 1970 г. их деятельность активизировалась, достигнув заметных успехов. Обе группы договорились о выработке общего подхода и совместных действий против «режима нормализации». На первых порах их деятельность концентрировалась на обеспечении не подвергавшимися цензуре печатными материалами, получаемыми в основном из-за рубежа, на их тиражировании и привлечении новых сотрудников. Конечно, они понимали, что вовлечение в их деятельность большого числа людей уязвимо и чревато рисками разоблачения. Поэтому они разрабатывали методы нелегальной работы и ее эффективные структуры.

В 1971 г. группа растиражировала и распространила работу русского диссидента А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» в переводе П. Вурма, тексты «Как это было в Польше» и «О движении рабочего класса в США», о ходе и итогах XIV внеочередного съезда КПЧ, открывшегося в августе 1968 г., а также различного рода актуальную информацию под названием «Факты, комментарии, события», «Новости культуры», «Жаркое лето в Европе», «Студенты осуждены – социализм спасен», «Статистические данные о социальном и возрастном составе членов КПЧ», «Что не должно уйти из поля зрения», «Манифест 28 октября 1970 г.» и многие другие. Большая часть этих текстов распространялась в Брно, но частично попадала она и в другие города Чехословакии.

Бывший преподаватель университета Я. Шабата, ставший позднее секретарем городского комитета КПЧ в Брно (на XIV внеочередном съезде в августе 1968 г. избран членом

ЦК КПЧ, а после прихода к власти Гусака исключен из партийных рядов), в начале 1971 г. передал М. Шилгану материал под названием «Мемуарные заметки» с тем, чтобы члены социалистической группы прочли и оценили его. В материале в обобщенном виде излагались суждения о методах борьбы против гусаковского режима, высказывавшиеся в многочисленных дискуссиях. Представленный Шабатой материал не устроил большую часть членов группы, которые в числе главных его недостатков указывали на отсутствие программных стратегий. Материал поручили доработать П. Вурму, зарекомендовавшему себя в 1968-1969 гг. работой над проектом новой программы ЧСП. Другими членами группы также высказывались замечания и предложения по документу⁵⁶.

К середине 1971 г. П. Вурм закончил работу, озаглавив доработанный им материал «Малой программой Чехословацкого движения за демократический социализм». Вскоре и сама группа – правда, с определенными оговорками – также получила наименование Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДС). Программа обсуждалась на целом ряде встреч в 1971 г. После завершения работы над текстом, внесения стилистических поправок, документ вернули Я. Шабате, который, в свою очередь, передал его пражским историкам М. Гюблу и Я. Тесаржу⁵⁷.

П. Вурм, как и его друзья, однозначно поддержал «Малую программу действий», ориентированную на борьбу за свержение сформировавшегося тоталитарного режима. Вурм отрицал любые компромиссы: «Не должно оставаться ни тени сомнений, что никто из нас не желает заигрывать с режимом. Отрицание режима неизбежно; этому не мешают половинчатые формулировки нашей позиции сегодня, а тем более половинчатые действия в период, которого мы ожидаем...»⁵⁸.

«Малая программа действий», по замыслу ее создателей, должна была выполнить главную задачу: создание условий для объединения на общей платформе «демократической социалистической оппозиции» в эффективной борьбе против «режима нормализации». Она должна была стать, по словам П. Вурма, своего рода «руслом», в котором могли бы слиться воедино все идейные течения оппозиции: от католической программы соборного обновления, программ национальных

социалистов и социал-демократов вплоть до программных установок исключенных коммунистов. В качестве предварительного условия такого объединения называлась выработка общей позиции относительно послеянварских событий 1968 г. в Чехословакии. Поэтому первая часть программы под названием «Необходимость, генезис и политический профиль объединенной социалистической оппозиции» явилась одним из первых аналитических материалов о послеянварском развитии 1968 г., в том числе и о происходивших в Чехословакии после августовской оккупации процессах.

Неудивительно, что новоиспеченный «режим нормализации» в Чехословакии, репрезентовавшийся Г. Гусаком, видел в объединительных акциях демократической оппозиции явную угрозу и решил предпринять против нее решительные меры. Уже в ноябре 1971 г. органы госбезопасности арестовали исключенных коммунистов. «За решеткой, – пишет в своих мемуарах Я. Мезник, – оказались Ярослав Шабата, его дочь и сыновья Анна, Вацлав и Ян, в Праге – Я. Тесарж, Р. Баттек, М. Гюбл, И. Мюллер и другие. Мы пребывали тогда в неведении в течение двух месяцев: закончатся ли на этом аресты или же они будут продолжаться»⁵⁹.

В конце концов, восторжествовала вторая альтернатива. 31 января 1972 г. в Брно прошли массовые аресты. Вместе с Мезником были арестованы М. Шилган, П. Вурм, Я. Шопф, З. Покорны, А. Выроубал, О. Швенда, а на следующий день – М. Гросс, З. Новотны, З. Вашкова, И. Пернес и Я. Грох. Но если Швенда, Гросс, Новотны, Вашкова, Пернес и Грох были освобождены после допроса в день задержания либо же днем позже⁶⁰, то оставшаяся в заключении первая группа вскоре предстала перед судом.

В целях запугивания оппозиции летом 1972 г. «режим нормализации» инициировал серию судебных процессов против тех, кто отказывался смириться с поражением Пражской весны и вел против него борьбу. В Праге прошли суды над группами М. Гюбла, Я. Тесаржа, Я. Дуса, а в Брно – над группами Я. Шабаты, В. Тесаржовой и Яна Шабаты. Бывшие члены ЧСП проходили в суде как «группа Милана Шилгана»; в целом перед судом предстали 47 чел.

Судебный процесс над брненскими социалистами состоялся 24–26 июля 1972 г., причем вынесенные приговоры никоим образом нельзя назвать умеренными. М. Шилган получил пять лет лишения свободы, З. Покорны – четыре, Я. Мезник – три с половиной, П. Вурм – три, А. Выроубал – два с половиной года, Я. Шопф – 26 месяцев⁶¹. Даже после отбывания сроков наказания (некоторых из них освободили в результате помилования) они не отказались от участия в борьбе с тоталитарным режимом. Почти все они оказались в рядах диссидентского движения, а впоследствии их подписи появились под Хартией 77.

Перевод с чешского Э.Г.Задорожнюк.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Ruml J. Kalendárium. Leden – prosinec 1968. Praha, 1990. S. 58–60; подробнее см.: «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. М., 2010; Чехословацкий кризис 1957–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010; Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., 2010.

² Vondrová J. Reforma? Revoluce? Pražské jaro 1968 a Praha. Praha, 2013. См. также: Komunistická strana Československa. Kapitulace (srpen – listopad 1968). Prameny k dějinám československé krize 1967–1970. D. 9. Sv. 3. Praha – Brno, 2001.

³ Pernes J. Gewerkschaften und Arbeiterselbstverwaltung in der Tschechoslowakei der sechziger Jahre // Sozialistische Wirtschaftsreformen. Tschechoslowakei und DDR im Vergleich. Frankfurt am Main, 2006. S. 397–433.

⁴ Harna J. Kritika ideologie a programu českého národního socialismu. Praha, 1978; см. также: Klácel F. Republika nad stranami. O vzniku a vývoji Československé strany národně socialistické (1897–1948). Praha, 1992; Kocian J. Československá strana národně socialistická v letech 1945–1948. Organizace – program – politika. Brno, 2002.

⁵ О становлении и деятельности ЧСП после 1948 г. см.: Pavlíček V. Politické strany po únoru 1948. Příspěvek k problematice Národní fronty. Praha, 1966; Pejskar J. Od boje (proti komunistům) ke kolaboraci. Dokumenty a záznamy o činnosti Československé strany socialistické v letech 1968–89 (studie). Praha, 1993.

⁶ Národní archiv. Praha (далее NA). Fond (далее F) Česká strana národně sociální. Karton (далее Kart.) 651. Zhodnocení plánů úkolů strany v roce 1967. List (далее L.) 9.

⁷ Hoppe J. Opozice '68. Sociální demokracie, KAN a K 231 v období pražského jara. Praha, 2009.

⁸ Janýr P. Neznámá kapitola roku 1968. Zápas o obnovení Československé sociální demokracie. Praha, 1998.

⁹ NA. Praha. F. Archiv ÚV KSČ, 02/4. Svazek (далее Sv.) 34. Archivní jednotka (далее A.j.) 57. Informace o činnosti Československé strany socialistické a Československé strany lidové.

¹⁰ Neuman A. Jak jsem žil. Praha, 1971. S. 168.

¹¹ Отдельный список членов в Брно в сообщениях пражскому центру не фигурировал, поскольку брненская городская организация ЧСП являлась составной частью южноморавской краевой партийной организации. Приведенные данные, опубликованные в партийной прессе, предоставил секретарь городского секретариата в Брно М.Эффенбергер. См.: Potměšilová J. Náš rozhovor. S tajemníkem Městské organizace Matějem Effenbergerem rozmlouvala Jarmila Potměšilová // Socialistický klub. Kulturně–politický zpravodaj Diskusního klubu ČSS. Brno. Roč. 1. Č. 2. 1968. Červenec. S. 9.

¹² NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. 651. Situační zpráva o činnosti krajských organizací.

¹³ Идея создать Дискуссионный клуб принадлежит М.Шилгану. См.: Mezník J. Brno má diskusní klub // Svobodné slovo. 1968. 29. IV.

¹⁴ Socialistický klub... Roč. 1. Č. 2. 1968. Červenec. S. 1–2.

¹⁵ Zakládáme debatní klub // Socialistický klub... Roč. 1. Č. 4. 1968. Srpen. S. 3.

¹⁶ Neumann J. V Brně nastupuje mládež // Svobodné slovo. 1968. 6. VI.

¹⁷ Vysokoškolské slovo. Časopis Klubu čs. mládeže socialistické. Brno. Roč. 1. Č. 1. 1968. Červen. S. 3–4.

¹⁸ NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. VI/694B. Činnost krajských orgánů 1968. Usnesení 39/1968 ze společní schůze P[ředsednictva] K[krajského] V[ýboru] a předsednictva Mě[stskeho] V[ýboru] v Brně 21. 6. 1968.

¹⁹ Když ano znamená ne // Svobodné slovo. 1968. 25. V.

²⁰ Stanovisko Československé strany socialistické k některým diskutovaným problémům // Ibidem. 1968. 9. VI.

²¹ V ZKL Brno se ustavila Z[ávodní] O[rganizace] naší strany // Ibidem. 1968. 7. VI; см. также: Proč organizace naší strany také v závodech. Hovoříme s předsedou ZO ČSS v brněnských ZKL br. Petrem Wurmем // Ibidem. 1968. 26. VII.

²² NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. VI/694B. Činnost krajských orgánů 1968. Usnesení 40/1968 ze společní schůze P[ředsednictva] K[krajského] V[ýboru] ČSS J[iho]m[oravského] K[raje]. 1968. 5. VII.

²³ Břicháček J. Demokracie v N[árodních] V[ýborech] // Svobodné slovo. 1968. 3. VIII.

²⁴ Документ от 30 августа 1991 г., находится на хранении в Институте современной истории АН ЧР (филиал г. Брно).

²⁵ Ibidem. См. также: NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. VI/694B. Činnost krajských orgánů 1968. Analýza činnosti městské organizace strany v Brně v letech 1968–1969. L. 4.

²⁶ Věrně s lidem // Socialistický směr. Roč. 20. Č. 11 (1968. 1. IX). S. 9–10.

²⁷ NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. VI/XIII–D 653 – Zpráva o pohybu členstva a práce s novými členy strany. 1969. 3. III.

²⁸ Ibid. Kart. VI/694B. Činnost krajských orgánů 1968. Analýza činnosti městské organizace strany v Brně v letech 1968–1969. L. 5.

²⁹ Usnesení městské konference Čs. strany socialistické v Brně // Zpravodaj Městského výboru Československé strany socialistické v Brně. Roč. 1 (1968. 12. XII). S. 3–4.

³⁰ Aktiv předsedů M[ístních] O[rganizací] a Z[ávodních] O[rganizací] // Zpravodaj Městského výboru Československé strany socialistické v Brně. Roč. 1. 1968. 12. XII. S. 4–5.

³¹ NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. 731 A – Zajímavosti ze vzrušeného roku 1968. Fasc. Kádrové návrhy a změny.

³² Текст телеграммы, отправленной Союзу студентов в Праге, см. в: Zpravodaj Městského výboru Československé strany socialistické v Brně. 1969. Leden. S. 5.

³³ Špatná informovanost příčinou napětí // Svobodné slovo. 1969. 10. I.

³⁴ Zprávy z městského výboru // Zpravodaj Městského výboru Československé strany socialistické v Brně. Roč. 2. 1969. 30. VIII. S. 1–2.

³⁵ NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. VI/XIII–D, 653 – Sekretariát předsednictva strany 1969. Fasc. 68. schůze Předsednictva ČSS 20. 3. 1969 – Zpráva o činnosti komisí mladých členů strany, komisí žen a společných (koordinčních) výborů závodních organizací, včetně zhodnocení aktivů konaných 10. 3. 1969 v ústředním sekretariátě, dat. 20. 3. 1969; см. также: Kotoulová Y. Co bylo a jak je v Brně? // Socialistický směr. Roč. 21. Č. 1. S. 17.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Prohlášení mladých členů Československé strany socialistické v Brně // Mladé slovo. Zpravodaj Klubu mladých socialistů v Brně. Roč. 1/1969. Č. 1. S. 4.

³⁸ NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. VI/XIII–D, 653 Sekretariát předsednictva strany 1969. Fasc. Podklady pro 69. schůzi předsednictva ČSS 4. 4. 1969 – Zpráva ze schůze sekretariátu předsednictva ČSS 4. 4. 1969. L. 3.

³⁹ Ibid. Kart. VI/642. Ústřední tajemník br. Jiří Fleyberk 1969–1970. Fasc. I/1969 – Zpráva ze 12. schůze PÚV ČSS 14. 2. 1969. L. 2.

⁴⁰ Ibid. Kart. VI/XIII–D, 653. Sekretariát předsednictva strany 1969. Fasc. Podklady pro 71. schůzi předsednictva ČSS 7. 5. 1969 – Zpráva ze schůze sekretariátu předsednictva ČSS 7. 5. 1969. L. 5.

⁴¹ Ibid. Kart. VI/642. Ústřední tajemník br. Jiří Fleyberk 1969–1970. Fasc. Podklady pro 47. schůzi PÚV ČSS 12. 5. 1969, Zpráva o 47. schůzi PÚV ČSS 12. 5. 1969. LL. 6–7.

⁴² Ibid. F. 02/1. Sv. 93. A. j. 156 – Informativní zpráva o některých aktuálních otázkách dalšího zaměření činnosti Československé strany socialistické a Československé strany lidové ze dne 5. 5. 1969; см. также: F. 02/4. Sv. 34. A. j. 57 – Informace o činnosti Čs. strany socialistické a Čs. strany lidové.

⁴³ Závěry z 20. června 1969 – východisko pro práci Čs. strany socialistické // Socialistický směr. Roč. 21. Č. 6–7. Příloha. S. I – VIII.

⁴⁴ NA. Praha. F. 02/4. Sv. 34. A. j. 57 – Dodatek k informaci o činnosti Československé strany socialistické a Československé strany lidové, dat. 24. 6. 1969.

⁴⁵ Материалы общегородского актива ЧСП, состоявшегося в Брно 30 июня 1969 г., находятся на хранении в Институте современной истории АН ЧР (филиал г. Брно).

⁴⁶ NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. VI/XIII–D, 653 Sekretariát předsednictva strany 1969. Fasc. Podklady pro 79. schůzi předsednictva ČSS 6. 8. 1969 – Zpráva sekretariátu P ČSS ze dne 30. 7. 1969. L. 2.

⁴⁷ Ibid. Podklady pro 80. schůzi předsednictva ČSS 19. 8. 1969 – Zpráva sekretariátu P ÚV ČSS ze dne 11. 8. 1969; см. также: Podklady pro 83. schůzi předsednictva ČSS 30. 9. 1969. Návrh závěrečných opatření komise předsednictva ÚV strany pro řešení případu v karlovarské organizaci strany.

⁴⁸ Ibid. Kart. VI/694B, Činnost krajských orgánů 1968. Analýza činnosti městské organizace strany v Brně v letech 1968–1969. L. 8; см. также: Kučera B. Do podzimní práce // Socialistický směr. Roč. 21. Č. 8–9. S. 3.

⁴⁹ Ibid. F. Česká strana národně sociální. Kart. 735. Fasc. 1970. I. čtvrtletí. K opatření PÚV strany v městské organizaci v Brně.

⁵⁰ Proměny Pražského jara 1968–1969. Sborník studií a dokumentů o nekapitulantských postojích československé veřejnosti. Brno, 1993. S. 414.

⁵¹ Tvůrčí práci v NF pro šťastnou budoucnost. Ze zprávy předsednictva ÚV, kterou přednesl předseda strany bratr dr. Bohuslav Kučera na zasedání ÚV Čs. strany socialistické dne 24. října 1969 // Socialistický směr. Roč. 21. Č. 14–15. Příloha. S. V–XIII.

⁵² NA. Praha. F. Česká strana národně sociální. Kart. VI/641, Ústřední tajemník br. Jiří Fleyberk 1968–1969. Fasc. Postup konsolidace v krajích, podzim 1969. K opatření PÚV strany v městské organizaci v Brně; см. также: Ibidem. Kart. VI/696 A, Činnost v krajích. Opis Odvolání proti rozhodnutí předsednictva ÚV Čs. strany socialistické o zastavení činnosti předsednictva a výboru městské organizace Čs. strany socialistické v Brně, dat. 28. 1. 1970.

⁵³ Nové vedení městské organizace v Brně. Rozhodnutí předsednictva ÚV Čs. strany socialistické // Svobodné slovo. 1970. 5. I.

⁵⁴ В этой связи термину «нелегальная деятельность» не придавалось значение, приписывавшееся ему коммунистическим режимом, органами госбезопасности или же судебными органами. Деятельность, которой занимались бывшие члены городского комитета ЧСП в 1970 г., в демократическом обществе является совершенно нормальной и легальной.

⁵⁵ Документ находится на хранении в Институте современной истории АН ЧР в Праге (филиал г. Брно).

⁵⁶ В работе по реконструкции «нелегальной» деятельности группы использовались преимущественно личные свидетельства ее членов, записанные на магнитофон во время беседы с бывшими членами ЧСП 27 ноября 1992 г. Запись находится на хранении в Институте современной истории АН ЧР в Праге (филиал г. Брно).

⁵⁷ Otáhal M. Malý akční program Československého hnutí za demokratický socialismus // Soudobé dějiny. Roč. II/1995. Č. 2–3. S. 374–398.

⁵⁸ Malý akční program Československého hnutí za demokratický socialismus // Sběrka dokumentů Ústavu pro soudobé dějiny AV ČR. Praha.

⁵⁹ Mezník J. Můj život za vlády komunistů (1948–1989). Brno, 2005. S. 168.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibidem; см. также: Na pobyt ve vězení Jaroslav Mezník vzpomíná i v práci Bohunice // Soudobé dějiny. Roč. I/1994. Č. 2–3. S. 293–301.

Я. Пажоут (Чехия)

Программные положения антирежимной оппозиции в Чехословакии на первом этапе «режима нормализации» (1969–1972 гг.)

Оккупация Чехословакии в августе 1968 г. создала условия для постепенного ограничения появившихся в первой половине этого года ростков свободы. Процесс так наз. нормализация стал набирать обороты после апреля 1969 г., когда Коммунистическую партию Чехословакии возглавил Густав Гусак. Базу формировавшегося оппозиционного движения составили граждане, не замкнувшиеся в рамках частной жизни и не отказавшиеся от права выражать свое мнение по общественным вопросам. В целом с некоторой долей упрощения констатируется наличие трех идейных течений: коммунисты-реформаторы, бывшие члены Чехословацкой социалистической партии и приверженцы радикальных новых левых (группа Движение революционной молодежи). Все они выступали в поддержку социализма, предлагая при этом различные его трактовки.

Ключевые слова: Чехословакия, Пражская весна, «режим нормализации», антирежимная оппозиция, антибюрократическая революция, оппозиционное движение, коммунисты-реформаторы, Движение революционной молодежи, Чехословацкая социалистическая партия.

В январе 1968 г., после падения режима Антонина Новотного, в Чехословакии началось стихийное возрождение гражданского общества. Этот процесс ускорился в августе 1968 г., после оккупации страны войсками пяти государств-членов Варшавского договора, когда спонтанное народное сопротивление не позволило реализовать первоначальные замыслы интервентов привести к власти в стране коллаборационистское «рабоче-крестьянское» правительство по венгерскому образцу 1956 г.

И после оккупации руководство Дубчека получало поддержку со стороны общества. Тем не менее, общественность с растущей тревогой и возмущением следила за тем, как под давлением Кремля и доморощенных неосталинистов он отходит от политики реформ. В ряде случаев – демонстрации в конце октября-начале ноября, приуроченные ко дню образования Чехословакии и началу большевистской революции, общегосударственная студенческая забастовка в ноябре 1968 г., самоожжение Яна Палаха в январе 1969 г. или же демонстративные акции после победы чехословацких хоккеистов над советской командой на чемпионате мира в Швеции 21–28 марта 1969 г. – активная часть общества публично демонстрировала свою обеспокоенность ограничением приобретенных совсем недавно свобод.

Формировавшееся общенациональное сопротивление против оккупации и ее последствий постепенно разрушалось, а среди чехословацких граждан стали преобладать настроения пораженчества и отчаяния. В процессе расстановки сил во властных структурах, определявшейся, в первую очередь, «временным» присутствием советских войск в стране, риски, связанные с продолжением борьбы против начинавшейся так наз. нормализации, стали казаться большей части общества чрезмерными. Наряду со страхами перед тюремным заключением, лишением профессии или иного рода преследованиями этому способствовало еще и то, что от политики реформ отказались сами ее главные герои. Они шли на все новые уступки, отказываясь при этом и от акций в их поддержку. Это произошло, например, в конце 1968 г. при попытке сместить Йозефа Смирковского с поста председателя парламента, когда профсоюзные организации вместе со студентами пригрозили всеобщей забастовкой. Вступление во властные права Густава Гусака, возглавившего КПЧ в апреле 1969 г., прошло без каких-либо масштабных проявлений сопротивления со стороны общественности. В последний раз она в массовом порядке выступила по случаю первой годовщины оккупации Чехословакии в августе 1969 г., однако демонстрации протеста были жестоко подавлены репрессивным аппаратом. В стране происходило, если использовать название известной книги Милана Шимечки, «восстановление порядка»¹.

В августе 1969 г. политическая активность независимого гражданского общества на легальной основе была окончательно сведена на нет. Из публичной жизни исключались все, кто принимал активное участие в реформаторском процессе либо же пытались выйти за его рамки. Те из граждан, кто не спрятался «во внутренней эмиграции» и не отказался от права выражать свое мнение по общественным вопросам, составили базу формировавшегося оппозиционного движения². Разумеется, оно не ограничивалось одними лишь изолированными группами и отдельными лицами. Оппозиционное движение на рубеже 60–70-х годов XX в. концентрировалось в основном на защите реформ и акциях сопротивления против так наз. нормализации, однако его актёры, по логике, не избегали дебатов о причинах современного кризиса и путях выхода из него, то есть о будущей модели общества, которое можно было бы создать после падения гусаковского режима. С некоторой долей упрощения можно констатировать, что в принципе сформировались три идейных течения: коммунисты-реформаторы, бывшие члены Чехословацкой социалистической партии, а также приверженцы радикальных новых левых. В своих программах они заявляли о приверженности социализму, который в каждом из них трактовался по-разному.

Первым, в начале декабря 1968 г., возникло Движение революционной молодежи (ДРМ), ставшее главным представителем радикального левого спектра оппозиции³.

ДРМ объединяло, в первую очередь, студентов, к числу его членов принадлежали также интеллектуалы и некоторые рабочие. Ключевую роль в нем сыграл преподаватель средней школы Петр Ул, который еще в 1960-е гг. установил контакты с революционными марксистскими, прежде всего, троцкистскими кругами во Франции, которую он неоднократно посещал. Наиболее мощной его базой стал философский факультет Карлова университета в Праге (например, Ярослав Сук, Ян Фролик, Ярослав Башта, Петрушка Шустрова, Вавржинец Корчиш), многие из его активистов работали в Институте сельского хозяйства в Праге (Иван Деймал). Самыми активными, помимо Петра Ула, стали лаборант Института макромолекулярной химии Чехословацкой академии наук Петр Лукачович, сын испанских эмигрантов и редактор издательства «Мелантрих» Фи-

липпе Серрано, а также сотрудник Института микробиологии ЧСАН Павел Шремер. Активное участие в ДРМ принимала и студентка Свободного университета (Западный Берлин), проходившая практику в Институте социологии ЧСАН Сибилла Плогштедт, являвшаяся одновременно членом западноберлинской организации радикального левого Социалистического союза немецких студентов. ДРМ в течение продолжительного времени являлось свободным объединением и лишь впоследствии, в целях конспирации, его активисты приступили к созданию более жесткой структуры.

Спецификой ДРМ можно назвать то, что движение во многом испытывало влияние идей новых левых – идейной платформы западноевропейского радикального левого протестного движения. Нужно отметить, что в чехословацком обществе оно находилось в явном меньшинстве. Вместе с тем в западных странах в рассматриваемый период довольно значительная часть общества, в первую очередь интеллектуалы, тяготели к радикальным левым взглядам, что считалось вполне естественным по отношению к потребительскому либеральному демократическому обществу, о чем свидетельствует и идейная ориентация масштабного протестного движения, охватившего эти страны в 60-е годы XX века. В Чехословакии же, напротив, введение социализма советского типа привело к профанации и марксизма, и других революционных теорий как таковых. Следовательно, радикальные левые идеи не располагали здесь необходимым потенциалом для привлечения более широких кругов населения.

Идеологический вектор ДРМ продемонстрировал его Учредительный манифест от 2 декабря 1968 г. В нем говорилось, что хотя в Чехословакии и был ликвидирован капиталистический способ производства и капиталистические производственные отношения, здесь вместо построения социалистического и демократического общества наблюдается злоупотребление коммунистическими идеалами и идеями. Манифест декларировал необходимость ликвидировать бюрократическую систему во всемирном масштабе и ввести самоуправляемую демократию во всех областях общественной жизни. Конечным результатом ликвидации власти бюрократии должна была стать ликвидация государства и его ин-

ституты. «Мы убеждены, что путь чехословацкого народа к социализму – как и народов СССР и так наз. народных демократий – это путь ликвидации бюрократической машины, устранения бюрократии как слоя и введение системы самоуправления. Данную систему самоуправления необходимо ввести во всех сферах общественной жизни; на рабочих местах она должна стать выражением политической и экономической власти советов трудящихся. Система самоуправления позволит реализовать творческую активность и инициативы каждого индивида, сформировать условия для научно-технической революции, которая устраним недостаточное потребление и социальное неравенство, вытекающее из него, и, в конечном счете, в международном масштабе приведет к ликвидации государства и его институтов»⁴.

В Учредительном манифесте ДРМ поддержало идею Троцкого о «перманентной революции» и «мировой революции», призвало к сотрудничеству с другими оппозиционными силами в Восточной Европе, левыми радикалами на Западе и революционным движением третьего мира. Это чувство солидарности ДРМ выразило, например, в мае 1969 г., организовав перед восточногерманским и бирманским посольствами в Праге демонстрацию в поддержку студентов из Бирмы, выдворенных за свою политическую деятельность из Германской Демократической Республики на родину, где их ожидало суровое наказание. Наряду с практической деятельностью члены ДРМ задавались целью углубить свои теоретические знания. Поэтому они проводили различные дискуссии, издали сборник текстов «Бюрократии нет – революции да» и осуществили туры в Западный Берлин и Париж, которые использовались для дискуссий с западными леворадикалами. Они развернули бурную активность в связи с первой годовщиной оккупации в августе 1969 г., выпустив большим тиражом три листовки с призывом провести акции протеста. Они же принимали активное участие и в демонстрациях протеста.

Активисты ДРМ отказывались связывать себя коммунистической программой, сформулированной в Программе действий КПЧ, принятой на пленуме ЦК Коммунистической партии Чехословакии 5 апреля 1968 г. Этот документ, служивший программой-ориентацией для коммунистов-реформаторов и

после поражения Пражской весны, предполагал введение рыночных элементов в централизованную экономику, синтез ограниченного планирования и рынка, включая либерализацию цен, предусматривал создание социалистической рыночной экономики. Предприятия выводились на уровень экономических субъектов, введение самоуправления должно было гарантировать участие в принятии решений трудящихся.

Предполагалось проведение коренной демократизации коммунистической партии и политической жизни страны в целом на основе плюрализма интересов. Планировавшиеся реформы предполагалось проводить под руководством КПЧ, которой, однако, следовало отказаться от своей руководящей роли в обществе и вернуться к образу политической партии, концентрирующейся в своей работе, в первую очередь, на программной и концептуальной деятельности. Коммунистической партии надлежало действовать в обществе в качестве «естественного авторитета»⁵.

В августе 1969 г. в документе «Воззвание идеологической секции. Революционная социалистическая партия (Чехословакия)» (это наименование использовалось движением в целях конспирации с лета 1969 г.) говорилось: «Мы не верим в Программу действий КПЧ – мы знаем, что она гуманна и создавалась с самыми лучшими намерениями; это программа либерального крыла в руководстве КПЧ, цели которого должны войти в конфронтацию (в августе 1968 мы все это видели) с интересами международной бюрократии во главе с кремлевскими властителями. Августовская интервенция показала: эта программа не является истинной, потому что она нереализуема. Мы уже не верим в систему, в которой руководство (хотя и столь гуманное, каким являлось руководство Дубчека) принимает решения за трудящихся и без них самих, поскольку лишь сами трудящиеся имеют право принимать решения о своей судьбе»⁶.

Своего рода итогом идейных тезисов группы в целом можно считать «Программное заявление Революционной социалистической партии (Чехословакия)». В его подготовке принимали участие несколько человек, в первую очередь Петр Ул и Ярослав Сук. В окончательной его версии, озаглавленной «Резюме» и датированной ноябрем 1969 г., говорится, что сис-

тема, в которой живет чехословацкое общество, не социалистическая, а «централистская, бюрократическая, авторитарная и тоталитарная. Трудящиеся не могут оказывать воздействия на решения, влияющие на их жизнь и труд. Политическая и экономическая власть находится в руках правящего бюрократического центра. В международном плане он связан с остальными и подчинен советскому бюрократическому центру. Он опирается на бюрократию и выражает, в первую очередь ее интересы: по своему социальному положению бюрократия играет ту же роль, какую играет буржуазия при капитализме. Становой хребет бюрократии – партийный аппарат: сама же партия, как и полиция, армия, суды, телекоммуникационные системы, подчиненные партии профсоюзы, являются инструментом бюрократической власти. Эти инструменты определяют характер государства как организованного насилия. Эта бюрократическо-централистская система стала тормозом и препятствием на пути экономического развития. Распоряжение заработками трудящихся без учета их интересов – основа их эксплуатации. Идеологией бюрократии, узаконившей ее власть, является искаженная пролетарская идеология, смысл которой – удержание власти – не имеет ничего общего с марксизмом. Использование власти против интересов народа проявляется также в отсутствии свободы в сфере культуры, научных исследованиях и других проявлениях человеческого духа. С этим связаны как обуржуазивание, так и деморализация».

Авторы программного заявления декларировали, что все их силы нацелены на подготовку антибюрократической революции. Ей удастся одержать победу, в первую очередь, там, где сформируется система с характеристиками, обозначенными в девяти пунктах документа. Свободное общество должно состоять из свободных индивидов. Трудовые коллективы должны располагать исключительным правом принимать решения о средствах производства, с которыми они работают, причем с помощью советов трудящихся как органов народной власти. На советы трудящихся на рабочих местах, заводах, в трудовых коллективах, местах проживания и территориальных единицах следует возложить миссию координации разнообразных видов решений. Члены советов могут быть отозваны в любое время, они должны находиться под контролем и подлежат

ротации, они должны принимать участие в трудовом процессе – этим ставится заслон бюрократизации. Не исключалось наличие экономического плана, но он мог возникнуть на добровольной основе в качестве долгосрочного соглашения, которое трудовой коллектив заключает с остальным обществом. «Производство служит для создания потребительских ценностей. Права потребителей гарантируются органами, которые они избирают сами. Право принимать участие в общественных решениях гарантировано и тем, кто находится вне производственного или трудового процесса (труженики непромышленных отраслей и учащая молодежь, пожилые люди и др.). В документе предполагалась ликвидация армии и тайной полиции. Власть следует передать народу, а каждый трудящийся должен наделяться правом быть членом военного подразделения, созданного на предприятии или рабочем месте».

Решительно отвергалась система парламентской демократии. Путь к реабилитации социализма члены ДРМ искали – как уже говорилось – в системе самоуправления, которой надлежало сформироваться во всех сферах общественной жизни. Эта система, на их взгляд, «исключает парламентаризм и тайную дипломатию. Политические партии наделены лишь идеологической функцией; в свободной дискуссии предлагаются различные концепции и программы». Программное заявление предполагало и ликвидацию государственной структуры. «Динамичное развитие системы, – отмечалось в документе, – устранит общественную иерархию (отношения подчиненности и подчиненных), ликвидирует государство и его институты. Человек во все большей мере идет по пути самореализации своего собственного труда». Система самоуправления не могла быть создана только в Чехословакии, антибюрократическая революция предполагает глобальное измерение. «Эта система не может существовать изолированно в Чехословакии, а только в тесном взаимодействии с остальными революционными народами Европы, в первую очередь восточной. Взаимное сотрудничество рабочего класса и угнетенных всего мира в борьбе за реализацию этой системы – вот истинный пролетарский интернационализм. Ведь наша общая цель – свержение существующего строя, устранение правящих классов и слоев и построение нового общества».

Члены ДРМ предусматривали развитие деятельности в двух направлениях. В недрах самой организации они должны были заниматься самообразованием, вести дискуссии и заниматься построением организации, во внешней деятельности, организовывать акции по распространению листовок, демонстрации и забастовки. На более позднем этапе документом не исключалась даже вооруженная борьба⁷.

Осенью 1969 г. группа наряду с созданием конспиративной формы организации планировала подготовку акции протеста по случаю первой годовщины смерти Яна Палаха. Группу разгромили на рубеже 1969–1970 гг., когда были задержаны более двадцати преимущественно молодых людей. В марте 1971 г. бóльшую их часть приговорили к тюремному заключению. Репрессии против членов ДРМ вызвали протесты во всем мире, которые достигли кульминации в ходе судебного процесса и вынесения приговоров. Против них протестовали такие выдающиеся деятели, как Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар, Эрнст Блох. Наибольшую активность в кампании в поддержку членов ДРМ проявили приверженцы радикальных левых на Западе, которые наряду с публикацией заявлений протеста организовали целый ряд демонстраций.

Радикальное левое течение являлось также неотъемлемой составной частью диссидентства в 1970–1980 гг. Некоторых его представителей, в частности Петра Ула, можно отнести к наиболее активным его членам. Они включились в дискуссии о современном положении общества и возможностях его улучшения, проходившие в отличавшейся плюрализмом Хартии 77.

Второе оппозиционное течение представляли коммунисты-реформаторы⁸. В целом можно констатировать, что они выступали против бюрократического социализма, репрезентовавшегося новым гусаковским руководством КПЧ, однако не выходили за рамки коммунистических реформаторских представлений периода Пражской весны, нашедших отражение в Программе действий КПЧ. Прежде всего, они отличались друг от друга во взглядах на тактику борьбы с «режимом нормализации» КПЧ. В этот период это течение являлось самым многочисленным, хотя оно никогда не оправдывало ожидания лидеров коммунистов-реформаторов – как и опасения орга-

нов Госбезопасности – относительно появления из так называемой «партии исключенных» мощного движения сопротивления с потенциалом, способным разрушить основы «режима нормализации». Самые видные его представители оставались в рассматриваемый период пассивными. В этой связи следует напомнить, пожалуй, лишь интервью 16 сентября 1971 г. Йозефа Смирковского специальному корреспонденту итальянского коммунистического издания «*Vie nuove Girone*», в котором он назвал оккупацию Чехословакии одной из кардинальных проблем международного коммунистического и рабочего движения. Примечательно, что позитивные перемены в Чехословакии связывались им в первую очередь с политикой разрядки (*détante*), в рамках которой Советский Союз должен проявить заинтересованность в устранении разногласий между нормализационным руководством Чехословакии и приверженцами Пражской весны; активная роль граждан при смене чехословацких отношений во внимание им не принималась⁹.

Однако события на международной арене стали развиваться в другом ключе, в связи с чем часть коммунистов-реформаторов отказалась от оппозиционных выступлений, для которых, по их мнению, еще не пришло время; именно поэтому они советовали дождаться перемен в Советском Союзе. Чистки в коммунистической партии, когда из КПЧ были исключены или «вычеркнуты» около полумиллиона членов, а также утверждение партийного документа «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда» в декабре 1970 г., более четко продемонстрировали нереальность представлений некоторых коммунистов-реформаторов о КПЧ как платформе возрождения социализма.

Часть коммунистов-реформаторов отказалась от пассивного ожидания более благоприятной международной обстановки. Некоторые из них взяли курс на создание новой коммунистической партии, обосновывая свою позицию в листовке «Призыв к марксистам Чехословакии». В ней они обвиняли руководство КПЧ, которое оказалось неспособным решать важные общественно-политические проблемы. Это, на их взгляд, дискредитировало КПЧ и социализм как таковые, что неизбежно вело к усилению реакционных антисоциалистических тенденций, направленных на реставрацию капитализма. Ан-

тисоциалистическим и антисоветским массовым выступлением против экономического хаоса, подавления гражданских свобод и ограничения государственного суверенитета можно было помешать, создав с помощью марксистов и прогрессивных людей новую партию – Союз коммунистов Чехословакии, которая, как и в 1968 г., могла бы объединить недовольных и возглавить их. Авторы листовки выступали в поддержку процесса возрождения, который следовало развивать, реализуя на практике гражданские права и права человека. Они выступали в поддержку руководящей роли коммунистической партии в русле Программы действий КПЧ, которую, однако, следовало реализовать, завоевав доверие населения, не прибегая к административным методам¹⁰.

Против инициативы по созданию новой коммунистической партии выступила группа брненских экс-коммунистов, объединившаяся вокруг бывшего члена центрального комитета и секретаря южноморавского краевого комитета КПЧ в Брно Ярослава Шабаты, в которую, помимо прочего, входили также бывший деятель КПЧ Зденек Пржихрыл, бывший политический деятель Альфред Черны и экономист Антонин Русек. Они установили контакты с кругом пражских коммунистов-реформаторов во главе с историком Яном Тесаржем и бывшим ректором Высшей политической школы и членом Высочанского руководства КПЧ Миланом Гюблом. Хотя он и поддержал в апреле 1969 г. избрание Г. Гусака на пост первого секретаря ЦК КПЧ, но уже в следующем году выступил с критикой его политики в самиздатовских «Situáčních zprávách» («Ситуационных сообщениях»). Преемником данного издания с конца 1970 г. стал ежемесячник «Fakta-připomínky-události» («Факты-комментарии-события»), в издании которого, помимо Гюбла, принимали участие бывший главный редактор журнала «Politika» («Политика») Алоиз Свобода, журналисты Иржи Динстбир, Иржи Гохман и Карел Кинцл, а также историк Карел Бартошек. Журнал выходил с января 1971 г. по январь 1972 г., когда Милан Гюбл, а затем и другие редакторы подверглись тюремному заключению. Журнал занимался, в первую очередь, анализом внутривнутриполитического положения, включая ситуацию внутри КПЧ. Некоторые тексты публиковались в эмигрантском журнале «Listy», издававшемся в Риме Иржи Пелика-

ном, с которым Милан Публ поддерживал тесные контакты¹¹.

28 октября 1970 г. эта группа публично выступила с манифестом под названием «Граждане Чехословакии!», в котором называла себя Социалистическим движением чехословацких граждан (СДЧГ). Чехословакия, говорилось в нем, по вине нового руководства КПЧ оказалась в беспрецедентной ситуации политического, экономического, идеологического и морального кризиса, который угрожает не только гражданам, но тормозит прогрессивное развитие в других странах восточного блока. Его авторы не соглашались с утверждением о двух альтернативах развития государства – социализм и капитализм, считая необходимым проводить выбор между различными моделями социализма. Они категорически отрицали советскую модель социализма и заявили о своей приверженности идеям 1968 года, в которых, по их мнению, социализм стал наполняться смыслом, а именно – в него привносились свобода и демократия, выходящие за рамки их буржуазного и сталинистского понимания. «Подавляющее большинство граждан в 1968 г. , – говорилось в документе, – приветствовало тот факт, что в нашем обществе социализм наполняется следующим содержанием: свобода и демократия, выходящие за рамки буржуазного и сталинистского понимания, развитие гражданских прав, закрепление правовых гарантий граждан, формирование такой политической и общественной системы, в которой каждому найдется место и возможность воплотить в жизнь свои мечты и чаяния о своем представлении о счастливой жизни. Мы отвергли социализм власти бюрократической аппаратов и гуляш-социализм, потому что ни один, ни другой не спасает человека от отчуждения, которое терзает людей на Востоке и на Западе. Нынешняя власть создаваемой ею реальностью отбрасывает социалистические идеалы, хотя маскирует бюрократическую диктатуру социалистической терминологией... В политическом отношении мы абсолютно неправы. Зависимая политика нынешнего руководства государства ставит под угрозу дальнейшее развитие нашего государства в целом и наших народов. Несмотря на противоположные утверждения – и, возможно, усилия – некоторых высших функционеров, отовсюду уходят самые лучшие люди. Власть уничтожает целые области науки. Она заставила молчать культуру. Она

связала профсоюзами инициативу организаций молодежи, женщин и т.д. Она ликвидировала Советы трудящихся. Власть возвращает народное хозяйство к централизму, который уже однажды потерпел крах. Она не располагала доверием большей части населения и интеллектуальным потенциалом, который в пятидесятые годы в значительной степени возмещал и корректировал недостатки органов планирования и руководящих органов. Власть говорит о научно-технической революции в период, когда из экономики и науки изгоняются квалифицированные специалисты.

Руководящие посты в государстве, общественных организациях и в экономических органах получают люди, которые неспособны ни на что иное, кроме разрушения и осведомительства. При этом данная слабая группа активных приверженцев нынешней власти возомнила себя элитой, которая единственная знает решение, как вывести государство из кризиса; при этом насаждается самая примитивная политическая, экономическая, идейная и культурная диктатура».

Манифест декларировал решимость вести борьбу за социалистическую, демократическую и независимую Чехословакию. Основу системы должны были составлять система общественного самоуправления производителей, институционально закрепленный контроль над властью и гарантия гражданских прав и прав человека. «Мы знаем, чего хотим: социалистическую политическую систему, в которой будут партнерами политические и неполитические организации, общественное и заводское самоуправление, институционально закрепленный контроль над властью, основные свободы, включая свободу вероисповедания, сформулированные в том числе и в Декларации прав человека, ратифицированной и этим государством».

Они не поддерживали лозунг «чем хуже, тем лучше» и намеревались достичь своих целей политическим позитивным путем, отказываясь от насильственных методов; апеллировали к разрядке международной напряженности, что являлось условием позитивного решения чехословацкого вопроса. Поэтому они предлагали заключить между странами НАТО, Варшавским договором и нейтральными государствами договор о ненападении, о безъядерной зоне и ограничении вооружения. В случае продолжения деятельности военных блоков, Чехос-

ловакия должна будет сохранять статус-кво и оставаться составной частью Варшавского договора¹².

Манифест вызвал в среде коммунистов-реформаторов относительно широкую полемику, которая свидетельствовала о существенных идеологических разногласиях как в оценке текущей ситуации, так и в поиске решений выхода из кризиса¹³. Эти разногласия подтверждаются и документально неудачной попыткой согласовать текст декларации, готовившейся к 28 октября 1971 года. Декларация, подписанная «Чешским фронтом национального освобождения», должна была накануне созыва Совещания по безопасности и сотрудничеству напомнить на международной арене о чехословацком вопросе и одновременно активизировать «чешских патриотов» с целью найти выход из нынешнего кризиса и создать общую платформу оппозиции. В обсуждении текста манифеста приняли участие Ян Тесарж, Карел Кинцл, Владимир Непраш, Иржи Гошман и Милан Гюбл, однако они не пришли к единому мнению относительно его окончательного варианта¹⁴.

Свою программу разработала и группа, объединившаяся вокруг журнала «Рокрок» («Прогресс»), издававшегося бывшим директором Института социализма ЦК КПК Милошем Гаеком и бывшими деятелями городского комитета КПЧ в Праге Яромиром Литерой и Йозефом Стегликом¹⁵. Коммунистическая партия Чехословакии, по их мнению, превратилась в орудие внешнего угнетения и консервативной диктатуры против народа. Чистки лишили ее демократического характера, превратив в очередной раз в централизованную организацию, в которой решения принимались группой высокопоставленных чиновников, а большинству членов отказано в праве высказывать свое мнение.

Но даже в этой ситуации коммунистической партии отводилась ключевая роль в возрождении общества, поскольку только с ее помощью можно было добиться таких изменений, которые происходили в Югославии и Румынии. Однако ей предстояло превратиться «в орудие в руках трудящихся, в орудие в борьбе за суверенитет», за что должны были вести борьбу ее члены. Поэтому они не призывали порядочных людей выходить из ее рядов: чем больше их останется в рядах КПЧ, тем больше надежд на ее возрождение. Они не выступали против

руководства КПЧ в целом и даже намеревались поддерживать его в деятельности по улучшению экономической ситуации, участию трудящихся в сфере общественного управления, углублению социалистической демократии. Члены этой группы понимали важность международной обстановки. Однако они предостерегали от переоценки внешнего влияния, которое могло бы привести к внутренней пассивности. Основная роль, как они полагали, отводилась «мелким делам», концентрации на повседневных проблемах. Честные люди должны были занимать посты на нижних этажах органов власти, включая коммунистическую партию, и стремиться к улучшению ситуации во всех сферах жизни¹⁶.

В июле 1972 г. за издание журнала «Pokrok» Яромир Литера и Йозеф Стеглик были приговорены Городским судом в Праге к лишению свободы на срок в два с половиной года (за распространение журнала и манифеста СДЧГ «Граждане Чехословакии!» к одному году лишения свободы условно был также приговорен технический сотрудник Милан Рочек). Милош Гаек – автор большинства их текстов, напротив, не был разоблачен¹⁷.

Коммунисты-реформаторы составляли значительную часть антирежимной оппозиции и на последующих этапах так наз. нормализации. Это проявилось и после возникновения Хартии 77, в которой они играли важную роль – один из ее трех спикеров Хартии 77 являлся представителем данного течения. Разумеется, важной являлась также и деятельность коммунистов-реформаторов в эмиграции, в частности, в журнале «Listy», который издавал в Риме Иржи Пеликан.

Третье течение оппозиционного движения представляла группа, сформированная в Брно вокруг членов Чехословацкой социалистической партии (ЧСП), которые в ноябре 1968 г. возглавили здесь эту организацию. В ее состав, в частности, входили экономист Петр Вурм, историки Ярослав Мезник и Эва Кирианова, инженер-строитель Ян Шопф, дизайнеры (проектанты) Зденек Покорны и Алоис Выроубал, а также врач Милан Шилган. Еще в пору легальной деятельности представители ЧСП выступали против руководящей роли КПЧ, хотя и поддерживали процесс возрождения, инициированный коммунистической партией. В начале января 1970 г.

городской комитет ЧСП в Брно был расформирован, в марте 1970 г. из идеологической комиссии ЧСП были вытеснены Ярослав Мезник и Петр Вурм. В это же время начались партийные разбирательства в отношении ряда неугодных людей, некоторых из них исключили из рядов партии или же «вычеркнули» (в частности, Милана Шилгана). Ярослав Мезник и Петр Вурм, напротив, оставались членами ЧСП вплоть до ареста в конце января 1972 г. Чехословацкая социалистическая партия перестала быть платформой в борьбе за возрождение социализма, и независимые социалисты со временем перешли в подполье. Они собирались на квартирах, обсуждая политическую ситуацию в Чехословакии и за рубежом, включая почерпнутую информацию из зарубежной прессы, а также из эмигрантских периодических изданий, передававшихся из рук в руки. К середине 1970 г. им удалось наладить сотрудничество с бывшими коммунистами из Брно, группировавшимися вокруг Ярослава Шабаты, которые, как и они, перешли на нелегальное положение. Они совместно тиражировали и распространяли огромное количество материалов, в том числе и написанные ими самими¹⁸.

Самым значимым текстом этой группы считается документ под названием «Малая программа действий Чехословацкого движения за демократический социализм (ЧДДС)», текст которой после развернутой дискуссии в редакции Вурма был завершен в середине 1971 г. Название «Чехословацкое движение за демократический социализм» с некоторыми оговорками приняла и вся группа. Малая программа действий не отражала в целом позицию независимых социалистов, в некоторых пунктах ее текст представляет компромисс с позицией их союзников из рядов коммунистов-реформаторов. В конце концов, этот документ воспринимался, прежде всего, как дискуссионный материал, над которым предполагалось работать в дальнейшем. Тем не менее, его авторы, в отличие от Социалистического движения чехословацких граждан, заняли более критическое отношение к реформистским устремлениям КПЧ периода Пражской весны. Хотя они и пытались сохранить с ней преемственность, но вместе с тем осознавали ее лимиты, поскольку это движение не сумело трансформироваться в антибюрократическую революцию. КПЧ, по их мнению, никогда

окончательно не справлялась с унаследованными проблемами и нанесенными обидами, ее прогрессивная часть шла на компромиссы с консерваторами. В итоге коммунистическая партия никогда не отрицала свою руководящую роль, она «практически не отказалась от политической системы, только ей предоставлявшей исключительное положение». Это получило отражение в готовившихся для XIV съезда КПЧ материалах, в которых эта гегемония гарантировалась удобной избирательной системой и другими конституционными мерами.

Независимые социалисты полагали, что причины поражения реформаторского движения кроются не только в оккупации страны, но и в политике лидеров постянварской Коммунистической партии, постепенно «сдававших» свои позиции «центристской группе» Гусака. «От их непонятной и нескончаемой игры вынужденных отставок и бесконечных реорганизаций дважды преданный народ не нашел эффективной защиты». Из проходившего на их глазах распада структур процесса возрождения они сделали вывод о необходимости создания нового движения, укорененного внутри страны и связанного с повседневными проблемами государства. Это движение, в котором чехословацкая социалистическая оппозиция должна была играть роль авангарда, никогда не могло смириться с режимом нормализации. Напротив, предполагалась целенаправленная и на новых основаниях борьба за его свержение. «Не может оставаться ни малейшего сомнения в том, что никто из нас не желает заигрывать с режимом. Падения режима не избежать. Ни половинчатыми формулировками нашей позиции сегодня, ни тем более половинчатыми действиями в тот период, о котором мы ведем речь. То, что у нас существует под термином социализм, останется павшей диктатурой верхушки одной политической партии, подчинившей себе все другие общественные организации. Этот “Национальный фронт” манипуляций, фразеологий и попирания демократии, коль уж речь идет только о политической системе, заслуживает лишь одного: быть разгромленным так же, как он создавался. Чем раньше и основательнее, тем лучше. Новому, эмансипированному политическому движению в борьбе за придание режиму человеческого лица нельзя лишиться своего единственного смысла – *raison d'etre*: возрождения демократии в Чехословакии».

Новым авангардом, как планировалось, должны были стать все оппозиционные группы, провозгласившие приверженность демократии и социализму. «Нынешний тоталитарный режим нельзя преодолеть иными средствами, кроме революционного выступления организационно объединенного, дееспособного движения, представленного новой, нетрадиционной политической формацией. Этот “новый авангард”, рабочее название которого “Чехословацкое движение за демократический социализм”, как предполагалось, интегрирует все эмансипировавшиеся прогрессивные силы, заинтересованные в подобного рода тесном сотрудничестве. Разумеется, в силу своего различного генезиса они будут отличаться от традиционных политических течений, но смогут принять единую систему ценностей и заранее сформулированную рамочную, актуальную программу».

Возрождение традиционных политических партий, таких как социал-демократическая или коммунистическая, на этапе острой борьбы за отстранение тоталитарного режима и достижение государственного суверенитета практически исключало достижение общенационального единства, необходимого для революционного выступления. Форму политической системы после возможного внутри- и внешнеполитического обеспечения итогов антибюрократической революции авторы манифеста предугадывать не собирались. Вместе с тем они не скрывали, что возврат к политическим партиям тоталитарного периода или первых послевоенных лет стал бы, по их словам, «нелогичным и слишком сентиментальным шагом в безвозвратно ушедшее прошлое».

Документ декларировал приверженность борьбе за восстановление независимости Чехословакии как самостоятельного демократического государства, из которого должны быть выведены оккупационные войска. Чехословакия объявит о своем постоянном нейтралитете, обеспеченном собственными вооруженными силами и гарантированном великими державами. Во внешней политике Чехословакия должна стремиться к установлению дружественных отношений со всеми демократическими, в первую очередь, соседними государствами. В документе содержалось требование создания новой культуры

вместо ее «изуродованного» вида, а также свободы религиозных убеждений и свободы их проявления.

Весьма оригинально создатели Малой программы определили социализм. Социализм в их трактовке – это не идеология или закрытый общественный строй, а перманентное стремление к «такому устройству общественной жизни, который создает оптимальный простор для наиболее полного развития человеческой личности... Следовательно, социализм – это, в первую очередь, этический взгляд на человека и современный мир».

От несоциалистических политических течений, согласно документу, они отличались тем, что намеревались воплотить принципы демократии не только в сфере политической системы, но и во всей общественной жизни. «Демократия для нас не остается за воротами заводов: она должна проводиться в жизнь повсюду, где трудящийся создает материальные и духовные ценности современной цивилизации».

Трактуемый таким образом социализм должен был гарантировать равенство условий для развития и реализации способностей всех людей, которым следовало обеспечить право на труд и на справедливое вознаграждение за него. Акцент ставился на широкую социальную защиту трудящихся, пожилых людей и молодежи. Национализация названа в документе неопровержимой реальностью. «Общественная собственность на основную часть средств производства для нас – непреложная историческая истина. Хотя низкая эффективность национализированного сектора очевидна и мы стоим перед необходимостью проведения ряда мер, нацеленных на изменение его профиля, восстановление прошлого статуса собственности с правовой точки зрения нежелательно и невозможно». Словом, то, что было национализировано, конфисковано или «добровольно» передано, уже никогда не вернется первоначальным собственникам даже в тех случаях, когда в правомерности ликвидации некоторых частных владений имеются сомнения. Эффективность экономики обеспечивалась введением новой модели управления народным хозяйством, суть которой сводилась к синтезу рынка и плана, в которой будут значительно преобладать элементы экономического давления на производителя.

В ряду основных требований человека назван комплекс свобод, сформулированный человечеством в течение последних столетий, в первую очередь, это свобода собраний, печати, слова и убеждений, а также свобода передвижения. В отличие от ДРМ и СДЧГ, «брненские социалисты» выступали за парламентскую демократию, являвшуюся, по их мнению, необходимым условием обеспечения гражданских свобод. «Соблюдение гражданских свобод можно лишь с трудом представить без парламентской демократии, в которой судьбы страны решает правительство, утвержденное собранием, созванным на основе всеобщего, прямого и тайного голосования. Безусловно, парламентская демократия имеет свои недостатки, и даже в этом случае гражданин не гарантирован от манипулирования. Но пока еще не найдено иное, лучшее решение, ограничивающее власть представителей государства разумным способом и без анархии».

К исторической перспективе социализма следовало приближаться проведением перемен и радикальных реформ, которые, однако, должны располагать поддержкой большинства населения, выраженной демократическим механизмом парламентского государства¹⁹.

Вышеизложенная концепция демократии и социализма ранее излагалась в «Предварительных тезисах открытого социализма (нулевая версия)», главным автором которой являлся Петр Вурм. Демократия в них трактовалась как перманентный анализ современного кризисного мира. Открытый социализм, как говорилось в документе, должен был стать одновременно путем и целью. Он не связывался с идеологией, а суть его состояла в анализе повседневных проблем и сотрудничестве в решении конкретных задач. Тем самым в «Тезисах» социализм трактовался не как идеология, определявшая позицию людей, а как пространство для деятельности и вместе с тем как пространство, сформированное этой деятельностью, то есть как повседневная деятельность человека. Центральное место занимал человек и его развитие, межличностным отношениям следовало уделять большее внимание, чем экономическим.²⁰

Члены СДЧГ и ЧДДС принимали участие в подготовке и распространении листовок против выборов в представитель-

ные органы власти, запланированные на конец ноября 1971 г. Акция послужила поводом для массовых репрессий против оппозиции. В этой связи в начале 1972 г. были арестованы более 150 чел., которые в ней зачастую не принимали непосредственного участия. В июле – августе 1972 г. в Праге и Брно прошла серия судебных процессов над 42 гражданами, разделенными на девять групп. В числе получивших самые строгие приговоры оказались Ян Тесарж, Милан Гюбл, Милан Шилган, Ярослав Шабата, а также студенческий лидер Иржи Мюллер. Заключены были в тюрьму и трое детей Я. Шабаты.

Таким образом, как отмечалось выше, в 1969–1972 гг. ряд граждан выступила против угрозы так наз. нормализации. Что касается идейных основ, это оппозиционное движение стояло на позициях социализма. В этой связи следует различать в принципе три его направления – реформаторско-коммунистическое, радикально левое и течение, сформированное преимущественно бывшими членами Чехословацкой социалистической партии. Их можно встретить и позднее, в дискуссии о характере режима нормализации и о начавшемся поиске модели более справедливого общества, которые не прекращались на более позднем этапе. Характерно, что ни в период Пражской весны 1968–1969 гг., ни на рубеже 1960–1970-х гг. не были сформированы христианско-демократическое или либеральное оппозиционные течения. Расправа с активистами оппозиции явилась одним из средств, направленных на консолидацию вступающей в свои права нормализации. Расправой с оппозицией режим дал четко понять, кто является хозяином в стране. Вместе с тем режим показал свое истинное лицо, превратившись в мишень зарубежной критики. Шансы оппозиции свергнуть режим Гусака на рубеже 1960–1970-х гг. в существовавших в то время условиях равнялись практически нулю, а ее влияние в обществе было незначительным. И все же ее активистам удалось доказать, что в стране по-прежнему есть те, кто не смирился с нормализацией, а для этого, несомненно, требовалось личное мужество. Многие из противников «режима нормализации» приобрели ценный опыт для последующей работы в оппозиционных структурах.

Перевод с чешского Э.Г.Задорожнюк

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Šimečka M. *Obnovení pořádku*. Brno, 1990.

² Об оппозиции в Чехословакии на первом этапе так называемой нормализации см.: Otáhal M. *Opoziční proudy v českých zemích 1969–1989*. Praha, 2011. S. 15–69; idem. *První fáze opozice proti takzvané normalizaci (1969–72) // Dvě desetiletí před listopadem 89*. Praha, 1993. S. 11–33; idem. *Počátky «normalizace» a první fáze opozice // Otáhal M. Opozice, moc, společnost 1968/1970. Příspěvek k dějinám «normalizace»*. Praha, 1994. S. 11–30; см. также: Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968–ноябрь 1989 г.). М., 2008. С. 82–137.

³ О Движении революционной молодежи см.: Pažout J. *Hnutí revoluční mládeže 1968–1970. Edice dokumentů. Sešity Ústavu pro soudobé dějiny AV ČR. Č. 39*. Praha, 2004; idem. *Mocným navzdory. Studentské hnutí v 60. letech 20. století*. Praha, 2008. S. 220–241.

⁴ Pažout J. *Hnutí revoluční mládeže...Dok. č. 1*. S. 43.

⁵ Текст Программы действий КПЧ см.: *Rok šedesátý osmý v usneseních a dokumentech ÚV KSČ*. Praha, 1969. S. 103–146.

⁶ Pažout J. *Hnutí revoluční mládeže...Dok. č. 3*. S. 48–49.

⁷ *Idid. Dok. č. 12*. S. 74–75.

⁸ Об оппозиционной деятельности коммунистов–реформаторов на первом этапе так наз. нормализации см.: Otáhal M. *Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989... S. 24–39*. В 1960-е годы этой проблеме была посвящена значительная часть книги И. Пеликана, изданная в эмиграции. См.: Pelikán J. *Sozialistische Opposition in der ČSSR. Analyse und Dokumente des Widerstandes seit dem Prager Frühling*. Frankfurt am Main – Köln, 1974.

⁹ В интервью Йозеф Сморковский заявил: «Чехословацкий народ и Чехословацкая республика не такой уж незначительный фактор на европейской карте, чтобы можно было их игнорировать. Ни союзники, ни соседи не могут оставаться равнодушными к тому, что этот народ и это страна насильственным путем все более и более оттесняются в разряд оппозиции, которая стремится к свободе. Этот “мир” у нас носит активный характер. Наш народ напоминает врача, который находится у постели больного пациента и готов немедленно приступить к действиям в случае наступления кризиса. Это такое состояние, которое никто не сможет организовать. Оно таково, каким является». Цит. по чешскому переводу, опубликованному в: *Listy. Roč. 2. Zvláštní vydání*. 1971. Září. S. 6.

¹⁰ Otáhal M. *Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989... S. 27–28*.

¹¹ Cuhra J. *Fakta–připomínky–události. Samizdatový časopis 1971–1972. Materiály, studie, dokumenty*. Praha, 1997. Č. 6.

¹² Listy. Roč. 2. 1971. Leden. Č. 1. S. 3–5.

¹³ Подробнее см.: Otáhal M. Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989... S. 30 и др.

¹⁴ Op. cit. S. 34–35.

¹⁵ Cuhra J. Op. cit. Č. 7.

¹⁶ Otáhal M. Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989... S. 35–37.

¹⁷ Cuhra J. Trestní represe odpůrců režimu v letech 1969–1972. Sešity Ústavu pro soudobé dějiny AV ČR. Sv. 29. Praha, 1997. S. 64, 119–120.

¹⁸ Подробнее см.: Pernes J. Od demokratického socialismu k demokracii. Nekomunistická socialistická opozice v Brně v letech 1968–1972. Brno, Ústav pro soudobé dějiny AV ČR. 1999. S. 130–149); см. также: Otáhal M. Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989... S. 39–44.

¹⁹ Документ опубликован: Otáhal M. Malý akční program Československého hnutí za demokratický socialismus // Soudobé dějiny. Praha, 1995. Roč. 2. Č. 2–3. S. 374–398.

²⁰ Otáhal M. Opoziční proudy v české společnosti 1969–1989... S. 40–41.

Э.Г. Задорожнюк (Россия)

Контурсы нового формата государственности в документах чешского и словацкого протестных течений (1969–1989 гг.): общее и особенное

Выявлены контурсы нового формата государственности в документах и концепциях чешской и словацкой составляющих чехословацкого анти-нормализационного движения. Выделены этапы истории идейных поисков чешских инакомыслящих как внутри страны, так и в эмиграции (от демократического социализма к правовому государству), а также представителей словацких протестных структур с характеристикой роли конфессионального фактора. Сделан вывод об их синергическом эффекте, оказывавшем непосредственное влияние на «бархатную» (чешская часть федерации) и «нежную» (словацкая ее часть) революции, которые положили начало переходу от идей к практической реализации новых моделей государственности.

Ключевые слова: модели государственности, Чехословакия, Чехия, Словакия, антинормализационное движение, правовое государство, конфессиональный фактор, диссидентство, «тайная» церковь, синергический эффект.

Проблема поиска контуров нового формата государственности в документах протестных движений в двадцатилетний исторический период, начиная с конца 1960-х гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ), вызывает особый интерес не только в них, но и в глобальном масштабе. Как раз в это время наиболее чуткие социальные мыслители, со своей стороны, и радикальные молодежные активисты – со своей, подвергали ревизии и капиталистические, и социалистические проекты. Это нашло выражение в майских событиях рево-

люционного характера 1968 г. во Франции, а затем в Германии, Италии и других странах Западной Европы, а также в движении новых левых в США¹.

По-разному проявлялись они в странах «социалистического содружества». В этом плане «косыгинская реформа» 1965 г. в СССР, а в качестве некоего ее идеологического шлейфа (помимо воли самого реформатора) и активизация диссидентского движения², породили резонансный эффект в ряде других стран «восточного блока». Этот эффект, равно как и воздействие протестных (революционных) движений в Западной Европе и во всем мире³, с особенной четкостью проявился в феномене Пражской весны в Чехословакии и развитии целого спектра оппозиционных и диссидентских движений после августа 1968 г.

Идейная история стран региона в период 1969–1989 гг., когда полученные в результате Пражской весны импульсы так или иначе сохранялись в самых разнородных диссидентских и оппозиционных структурах, а также в среде инакомыслящих в целом, характеризуется такой чертой, как осознание необходимости и даже неизбежности не только трансформации, но и смены моделей государственности. Это осознание было присуще всем силам, которые видели бесперспективность государства, подавлявшего основные демократические ценности, не останавливаясь перед репрессиями против всех инакомыслящих. Как раз в этот период «морозом», по образному высказыванию одного из деятелей Пражской весны З. Млынаржа, постоянно веяло из Кремля, а преследованиям стали подвергаться все инакомыслящие. В их ряду можно назвать, в первую очередь, тех, кто своим лозунгом выдвигал требование «больше социализма» (это позволило бы, как они полагали, решать и проблемы демократического развития), но и тех, кто – еще до президента Р. Рейгана – безоговорочно придерживался установки на то, чтобы «отправить социализм на свалку истории».

В Чехословакии, как и во всех без исключения странах региона, представители оппозиционных и диссидентских структур держали в поле зрения две главные задачи: 1). Замена авторитарных режимов демократическими политическими и социальными институтами; 2). Ликвидация идеологического диктата над политикой, что было связано с властной монопо-

лией правящих партий. Естественно, это не могло не инициировать и поиска контуров новой государственности⁴.

Уместно подчеркнуть, что на формирование соответствующих идей и концепций в Чехословакии – в отличие от других стран «восточного блока» – оказывали влияние два принципиально важных фактора: присутствие на ее территории иностранных войск и подавление ростков демократической модели государственности в рамках «социализма с человеческим лицом». Вместе с тем ограничение государственного суверенитета с сохранением его формальных атрибутов и дискредитация идеи демократического социализма не были восприняты пассивно. Они послужили мощным интеллектуальным импульсом в течение достаточно продолжительного времени, что налагало отпечаток на вектор идейных и концептуальных поисков новой государственности в кругах инакомыслящих и оппозиции. За сопутствовавшей им борьбой следили во всех странах региона, но не только в них. К голосу чехословацкой оппозиции внутри страны и в эмиграции прислушивались в СССР, Западной Европе, США и друзья, и враги поначалу идей «социализма с человеческим лицом», а затем и защитники прав человека.

Поиск контуров новой модели государственности начался в Чехословакии практически сразу после крушения Пражской весны, причем изначально – на уровне идейного диалога отдельных представителей чехословацкой интеллектуальной элиты. Его фоном служила не прекращавшаяся и после оккупации социальная активность всех слоев чехословацкого общества.

В самом конце 1969 г. в пока еще не задавленных цензурой популярных чехословацких изданиях развернулась полемика двух известных чешских интеллектуалов (М. Кундера и В. Гавел) о путях развития чехословацкой государственности в широчайшей исторической ретроспективе и перспективе новых форм ее развития. При этом первый (Кундера) обращался как к авторитету чешского политического мыслителя XVI в., так и к идейным вехам Пражской весны, считая именно ее опыт актуальным и значимым для общечеловеческого развития в целом. Второй же (Гавел) отрицал жизнеспособность и перспективность этих идей и довольно четко связывал развитие новой чехословацкой государственности с имплантацией уже

устоявшихся западных либеральных и неолиберальных ее образцов⁵.

Концепт будущего государственного устройства Чехословакии, связывавшийся с моделью демократического социализма, получил дальнейшее развитие в кругах институционально оформлявшихся в этот же период в чешско-моравской части государства нелегальных оппозиционных структурах. В 1969–1972 гг. в Чехии (Прага) и Моравии (Брно) инерционная сила идей Пражской весны напомнила о себе в таких из них, как Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ) и Чехословацкое движение за демократический социализм (ЧДДС)⁶. СДЧГ и ЧДДС ориентировались на разработку альтернативных социалистическому (в бюрократическом его варианте) государству контуров новой чехословацкой государственности. Именно в этот исторически краткий временной люфт идеи демократизации государственности в ее социалистическом облике занимали на интеллектуальном оппозиционном поле в чешско-моравской части ЧССР не только важное, но и доминирующее положение.

Представители социалистического направления оппозиционного движения на начальном этапе «нормализации» избрали свой путь выработки альтернатив бюрократической «нормализованной» государственности, приступив к разработке новых ее контуров. Следует сразу оговориться, что попытки оппозиции в чешской части ЧССР пройти путь реформирования чехословацкой государственности по примеру Пражской весны, реанимировать отдельные структурные элементы модели демократического социализма (политический плюрализм, демократизация системы выборов в местные органы власти, отказ от планово-централизованной экономики, синтез рынка и плана, смешанная экономика, сочетание рыночных отношений в экономике с сильной регулирующей ролью государства, независимость профсоюзов, свобода слова и собраний, динамичность и открытость вместо статичности и кастовости и др.) не имели в условиях «режима нормализации» шансов на успех. Курс правящей компартии на идеологическую «стерилизацию», принципиально отрицавшую идейное наследие Пражской весны, исключал выработку законченных концепций системных изменений чехословац-

кой государственности в любом антинормализационном его ключе.

Отказ от идеи демократического социализма и его потенциала, от попытки, по словам Кундеры, «создать наконец-то (и впервые в его мировой истории) социализм без всеислия тайной полиции, со свободой печатного и устного слова, с общественным мнением, которое выслушивается, и с политикой, которая на нем базируется, со свободно развивающейся современной культурой и с людьми, у которых исчез страх...»⁷, на следующем этапе более четко обозначил дифференциацию представлений о новой государственности в рамках чехословацких антирежимных течений и структур. Ситуация складывалась так, что идеологема «социализма с человеческим лицом» с потенцией той «свободы, которой мир еще не знал» (слова того же Кундеры), уже не могла служить в Чехословакии ориентиром в поисках новых альтернатив бюрократической государственности, поэтому социалистическая составляющая в этих альтернативах стала уже не столь заметной. В то же время во всемирном масштабе социалистический дискурс продолжал занимать важное место в обосновании различных моделей социального развития, а «человеческое лицо» социализма просматривалось в идеях еврокоммунизма, документах Социинтерна, в углублении той же скандинавской модели и т. д.

Нужно отметить, что аналогов такого рода оппозиции (СДЧГ и ЧДДС) в словацкой части чехословацкого государства не имелось, и особых поводов для каких-либо беспокойств в связи с этим у властей, казалось бы, не должно было возникнуть. Тем не менее, анализ архивных документов (циркуляры, аналитические справки, ситуационные анализы, информационные сообщения и др.), составляющих фонд Отдела (позднее Секретариата) по делам церкви Министерства культуры ССР в Словацком Национальном архиве (Братислава), позволяет уйти от подобного рода обманчивых представлений.

Так, уже 14 августа 1969 г. в «Информационном сообщении о церковно-политической ситуации в Словакии», подготовленном сотрудниками данного Отдела для членов Президиума ЦК КПС⁸, изложены статистические выкладки о мировоззренческой структуре словацкого общества. В январе 1968 г. она выглядела следующим образом: атеисты составляли 14,1%

населения Словакии, верующие – 70,7%, не определившихся насчитывалось 15,2%⁹. Документом фиксировалась легальная деятельность на территории ССР 12-ти признанных государством церквей и религиозных обществ, наиболее сильной и влиятельной из которых являлась римско-католическая церковь (около 58% населения); второе место по численности занимала Словацкая евангелическая церковь аутсбургского вероисповедания (около 12% населения). В качестве особой проблемы в документе выделена разрешенная в 1968 г. в Восточной Словакии греко-католическая церковь и не отрегулированные до конца ее отношения с церковью православной.

Разумеется, представленная в этом и других архивных документах картина не могла не вызвать обеспокоенности партийно-государственного аппарата. «Информация» содержит вывод, во многом предопределявший позицию вставшего на путь «нормализации» государства по отношению к религии. «Религия, – говорилось в нем, – продолжает оставаться в Словакии распространенной и цельной мировоззренческой системой, которая действует под защитой конституции, располагает прекрасной организационной базой и высококвалифицированным аппаратом»¹⁰. Затрагивавшая сотни тысяч словацких граждан религиозная проблема – наряду с экономической, политической и национальной – названа в нем основной. В связи с этим сделан внешне очевидный и закономерный, а по сути парадоксальный, если учитывать последующую конфессиональную политику «режима нормализации», вывод о том, что «свобода религиозного вероисповедания остается одним из основных прав человека»¹¹. Данный посыл, содержащийся в адресованном высшим партийным властям документе, являлся одним из основных в требованиях церкви в период Пражской весны, таковым он оставался и в последующие периоды. Однако практика чехословацкого государства по отношению к церкви и верующим продемонстрировала резкое расхождение с приведенными выше выводами. Задекларированные Конституцией права граждан, не говоря уже о правах граждан верующих, не соблюдались¹².

Конечно, данный документ не носил сугубо статистического характера. В нем особо подчеркивалось, что римско-католическая церковь «представляет существенную церковно-

политическую проблему», которую нельзя выпускать из поля зрения государственных властей и партийных органов, в первую очередь, идеологической комиссии ЦК КПС. Как раз с этого времени слежение за религиозными объединениями стали вестись постоянно, а за новыми актёрами старого католицизма («тайной» церкви)¹³ учреждался перманентный надзор¹⁴.

Не случайно поэтому рубеж 1960-х – 1970-х гг. в Словакии ознаменовался формированием протестного течения, в котором на ведущие позиции стала выходить религиозная составляющая. Надо напомнить, что именно в Словакии, по словам хартиста М. Кусы, еще с первых после февральских событий (1948 г.) дней сложились объективные предпосылки для возникновения «параллельного полиса» в религиозной сфере, когда «тайная» церковь стала замещать и дополнять церковь легальную. Ситуация, по его мнению, повторялась после 1968 г., а после создания Хартии 77 пополнилась новыми нюансами¹⁵.

Действительно, структуры «тайной» церкви, являясь по сути «параллельными» ячейками общества, становились матрицей, по которой впоследствии, уже в конце 1970-х гг., во многом выстраивалась деятельность Хартии 77. Вектор протестной активности в Словакии, в отличие от чешско-моравской части государства, стал смещаться в церковно-религиозную область, что, в свою очередь, вело к постепенному формированию представлений активистов «тайной» церкви о политике государства в церковной сфере, их видению места и роли церкви в стране. Уже с этого времени стали появляться требования освобождения заключенных верующих, отмены так называемых «церковных законов», принятых в 1950-е гг., существенно ограничивавших права церкви и прихожан. Разумеется, эта критика не могла не отличаться умеренностью, однако ее значимость заключалась в массовости слушателей, поскольку зачастую звучала среди широких кругов верующих, например, в ходе паломничеств¹⁶.

Таким образом, для чешских оппозиционеров и инакомыслящих в большей мере оказались характерными попытки реанимации идей Пражской весны; словацкие же – в основном деятели словацкой «тайной» церкви – ориентировались на решение проблем, связанных, в частности, с резкой критикой

конфессиональной политики «режима нормализации» и даже с отрицанием курса на подчинение социалистическому государству католической церкви.

Общим для чешского и словацкого оппозиционных движений явилось то, что представители и тех, и других попали в первой половине 1970-х годов под каток репрессий. После подавления чешской нелегальной социалистической оппозиции и расправы с неудобными представителями словацкой «тайной» церкви в 1972–1976 гг.¹⁷ наблюдались точечные выступления инакомыслящих, которые ориентировались на преодоление государственности «нормализационного» типа.

Как уже отмечалось, в формировавшихся в ЧССР протестных анклавах генерировались и возвращались идеи новой государственности, причем в различных частях тогда еще единого чехословацкого государства – чешской и словацкой – по-разному. Неодинаково складывалась дальнейшая история как протестных структур, так и исповедовавшихся ими идей. Оппозиционные структуры – СДЧГ и ЧДДС – после прошедших в 1972–1973 гг. судилищ над их лидерами прекратили существование.

Однако идеи «социализма с человеческим лицом» неожиданно получили достаточно мощную поддержку в одной из составных частей чехословацкой поставгустовской эмиграции, которую по праву можно считать своего рода компасом в поиске, формировании и ретрансляции идей новой государственности. Идеи нового формата будущей государственности достаточно детально разрабатывались той ее частью, мощным рупором которой явилось периодическое издание «Listy» («Журнал»), изначально взявший курс на поддержку социалистической альтернативы, противопоставляя социализм (нормализаторский, бюрократический) социализму (демократическому). «Listy» издавался в 1971–2001 гг. последовательно в Германии, США, Италии (Рим) и Чешской Республике (Прага) известным деятелем Пражской весны, бывшим генеральным директором Чехословацкого телевидения И. Пеликаном¹⁸, попавшим после августа 1968 г. в опалу и вынужденно эмигрировавшим на Запад¹⁹. Здесь следует упомянуть и о другом эмигрантском издании – журнале «Svědectví» («Свидетельство»), выходявшем в 1956–1992 гг. сначала в США, с 1960 г. – в Па-

риже, а с 1989 г. – в Праге. Этот журнал олицетворял идейные поиски постфевральской (1948 г.) чехословацкой оппозиции; главный его редактор – П. Тигрид (1917–2003), с которым еще в 1968 г. в Париже встречался В. Гавел, но и не только он. К сожалению, объем не позволяет в настоящей статье остановиться на идеологической ориентации данного журнала, которая будет рассмотрена в других работах автора.

Можно сказать, что выходявшее в эмиграции периодическое издание «Listy» приняло эстафету от Пражской весны и нелегальной социалистической чешско-моравской оппозиции, взяв на вооружение идеи демократического социализма и поставив перед собой цель их дальнейшего развития, включая разработку идей новой государственности в демократическо-социалистическом ее варианте. Эти идеи стали получать поддержку западных интеллектуалов, для которых Пражская весна не стала только прошедшим временем или музейным экспонатом. Безусловно, подавляющая часть материалов журнала носила негативистский характер, подвергая остракизму «режим нормализации». Тем не менее в их числе можно найти интересные аналитические работы, в которых представлена позиция части чехословацкой поставгустовской эмиграции по самым разным вопросам того времени.

Журналом, первые номера которого вышли в свет в 1971 г., то есть практически в начальный период деятельности нелегальных структур чешско-моравской части чехословацкой социалистической оппозиции²⁰, выделялась одна из частей эмиграции, палитра которой была достаточно пестрой. Большинство ее представителей позиционировали себя сторонниками «нового социализма», приверженцами идей Пражской весны, отстаивавшими «социализм с человеческим лицом». Концепции значительной части поставгустовской эмиграции включали антибюрократическую революцию и рассчитывали, прежде всего, на силу и интересы восточноевропейского рабочего класса и, главным образом, молодежи. «Нет ничего удивительного в том, что во многих случаях она ориентируется на так называемых новых левых и на прогрессивные силы в западных марксистских партиях и не ставит амбивалентный вопрос: Запад или Восток... Она является приверженцем нового гуманного общества в качестве противовеса реакционно-

му догматизму», – утверждал журнал. Констатировалось, что в рамках данной концепции имелись многочисленные недоработки, но именно в ней «проявляется стремление к пониманию трендов развития современного технологического мира и, как это ни парадоксально, более глубокого понимания и некоторых явлений западной политики (например, Ostpolitik В. Брандта)...Традиционные же приверженцы западного парламентаризма считают ошибочным данное развитие либо же вообще не понимают его сути, заключающейся в том, что не только западная демократия, но и восточноевропейский тоталитаризм проходят систематическое и достойное внимания развитие»²¹, – резюмировалось в издании.

Выделив в спектре поставгустовской чехословацкой эмиграции три течения (экс-коммунисты, социал-демократы и христианские демократы) и говоря о неизбежных различиях в концептуальных установках каждой из них, автор одной из первых аналитических статей К. Ездинский приходит к выводу об основополагающем единстве большей ее части по ряду актуальных проблем. В их числе особо, по его словам, выделялись две: «1. Отрицание оккупации Чехословакии и ее колониального положения в рамках советского империализма, безоговорочное отрицание тоталитарной системы с монополией на власть одной политической партии, уверенность в том, что Чехословакия должна быть независимым и демократическим государством; 2. Решение относительно модели общественного устройства в независимой и демократической Чехословакии должно возлагаться исключительно на народ страны на основе свободного выбора»²².

Автору пришлось признать, что доминирование в поставгустовской эмиграции социалистических взглядов в самых различных вариантах не может решить вопрос о модели будущей государственности и о социализме как форме общественного устройства чехословацкого государства в будущем. «Решение этой проблемы, – подчеркивается в статье, – остается за будущим в самом отечестве, пути развития которого являются предметом заинтересованного и цивилизованного диалога. При этом свободная Чехословакия станет плюралистическим открытым обществом, с присущими ему моделями государственности»²³.

Голоса эмигрантов-социалистов и экс-коммунистов зазвучали с еще большей силой в 1973 г., в пятилетнюю годовщину Пражской весны, со становившейся характерной для них предельно четкой аргументацией. Так, И. Пеликан в статье, которая носила программный характер, утверждал, что Пражская весна ориентировалась на разрешение и преодоление глубокого – политического, идеологического и морально-бюрократического – кризиса господствовавшей в ЧССР централизованной системы. Она явила собой социалистическую – в демократическом обрамлении – альтернативу административной и бюрократической модели государственности, получившую наименование «социализм с человеческим лицом», принципиально дистанцируясь от авторитарной советской модели²⁴.

Приведем обширную выдержку о социалистической альтернативе из статьи, содержавшей и контуры новой модели, пока не реализовавшейся, но значимой, по убеждению Пеликана, для будущего государственности. Автором перечислены следующие важнейшие для ее становления параметры: «I. Превращение государственной собственности на средства производства в собственность реально коллективную и общенародную, которой трудящиеся смогут управлять посредством демократических народных органов, в первую очередь, рабочих и заводских советов и соответствующих органов на национальном и общегосударственном уровнях. II. Создание на данной экономической базе плюралистической политической системы с переходом власти под контроль граждан с сочетанием как представительной демократии (парламент, избранный в тайных выборах на основе пропорциональности), так и демократии прямой (самоуправление на предприятиях, в населенных пунктах, на предприятиях с участием профсоюзов и массовых организаций трудящихся). III. Равное партнерство всех политических партий и гражданских организаций, исключаящее монополию на власть одной партии или же одной группы. Допускается наличие оппозиции при уважении демократических принципов и социалистического общества как рамок ее деятельности. IV. Обеспечение самостоятельности профсоюзов как защитников интересов трудящихся, а также права на забастовку как средств борьбы против злоупотреблений властей

и нанесения вреда жизненному уровню трудящихся. V. Обеспечение конституционно и фактически свободы слова и собраний, художественного творчества и научных исследований. VI. Обеспечение доступа к информации всем гражданам в качестве неотъемлемого условия их участия в управлении государством и экономикой, а также контроле над властью; превращение телевидения, радио и прессы в средства массовой информации; подлинное политическое и культурное участие общественности во всех делах общества. VII. Обеспечение контроля за исполнительной властью избранными народными органами, независимости судов и контроля за полицейскими органами и органами безопасности. VIII. Введение такого управления экономикой, которое может предоставить больше возможностей для инициативы рабочих и технического персонала, а также для независимости управляемых трудящимися предприятий, что обеспечит научное планирование интересов всего общества, социальную уверенность, повышение жизненного уровня и одновременно откроет перед всеми гражданами перспективы развития материальных и интеллектуальных богатств. IX. Реальное равенство прав и дружественных отношений между отдельными нациями и национальностями в рамках федерации, основанное на общих интересах, исключаящих централизм и шовинизм со стороны более сильной и многочисленной нации. X. Восстановление суверенитета республики на основе равенства прав и невмешательства во внутренние дела на основе международной солидарности, совместной борьбы против империализма всех видов, всех форм колониализма, гегемонии сверхдержав и раздела мира на сферы их влияния, за истинное международное сотрудничество и мир»²⁵.

Выделенные Пеликаном составные элементы новой государственности приводились с целью в очередной раз напомнить об идеях демократического социализма и противопоставить их практике «режима нормализации». Действительно, автор утверждал, что как капиталистическому, так и социалистическому обществу присущи самые разнообразные модели²⁶. Пражская весна признавала этот факт и открывала перспективу поиска новых форм государственности, причем таких, которые, если обратиться к словам Кундеры, приобретали об-

щечеловеческое значение. Пять лет спустя идеи демократического социализма не потеряли актуальности, что и было зафиксировано журналом.

Консолидированная позиция поставгустовских эмигрантов отражалась и в документе, выпущенном к 5-летию прихода к власти Г. Гусака (апрель 1974 г.)²⁷. В одном из его разделов под заглавием «Наша программа» в постановочном ключе затронуты вопросы и будущей государственности. «Мы, – указывалось в нем, – поддерживаем все, что приведет нас к национальной и государственной самостоятельности. Мы за политику дружбы и сотрудничества, против насилия во всех его проявлениях в международных отношениях. Мы за уважительное отношение к изменениям в общественной системе государств, согласно свободному волеизъявлению граждан, мы также за свободное передвижение лиц, идей и информации». Документ ратовал «за социализм, основанный на уважении свободного волеизъявления и интересов различных слоев общества, воплощение глубокого демократизма во всех сферах жизни как пути к реальному освобождению человека, за советы рабочих, участие производителей в управлении, против неограниченной власти одной партии и против тоталитарного режима в любом его виде». Особо следует выделить часть документа, посвященную требованиям борьбы «за полное воплощение основных гражданских прав и прав человека, по крайней мере, в том объеме, который сформулирован в Декларации ООН»²⁸. Как следует из названия документа, это была программа не только одной из частей социалистической оппозиции, но оппозиции в целом, без уточнения ее идеологической ангажированности. Важнее другое: в социалистически ориентированном издании, послужившем рупором для эмиграции в целом, в свернутом виде излагалась программа будущей Хартии 77 – момент, который не всегда учитывается в современной чешской историографии хартистского движения. А ведь именно этот посыл был услышан социалистически ориентированными международными силами, и не только ими, но и западными правозащитниками.

В 1974 г. журнал опубликовал информацию о состоявшемся 22–26 февраля близ Парижа международном colloquium «Чехословацкий опыт 1968 года и проблемы социализма». В нем приняли участие представители левых сил стран Западной Ев-

ропы, а также чехословацкие эмигранты (И. Пеликан, Э. Гольдштюкер и др.). Наряду с обсуждением опыта Пражской весны, рассматривались пути преодоления сложившейся в стране ситуации и демократизации системы в Восточной Европе, поиск новых форм государственности. В его резолюции задекларированы требования вывода войск из страны, освобождения всех политзаключенных, «обеспечения права на свободный выбор чешским и словацким народами модели социализма», а также выражена солидарность со всеми течениями социалистической оппозиции в Чехословакии²⁹.

На этом фоне стали по-новому звучать протестные голоса и в самой Чехословакии. Началось то, что в историографии чехословацкого оппозиционного и диссидентского движения именуется «этапом писем»³⁰. Первые голоса в пока еще довольно слабый протестный отечественный хор внесли А. Дубчек письмом (1974, 28 октября) в адрес Федерального собрания ЧССР и Словацкого национального совета и В. Гавел (1975, 8 апреля), обратившийся к лидеру ЦК КПЧ Г. Гусаку. В этих посланиях не ставился напрямую вопрос о ликвидации существовавшего на тот момент государственного строя. Внимание их авторов акцентировалось на его недостатках и способах их преодоления, на аморальности жизни в условиях нормализации.

Тон писем был примерно одинаковым. Однако если обращение становившегося диссидентом Гавела к коммунисту Гусаку характеризовалось своеобразной моралистичностью, то приверженец идеи «социализма с человеческим лицом» Дубчек в большей мере приводил конкретные примеры нарушения социалистической демократии и законности, которые, по его словам, «режимом нормализации» попираются. Паутина, писал Дубчек, «опутала всю жизнь нашей страны. И те, кто ее плетут, еще и взывают к поддержке и оправданию. Я могу назвать это только словами, какие данное явление заслуживает: злоупотребление властью, нарушение принципов социализма и принципов партии. *Это нарушение прав человека* (курсив мой. – Э.З.)»³¹.

Итак, в первой половине 1970-х годов как за пределами ЧССР, так и в самой стране, причем задолго до появления Хартии 77, можно было услышать требования соблюдения в Че-

хословакии прав человека. Их можно назвать предвестниками постепенно свершавшегося поворота в видении новой государственности – перехода от концепции демократического социализма к требованиям гражданских прав и прав человека. Подспудно эти требования формировались в среде людей, отказывавшихся от идеалов любого социализма. Однако независимо друг от друга социалистически ориентированные Дубчек (внутри страны) и журнал «Listy» (за ее рубежами) исподволь выходили на новый уровень противостояния властям, причем повод для него с лихвой предоставлял сам «режим нормализации» с его нетерпимостью к любым проявлениям инакомыслия и манией преследования. Можно также говорить о появлявшихся в журнале высказываниях и даже документах с расширительными толкованиями прав человека, включая и права верующих. Это, хотя бы пока еще на сугубо теоретическом и даже умозрительном уровнях, предполагало соединение воедино разрозненных протестных течений на общей идейной базе – борьбе за соблюдение прав человека и гражданских прав.

Однако прошло еще несколько лет, прежде чем такой вид протеста с идеей прав человека и гражданских прав стал облекаться в организационные формы. Лишь с появлением в конце 1970-х гг. Хартии 77 обозначились принципиально новые моменты и в оформлении контуров альтернативной «режиму нормализации» государственности³². Хартисты более жестко делали акцент на правах человека и гражданских свободах, постоянно отмечая, что хотя они и закреплены в Конституции ЧССР, но, по сути, не реализуются. А поскольку требования этой реализации неустранимы, то нужно формировать компоненты правового государства.

Данная идея пронизывает практически все документы Хартии 77, хотя сам термин «правовое государство» вплоть до начала 1980-х годов отчетливо в них не появлялся. Эти компоненты связывались, в том числе с такими концептами, как «власть безвластных» и «неполитическая политика», которые впервые обосновал и ввел в диссидентский лексикон лидер Хартии 77 Гавел. Они отличаются принципиальной новизной – что доказывается их востребованностью уже после 1989 г. в самых разных странах мира, в первую очередь, в ходе

«цветных» революций и «арабской весны».

Надо отметить, что с поля зрения как эмигрантских кругов, так и оппозиции внутри Чехословакии не исчезала и религиозная составляющая. Еще в первой половине 1970-х гг. журнал «Listy» отреагировал на развязанную «режимом нормализации» идеологическую антирелигиозную и антицерковную кампанию, сопровождавшуюся «фантастическими обвинениями и фанатичными нападками на верующих»³³. Приводились конкретные примеры административных и полицейских репрессий против деятелей церкви всех уровней. «Мы, – отмечалось журналом, – уделяем особое внимание подобным примерам преследований верующих, духовенства и церкви, чтобы подвергнуть их безоговорочному осуждению – такому же, как и осуждение преследований оппозиционных коммунистов и социалистов – и подчеркнуть, что подобная позиция не имеет ничего общего с социализмом и является проявлением идеологической слабости и страха правящей верхушки. Общие страдания и опыт утверждают нас в убеждении, что свобода неделима и что *без права на свободу вероисповедания невозможны ни прогресс, ни социальная справедливость* (курсив мой. – Э.З.)»³⁴. Фактически же словацкая оппозиция базировалась на присущих малым структурам «тайной» церкви и массовым настроениям католиков-паломников ценностях христианского гуманизма и ненасильственного сопротивления. Но это как раз и была разновидность той «неполитической политики», за которую позже ратовали чешские диссиденты и их лидер.

Словацкие инакомыслящие католики по видимости не испытывали потребности перейти на более высокий уровень борьбы за гражданские и политические права в целом. По сути же на этот уровень они перешли, по-своему продемонстрировав еще до 1977 г. мощь ненасильственного сопротивления, что сокрушало коммунистическую идеологию в пик ее внешнего могущества.

Именно в рамках «тайной» церкви формировались новые образцы религиозной – и не только религиозной – жизни, связанные с тем, что стало именоваться «параллельным полисом» или «альтернативным обществом». Под таковыми понималась совокупность структур, ориентированных на под-

держку демократических структур в политике и экономике, плюрализма взглядов в социальной мысли, свободы самовыражения в культуре. Указанные структуры можно было идентифицировать в других антирежимных формах самоорганизации, не контролируемых государственными и партийными властями.

В конце 1970-х гг. Хартия 77 явилась «первой ласточкой», предпринимавшей усилия в выработке контуров новой государственности, поиске отдельных элементов ее модели. В рядах строивших планы относительно перспектив ее деятельности приверженцев обозначились две тенденции. Сторонники одной из них полагали, что нужно придерживаться выжидательной тактики, пребывать в «состоянии покоя» и приступать к реализации программных требований в сфере прав человека и гражданских прав лишь при условии благоприятных обстоятельств для наступательной критики режима. Второе течение трактовало Хартию как форму политического движения, которое должно ориентироваться на переход к более действенным методам, стать аналогом политической программы, выявлять конкретные примеры нарушения гражданских прав, уделять внимание внутренней самоорганизации, побуждать спикеров решать актуальные задачи. «Чаще всего, – отмечал В. Пречан, комментируя соотношение этих течений, – мы находим в Хартии все вместе: поиск политического выхода из кризиса системы реального социализма и нежелание заниматься этим как не подобающим Хартии делом (у одних), лишением актуальности и преждевременным (у других), либо же совершенно несущественным (например, у молодежи из андеграунда)»³⁵.

Активизация протестных сил в указанных направлениях не могла не привлечь внимания социалистически ориентированной эмиграции, хотя ее диалог с хартистами нельзя назвать ровным. Своеобразным и весьма примечательным откликом на годовичную деятельность Хартии можно считать статью И. Пеликана «Пражская весна не конец, а только начало (Ни реформ, ни революций – новые пути в Восточной Европе)»³⁶. Она появилась во внеочередном номере, который вышел по случаю 10-й годовщины Пражской весны. Ее автором перед народами Чехословакии и другими странами «восточ-

ного блока» ставились крайне острые вопросы. «Как будет развиваться, – спрашивает он, – ситуация в Восточной Европе в ближайшем будущем? Будет ли это путь постепенных реформ советской модели авторитарного социализма, как его наметила Пражская весна в 1968 году? Или же это будет путь спонтанных взрывов недовольства и гнева, как восстание рабочих в Польше в 1970–71 и 1976 гг.? Или нынешняя система в странах Восточной Европы настолько «заблокирована» изнутри своим внутренним механизмом, а извне – гегемонией СССР, что какой-либо путь к переменам закрыт на длительное время?»³⁷. В ответах на данные вопросы Пеликан выражает уверенность, что «оппозиционные настроения и протестные движения, вопреки любым преследованиям, будут только нарастать и усиливаться. Социалистическая оппозиция сможет получать новые импульсы от “параллельных” – по польскому образцу – структур»³⁸ (в числе которых, добавим от себя, явно и неявно была уже и Хартия 77).

«Параллельные» структуры, по мнению Пеликана, могут послужить залогом перехода от стихийных протестов к сознательным действиям, однако «подобного рода деятельность в двух направлениях: с одной стороны, мобилизация широких масс, а с другой – более рационально мыслящая часть правящей партии и легальные институты – потребует не только готовности к гражданской ангажированности, мужеству и рискам, но и *формирования определенной политической платформы* (курсив мой. – Э.З.), которая позволит сконцентрировать силы и создать организационную форму как инструмент для реализации поставленных целей»³⁹.

Автор настоятельно подчеркивает, что крушение Пражской весны в результате военной интервенции вовсе не означает конец «реформаторского коммунизма» или «ревизионизма». Напротив, это поражение знаменует «начало длительного исторического процесса, который завершится социалистической альтернативой на основе постепенного, но принципиального реформирования системы нынешней»⁴⁰. Своим утверждением, что в итоге будет достигнута реальная эмансипация всего общества в духе идеалов социализма, Пеликан в новых исторических условиях дублирует тезис Кундеры: Пражская весна не прошла бесследно для всего человечества,

она обогатила его новыми проектами. «Какое бы название, – резюмирует автор, – эти проекты не получили: “третий путь” или “новая альтернатива” – все они ориентированы на создание обществ нового типа, которые не будут ни авторитарным сталинским социализмом, ни механическим возвратом к парламентской демократии западного типа»⁴¹.

Поиски в данном направлении уточнялись Пеликаном в его размышлениях о возможностях трансформации «реального социализма». Объективный анализ ситуации в странах «восточного блока» и соотношение сил во всем мире приводят его к выводу, что *«будущее этих стран заключено в “социалистической альтернативе” на основе постепенных, но принципиальных реформ существующей системы вплоть до подлинной эмансипации всего общества на основе первоначальных идеалов социализма»*⁴². Значимость данного тезиса подчеркивается тем, что сам автор специально выделил его в своей статье курсивом.

Альтернативные «нормализаторскому» социализму варианты развития Чехословакии продолжали занимать умы и представителей международных левых сил. Так, состоявшееся 28–29 сентября 1978 г. в Париже заседание Бюро Социалистического Интернационала (СИ) под председательством В. Брандта внесло в повестку дня вопрос о современной ситуации в Чехословакии. В заседании приняли участие деятели чехословацкой социалистической и социал-демократической оппозиции в эмиграции (З. Гейзлар, З. Млынарж, А. Мюллер, И. Пеликан, В. Бернард, Я. Крейчи, Я. Каван, М. Соучек, М. Тучек)⁴³.

Поддержав в своем выступлении ориентацию чехословацкой социалистической оппозиции на европейских левых, первый секретарь Итальянской социалистической партии Б. Кракси предложил подготовить декларацию с призывами: вывода советских войск из Чехословакии, освобождения политзаключенных и запрета всех видов дискриминации, а также соблюдения основных выводов Хельсинкского (1975 г.) соглашения. В. Брандт поддержал требования вывода из страны иностранных войск и призвал СИ активизировать свою деятельность в этом направлении, в частности, организовать конференцию, целиком посвященную Чехословакии. На будущем международном форуме, по его словам, следовало «детально проанали-

зировать процессы развития в 1968 г., современное положение в стране, перспективы ее дальнейшего развития, а также вопросы оказания поддержки как социалистической оппозиции, так и чехословацкому народу»⁴⁴.

На заседании прозвучало «Письмо независимых социалистов Чехословакии Бюро СИ» от 1 июля 1978 г.: назвав себя «инициаторами новой идейной ориентации», главной своей задачей они считали «разработку альтернативных представлений об общественном устройстве и участии в развитии общества неконформистской культурной деятельности»⁴⁵. Свое кредо независимые социалисты определили так: демократия, социализм, равноправие, солидарность, самоуправление и самоопределение наций, нравственность в политике.

Следует отметить, что к этому времени чехословацкий режим в очередной раз поставил жесткий предел поискам новых моделей государственности Хартией 77. В конце октября 1979 г. состоялся суд над шестью хартистами: В. Гавелом, П. Улом, В. Бендой, И. Динстбиром, О. Беднаровой и Д. Немцовой. Позицию зарубежных СМИ нетрудно было предвидеть, процесс осуждали и многие правозащитные организации. Они призывали поднять против суда волну протестов во всем мире и выражали солидарность с преследуемыми. Руководители Московской Хельсинкской группы, находившиеся в положении гонимых, выступили против неоправданной жестокости, направленной против обвиняемых. Но «мороз» из Кремля повеял более мощно, и создавалось впечатление, что протестные ростки погибнут окончательно.

Но этого не случилось, напротив, первая половина 1980-х гг. становилась рубежной для чешской и словацкой оппозиции. Надежды первой связывались с перспективой новых форм политической активности в духе «неполитической политики». Для словацких же верующих они связывались с избранием Папой славянина, еще до этого уделявшего повышенное внимание католической церкви в Словакии.

Определенный импульс в плане уточнения и в каком-то смысле обогащения представления о будущей государственности получили в связи с событиями 1980-х гг. в Польше. Нужно отметить, что журналом всегда публиковались аналитические статьи о происходившем в соседней стране⁴⁶. Так, в

его специальном выпуске, посвященном Польше, помещены рассуждения лидеров польской оппозиции разной направленности не только относительно будущего устройства своего государства, но и о перспективах стран «восточного блока» в целом. Важный удельный вес занимали работы, анализировавшие опыт взаимоотношений польского государства и католической церкви.

Как раз польские события могли бы способствовать созданию ситуации, когда, по предположениям Пеликана, «нельзя полностью исключить возможность таких уступок со стороны СССР, которые назывались в свое время представителем польской оппозиции Куронем “финляндизацией” Восточной Европы, а итальянским журналистом Скалфари – “югославизацией”, а по сути сводящимися к предоставлению странам Восточной и Центральной Европы большей свободы в проведении экономических и политических реформ, эффективнее обеспечивающих стабильность существующего режима, нежели репрессии и присутствие советской армии, но при условии гарантий, уважения и учета советских военных и экономических интересов в этой части Европы»⁴⁷. Разумеется, указанный путь преобразования чехословацкой государственности выглядел, скорее, утопией, но это был один из вариантов трансформации бюрократического социализма, «подстегивавший» поиск других альтернатив.

В материалах, посвященных Польше, представлен не только анализ польских событий, но и их экстраполяция на другие страны региона, в том числе варианты возможных сценариев развития в Чехословакии. Важный акцент ставится в них на детальном анализе взаимоотношений государства и католической церкви. Материалы такого рода публиковались, по-видимому, с целью усилить внимание к положению обладавшей протестным потенциалом католической церкви в Чехословакии, но особенно – «тайной» церкви в Словакии. Так, Д. Моравский отмечал: «Папский престол имеет сегодня особые причины призывать к международной солидарности в поддержку Польши. Однако он не забывает и о других народах, которых по-прежнему продолжают угнетать в советском блоке, начиная чехами и словаками и заканчивая украинцами греко-католиками». 10 октября 1982 г. Папа протестовал против нарушения

прав человека и гражданских прав поляков, отметив, что папский престол и церковь в Польше сделают все, что в их силах, чтобы покончить с нарушением прав человека. «Папа, – говорится далее, – обещал, что будет по-прежнему отстаивать законные требования трудящихся. Он прекрасно понимает, что без сохранения того, что было завоевано польским обществом в течение прошедших шестнадцати месяцев, наши чешские и словацкие братья не смогут выбраться из дьявольской западни, в какую они попали после подавления Пражской весны»⁴⁸.

После начала перестройки в СССР хартисты стали смелее выступать со своими представлениями относительно реформирования разных областей жизни государства, включая народнохозяйственную сферу. 14 ноября 1985 г. Хартия 77 предложила свой альтернативный проект экономической реформы, в котором обращала на себя внимание, с одной стороны, лексика советской перестройки, а с другой – отход от принципов социалистической экономики, поскольку в документе фигурировали такие термины, как «рыночные отношения», «индивидуальное и мелкое предпринимательство»⁴⁹ и т.д.

В документе, наряду с признанием «некоторых позитивных результатов» в чехословацкой экономике, указывалось на ее хронические недуги и кризисные явления, а также на неспособность административно-директивной системы реагировать на требования эффективности технологического развития. От венгерских оппозиционеров в проект перешла критика централизованной распределительной системы, а от западных зеленых – призывы к борьбе за экологию.

«Нельзя закрывать глаза перед существенными причинами продолжающейся экономической стагнации и углубляющегося отставания нашей экономики от развитых стран, иными словами, перед необходимостью фундаментальных структурных изменений и коренных экономических реформ... В системе экономического управления так наз[ываемого] реального социализма преобладает чрезмерная централизация принятия решений и директивность приказов, связанная с прямым административным контролем за их выполнением», – констатировалось документом.

Переход от централизованной к децентрализованной системе управления хартисты считали не экономической, а ско-

рее, политической проблемой, связанной с поисками новой модели государственности. Они предлагали устранить вмешательство политических органов в управление экономикой, ликвидировать «кадровый» потолок для беспартийных, которым разрешалось занимать лишь самые низшие руководящие должности, хотя многие из них имели хорошую профессиональную подготовку и отличались высокими нравственными качествами, чтобы руководить предприятиями. В этой же связи высказывалась необходимость отменить законы, преследовавшие граждан за индивидуальное предпринимательство, и разрешить его в установленных законом границах.

В качестве первого шага к оздоровлению экономических отношений, затрагивавших всех граждан, хартисты предлагали политическим и государственным органам, а также редакциям газет и другим СМИ провести широкую общественную дискуссию о целях экономической реформы и необходимости структурных преобразований народного хозяйства. В этой связи рекомендовалось опубликовать анализ реального состояния чехословацкой экономики, причем в более широких масштабах, нежели это делалось до сих пор, предать гласности опыт управления экономикой в Венгрии, Советском Союзе, Китае и других странах с другой экономической системой, не ограничивая заранее дискуссию идеологическими или какими-либо другими рамками. Далее высказывалось предложение выработать на основе итогов этой дискуссии конкретные предложения по исправлению функционирования хозяйственного механизма, структуры и системы управления народным хозяйством⁵⁰.

Во второй половине 1980-х гг. происходило не только организационно-структурное оформление новых видов неформальных движений, но и их идейная дифференциация, а в определенной степени – и поляризация. 1988 год стал временем количественного роста антинормализационных структур и интенсификации деятельности чехословацкого оппозиционного движения, а проходившие в этом году – году трагическо-символической «восьмерки», если вспомнить 1918, 1938, 1948 и 1968 гг. – массовые демонстрации в Праге указывали на начавшийся переход чехословацкого общества из стадии латентного противостояния правящему режиму к фазе открытой

конфронтации. В чехословацком оппозиционном движении стали выкристаллизовываться и течения, ставившие во главу угла конкретные требования трансформации чехословацкой государственности и оформления контуров ее новой модели.

К концу 1988 г. в ЧССР существовало около 22 различных оппозиционных структур, к августу 1989 г. их число приблизилось к 40⁵¹. Одна из них – Демократическая инициатива (ДИ), созданная в сентябре 1987 г. (в сентябре 1989 г. переименована в Чехословацкую демократическую инициативу – ЧДИ). Программный документ Демократической инициативы, адресованный общественности от 5 октября 1988 г.⁵² (в реестре документов ДИ фигурирует под первым номером), не ставит напрямую вопрос о ликвидации монополии на власть КПЧ. Лидеры ДИ приводят следующую аргументацию: «Движение Демократическая инициатива относится к КПЧ как к правящей партии, которая имеет гарантированную монополию на власть. Демократическая инициатива прекрасно понимает решающую роль КПЧ в нынешнем кризисе национального организма и в существующем авторитарном режиме управления»⁵³. В то же время нельзя не заметить, что своим следующим положением: «Наши демократические традиции однозначно нацеливают на плюралистическое во всех отношениях общество. Но в государстве существует монополия на власть, и КПЧ на ней настаивает. Поэтому мы требуем, исходя из реалий, создания общества, плюралистического лишь в сфере культуры, идеологии, религии и *политики* (курсив мой. – Э.З.)»⁵⁴ – документ дезавуирует предыдущее утверждение о гарантиях монополии на власть КПЧ.

В последующем в серии документов ДИ расширяла спектр требований, касавшихся преобразования государства и свидетельствовавших о существенных подвижках, в частности, о приоритете политических реформ. В Проекте политической программы ДИ (26 мая 1989 г.) предлагалось: до 28 октября 1989 г. принять Конституционный закон о завершении к 1 января 1990 г. деятельности федерального парламента ЧССР, о выборах на переходный период в Учредительное собрание и о подготовке новой демократической Конституции; до мая 1990 г. провести выборы в Учредительное собрание; до 1 января 1991 г. разработать новую Конституцию и новый избира-

тельный закон; к 1 мая 1991 г. завершить дискуссии; до 28 октября 1991 г. предложить Конституцию и закон о выборах в федеральный парламент на всенародное голосование; в январе 1992 г. провести выборы в Федеральное собрание страны.

В документе открыто ставился вопрос о ликвидации монопольного положения правящей КПЧ, а уже 23 июня 1989 г. в «Программе действий» ДИ потребовала немедленного введения в стране переходного периода к демократии. Одно из требований программы – демократические выборы в Законодательное собрание, главными задачами которого являлись: разработка в кратчайшие сроки проекта новой демократической Конституции, вынесение этого проекта, а также законопроекта о свободных выборах на общенародный референдум. Помимо этого предлагалось решение следующих вопросов: оценка событий 1968 г. и вооруженной интервенции, проведение экономической реформы (на основе аналитических разработок и предложений Института прогнозирования ЧСАН); права человека и гражданина; экология; демилитаризация страны и др. Это была уже весьма серьезная заявка на трансформацию модели государственности и формирование принципиально новых ее контуров. В целом требования ДИ выстраивались в рамках либерально-демократического дискурса, а ее лидеры заявляли, что движение придерживается принципа политического плюрализма.

Свою лепту в формирование контуров новой государственности внесла другая независимая неформальная инициатива – Движение за гражданскую свободу (ДГС), созданная в начале 1988 г. В Программном документе ДГС – манифесте «Демократия для всех» (октябрь 1988 г.), включавшем 12 обстоятельных разделов, содержалось требование отмены 4-й статьи Конституции ЧССР о руководящей роли КПЧ. Один из важнейших пунктов манифеста – призыв к экономическому процветанию: радикальная экономическая реформа с плюрализмом различных форм собственности с акцентом на поддержке частного предпринимательства средних слоев. Специальный раздел посвящался новой чехословацкой Конституции и восстановлению правового порядка с акцентом на основных гражданских правах и свободах. Декларировалась свобода духовной жизни, свобода вероисповедания, создание независимых про-

фсоюзоз, демилитаризация общества, вывод советских войск, решение экологических проблем, национальная самобытность и возвращение Чехословакии в Европу. С существовавшей моделью «нормализационного» государства эти призывы были несовместимы.

В выходящем с 1988 г. в самиздате журнале ДГС с говорящим названием «Alternativa» («Альтернатива») один из лидеров движения Р. Баттек прокомментировал положения манифеста. «Полагаю, – утверждал он, – что это должен быть переход к новому типу демократического общества, в котором будет обобщен весь наш негативный и позитивный опыт, а также знания о конкурирующих обществах западных... То, к чему стремлюсь я, не является “социализмом”, это должно быть социально справедливое, я бы сказал, относительно справедливое демократически управляемое общество, а это задача, которую нельзя решить каким-то ригидным представлением о ликвидации частного предпринимательства, частной собственности на средства производства...Представляется, что гораздо больше шансов создать высшую справедливую модель общества у *современного неокapитализма, нежели у общества, позиционирующего себя социалистическим* (курсив мой.– Э.З.)»⁵⁵. Вместе с тем его призывы к поиску политических и экономических форм организации новой государственности свелись в итоге к созданию «правового и социального государства, базирующегося на критическом диалоге естественного плюрализма»⁵⁶.

Сложно понять, как можно сочетать неокapитализм с правовым и социальным государством. Высказывавшиеся Баттеком суждения представляли собой в тот момент, скорее, эклектический набор решений без целостного концептуального видения проблемы, но то, что поиски новой государственности резко интенсифицировались, просматривается в полной мере, причем хартисты здесь не всегда занимали лидирующие позиции.

Вокруг манифеста тут же развернулась бурная полемика. Так, П. Ул выражал недовольство тем, что документ дистанцировался от всего социалистического. Он утверждал, что социализм в модифицированном виде, как форма общенародной демократии, включая экономическое и политическое самоуправление, может стать оптимальной моделью развития новой государс-

твенности⁵⁷. В дальнейшем П. Ул усилил свою аргументацию в статье «Демократия для некоторых» (с намеком на манифест ДГС «Демократия для всех»). Назвав платформу манифеста либерально-демократической, он в резкой форме выступил против реставрации капиталистического хозяйственного механизма, что, по его убеждению, приведет к «распродаже в перспективе чехословацкого народного хозяйства, его “включению” в экономическую систему Западной Европы и вызовет ряд тревожных проблем социально-политического характера»⁵⁸.

Нет ничего удивительного в том, что Ул всецело поддержал Декларацию солидарности с чехословацкими политзаключенными, направленную 29 ноября 1988 г. из ГДР в Прагу лидерами четырех независимых германских групп (Экологическая библиотека, Демократический социализм, Социализм снизу и Голоса против). Он процитировал важные, на его взгляд, пассажи этого документа. «В реставрации капиталистических хозяйственных механизмов, – подчеркивается в нем, – мы не видим никакого решения. Богатство одних всегда означает нищету и угнетение других... Определенные круги на Западе и Востоке все более сплываются в стремлении *удержать свои властные привилегии* (курсив в оригинале. – Э.З.). Поэтому у нас лишь один выход – углубление взаимных связей и международной солидарности с теми, кто ведет борьбу за реализацию своих прав, против репрессивного аппарата во всех странах, где бы это не происходило... за международный демократический социализм и самоопределение наций»⁵⁹.

Даже придерживавшийся более умеренных взглядов писатель Л. Когоут, в свою очередь, подчеркивал, что «позитивной альтернативой» чрезвычайно удручающего и трагического положения Чехословакии и стран региона в целом «является *постепенная демократизация и гуманизация* (курсив в оригинале. – Э.З.), но ни в коем случае не попытки форсированной, пусть даже “мирной”, деструкции всей существующей системы. Это не приведет к установлению неких идеальных демократических порядков у нас и в общем “европейском доме”, а совершенно определенно закончится восстановлением жесткой сталинистской тирании внутри “системы” с возможной перспективой ядерной катастрофы»⁶⁰. Разумеется, представленный Когоутом апокалиптический сценарий не лишен доли фанта-

зии и даже фантастики, но к его тезису об эволюционной модели трансформации чехословацкой государственности можно было бы и прислушаться.

Конечно, манифест и полемика вокруг него говорили об оживлении не только поисков новой модели чехословацкой государственности. Важным оказалось, что поиск этот скорректировал сам ход событий в стране, начиная с 1988 г. И все же носители аутентичной идеи «социализма с человеческим лицом» не сходили со сцены. В новых условиях преемником движения Пражской весны в наибольшей степени можно назвать созданный в январе 1988 г. Клуб за социалистическую перестройку «Возрождение» (КСП-«В»), выступавший за демократический социализм, поддержку реформ в СССР, приведение конституционных и правовых норм в соответствие с международными обязательствами ЧССР⁶¹.

Программная декларация Подготовительного комитета КСП-«В» (февраль 1989 г.) начинается словами: «Мы являемся гражданами, убежденными в гуманных, нравственных и социальных ценностях социалистического общественного устройства»⁶². Характерными для него являлись: демократическое самоуправление свободных людей, эффективная плюралистическая экономика, освобожденный от эксплуатации и прочих несправедливостей труд, равенство граждан и справедливость, набор социальных гарантий, гарантия правового государства, развитие образования и культуры, комплексное взаимодействие человека с природой как основой жизни, развитие духовных ценностей, а также национальных и интернациональных традиций⁶³. «В своих устремлениях, – отмечалось в документе, – мы хотим базироваться не только на наследии прошлого, идеях нашего демократического и социалистического процесса возрождения периода 1968 г. и сегодняшней перестройки в Советском Союзе, но и на опыте и успехах, достигнутых на благо людей социалистическими, демократическими и некоторыми коммунистическими партиями в западной части нашего континента. Демократический социализм не должен быть отдаленным идеалом, он может стать реальностью намного раньше, чем это кажется сегодня»⁶⁴.

Целью Клуба провозглашалось содействие тому, чтобы конституционный тезис о власти трудящихся как единственном

инструменте власти в стране соответствовал реальному развитию всех демократических форм общественной жизни и постепенному переходу государственного управления к самоуправлению. «В этом смысле, – отмечалось в документе, – мы будем стремиться к совершенствованию конституционности и правопорядка согласно обязательствам, которые содержатся в международных соглашениях и ратифицированы нашими государственными органами, в первую очередь, в пакте о правах человека, вытекающих из принципов Всеобщей декларации прав человека»⁶⁵.

Идеалы демократического социализма в программе КСП «В» просматриваются достаточно четко с учетом потенциала идей западноевропейского еврокоммунизма. В то же время призывы к соблюдению прав человека – явный след в программной декларации документов Хартии 77. Такое взаимное переплетение – характерная черта нового вида оппозиционных движений, появившихся уже после «бархатной» революции. Однако данную черту можно обнаружить и в ходе анализа документов, ей предшествующих.

В целом чешские и словацкие оппозиционные движения прошли длительный и непростой путь взаимного признания до и после Хартии 77. Сначала лидирующие позиции в Чехии занимала нелегальная социалистическая оппозиция, а затем диссидентство вокруг Хартии 77. Все же хотя первая внутри страны была разгромлена, ее идеи продолжали развиваться в эмиграции. Преследования же активистов «тайной» церкви и судебные расправы над верующими в Словакии делали оппозицию еще более неуловимой, она продолжала свою деятельность внутри страны вплоть до «бархатной» (в Словакии – «нежной») революции. Нужно отметить, что борьба «тайной» церкви за религиозную свободу получала мощную поддержку извне, главным образом, со стороны Ватикана. Опыт Польши показал, что католическая церковь – серьезная сила, причем еще до того, как Папой был избран этнический поляк.

Если в идеологическом плане до 1977 г. в антинормализационной среде на первый план выдвигался вопрос о природе государства в целом в связи с его соответствием идеалам и ценностям демократического социализма, то Хартия не только поставила акцент на правах человека и гражданских сво-

бодах, но и концентрировала внимание на том, что они могут обеспечиваться только в государстве правовом. Именно так заостряя вопрос, Хартия 77 в большей мере подрывала основы социалистической государственности не только в нормализаторском, но и в других социалистически окрашенных его вариантах. Сравнительно беззубая по видимости критика чехословацкого государства и акцент на правах человека ставили, по сути, не только вопрос о контурах новой государственности, которая реально могла бы эти права обеспечить, но и о противопоставлении права идеологии, т.е. о верховенстве права как основы цивилизованного общества. Можно сказать, что Хартия 77, отрицая свою идеологическую ангажированность, фактически замахивалась на деидеологизацию существовавшего чехословацкого государственного устройства.

Незначительное количество словацких подписей под Хартией 77 создавало впечатление, что словаки ее не принимали, а, следовательно, и отторгали ее концепции. Впечатление это в корне неверное. И хартисты, и приверженцы словацкой «тайной» церкви шли рука об руку, защищая гражданские и религиозные свободы в качестве неотъемлемых компонентов будущего правового государства. Здесь даже можно говорить о своего рода синергическом эффекте, то есть взаимном усилении двух факторов – чешского и словацкого – что, в конце концов, привело к возрастанию их эффективности уже в конце 1980-х гг., в ходе «бархатной» (Чехия) и «нежной» (Словакия) революций.

Хартия 77 первые годы концентрировала внимание на общей концепции правового государства и его теоретическом обосновании. К концу 1980-х годов спектр ее программных установок под влиянием проходивших в СССР и странах «восточного блока» в целом переменах стал значительно расширяться, постепенно приобретая подобие концепции новой государственности во всех его сферах (не только правовой).

Оппозиция в Чехословакии до и сразу после создания Хартии 77, даже скрывая свои истинные намерения, ориентировалась на новые формы государственности. Дискуссии о ее судьбах велись в Чехословакии различными фракциями инкомыслящих постоянно. Это касается не только упоминавшейся полемики Кундера-Гавел, но и латентной дискуссии между

приверженцами различных парадигм: социал-демократической, неолиберальной, христианской и пр.

Сопоставительный анализ идей модели новой государственности в программных и иных документах чехословацкого антинормализационного движения и его составных – чешской и словацкой – частей проходит начальную стадию. Однако уже первые его результаты показывают: работа по подрыву «режима нормализации» и его базы велась в Чехословакии постоянно, а поиски этой модели носили разнонаправленный характер. Соответствующие ей идеи пронизывали любого рода документы даже при том, что их разработчики уверяли: мы не касаемся политической политики, а тем более – вопроса о власти. В этом отношении метафоры Гавела о «неполитической политике» и «власти безвластных», равно как и активность в рамках католической церкви в Словакии, особенно структур «тайной» церкви, приобретали не только внутривосточной, но и общеевропейский резонанс.

Дополнительным стимулом к изучению этих идей являются события уже XXI века – «цветные» революции и «арабская весна». В связи с этим возвращение к истории идей новой государственности в контексте оппозиционных и диссидентских движений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы можно назвать перманентным, а поиск новых документов и новые интерпретации уже опубликованных источников по-прежнему остаются важнейшей задачей современной исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ О том, насколько глубоко повлияло восприятие этих движений на будущего чехословацкого (чешского) президента В. Гавела, побывавшего в это время в США и во Франции, отражено в книгах Д. Кайзера и И. Сука. см.: Kaiser D. *Disident: Václav Havel, 1936–1989*. Praha, 2009; Suk J. *Politika jako absurdní drama. Václav Havel v letech 1975–1989*. Praha, 2013.

² Основные его вехи таковы: 5 декабря 1965 г. в Москве прошла демонстрация под лозунгом «Уважайте советскую Конституцию», с 1966 г. начала выходить «Хроника текущих событий», содержащая информацию о правозащитном движении; активизировался самиздат, а также деятельность А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына; в 1969 г. возникла инициативная группа защиты прав человека. В 1967 г. КГБ

СССР возглавил Ю.В. Андропов, поставивший целью сдерживание этих движений.

³ Глобальный характер указанных движений рассмотрен Д. Коутом. См.: Caute D. The year of the barricades: A journey through 1968. New York, 1988; см. также: Pažout J. Mocným navzdory. Studentské hnutí v šedesátých letech 20. století. Praha, 2008.

⁴ Для входивших в регион федеративных государств – ЧССР и СФРЮ – помимо этого, решалась еще и третья задача: поиск новой модели сосуществования входивших в их состав республик, то есть анализировались возможности государственно-правового устройства, полнее обеспечивающих их интересы. Подробнее о чехословацких сюжетах см.: Задорожнюк Э.Г. Чешско-словацкие отношения: от «режима нормализации» 1969 года к «бархатной» революции 1989 года // Новая и новейшая история. М., 2005. № 6. С. 15–33; она же. От мрака «нормализации» к миру демократизации: к вопросу о «бархатном» разводе чехов и словаков // Širokoeuropejskie studia polityczne. Poznań, 2005. № 2. С. 83–105; см. также: Власть–общество–реформы. Центральная и Юго–Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 281–297.

⁵ Полемику в переводе на русский язык см.: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго–Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. С. 363–389; см. также: Задорожнюк Э.Г. Милан Кундера, Вацлав Гавел и чешская доля // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М., 2012. С. 212–225.

⁶ Подробнее см.: Pernes J., Potměšilová J. Od demokratického socialismu k demokracii. Skleněná kulička: nekomunistická opozice v Brně v letech 1968–1972. Brno, 1999; Задорожнюк Э.Г. Социализм против социализма: феномен чехословацкой оппозиции после поражения Пражской весны. 1969–1971 гг. // 1968 – четвердесет година после. Сборник радова. Београд, 2008; Marušiak J. Medzi disentom a politickou opozíciou. Predstavy československých disidentov (1969–1989) o charaktere vnútropolitických zmien // Česko–slovenská historická ročenka. 2009. Brno–Bratislava, 2009. S. 181–206; Otáhal M. Opoziční proudy v české společnosti. 1969–1989. Praha, 2011.

⁷ См.: Задорожнюк Э.Г. Милан Кундера, Вацлав Гавел и чешская доля... С. 216. «Ничего иного не остается нашему социализму, – писал М. Кундера, – коль скоро он должен добиться свободы и демократии, *не остается ему ничего иного* (курсив в оригинале. – Э.З.), как создать “свободу и демократию, каких мир не видел”». Анатомия конфликтов... Т. I. С. 382.

⁸ Slovenský Národný Archív (далее – SNA). Fond Ministerstvo kultury Slovenské Socialistické Republiky (далее – F. MK SSR). Odbor pre veci

cirkevné. Krab.Č. 7. Informatívna sprava o cirkevnepolitckej situácii na Slovensku. 14 augusta 1969. L.1–4.

⁹ Ibid. L. 4.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

¹² Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. Чехословацкое государство и словацкие христиане в период нормализации (1969–1989) // Церковь и время. 2013. № 1 (62). С. 138–210.

¹³ Там же.

¹⁴ Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. Государство и церковь: феномен паломничества в Словакии (к 25-летию «демонстрации со свечами») // Славяноведение. 2013. № 5. С. 3–19.

¹⁵ Kusý M. Slovenský fenomén // Listy. 1985. Roč. XV. Říjen. Č. 5. S. 5.

¹⁶ См.: Задорожнюк Э.Г. Государство и церковь: феномен паломничества в Словакии...

¹⁷ В чешской части ЧССР «тайная» церковь вплоть до середины 1980-х гг. не развивала такой активности, как в словацкой части государства. Здесь центр тяжести борьбы с «режимом нормализации» смещался в сферу политическую, а впоследствии, уже к концу 1970-х годов, – в гражданскую. О деятельности католической церкви в южном чешском регионе см.: Demel Z. Pod dohledem církevních tajemníků: Omezování činnosti katolické církve v Československu 1945–1989 na příkladu jihočeského regionu // Historia ecclesiastica. Sv. 14. Brno, 2008.

¹⁸ Пеликан Иржи (1923–1999) – чехословацкий (чешский) журналист, публицист, чешский и итальянский общественный деятель, генеральный секретарь Международного союза студентов (1955–1963), генеральный директор Чехословацкого телевидения, активно поддерживавший реформаторские идеи в годы Пражской весны, депутат Европарламента от Итальянской социалистической партии (1977–1978). После 1990 г. в течение краткого периода – советник президента ЧСФР В. Гавела.

¹⁹ Подробнее об истории создания журнала и его деятельности см.: Navlíček D. Listy v exilu. Olomouc, 2008; Saccamo F. Jiří Pelikán a jeho cesta socialismem 20. století. Brno, 2008; idem. Mezi exilem, domácí opozicí a mezinárodním veřejným míněním. Exilový časopis List // Soudobé dějiny. 2013. № 3. S. 345–378.

²⁰ Тексты некоторых программ СДЧГ и ЧДДС в русском переводе см.: . Анатомия конфликтов...Т. I. С. 396–449; см. также: Задорожнюк Э.Г. Конфигурация новой государственности в программных установках чехословацких антинормализационных течений (апрель 1969 г. – декабрь 1972 г.) // Историк–славист. Призвание и профессия. К юбилею В.В.Марьиной. М., 2013. С. 192–219.

- ²¹ Jezdínský K. Exil a domov // Listy. 1971. Roč. I. Červenec. № 4–5. S. 26.
- ²² Ibid. S. 27.
- ²³ Ibidem.
- ²⁴ Pelikán J. «Pražské jaro» a jeho význam pro socialistickou theorii a praxi // Listy. 1973. Roč. III. Únor. Č.1. S. 33.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ Ibid. S. 35.
- ²⁷ Prohlášení opozice k 5.výročí nástupu Husákova režimu // Ibid. 1974. Roč. IV. Srpen. Č. 3. S. 41.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ Evropská levice a opozice na Východě // Ibid. 1974. Roč. IV. Květen. Č. 2. S. 17.
- ³⁰ См.: Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989 г.). М., 2008. С. 138–176.
- ³¹ Социалистическая оппозиция в Чехословакии. Подборка документов. 1973–1975. Перевод с английского. London, 1976; см. также: Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны... С. 357–358.
- ³² См.: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. С. 180–215; см. также: Задорожнюк Э.Г. Хартия 77: уроки тридцатилетней истории // Свободная мысль. М., 2008. № 2. С. 199–212.
- ³³ Režim a církve // Listy. 1974. Roč.4. Říjen. Č.4 S. 19–20.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace. Ed. V. Prečan. Scheinfeld–Schwarzenberg, Bratislava, 1990. S. 114.
- ³⁶ Pelikán J. Pražské jaro není konec, nýbrž začátek (Ani reforma, ani revoluce – nové cesty ve Východní Evropě) // Listy. 1978. Prosinec. Mimořádné číslo.
- ³⁷ Ibid. S. 44.
- ³⁸ Ibid. S. 45.
- ³⁹ Ibid. S. 48
- ⁴⁰ Ibid. S. 51.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² Ibidem.
- ⁴³ Ibid. 1978. Roč. VIII. Prosinec. Č. 6. S. 15.
- ⁴⁴ Ibidem.
- ⁴⁵ Ibid. S. 16.
- ⁴⁶ См., например: Hejzlar Z. Polský «červen» 1976 // Listy.1976. Roč. VI. Srpen. Č. 4. S. 5–6; Mlynář Z. Co s polskou nákazou v sovětském bloku? // Ibid. 1980. Roč. X. Prosinec. Č. 6. S. 16–18; Poláci a my–I // Ibid. 1980. Roč. X. Říjen. Č. 5. S. 12–14; Poláci a my – II // Ibid. 1980. Roč. X. Prosinec. Č. 6. S. 14–16; Poláci a my – III // Ibid. 1981. Roč. XI. Únor. Č. 1. S. 8–9; Lederer

J. Polsko řeší neřešitelné // Ibid. 1981. Roč. XI. Únor. Č. 1. S. 1–4; Polsko a my–IV // Ibid. 1982. Roč. XII. Květen. Č.2. S. 7–9; Příloha o Polsku // Ibid. 1986. Roč. XVI. Červenec. Č. 4 и др.

⁴⁷ Pelikán J. Polské léto/ (Zamyšlení nad vývojem u sousedů i doma) // Ibid. 1980. Roč.X. Říjen. Č. 5. S. 8.

⁴⁸ Morawski D. Církev v Polsku: strategie osvobození a její význam pro východní Evropu // Ibid. 1983. Roč. XIII. Únor. Č. 1. S. 26–30.

⁴⁹ Charta 77: Dokumenty 1977–1989. Sv. 2. Dokumenty 1984–1989. Eds. B. Císařovská, V. Prečan. Praha, 2007. S. 741–745.

⁵⁰ Ibidem. См.: Анатомия конфликтов... Т. I. С. 536–544.

⁵¹ Чехия и Словакия в XX веке... Т.2. С. 243.

⁵² Полный текст документа в русском переводе см.: Анатомия конфликтов... Вторая половина 1980-х–начало 1990-х годов. Т. II. СПб., 2013. С. 663–666.

⁵³ Там же. С. 665.

⁵⁴ Там же. С. 664.

⁵⁵ Pluralismus? A jaký? Rozhovor «Alternativy» s Rudolfem Battěkem // Alternativa. Revue pro nezávislou politiku. Hnutí za občanskou svobodu. 1988. № 1. S. 81–82.

⁵⁶ Ibid. S. 82.

⁵⁷ Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны... С. 236.

⁵⁸ Uhl P. Democracii pro některé. Kritika manifestu Hnutí za občanskou svobodu // Alternativa... S. 98.

⁵⁹ Ibid. S. 99–100.

⁶⁰ Kohout L. Kritika a Solidarita // Alternativa... S. 107.

⁶¹ Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны... С. 250–256.

⁶² Анатомия конфликтов... Т. II. С. 666.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 666–667.

⁶⁵ Там же. С. 670.

И. Сук (Чехия)

Мораль и власть. Политическое мышление и политическая практика Вацлава Гавела (1977–1992)¹

Первая часть статьи посвящена политическому мышлению диссидента В. Гавела, после создания Хартии 77 в период общественных преобразований, проходивших в Чехословакии и других странах «восточного блока» под влиянием советской перестройки. Рассматривается сложный путь чехословацкого диссидентства – лидером которого Гавел являлся – от морального сопротивления к политической оппозиции. Вторая часть концентрируется на политической практике президента Гавела на примере его конфликтных взаимоотношений с высшим законодательным органом – Федеральным собранием Чешской и Словацкой Федеративной республики в 1990–1992 гг. Выявлены подводные камни харизматической политики, опирающейся на общественное мнение и недооценивающей институциональные связи.

Ключевые слова: Вацлав Гавел, моральное сопротивление, антиполитическая политика, коммунистический режим, Федеральное собрание ЧСФР, нормализация, диссидентство, политическая оппозиция, демократическая революция, институциональные связи.

Статья состоит из двух частей. В первой предпринята попытка представить Вацлава Гавела в качестве политического мыслителя. В ней дан анализ его диссидентской концепции о побуждении общественного сознания к поискам истины, непосредственным следствием которой является инициирование неких «серых зон» – очагов гражданского неповиновения и зародышей демократического активизма. При этом Гавел весьма кри-

тически относился к партийной политике, допускающей наличие системы парламентской демократии. Именно это в самом конце 1989 г. оказало ключевое влияние на вектор и формы деятельности Гражданского форума (ГФ), который он основал, став лидером зарождавшейся оппозиции. Гавел придал ГФ форму неформального харизматичного образования, которому предстояло на определенный отрезок времени возвыситься над политическими силами, стать универсальным гарантом перехода к аутентичной демократии. Лидирующие позиции в такого рода демократии должны были занять личности, а не партии. Поэтому Гавел выступал против учреждения ГФ в качестве партии или коалиции партий, рассматривая его как своего рода переходный этап к более глубокой демократии без отчуждения политики от граждан, что неоднократно повторялось в прошлом. С таким видением 29 декабря 1989 г. Гавел триумфально предстал в Пражском граде в качестве чехословацкого президента.

Во второй части статьи внимание концентрируется на деятельности пользовавшегося исключительной популярностью Гавела в сфере практической политики на высшем государственном посту. Уже в начале 1990 г. здесь наметились принципиальные разногласия в интерпретации ответственности, продолжавшиеся несколько месяцев и закончившиеся, в конце концов, конфликтом. Его итогом явилась амбивалентная интерпретация демократической легитимности: харизматичный президент считал себя ответственным, прежде всего, перед чешским и словацким народами, ежедневно и повсеместно выходявшими в дни «бархатной» революции на площади. По отношению к двум национально-демократическим движениям – чешскому Гражданскому форуму и словацкому движению Общественность против насилия (ОПН), которые выдвинули его кандидатуру на пост президента, – он сохранял определенную дистанцию, не согласовывая и не координируя с ними свою политическую деятельность. Естественно, это не могло не привести к конкретным последствиям, оказывавшим влияние как на форму, так и содержание формировавшейся новой государственности. Сложилась ситуация постоянной конфронтационности между президентом – фактическим главой федеральной исполнительной власти, с одной стороны, и Фе-

деральным собранием как высшим законодательным органом, в котором оба политических движения действовали в качестве победителей в первых свободных парламентских выборах в июне 1990 г., – с другой. Динамика и перипетии конфронтации между исполнительной и законодательной властями в чешско-словацком государстве и являются предметом анализа и оценок данной статьи.

В своих работах «Власть безвластных» (1978) и «Письма к Ольге» (1983) Гавел в качестве выхода из политического кризиса предложил *экзистенциальную революцию*. Человек, решивший бросить вызов планетарному правительству бессубъектности и безответственности, должен действовать крайне осторожно, полагаясь исключительно на собственный аутентичный опыт, независимый от предрассудков и рутины, догм и идеологий. Ему, насколько это возможно, необходимо было создавать пространство для любви, дружбы, солидарности, сострадания и толерантности, причем не только в частной жизни, но и в обществе в целом. Данную «радикальную инаковость» необходимо противопоставлять как тоталитарным системам на Востоке, так и тоталитарным тенденциям на Западе. «Самое лучшее средство сопротивления тоталитаризму – это простое изгнание его из собственной души, собственной среды, собственной страны, изгнание его из современного человека»², – утверждал он. Можно счесть это всего лишь прекрасными – наивными и далекими от реальности – словами. Но Гавел мог предъявить конкретный опыт систематического сопротивления нормализационной диктатуре с опорой на свободное творчество и мужественные акции в защиту преследуемых, за что был готов расплачиваться многими годами тюрьмы. Это превратило его в легенду, лидера центральноевропейского диссидентства и потенциального руководителя политической оппозиции.

Диссидентство не следует считать типично центральноевропейским явлением. В этом Гавел – и это следует отметить особо – солидаризировался с чешским философом-эмигрантом Вацлавом Белоградским, взгляды которого в 1980-е гг. были ему весьма близки как конкретный пример общего опыта «жизни на крайнем форпосте современной власти, лишенной человечности». Важен постоянный поиск общего про-

странства экзистенциального опыта в отчужденном мире технологий и идеологий. Восточноевропейское диссидентство морально и материально поддерживается Западом, но и диссидентам есть что предложить Западу, а именно: солидный опыт *власти безвластных*, которая действует в «невидимой сфере общественного сознания». Человек, который говорит правду и отвечает за нее своей жизнью, несомненно, обладает особой властью, разумеется, отнюдь не той, которая ведет к политическому доминированию. Он постепенно оценивает себя в этой скрытой сфере и в самые яркие моменты озаряет действительность ясным светом, указывая «невинной» власти на ее вину. Это может произойти посредством литературных произведений (Гавел приводит в качестве примера «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына) либо посредством коллективной политической акции (деятельность электрика из Гданьска Валенсы, который в 1980–1981 гг. возглавлял польскую «Солидарность»).

Конечно, глубокой отчужденности невозможно противостоять на идеологическом и политическом уровнях, например, в споре между социализмом и капитализмом. Для Гавела это пустые и семантически расплывчатые категории. Поэтому он предпочитает *анти-политическую политику* (*anti-politickou politiku*) «как практически ориентированную моральность; как службу правде; как сущностно человеческую и руководствующуюся человеческими мерками заботу о ближнем». Это «политика “снизу”, политика человека, а ни в коем случае не аппарата, политика, вырастающая из сердца, а не из тезиса»³.

Эссе «Политика и совесть», написанное после тюремного заключения в 1984 г., ориентировалось на западных читателей. Философ Белоградский, мнение которого интересовало Гавела в первую очередь, критически прокомментировал именно термин и понятие «анти-политической политики». Он написал пражскому диссиденту: то, что Гавел обозначает этим термином, на Западе является ничем иным, как повседневной политикой. Она потому и антиполитична, что подвергается жесткому отбору технических средств – технологических, системных, идеологических. В ее рамках аутентичные политические решения исключены, а свободные и открытые дебаты относительно общественных проблем элиминированы.

Вместо этого появляются ссылки на «экспертные» и «системные» параметры и утверждается, что только в их рамках можно отыскать единственно верное решение. По мысли Белоградского, «социальная совесть» Гавела – это всего лишь одна из основных предпосылок, что само по себе еще не является обоснованием собственно политической политики. «И совесть, – пишет он, – данная сокрытая сфера, должна пребывать в ожидании, пока не найдутся решения системных императивов – только тогда можно будет еще что-то сказать»⁴. Он солидаризировался с Гавелом в необходимости «ликвидировать наслонения надуманных неизбежностей и искусственных языков, под которыми скрывалась политика в двадцатом столетии, всю путаницу административного и государственного интересов, и вернуть политику в нашу жизнь в качестве важнейшего ее измерения». Белоградский категорически возражал против квалификации аутентичной политики как чего-то негативного.

Само определение может привести к ошибочной интерпретации политики. Было бы не совсем верным считать политикой то, что проводится коммунистами в государстве, в котором им принадлежит руководящая «политическая» роль, гарантированная как конституционно, так и де-факто. Подобного рода политика, как известно, отрицает свободную дискуссию граждан, а, следовательно, и возможность создавать свою партию и избирать кандидата в ходе свободных выборов. Таким образом, пока политикой является неограниченная власть коммунистической партии, весьма легко возникает и внедряется всеобщая фрустрация, ведущая к фатальному отрицанию политики как таковой. А коль отрицается политика, то нет и выхода из (политического) маразма авторитаризма или тоталитаризма. Когда же маразму диктатуры противостоит «антиполитическая политика» диссидентского сообщества, которую уже хотя бы по семантическим причинам можно трактовать как стратегию сугубо «параллельного» существования без устоявшейся политики, отношения в ней основаны как раз на предшествующих политике ценностях.

Несмотря на отсутствие четкости на уровне понятий, Гавел прекрасно понимал поставленную именно в таком ключе проблему. Это следует из его детального ответа на анкету молодых христиан из Моравии, которые в 1985 г. активно интересова-

лись вопросом об отношении хартистов к политике и о политической ответственности тех из них, кто был занят в высокой политике до 1968-1969 гг. – то есть коммунистов-реформаторов⁵. Гавел полагал, что политика в тоталитарном государстве не является истинной, настоящей политикой: « ... вместо политики здесь какие-то администраторы; выборы не являются выборами; парламент не является парламентом; общественное мнение подавлено... Таким образом, политика как бы закончилась и ее больше не существует». Конечно, коммунистические администраторы оперируют данным термином и даже утверждают, что они проводят в жизнь исторически самую лучшую и самую демократическую политику. Отсюда лишь один шаг к уже упоминавшемуся отрицанию политики как таковой или определению ее как свинства. Однако, по Гавелу, политика как общественное дело не исчезла окончательно, она существует в каком-то особом виде повсюду, где (анти)политика администраторов сталкивается с подлинной жизнью, ее потребностями и целями. Поэтому ординарный протест против бюрократического самоуправства, концерт рок-музыкантов или шутка в пивнушке превращаются в политическую акцию. Особая политика, вытекающая из аутентичных потребностей людей в тоталитарной системе, как можно видеть, весьма специфична, поскольку всегда каким-то образом связана с (анти)политикой администраторов и, следовательно, деформируется под ее влиянием. Вот почему Гавел и не считает ее истинной, настоящей политикой, то есть делом общественным, а всего лишь некой «крипто-политикой». Политика как дело общественное невозможна в тоталитарной системе.

Но где же выход? Гавел так отвечает молодым христианам: «Думаю, что первый шаг к обновлению – начать говорить правду, громко выражать свои взгляды, нравится это власти или не нравится, артикулировать различные реальные потребности и интересы общества, вскрывать его противоречия». Этот первый шаг, заключавшийся в критике (анти)политики администраторов, предприняла Хартия 77, призывая своими действиями и своим примером к подражанию. И все же до реальной политики еще очень далеко. Но Гавел безапелляционно утверждает, что «второй шаг – то есть начало работы политико-программной и практико-политической – будет логически

вытекать из первого, станет его детищем и плодом...». Однако, по его мнению, это вовсе не значит, что именно Хартия трансформируется в политическую партию, скорее всего, она и в дальнейшем будет функционировать лишь в качестве катализатора; аутентичная же политика появится из ростков возрождающегося изнутри общества. Свою позицию Гавел ограничил исключительно первым шагом: «Дальше идти я не собираюсь и не знаю, смогу ли, но главное – захочу ли. Но все то, что появится на просторстве “второго шага” и что покажется мне приемлемым, получит мою поддержку, симпатии и голос ...»⁶.

Таким образом, проблема эта не столько теоретическая, сколько практическая, а суть ее состоит в следующем: как можно определить границу между первым и вторым шагами и что делать, когда общество приблизится к ней. Перед нами неоднозначная оценка Хартии 77, которая, как известно, по тактическим и стратегическим соображениям не могла называть себя политической инициативой, стремившейся к *смене политической системы*. Тем не менее, было ясно (и в «Ответе молодым христианам» Гавел сформулировал это предельно четко), что по существу она ориентируется как раз *на изменение политики как таковой*. А, следовательно, на изменение, в конечном итоге, и самой системы. Белоградский в это время прямо написал: «Параллельный полис является ... попыткой обновления политики в самом глубоком смысле этого слова»⁷. И в этом он не был одинок. Вся политическая эмиграция видела в Хартии не только то, что Гавел определял в качестве первого шага, но и то, что он включил в шаг второй. Иными словами, эмигранты, в отличие от Гавела, не проводили между этими двумя шагами такой четкой границы, как он. По мнению Белоградского, репрессивный аппарат содержит диссидентов на Востоке в гетто, чтобы не дать им возможности заниматься публичной политикой. Хотя на Западе полиция не преследует активистов, они все же вынуждены «выйти за пределы организации и аппарата», которые превращают открытую политику как дело публичное в закрытую анти-политическую политику экспертов. По словам Белоградского, диссидентство представляет «возрождение политики в нашем столетии, в чем заключен его универсальный смысл». Подобная интерпретация предьявляла к диссидентству как сообщес-

тву исключительных граждан и исключительные претензии. Диссидентам предстояло стать не только носителями (политической) совести, но в случае необходимости – и новой (политической) элитой.

С 1985 г. Гавел мог сослаться на множившиеся «видимые следы», свидетельствовавшие о «невидимых сдвигах» в общественном сознании. В эссе «О смысле Хартии 77» (1986) он представил суггестивную характеристику взаимной дополнителности (казавшейся подавляющей) власти и (казавшимся раздробленным) общества⁸. Здесь «проходит тысяча сложных интеракций, заключается бесчисленное множество... договоров; свершается сложная драма взаимных давлений и уступок». Опираясь на собственный систематический отретфлексированный опыт, Гавел подошел к структурному пониманию трактовки разделения властей. В ее реализации принимает участие каждый. «Тоталитарность... вовлекает в свои спирали все общество не только как свою жертву, но и как своего творца», – утверждал он. Это создает ситуацию, в которой друг другу противостоят не властные и безвластные, а тоталитарные властители и тотально подданные. Парадоксально, но режим своими всеохватывающими формальными ограничениями, императивами, директивами укрепляет то, что стремится подавить, делая это таинственным, интересным, притягательным. Он осознает дистанцию, которую по отношению к нему сохраняют личности, семьи, более крупные социальные группы и пытается самыми разнообразными способами привлечь их на свою сторону. Личности, семьи и группы тем самым участвуют во власти, причем они сами осознают это; соответственно, растет их самосознание, запрос на альтернативы, несогласие и локальное сопротивление. «Нереализованный потенциал человека и социальной идентичности, а, следовательно, и потенциал всеобщей неудовлетворенности в этой ситуации накапливается уже не только где-то в подвалах, где его возможный взрыв легко подавляется, но и повсеместно, то есть на всех этажах здания. Конечно же, неопределенность в отношении формы, течения и последствий возможного взрыва только нарастает»⁹. Культурная и духовная «контрабанда» Гавела прячется в «скрытой сфере», ибо в мире, где господствует цензура, он полагался на силу слова.

В рамках данной экзистенциально и социально оформленной интерпретации общей концепции политики Гавел систематически и сознательно расширял границы влияния диссидентов и их воздействия на общество. Он инициировал создание «серых зон» в сфере культуры, которые в ходе уличных демонстраций (1988–1989 гг.) выходили за грани зон гражданских беспорядков. Радиус их действий и реальное влияние охватывали, в первую очередь, интеллигенцию – художественную и научную. С середины 1980-х гг. это проявлялось в таких сферах, как театральная жизнь, нонконформистская музыка, литература, журналистика и наука. После «недели Палаха» в январе 1989 г. Гавел инициировал возникновение гражданских серых зон, охватывавших тысячи, а вскоре и десятки тысяч критически настроенных граждан¹⁰.

Разумеется, после 17 ноября 1989 г. экзистенциальную трактовку политики уже невозможно было проводить с опорой на моральные примеры времен политического перелома. На этом этапе Гавелу приходилось выслушивать пожелания демократической эмиграции и брать на себя реальную политическую ответственность за все общество и за два народа – чехов и словаков. То есть как раз ту ответственность, которую еще совсем недавно он сам же и отрицал, утверждая, что станет всего лишь «делателем короля» («kingmaker») (этим он завершит «первый шаг» и уйдет из политической жизни), но ни в коем случае не «королем» (этот «второй шаг» не может сделать никто иной, кроме политика-профессионала)¹¹. В настоящий же момент он вынужден был сделать этот второй шаг, взять на себя ответственность и за тех, кто не собирался его поддерживать. А это уже абсолютно иное качество политической ответственности, контуры которой будут проанализированы в следующей части статьи¹².

Предмет дальнейшего исследования – начало деятельности Вацлава Гавела в практической политике, а также проблемные отношения между исполнительной и законодательной властями. На их примере можно продемонстрировать характер возрождавшейся в 1990–1992 гг. демократии¹³. Харизматичный лидер демократического движения, а затем чехословацкий президент фактически стал главой федеральной исполнительной власти, изначально столкнувшись с иным ритмом

и способом решения политических проблем, свойственным парламентскому органу, состоявшему из трехсот депутатов. Словацкий семиолог Милан Шутовец метко охарактеризовал это противостояние как конфликт драматического и прозаического понимания трансформационной политики¹⁴. Конечно, истоки данной проблемы кроются не только в естественно складывавшихся диспозициях и стратегиях, которые у популярного политического одиночки по сравнению с тремя сотнями сформировавших законодательный орган разных депутатов совершенно другие. Она является также следствием особо важной общественной, а по существу – революционной ситуации. Каждая революция или переворот *via facti* (самим фактом существования) усиливают исполнительную ветвь власти в ущерб взвешенному разделению властей. Вопрос в том, какую форму приобретает эта доминанта: военную, менеджерскую, диктаторскую или же формально демократическую с некой руководящей силой и т.п. В Чехословакии на рубеже 1989–1990 гг. сложилась весьма специфическая и не совсем типичная ситуация: уже в январе 1990 г. возродилась парламентская демократия¹⁵. Переход от «тоталитарного» способа правления к парламентско-демократической системе произошел молниеносно. Однако реальное влияние президента значительно превышало объем его статуса и полномочий, закрепленных в Конституции. В общих чертах и, следовательно, весьма расплывчато и не совсем корректно предполагалось, что харизма президента временно заменит в конституционной системе уже ликвидированную руководящую роль КПЧ. Однако все складывалось по-другому.

Фактически лишь после 29 декабря 1989 г. стали оформляться отношения между президентом Гавелом и Федеральным собранием. До этого оппозиция, ориентированная преимущественно на проблемы культурного и морального характера, не занималась проблемами политической системы и предполагавшихся демократических трансформаций. Об этом, помимо прочего, свидетельствует записка Гавела от 6 декабря 1989 г., адресованная лидеру ОПН Будаю: «...некой мелкой проблемой является Федеральное собрание, которое все же должно здесь и сейчас кого-то там избирать или что-то принимать...»¹⁶. Лидер демократического движения – на тот

момент кандидат на пост президента – не имел четкого представления о функционировании законодательной власти в период, предшествовавший свободным парламентским выборам в июне 1990 г. То, как нужно работать с парламентом, продемонстрировал Гавелу коммунистический премьер Чалфа, предложивший ему 15 декабря 1989 г. свою помощь в процедуре выдвижения кандидатуры на президентский пост. Следовательно, сами лидеры ГФ не знали, как заставить Федеральное собрание, в котором абсолютное большинство принадлежало коммунистам, избрать Гавела, причем безотлагательно, главой государства. Чалфа же, знаток властных практик в годы коммунистической диктатуры, прекрасно понимал: нужно элементарно заставить парламент автоматически проголосовать за то, что ему в авторитарном порядке будет предложено; именно в этом качестве его и нужно использовать, не дожидаясь утверждения демократической практики. Данная беззастенчивая позиция Чалфы оказала свое воздействие на баллотировавшегося на президентский пост Гавела, который тут же заявил, что Федеральному собранию в его прежнем составе нужно до июньских выборов 1990 г. «выносить на голосование один закон за другим»¹⁷. Все же нельзя сказать, что подобная податливость парламента явилась следствием широкого консенсуса относительно принципов реализации власти в переходный период. Следует подчеркнуть, что такого рода консенсуса вообще не существовало. В декабре 1989 г. все расчеты и тактика подчинялись одному – избранию президентом Гавела, причем именно в Федеральном собрании, что, собственно, и предполагалось действовавшей Конституцией. Все остальное нужно проводить уже после этого важнейшего поворота, который утверждал и подчеркивал победу демократических сил над тоталитарным коммунистическим режимом.

В этот период наметилось отчуждение в отношениях лидеров ГФ и словацкого ОПН. Их единый кандидат на президентский пост Вацлав Гавел принимал активное участие в персональных рокировках в президиуме Федерального собрания, который в конце 1989 г. – в связи с избранием нового председателя и президента республики – сменил свой состав. Тайным соглашением между Чалфой и Гавелом подразумевалось, что все решения будут приниматься в узком кругу посвященных

политиков. Ведущие активисты ОПН, прибывшие 22 декабря 1989 г. в Прагу на совещание за круглым столом, ничего не знали об этом соглашении и не участвовали в персональных перестановках. Их просто поставили перед фактом: в президиуме ФС не будет ни одного их представителя! Они не стали высказывать по этому поводу свои возражения, что само по себе свидетельствует об уже проходившем и явном их дистанцировании от федеральных органов¹⁸. Взятие власти проходило с учетом устоявшихся ранее методов и практики в отсутствие какого-либо стратегического плана.

Нет ничего удивительного в том, что уже в январе 1990 г. началась стихийная дивергенция власти: ведущие активисты и представители ГФ занимали государственные посты, не заботясь, разумеется, о том, чтобы ГФ – из которого они вышли – оставался их единой политической базой, способной сформировать политическую программу и добиться консенсуса. Ранее сцепляющим звеном политического единства являлась руководящая роль КПЧ, положение о которой было изъято из конституции 29 ноября 1989 г.; роль же нового интегратора, как уже говорилось, неформально взял на себя популярный президент. Разумеется, это происходило в условиях формального разделения властей в рамках формально же восстановленной парламентской демократии, естественно, в отсутствие профилированных политических партий и деятелей. Гражданское единство, противостоявшее тоталитарной системе, стало распадаться и дифференцироваться по интересам. Президенту Гавелу по-прежнему удавалось интегрировать общественное мнение и привлекать его на свою сторону, однако в повседневной рутинной политике реальная его власть снижалась по мере проходившей эмансипации формировавшихся форсированными темпами политических сил и возникновения новых очагов власти. Итогом явилось отсутствие результативности, несмотря на влияние пользовавшегося огромной популярностью президента¹⁹.

Президент использовал хитроумные мобилизационно-постановочные стратегии, которыми, как правило, подменяются рутинные механизмы практической политики и конституционные правила. Каково же понимание политики президентом-драматургом? Он не проводил предварительных консультаций

с президиумом Федерального собрания, конституционным правовым комитетом или экспертной комиссией парламента по выдвигавшимся им проектам новой конституции. Зачастую он непосредственно «вторгался» в парламент, предложив, в частности, 23 января проект об изменении названия государства, а затем, после парламентских выборов, решив 10 декабря 1990 г. впервые использовать закрепленную в Конституции законодательную инициативу в целях усиления своих президентских полномочий. В других случаях он сначала публиковал проект и только затем передавал его в соответствующие комитеты парламента. Именно так он поступил с проектом новой конституции в январе 1991 г. и со второй законодательной инициативой об усилении президентских полномочий в декабре 1991 г. Проект новой конституции он изложил в виде параграфов, отказавшись от практики проведения необходимых обсуждений ее принципов и терпеливого отстаивания своих взглядов и убеждений.

В первой половине 1990 г. жестким и труднейшим испытанием политики Гавела как драматургического действия явилась «война за дефис». Президент пытался добиться безотлагательного утверждения нового названия государства, а также государственных символов. Его преемник на посту лидера ГФ П. Питгарт так вспоминал о его решении: «Влечу туда, представлю эти проекты, они и опомниться не успеют, как уже все будет сделано»²⁰. Как известно, этого сделать ему – по причинам процедурного, политического и личностного характера – не удалось. Тут же разразился спор о названии единого государства. Против предложения президента «Чехословацкая республика» (вместо первоначального названия «Чехословацкая социалистическая республика») выступили словаки, усмотрев в нем рецидив централистской и унитаристской политики. Споры сразу же вышли за рамки рациональных дебатов и сопровождались ростом национально ориентированных общественных оценок, релевантными и манипулятивными поисками исторических доказательств, ничтожной эмпатией чехов к словацким требованиям равноправия, уже обозначившейся в названии государства.

Поиск консенсуса проходил в обстановке жесткой конфронтационности, отличался накалом противоречий; при этом

президент неоднократно неудачно обращался к Федеральному собранию²¹. На переговорах лидеров ГФ и ОПН 2 апреля 1990 г. в Братиславе представитель ГФ и федеральный депутат Петр Кучера даже предложил закулисно нейтрализовать президента, чтобы тот не вмешивался в работу парламента и не вносил раскол в достигнутый с таким трудом компромисс. Он точно просчитал, что в парламентских прениях по вопросу о названии государства едва ли удастся добиться консенсуса, который президент, пользуясь своим огромным общественным авторитетом, попросту разрушит²².

11 марта 1990 г. в своих первых радиобеседах из Лан президент обобщил свои представления о революционной трактовке политики в рамках формально обновленной, но еще весьма лабильной и несбалансированной парламентской демократии. Он посоветовал депутатам осознать, что требует от них новое время, а именно: им «надо работать быстро»²³.

Президент не разбирался в сути деятельности законодательного органа, который требовал достаточно много времени для проведения законодательных процедур и прений. Ситуация, по его убеждению, по-прежнему оставалась революционной, а политики и конституционные органы должны приспособляться к ее темпам.

Спор о дефисе вспыхнул внезапно и вскрыл глубочайшие раны в чешско-словацком сосуществовании, однако он явился всего лишь прелюдией к дебатам о компетенциях между федеральными и республиканскими органами, которые начались после парламентских выборов во второй половине 1990 г. Президент самым решительным образом вмешался и в этот спор. Свое выступление в парламенте 10 декабря 1990 г. он начал, едва переступив порог: «...коль уж я предстал перед вами без предварительного объявления..., то только лишь потому, что осознаю серьезность текущего момента и глубину лежащей на вас ответственности»²⁴. В тот же день утром он представил председателю Федерального собрания А. Дубчеку свои законопроекты об учреждении конституционного суда и о референдуме, который должен обладать «высшим решающим и непременно обязательным для всех правовым авторитетом»²⁵. Ему снова захотелось, чтобы парламент «немедленно» обсудил его проекты, несмотря на «существующий регламент»

и «установленные правила». Он заявил, что не стремится к высшей власти и даже выступает за ограничение в будущей конституции президентских полномочий. Однако после этого он добавил, что говорит от имени «миллионов граждан», которые хотят жить в едином государстве. «События последних недель и дней, анализ с правовой точки зрения слишком лабильного и прохудившегося конституционного поля...»²⁶ убедили его в том, что в переходный период полномочия президента республики должны быть усилены.

Как видно, президент поступал точно так же, как и в январе 1990 г. Он вносил в парламент уже готовые, не обсужденные предварительно депутатами проекты, и настаивал на их немедленном обсуждении и утверждении. При этом Гавел полагался на массовую поддержку гражданского общества; он подчеркнул, что представляет его волю и тем самым всеобщее благо, которым противостоят политиканство и партийные интересы. Впоследствии в «Беседах из Лан» он объяснял, что чехословацкая конституция после ликвидации четвертой ее статьи о ведущей роли КПЧ утратила свое интеграционное начало²⁷. Следовательно, сейчас – год спустя после «бархатной» революции и полгода после свободных выборов! – ее необходимо заменить чрезвычайными президентскими полномочиями, сдвигавшими систему парламентской демократии к системе демократии президентской. Здесь следует отметить, что в декабре 1989 г. гавеловский Гражданский форум выступил против проведения прямых всенародных выборов президента, на которых настаивала Коммунистическая партия Чехословакии²⁸. Парадоксально, но тогда все эти аргументы высказывались во имя стабильности, конституционной преемственности и политических традиций! Мотивацией подобного рода аргументации являлось стремление возвести как можно скорее на президентский Олимп Вацлава Гавела. Само его присутствие на вершине государственной власти должно было стать гарантией динамичного, целенаправленного и концептуального развития. Но уже спустя год стало ясно, что одного этого недостаточно.

Ситуация во властных структурах на рубеже 1990–1991 гг. выглядела гораздо сложнее, нежели свидетельства проблемных отношений между президентом республики и Федеральным собранием, которые будут рассмотрены ниже. Разумеется,

существенную роль играли также чешские и словацкие национальные правительства, парламенты и ведомственные министерства. В течение длительного времени отношения между ними оставались напряженными, и, по сути, неотрегулированными в плане единой позиции, как это происходило в условиях доминантной власти КПЧ. Президентский пост, несмотря на растущую политическую активность Гавела, не мог играть аналогичную доминантную роль. Стихийную дивергенцию власти не удавалось ни устранить, ни эффективно отрегулировать, о чем свидетельствует следующий пример. В «Беседах из Лан» (9 декабря 1990 г.) президент Гавел отстаивал автономию и верховенство федерального парламента, утверждая, что словацкие национальные органы (в данном случае словацкое правительство Мечъяра) не могут оказывать на него давление, поскольку это свободно избранный высший законодательный орган федерации. Однако ровно через год сам же президент нарушил этот принцип. Так, Гавел полагал, что в конституции нет даже «намек на хотя бы какие-то методы решения подобного рода кризисных ситуаций»²⁹. В последующих «Беседах» (16 и 23 декабря 1990 г.) он убеждал граждан в необходимости усиления позиций и полномочий президента³⁰.

Гавел высказался за возвращение к конституции 1920 г., противопоставив ее действовавшим конституциям 1960 и 1968 г., пронизанными «сталинскими идеями». Можно еще раз напомнить позицию Гавела, которую он отстаивал в ходе президентской избирательной кампании в декабре 1989 г., когда Гражданский форум отказался менять конституцию под выборы президента. Тогда в одном из интервью 15 декабря он заявил: «Чрезвычайно важным является период шести месяцев до свободных выборов, когда надо переструктурировать парламент, принять множество новых законов, реформатировать правительство, когда следует продуманно и без социальных потрясений превратить половинчатость так наз. перестройки, готовившейся предшествующим режимом, в подлинную экономическую реформу»³¹. Следует отметить, что акцент сделан на *переходном периоде* (январь–июнь 1990 г.), предполагавшем широкий консенсус политических сил по принципиальным политическим и экономическим вопросам. Однако добиваться подобного консенсуса никто даже и не пытался!

В рамках демократических движений – ГФ и ОПН – не было сформировано четкое представление о целях, приоритетах и дорожной карте чешско-словацкой политики накануне свободных парламентских выборов, а, следовательно, об их взаимодействии, не говоря уже о «перезагрузке» всего партийного спектра. Задачи на переходный период формулировались туманно, скорее всего, лишь на подсознательном уровне, конкретные же представления о способе их решения отсутствовали. А после парламентских выборов в июне 1990 г. возврат к переходной – революционной – политике выглядел уже абсолютно нереальным.

Понятно, что попытки президента внести в конституцию поправки в контексте событий конца 1990 г. обрекались на провал. 27 февраля 1991 г.³² Федеральное собрание приняло закон о конституционном суде, а 18 июля 1991 г. – закон о референдуме³³. Высший законодательный орган государства выступил против усиления президентских полномочий, а из закона о референдуме депутаты изъяли клаузулу об объявлении всенародного голосования самим президентом при одобрении правительства. Эти полномочия оставались исключительно в компетенции Федерального собрания. Действительно, популярного президента поддерживала значительная часть общества, однако большинство политических партий выступали категорически против усиления его позиций в конституционной системе³⁴. Общественность, как правило, воспринимала парламент как рассадник партикулярных партийных интересов и тормоз развития. Еще одно выступление президента в Федеральном собрании 24 сентября 1991 г. явилось предзнаменованием приближавшегося конфликта. Президент потребовал от парламента принять разъяснительный закон о референдуме и сформулировал вопрос, который на нем следовало предложить гражданам. Все это, как он полагал, требовало немедленной реализации – проведения референдума в максимально сжатые сроки, за полгода до парламентских выборов, т.е. уже в декабре текущего года. Он снова апеллировал к подавлению партийных интересов, но опять-таки безрезультатно³⁵.

В конце 1991 г. сложные отношения между исполнительной и законодательной властями достигли высшей точки накала: президент Гавел драматургически мобилизовал обществен-

ность против парламента, когда не удалось добиться соглашения по конкретной форме референдума. Драматургия гражданского неповиновения в режиссуре президента-драматурга, спасавшего единое государство, снова выглядела продуманной и впечатляющей. Но в политическом отношении она снова оказалась контрпродуктивной. Впервые перед гражданами, причем символически, он выступил 17 ноября 1991 г. – два года спустя после вспыхнувшей «бархатной» революции. Президент снова констатировал: «...нынешнее конституционное положение, унаследованное от коммунизма, не предлагает ни одного конституционного пути решения подобного рода кризисов и противостояния угрозам; наконец, растущие разногласия совершенно парализуют ход работы государственной власти»³⁶. С целью выведения двух народов из тупика он разработал проект новеллы конституционного закона о референдуме, которому надлежало вернуть президенту полномочия объявлять референдум с контрольной подписью федерального правительства.

Затем он внес предложение принять конституционный закон о роспуске Федерального собрания и переходном правлении с помощью президентских декретов, конституционный закон о новой структуре парламента, а также новый избирательный закон, предоставлявший преимущества индивидам, а не партиям. В своем выступлении Гавел призывал население оказать давление на своих законодателей: «...разум, смирение и ответственность должны победить близорукость, гордыню и своеволие». Как же данное противостояние воспринималось чешским обществом? В основном это выглядело так: президент пытается сохранить государство, а безответственное «партийное барахло» (термин Гавела из «Летних размышлений») систематически мешает это сделать. Однако словацкое общественное мнение относилось к президентской инициативе более критически.

21 ноября 1991 г. президент Гавел выступил на митинге с участием около 50 тыс. чел. на Вацлавской площади (подобного рода массовые собрания состоялись в Остраве и Братиславе). Президент использовал против парламента не политические, а исключительно лежавшие в моральной плоскости аргументы: «Наши свободно избранные парламента не явля-

ются ни моим, ни вашим врагом. Таким врагом является нечто другое: эгоизм, нетерпимость, политиканство, недостаток воли к пониманию, отсутствие ответственности за все, где бы это не проявлялось». Он утверждал, что не намерен развязывать войну против парламента, а только договориться в «ускоренном порядке о будущей форме нашего государства»³⁷.

3 декабря 1991 г. президент Гавел представил упоминавшиеся проекты пяти законов в Федеральное собрание. «Я знаю, – заявил он депутатам, – что этот шаг дался вам с трудом и что многие из вас восприняли его как посягательство на вашу легитимность и, возможно, даже на основные принципы представительной демократии. Меня это не удивляет. Но вместе с тем я убежден, что шаг этот был верным и единственно возможным»³⁸. Многие депутаты, действительно, восприняли данный шаг как прямую угрозу своей легитимности. Некоторые из них были освистаны на собраниях граждан на Вацлавской площади, вблизи здания парламента. Мобилизация общества против парламента президентом оценивалась депутатами и партийными политиками как пример безответственного популистского акта. Например, председатель чешского парламента Милан Угде в сентябре 1994 г. на страницах газеты «Lidové poviny» («Народная газета») вступил в полемику с чешским президентом Гавелом. «Если бы это, – писал он, – позволил себе политизирующий неполитик, это было бы возмутительно! Но это сделал человек, возглавивший государство». По его мнению, мобилизация общественности против депутатского корпуса могла привести лишь к углублению кризиса в чешско-словацких отношениях, но этого, к счастью, не произошло: парламент, сформированный по итогам свободных выборов не поддавался скоординированному давлению сверху и снизу, отказав президенту в расширении его полномочий. Угде рассматривал спор в политико-институциональной плоскости, Гавел же – в плоскости моральной. Позднее, в феврале 1992 г., Федеральное собрание не утвердило представленные два проекта – депутатский и президентский – новой федеральной конституции. Это можно назвать тупиком в неудачной попытке принять в двухлетний срок новую конституцию единого государства. Весной 1992 г. было очевидно, что судьба ЧСФР решится после июньских парламентских выборов. Период, ко-

торый должен был стать временем становления законодательной власти, явился периодом распада.

Следует особо подчеркнуть: если критические суждения во второй части статьи касались исключительно Гавела, это вовсе не значит, что их не заслуживают другие актёры – политики, партии, парламентские функционеры. Цель статьи – показать в критическом свете именно президента республики как самого популярного современного актёра, реальная власть которого в политике явно ослабевала и не соответствовала тому колоссальному влиянию, которым он пользовался у граждан и интеллектуалов, формировавших общественное мнение. Этот парадокс власти прекрасно демонстрируют два контрастных факта. В конце 1989 г. лидер ГФ Вацлав Гавел отказался вносить более существенные поправки в конституцию во имя стабильности и правовой преемственности и, прибегая к давлению как снизу, так и сверху, принуждал коммунистический парламент к послушанию. По сути, эти действия преследовали единственную цель: заставить Федеральное собрание в его прежнем составе как можно быстрее и без осложнений избрать Гавела чехословацким президентом в качестве универсального гаранта свободы, демократии и процветания. В конце 1991 г. популярному президенту республики, вновь избранному в июне 1990 г., уже не удалось повторно прибегнуть к скоординированному давлению снизу и сверху на избранный демократическим путем парламент, чтобы заставить его предоставить президенту решающие полномочия (прежде всего, право роспуска парламента и правление с помощью президентских декретов). Причиной столь поздних намерений президента оперировать в политике чрезвычайными полномочиями является его убеждение в том, что парламентская демократия – весьма непродуктивный инструмент политики, когда необходима форсированная и эффективная реализация революционных преобразований в соответствии с личными убеждениями.

Этим, в частности, можно объяснить, что в Чехословакии к концу 1980-х гг. практически отсутствовало понимание значимости институциональных границ политики и ее функциональных качеств. Разумеется, это в значительной степени явилось следствием прерванности демократической традиции

почти на полвека (1939–1989 гг.). Однако сама по себе данная традиция является спорной: ей не удалось по настоящему утвердиться из-за деформаций, которым она подверглась сначала нацистами, а затем и коммунистами. После всех исторических перипетий 1938, 1948 и 1968 годов институциональная и процедурная интерпретации демократической политики сменилась ее истолкованием как практикующей моральности, которая пользовалась значительной популярностью преимущественно в диссидентской среде. Вместе с тем период после 17 ноября 1989 г., – между «тоталитарностью» и «демократией» – продемонстрировал ее весьма ограниченные возможности. Представления Гавела о диссидентстве – первом до-политическом и сугубо моральном шаге также оказались спорными, поскольку сам он, как представитель диссидентства на ответственном посту главы государства, вынужден был проводить политику сугубо практическую, утилитарную, а зачастую и манипулятивную, причем в предмет должной (само) рефлексии она не превращалась³⁹.

С этим, помимо прочего, связано еще и недостаточное понимание значимости «политики как призвания» (по Максиму Веберу). Сам же Вацлав Гавел до последнего момента утверждал, что политиком быть не стремится и никогда им не станет. А ведь он пользовался огромным влиянием только в диссидентской среде; в конце же 1980-х гг. его некомпетентность взаимодействия с властью в качестве политика стала очевидной. Впоследствии свою роль в (революционной) политике Гавел называл временной или «рабочей», что находилось в явном противоречии с его амбициями в плане кардинального изменения публичного дискурса, общества и государства. Он, скорее, говорил, о построении духовного государства, нежели о более скромном и практичном культивировании партийной парламентской демократии. Отчасти это, конечно же, вытекало из его иллюзий относительно демократической зрелости чешского и словацкого обществ, которые в ноябре и декабре 1989 г. заявили о себе эффектным манифестационным способом в «карнавале революции», полностью скрывшим на время реальное положение дел. Ясно, что готовность оппозиции к возможному свержению коммунистической диктатуры не могла по объективным причинам быть полной и всесторонней.

Но это вовсе не значит, что ее представители не должны были критически анализировать демократичность сознания чешского и словацкого общества на этапе поздней нормализации; ведь даже у формировавшейся оппозиции можно обнаружить представления относительно институциональных аспектов перехода к демократии⁴⁰.

Остается поставить вопрос: почему же в период активной деятельности Гражданского форума и Общественности против насилия совершенно отсутствовали концепции относительно институционализации революции, т.е. как отделить аутентично революционную и по своей сути антидемократическую практику от духа собственно «демократической революции» и как, руководствуясь этим, определять вектор переходного периода? В ситуации, которую никто достаточно точно не определил и не объяснил, парламент изначально считался тормозом демократического политического процесса. В 1989–1992 гг. конфликт между исполнительной и законодательной властями явился причиной плохой репутации парламента, поскольку формировавшееся влиятельными интеллектуалами общественное мнение, безоговорочно поддерживало президента, именно его считая выразителем нравственных устоев в политике и аутентичным представителем интересов общества. Парламент же нередко воспринимался как вотчина партийных интересов и контрпродуктивная дискуссионная площадка. В итоге подобная искаженная картина сформировала неблагоприятный имидж законодательного корпуса и на последующих этапах становления новой государственности.

Перевод с чешского Э.Г.Задорожнюк

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Статья подготовлена в рамках проекта: «Федеральное собрание 1989–1992: Эмансипация законодательной власти», поддержанного Агентством по грантам Чешской Республики, регистрационный номер P410/11/0423.

² Havel V. Politika a svědomí // Havel V. Eseje a jiné texty z let 1970–1989. Dálkový výslech. Spisy 4. Praha, 1999. S. 440.

³ Ibid. S. 442–445.

⁴ Письмо Вацлава Белоградского Вацлаву Гавелу от 11 марта 1984 г. // Osobní fond Václava Havla v Československém dokumentačním středisku, o.p.s.

⁵ Havel V. Odpověď mladým křesťanům // Havel V. Do různých stran. Eseje a články z let 1983–1989. Praha, 1990. S. 161–167, 458–459.

⁶ Ibidem.

⁷ O člověku pozdní doby. Rozhovor s Karlem Hvizďalou (1985) // Bělohradský V. Přirozený svět jako politický problém. Eseje o člověku pozdní doby. Praha, 1991. S. 26.

⁸ Havel V. O smyslu Charty 77 // Havel V. Spisy 4... S. 664–686.

⁹ Ibid. S. 682.

¹⁰ О создании «серых зон» и о вступлении Гавела в «политическую сферу» подробнее см.: Suk J. Politika jako absurdní drama. Václav Havel v letech 1975–1989. Praha, 2013. S. 226–315.

¹¹ Terén, na který nikdy nevstoupím. Rozhovor Václava Havla s Ivanem Lamperem // Sport – časopis pro kulturní a společenskou informaci (samizdat). Roč. 1. Č. 3 (září 1989). S. 6–11.

¹² О деятельности Гавела во главе Гражданского форума подробнее см.: Suk J. Politika jako absurdní drama... S. 324–425.

¹³ О развитии политической обстановки в целом см.: Kopeček L. Éra nevinnosti. Česká politika 1989–1997. Brno, 2010.

¹⁴ Šutovec M. Semióza ako politikum alebo «pomlčková vojna». Niektoré historické, politické a iné súvislosti jedného sporu, ktorý bol na začiatku zániku česko-slovenského štátu. Bratislava, 1999. S. 123–317.

¹⁵ Подробнее см. второй раздел книги: Suk J. Labyrintem revoluce. Aktéři, zápletky a křižovatky jedné politické krize (od listopadu 1989 do června 1990). Praha, 2003–2009. S. 253 и др.

¹⁶ Suk J. Občanské fórum. Listopad – prosinec 1989. D. 2. Dokumenty. Praha – Brno, 1998. S. 98.

¹⁷ Suk J. K prosazení kandidatury Václava Havla na úřad prezidenta republiky v prosinci 1989. Dokumenty a svědectví // Soudobé dějiny. VI/2–3. 1999. S. 346–369.

¹⁸ Suk J. Občanské fórum... S. 258–272.

¹⁹ Подробнее см.: Havel V. Letní přemítání. Praha, 1991.

²⁰ Подробнее см.: Šutovec M. Op. cit. S. 153.

²¹ См.: Ibid. S. 163 и др.

²² Магнитофонная запись части переговоров ГФ и ОПН в Братиславе 2 апреля 1990 г. из личного фонда Ф. Гала. Запись находится на хранении в Институте современной истории АН ЧР.

²³ Havel V. Novory v Lánech 1 (1990). Praha, 2013. S. 25.

²⁴ Havel V. Projevy z let 1990–1992. Letní přemítání. Spisy. D. 6. Praha, 1999. S. 311.

²⁵ Ibid. S. 317.

²⁶ Ibid. S. 318.

²⁷ Havel V. *Hovory v Lánech...* S. 343.

²⁸ Подробнее см.: Smetana V. a kol. *Historie na rozcestí. Jak mohly dopadnout osudové chvíle Československa*. Brno, 2013. S. 219–225; см. также: Suk J. *Labyrintem revoluce...* S. 212–232.

²⁹ Havel V. *Hovory v Lánech 1 (1990)...* S. 330–336.

³⁰ Ibid. S. 338–355.

³¹ Suk J. *Občanské fórum...* D. 2. S. 242.

³² См.: Digitální repozitář Poslanecké sněmovny parlamentu ČR <http://www.psp.cz/eknih/1990fs/slsn/stenprot/013schuz/s013093.htm>

³³ Ibid. <http://www.psp.cz/eknih/1990fs/slsn/stenprot/016schuz/s016164.htm>

³⁴ Budování státu II/13 (listopad 1991). *Mezinárodní politologický ústav Právnické fakulty Masarykovy univerzity*. Brno. S. 5.

³⁵ Havel V. *Spisy*. D. 6... S. 569 и др.

³⁶ Ibid. S. 589 и др.

³⁷ Ibid. S. 594 и др.

³⁸ Ibid. S. 598 и др.

³⁹ Подробнее об этом см.: Rezek P. *Filosofie a politika kýče*. Praha, 1991.

⁴⁰ См.: Hlušičková R., Otáhal M. *Čas Demokratické iniciativy*. Sborník dokumentů. Praha, 1993. S. 171–176, 187–188; см. также: Jičínský Z. *Československý parlament v polistopadovém vývoji*. Federální shromáždění mezi 17. listopadem 1989 a 8. červnem 1990. Praha, 1993.

Э. Ворачек (Чехия)

М. Горбачев и Г. Гусак – деятели сумерек реального социализма. Реалии взаимоотношений Советского Союза и Чехословакии¹

В статье с привлечением доступных архивных источников предпринята попытка проанализировать ход и содержание дискуссий М. Горбачева с ведущими чехословацкими политическими деятелями доноябрьского периода, а также реакцию на них в предпринимавшихся ими политических акциях. Констатируется отсутствие существенных различий между официальными речами М. Горбачева, его выступлениями на закрытых переговорах с лидерами стран «восточного блока», а также его позицией в беседах с представителями верхушки чехословацкой коммунистической элиты. Вместе с тем в мемуарах советских политиков (Горбачев, Яковлев, Шахназаров и др.), которые были опубликованы позднее, отмечаются определенные отличия в оценках сложившейся в Чехословакии в 1980-е гг. ситуации.

Ключевые слова: «восточный блок», Варшавский договор, доктрина Брежнева, Советский Союз, Чехословакия, демократизация, советская перестройка, М. Горбачев, Г. Гусак.

В статье речь пойдет о представителях двух разных поколений ведущих политиков Чехословакии и СССР; Г. Гусак помнил дисциплину Коминтерна с его требованиями абсолютной преданности Советскому Союзу, М. Горбачев же предпринимал отчаянные попытки осознать: «где мы» и «что делать». Конечно, их опыт, политический кругозор, а также амбиции и условия деятельности, существенно различались, однако оба они действовали в схожей атмосфере партаппаратов.

У Г. Гусака за плечами остались почти полтора десятилетия нормализационной деятельности, когда Горбачев стал лиде-

ром КПСС. «Приход к власти, – пишет Б. Блегова, – более молодого и энергичного, по сравнению с его предшественниками, генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева ознаменовался новыми (весьма существенными) веяниями во внешнеполитической сфере, в первую очередь, в отношениях Советского Союза с социалистическими странами»². Постепенный отказ советского руководства от доктрины Брежнева свершался в атмосфере постепенной разрядки напряженности между Востоком и Западом. Холодная война уходила в прошлое, но идеологическое противостояние продолжалось. При этом на востоке (вполне оправданно) говорилось об общечеловеческих принципах и т.п., запад, однако, решительно не хотел отказываться от таких своих ценностей, как либеральная демократия, рыночная экономика и права человека. В Советском Союзе постепенно преодолевалась косная государственная марксистско-ленинская идеология, однако перестройка, помимо возраставшей активности, в принципе не отличалась богатством поистине новых идей. Со временем здесь, наряду с другими причинами, образовался существенный идеологический вакуум. «Внезапное крушение коммунистических режимов и падение Берлинской стены зачастую представляются неизбежным результатом длительного процесса системного банкротства». Однако автор этих слов М. Крамер в то же время добавляет, что «в действительности ни один из этих результатов нельзя считать неизбежным»³.

Во второй половине 1980-х гг. в чехословацком обществе постепенно нарастало негативное отношение к неэффективной правящей элите, партии-монополисту, а также к идеологии, олицетворявшейся некомпетентными старцами, позиции которых легитимизировались отношением к событиям 21 августа 1968 г. в период нормализации. После 1985 г. мощным импульсом политической и общественной активности чехословацких граждан послужила политика гласности и перестройка в СССР. В международной сфере ожидался отказ от брежневской доктрины ограниченного суверенитета социалистических стран, переход к политике невмешательства в их внутренние дела. Политика Горбачева стремительно возрождала во внешне апатичной стране надежды на перемены, которые наконец-то должны были свершиться. Вхождение во

власть М. Горбачева, возглавившего 11 марта 1985 г. ЦК КПСС, явилось для стран Центральной и Юго-Восточной Европы (по терминологии того времени советского блока) подлинным историческим рубежом.

Исходная позиция Горбачева, утверждавшего, что советские проблемы – это результат ошибок прошлого и брежневского застоя, путала, беспокоила и даже раздражала руководство коммунистических партий стран региона, легитимность, т.е. власть которых гарантировалась советской поддержкой. Это вдвойне можно отнести к Чехословакии, руководство которой пришло к власти в результате прямой советской военной интервенции. Однако советский диагноз кризиса советской системы и отдельных ее сфер как элементов системного кризиса относился, прежде всего, к советским государствам-сателлитам. Уже в марте 1985 г. на похоронах К.У. Черненко в ходе краткой встречи с лидерами стран советского блока (Центральной и Юго-Восточной Европы) М. Горбачев заговорил о единстве «преемственности и перемен». Судя по некоторым источникам, он даже сказал: «Хотелось бы заверить вас, что провозглашенные ранее принципы – равенство государств и невмешательство в их внутренние дела – теперь станут основой нашей реальной политики. Это значит, что ответственность за свои страны теперь несете вы. Нам нужна перестройка и мы в своей стране ее проведем. Вы должны решать сами за себя»⁴. Сложность, однако, заключается в том, что эти содержавшие четкое послание слова на указанной встрече в Кремле не прозвучали, не подтверждаются они и рассекреченными документами Политбюро ЦК КПСС. Тем не менее, при внимательном рассмотрении, аналогичные высказывания можно найти в заявлениях М. Горбачева на состоявшейся 26 апреля 1985 г. в Варшаве встрече представителей стран-участниц Варшавского договора.

Следует подчеркнуть, что с этими и подобными им взглядами уже в течение продолжительного времени выступали некоторые представители общественных и экономических наук в Советском Союзе, даже если руководство полностью их игнорировало. Тем не менее, это пока не оказывало существенного влияния на поляризацию общественного мнения⁵. Все же после выступления социолога Т. Заславской на конференции в

Новосибирске в 1983 г., казалось бы, скромная, но все же принципиальная, дискуссия стала набирать силу⁶.

Известный советский экономист, директор бывшего Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) О. Богомолов пришел к выводу, что кризис, охвативший Советский Союз и остальные государства советского блока, являлся *системным кризисом*. Он также утверждал, что этим странам рано или поздно придется начать политические и экономические реформы⁷. Однако, как оказалось, советским руководством недооценивалась глубина этого многоставного системного кризиса, синергетически усиливавшегося процессами стагнации. Некоторые советники Горбачева в ходе перестройки решались на все более открытые заявления. Советник М. Горбачева Г. Шахназаров высказался совершенно определенно относительно отношения СССР к странам-сателлитам, подчеркнув, что Советский Союз готов корректировать свои интересы в этой сфере. Поляки и венгры, по его словам, могут делать, что хотят. Почему же «Солидарность» не может прийти к власти? Единственное исключение составляет Германия⁸. Судя по этому источнику, о Чехословакии тогда не было сказано ни слова. Представления Горбачева относительно дальнейшего развития соответствовали ожиданиям, что перемены будут проходить в течение более длительного периода, когда осуществится радикальная реформа системы, что предполагало и определенное ослабление связей внутри мировой социалистической системы. Это означало отказ от доктрины Брежнева с ее принципом социалистического интернационализма, который трактовался как ограничение Советским Союзом суверенитета социалистических стран.

Разумеется, развитие в Чехословакии обуславливалось переменами не только в СССР, но и в соседних Польше и Венгрии, а также проводившейся западными государствами политикой, ориентированной на защиту прав человека. Комплексные, перезревшие проблемы советского мира социализма вели к постепенному ограничению как основы власти коммунистических партий этих стран, так и методов ее реализации⁹. Сложившуюся в то время ситуацию советник Горбачева Г. Шахназаров охарактеризовал следующим образом: «Нам казалось, что если мы откажемся от угрозы интервенции, ком-

мунистические партии останутся у власти в результате компромисса с обществом, реализовав в той или иной степени венгерский сценарий»¹⁰. Однако эти его суждения прозвучали только в 1989 г.

Внутренние экономические трудности, нараставший кризис режима в соседних государствах советского блока, политический поворот руководства Советского Союза и международная обстановка, характеризовавшаяся неуступчивостью Запада и ослаблением советского блока, стремительно разрушали квазистабильность чехословацкого «режима нормализации». Даже между самими, ранее едиными, нормализаторами разгоралась ожесточенная борьба за новое разделение властных позиций. Уже с начала 1980-х гг. в руководстве Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) обозначились три основных течения. Эта дифференциация была особенно заметна в партийном руководстве, где при кажущейся стабильности происходили жесткие столкновения представителей отдельных течений.

Первое течение – *прагматики* – представлял, прежде всего, председатель правительства Л. Штроугал. К этому направлению принадлежали, главным образом, образованные профессионалы и технократы министерств, государственного и экономического аппаратов, крупных предприятий, вузов и научно-исследовательских институтов. Прагматики стремились, в первую очередь, провести реформы в экономике с тем, чтобы остановить ее спад, предотвратить угрозу обострения социальных проблем и инициировать экономический рост, который мог бы принести повышение уровня жизни и стабилизацию существующего режима¹¹.

Учитывая значительную «догматическую идеологическую чувствительность» «режима нормализации», напоминавшую во многом 1950-е годы, реформаторам приходилось действовать крайне осторожно, поскольку консерваторы в любой момент могли обвинить их в насаждении в социалистическом обществе капиталистических элементов и т.п. Их значительный интеллектуальный потенциал не мог полностью реализоваться в сложившейся обстановке, поскольку из всех трех указанных течений оно оказалось наименее влиятельным.

Второе течение – *нормализационные бюрократы* – олицетворялось президентом ЧССР (до 1987 г. генеральным сек-

ретарем ЦК КПЧ) Г. Гусаком. Оно «состояло, прежде всего, из номенклатурных функционеров партийного аппарата от высших до местных органов коммунистической партии, карьерные возможности которым открыли именно нормализация и политические чистки. Они трепетно охраняли свою власть и не допускали никаких перемен, которые могли бы ей угрожать»¹². Их манифестом стали «Уроки кризисного развития», законность и незыблемость выводов нормализационных проверок. Любая переоценка событий 1968 г. представляла в тот момент непосредственную угрозу занимаемым ими позициям. «Впрочем, – пишет П. Прокш, – этого допустить они не могли, а с целью сохранения своих позиций всегда тяготели к тому течению, которое гарантировало им перевес. Причем их сила состояла в том, что они контролировали организационную структуру коммунистической партии и оставляли за собой последнее слово в принятии отдельных решений КПЧ»¹³.

Третье течение – *консерваторы* – возглавил Василь Биляк. Их ядро составляли преимущественно коммунисты-догматики из числа партийных функционеров старшего поколения. Учитывая их возраст – нередко речь шла еще о поколении участников февральских событий 1948 г. – они в подавляющем большинстве уже уходили из активной жизни и постепенно теряли свое влияние. Свою жизнь они соразмеряли с канонизированной советской идеологией, какое-либо отклонение от которой считали «ревизионизмом», нарушением «ленинских принципов», «угрозой социализму» или отождествляли его с «контрреволюцией». Конечно, в 1989 г. они по-прежнему оказывали колоссальное влияние на СМИ, сферы культуры, образования и воспитания. Учитывая экзистенциальный страх, господствовавший в партийном аппарате (он, несомненно, играл решающую роль), его работники не отваживались ни предлагать, ни возражать. Безусловно, страх являлся одним из сильнейших инструментов посттоталитарного режима в Чехословакии.

Прежде всего, следует согласиться с общим выводом А. Гжимала-Буссе, считающей, что в 1980-е годы реформаторские усилия внутри КПЧ практически не встретили отклика. Преобладало представление о КПЧ как «стагнирующем, не поддающемся реформированию монстре, реальном выражении

косности после Пражской весны 1968 г. и последующих партийных чисток»¹⁴. При этом автор добавляет, что, несмотря на сложившуюся в КПЧ ситуацию, попытки ее реформирования в 1980-е гг. все же предпринимались.

Реформаторские течения внутри КПЧ следует считать глубоко условными, поскольку их реальное влияние на аппарат и руководство было незначительным; они представляли, скорее, «островки», образуемые отдельными группами, их контакты, связи, сотрудничество, совместные дискуссии, за исключением Праги, были поначалу слабыми¹⁵. Все же события начала 1989 г. – жесткие действия подразделений сил органов госбезопасности против демонстрантов на Вацлавской площади в неделю Палаха в связи с юбилеем событий января 1969 г. – повлияли на ряд членов КПЧ, которые выступили с протестными письмами, адресованными непосредственно М. Якешу. В числе критиков можно назвать, например, М. Рансдорфа, в то время научного сотрудника Института прогнозирования ЧСАН, который, как и многие его коллеги, также подписал петицию. Рансдорф направил Л. Адамецу «перестроечное письмо», ключевым пунктом которого являлась ориентация на «... конституционные изменения и изъятие четвертой статьи»¹⁶. В подготовке письма председателю правительства Рансдорфу помогал обучавшийся вместе с ним в Вечернем университете марксизма-ленинизма (ВУМЛ) М. Чалфа – в то время министр юстиции. Через неделю в ответ на письмо Рансдорф получил благодарность за участие в общенародной дискуссии по конституции.

В Праге прошел целый ряд оживленных дискуссий (например, в Чешском высшем техническом училище и в зале Транспортных предприятий Праги), где на фоне перестроечной атмосферы резко критиковалась неспособность руководства КПЧ использовать пока еще имевшиеся возможности для маневрирования. Часть прореформаторски ориентированных членов партии сознавала свою разобщенность, неспособность выступить сплоченно. Поэтому они активно высказывали свои мнения, использовали личные возможности, в том числе организацию аналогичных дискуссий на предприятиях, в системе партийного воспитания и других местах, например, в Союзе чехословацко-советской дружбы, на занятиях в Чехословац-

кой социалистической партии. Это, безусловно, вызывало огромный интерес, однако результаты, помимо разгоравшихся дискуссий, едва ли можно считать удовлетворительными. «Общественность, конечно, ничего не знала о подготовленной экономической реформе, как и о проекте конституции с широкими гарантиями политических и гражданских свобод, включая принятие венских конвенций о правах человека. Фактом остается то, что их принятие, как и отказ от четвертой статьи, М. Чалфа, скорее, тормозил», – констатирует М. Рансдорф¹⁷.

Разумеется, эти неопубликованные материалы, не могли получить какого-либо отклика в кругах все более критично настроенной общественности, где уже начинали звучать пока еще достаточно робкие голоса протеста. Напротив, руководство партии постепенно усиливало преследование практически единственного потенциального союзника коммунистов-реформаторов – движения Клуб за социалистическую перестройку «Возрождение». Следует подчеркнуть, что своего рода рубежом в развитии некоммунистической оппозиции явилась встреча В. Гавела с А. Дубчеком весной 1989 г., а также жесткие действия властей против клуба «Возрождение» в июле 1989 г.

Интересную идею высказывает Рансдорф в своих мемуарах. Он вспоминает, что летом 1989 г. в ЦК КПЧ разрабатывался проект документа о «совместных действиях гражданских инициатив в конце 1989 г., которые должны были завершиться передачей власти, о чем разговоры велись уже в 1986 г. в советских академических кругах»¹⁸.

В итоге именно на Институт прогнозирования ЧСАН (он начал работу в 1983 г. сначала как небольшой Кабинет прогнозирования при президиуме Чехословацкой Академии наук) была возложена задача особой важности. Его директору, академику В. Комареку, несмотря на ряд проблем, удалось собрать высококвалифицированный коллектив, который готовил качественные аналитические разработки, категорически не одобрявшиеся доноябрьским руководством. Они получили огласку только после ноября 1989 г. Любопытно, что в последующем часть сотрудников Института сыграла роль своего рода интеллектуального штаба Гражданского форума; другие же стали известными деятелями формировавшейся оппозиции. Здесь

собрались представители большинства политических направлений или течений политической мысли. Можно ли назвать это целенаправленным замыслом или же решающую роль сыграли лишь профессиональные качества кадрового состава?

11 марта 1985 г. Горбачев занял пост генерального секретаря ЦК КПСС, однако никаких существенных перемен в отношениях СССР со странами советского блока не произошло. Горбачев и его советники Г. Шахназаров, А. Черняев, а также заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС А. Яковлев и другие впоследствии утверждали, что уже в 1985 г. велись разговоры о невмешательстве СССР во внутренние дела этих стран в будущем¹⁹. Тем не менее, в доступных на сегодняшний день источниках данное утверждение не находит однозначного подтверждения. В своих более поздних работах Горбачев проецировал высказанные им в последующем установки на ситуацию до 1985 г. Американский исследователь М. Крамер указывает на ряд документов из Архива президента РФ, которые подтверждают это. Однако приведенные нами записи от 1985 г., в том числе и от 26 апреля, как представляется, выпали с поля его зрения. Речь идет о тайном меморандуме политбюро ЦК КПСС от 25 июня 1986 г., когда М. Горбачев заявил: «хотя страны социализма оказались перед серьезными внутренними и внешними вызовами, ни одна из них (этих стран) не допустила возврата к старому порядку»²⁰.

Во время встреч Горбачева с представителями этих стран, в частности, с Г. Гусаком, а также в материалах переговоров назван целый ряд других не менее важных проблем (прежде всего, экономических), которые обе стороны считали требующими безотлагательного решения.

Как проходили встречи М. Горбачева с ведущими представителями чехословацкого нормализационного истеблишмента? В течение 1985–1989 гг. М. Горбачев, помимо участия в совместных переговорах лидеров, несколько раз лично встречался с Г. Гусаком, М. Якешем, Л. Адамецем. Надо сказать, это были встречи не то, чтобы двух миров, а двух совершенно разных подходов. Горбачевский стиль можно упрощенно охарактеризовать как активистский («иного пути нет»).

Что касается Г. Гусака, ситуация выглядела намного сложнее. В конце 1980-х годов коммунистический политик, по-прежнему

му идейно связанный с коминтерновскими схемами и главный субъект нормализации в послеавгустовской Чехословакии, предстал в роли уже явно пассивного политика-наблюдателя. Он осознавал все происходившее вокруг, но уже отнюдь не был той активной движущей силой, как в начале 1970-х годов.

Горбачев – важный субъект персональных сдвигов в советском партийном и государственном руководстве – постепенно собрал вокруг себя ряд талантливых людей (прежде всего, это его главные политические советники Г.Х. Шахназаров, А.Н. Яковлев), которых, однако, нельзя назвать потенциальными (за исключением Яковлева) радикальными реформаторами. Этот круг его сторонников внимательно, но сначала без особой реакции, следил за нарастающим уровнем критицизма дискуссии в советских «толстых» журналах, публиковавших работы экономистов Аганбегяна, Богомолова, Попова, социологов Заславской, Крыштановской и др. В Чехословакии не было условий для формирования подобной среды, здесь продолжала преобладать, можно сказать, застывшая атмосфера периода нормализации. Созданные кабинет, а позднее Институт прогнозирования не могли служить компенсаторными механизмами данной среды²¹. Критические разработки, появлявшиеся в диссидентских кругах или у отдельных лиц, из-за своей недоступности не приобрели широкого резонанса.

Это, однако, не значит, что в руководстве КПЧ отсутствовали противоречия, но они касались, главным образом, властных позиций. В своих мемуарах Г. Гусак комментировал это следующим образом: «Биляковцы и якешевцы захватили руководство и привели партию и государство к краху. Я был членом этого руководства, но высказываться по существу не мог»²². Как утверждает историк В. Плевза, в дискуссиях в этом кругу затрагивались преимущественно экономические проблемы. Гусака окружали люди, которые за несколькими исключениями (председатель правительства Л. Штроугал) являлись олицетворением «режима нормализации». О потенциальных реформаторских силах предельно омертвевшего, с трудом пробуждавшегося общества, которое с трудом пробуждалось, можно было говорить только на низших уровнях политической власти. Уже в середине 1980-х годов Гусак оставался «одиночкой на холодном ветру Пражского града». Он прилежно изучал

материалы из журналов «Newsweek», «Time», «Spiegel», «Stern», «Osteuropa», «Problems of Communism» и др. в переводах с грифом «секретно», а также мониторинги Чехословацкого телеграфного агентства²³, но это не оказывало существенного влияния на принятие решений, не приводило хотя бы даже к скромной дискуссии, например, по экономическим проблемам. Подходы к решению проблем в сознании Гусака продолжали основываться на идейных клише достаточно отдаленных от современности периодов.

Помимо встреч на высшем уровне, в ходе заседаний Политического консультативного комитета (ПКК) стран Варшавского договора, следует упомянуть и краткие неформальные личные встречи, документальными свидетельствами которых автор статьи, к сожалению, не располагает. Их фрагменты можно найти в некоторых опубликованных мемуарах коммунистических политиков того времени. Насколько известно, они, за редким исключением, не были запротokolированы. Заседания проходили в традиционном стиле, тем не менее, очевидно, что Горбачев уделял возросшее внимание проблемам суверенитета стран, с представителями которых встречался. Но вместе с тем он продолжал настаивать на неизменности советских оценок 1968 г. и особенно 21 августа 1968 г.

Впервые М. Горбачев и Г. Гусак встретились 26 апреля 1985 г. в Варшаве на заседании ПКК стран Варшавского договора, посвященному вопросу продления сроков его действия. 12 мая президиум ЦК КПЧ принял доклад Гусака об этой встрече без замечаний²⁴. Из формулировок, прозвучавших в выступлении М. Горбачева, можно обратить внимание на несколько положений. Так, он заявил: «И нынешний “крестовый поход” против социализма в той форме, как он был задуман, можно сказать, натолкнулся на нашу единую твердую волю ... В чем источник нашей силы, в чем гарантия нашего постоянного движения по избранному пути? Для нас, коммунистов, ответ ясен. Это верность марксизму-ленинизму и непоколебимая преданность социалистическому интернационализму»²⁵.

Возможно, единственным, если говорить об отношениях с социалистическими странами, является воспоминание Горбачева о его сообщении на встрече в Москве на похоронах Черненко, которое можно считать ключевым. «Ясно, – сказал

он тогда, – что каждая из братских партий самостоятельно определяет свою политику и отвечает за нее перед своим народом». Вместе с тем Горбачев высказал следующую идею: «На нашей недавней встрече в Москве прозвучало общее мнение о необходимости совершенствовать наше политическое сотрудничество. Полезными были признаны встречи генеральных секретарей и первых секретарей центральных комитетов. Советское руководство полностью соглашается с идеей подобных встреч, на которых мы могли бы без лишних протоколов обсудить и решить актуальные проблемы»²⁶. Однако идея проведения регулярных неформальных встреч не получила ни живого отклика, ни реализации.

Как уже отмечалось, в первые недели после избрания новый генеральный секретарь Горбачев не отошел в публичных выступлениях от риторики в духе антизападного курса Андропова, используя следующие клише: «...бороться против империалистического окружения», сделать «все возможное, чтобы воспрепятствовать агрессивным попыткам ...классовых врагов, добиться идеологического раскола социализма изнутри»²⁷.

30–31 мая 1985 г. прошла первая рабочая двусторонняя встреча Горбачева и Гусака, на которой наряду с общими вопросами обсуждались проблемы экономического сотрудничества. Встреча завершилась подписанием «Программы долгосрочного экономического и научно-технического сотрудничества ЧССР и СССР на период до 2000 г.»²⁸.

На переговорах Г. Гусак располагал детальными, во многом критическими, разработками об экономических взаимоотношениях и результатах экономической интеграции. Однако никаких замечаний по проекту «Программы» он так и не высказал, оставив его без изменений. Разумеется, и Горбачев был подготовлен похожим образом. В ходе двухчасовой беседы обсуждались преимущественно проблемы экономического развития, но в официальном коммюнике фигурировала фраза о полном единстве взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Более открытые переговоры состоялись после встречи Горбачева и президента США Р. Рейгана в Женеве. 21 ноября в Пражском граде Горбачев проинформировал ведущих представителей коммунистических партий социалистических стран Восточной Европы о результатах переговоров²⁹. Выбор

места в сердце Европы, скорее всего, объяснялся желанием начать путь к взаимопониманию с чехословацким обществом, а также представлениями Горбачева о роли, которую Прага играла во внешнеполитических связях³⁰.

В сообщении от 15 ноября говорилось: «ЦК КПСС предлагает оперативно, 21 ноября, провести в Праге встречу Генеральных и Первых секретарей ЦК братских партий государств – участников Варшавского Договора с участием министров иностранных дел, на которой т. Горбачев мог бы проинформировать друзей об итогах советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве и обменяться мнениями о дальнейших совместных действиях»³¹. Подобным предложением Прага, конечно, не могла пренебречь, но открывало ли это перспективы создания нового реноме Праги?

Огромным ожиданиям и связанным с ними надеждам соответствовал восторженный прием, оказанный М. Горбачеву в ходе его визита в Чехословакию в апреле 1987 г.³². Считалось, что этим общество выражает свое отношение к руководству КПЧ, проблеме нового генерального секретаря, который сможет открыть и у себя в стране дверь социалистической перестройке, а также проявляет свое отношение к интервенции войск государств Варшавского договора в августе 1968 г. в Чехословакию³³. Горбачева, проходившего по улицам Праги, приветствовали овациями, тогда как Г. Гусак тенью следовал за ним и казалось, что ликующие пражане не проявляют к нему никакого интереса. Горбачев придавал большое значение визиту в Прагу, лично изменил программу с тем, чтобы освободить больше времени для встреч с Г. Гусаком, запланировав еще одну дополнительную заключительную беседу с Гусаком в Братиславе³⁴.

В ходе своего визита в Чехословакию 10 апреля 1987 г. М. Горбачев во время встречи с Г. Гусаком в Пражском граде заявил: «О чем говорит анализ прошлого? У нас произошло ослабление руководства, упущен контроль за многими серьезными процессами. Штукатурными работами, как говорится, здесь не обойтись, нужен капитальный ремонт здания. И прежде всего надо выдвигать талантливых людей, способных обеспечить политику ускорения... Процессы, которые у нас назрели, были в чем-то сходны с тем, что у вас появилось перед янва-

рем 1968 г. Это и запоздание с решением проблем, и застой. Да и польский опыт перед нами маячил. Оставалось одно – чтобы партия возглавила перестройку. Другого выхода не было и нет. Приходилось принимать революционные решения»³⁵. В ходе беседы Горбачев высоко оценил политическую деятельность КПЧ: «КПЧ провела после кризиса большую работу, вывела страну из кризиса. Это заслуга руководства. Но почивать на лаврах нельзя, надо прибавлять. Тем более, что Чехословакия имеет все возможности. Конечно, есть в вашем обществе какие-то остатки 1968 г., но западная пропаганда зря их переоценивает. Тут пустили даже слухи, будто Горбачев отложил визит, поскольку не мог договориться с Гусаком относительно своей встречи с Дубчеком. Сколько пишут такого о Горбачеве! Но я привык не обращать на это внимания. У нас, коммунистов, есть, что сказать миру и нам нечего стесняться»³⁶. На следующий день во время встречи с руководством ЦК КПЧ Горбачев затронул, главным образом, экономические вопросы, проблемы углубления экономической интеграции, выразил серьезное беспокойство «центробежными тенденциями в социалистическом обществе»³⁷. Выступая перед руководством, он снова подчеркнул: «И потом все же часто на Западе распространяется мнение: „ну, конечно, Советский Союз – это его вассалы, у них нет своего лица”. Ведь конечно же, у нас в социалистическом обществе есть реальная возможность договориться, чтобы у каждого сохранилось чувство государственности, чтобы каждая страна хорошо себя чувствовала, правильно себя вела, вносила свой вклад... Мы за принципы равноправия, самостоятельности, ответственности каждой партии за свою страну»³⁸.

Огромные надежды, возлагавшиеся на М. Горбачева чехословацкой общественностью при посещении Чехословакии, вскоре развеялись. В выступлениях в Праге он неоднократно утверждал, что не намерен отходить от официальной трактовки Пражской весны. Его слова производили гнетущее впечатление, казалось, что смысл перестройки заключается не столько в том, чтобы способствовать демократизации в отдельных странах, сколько в сохранении статус-кво. Из столь неожиданного его поведения отдельные слои чехословацкого общества делали свои выводы. Тем не менее, встреча с пражскими гражданами явилась для советской делегации серьезным уроком в

том смысле, что отчасти продемонстрировала слабое влияние в обществе Гусака, а это, разумеется, не могло не повлечь определенные политические последствия. Бывший секретарь ЦК КПСС В. Медведев отмечал позднее, что Горбачев испытывал стыд за чехословацкого лидера³⁹. В своих более поздних воспоминаниях Гусак изложил свою точку зрения. Спустя годы в беседе с В. Плевзой он отмечал, что «сильная группировка с правым уклоном во главе с Биляком, Индрой и Якешем находилась в тесных контактах с противниками перестройки в Советском Союзе и направлялась ими. К ним примкнул Фойтик и другие. Они повсюду критиковали и подставляли Горбачева, дискредитировали его. Я ожидал, что Горбачев хотя бы с глазу на глаз выскажется по этому поводу, выразит свое мнение о 1968 г., о 21 августа. К сожалению, ничего. Он не говорил со мной об этом»⁴⁰.

Вплоть до ноября 1989 г. свой осторожный подход к чехословацкой проблематике, умеренную поддержку реформ и стремление не дестабилизировать существующую власть М. Горбачев, по сути, оставил неизменными (достаточно вспомнить его визит в ГДР в начале октября 1989 г.), хотя в своих мемуарах им приводятся несколько иные (их можно назвать легалистскими) трактовки⁴¹. Вместе с тем концепции разрядки, как и равноправия народов и их право на выбор системы, из речей Горбачева постепенно переместились на уровень отношений Восток-Запад и в международные соглашения. На более позднем этапе перестройки они нашли отражение также в ряде важных международных документов.

Последняя встреча Горбачева с Гусаком прошла в Москве 12 апреля 1988 г., когда за Гусаком оставался лишь президентский пост. Он говорил о стремлении КПЧ нормализовать отношения с Итальянской коммунистической партией, что тогда не представлялось возможным, поскольку итальянская коммунистическая печать опубликовала интервью с А. Дубчеком, И. Пеликаном, Р. Медведевым и др. Горбачев подтвердил Гусаку незыблемость оценок событий 1968 г., но, продолжая разговор, тут же перешел на другие темы. «Мы, – заявил он, – придерживаемся прежних оценок событий 1968 года. Путь, пройденный Чехословакией после кризиса, подтвердил правильность избранной политики»⁴².

В следующие полтора года Горбачев неоднократно встречался с чехословацкими лидерами на двусторонних переговорах, однако ни одного момента, который фиксировал бы переоценку им вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. обнаружить не удалось. В ходе этих встреч проявлялось его глубокое уважение к Гусаку (это подтверждают и мемуары Горбачева), он часто интересовался атмосферой в руководстве КПЧ, восприятием перестройки, получая всегда весьма учтивые ответы. Трудно сказать, прислушивался ли он к мнениям своих советников, которые также регулярно встречались с советниками чехословацких премьеров, когда весной 1989 г. открыто говорилось о стремительно меняющейся атмосфере в Чехословакии.

В ходе встречи советника председателя чехословацкого правительства по внешней политике Яромира Седлака с советником Горбачева В. Загладиным 8 апреля 1989 г. в Москве первый констатировал, что: «страна быстро движется навстречу каким-то серьезным событиям. Процесс этот идет сам собой, стихийно. Мы им не управляем и управлять им не умеем. По словам собеседника, таково мнение и Л. Адамеца. Отчасти нынешний “дрейф” связан с тем, что в Чехословакии называют “синдром 1968 года”. Проявляется он у разных людей по-разному, но он существует. А к нему добавляется “синдром перестройки”»⁴³.

Подобные оценки и наблюдения можно почерпнуть из других бесед и их записей, тем не менее, в официальных позициях генерального секретаря ЦК КПСС ничего не менялось. Это подтверждает и содержательная беседа М. Горбачева с генеральным секретарем ЦК КПЧ М. Якешем в Москве 18 апреля 1989 г.⁴⁴ Здесь затрагивались, главным образом, экономические вопросы и в меньшей степени – внутривластическое положение в Чехословакии. Якеш тогда подчеркнул: «О людях 1968 года. С массой мы работать начали. Сейчас исключенные из партии создали клуб “Возрождение”, просят признать его. Мы на это не пошли и, вероятно, не пойдем. Народ не хочет повторения 1968 года. Когда была демонстрация на Вацлавской площади, спрашивали простых людей, они говорили в телеинтервью, что нарушение порядка им не нравится. А на другой день им звонили по телефону, угрожали сжечь дом, убить детей. Каждого, кто начинает им сопротивляться, оппозицио-

неры пытаются терроризировать ... Наши противники хотят вызвать панику, чтобы никто не ангажировался с политикой партии»⁴⁵. Якеш несколько раз возвращался к этой теме, после чего М. Горбачев непременно переводил разговор на проблемы перестройки. Весьма интересна часть беседы, посвященная изменениям в избирательной системе. Якеш заявил: «А общие выборы проведем в 1991 году, главным образом, по многомандатным округам. Вероятно, будет 6 мандатов, чтобы была возможность состязаться разным людям – рабочему, крестьянину, интеллигенту, представителям различных партий. Новых партий нам не нужно, но существующие должны получить большие возможности и ответственность. От них сейчас есть министры, но без портфеля. Но почему бы, скажем, не быть министру здравоохранения? Словом, основное изменение, которое мы планируем в Национальном фронте, – поднять роль союзных партий и общественных организаций»⁴⁶.

Горбачев тут же ответил, что опыт СССР в принципе аналогичен. «Главное, – заметил он, – не в том, чтобы создавать новые организации, а в демократическом процессе. И в условиях многопартийной системы может не быть никакой демократии, и, наоборот, при одной партии – нормально развиваться политическая жизнь. У вас уже есть партийки, хорошо, что вы их активизируете. Это будет сужать поле деятельности неформалов. Вообще важно перехватить у оппозиционных сил инициативу»⁴⁷.

Если сравнить эту продолжительную беседу с аналогичной встречей Горбачева с польским президентом В. Ярузельским осенью 1989 г., можно увидеть, что разговор проходил как бы на разных уровнях коммуникации. С Ярузельским Горбачев находит гораздо больше взаимопонимания, чем с Якешем⁴⁸.

Трудно сказать, насколько удавалось Горбачеву улавливать принципиальные перемены, происходившие в распадавшемся советском блоке. В определенной степени это подтверждают и темы его дискуссии с почетным председателем Социалистического Интернационала В. Брандтом, который предпринимал попытки содействовать дальнейшему существованию Советского Союза и тем самым новому проекту социалистического мира, а также беседы с американскими президентами в этот период.

Совершенно очевидно, что отказ СССР от доктрины Брежнев⁴⁹ нашел отражение в ряде документов 1989 г. В совместном правительственном заявлении ФРГ-СССР от 13 июня 1989 г. констатировалось: «Неограниченное внимание интегрированности и безопасности каждого государства. Каждый имеет право выбирать свою собственную политическую и социальную систему»⁵⁰. 16 июня федеральный канцлер Г. Коль выступил в Бундестаге в Бонне с заявлением в связи с государственным визитом М. Горбачева в ФРГ. В нем позитивно оценивалась убежденность Горбачева в том, что каждая страна Варшавского договора должна идти своим путем; речь шла о «переменах исторического масштаба». Свою позицию М. Горбачев подтвердил 6 июля 1989 г. в речи на сессии парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге. «Принадлежность государств Европы, – заявил он тогда, – к различным социальным системам – реальность. И признание этой исторической данности, уважение суверенного права каждого народа выбирать социальный строй по своему усмотрению – важнейшая предпосылка нормального европейского процесса. Социальные и политические порядки в тех или иных странах менялись в прошлом, могут меняться и впредь. Однако это – исключительно дело самих народов, их выбора. Любое вмешательство во внутренние дела, любые попытки ограничить суверенитет государств – как друзей и союзников, так и кого бы то ни было, – недопустимы»⁵¹.

Основные тезисы новой советской внешней политики по отношению к странам «восточного блока» на завершающем этапе его существования М. Горбачев сформулировал на одной из последних встреч лидеров Варшавского договора в июле 1989 г. в Будапеште, вскоре после выступления в Страсбурге. По его мнению, новая модель социалистического содружества должна основываться на «единстве в многообразии», т.е. каждая страна свободно может проводить свою политику, используя опыт других государств⁵².

Эта речь представляла собой кульминационный момент трансформации советской внешней политики по отношению к союзникам в Центральной и Юго-Восточной Европе. Следует отметить, что заседание проходило в крайне драматичной атмосфере. По воспоминанию его участника Й. Ленарта, Н. Ча-

ушеску на встрече неожиданно выступил с «отчаянной защитой тезиса о единстве социалистических стран. ... Горькую исповедь Чаушеску я принял как последний звонок»⁵³. Ленарта же должно было испугать нежелание советской делегации детально обсудить ключевые вопросы совместных акций. Члены советской делегации утверждали, что М. Горбачев торопится домой. Й. Ленарт впоследствии увидел в таком развитии событий «определенный предупредительный сигнал».

Решение советского руководства не вмешиваться в дела других государств, включая союзников, встретило одобрение во всем мире, в том числе и ряда представителей Центральной и Юго-Восточной Европы. Бывший сокурсник М. Горбачева по Московскому государственному университету, впоследствии секретарь ЦК КПЧ периода Пражской весны, а затем один из инициаторов Хартии 77, работавший в эмиграции в Инсбрукском университете З. Млынарж представлял свое видение проблемы. «Одно дело, – говорил он, – не вмешиваться, а совсем другое – открыто критиковать и попытаться исправить ошибки своих предшественников»⁵⁴. В другом контексте Млынарж формулировал этот тезис еще более жестко. Весной 1990 г. в беседе с М. Горбачевым в Москве он подверг критике советскую позицию, сравнив «...советское невмешательство двадцать лет спустя после насильственной ликвидации Пражской весны с ситуацией, когда кому-то сломали ноги, а потом разрешили свободно выбирать больницу, куда следует ползти»⁵⁵. З. Млынарж заявил, что даже в последние годы можно было проводить более продуманную советскую политику по отношению к восточноевропейским соседям, что позволило бы СССР реабилитировать себя, по крайней мере, у части общественности этих стран. Однако долгожданные слова, касавшиеся, прежде всего, вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г., прозвучали лишь тогда, когда на улицы вышли массы. Млынарж придерживался следующего мнения: если бы советские представители раньше предприняли ряд шагов при условии, что и в Чехословакии начались бы принципиальные реформы, то развитие в этих странах могло бы пойти по иному пути, перемены в политике и экономике носили бы менее стихийный характер, а, напротив, стали более предсказуемыми. Главным результатом такого развития, по его мнению, мог-

ло бы стать укрепление авторитета Советского Союза и просоциалистических сил внутри страны.

Москва, не оказав определенного давления на якешевское руководство, не просто не отдаляла падение режима «нормализации», но своим псевдонейтралитетом лишь ускоряла наступление кризиса, углубляя его. Отказа от ранее эффективно использовавшихся механизмов так и не произошло. О. Крейчи, бывший советник последнего чехословацкого премьера периода до ноября 1989 г. Л. Адамеца, оценивает эту политику весьма критически: «Речь шла об интересе или о программе политики окончания холодной войны? Отношение к объединению Германии свидетельствует о том, что дипломатические поражения оправдывались Москвой – или даже выдавались за победы. Вместе с тем происходило своего рода отчаянное соревнование, совершалась попытка доказательства своей искренности по отношению к Соединенным Штатам. Конечно, важнейшим элементом советской внешней политики по отношению к Восточной Европе в 1989 г. был изоляционизм – концентрация на углублявшихся внутренних проблемах, отказ от активной выработки и защиты собственных национальных интересов в международной сфере»⁵⁶. По мнению О. Крейчи, чехословацкое руководство приступило к подготовке определенных перемен. В сентябре 1989 г. председатель правительства Л. Адамец дал команду готовить новую конституцию ЧССР без статьи о руководящей роли партии, а также новую концепцию переоценки Пражской весны. «Ловушка судьбы заключалась в том, – пишет О. Крейчи, – что с внутривластной точки зрения делать это было еще рано, а с международной – поздно. Несомненно, именно в эти сентябрьские дни установились первые контакты Адамеца с оппозицией: появилась инициатива Коцаба и Горачека под названием Мост, которая должна была в ноябре обеспечить связь между федеральным правительством и Гражданским форумом, т.е. фактически передачу власти»⁵⁷. Негативное влияние на общественное мнение в Чехословакии менее, чем за две недели до 17 ноября, оказало довольно жесткое, можно даже сказать, провокативное высказывание министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе. В интервью А. Михнику в журнале «Солидарность» он безапелляционно заявил, что советская позиция в оценке

событий 21 августа 1968 г. в Чехословакии не меняется. «Решение о вводе союзнических войск в Чехословакию, – заявил он, – принято совместно. Я принадлежу к категории тех политиков, которые относятся серьезно к совместным решениям. Упомянутое решение в 1968 г. приняли руководящие деятели государств Варшавского договора: генеральные секретари партии и председатели советов обороны. Имелись также обращения и с чехословацкой стороны. Оценка этих событий с современных позиций может быть изменена только по общему решению»⁵⁸.

Следует напомнить, что в это время новые правительства в Польше и Венгрии уже осудили августовскую оккупацию Чехословакии в 1968 г. и принесли свои извинения за участие в ней. Советское же руководство было занято проблемами внутреннего характера, а в сфере внешней политики – прежде всего, стремительно нарастающим требованием объединения Германии. Еще один московский реформатор периода перестройки, секретарь ЦК КПСС по идеологии А. Яковлев, который позднее в своих мемуарах решительно отмежевался от социализма, марксизма и пр., также незадолго до ноября 1989 г. в ответе на вопросы западных журналистов высказывался совсем не так, как можно было от него ожидать. «По моему глубокому убеждению, – говорил он, – в августе 1968 г. антисоциалистические силы готовили гражданскую войну. От многих людей в Праге и в сельской местности я слышал, что если бы не пришли советские войска, могло бы произойти кровопролитие»⁵⁹. Но в мемуарах он приводит совершенно другие суждения. В августе 1968 г., наблюдая за деятельностью советских журналистов во время своего пребывания в Праге, он, оказывается, был настолько потрясен бурной реакцией чехословацкого общества, что тут же вернулся обратно в Москву⁶⁰. Парадоксально, но незыблемость горбачевского подхода привела к активизации преимущественно догматического якешевского руководства КПЧ, отчаянно стремившегося укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Политика сильной руки по отношению как к оппозиции, так и к протестным, прореформаторским силам в партии продолжалась. Перестройка даже в том виде, как она «просачивалась» в чехословацкое общество, вела к постепенному нарастанию протестного сознания, делигити-

мизации нормализационной идеологии руководства партии и государства. В этом отношении 1989 г. принес новые подвижки, правда, внешне не слишком заметные. В рядах КПЧ росло число тех, кто уже не верил в возможности реформ «режима нормализации». Результатом стало «пассивное сопротивление значительного большинства коммунистов по отношению к руководству собственной партии»⁶¹. Четкие прореформаторские тенденции олицетворялись секретарем ЦК КПЧ Р. Гегенбартом и Л.Адамецем, преемником Штроугала на посту премьера (это видно из записи его встречи с Горбачевым). Все же этого оказалось недостаточно, напротив, движение в данном направлении в условиях атмосферы «дома на набережной» было обречено на провал.

Перевод с чешского Н.В. Коровицкиной

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Исследование выполнено в Историческом институте АН ЧР (RVO:67985963).

Автор выражает признательность сотрудникам Национального архива (Прага) за неоценимую помощь в предоставлении необработанных материалов, особенно из фонда Густава Гусака, а также особую благодарность профессиональному архивисту д-ру Ф. Штвераку.

² Blehova B. Der Fall des Kommunismus in der Tschechoslowakei. Wien, 2006. S. 129.

³ Kramer M. The Demise of the Soviet Bloc // The End and the Beginning: The Revolutions of 1989 and the Resurgence of History. Budapest, 2012. P. 171.

⁴ Цит. по: Šiška M. Proč se v listopadu 1989 režim zhroutil // Právo. 2004. 6. 11. S. 21. К сожалению, в материалах Архива Горбачев–Фонда в Москве запись этого краткого, скорее всего, неформального выступления М. Горбачева не обнаружена или недоступна. Очевидно, речь шла о неофициальной записи.

⁵ См. интересную дискуссию по проблемам развития в СССР того времени, в первую очередь, на страницах журналов «Вопросы философии», «Вопросы экономики», «Коммунист» и «Социологические исследования». Принципиально важными материалами с точки зрения развития дискуссии в направлении более реалистического подхода можно считать обсуждение противоречий в социалистическом обществе в журнале «Вопросы философии» в 1982–1984 гг. Дискуссию открыла статья Ю.С. Новопашина «Влияние реального социализма

на мировую революционную систему: методологические аспекты» // Вопросы философии. 1982. № 8. С. 3–16. Помимо этого проблематику противоречий при социализме исследовали напр.: Семенов В.С. Проблемы и противоречия при социализме // Вопросы философии. 1982. № 9. С. 3–21; Бутенко А.Т. Еще раз относительно противоречий социализма // Вопросы философии. 1984. № 2. С. 124–129.

⁶ Zaslavskaja T. Novosibirsk Dokument // Osteuropa. 1984. № 1. S. A1–A25.

⁷ Богомолов О. Согласование экономических интересов и политики при социализме // Коммунист. 1985. № 10. С. 82–93; он же. Мир социализма на пути перестройки // Коммунист. 1987. № 16. С. 92–102. См. также выводы обширного проекта, реализованного коллективом под руководством З. Млынаржа на рубеже 1970–1980-х гг. в Западной Германии.

⁸ Beschloss M. R., Talbott S. Auf höchster Ebene. Das Ende des kalten Krieges. Econ Verlag, 1993. S. 109. Шахназаров Г.Х. Встречи с лидерами социалистических стран // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 157–175. М. Горбачев в своих воспоминаниях приводит свои крайне неконкретные суждения по данной проблематике.

⁹ Сегодня, изучая чехословацко–советские отношения на рубеже эпох, можно опираться на весьма богатую палитру воспоминаний деятелей того времени, частично открытые архивные фонды, в первую очередь, Архива Горбачев–Фонда в Москве, фонды чешских архивов, прежде всего, записи о встрече ведущих чехословацких и советских представителей в Национальном архиве. Ключевые фонды в соответствующих российских архивах, особенно Российском государственном архиве новейшей истории (далее – РГАНИ), где хранятся материалы Политбюро ЦК КПСС 1980-х годов, Архиве внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), к сожалению, по рассматриваемому периоду недоступны уже в течение длительного времени. Кроме того, документы хранятся и в Архиве Президента Российской Федерации (далее – АП РФ), закрытого для большинства исследователей. Существует также довольно обширная специальная литература, однако проблематикой чехословацко–советских отношений, к сожалению, занималось минимальное количество авторов. Можно упомянуть, прежде всего, мемуары М. Горбачева, целый ряд его трудов, а также работы его советников, в первую очередь, Г.Х. Шахназарова. Большой вклад внесли работы З. Млынаржа, в том числе написанная в соавторстве с М. Горбачевым книга: Gorbáčov M., Mlynář Z. Reformátoři nebývají šťastní. Dialog o «perestrojce», Pražském jaru a socialismu. Praha, 1995; Gorbatschow M. Erinnerungen. Berlin, 1995; Falin V. Erinnerungen. München, 1993. S. 482–500. См. также: Veen H.J. Nach der Diktatur. Demokratische Umbrüche in Europa –

zwölf Jahre später. Köln–Weimar–Wien, 2003. Первая оценка политики М. Горбачева по отношению к союзникам Советского Союза в Восточной Европе дана в: Hacker J. Michail Gorbatschow und die engere «sozialistische Gemeinschaft» // *Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament*, В 19–20/ 1990. S. 30– 39. Отрывки из воспоминаний М. Горбачева и других бывших советских руководящих партийных деятелей, в том числе В. Медведева, издал в чешском переводе В. Пречан в журнале «Soudobé dějiny».

¹⁰ Цит. по: Šiška M. *Op. cit.* S. 21.

¹¹ Prokš P. *Konec jednoho experimentu, krize a pád totalitního režimu v Československu (1968–1989)*. Praha, 1993. S. 53.

¹² *Ibidem*.

¹³ *Ibid.* S. 54.

¹⁴ Grzymala–Busse A. *Reform Efforts in the Czech and Slovak Communist Parties and Their Successors, 1988–1993* // *East European Politics and Societies*. Vol 12. 1998. No. 3. S. 446.

¹⁵ *Ibid.* S. 442.

¹⁶ Ransdorf M. *Nový dějinný prostor*. Praha, 1999. S. 1 (неопубликованная рукопись). В настоящее время М. Рандсдорф – депутат Европарламента от Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ).

¹⁷ Ransdorf M. *Op. cit.* S. 2. Сохранившийся проект конституции был опубликован уже после 17 ноября, в совершенно иной атмосфере, когда требования изменений в конституции формулировались более комплексно.

¹⁸ Ransdorf M. *Op. cit.* S. 2. Информацию об этом материале невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть; внимательное изучение фондов архива ЦК КПЧ должно пролить свет на этот вопрос. Бывший министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе пишет в своих воспоминаниях, что очищение Центральной Европы он готовил уже с 1986 г., но и данное утверждение нельзя подтвердить архивными документами.

¹⁹ На основе опубликованных документов это констатирует М. Крамер. См.: Kramer M. *Op. cit.* S. 174. Он опирается также на комментарии Горбачева в книге: Gorbačov M., Mlynář Z. *Reformátoři nebývají šťastní...* S. 84–85.

²⁰ В Политбюро ЦК КПСС: О некоторых актуальных вопросах сотрудничества с соцстранами. Меморандум М.С. Горбачева для Политбюро ЦК КПСС, 25 июня (секретно), приложение к пункту 1 Протокола Политбюро № 18. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 1092. Д. 218. Л. 4, 5. Цит. по: Kramer M. *Op. cit.* S. 176.

²¹ Единственным позитивным исключением можно считать критическую статью М. Земана в журнале «Technický magazín» об «островах позитивной девиации», вышедшую, правда, только в 1989 г.

²² Plevza V. Vzostupy a pády. Gustáv Husák prehovoril. Bratislava, 1991. S. 152.

²³ См. многочисленные тексты из личного архива Г. Гусака в: Národní archiv. Fond Gustáv Husák (далее – NA GH).

²⁴ NA GH. Kart. 318. Zpráva o setkání nejvyšších stranických a státních činitelů členských států Varšavské smlouvy.

²⁵ NA GH. Kart. 318. Vystoupení M. S. Gorbačova na jednání ve Varšavě 26. 4. 1985.

²⁶ NA GH. Kart. 318. Vystoupení M. S. Gorbačova na jednání ve Varšavě 26. 4. 1985. Fol. 9.

²⁷ Запись встречи М. Горбачева с польским президентом Войцехом Ярузельским 7 апреля 1985 г. Архив Горбачев–Фонда. Москва. Фонд 1. М.С. Горбачев. Опись 1 (далее – Ф. 1. Оп. 1). Ф. 3. Док. 4380. Ll. 5–8.

²⁸ Подробнее см.: Přehled čs.–sovětských styků na nejvyšší a vysoké úrovni v období duben 1985 – únor 1987. Podkladové materiály pro jednání gen. tajemníka ÚV KSČ G. Husáka s gen. tajemníkem ÚV KSSS M. Gorbačovem; Informace o průběhu přípravných prací na Programu dlouhodobé hospodářské a vědeckotechnické spolupráce mezi ČSSR a SSSR na období do konce roku 2000. NA GH. Kart. 454.

²⁹ Setkání generálních a prvních tajemníků ústředních výborů bratrských stran států Varšavské smlouvy konané dne 21. listopadu 1985 v Praze. NA GH. Kart. 318.

³⁰ Gorbatschow M.S. Erinnerungen. 1. Aufl. Berlin. 1995. См. также: Čermák V. Operace listopad 1989. O putování české společnosti odnikud nikam a zpět a o jejím hledání cest jinudy a jinam. Praha, 2012. S. 33–56.

³¹ Текст телеграммы, справа сверху указана дата: 15. XI. NA GH. Kart. 318. Text telegramu ÚV KSSS vedení KSČ o zamýšleném setkání generálních a prvních tajemníků z 15. 11. 1985.

³² Gorbatschow M.S. Op. cit. S. 880–882. Горбачев должен был находиться в Праге 6–9 апреля, но визит в последний момент перенесли на 9–12 апреля.

³³ Эти надежды, выразившиеся и некоторыми оппозиционными кругами, стали предметом иронии, прежде всего, М.Гюбла в его самиздатских публикациях, в которых он не строил никаких иллюзий по поводу советской политики в отношении Чехословакии. См.: Hübl M. Cesty k moci. Praha, 1990. S. 91–93.

³⁴ NA GH. Kart. 455. Záznam Jaroslava Máčka, vedoucího sekretariátu gen. tajemníka ÚV KSČ, pro G. Husáka z 27. 2. 1987. Программа, предложенная чехословацкой стороной, была отправлена на согласование в Москву и утверждена лично Горбачевым с упомянутыми поправками. На встречу с Гусаком он отвел целых 5 часов, а на встречу с руководством КПЧ на следующий день – менее полутора часов.

³⁵ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с членами Президиума и секретариатом ЦК КПЧ, 10 апреля 1987 г. Архив Горбачев–Фонда. Ф. 1. Оп.1. 87apr10doc. Ll. 5–6. Эти формулировки почти аналогичны высказываниям Горбачева во время приема в Кремле министров иностранных дел государств Варшавского договора незадолго до визита в Чехословакию. См.: NA GH. Kart. 455. Záznam o přijetí ministrů zahraničních věcí Varšavské smlouvy s. Gorbačovem. Fol. 1–7.

³⁶ Ibid. L. 9.

³⁷ Záznam vystoupení S. M. Gorbačova na setkání s členy předsednictva a členy sekretariátu ÚV KSČ. NA GH. Kart. 454. Fol. 1–15.

³⁸ Ibid. Kart. 455. Záznam vystoupení M. Gorbačova na setkání s členy předsednictva a členy sekretariátu ÚV komunistických stran. 10. 4. 1987. L. 14.

³⁹ Медведев В.А. Распад: Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994. С. 140–142.

⁴⁰ Plevza V. Op. cit. S. 146–147.

⁴¹ Gorbatschow M.S. Erinnerungen... S. 880.

⁴² Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с членом Президиума ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком 12 апреля 1988 г. Архив Горбачев–Фонда. Ф. 1. Оп. 1. 88apr12 doc. L. 12.

⁴³ Основное содержание беседы с тов. Яромиром Седлаком, советником председателя правительства ЧССР по внешнеполитическим вопросам. 1 апреля 1989 г. Архив Горбачев–Фонда. Ф. 3. Оп. 1. 89apr01bdoc. L. 1.

⁴⁴ Беседа продолжалась несколько часов, конкретные выводы которой затем обрабатывались советниками. Удивительно, но в записи не указано, кто ее вел. По словам Г. Шеварднадзе, с которым автору статьи удалось побеседовать в 2002 г., это был именно он.

⁴⁵ Запись основного содержания беседы М.С. Горбачева с М. Якешем. 18. 4. 1989. Архив Горбачев–Фонда. Ф. 1. Оп. 1. 89apr18bdoc. L. 7.

⁴⁶ Архив Горбачев–Фонда. Ф. 1. Оп. 1. 89apr18bdoc. L. 4.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Беседа в Берлине с Президентом ПНР В. Ярузельским и М. Раковским. 7 октября 1989 г. Архив Горбачев–Фонда. Ф. 1. Оп. 1. 89oct07doc.

⁴⁹ Анализ генезиса доктрины Брежнева см.: Daschitschew V. Moskaus Griff nach Weltmacht. Die bitteren Früchte hegemonialer Politik. Hamburg–Berlin–Bonn, 2002. S. 179–187.

⁵⁰ Archiv der Gegenwart (AdG). S. 33506.

⁵¹ Ibidem. Полный текст речи М. Горбачева в Страсбурге был опубликован на чешском языке в: Nová doba. 1989, č. 29. S. 44–46.

⁵² Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 14 (1 августа). С. 36.

⁵³ Интервью Й. Ленарта пражскому корреспонденту московской «Правды» // Rudé právo. 1993. 19. 3.

⁵⁴ Интервью З. Млынаржа см.: Литературная газета. 1990. 18. 4. (№ 16).

⁵⁵ Цит. по: Šiška V. Op. cit. S. 21.

⁵⁶ Krejčí O. Proč to prasklo? D. 2. Moskva a «sametová revoluce» // Tvorba.1991. Č. 2. S. 7. М. Горбачев и в своих мемуарах, изданных в Германии, не приводит подробных объяснений. В опубликованных беседах с З. Млынаржем от ответа на этот вопрос он уклонился. См.: Gorbačov M., Mlynář Z. Reformátoři nebývají šťastni...

⁵⁷ Цит. по: Šiška V. Op. cit. S. 21.

⁵⁸ Цит. по: Minarik P. E. Ševardnadze říká listu Solidarity: Hodnocení roku 1968 přijaté československým vedením považujeme za závazné // Rudé právo. 1989. 30. 10. (č. 255). S. 1.

⁵⁹ Steele J. Eternal Russia. London, 1994. S. 175; см. также: Steele J. Yeltsin, Gorbachev and the Mirage of Democracy. Cambridge, Mass. 1994.

⁶⁰ Яковлев А.Н. Муки, прочтения, бытия. М., 1991; он же. Предисловие, обвал, послесловие: Перестройка, надежды и реальности. М., 1992; он же. Горькая чаша. Ярославль, 1994. См. также: Durgan K. Některé negativní mezinárodní faktory ovlivňující demokratickou revoluci // Soudobé dějiny. 1999. Č. 2–3. S. 308–327. Позднее А. Яковлев опубликовал собрание своих мемуаров: Яковлев А. Омут памяти. От Столыпина до Путина. М., 2002/2003; они были изданы также на немецком языке. См.: Jakowlev A.N. Die Abgründe meines Jahrhunderts. Eine Autobiographie. Leipzig, 2003.

⁶¹ Šiška V. Op. cit. S. 21.

Н.В. Коровицына (Россия)

Новая государственность в чешском общественном сознании до и после 1989 г.

На основе социологических опросов со времени Пражской весны 1968 г. до наших дней анализируется степень демократизации чешского общества. Показана относительная стабильность представлений «чешского человека» о новой государственности на фоне смены систем конца XX века.

Ключевые слова: Чешская Республика, специфика гражданственности, коммунистический и либерально-демократический режимы, политические взгляды и участие.

Новая волна исторических исследований принесла осознание значимости социально-культурных перемен в понимании современного исторического процесса. В этой связи особый интерес представляет изучение чешского опыта демократической государственности на фоне неоднократной за последнее столетие смены типов политического режима в этой стране. Подобный опыт приобретает важнейшее значение в условиях, когда проблематика отношения гражданина и государства, «работающей» политической демократии превратилась в ключевую. Анализ динамики гражданственности в государствах бывшего восточного блока позволяет по-новому взглянуть на два важнейших этапа в их современном общественном развитии – до и после преобразований 1989 г.

Интерпретации либерально-демократического периода истории Чешской Республики явились неотъемлемой частью посткоммунистического перехода страны, обеспечивая легитимизацию новой государственности как противовеса развитию в период доминирования ее советской модели. Период «реального социализма» долгое время рассматривался исклю-

чительно в негативном свете как время отсутствия автономии и граждан, и политических элит в стране, предопределенности исторических событий внешним фактором. В трудах, посвященных событиям 1948 г., 1968 г., Хартии 77 и 1989 г., вышедших в ЧР после «бархатной» революции, общество, как правило, представало в роли лишь пассивного объекта политики коммунистических элит или диссидентских контрэлит. Вместе с тем выход за рамки сугобо институционального анализа и обращение к массовому, общественному фактору стабильности и перемен в Чехии во второй половине XX – начале XXI вв. значительно расширяет видение и Пражской весны, и «бархатной» революции, и итогов системной трансформации спустя ровно четверть века после ее начала.

Исторически перемены в чешском обществе традиционно не предопределялись лишь процессом смены власти и системы государственности, а обладали постоянным, сформировавшимся у этого народа на протяжении веков эндогенным компонентом, заключенным в понятии «tlak zdola» («давление снизу»). Нельзя не учитывать, что многопартийная система Первой Чехословацкой республики (1918–1938 гг.) считалась одной из наиболее стабильных в Центральной и Восточной Европе. Систематические аналитические исследования социологов страны обнаруживают прямую связь общественного мнения в отношении «социалистической демократии» (по состоянию на 1968 г.) и современной «либеральной демократии». Причем после 1989 г. сущность концептов демократии и типов гражданственности явилась в Чехии предметом острых дебатов, свидетельствующих о многообразии их смыслов. Два совершенно различных видения гражданского общества представили бывшие президенты Чешской Республики В. Гавел и В. Клаус. Первое из них акцентирует необходимость коллективных действий и социальной сплоченности (участие в «неполитической» и даже «антиполитической» политике), второе, напротив, – индивидуализм и свободу (партийное представительство и избирательная активность).

Социокультурный анализ чешской специфики перехода «от капитализма к социализму и обратно» проливает свет на степень поддержки гражданами основных демократических и социально-политических принципов, характер их обществен-

ной активности в контексте радикальных сдвигов в институциональных основах государственности в конце XX в.

Опросы, проводившиеся в Чехословакии в 1946–1948 гг., обнаруживали массовую приверженность демократическим идеалам. Вместе с тем поколение чехов, прошедшее через экономический кризис 1930-х гг., мюнхенское соглашение, нацистскую оккупацию, освобождение страны Советским Союзом испытало отчетливый левый сдвиг в политических воззрениях, что отразилось на результатах первых послевоенных выборов в Законодательное национальное собрание в 1946 г., на которых победили коммунисты, а в целом социалистически ориентированные партии получили около 4/5 голосов избирателей¹. Стремление общества к ограничению позиций крупного капитала, высокому уровню социального обеспечения, предпочтение людьми ценностей равенства и справедливости способствовали усилению роли и значения Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), которая в 1948 г. пришла к практически монополюльной власти, осуществив программу национализации, ликвидации частного предпринимательства и превращения страны в составную часть советского блока. Начавшийся два десятилетия спустя процесс демократизации общества нашел проявление в движении Пражской весны 1968 г., к которому люди потянулись фактически бессознательно, не оставляя преимущественной ориентации на социалистическую государственность. Общественную поддержку в этот период нашли такие ключевые пункты демократической государственности, как свобода информации, выражения мыслей, многопартийная система, идеи «демократического социализма» или «социализма с человеческим лицом».

Исследование политических взглядов чехословацких граждан, проведенное на решающем этапе демократизации социализма в мае 1968 г., должно было послужить основой разработки проекта, предполагавшего усилить соответствие существующих в обществе политических ценностей и государственных институций. Работа выполнялась коллективом Института государства и права Чехословацкой Академии наук (ЧСАН) под руководством известного политолога З. Млынаржа. Всего было проведено 3600 интервью, обеспечивших

аутентичную на тот момент картину чешского общественного мнения. Большинство тем этого опроса повторили в Чешской Республике ровно сорок лет спустя, в мае 2008 г., что открыло уникальную возможность сравнения политического сознания людей в двух контрастных формах демократической государственности, основанных на разных принципах – «равенства» и «свободы». Не менее интересно с точки зрения пространственно-временной компаративистики наиболее раннее массовое исследование гражданских ценностей под названием «Образы мира в 2000 г.». Оно осуществлено как часть международного проекта (с участием 13 стран различных регионов мира) Институтом изучения общественного мнения ЧСАН в июне 1967 г. и фокусировалось на молодежи (1200 интервью с людьми в возрасте 15–40 лет). Данная когорта составляла в то время почти треть населения страны и определяла судьбы коммунистического режима, сформировавшись в условиях характерной для него системы государственности и ценностей. Опыт этого поколения, действительно, во многом обусловил отношение общества к смене систем конца XX в. и ее последствия.

Масштабное исследование социальной стратификации чехословацкого общества того же времени под руководством ведущего чешского социолога П. Махонина показало, что в 1960-е гг. в условиях новой – на тот момент – государственности положение людей уже не определялось различиями в доходах, т.е. основа общественной стратификации была немотористской. Ее главными критериями стали культурные факторы – образование, сложность труда и характер досуговой активности². Влияние материального неравенства на социально-политическую структуру построенного на эгалитарных принципах общества было минимизировано. От образования, особенно на его высшем уровне, зависела приверженность принципам политического плюрализма (многопартийные выборы и парламентское представительство) как, пожалуй, центральному вопросу эпохи Пражской весны. Политический критицизм проявлялся преимущественно в среде интеллектуалов, чья квалификация не всегда соответствовала уровню доходов и положению в системе управления³. В то же время именно высокообразованные контингенты оказались

тогда наиболее решительными сторонниками борьбы против социального и экономического неравенства⁴. Плюралистические представления детерминировало и членство в КПЧ: не кто иной, как коммунисты, стремившиеся получить реальный доступ к власти, особенно активно выступали за рост открытости в принятии политических решений. А вот социальное положение в довольно однородном в классовом отношении обществе играло менее значительную роль в формировании плюралистических взглядов и оценках системы государственности в целом⁵.

Поколение Пражской весны, выросшее при социализме, отличалось значительной заинтересованностью в общественных делах. Чешская, как и словацкая, молодежь была настроена оптимистично по поводу будущего, особенно отдаленного, и ощущала фрустрацию по поводу настоящего, демонстрируя латентную готовность поддержать предлагаемую программу реформы системы государственности в Чехословакии. Выраженное чувство оптимизма считается центральной характеристикой этого поколения, которому оказалась очень близка мысль о том, что общество можно сделать лучше. Поэтому оно проявляло большой интерес к предложениям экономических, технологических и политических реформ, которые высказывали О. Шик, Р. Рихта, З. Млынарж. Таким образом, в чешском обществе накануне 1968 г. существовал высокий мобилизационный потенциал политической активности⁶. Значительная открытость по отношению к СМИ сочеталась у молодой генерации с высоким уровнем ее участия в социальных и политических организациях того времени. Городская молодежь, жившая в условиях коммунистических режимов, в целом отличалась даже большей активностью по сравнению со сверстниками на Западе.

Современный чешский социолог П. Лайонс, проанализировав с помощью существующих на сегодняшний день социологических методов результаты исследований общественного сознания накануне решающих событий Пражской весны, поставил под сомнение представление о существовавшей тогда неудовлетворенности чехословацких граждан своей жизнью. На самом деле она не превышала в то время западных показателей и по ряду показателей (оптимизм по поводу будущего,

восприятие уровня благосостояния страны) прежний строй оценивался гражданами менее критично по сравнению с ситуацией либеральной государственности. «Жизнь при коммунизме, – пишет он, – была значительно сложнее, чем предполагают многие современные оценки прошлого холодной войны»⁷. Хотя обнаруживались признаки недовольства в связи с ограничениями гражданских свобод или недостатком возможностей карьерного роста, люди в 1960-е годы придерживались демократических взглядов и верили в прогрессивную направленность общественного развития. По данным аналогичного исследования мая 2008 г., чехи чувствовали себя более вооруженными как эффективные граждане, в частности, как участники электорального процесса, но менее способными влиять на политический процесс, чем на одной из наиболее оптимистических стадий Пражской весны в мае 1968 г. Одновременно исследования общественного мнения, в том числе приводимые в западной литературе, подтверждают, что Чехословакия в 1968 г. являлась сторонницей социалистической системы государственности⁸. Сравнение двух политических культур в условиях разных политических режимов – социалистической и либеральной демократии – обнаруживает высокую степень преемственности этих культур, постоянство структуры политических ценностей чешского народа, передающихся из поколения в поколение⁹.

Вместе с тем со временем меняются оценки узловых точек современного развития страны. Феномен Пражской весны воспринимает теперь как важное событие лишь каждый десятый чех, для остальных – это, скорее, период идеализма и позора, связанного с темами поражения и оккупации¹⁰. Определяя степень значимости этого события среди всех периодов национальной истории, чехи явно предпочитают ему эпоху Карла IV (1346–1378 гг.) и Первую Чехословацкую республику (1918–1938 гг.). Спустя 40 лет большинство – 58% – чехов не считало непосредственным следствием Пражской весны «бархатную» революцию 1989 г. Подобное мнение, согласно данным опросов, характерно в Чехии преимущественно для поколения 1960-х годов – в настоящее время людей старше 55 лет, членов Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ).

Не поколебал массовых убеждений «чешского человека» период «нормализации» 1970–1980-х гг., когда предоставлявшиеся коммунистическим режимом трудовые и социально-экономические гарантии являлись основой общественного конформизма по отношению к существовавшему типу государственности. На протяжении почти всего этого периода в Чехословакии не изучалось политическое сознание населения. Можно опираться на результаты, хотя и недостаточно репрезентативного (с преобладанием горожан и слабой представленностью членов КПЧ), исследования, проведенного чешским социологом в эмиграции З. Стрмска в 1985–1986 гг. Согласно его данным (респондентам можно было дать несколько вариантов ответа), большинство опрошенных считали себя демократами («без прилагательных»), немногим меньше – отрицали всякую политическую ориентацию, идентифицируясь с гуманистическими принципами («просто человек»). Третье – гораздо менее влиятельное идеологическое течение того времени образовывали немарксистские социалисты. Меньше всего людей (несколько процентов) отождествили себя с коммунистическим мышлением¹¹. Обнаружено также, что накануне «бархатной» революции чехословацкое общество участвовало в формальной и неформальной политической деятельности, с недоверием и неудовлетворенностью относилось к политическим институтам, было довольно хорошо информировано через отечественные и зарубежные СМИ. 3/4 опрошенных знали о деятельности Хартии 77, из диссидентов наиболее известными жителям страны оказались А. Сахаров (2/3 слышало о нем), а также И. Пеликан и П. Тигрид, за ними следовали Ф. Пероутка и П. Дртина¹². Но свыше половины населения – в разной степени – считали политику «грязным делом» и предпочитали держаться от нее подальше¹³.

Хотя большинство людей в конце 1980-х гг. в Чехословакии оценивало коммунистическую партию, ее политику весьма критически и постепенно от нее дистанцировалось, к социализму относились иначе. Чешский историк М. Ванек не склонен однозначно утверждать, что общество «внутренне разошлось» с социалистической системой в преддверии перемен. До 3/4 жителей страны негативно оценивали отдельные сферы жизни страны, но в отношении социализма в целом поло-

жительные и отрицательные мнения взаимно уравновешивались на протяжении всего периода исследований этого автора с 1970 г.¹⁴ Как и на пике реформаторских устремлений в июле 1968 г., когда только 5% опрошенных отвечали положительно на вопрос: «хотели бы вы возвращения капитализма?»¹⁵, на следующем перекрестке истории страны в период революционных перемен ноября–декабря 1989 г. всего лишь 3% предпочитали капиталистический путь развития, тогда как 41% – социалистический и еще 52% – нечто среднее между ними¹⁶.

Произошедшая в ориентированной преимущественно на социалистические и демократические идеалы среде революция в момент ее свершения породила в обществе колоссальные ожидания и сопровождалась высокой мобилизацией населения, принявшего участие в массовых протестных акциях. Несмотря на довольно слабое – по сравнению с соседними Польшей и Венгрией – влияние на общество оппозиционных сил, коммунистический режим в Чехословакии, в отличие от этих стран, обрушился в течение нескольких дней. Революция, первоначально называвшаяся «веселой», «студенческой», «очистительной», «детской», «нежной», осталась в чешской истории как «бархатная», хотя нередко определяется как «переворот» или «так называемая революция»¹⁷. Теперь не вызывает сомнений, что в ходе ее, как и в 1968 г., в общественном сознании преобладали романтические, весьма туманные представления о направлении дальнейшего развития страны. Большинство чехов, веривших в силу демократической системы, тем не менее, не знало, какой политический режим возникнет в результате смены власти и что такое «рыночная экономика», а из-за непопулярности в обществе понятия «капитализм» реформаторы в первой половине 1990-х гг. – решающий период демонтажа коммунистического режима – предпочитали его не употреблять¹⁸.

Примечательно, что, согласно опросным данным конца 2013 г., большинство чехов (60%) назвало революцию 1989 г. важнейшим за последнее столетие событием¹⁹. По прошествии четверти века в странах региона утверждается мнение, что «бархатная» революция, действительно, была решающим для Центральной и Восточной Европы историческим событием, характеризующимся, тем не менее, отсутствием опре-

деленности по поводу устанавливаемого в результате ее типа государственности. До сих пор в обществе отсутствует согласие по вопросам – *кто* был движущей силой этой революции (простые люди или диссидентские контрэлиты), *что* за цели она преследовала (политические или экономические), *почему* она случилась (для реформирования режима или его свержения). И если среди чешского населения, особенно сторонников правых партий, доминирует представление, что в ноябре 1989 г. революцию осуществили граждане для достижения политических целей, то существует и альтернативный взгляд на это событие как не принесшее фундаментальных перемен в обществе, а послужившее, главным образом, экономическим интересам привилегированных групп, в то время как отношения власти и народа мало изменились²⁰. Массовое отношение к «бархатной» революции, ее причинам и следствиям, согласно исследованию в связи с ее 20-летием, характеризовалось скорее различиями, чем консенсусом²¹.

Однако сразу вслед за революционным подъемом, – когда субъективная важность политики в жизни людей достигала своего пика, когда их участие в первых выборах в парламент 1990 г., имевших характер плебисцита о прошлом и будущем страны, составило 4/5 всех обладавших избирательным правом, когда показатели политической удовлетворенности и доверия общества институциям находились на высшем уровне, – новая власть дала старт важнейшим политическим и экономическим преобразованиям: переходу к многопартийной системе, частной собственности и рыночным отношениям. На этой же преимущественно эмоциональной волне либеральная модель радикальной экономической реформы получила поддержку граждан на выборах 1992 г. Общество ее с воодушевлением поддержало, хотя в полной мере себя с ней не отождествляло²². Хотя лишь несколько процентов опрошенных в 1993 г. предпочитали дореволюционную модель развития²³, в обществе продолжали преобладать соответствовавшие этой модели традиционные, глубоко укорененные и усиленные периодом социализма антиэлитарные, уравнилельные предпочтения²⁴. При сохранявшейся со времен коммунистического режима слабой дифференциации оплаты труда и доходов 19% опрошенных все же высказывалось в пользу необходимости

роста неравенства в доходах; уже к 1995 г. доля этой группы людей сократилась до (тех же) 5%²⁵. Кроме того, 80% населения уже в 1992 г. (когда около миллиона людей стали владельцами лицензий на ведение предпринимательской деятельности) считало нечестными существующие способы обогащения²⁶. Постепенно вызревали и дифференцировались социально-экономические взгляды людей, противоречившие их постреволюционным политическим ориентациям. Наибольшая неконсистентность (несогласованность) массовых воззрений наблюдалась сразу после «бархатной» революции, но год от года ситуация менялась.

По мере завершения реформ и столкновения людей с повседневными проблемами общества либерально-рыночного типа становилось ясно, что левые ценности в чешской среде определенно преобладают. Социологи обнаружили, что многие из тех, кто с восторгом идентифицировался с правыми как доминирующей идеологией, в действительности всегда оставались приверженцами левых ориентаций²⁷. Каждый пятый высокообразованный чех декларировал левые воззрения – вдвое чаще по сравнению с населением ЧР в целом²⁸. В то время сформировалось аномальное «левое мышление при правом голосовании» (Я. Вечерник). Высказывается мнение о несоответствии осуществлявшегося в первой половине 1990-х гг. в ЧР проекта трансформации «ментальному состоянию чехов»²⁹.

Идеология успеха, гарантом которого в Чехии выступала реформаторская Гражданская демократическая партия (ГДП), господствовала в стране до 1996 г., когда правые партии начали терять свои позиции. Именно выборами в Палату депутатов в 1996 г. датируется начало периода разочарования чешского общества реформами, роста массового недоверия к правительству и его политике. Большая часть людей ощутила, что ее интересы не представлены в политической системе, и отвернулась от политики. Одновременно с марта 1996 г., по оценке социологов, позитивная оценка результатов трансформации перестает преобладать над негативной, происходит радикальный поворот в общественном мнении. Его главный смысл заключался в уменьшении противоречия между «мышлением» и политическим выбором, а также поляризации гражданских предпочтений. Избиратели правящих партий начали сомне-

ваться, что трансформация в Чехии удалась, а сторонники левых отказывались от либерально-рыночных симпатий в пользу социалистических³⁰. Быстрый рост неудовлетворенности людей достиг кульминации в 1998 г., когда 61% опрошенных, по данным Центра изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР (ЦИОМ), относился к трансформации критически и лишь 5% считали ее успешной³¹. Разочарование в итогах приватизации было столь велико, что в апреле 1998 г. 70% граждан высказалось за то, чтобы государство вернуло себе неправильно приватизированные предприятия. Национализации их требовало не только 93% сторонников КПЧМ, но 4/5 избирателей Чешской социал-демократической партии (ЧСДП), а также половина приверженцев ГДП³². По опросным данным 2008 г., 2/3 граждан страны считали, что основа и символ неолиберальных реформ – ваучерная приватизация – изначально задумывалась для обогащения избранного круга людей, вступивших в заговор против народа³³.

Рубеж 1997–1998 гг. стал для чехов «точкой возврата». С этого времени начинается значительный спад в позитивной оценке новой государственности, связанный не только с потерей иллюзий относительно экономических реформ и беспокойством по поводу снижения социальной безопасности, но и разочарованием в политическом развитии страны в условиях начавшегося глубокого внутреннего кризиса правого лагеря. Он последовал за подписанием крайне непопулярного в массах так называемого оппозиционного соглашения между правящей, но находившейся в парламентском меньшинстве левой ЧСДП и оппозиционной правой ГДП вскоре после выборов в Палату депутатов в 1998 г. Сотрудничество этих двух партий, фактически разделивших власть, в сознании чешских граждан разрушило традиционную роль оппозиции и вызвало «кризис доверия» – к реформе, трансформации, демократии, который окончательно завершил «эру невинности» (Л. Копечек) в современной истории страны. Люди усомнились, что политические деятели в условиях демократии станут вести себя иначе, чем при коммунистическом режиме (ныне уже 80% чехов отрицает различия между ними³⁴). Ярким проявлением этого настроения явилась гражданская инициатива против правящей политической элиты под названием «Спасибо, уходите!» (к ней

присоединилось 200 тыс. подписантов). Инициатива была приурочена к десятилетию «бархатной» революции 17 ноября 1999 г. Показательно также, что в период 1994–1998 гг. с 82% до 58% сократилось доверие президенту В. Гавелу как моральному лидеру нации и символу посленоябрьской трансформации³⁵. Таким образом, пересматривались оценки и нравственного развития страны в прошедший период. Сам В. Гавел общественное настроение в Чехии в конце 1997 г. назвал «дурным» («blbá nálada»). Имелось в виду пассивное апатичное состояние общества, смирившегося со сложившейся политической и экономической реальностью. Подобное настроение относительно стабилизировалось.

Хотя 60% чешского общества в 1998 г. все же сохраняло убеждение, что в стране удалось создать прочные основы демократической государственности и одобряло посленоябрьский курс, но результаты его с этого времени стали ожидать в более отдаленном будущем³⁶. Изменилось и представление о самой демократии, которая начала восприниматься не в идеалистическом, а в прагматическом, точнее экономическом, смысле, т.е. не столько как свобода – выборов, слова и т.д., – сколько как возможность удовлетворения материальных потребностей, роста благосостояния. Люди уже не акцентировали значение духовных ценностей и межчеловеческих отношений в формировании новой государственности, а считали более важным повышение уровня жизни. 2/3 граждан верили, что существующий политический режим принесет лучшее будущее их детям по сравнению с бывшим коммунистическим режимом³⁷. Оценивая качество демократии через функционирование экономики, чехи сознавали, что демократическая политическая система утверждается параллельно с экономической системой рыночного капитализма, и не делали больших различий между ними.

Одновременно произошел драматический спад избирательной активности граждан – в выборах в Палату депутатов парламента ЧР (важнейший элемент представительной демократии) в 1998–2002 гг. (время действия упомянутого оппозиционного соглашения) на 16 процентных пунктов с 74% до 58% – и ее последующая стагнация. На этом фоне начало увеличиваться различие в электоральном участии молодежи

(ее активность – по причине отсутствия интереса к политике – сокращается) и старшей возрастной группы: в 2006 г. оно достигло 30 процентных пунктов³⁸. Чешские социологи обнаружили не характерное для стран Запада усиление эффекта классовой принадлежности при голосовании на выборах, получившее название рестратификации чешской политики. Стали говорить, что чешские избиратели голосуют «своим карманом»: люди с невысоким уровнем образования и доходов демонстрировали, что им безразлично, кто находится у власти, и голосование на выборах не повлияет на их положение. В основе этой тенденции находилась углубляющаяся дифференциация общества, нарастающее социальное неравенство³⁹, в итоге отрицательно сказывающиеся на развитии демократической политической системы⁴⁰. Второй, кроме снижения избирательной активности, судьбоносный результат событий рубежа веков в стране – усиление поддержки КПЧМ, достигшее 20% и впоследствии сохранившееся на высоком уровне (15% и третье место на последних парламентских выборах 2013 г.).

Чешский социолог Л. Линек обнаружил, что в течение короткого периода 1997–2000 гг. скачкообразно произошло отчетливое изменение отношения чешских граждан к политике, их политических ожиданий. Он называет этот период временем перехода от наивного демократизма первой половины 1990-х гг. к фазе критического и неудовлетворенного демократизма начала XXI столетия, когда возникли сомнения в правильности развития демократической государственности в стране⁴¹. Кроме того, в этот период изменилось представление о сущности новой государственности: если сразу после революции особенно высоко ценилась свобода, то теперь установилось соотношение предпочтений «свобода или равенство» на уровне 60%:40%⁴². В течение последнего десятилетия в чешском обществе с его длительной традицией левого мышления, не связанной с коммунистическим режимом, доля отдающих приоритет свободе перед равенством снижалась, в том числе среди высокообразованных⁴³.

Несмотря на экономические и политические коллизии рубежа веков, чешское общество не оставляло преимущественной ориентации на демократическую государственность, которая довольно глубоко укоренена в его сознании. В начале

трансформационного процесса как минимум 70% населения (от 60% до 90% в зависимости от характера постановки исследователем вопроса) считали демократию лучшим типом политического режима. С 1998 г. поддержка демократии снизилась до нынешних 50% (еще 20% предпочитает некоторую форму диктатуры или авторитарный режим и столько же безразличны к характеру политического режима). Это примерно на 30% ниже западноевропейского уровня, но соответствует показателям других посткоммунистических стран (в Венгрии, где она не переживала спад в конце 1990-х гг., поддержка демократии такая же, в Словакии и Польше – несколько ниже)⁴⁴.

Легитимность демократии в Чехии предопределена, прежде всего, ранней политической социализацией. Многие граждане, которые выросли в период до 1968 г., позитивно оценивают коммунистический режим, ностальгируют по нему, что отличает их от воспитанной при новом порядке молодежи: среди 18–29-летних (между тем, нередко критикуемых за индивидуализм и материально-потребительские наклонности) всего четверть не воспринимает демократическую государственность как легитимную. Другой значительный источник поддержки демократии – социальный статус, т.е. возможности материального обеспечения в условиях данного режима: чем выше положение и образование, тем больше поддержка демократии; в городах она соответственно на 12% больше, чем в селах⁴⁵.

Современное общество в ЧР явно не удовлетворено, прежде всего, способом осуществления демократической государственности. В период после 1989 г. постоянно нарастало отчуждение политики от частной сферы, ослабла даже прежде сильная зависимость интереса к политике от уровня образования. 9 из 10 граждан сейчас убеждены, что люди идут в политику ради денег и власти⁴⁶. Наиболее динамичные – негативные – перемены происходили в Чехии последних полутора десятилетий с показателем политической неудовлетворенности населения, т.е. оценкой эффективности решения всеми ветвями власти проблем, важных для общества. С началом в 2009 г. мирового экономического кризиса легитимность существующего в стране политического режима пережила падение не менее значительное, чем в период первого его кризиса 1998–2000 гг. Выборы в Палату депутатов парламента ЧР в 2010 г.

продемонстрировали снижение уровня поддержки обеих крупнейших партий – ГДП и ЧСДП – и рост числа сторонников новых небольших непарламентских партий с их критикой истеблишмента и статус-кво, носившей характер, скорее, протестного голосования. Результаты этих выборов назвали проявлением «антиинституционального популизма»⁴⁷ в условиях слома в общественном развитии⁴⁸. По данным опроса 2011 г., 72% ожидало ухудшения состояния экономики в следующее десятилетие, общественный пессимизм преобладал и в большинстве других сфер жизни страны⁴⁹. Внеочередные парламентские выборы 2013 г. характеризовались усилением электоральных тенденций 2010 г. Массовые симпатии чешского общества оказались тогда на стороне появившейся накануне выборов партии с названием «Акция недовольных граждан», а правая ГДП потерпела поражение. Все больше людей старшего поколения находили черты сходства современной ситуации в стране с пережитым ими периодом «нормализации» 1970–1980-х гг.⁵⁰

Исследования Центра социальных и экономических стратегий Карлова университета в Праге демонстрировали довольно пессимистическую картину отношений власти и общества в условиях новой государственности в Чехии. Половина традиционно миролюбивого чешского народа – преимущественно люди с невысоким социальным статусом – ждет сильного политического лидера, способного навести порядок и покончить с парламентскими распрями, коррупционностью и моральным разложением элит. Значительная часть общества – около трети – готова принести демократические принципы в жертву безопасности и благополучию. Эти люди, отнесенные социологами к категории критических недемократов, соглашались на роспуск парламента. Четверть их даже пошла бы по пути революционной смены политического режима. В отличие от правящих элит, чешское общество поддерживает переход от представительной к прямой демократии, что обычно является показателем массовой политической неудовлетворенности людей и недоверия власти. Кроме того, около половины опрошенных оказалось в той или иной степени дезориентированным, даже после фактического завершения трансформационных процессов им трудно понять направле-

ние дальнейшего развития страны⁵¹. Более того, граждане сомневаются в существовании целенаправленной модели новой государственности и скептически относятся к ее дискредитировавшим себя прежним концепциям⁵².

Необходимым условием успешного развития демократической государственности и рыночной экономики является доверие. Об опасном дефиците доверия в чешской среде социолог И. Можны писал еще в 1991 г.⁵³ В конце 1990-х гг. возникло взаимное недоверие между «выигравшими» и «проигравшими» в результате реформ, усилившееся в первом десятилетии 2000-х гг., когда не произошло ожидавшихся позитивных сдвигов ни в экономическом, ни в политическом развитии, ни в сфере межчеловеческих отношений. Показатели доверия в других людях на протяжении двух десятилетий остаются стабильными. За исключением периода первоначальной эйфории после падения коммунистического режима и ожидания справедливого устройства демократического общества, когда межчеловеческое доверие декларировалось третьей опрошенных, этот показатель не превышает $1/5 - 1/4$ ⁵⁴.

Критическое отношение людей к разворачивающемуся в стране демократическому процессу нередко объясняют формированием новой государственности в ЧР «сверху», а не классическим «снизу вверх» способом, как в довоенной Чехословакии. Можно говорить о неразвитости здесь функционирующего гражданского общества. После смены строя жители стран региона легко отказались от возможности активно влиять на политику, в духе пассивности, характерной для прежнего режима, они ушли в сферу своих частных интересов. Для посткоммунистических граждан в целом свобода буквально означала «свободу от политики», а не «свободу участвовать в политике». «Чешский человек» отличается традиционной склонностью оставаться в стороне, в кругу своих родных и близких, «заниматься своим делом» («мы все не можем быть диссидентами»), «самому о себе заботиться», «быть как все», «сильно не рисковать», «не выходить за рамки», что ведет к низкой общественной активности и явлению «гражданской лености»⁵⁵.

Более половины граждан страны считает, что ни одна из партий не представляет его интересы и взгляды⁵⁶. Стабильно

лишь очень небольшая часть людей – каждый пятидесятый – идентифицируется с политическими партиями и демонстрирует это членством в данной партии. Вступать в партию, по мнению чехов, хотят либо наивные люди, желающие изменить мир, либо карьеристы, стремящиеся к материальной выгоде. Хотя требования к рядовым членам партии постоянно снижаются (за исключением КПЧМ, они не обязаны активно претворять программу партии; членские взносы, тоже, кроме КПЧМ, вносятся раз в год), членская основа парламентских политических партий в ЧР постоянно сужается. Специалисты считают, что потенциал членства в партиях в настоящее время исчерпан⁵⁷.

Чешские профсоюзы утратили массовое доверие за тесное сотрудничество с компартией при прежнем режиме, когда членство в них было практически обязательным. В 1990-е гг. произошел драматический спад участия граждан в профсоюзах, которые не смогли эффективно защитить интересы трудящихся, серьезно пострадавших в ходе посткоммунистической трансформации. По данным ЦИОМ, к 2003 г. членство в профсоюзах сократилось среди занятых на 62%⁵⁸. Граждане страны относятся достаточно скептически к возможностям влияния на политику местных органов власти. Среди видов общественной деятельности наибольшей популярностью в ЧР пользуются спортивные объединения (участвует около трети опрошенных) и культурные организации по интересам (около четверти). Люди включаются, как правило, в работу организаций свободного времени, остальные виды активности распространены гораздо меньше⁵⁹.

Условия независимого существования общественных движений и организованного гражданского общества в Чехии были созданы только после падения коммунистического режима, при котором коллективные акции, за исключением польского движения «Солидарность», не становились в странах региона массовым феноменом. Однако протестная деятельность не ассоциировалась в массовом сознании со стандартным демократическим режимом, основанным, по существующему мнению, только на регулярных выборах. При большом количестве форм протестного поведения в современной Чехии наблюдается систематический упадок

практического опыта и желания граждан в них участвовать. Уменьшается и доля людей с опытом участия в демонстрациях, носивших наиболее массовый и политический характер осенью 1989 г. К концу 2000-х гг., согласно опросным данным, значительно сократилась доля тех, у кого есть прямой опыт подписания петиций, хотя в этот период появилась возможность сбора подписей через Интернет. Чаще всего практикуют подписание петиций высокообразованные: в 2008 г. 49% их когда-либо участвовало в этой деятельности, что гораздо меньше по сравнению с 1999 г. (74%). Респонденты с высшим образованием – наиболее удовлетворенные развитием государственности – проявляют почти вдвое большее, чем все население, стремление участвовать в разрешенных демонстрациях⁶⁰. Это означает, что неудовлетворенность непосредственно не связана с протестным поведением, которое служит, скорее, выражением потребности улучшения собственного положения. Изменились приоритетные темы самого политического дискурса: из него ушла характерная для начала 1990-х гг. задача «защиты демократии».

Тем не менее, чехи участвуют в политической деятельности существенно больше населения остальных посткоммунистических стран, в которых апатичные граждане преобладают над активными, и наблюдается еще более низкий уровень участия⁶¹. Любопытно, современную Чехию объединяет с Венгрией и Польшей склонность к политическому участию – прежде всего его манифестационным (участие в демонстрациях и протестах) и пассивным (подписание петиций, бойкот товаров) формам – главным образом, людей с правыми, а не левыми, как в Западной Европе, взглядами⁶².

Организации гражданского общества в ЧР в итоге так и не стали партнером государства при формулировании и осуществлении конкретной политики⁶³. В некоторых отношениях в стране наблюдалось замедление развития демократической государственности, и преодоление проблем продолжается дольше, чем казалось в конце 1990-х гг. Речь идет, прежде всего, о социально-политической интеграции общества, его сплоченности, одним из критериев которого и является уровень политического участия, т.е. организация людей с целью влияния на процесс принятия решений «снизу». Недостаток опыта добро-

вольного участия, как и в других посткоммунистических странах, сочетается с фрустрацией от участия обязательного⁶⁴. Но не сложилось и достаточно эффективной системы представительства общественных интересов. Самым большим изъяном качества демократии в Чехии и странах региона считается возрастающий разрыв между политическими партиями, политическим представительством как таковым и гражданами. Слабая связь между демократическими институтами и обществом является потенциальной угрозой легитимности новой государственности, возникшей в результате «бархатных» революций.

Чешскую Республику, граждане которой являются наследниками традиций развитых политических систем предшествующих исторических эпох, относят ныне к числу «стандартных консолидированных демократий». И в 1968 г., и в 1989 г., и в последующем демократические и социально-ориентированные идеалы чешского общества служили основой массовой оценки сменяющихся политических режимов, что подтверждает возможность автономии политических воззрений людей от типа государственности, т.е. относительной независимости ее ценностного и институционального аспектов. Сохраняет свою историческую специфику и характер гражданственности жителей страны. Еще в период социализма «другое общество» имело в Венгрии, скорее, экономический характер, в Польше – политический, а в Чехословакии реализовалось на уровне неформальных – семейных, трудовых и дружеских малых групп через перемены в культуре повседневной жизни⁶⁵. На фоне существующей сейчас низкой политизации населения ЧР традиционные сети друзей и знакомых по-прежнему имеют определяющее значение в жизни чехов, нередко служа альтернативой привычно понимаемому гражданскому обществу. События последних лет вновь ярко демонстрируют склонность чешского общества к «неполитической» и «антиполитической» политике как стратегии национального поведения в кризисных ситуациях.

Несмотря на огромные институциональные сдвиги последних 25 лет, в понимании новой государственности в чешском обществе по-прежнему нет четкой определенности, и наряду с ее «официальной» версией существуют настроения массового скептицизма и индифферентности. Причем, неоднознач-

ный современный баланс оценок чешскими гражданами событий 1989 г. и последующей общественной трансформации несколько различен. Если «бархатную» революцию считает в наши дни оправдавшей себя 2/3 жителей ЧР (в 1999 г. было немногим больше половины), а треть придерживается противоположного мнения, то в отношении последующего процесса системных преобразований взгляды населения распределяются примерно поровну – по трети чехов высказывается в пользу их позитивного, негативного и нейтрального эффектов для общества⁶⁶.

Вывод о поразительной стабильности базовых политических взглядов чехов периодов коммунистического режима с его централистской системой государственности и многопартийной либеральной государственности, свидетельствует о возможности существования «демократов без демократии». Кроме того, подобная стабильность ставит под сомнение представление о строгой дихотомизации современного исторического процесса на время до и после 1989 г., во всяком случае, с точки зрения динамики гражданственности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ České veřejné mínění: výzkum a teoretické souvislosti. Praha, 2006. S. 125.

² Machonin P. Československá společnost: sociologická analýza sociální stratifikace. Bratislava, 1969. S. 15.

³ Machonin P. Sociální struktura Československa v předvečer Pražského jara 1968. Praha, 1992.

⁴ Lyons P. Mass and elite attitudes during the Prague Spring era: importance and legacy. Praha, 2009. S. 198, 212.

⁵ Lyons P. Adjectives of democracy: citizenship and political attitudes under socialist and liberal democracy in the Czech Republic. Praha, 2013. P. 135.

⁶ Ibid. P. 131.

⁷ Ibid. P. 196.

⁸ См. напр.: Piekalkiewicz J.A. Public opinion polling in Czechoslovakia, 1968–1969: results and analysis of surveys conducted during the Dubček era. New York, 1972; Skilling H.G. Czechoslovakia's interrupted revolution. Princeton, 1976.

⁹ Lyons P. Mass and elite attitudes during the Prague spring era... P. 238, 251.

¹⁰ Tuček M. Významné osobnosti, období a události české historie – říjen 2013. Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 22.11.2013.

¹¹ Strmska Z. Výsledky nezávislého průzkumu současného smýšlení v Československu // Svědectví. 1986. № 78. S. 283.

¹² Ibid. S. 293.

¹³ Ibid. S. 323.

¹⁴ Vaněk M. Veřejné mínění o socialismu před 17. Listopadem 1989. Praha, 1994. S. 57.

¹⁵ Connor W.D., Gitelman Z.Y. Public opinion in European socialist systems. New York, 1977. P. 179.

¹⁶ Vaněk M. Op. cit. S. 56.

¹⁷ Kapitoly z dějin české demokracie po roce 1989. Praha, 2008. S. 139, 156.

¹⁸ Kopeček L. Éra nevinosti. Česká politika 1989–1997. Praha, 2010. S. 60.

¹⁹ Tuček M. Významné osobnosti, období a události české historie – říjen 2013...

²⁰ Lyons P., Bernardyová A. Satisfied, skeptical or simply indifferent? Current public opinion toward the fall of communism in the Czech Republic // Europe–Asia studies. 2010. № 9.

²¹ Kunštát D. Pluralita paměti a komunistická minulost: česká veřejnost a její reflexe roku 1989 a polistopadového vývoje // Naše společnost. 2010. № 1.

²² Zpráva o vývoji české společnosti 1989–1998. Praha, 1998. S. 267.

²³ Kopeček L. Op. cit. S. 217.

²⁴ Tuček M. a kol. Dynamika české společnosti a osudy lidí na přelomu tisíciletí. Praha, 2003. S. 156.

²⁵ Vlachová K., Matějů P. Krystalizace politických postojů a politického spektra v České republice // Sociologický časopis. 1998. Vol. 34. № 2. S. 153.

²⁶ Kalinová L. Konec nadějí a nova očekávání: k dějinám české společnosti 1969–1993. Praha, 2012. S. 364–366.

²⁷ Vlachová K., Matějů P. Op. cit. S. 149.

²⁸ Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008: slovenská a česká spoločnosť. Pramenno–analytická publikácia. Bratislava, 2009. S. 124.

²⁹ Kubů E. Obraz české transformace v zrcadle sociologického výzkumu // Historická sociologie. 2011. № 1. S. 60.

³⁰ Zpráva o vývoji české společnosti 1989–1998... S. 256.

³¹ Červenka J. Jsme ze zvyku sociálněekonomickými pesimisty? // Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010. S. 56.

³² Hartl J., Huk J., Haberlová V. Česká společnost 1998. Praha, 1999. S. 52.

³³ Czech elites and general public: leadership, cohesion and democracy. Praha, 2010. P. 45.

³⁴ Krize, nebo konec kapitalismu? Praha, 2012. S. 260.

³⁵ Hartl J., Huk J., Haberlová V. Op. cit. S. 51.

³⁶ Mansfeldová Z. The Czech Republic: critical democrats and the persistence of democratic values // Democracy and political culture in Eastern Europe. London, 2006. P. 115.

³⁷ Kudy kam – Deset let po listopadu 1989 v průzkumech STEM. Praha, 2000.

³⁸ Volby a voliči 2010. Praha, 2012. S. 74.

³⁹ Smith M. L., Matěů P. Restratifikace české politiky: vývoj třídně podmíněného volebního chování v České republice v letech 1992–2010 // Sociologický časopis/Czech Sociological Review. 2011. Vol. 47. № 1.

⁴⁰ Linek L. Rostoucí sociální nerovnosti ve volební účasti v Česku v letech 1990–2010 // Naše společnost. 2013. № 1.

⁴¹ Linek L. Zrazení snu? Struktura a dynamika postojů k politickému režimu a jeho institucím a jejich důsledky. Praha, 2010. S. 10.

⁴² Sedláčková M. Důvěra a demokracie. Praha, 2012. S. 202.

⁴³ Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008... S. 128.

⁴⁴ Linek L. Zrazení snu?... S. 65–66.

⁴⁵ Ibid. S. 138.

⁴⁶ Čadová N. Mínění o motivech vstupu do politiky a o zájmu politiků o názory obyčejných lidí – únor 2014. Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 07.03.2014.

⁴⁷ Volby a voliči 2010... S. 226.

⁴⁸ Krize, nebo konec kapitalismu?... S. 259; Historické vědomí obyvatel České republiky perspektivou sociologického výzkumu. Praha, 2013. S. 136.

⁴⁹ Historické vědomí obyvatel České republiky... S. 156.

⁵⁰ Krize, nebo konec kapitalismu?... S. 251.

⁵¹ Czech elites and general public... P. 160–161.

⁵² Ibid. P. 56.

⁵³ Možný I. Proč tak snadno... Některé důvody sametové revoluce. Praha, 1999.

⁵⁴ Crisis situations in the Czecho–Slovak context after 1989. Praha, 2011. S. 71.

⁵⁵ Crisis situations... S. 69; Tuček M. a kol. Dynamika české společnosti... S. 384. См. также: Коровицына Н.В. Самая «бархатная» революция: «чешский человек» на фоне общественных перемен // Славяноведение. 2000. № 3; Holý L. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Praha, 2001.

⁵⁶ Linek L. Dimenze antistranických postojů české veřejnosti // Naše společnost. 2003. № 3–4.

⁵⁷ Participace a zájmové organizace v České republice. Praha, 2005. S. 75.

⁵⁸ Ibid. S. 141.

⁵⁹ Čermák D., Vobecká J. Spolupráce, partnerství a participace v místní veřejné správě: význam, praxe, příslib. Praha, 2011. S. 101.

⁶⁰ Výskum európskych hodnôt 1991–1999–2008... S. 138.

⁶¹ Lebeda T., Vlachová K. Jsou Češi politicky aktivní? // Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... S. 294–295.

⁶² Ibid. S. 299.

⁶³ Mansfeldová Z., Rakušanová Guasti P. Kvalita demokracie v České republice // Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... S. 323.

⁶⁴ Čermák D., Vobecká J. Op. cit. S. 162.

⁶⁵ Možný I. Op. cit.; Machonin P. Poměny sociálních nerovností v postsocialistické transformaci středoevropského typu a jejich možné teoretické implikace // Současná česká společnost. Praha, 2002. S. 17.

⁶⁶ Červenka J. Hodnocení změny system v roce 1989 v středoevropském srovnání – zima 2014. Tisková zpráva CVVM. Pr.: Sociologický ústav AV ČR. 18.03.2014.

РАЗДЕЛ 3

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТОВ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

БОЛГАРИЯ

И. Баева (Болгария)

Политическая альтернатива в Болгарии в 1980-е годы

Программные документы диссидентского движения, разрабатывавшиеся накануне краха системы в конце 1980-х гг., показывают, что в болгарском обществе начали вырабатываться основные принципы, которые стали ведущими при построении демократической политической системы в 1990-е гг. Но документы болгарских инакомыслящих значительно умереннее и более склонны к компромиссам с правящей компартией, чем диссидентские документы социалистических стран Центральной Европы. Отсутствие эффективной альтернативной общественной программы стало одной из причин более медленных темпов демократических преобразований в Болгарии по сравнению с реформами в ряде других стран «восточного блока».

Ключевые слова: Болгария, диссидентство, Болгарская компартия, Тодор Живков, Желю Желев, Русенский комитет, Клуб в поддержку гласности и перестройки, Союз демократических сил.

Спустя два десятилетия после начала трансформации в Восточной Европе страны созданного вокруг Советского Союза «восточного блока» могут показаться вновь объединившимися, поскольку большинство из них, как и некоторые бывшие советские республики, уже являются частью Европейского Союза. Однако ощущение возврата к послевоенному единству не вполне верно – эти страны чувствуют себя едиными по геополитическим причинам, но различия в их экономическом развитии и уровне жизни очень велики, в некоторых случаях они даже больше, чем во время их вхождения в «восточный блок»¹.

Представляется, что причины успехов и неудач преобразований, осуществленных в течение переходного периода, следует искать, помимо исторического наследия и стремления общества к переменам, также и в готовности новых политических сил к реформам. Речь идет о том, насколько новые политики демократической волны осознавали, как и что должно быть сделано для осуществления уникального перехода от государственного социализма советского типа к политическому плюрализму и рыночной экономике.

Для Болгарии, которая на протяжении почти всей эпохи социализма (особенно при правлении Тодора Живкова в 1956–1989 гг.) сознательно занимала позицию самого преданного советского сателлита, создание общественной альтернативы в 1980-е гг. выглядит особенно важным. Это так, поскольку в послевоенном болгарском обществе отсутствовала видимая и активно выраженная альтернативная позиция, хотя и имели место спорадические проявления пассивного недовольства. Если говорить о противопоставлении властям, то оно относится к начальному этапу – второй половине 1940-х и первой половине 1950-х гг.² В период же государственного социализма советского типа противостояние имело место внутри правящей Болгарской коммунистической партии. Организованные группы несогласных с официальным курсом и с руководством Тодора Живкова существовали с 1960-х гг., но они являлись скорее результатом раскола в международном коммунистическом движении после конфликта Советского Союза с Китаем и носили промаоистский характер. Речь идет о попытке переворота, организованного одним из известных партизанских лидеров Иваном Тодоровым-Горуней в конце 1964 г. – начале 1965 г.³

Определенный интерес для темы об альтернативных социально-экономических программах представляет относящаяся к началу 1960-х гг. инициатива семи членов БКП, известных как «группа Куфарджиева». 1 июня 1960 г. группа направила письмо в ЦК БКП, в котором проводила критический экономический и политический анализ болгарского общества и определяла существующую систему как «бюрократический государственный социализм». Члены группы констатировали, что «высшая государственная и партийная бюрократия неиз-

бежно становится фактически единственным и полномочным распорядителем всех средств производства, фактически их реальным собственником», что приводит к экономической неэффективности⁴. Политэкономический анализ заканчивался призывом к отстранению Т. Живкова, что дало руководству БКП основание поставить Куфарджиева в ряд своих политических противников. Группу обвинили в попытке навязать стране югославскую модель рабочего самоуправления, а ее члены были исключены из БКП, лишены своих постов и интернированы вместе с семьями⁵. Этой попыткой изменить систему с марксистских позиций заканчивается идейное брожение в годы утверждения единоличной власти Т. Живкова.

Несогласие с существующей системой сохранялось среди интеллигенции, которая для выражения своего инакомыслия использовала эзопов язык, но на протяжении целой четверти века до организованного диссидентского движения дело не дошло⁶. Необходимость задуматься о переменах родилась лишь после импульса, полученного из самого важного для Болгарии внешнего центра – Москвы. В отличие от других социалистических стран, где организованное диссидентское движение возникло еще в 1960-х – 1970-х гг., в Болгарии общество оставалось спокойным. Об этом свидетельствует и классификация стран Восточной Европы с учетом их кризисного состояния в 1980-е гг., составленная Збигневом Бжезинским. По мнению Бжезинского, Болгария вообще не испытывала кризиса⁷. Только после того, как начались реформы советского лидера М.С. Горбачева, пришло в движение и болгарское общество.

Позднее появление болгарского диссидентства демонстрирует одну из главных особенностей страны – на протесты вдохновляет не борьба интеллигенции других социалистических стран (польские КОС/КОР – Комитет защиты рабочих / Комитет социальной защиты, Независимый профсоюз «Солидарность», чехословацкая Хартия 77 или венгерские интеллектуалы), но прежде всего идеи и послания советских диссидентов. Дискуссии в Болгарии вызывают творчество и отношение к Александру Солженицыну⁸, а не позиции Яна Паточки, Вацлава Гавела, Дьердя Конрада, Ивана Селеньи, Миклоша Харашти, Лешека Колаковского, Адама Михника или кого-либо другого из числа восточноевропейских диссидентов.

Изменившаяся общественная атмосфера в Советском Союзе, особенно после январского пленума ЦК КПСС 1987 г. и объявленной «гласности», побуждает к протестным действиям и болгарскую интеллигенцию. Но даже и тогда поводом для них становятся не политические действия властей, а страх за здоровье людей после аварии на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г., последствия которой болгарское руководство безуспешно пыталось скрыть от населения, а также периодические загрязнения в 1987 г. придунайского города Русе парами хлора, выбрасываемыми химическим комбинатом румынского Джурджу, расположенного на другом берегу реки. Проблемы со здоровьем жителей Русе, особенно детей, заставили некоторых матерей выйти на демонстрацию в знак протеста против бездействия болгарских властей. Это стало поводом для создания первой национальной диссидентской организации – Общественного комитета по экологической защите города Русе.

8 марта 1988 г. в софийском Доме кино состоялась премьера документального фильма режиссера Юрия Жирова «Дыши!», посвященного загрязнению воздуха Русе хлорными выбросами. Именно это событие использовалось для того, чтобы публично учредить Общественный комитет по экологической защите города Русе (сокращенно Русенский комитет)⁹. Были оглашены программные документы Комитета: Призыв к экологической защите Русе, Устав и состав Правления. Их можно проанализировать с точки зрения того, в какой мере они представляли альтернативу существующей системе.

В документах Русенского комитета обращает на себя внимание попытка протестующих приспособиться к действующему законодательству. Устав организации составлен так, что властям с трудом удалось отыскать текст, который позволил бы не регистрировать Комитет в качестве некоммерческой организации; в конце концов, такой нашелся в пункте 9, где говорилось о коллективном членстве трудовых коллективов¹⁰. В Призыве отражены следующие требования болгарских диссидентов: «демонтировать химические заводы близ Джурджу», «призвать народы стран-членов СЭВ к содействию в обеспечении качества жизненной среды, жизни и здоровья населения в Русе и Джурджу». Для выполнения этих требований предлагалось «обратиться за помощью к компетентным международ-

ным органам для проведения объективной оценки экологической ситуации в районе Русе и Джурджу и принятия мер для радикального решения вопроса» при достижении «органичного единства общественной инициативы и государственной заботы»¹¹. Эти тексты из программных документов Русенского комитета демонстрируют большую дозу идеализма и отсутствие практических политических навыков, что легко объясняется интеллектуальным характером первой диссидентской организации.

И еще один момент. Архивные документы, открытые в годы трансформации, показывают, что одной из главных проблем в обществе того времени было отсутствие достоверной информации и огромное недоверие в отношении «власть – общество». Это видно из сравнения требований общественной экологической инициативы в лице Русенского комитета и действий властей касательно той же проблемы. Еще в мае 1987 г. в официальном послании Тодора Живкова к Николае Чаушеску поднималась проблема загрязнения воздуха. В нем выражена «озабоченность» «участившимися случаями загрязнения воздуха в городе Русе и окрестностях хлором и его производными»¹². Однако проводившиеся в течение двух месяцев переговоры не дали результатов, о чем свидетельствует резкий тон очередного письма Живкова: «Продолжающееся ухудшение экологической обстановки в регионе вызывает сомнение, что принятые нами решения будут выполнены, а это не может не отразиться на нашем личном престиже. Я опасюсь, что нерешенность этого наболевшего вопроса непосредственно влияет на дружеские чувства местного населения к Румынии и к братскому румынскому народу, создает определенные настроения среди партийных и хозяйственных кадров в НРБ, а это может создать трудности для будущего развития болгаро-румынских отношений»¹³. Из этого видно, что болгарские власти не бездействуют, но подходят к вопросу с классическим для существующей системы патернализмом, пытаясь решить его втайне от общества.

После обнаружения своих программных документов Русенский комитет не мог проводить какую-либо реальную работу, но его значение можно считать историческим, поскольку он продемонстрировал возможность направить недовольство

в диссидентское русло. Русенский комитет дал стимул как уже созданным группам протеста, так и новым организациям открыто объявить о своем желании выступить против существующей системы и о необходимости замены ее новой.

С реальным политическим вызовом власти столкнулись осенью 1988 г., когда была создана первая сугубо политическая диссидентская организация – Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии. Это произошло 3 ноября 1988 г. в одном из самых больших залов (65 аудитория) Софийского университета. Университет, который в 1988 г. праздновал свой вековой юбилей, уже утвердился как центр инакомыслия. Осенью 1987 г. во время университетской партийной конференции жестко критиковалось руководство БКП. В результате четыре преподавателя были исключены из коммунистической партии и уволены из университета¹⁴. Но санкции вызвали не только страх, но и протесты со стороны преподавателей и студентов¹⁵. Беспокойный дух университета стал причиной того, что диссиденты выбрали именно его для создания Клуба. При его учреждении профессор Иван Николов огласил Программную декларацию, назвал инициаторов и зачитал список из 81 учредителя¹⁶. Все инициаторы многие годы состояли в коммунистической партии, а некоторые были даже «активными борцами против фашизма»¹⁷: поэт Христо Радевски, кинорежиссер Дучо Мундров, философ Кирилл Василев, химик Алексей Шелудько, сатирик Радой Ралин. Среди учредителей были интеллектуалы, уже зарекомендовавшие себя противниками режима – Блага Димитрова, Желю Желев и другие. В руководстве преобладали члены БКП, но имелись и беспартийные.

Программа Декларация клуба была весьма амбициозной, так как претендовала на то, чтобы обрисовать основные общественные проблемы, и обещала поиски их решения. Для работы Клуб создал 6 секций: 1. По обсуждению экономической ситуации и мер по ее улучшению; 2. По соблюдению прав человека и гражданских свобод; 3. По демографическим проблемам; 4. По экологическим проблемам 5. По проблемам болгарской культуры; 6. По нерешенным проблемам болгарской истории¹⁸. Новая организация уже не пряталась за той или иной неполитической проблемой, а открыто говорила, что для общества пришло время включиться в обсуждение всех

важных для Болгарии вопросов¹⁹. Но основатели Клуба, желая застраховаться от политических преследований, заявили, что организация «будет работать исключительно на основе Конституции НРБ и в ее рамках, на базе действующего в стране законодательства и при полной поддержке решений июльского (1987 г.) пленума ЦК БКП, решительно борясь за их практическое осуществление»²⁰. Упоминание о реформаторской программе БКП, объявленной на Июльском пленуме, отвечало названию и намерениям Клуба – он не против социализма, а за его возрождение путем реформаторских действий «сверху», полностью в духе советской «перестройки». Клуб сознательно стал действовать открыто, чтобы продемонстрировать пример политического плюрализма, обещанного БКП в 1987 г.

Эти тактические положения в Программной декларации показывают, что диссиденты извлекли урок из неудачи Русенского комитета. Они записали, что Клуб не будет добиваться юридического признания, что он самостоятелен и независим и «не может быть закрыт или расформирован никакой официальной институцией». Цели деятельности Клуба излагались следующим образом: «его работа сделает процессы перестройки, гласности и демократии в нашем обществе более интенсивными и объединит усилия широких слоев интеллигенции и общества в целом для доведения этого процесса [перестройки] до успешного конца. Поскольку расширение гласности, перестройки и демократии должно сегодня волновать не только всякого честного интеллигента, но и каждого человека, которого беспокоит судьба страны, в которой он живет»²¹. Однако эти цели характеризуют Клуба не как альтернативу социалистическому строю, а, скорее, как альтернативу реформаторской кампании Живкова. Тактика оказалась правильной, так как в болгарском обществе в 1988–1989 гг. не было заметных общественных групп, готовых поставить под сомнение социализм как систему, но имелось значительное недовольство более чем 30-летним правлением Т. Живкова.

Означает ли умеренность Программной декларации Клуба в поддержку гласности и перестройки, что его нельзя рассматривать в качестве альтернативной организации? Мой ответ: Клуб – это первая действительно альтернативная власти организация, поскольку он ставил перед собой широкие цели бо-

лее чем в одной области (другие диссидентские организации действовали только в одной сфере: экология, права человека, религия, профсоюзы). В сущности, шесть вышеназванных дискуссионных тем охватывают наиболее важные для Болгарии проблемы, к решению которых стремилась и Июльская концепция БКП: экономика, права человека, демография, экология, культура и история. Включение истории в задачи Клуба подчеркивает и другую особенность этой диссидентской организации. Именно пересмотр ключевых моментов в истории Болгарии дистанцировал Клуб от болгарских властей и приближал его к происходившему в СССР, где изучение «белых пятен» в истории стало одним из основных характеристик «перестройки». Иными словами, основатели Клуба понимали, что политическое долголетие Т. Живкова имеет опору в Советском Союзе, и атаковали его именно здесь, показывая, что это они, а не он, следуют советскому примеру.

Руководство БКП также почувствовало опасность и пыталось любыми средствами уничтожить Клуб²². Это оказалось трудно, поскольку Клуб существовал благодаря распространению информации о нем, которая выходила из-под контроля властей, так как распространялась западными радиостанциями – Би Би Си, Радио «Свободная Европа», «Немецкая волна». К создателям Клуба нельзя было применить санкции и традиционным способом, поскольку они действовали в рамках Июльской концепции: о каждой попытке ареста и допроса немедленно сообщалось по телефону в западные СМИ, а властям следовало соблюдать обязательства, содержащиеся в Заключительном акте Хельсинкского соглашения.

Центральная роль Клуба в диссидентском движении подтвердилась и его дальнейшей деятельностью. В отличие от Русенского комитета, Клуб продолжал работать, несмотря на конфронтацию с властью. Он готовил документы – декларации, информации, и реагировал на все, что происходило в зарождавшейся оппозиции: поддержал голодовку протеста поэта Петра Манолова, объявленную в связи с изъятием полицией его литературного архива, выступил в защиту болгарских ту-рок, подвергшихся «возродительному процессу»²³, опротестовывал все действия органов госбезопасности против диссидентских организаций. Более того, в 1989 г., когда в Болгарии

расширилось диссидентское движение, Клуб в поддержку гласности и перестройки стремился стать объединяющим центром всех других организаций, противостоявших правительству. 9 мая 1989 г. Клуб внес в Народное Собрание «Декларацию об основных принципах гласности и перестройки в НРБ». Ее подписал 131 человек, преимущественно представители интеллигенции, и она показала идейное развитие диссидентов. Декларация требовала превращения Болгарии в правовое государство, но не по благоволению власти, а при участии «всех болгарских граждан» (пункт 3), обеспечения свободы слова, хотя и без «призывов к террору и насилию» (пункт 4), безусловной защиты культурных ценностей (пункт 9), права на самоорганизацию без санкций правительства (пункт 11), соблюдения прав человека (путем выполнения Болгарией своих международных обязательств), защиты «меньшинств» и религии (пункты 15 и 16). Самым главным в противопоставлении власти стало требование принять «закон о меньшинствах», который обеспечил бы им «политическое, экономическое и юридическое равноправие» с болгарским большинством²⁴. Это определяло правозащитный профиль болгарского диссидентства.

Идея наиболее последовательного болгарского диссидента Ж. Желева, остававшегося в тени, но являвшегося главным инициатором создания диссидентского движения²⁵, заключалась в том, чтобы Клуб стал «зонтиком для других»²⁶. Он обсудил ее сначала с Любомиром Собаджиевым, который представлял Комитет 273 (выступавший за отмену политических статей Уголовного кодекса), а также с другими диссидентами на проведенном в сентябре общем собрании²⁷. Клуб был единственным, кого заботило состояние диссидентского движения в целом, поэтому именно он разработал и распространил 15 марта 1989 г. специальную «Декларацию об отношении к другим неформальным объединениям в стране». В ней он заявил, что «... морально поддерживал и будет поддерживать все неформальные объединения, преследующие легальные цели легальными средствами»²⁸. Желание Клуба стать координирующим центром выглядело естественным, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, в его состав входили известные и популярные личности из числа интеллигенции, которые воспринимались как «совесть нации», во-вторых, его документы были разрабо-

таны таким образом, что не противоречили реформаторской кампании компартии. Они так часто ссылались на Конституцию и партийные документы, что начинали выглядеть приемлемыми даже для Шестого отдела госбезопасности²⁹.

Наибольшую важность для болгарского общества представляли не столько документы Клуба, сколько сам факт его существования, создававшего атмосферу большей свободы, особенно для интеллигенции. Клуб показал, что можно открыто критиковать правительство, и при этом реакцией будет лишь очернительская кампания в СМИ, к тому же с обратным эффектом. Клуб подготовил общественную почву для оппозиции Живкову, который уже персонально назывался главным препятствием на пути демократизации страны.

Для полноты картины взглядов болгарских диссидентов необходимо рассмотреть документы и других групп. Формально первая, хотя малочисленная и провинциальная, диссидентская организация в Болгарии была создана в начале 1988 г. Тогда несколько человек в маленьком городке Септември создали «Независимое общество по защите прав человека в Болгарии». Его возглавил Илия Минев, который во время Второй мировой войны был членом националистической и пронацистской организации Союз болгарских национальных легионов, а после войны сидел в тюрьме. Независимое Общество подготовило «Воззвание в защиту прав человека в Болгарии», но оставалось на периферии общественного внимания. Его непопулярность можно объяснить тем, что оно было создано в маленьком городке и состояло из небольшого числа малоизвестных лиц (в основном бывших политических заключенных). Подобную же судьбу имели «Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей» во главе со священником Христофором Сыбевым из г. Велико Тырново и независимый профсоюз «Подкрепа» («Поддержка») Константина Тренчева из г. Стара Загора³⁰. То, что они были созданы и действовали в провинции, уменьшало их влияние, поскольку централизованная болгарская модель подразумевала ведущую роль столицы Софии, где проживало около 15% населения. Программные документы этих организаций были обнародованы лишь в начале 1989 г.

25 января 1989 г. радиостанция «Свободная Европа» передала программу Независимого общества по защите прав че-

ловека в Болгарии. Она существенно отличалась от первых документов Клуба отсутствием каких бы то ни было реверансов в сторону властей. Целями организации назывались: «мирное приведение страны к естественному демократическому, политическому и профсоюзному плюрализму», «частнособственническое отношение к земле, средствам производства», «очищение государственного и общественного аппарата и средств массовой информации от проводников несостоятельных имперских иностранных влияний», «тщательное и доброжелательное изучение [деятельности] нынешних и будущих государственных служащих, а также их поведения во время антинародных и антидемократичных периодов после Второй мировой войны, отмеченных стагнацией и застоєм» и т.п.³¹. Эти положения демонстрируют вторую тенденцию в болгарском диссидентском движении: открытое противопоставление существующей системе – политической, экономической, внешнеполитической. В целях некоторого смягчения полного отрицания системы авторы программы Илия Минев и Петр Манолов включили в нее идею о мирной трансформации, но в сочетании с проверкой всех государственных служащих (за годы переходного периода она эволюирует до требования о люстрации). Программа Независимого общества является наиболее революционной, но в то же время она оказывала минимальное влияние на процессы, происходившие в Болгарии в 1989 г. Причина этого заключалась не только в провинциальности и маргинальности организации, но и в господствовавших на том этапе общественных настроениях, весьма далеких от желания ликвидировать систему государственного социализма советского типа, что продемонстрируют начало переходного периода и результаты первых свободных и демократических выборов в июне 1990 г.³².

Документы Независимого профсоюза «Подкрепа» (в названии использовалась модель польской «Солидарности») были обнародованы 16 февраля 1989 г. также по радио «Свободная Европа» К. Тренчевым. В его целях на первое место поставлены «защита и оказание помощи лицам, работающим в научной, гуманитарной и культурной сферах», что демонстрирует ограниченный интеллигентский характер организации, стремившейся оказывать «содействие демократическим пре-

образованиям в целях развития гражданского и профессионального сознания своих членов в рамках демократических принципов». «Подкрепа» пыталась иносказательно противостоять системе, объявив, что участие в ней несовместимо «с сотрудничеством или членством в группах и организациях, практикующих или пропагандирующих социальную, профессиональную и религиозную нетерпимость»³³. Таким завуалированным образом Независимый профсоюз отвергал сотрудничество со всеми официальными организациями, строившимися на основе коммунистической идеологии и практики. Однако обе особенности «Подкрепы» – ограничение деятельности только среди интеллигенции, а также скрытый антикоммунизм не позволили профсоюзу перерасти в массовую организацию.

«Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей» был создан 9 марта 1989 г., а его программные документы оглашены по радио «Свободная Европа» 17 марта 1989 г. Задачи Комитета строго религиозны: «свободное религиозное обучение молодежи и учащихся», «свободная религиозная информация», «свободная благотворительная деятельность вероисповеданий». Для достижения этих целей предлагалось введение факультативного обучения основам религии в школах, открытие воскресных курсов религиозного обучения при храмах, создание религиозных молодежных организаций, развитие религиозной пропаганды и т.д.³⁴. Эти предложения были обращены к относительно узкой социальной группе, так как церковь в Болгарии играла преимущественно политическую роль. Это достигло пика в связи с провозглашением Экзархата в 1870 г. в эпоху Возрождения, а также в связи со спасением болгарских евреев в 1943 г. Однако церковь не играла в Болгарии такой духовной роли, как, скажем православие в России, Греции, Сербии или Румынии. Поэтому Комитет иеромонаха Христофора Сыбева, который являлся физиком-атомщиком и обратился к религии во время стажировки в Советском Союзе, не смог ни в 1989 г., ни в переходный период стать важным фактором преобразований.

Русенский комитет дал толчок развитию экологических организаций в Болгарии. В начале 1989 г. один из активистов-экологов – актер Петр Слабаков подготовил программные

документы новой организации, на этот раз оформленной как «объединение» под названием «Экогласность». 11 апреля 1989 г. было учреждено Независимое объединение «Экогласность» с председателем П. Слабаковым и секретарем, киносценаристом Г. Аврамовым. Документы и состав этой организации свидетельствовали о том, что она является продолжением Русенского комитета, но уже не имеет представительного характера. В Программной декларации «Экогласности» при помощи образных художественных средств обрисовывалась угроза «экологического апокалипсиса», а программные требования были направлены в первую очередь на получение информации о «загрязненности воздуха, воды и почвы по соответствующим параметрам и регионам», «о каждом международном шаге, сделанном НРБ в области атомной энергетики», «о местах захоронений радиоактивных отходов», «о структуре заболеваний, вызванных загрязнением окружающей среды». Требовалось также участие в разработке «программы технологического обновления экономики с учетом обеспечения ее безвредными технологическими циклами» и создание «четкого и демократически ориентированного экологического законодательства». В отличие от провинциальных организаций, «Экогласность» объявила, что «готова вступить в диалог со всеми государственными и общественными институциями в том случае, если последние будут признавать движение и помогать ему»³⁵, что указывало на готовность к сотрудничеству с властями. Создание «Экогласности» знаменовало начало подлинного природоохранного («зеленого») движения в Болгарии. Она предупреждала общественность об экологически опасных производствах, главным образом, добывающей промышленности: медедобывающий комбинат между Златицей и Пирдопом, шахты Медет, свинцово-цинковый завод близ г. Пловдив, химические заводы в городах Стара Загора, Димитровград, Девня. Эти действия постепенно утвердили природозащитную деятельность в болгарском обществе, ставшую прочным элементом будущей плюралистической политической системы в годы болгарской трансформации³⁶.

Болгарскую специфику накануне переходного периода представляет турецкий вопрос, усилившийся и перешедший в новую фазу после «возродительного процесса». Самым массо-

вым нарушением прав человека в Болгарии во второй половине 1980-х гг. стало переименование более 800 тыс. болгарских турок. По этой проблеме позиции диссидентов и власти резко разграничиваются. Этническая проблематика вписывалась в одну из самых важных сфер, обсуждавшихся в ходе общеевропейского процесса, – права человека. Но «возродительный процесс» стимулировал появление нового момента в современной болгарской истории – создание политической организации болгарских турок. Первой подобной организацией стало Турецкое национально-освободительное движение в Болгарии, хотя оно представляло собой нелегальное сообщество для оказания сопротивления³⁷. Движение ставило целиком националистические задачи, хотя они и были вызваны насилием государства в отношении болгарских турок. В документах Турецкого движения содержатся призывы такого рода: «Воспитывай и учи своих детей на турецком языке! Насаждай у них чувство гордости за все турецкое! Пока земля вертится, не забывай, что все турецкое пребудет вовеки!»; «Не помогай этому государству, а вреди ему! Уменьши свой трудовой вклад! Уничтожай, разрушай и поджигай! Безжалостно мсти свирепому душману!»³⁸. Эту организацию трудно охарактеризовать как диссидентскую, но она стала основой для рождения в годы трансформации одного из наиболее стабильных политических игроков в демократической Болгарии – Движения за права и свободы (ДПС).

Программные документы диссидентского движения, разработанные накануне краха системы в конце 1980-х гг., показывают, что в болгарском обществе начали формироваться основные принципы, которые стали ведущими при построении демократической политической системы в 1990-е гг. Но документы диссидентского движения в Болгарии значительно умереннее и более склонны к компромиссам с правящей компартией, чем диссидентские документы социалистических стран Центральной Европы. Демократия в болгарских документах видится как стремление к идеальному обществу без конкретного представления о ее параметрах, возможностях и ограничениях. Отсутствием конкретной и детально разработанной альтернативы будущего демократического общества характеризуются и первые годы переходного периода, о чем свиде-

тельствуют программа и предвыборные документы родившегося диссидентского движения Союз демократических сил³⁹. Отсутствие эффективной альтернативной общественной программы в конце 1980-х гг. характерно не только для Болгарии, но и для других социалистических стран на Балканах. Это одна из причин более медленных темпов демократических преобразований в Юго-Восточной Европе по сравнению с реформами в Центральной Европе.

Перевод с болгарского Е.Л. Валеовой

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Для сравнения используются данные о минимальной и средней заработной плате членов ЕС в 2012 г. Самой бедной страной при вступлении в ЕС в 2007 г. остается Болгария с минимальной зарплатой в 138 евро и средней – 385 евро. За ней следуют Румыния – соответственно 162 и 502, Литва – 232 и 552, Латвия – 286 и 678, Эстония – 290 и 815, Венгрия – 296 и 763, Чехия – 310 и 928, Словакия – 327 и 893, Польша – 336 и 832, Словения – 763 и 1606 евро. Эти данные показывают более чем 5,5-кратную разницу в минимальной заработной плате в бывших странах Восточной Европы. Источник: Eurostat, energy.eu. // <http://profit.bg/news/Kakva-e-srednata-zaplata-u-nas-i-v-Evropa/nid-88403.html>

² Самое серьезное сопротивление властям оказывало движение «горянь» – вооруженные группы, организованные Болгарским земледельческим народным союзом им. Николы Петкова, которые объединялись на антикоммунистической основе и выступали против начавшегося кооперирования. Согласно опубликованным документам, число «горянь» достигало 2000 человек. Вооруженные группы создавались в южной части Болгарии: в Сливенской, Старозагорской, Велинградской областях и в Пиринском крае. В начале 1950-х гг. движение «горянь» вписывается в рамки «холодной войны» и получает помощь от Греции, Югославии и Франции. Подробнее о «горянях» см.: Шарланов Д. Горяните. Кой са те? София, 1999; Горяните. Т. 1 (1944–1949). София, 2001; Т. 2 (1949–1956). София, 2011.

³ Подробнее об этой попытке переворота против Т. Живкова см.: Анев Цв. Спомени и размисли на един «горуновец». 1965. София, 1996; Докторов М. В схватка с октопода. «Вторият център» в борбата против живковистите 1965–1968 година. София, 1993.

⁴ Группа Н. Куфарджиева (секретаря Национального Совета профсоюзов) включала также журналистов Веселина Дашина, Георгия Милева, руководителя кафедры политэкономии в Экономическом ин-

ституте в г. Русе Бенжамена Варона, хозяйственных деятелей Христо Проданова и Ивана Дионисиева и полковника запаса Илию Гатева. Все являлись участниками антифашистского движения Сопротивления. Письмо опубликовано в: Варон Б. Пътеки. София, 1999. С. 15–19.

⁵ Письму и последовавшим санкциям был посвящен специальный пленум ЦК БКП 3 марта 1961 г.

См.: Централен държавен архив РБ (ЦДА). Ф. 1 Б. Оп. 5. А. е. 446. Л. 2–13.

⁶ Сведения о недовольстве интеллигенции можно найти в книге: Христова Н. Специфика на българското «дисидентство». Власт и интеллигенция 1956–1989 г. София, 2005.

⁷ Бжежински Зб. Големият провал. Раждането и смъртта на комунизма през 20 век. София, 1991. С. 215.

⁸ Отношение к Солженицину вызвало противоречия и санкции в отношении писателей, выступивших против осуждающей его резолюции. См.: Христова Н. Българският скандал «Солженицин», 1970–1974. Исторически етюд с документално приложение. София, 2000.

⁹ Подробнее о создании Русенского комитета см.: Баева И. Из историята на българското дисидентство – Общественият комитет за екологична защита на Русе и властта // Известия на държавните архиви. Бр. 76. София, 2000. С. 33–53.

¹⁰ Этот текст не противоречил законодательству НРБ, но перекрывался деятельностью государственных органов, поэтому якобы не подходил для организации с некоммерческой целью. С такой мотивировкой Русенскому комитету было отказано в регистрации как юридическому лицу. См.: ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А. е. 3394а. Л. 23.

¹¹ Там же. Л. 43–45.

¹² Там же. Оп. 101. А.е. 1642. Л. 1–2.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ Профессора Никола Попов, Недялко Белев, Васил Иванов и доцент Николай Василев. Подробнее см.: Иванов В. Бунтът на професорите. София, 2002.

¹⁵ Протесты против санкций достигли руководства БКП. Секретарь Софийской партийной организации (самой большой и влиятельной) Иван Панев в марте 1988 г. жаловался: «Городской комитет партии подвергался и сейчас подвергается постоянному давлению с требованием пересмотра решения, в том числе со стороны некоторых работников ЦК, со стороны всей преподавательской группы С[офийского] У[ниверситета], такую рекомендацию мы получили и от ЦК Р[евизионной] К[омиссии], тов. Папазова». – Протокол заседания Политбюро 27 марта 1988 г. См.: ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 68. А. е. 41–88. Л. 162.

¹⁶ Документация о создании Клуба, находящаяся в Центральном государственном архиве и в Архиве министерства внутренних дел,

собрана и опубликована фондом «Д-р Желю Желев». – Шесто управление срещу неформалните организации в България 1988–1989 г. София, 1999. С. 108–121. Научную интерпретацию см.: Баева И. Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството и ролята му за началото на прехода – 1988–1989 г. // Известия на държавните архиви. Т. 87. 2004. С. 3–32.

¹⁷ Привилегированная прослойка в болгарском обществе, аналогичная «старым большевикам» в СССР. Прим. переводчика.

¹⁸ Программа Клуба опубликована в: Иванов Д. Политическото противопоставяне 1956–1989. София, 1994. С. 138.

¹⁹ Декларацию Клуба весьма высоко оценило руководство БКП. Во время встречи Йордана Йотова с членами и кандидатами в члены ЦК БКП 8 февраля 1989 г. он сказал: «Клуб выступил с декларацией, которая разработана очень хорошо, я бы сказал, компетентно, с пониманием проблемы, с политическим чутьем... В ней действительно... заявлено желание и намерение поддерживать гласность, демократизацию нашего общества, но подходы и средства, с помощью которых авторы пытаются осуществить эти мероприятия, раскрывают совсем другие цели и намерения. Эта декларация подготовлена в строгой конспирации. Ее готовили по крайней мере месяц. И никто из этих людей, хотя среди инициаторов были и члены партии, не обратился ни в один партийный орган за поддержкой, за советом, раз уж они намеревались поддерживать политику Ц[ентрального] К[омитета]». См.: ЦДА. Ф. 1 Б. Оп. 59. А. е. 189. Л. 7–8. Ясно, что речь идет о борьбе между руководством БКП и вновь сформированными организациями по вопросу о том, кто захватит инициативу по преобразованию общества и в каком направлении его поведет.

²⁰ Там же.

²¹ Цит. по: Иванова Е. Историята се завръща. Българското дисидентство 1988–1989. Ч. 1. София, 1997. С. 64.

²² И в руководстве БКП – Политбюро и Секретариате, и в Шестом управлении Госбезопасности многократно обсуждались меры по прекращению деятельности Клуба, но этого так и не удалось добиться до отстранения Живкова от власти. – См.: Шесто управление срещу... С. 72–77, 84–85, 156, 163.

²³ «Возродительным процессом» называется насильственная замена мусульманских имен болгарских турок на славянские в конце 1984 – начале 1985 г. Эти действия вызвали сопротивление и привели к гибели 19 протестовавших мусульман, но в то же время и к ответной реакции с их стороны, выразившейся в терактах. Весной 1989 г. турки начали демонстрации с требованием вернуть им имена, получив тогда поддержку со стороны болгарских диссидентов. Подробнее см.:

«Възродителният процес». Българската държава и българските турци. Съст. И. Баева и Е. Калинова. Т. I. София, 2009.

²⁴ Желю Желев первым обратил внимание своих коллег по Клубу, что «у нас все острее встает „турецкий вопрос“, который является одним из важнейших и должен решаться открыто, «в противном случае он потащит всю эту банду вниз. Чем раньше мы повернемся к нему лицом, тем больший моральный капитал и политический шанс для взаимопонимания с ними мы получим»». См.: Шесто управление срещу... С. 89–90, 201.

²⁵ Он стал национально известным благодаря своей книге «Фашизм», опубликованной в 1982 г. Причиной популярности стала скрыто проводимая идея о том, что между фашизмом и социализмом есть много общего. Поэтому, когда в 1990 г. книга была переиздана, она уже носила подзаголовок «Тоталитарное государство». Через неделю после появления в книжных магазинах книга «Фашизм» была изъята, его издатели наказаны, а книга стала популярной и читаемой. Об этом сам Ж. Желев рассказывает в предисловии ко второму изданию. См.: Желев Ж. Фашизмът (тоталитарната държава). София, 1990. С. 5–24.

²⁶ В этот термин, используемый Ж. Желевым, некоторые диссиденты вкладывали другое содержание. Д. Луджев, например, полагал, что речь идет не столько об объединяющем центре, сколько о том, что Клуб «будет их защищать от нападков властей». Это, в свою очередь, означало, что Клуб имел более хорошие отношения с болгарскими властями, чтобы защищать остальных. См.: Иванова Е. Историята се завръща. Българското дисидентство... С. 151.

²⁷ На встрече присутствовали представители «Подкрепя», Союза репрессированных, «Экогласности», Общества по защите прав человека, Комитета 273. См.: Там же. С. 151–152.

²⁸ Текст Декларации см.: Там же.

²⁹ В подготовленных Шестым управлением «Соображениях» фигурировало следующее предложение: «На этой основе следует провести и известную переоценку характеристик и выводов о сущности «Клуба», в которых еще с самого начала в силу инерции, недостаточно глубокой оценки, поспешно и несколько эмоционально он квалифицировался как определенно враждебная структура, которую следует ликвидировать...». См.: Шесто управление срещу... С. 250.

³⁰ Иванов Д. Политическото противопоставяне в България 1956–1989 г. С. 124–139.

³¹ Программа и устав Независимого общества по защите прав человека, 29 ноября 2009. – <http://bulgaria1989.wordpress.com/2009/11/29/program/>

³² На выборах 10–17 июня 1990 г. абсолютную победу завоевала трансформировавшаяся из коммунистической в социалистическую

(БСП) правящая партия, которая получила 52 % голосов избирателей. См.: Баева И. Българският преход след 1989 г. в исторически контекст // Исторически преглед. 1996. № 1. С. 90–113.

³³ Устав НП «Подкрепа». См.: Иванова Е. Историята се завръща. Българското дисидентство... С. 68–69.

³⁴ Учредительные документы Комитета по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей. См.: Там же. С. 72–74.

³⁵ Там же. С. 70–72.

³⁶ Создание экодвижения прослеживается в документации Политического клуба «Экогласность». См.: Основни принципи и идеи, Устав. София, 1994.

³⁷ О создании Движения см.: Гочева П. ДПС в сянка и на светлина. София, 1991.

³⁸ Иванов Д. Политическото противопоставяне 1956–1989. С. 268.

³⁹ См.: Декларация об учреждении СДС 7 декабря 1989 г. // Някога, в 89–а. Интервюта и репортажи от архива на журналистката от радио «Свободна Европа» Румяна Узунова. София, 2007. С. 640–643; Предизборна платформа на СДС «45 години стигат». – http://www.omda.bg/public/arhiv/predizborna_platforma_sds.htm

Е.Л. Валева (Россия)

Видение будущего демократического общества в программных материалах болгарских диссидентов (конец 1980-х гг.)

Диссидентское движение возникло в Болгарии лишь в конце 1980-х гг. и просуществовало всего полтора года. Оценивая программные материалы болгарских «инакомыслящих» с точки зрения сегодняшнего дня, следует признать, что в 1988-1989 гг. они все еще находились на стадии разработки задач и своих организационных структур и не имели конкретной альтернативной стратегии развития Болгарии по новому пути. Однако, несмотря на специфику, касающуюся времени возникновения, формы деятельности и организации, в момент глубокого общественного кризиса болгарские неформальные организации сумели создать благоприятную атмосферу для перехода к демократии и рыночной экономике.

Ключевые слова: Болгария, диссидентство, БКП, Союз демократических сил, Клуб в поддержку гласности и перестройки, Желю Желев.

Организованное проявление недовольства социалистическим режимом, которое принято называть диссидентским движением, появилось в Болгарии лишь в конце 1980-х гг., что дало историкам основание назвать его «запоздалым»¹. Так наз. «нежная революция» 1989 г. не была в этой стране результатом массового протестного движения народа, а началась как внутрипартийный переворот: 10 ноября на пленуме ЦК БКП многолетнего лидера компартии и государства Тодора Живкова отстранила от власти часть партийной номенклатуры, надеявшаяся укрепить позиции компартии и свои личные, воспользовавшись славой реформаторов. Кратковременное существование болгарского инакомыслия (всего полтора года) не

позволило противникам социализма начать политические перемены, как это произошло в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Отсутствие в Болгарии диссидентских организаций, подобных Хартии 77 в Чехословакии, КОС-КОР и «Солидарности» в Польше, групп, разработавших в середине 1980-х годов программы преобразования социалистического режима в Венгрии, нередко становились основным аргументом в поддержку тезиса о том, что в начале демократических перемен болгары оказались к ним абсолютно не готовы.

Тем не менее, несмотря на специфику, касающуюся времени возникновения, форм деятельности и организации, инакомыслие в Болгарии, как и в других странах «восточного блока», возникло для того, чтобы подготовить общество к переходу от государственного социализма к западной модели демократии – раскрепостить людей, сформировать критичное отношение к власти. По словам автора первой книги о болгарском диссидентстве и активной его участницы Е. Ивановой, «смысл того, что мы определяем как диссидентство, был один-единственный – чтобы заговорил народ. И он заговорил. Остальное не имеет значения»². В момент глубокого общественно-экономического и политического кризиса в стране болгарские неформальные организации сумели создать благоприятную политическую атмосферу для осуществления перехода к демократии и рыночной экономике³. Нелишне заметить, что инакомыслящие способствовали также созданию того микроклимата в кругах партийной верхушки, который активизировал процесс консолидации внутренней оппозиции против Т. Живкова.

Первые диссидентские объединения правозащитного, экологического и синдикального типа появились в Болгарии в 1988 – 1989 гг. – значительно позже, чем в других странах «восточного блока». История отпустила им крайне малый срок, поскольку после ноября 1989 г. они стремительно трансформировались в мощную политическую силу, оппозиционную болгарской компартии. Этот непродолжительный срок, а также ряд других причин (отсутствие исторических традиций, авторитетных лидеров и пр.) не позволили болгарским диссидентам разработать конкретную альтернативу будущего демократического устройства общества. До конца 1989 г. инакомыслящие в Болгарии представляли собой аморфную

эмоциональную массу, не имеющую признанных лидеров с программой конструктивных реформ, с объявленной стратегической целью замены социализма его альтернативой – капитализмом (пусть «современным», «западного типа» и т.п.). Как мы увидим, их видение будущего идеального общества не выходило за рамки общих представлений о демократии.

Е. Иванова первой подметила принципиальное различие между двумя «лагерями» в еще только зарождавшемся болгарском диссидентстве, которые отличались по своему составу и взглядам. Первый лагерь сформировали Независимое общество защиты прав человека в Болгарии (НОЗПЧ), Независимый профсоюз «Подкрепа», Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей, второй – Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии, Общественный комитет по экологической защите города Русе (Русенский комитет), в известной степени объединение «Экогласность». В первый лагерь вошли идейные противники режима, откровенные антикоммунисты, создававшие организации главным образом в провинции. Почти все они в социалистический период многие годы провели в заключении, и некоторые из них вновь оказались за решеткой или были выдворены из страны после того, как первыми начали политическую борьбу против коммунистического режима. Членскую массу второго лагеря составляли представители столичной интеллектуальной элиты, пользовавшиеся широкой известностью и авторитетом в стране. Среди них было немало коммунистов реформаторского толка, настроенных против Живкова. Они боролись за реформирование социализма, за демократизацию системы, не ставя вопроса о замене ее другой.

Е. Иванова обращает внимание и на различие между двумя типами поведения двух «лагерей» инакомыслящих: поведение политиков и поведение жертв. Только на первый взгляд, пишет она, кажется парадоксальным, что объявивший себя неполитическим, «дискуссионным», «интеллектуальным» Клуб в поддержку гласности и перестройки и «Экогласность» имели типично политическое поведение, а провозгласившее себя политической формацией НОЗПЧ на практике демонстрировало поведение обиженных, преследуемых и сломленных людей. На самом деле, поведение двух «лагерей» не парадоксально, а, ско-

рее, закономерно: вполне естественно, что в поведении никому неизвестных, разбросанных по провинциальным городам, постоянно преследуемых и травимых людей и групп преобладала обида, неудовлетворенность, даже затаенная мстительность; также естественно, что известные столичные интеллектуалы обладали значительно большими возможностями для политических проявлений⁴.

Независимое общество защиты прав человека в Болгарии, созданное 16 января 1988 г. в маленьком городке Септември несколькими единомышленниками во главе с И. Миневым, свою основную задачу видело в контроле над соблюдением прав и свобод человека в стране и информировании болгарского и мирового общественного мнения о нарушении этих прав. Однако, по мнению известного правозащитника Л. Собаджиева, «у НОЗПЧ не было продуманных целей или какой-то стратегии, и поэтому он не мог решить ни одной практической задачи. Стало ясно, что необходима организация иного типа, которая будет в состоянии искать публичных решений не только проблем прав человека, но и политических, социальных и культурных проблем болгарского общества...»⁵. Лишь год спустя на радиостанции «Свободная Европа» была оглашена Программа НОЗПЧ, содержащая конкретные требования «окончательной ликвидации политического и репрессивного гнета, равно как и любого угнетения человеческого духа; раскрепощения человеческих способностей и разумного предпринимательства; ... мирного приведения страны к естественному демократическому, политическому и профсоюзному плюрализму; возвращения к частнособственническому отношению к земле, средствам производства»⁶. Но, как свидетельствует болгарский историк и политический деятель Д. Луджев в своей книге «Революция в Болгарии 1989–1991», в то время в болгарском обществе почти ничего не было известно о НОЗПЧ, кроме sporadических слухов о существовании такого общества и суровых мер, предпринятых властями в отношении его членов.

Со временем численность НОЗПЧ значительно возросла за счет насильственно переименованных болгарских турок, спонтанно искавших поддержки у болгарских правозащитных структур и создававших местные организации Общества. Попытки НОЗПЧ получить юридическую регистрацию не-

изменно блокировались, собрания разгонялись, документы неправоммерно изымались, на что члены Общества отвечали продолжительными голодовками в знак протеста. Поскольку члены НОЗПЧ являлись открытыми противниками коммунистического режима, бывшими политзаключенными, то репрессивные действия властей по отношению к ним были весьма суровыми – многомесячные аресты, избиения, интернирование, высылка из страны. После избрания в августе 1989 г. на общем собрании НОЗПЧ председателем молодого энергичного оратора Р. Воденичарова вместо И. Минева в Обществе начался раскол, в результате впоследствии оно не сумело утвердиться в формирующейся демократической политической системе. С апреля 1988 г. по ноябрь 1989 г. значительная часть основателей НОЗПЧ была выслана из Болгарии, И. Минев оказался в изоляции и умер в 2000 г. в полном забвении и нищете.

Здесь уместно затронуть еще один аспект. И. Минев многократно заявлял, что Р. Воденичаров внедрен в Общество госбезопасностью, чтобы сместить его с лидерского поста. Эту точку зрения разделяют и некоторые другие диссиденты, приводя ситуацию в НОЗПЧ в качестве наиболее яркого примера внедрения агентов в диссидентские организации⁷. Это приобрело столь широкие масштабы, что заговорили об операции «Клин». Согласно сторонникам этого тезиса, большинство (или даже все) диссидентские движения в Болгарии были инспирированы госбезопасностью с двойной целью: направить их деятельность в нужное русло, а затем – расколоть и разгромить оппозицию. Существовал ли план «Клин», пока остается загадкой. Но нельзя отрицать, что действия «неформальных» организаций были использованы в борьбе части партийной номенклатуры при осуществлении «дворцового переворота» 10 ноября 1989 г. Л. Собаджиев вообще считает, что «результатом всей диссидентской деятельности оказалось сохранение БКП своих позиций и в политической, и в экономической жизни»⁸. «Неформалы» 1980-х гг. почти единогласно утверждают, что во все их организации внедрялись агенты спецслужб и МВД, которые после 10 ноября 1989 г. «растолкали локтями» истинных диссидентов и проникли во власть. Так, Н. Василев констатировал: «До 10 ноября [1989 г. – Е.В.] имелись диссиденты (весьма немногочисленные), не было диссидентства – и это лежит в ос-

нове продолжающейся болгарской трагедии. После 10 ноября исчезли диссиденты, появилось и достигло эпидемических масштабов “диссидентство”. И трагедия углубилась»⁹. Надо сказать, что скандалы вокруг досье лиц, сотрудничавших со спецслужбами, повсеместно создавали атмосферу шантажа и подозрений, которая существует до сих пор.

НОЗПЧ стояло у истоков создания и других правозащитных организаций. Независимый профсоюз «Подкрепа» возник как альтернатива официальным («казенным») профсоюзам по идее врача К. Тренчева и поэта П. Манолова (оба члены НОЗПЧ) в начале февраля 1989 г. в Пловдиве (по другим данным – в Стара Загоре). Как признавал К. Тренчев, «цели, которые мы перед собой ставили, – просто открыто сказать “нет” коммунистическому режиму во всех его проявлениях, включая и синдикальное направление». Это была организация с менее выраженным по сравнению с НОЗПЧ политическим характером, но в то же время ставившая перед собой сугубо политические задачи – «оказание содействия демократическим преобразованиям в целях развития гражданского и профессионального сознания своих членов в рамках демократических принципов»¹⁰. 7 сентября 1989 г. была образована софийская организация «Подкрепы», а 28 октября на общем собрании профсоюза в Софии принято решение открыть его для всех желающих (а не только, как изначально, для работников умственного труда), подготовить Федеративный устав и перейти на федеративный принцип. Число членов «Подкрепы» стремительно возрастало, профсоюз преобразовали в Независимую конфедерацию труда «Подкрепа», выступавшую уже за радикальную смену власти. Но только после 10 ноября 1989 г. началось бурное организационное развитие этой самой массовой оппозиционной структуры в Болгарии, которая стала играть важнейшую роль в политической жизни страны¹¹.

9 марта 1989 г. по инициативе иеромонаха Хр. Сыбева и священника Б. Топузчиева был создан Комитет по защите религиозных прав, свободы совести и духовных ценностей, выступавший за невмешательство светской власти в дела церкви, за свободное религиозное обучение молодежи и учащихся, за свободу религиозной информации, за свободную благотворительную деятельность церкви, за развитие религиозно-

духовной сферы¹². Окружной суд в г. Велико Тырново отказал Комитету в регистрации, и его основная деятельность на протяжении последующих месяцев сводилась к усилиям по легализации. Влияние его на общественность оказалось минимальным, учитывая невысокую степень религиозности болгарского населения.

Слабость диссидентов первой группы заключалась в том, что они создавались в провинции, а не в столице, где концентрировалась вся политическая и культурная жизнь страны. Несмотря на их усилия по установлению контактов с Западом, а также информацию об их создании и деятельности, которую давали в специальных передачах для Болгарии западные радиостанции¹³, представители вышеназванных неформальных организаций оставались почти неизвестными широкой общественности страны вплоть до конца 1989 г. Их членская масса была весьма ограничена и представлена неизвестными широкой публике лицами. Она воздействовала на узкий круг людей, в основном родственников и друзей, поскольку из-за биографий многих ее членов (как в период до Второй мировой войны, так и после нее) от них дистанцировалась большая часть болгарского населения. Поэтому их призывы и справедливое дело – борьба за права человека – не находили отклика и поддержки в широких общественных кругах. Следовательно, резюмирует болгарский историк Н. Христова, антикоммунисты из числа бывших политзаключенных не имели реальной заслуги в формировании гражданского сознания у населения¹⁴. Важно отметить и то, что цели этой части болгарского диссидентства целиком и полностью сводились к отрицанию существующей системы, у них отсутствовала позитивная программа перемен, поэтому исследователь И. Баева называет этот тип политической культурой отрицания¹⁵.

Кульминационным моментом пробуждения в Болгарии будущего гражданского общества – если определять его как взаимоотношения граждан с собственным государством, его социальной системой и политикой – стало создание Общественного комитета по экологической защите города Русе 8 марта 1989 г.¹⁶ Население этого дунайского города страдало от хлорных выбросов химических заводов румынского города Джурджу, расположенного на другом берегу реки. Как призна-

вала впоследствии журналистка В. Дырева, Русенский комитет создавался не столько ради экологии, сколько для того, чтобы показать, что существует группа лиц, которые мыслят иначе. Он стал выражением общественной потребности в организованной, гражданской оппозиции.

Создание Русенского комитета, объявившего себя независимым от существующей политической структуры, но соблюдающим конституцию и законы, вызвало бурю негодования в руководстве БКП и продемонстрировало реакцию властей на создание неконтролируемых ими организаций. Уже спустя два дня после образования Русенского комитета был создан штаб в составе ответственных работников ЦК БКП, софийской городской парторганизации и министерства внутренних дел, в задачу которого входило изучение фактов, связанных с созданием комитета, проверка ряда научных институтов и творческих союзов, члены которых вошли в комитет. В информации от 20 марта 1988 г. штабом давалась следующая «партийно-политическая оценка» случившегося: «Созыв собрания, выборы “Общественного комитета” и принятие его документов произошли необычным для практики нашей страны образом – без участия компетентных партийных, государственных, общественных и научных органов и вопреки рекомендации не демонстрировать фильм “Дыши!” и не создавать подобный комитет»¹⁷.

Растущий интерес к Комитету, особенно в среде интеллигенции и молодежи, вызывал у руководства БКП опасение, что проблема Русе из региональной превратится в национальную, начнет затрагивать гражданские чувства населения и, таким образом, имеет тенденцию перерасти из экологической в политическую. Партийные чиновники с обеспокоенностью комментировали создание – наряду с официальными государственными общественными организациями – «параллельной, неофициальной организации, которая своим формированием и идеями относительно будущей работы представляет не только косвенную, но и прямую оценку неэффективности существующих структур и специализированных органов по экологическим проблемам, неверие в их решимость и способность оздоровить природную среду в Русе»¹⁸. Тем самым руководство БКП показало, что оно лишь на словах выступает за радикальную перестройку, но вовсе не собирает-

ся мириться с политической самостоятельностью отдельных групп болгарской общественности.

Практически после акта своего провозглашения Русенский комитет не смог проводить никакой работы. Партийные структуры и силы госбезопасности заставили его учредителей отказаться от дальнейших действий. Однако данный им импульс не остался без последствий. Позже, в апреле 1989 г., как продолжение Русенского комитета было создано Независимое общество «Экогласность» во главе с актером П. Слабаковым (неофициально оно функционировало с февраля 1989 г.), положившее начало движению «зеленых» в Болгарии и поставившее во главу угла защиту окружающей среды в целом. Этой организации, выдвигавшей и освещавшей проблемы экологического характера, удавалось привлечь внимание населения к общей ситуации в стране, что неизбежно превращало ее в политическую структуру.

Первой сугубо политической организацией, открыто ставившей наболевшие вопросы и призывавшей общество включиться в их обсуждение, стал уже упоминавшийся Клуб в поддержку гласности и перестройки (впоследствии он трансформировался в Федерацию клубов в поддержку гласности и демократии). Среди учредителей и активистов Клуба были виднейшие болгарские интеллектуалы, причем как члены БКП (профессор К. Василев, поэт Хр. Радевски), так и беспартийные, уже давно зарекомендовавшие себя оппонентами коммунистического режима, последовательно отстаивавшие свои эстетические, научные и гражданские ценности: поэтесса Б. Димитрова, философ Ж. Желев, сатирик Р. Ралин. Многие из них входили ранее в Русенский комитет. На учредительном собрании 3 ноября 1988 г. была принята Программная декларация, ставившая задачу наметить основные социальные проблемы и искать пути их решения (при этом она не содержала ни слова против режима). С этой целью Клуб создал 6 секций: 1. Экономическая ситуация (что означало необходимость реформ); 2. Права человека и гражданские свободы; 3. Демографические проблемы (имелись в виду преимущественно проблемы турецкого меньшинства в Болгарии); 4. Экология; 5. Проблемы болгарской культуры; 6. Нерешенные проблемы болгарской истории. Чтобы предотвратить возможные реп-

рессии, в Программной декларации Клуба подчеркивалось, что он будет работать в рамках Конституции НРБ, при полной поддержке решений Июльского пленума ЦК БКП 1987 г.¹⁹.

Социолог Д. Лаверн не без основания пишет, что «благодаря участию Желю Желева и других личностей, действовавших в болгарской политике после 1989 г., таких, как будущий вице-президент Блага Димитрова, “Клуб” олицетворяет болгарское диссидентство, но в то же время демонстрирует и основную его слабость – тесную связь с коммунистической партией»²⁰. Действительно, немалую часть инакомыслящих составляли люди, по-разному связанные с живковским режимом и получившие популярность именно благодаря ему (к примеру, учредителями Русенского комитета были журналистка С. Бакиш, жена председателя Народного собрания Ст. Тодорова, председатель Союза болгарских художников Св. Русев, главный тренер по художественной гимнастике Н. Робева). Поскольку эти люди рассчитывали на свои связи с реформаторски настроенной правящей элитой, данная часть диссидентства (причем наиболее влиятельная) выступала не против социализма, а за реформирование существующей системы, ее демократизацию и гуманизацию в духе гласности и перестройки. При этом упор делался на передовой роли болгарских интеллектуалов, которые, по примеру своих центральноевропейских коллег позиционировали себя как социальную группу избранных лиц, носителей политической и моральной миссии. Таким образом, Клуб фактически являлся чисто интеллигентской закрытой организацией, хотя в Программной декларации объявлял себя открытым всем гражданским структурам. Тем не менее, основной причиной популярности Клуба среди населения был именно тот факт, что его возглавляли известные и уважаемые в стране интеллектуалы, которые еще раньше заслужили общественное доверие и авторитет.

Партийные документы, в которых анализируется сам факт создания Клуба и его деятельность, демонстрируют беспомощность и озлобление властей. Так, в справке Софийского комитета БКП от 28 февраля 1989 г. говорилось, что позиция Клуба находится «в грубом противоречии с партийным пониманием социалистического плюрализма», что в ходе проводимой партией перестройки нашлись люди, «превратно понимаю-

шие созданные условия для демократизации нашего общества... стремящиеся занять позиции в обществе, руководствуясь своими личными корыстными интересами»²¹. В докладе начальника Шестого управления Госбезопасности²² А. Мусакова от 23 декабря 1988 г. делался вывод о продолжающейся демонстративной непримиримости инициаторов и организаторов Клуба, несмотря на принятые меры и официальные предупреждения. Проводя параллели с центральноевропейскими диссидентскими движениями, Мусаков предупреждал: «Учитывая широко разрекламированную поддержку западных подрывных центров и опыт отдельных акций в других социалистических странах, можно ожидать обособления в будущем части интеллигенции в альтернативное движение или организацию с целью дискредитации партийного и государственного руководства и проводимой им линии на перестройку, подобно Хартии 77 в ЧССР, КОС-КОР в Польше и т.д.»²³.

Важно отметить, что в Клубе, точнее, в его активе имелись различия и противоречия. Так, серьезные разногласия существовали по вопросу, должен ли Клуб развиваться как оппозиционная политическая организация, за что больше всех ратовал Ж. Желев, или он должен оставаться «дискуссионным» с элитарным интеллигентским составом и характером. Однако более существенными были некоторые принципиальные различия. Составлявшие большинство в Клубе коммунисты протестовали против режима Живкова и призывали к реформированию компартии. Меньшинство, группа вокруг Желева, считали, что социализм скомпрометирован как система и что необходимы перемены в направлении современного капитализма. Со временем, когда бурное развитие процессов в Польше, Венгрии и СССР весной 1989 г. стало предвестником серьезных перемен, «различия в Клубе начали проявляться более отчетливо и стали превращаться в препятствие для перехода к политическим акциям протеста и к проявлению Клуба в качестве политической оппозиции»²⁴.

Д. Луджев свидетельствует, что в Клубе довольно быстро оформилось «радикальное крыло» (Луджев, Е. Иванова, Г. Величков, А. Желязкова и др.), где не было коммунистов и которое выступало не за «перестройку», а за радикальные перемены, за ликвидацию монополии компартии. Речь идет о

направлении, которое официально называлось «Историческая секция Клуба», но наряду с выявлением «белых пятен» в истории пытались создавать альтернативные программы, разрабатывать новые экономические и юридические стратегии, вносить уточнения в законодательство. Уже на этом этапе в данном направлении были созданы экспертные группы из числа молодых экономистов и юристов. Это дало основание Д. Лаверн усматривать в программах секций Клуба эмбрионы рабочей программы будущих болгарских think-tanks, «мозговых трестов», «невидимой рукой» направлявших трансформационные процессы в Болгарии²⁵.

Эта немногочисленная группа считала, что Клуб должен не только реагировать на действия властей, но и выступать против государственной политики со своими собственными, альтернативными предложениями. (Многие положения будущей программы оппозиционного Союза демократических сил были разработаны еще тогда именно этой группой). Однако руководство Клуба отказалось даже обсуждать эти предложения – пожилым инакомыслящим интереснее была романтика нелегальных встреч, чем высказанные вслух прагматичные предложения молодых экспертов²⁶. Следует отметить, что за первый год своего существования Клуб не сумел провести ни одной из обещанных в своей Программе дискуссий и разработать конкретные документы, в которых намечались бы пути перехода к будущему демократическому обществу.

В мае 1989 г. в интервью «Свободной Европе» Ж. Желев зачитал «Декларацию об основных принципах гласности и перестройки в Народной Республике Болгария», содержащую конкретные требования законодательных и политических перемен – правового государства, политического плюрализма, свободы слова и информации, свободы объединений, равноправия национальных меньшинств²⁷. Несмотря на проведенные госбезопасностью обыски и аресты активистов Клуба, собиравших подписи под декларацией (ее подписал 131 человек), 12 мая она была внесена в парламент страны. Д. Луджев оценивает эти действия как «первую успешную политическую акцию Клуба, благодаря которой проявила себя группа сторонников его преобразования в политическую оппозицию»²⁸. Тем не менее, он справедливо констатировал: «Несмотря на замет-

ное брожение умов и более явные оппозиционные настроения среди части столичной интеллигенции, едва ли кто-нибудь мог бы утверждать, что весной 1989 г. в болгарском обществе, даже в Софии, имелось сильно выраженное критическое отношение к режиму, более или менее определенная ментальная и психологическая готовность к переменам, как в Варшаве, Будапеште и, до некоторой степени, в Праге и Москве»²⁹.

В Болгарии весна и лето 1989 г. ознаменовались массовыми акциями протеста мусульманского населения против так наз. «возродительного процесса»³⁰ и массовым переселением болгарских турок в Республику Турция. Отношение к турецкому вопросу превратилось, по словам К. Тренчева, в ключевой вопрос легитимации диссидентов, правозащитников и их организаций. Предстоявшая в конце мая 1989 г. в Париже Конференция по правам человека стран-членов СБСЕ активизировала деятельность правозащитных организаций. Они стояли у истоков так наз. «майских событий» 1989 г., выразившихся в голодовках протеста, демонстрациях, митингах и ставших кульминацией борьбы турецкого населения в Болгарии за демократию и права человека. Позиция болгарских инакомыслящих по этому вопросу привела к окончательному их разделению на критиков – реформаторов режима и диссидентов – политических оппозиционеров³¹.

В сентябре состоялась встреча представителей Клуба, профсоюза «Подкрепа», «Экогласности», Союза репрессированных, Независимого общества в защиту прав человека, что говорит о том, что болгарские диссиденты уже осознавали необходимость совместных действий. В начале ноября 1989 г. на собрании Клуба Ж. Желев открыто выдвинул идею объединения всех неформальных структур в общий фронт борьбы за демократию³².

Во время проходившего с 16 октября по 3 ноября 1989 г. в Софии международного Экофорума в одном из столичных кинотеатров был сделан доклад на тему «Экология и демократия». Охрана окружающей среды трактовалась в нем очень широко, с акцентом на «социальное загрязнение» – создание «паразитных прослоек», номенклатуры и т.п. 26 октября активисты «Экогласности» организовали в центре Софии сбор подписей против сооружения гидрокомплексов «Рила» и «Места», грозивших нанести непоправимый вред природе. Неформалы (среди

них оказались члены всех диссидентских организаций – Клуба, НОЗПЧ, «Подкрепцы») избивались милицией на глазах иностранных журналистов, заснявших это на пленку. Если летом 1989 г. диссиденты протестовали в основном против репрессий, то на первой пресс-конференции, которую члены «Подкрепцы» дали иностранным и болгарским журналистам во время Экофорума, главной темой уже был тоталитаризм и его антигуманная и антиобщественная природа. После поднявшейся волны протеста как внутри страны, так и за рубежом властям пришлось разрешить публичное шествие с целью внесения в парламент петиции против упомянутого правительственного проекта, собравшей 11,5 тыс. подписей. 3 ноября 1989 г. «Экогласность» возглавила первую за 45 лет социализма независимую демонстрацию, участники которой (около 4 тыс. чел.) впервые скандировали слова «Демократия» и «Гласность»³³. Буквально через неделю Живкова отстранили от власти...

Тем не менее, еще раз подчеркнем, что до ноября 1989 г. оппозиции как реальной политической силы в Болгарии не существовало. Ни одна из групп протеста не выдвинула в то время альтернативной программы общественного развития, во имя реализации которой она была готова бороться за власть. Зарождавшееся демократическое движение в Болгарии, разнородное по своему составу и организационно разобщенное, не смогло создать консолидированную силу, способную свергнуть живковский режим. В то же время, заслугой болгарских диссидентских организаций является то, что за недолгий период своей деятельности они сумели подготовить болгарское общество к переменам, показали всему миру, что и в Болгарии ведется борьба за демократию и права человека. Нельзя не согласиться с исследовательницей К. Байчинской, что «влияние диссидента на социалистического, коллективного человека было не столько политическим, сколько психологическим.... Диссидент освободил людей от страха, укрепил их желание сорвать маску и встать на путь индивидуализации, личной ответственности... Так, коммунист-реформатор разрешил гласность, но именно диссидент стал человеком, который ее подготовил»³⁴.

Кстати, тот факт, что болгарские диссиденты сами не участвовали в политических переменам на первом этапе, лежит в основе многих проблем, проявившихся позднее в процессе

трансформации в Болгарии, который затянулся там на более длительный срок, чем в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Смена верхушки в аппарате власти в широком контексте способствовала либерализации общественной атмосферы в целом. В конечном счете, замена партийной элиты не смогла предотвратить смены системы. Резко возросла гражданская и политическая активность населения. В считанные месяцы в стране сформировалась мощная оппозиция, для которой отставка Живкова была лишь первым шагом к более глубокой трансформации политической системы. Об этом свидетельствовал первый митинг «неформальных организаций» во главе с Клубом в поддержку гласности и перестройки, Конфедерацией труда «Подкрепа» и «Экогласностью», проведенный 18 ноября 1989 г. в центре Софии и собравший около 100 тыс. чел.

1–2 декабря Клуб в поддержку гласности и перестройки провел общее собрание уже в новых условиях. В докладе его неформального лидера Ж. Желева впервые открыто говорилось о чисто политическом характере этой организации и о ее будущем в качестве «политического движения болгарской интеллигенции за демократию и демократическую перестройку современной Болгарии». В принятой резолюции четко просматривалась амбиция Клуба разработать общую программу для всех диссидентских организаций, которые уже вели конкретные переговоры об объединении³⁵. Фактически, идеи Клуба превратились в реальную политическую альтернативу БКП, но это произошло уже после того, как власть сама начала перемены «сверху».

Сам факт смещения Живкова стал мощным стимулом для появления в стране новых политических сил. К уже утвердившимся независимым формированиям прибавлялись все новые неформальные группы, желавшие участвовать в политической жизни страны. В ноябре – декабре 1989 г. возобновили свою деятельность не подававшие ранее никаких признаков жизни партии, запрещенные или распущенные в 1946 – 1948 гг.: Болгарская социал-демократическая партия (БСДП, председатель П. Дертлиев), Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) - «Никола Петков» (БЗНС-Н.П., председатель М. Дренчев), Радикально-демократическая партия (РДП, лидер Э. Константинова), Демократическая партия (ДП) и др.

Появлением действительно влиятельной антикоммунистической оппозиции в Болгарии считается создание 7 декабря 1989 г. коалиционного Союза демократических сил (СДС), объединившего пестрые диссидентские группы и организации и предложившего обществу свою программу. Для того, чтобы быть действительно альтернативной, она кардинально отличалась от выдвинутой новым реформаторским руководством БКП программы демократизации социализма: СДС категорически отвергал «демократический социализм» как ориентир развития страны и делал упор на ликвидацию власти БКП. В своей Учредительной декларации СДС не ограничивался общими требованиями гражданского общества, политического плюрализма, многопартийной системы, правового государства, рыночной экономики (надо заметить, что такие же термины вскоре стали широко использоваться и в новых документах БКП). В Декларации провозглашались и более конкретные цели: равноправие всех форм собственности перед законом; новое трудовое и социальное законодательство, гарантирующее трудящимся право на забастовку и создание независимых профсоюзов; проект новой демократической конституции; деполитизация армии и милиции; проведение демократических выборов в Народное собрание; полная свобода слова, печати, собраний и объединений; реабилитация всех незаконно репрессированных в период тоталитарной власти; новый демократический закон о вероисповедании; новый подход к этническим и религиозным меньшинствам в соответствии с Хартией прав человека и др.³⁶.

Уже вскоре после своего создания СДС, объединивший 13 оппозиционных организаций – от левых (социал-демократов и членов Земледельческого Союза) до крайне правых (включая националистов) – стал играть важную роль в развитии политических процессов в стране. Председателем Национального координационного совета СДС был избран Ж. Желев, лидер Клуба в поддержку гласности и перестройки (избранный в 1992 г. президентом Болгарии).

Оценивая программные материалы болгарских диссидентов с точки зрения сегодняшнего дня, следует признать, что в 1988–1989 гг. они все еще находились на стадии разработки задач и своих организационных структур и не имели оформ-

мившейся стратегии развития Болгарии по новому пути. Их влияние ограничивалось сравнительно узкими кругами интеллигенции. И. Баева обращает внимание и на такую специфику болгарских инакомыслящих: болгарское диссидентство, представленное своими центральными организациями, почти целиком шло в фарватере советской перестройки (о чем говорит даже название Клуба в поддержку гласности и перестройки), испытывало сильное влияние извне, а это делало его неадекватным реальным задачам трансформации в Болгарии. Болгарское диссидентство не имело стабильной системы ценностей (как в Чехословакии, Польше, Венгрии), на базе которой могли бы приниматься благоприятные для общества решения и вокруг которой можно было бы достичь необходимого реформаторского консенсуса, связанного не только с разрушением коммунистической системы, но, прежде всего, с выработкой необходимых решений о будущих реформах.

«Изначальное отставание» болгарского диссидентства от его аналогов в других странах «восточного блока» объясняет запоздание болгарской трансформации по сравнению с польской, чешской и венгерской. А. Каракачанов, активный участник и соучредитель ряда неформальных объединений, впоследствии откровенно признавал: «Никогда не существовало целостного замысла перехода от тоталитаризма к демократии, ни в качестве конструктивной схемы (не говорю о политических лозунгах – демократическое государство, многопартийная система и т.д.), ни, тем более, как заговора темных сил типа госбезопасности, масонов и др. Переход в Болгарии по большей части был и остается хаотичным процессом, в котором ощутяю действуют различные группы людей, движимых своими личными интересами или эмоциональными пристрастиями»³⁷. Ни одна из ведущих политических сил не имела ясной, последовательной и, главное, реалистичной программы экономической и социальной трансформации Болгарии. Даже когда предпринимались частичные попытки разработать такую программу, ее авторы не могли донести свои идеи до своих избирателей по причине отсутствия структур гражданского общества, которые могли бы адаптировать политическую фразеологию к повседневной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939–2005. София, 2006. С. 231.

² Иванова Е. Българското дисидентство. 1988–1989. Част 1. София, 1997. С. 13.

³ По понятным причинам мы не касаемся здесь болезненного и широко дискутируемого в Болгарии вопроса о цене и результатах этого перехода.

⁴ См.: Иванова Е. Указ.соч. С. 8.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ См.: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго–Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. II. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. СПб., 2013. С. 136–140.

⁷ См.: Иванова Е. Указ.соч. С. 160.

⁸ Там же. С. 154–157.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 65, 68–69.

¹¹ <http://www.omda.bg/bulg/news/party/podkrepa.htm>.

¹² См.: Анатомия конфликтов... Т. II. С. 150–152.

¹³ См.: Някога, в 89–та... Интервюта и репортажи на журналистката от радио «Свободна Европа» Румяна Узунова. София, 2007.

¹⁴ См.: Христова Н. Специфика на българското «дисидентство»: власт и интеллигенция 1956–1989 г. Пловдив, 2005. С. 135, 139.

¹⁵ См.: Баева И. Политическата култура на българското дисидентство // Collegium Germania 4. Politische Kultur in Bulgarien seit 1879, Deutschland und Südosteuropa. Sofia, 2003. S. 285.

¹⁶ Подробное о Русенском комитете см.: Баева И. Из историята на българското дисидентство – Общественият комитет за екологична защита на Русе и властта // Известия на държавните архиви. Бр. 76. София, 2000. С. 33–53; Русенският комитет. Документален сборник с материали от Централен държавен архив и архива на Общественият комитет за екологична защита на град Русе. София, 2002. См. также: Валева Е.Л. Инакомыслие и оппозиция в Болгарии в 1980-е годы // Славяноведение. 2012. № 5. С. 79–96.

¹⁷ Шесто управление срещу неформалните организации в България 1988–1989 г. София, 1999. С. 23; Анатомия конфликтов... Т. II. С. 109.

¹⁸ Анатомия конфликтов... Т. II. С. 117.

¹⁹ Там же. С. 119–121.

²⁰ См. Лаверн Д. Экспертите на прехода. Българските think–tanks и глобалните мрежи за влияние. София, 2010. С. 195.

²¹ Цит. по: Иванов Д. Политическото противопоставяне в България 1956–1989 г. София, 1994. С. 116–117.

²² Шестое управление Комитета госбезопасности в составе МВД Болгарии было создано в 1968 г. с целью раскрытия и предотвращения попыток антигосударственных и антипартийных проявлений в среде интеллигенции и партийной элиты. – См.: Иванов Д. Шести отдел. София, 2004. С. 46–48.

²³ Шесто управление срещу неформалните организации в България... С. 76–79; *Анатомия конфликтов...* Т. II. С. 135–136.

²⁴ См. Луджев Д. *Революцията в България 1989–1991*. Книга 1. «Нежната» 1989–а и нейното време. София, 2008. С. 100.

²⁵ Лаверн Д. Указ. соч. С. 198.

²⁶ См.: Иванова Е. Указ. соч. С. 11–12.

²⁷ http://www.omda.bg/arhiv/dokumenti_politicheski/Deklaratsiata_090589.htm;

Анатомия конфликтов... Т. II. С. 156–160.

²⁸ См.: Луджев Д. Указ. соч. С. 113.

²⁹ Там же. С. 97.

³⁰ Этим термином обозначается политика, которую режим Т. Живкова проводил по отношению к мусульманскому населению страны в декабре 1984 – январе 1985 гг. Тогда была осуществлена насильственная смена турецко–арабских имен болгарских турок на болгарские (около 850 тыс. чел.), запрещалось использование турецкого языка в общественных местах, а также совершение традиционных ритуалов и ношение одежды, типичной для турецкой этнической группы. Вводились и ограничения при исповедании ислама и посещении мечетей. Подобными действиями власть стремилась сохранить целостность болгарской нации, однако они означали нарушение государством основных прав человека, таких, как право на самоопределение и свобода вероисповедания.

³¹ См.: Луджев Д. Указ. соч. С. 119.

³² Симеонов П. *Голямата промяна*. 10. XI. 1989 – 10. VI. 1990. Опит за документ. София, 1996. С. 626.

³³ См.: *Независимо сдружение Екогласност 1989 г.* (Съставители Л. Александриева, А. Каракачанов). София, 2009. С. 167–168.

³⁴ Цит. по: Христова Н. Указ. соч. С. 168.

³⁵ См.: Баева И. *Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройство и ролята му за началото на прехода – 1988–1989 г.* // *Известия на държавните архиви*. София, 2004. Т. 87. С. 18.

³⁶ *Демокрация*. 1990. 9–10 февруари.

³⁷ <http://www.karakachanov.bg/index.php?option>

РУМЫНИЯ

А.-М. Кэтэнуш, В. Буга (Румыния)

Формы оппозиционного движения в Румынии 70-х–80-х гг. XX века

В центре внимания статьи – типология оппозиционных проявлений в Румынии в последние два десятилетия существования коммунистического режима. В статье представлены наиболее значительные факты интеллектуального противостояния румынской интеллигенции режиму Чаушеску, нашли отражение попытки создания свободных профсоюзов, а также наиболее значительные волнения рабочих – забастовка шахтеров Долины Жиу в 1977 г. и выступление рабочих в г. Брашове в 1987 г. Должное внимание уделено и проявлениям оппозиционности курсу Чаушеску в среде румынской партийно-государственной элиты.

Ключевые слова: Румыния, типология, режим Чаушеску, интеллектуальное противостояние, румынская партийно-государственная элита, волнения рабочих, забастовки шахтеров.

На протяжении всей истории существования коммунистического режима в Румынии ему приходилось сталкиваться с оппозиционными проявлениями, исходившими от определенных сегментов общества. Эти проявления довольно резко различались между собой как по конкретно-историческим обстоятельствам своего возникновения, так и по содержанию, а также по целям, преследуемым их участниками. В конце 1940-х – 1950-е гг. конфронтация между режимом и обществом периодически принимала форму вооруженного сопротивления (особенно в горной местности), участники которого, бойцы повстанческих отрядов, совершенно не были склонны идти на компромисс с новой властью. Имело место также сти-

хийное сопротивление крестьян процессу коллективизации. В дальнейшем на первый план выходят другие формы – бунты рабочих, протестовавших против несносных условий труда, а также правозащитное диссидентское движение, направленное на устранение произвола, проявленного коммунистическим режимом в различных областях (экономике, социальной политике, культуре). Главное внимание в нашем синтетическом исследовании уделено тем формам оппозиционности, которые доминировали в 1970-е – 1980-е гг. Речь идет о диссидентстве интеллигенции, о деятельности первого феномена независимого рабочего движения – Свободного Профсоюза Трудящихся Румынии (SLOMR). Уделено необходимое внимание наиболее крупным рабочим бунтам и забастовкам – в Долине Жиу в 1977 г. и в г. Брашове в 1987 г. Не обойдены стороной и проявления внутривластной фронды со стороны видных деятелей компартии, недовольных режимом личной власти Н. Чаушеску.

Используя достижения исторической науки, мы в первую очередь опирались на первоисточники – архивные документы (опубликованные и неопубликованные)¹, интервью, воспоминания, прессу эпохи коммунизма в Румынии.

Ссылаясь на некоторые положения Соглашения о перемирии от 12 сентября 1944 г., правительство Петру Гроза, управлявшее страной с 6 марта 1945 г., предприняло репрессивные меры против ряда категорий оппозиционно настроенных лиц. Со временем, особенно после сфальсифицированных парламентских выборов в ноябре 1946 г., преследования распространились на членскую массу «исторических партий» (национал-цэранистской и национал-либеральной), что вызвало в качестве ответной реакции создание мощного движения внутреннего сопротивления в стране. В отличие от большинства стран «народной демократии» оно приобрело форму вооруженной борьбы – в различных районах Румынии, особенно горных, формируются повстанческие отряды. Их бойцы называли друг друга «партизанами», а иногда «гайдуками» («гайдуки Авраама Янку» во главе с Г. Олтяну²), среди командиров были бывшие офицеры румынской армии (полковник Арсенеску, майор Дабижа и др.). В документах Секуритате этих людей называли «бандитами», «беглецами», «террористами», «контрреволюционерами», «врагами народа», «легионерами»³.

В результате исследований выясняется, что движение сопротивления приобрело значительные масштабы. Так, согласно документам Секуритате, в 1945–1959 гг. было раскрыто 1196 оппозиционных вооруженных формирований. В одном только 1949 г. спецслужбы раскрыли 200 подпольных групп и 33 «террористические банды» (т.е. по сути партизанские формирования)⁴.

Первые отряды вооруженного сопротивления перспективам установления коммунистической власти появились в Буковине весной 1944 г., в условиях продвижения советских войск по территории Румынии. Пик движения пришелся на 1948–1955 гг. Пассивное поведение западных держав во время венгерской революции 1956 г., отсутствие эффективной поддержки с их стороны вооруженного сопротивления венгров коммунистической власти не оправдали надежд участников антикоммунистического сопротивления в Румынии на возможность какой-либо реальной помощи извне с целью освобождения Центральной и Юго-Восточной Европы от советского господства. Миф о «прилете» американцев, бытовавший среди части населения, оказался совершенно несостоятельным.

Тем не менее, в 1957–1958 гг. наблюдалась определенная активизация последних групп сопротивления, что явилось откликом на новые силовые меры, принятые коммунистическим режимом. Однако эти формирования были быстро ликвидированы, и движение сопротивления перестало существовать. Полковника Арсенеску, возглавлявшего одно из самых известных повстанческих формирований («Гайдуки Мусчела»), поймали в 1960 г. И.Г. Огэрану, укрывавшийся после 1955 г., сдали в 1974 г. Последний активный партизан в Румынии, крестьянин И. Банда, был застрелен органами Секуритате в горах Баната в 1962 г.⁵

Другая форма открытого сопротивления коммунистическому режиму в первый период его существования была связана с противостоянием крестьян сначала навязыванию обязательных поставок, а затем и процессу коллективизации – форсированному созданию сельхозкооперативов⁶. В ряде случаев сопротивление крестьянства принимало масштабы массовых волнений и даже восстаний.

Первые бунты произошли в сентябре 1948 г. в ряде населенных пунктов уезда Прахова⁷. В 1949 г. восстания (преимущественно против обязательных поставок сельхозпродуктов) произошли как в уездах, расположенных на западе Румынии (Бихор и Арад), так и в центре страны, а также на северо-востоке, в Молдове (уезды Рэдэуци и Роман)⁸. Год спустя были зарегистрированы новые восстания, теперь уже на юге страны, в уездах Влашка, Ильфов, Вылча, Яломица, Горж⁹.

Напуганные масштабом крестьянских восстаний, коммунистические власти временно приостановили процесс организации новых коллективных хозяйств, акцентировав в своей политике внимание на увеличении плана заготовок. В 1951–1952 гг. были зарегистрированы лишь коллективные протесты крестьян без вооруженных столкновений с властями. Новая волна протестных акций крестьянства, связанных с отказом вступать в колхозы, пришлось на 1957–1962 гг. Но масштабов 1949–1950 гг. она не достигла.

Применительно к интеллигенции в тот же исторический период едва ли можно говорить об открытых формах сопротивления проводимой политике. Чаще властям приходилось сталкиваться с отказом интеллектуалов от сотрудничества с режимом, причем в сталинский период (1948–1953 гг.) даже и это было редкостью, охватив незначительное число представителей интеллигенции. Значительная часть духовной, интеллектуальной элиты была арестована и находилась в тюрьмах или трудовых лагерях. Поводом послужили не только участие в политической жизни на правом фланге королевской Румынии или, тем более, сотрудничество с режимом Антонеску, но и просто принадлежность к одной из «исторических партий» либо помещичье (а в других случаях буржуазное) социальное происхождение. В то же время некоторые видные представители творческой интеллигенции (Михаил Садовяну, Джордже Кэлинеску, Траян Сэвулеску, Михай Раля, Михай Бенюк и т.д.) проявили склонность к тесному сотрудничеству с новыми властями. Может быть, наиболее ярким примером отказа интеллектуала от сотрудничества с режимом явилось поведение крупного философа и поэта Лучиана Блага. После нескольких лет больших лишений, когда этот выдающийся интеллектуал был исключен из рядов Румынской Академии и ему разреши-

ли работать лишь в качестве библиотекаря. Власти предложили ему в 1956 г. взаимный компромисс: публичное заявление о приверженности режиму позволило бы Благе вновь стать академиком. Однако Блага отказался, мотивировав это тем, что подобный жест явился бы, по сути, отречением от всего предшествующего творческого пути. В результате за Благой активизируется слежка со стороны органов Секуритате¹⁰. Вплоть до кончины в 1961 г. Благе чинились препятствия в публикации трудов¹¹.

В 1960-е гг. снижаются масштабы репрессий, освобождаются многие политзаключенные. Стабилизация коммунистического режима в Румынии способствовала разрядке в отношениях между властью и обществом. Параллельно с этим проявлялось больше открытости Западу как в экономическом плане, так и в сфере культурных отношений. Эта тенденция к либерализации, дав знать о себе еще в эпоху Георге Георгиу-Дежа, продолжилась и при новом лидере, находившемся у власти с 1965 г. Николае Чаушеску, достигнув апогея к концу десятилетия.

Обнадеживающему развитию конца 1960-х гг. был положен конец идеологическим переворотом вследствие так называемых июльских тезисов 1971 г.¹² Политика «закручивания гаек» в сфере идеологии с видимыми последствиями для культуры и науки способствовала накоплению общественного недовольства, принимавшего (в том числе в среде интеллигенции) различные формы выражения.

К середине 1970-х гг. к внутренним факторам, влиявшим на активизацию оппозиционного движения в Румынии, прибавился и внешний. Это случилось после того, как 1 августа 1975 г. Румыния, наряду с другими 34 государствами, подписала в Хельсинки Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это обстоятельство создавало определенную правовую основу, в известном смысле легитимизировало некоторые проявления оппозиционной деятельности в стране.

Советский Союз считал подписание после длительных, более чем двухлетних дебатов Хельсинкского Заключительного акта своим успехом, поскольку тем самым получили окончательное международное признание установленные

вследствие Второй мировой войны границы в Центральной и Юго-Восточной Европе, а кроме того перед СССР открылись новые возможности для выгодного экономического и научно-технического сотрудничества со странами Запада. Вместе с тем подписание Хельсинкского акта причинило СССР и его сателлитам немалые неудобства, поскольку в этом документе (особенно в его III главе) были зафиксированы положения с требованием расширения информационного обмена, неидеологического гуманитарного и культурного сотрудничества¹³, а также соблюдения прав человека¹⁴. Подписанием Заключительного акта государства-участники, по сути, брали на себя обязательства соблюдать и применять на практике декларируемые принципы, а значит гарантировать свободу мысли и ее выражения, свободу совести, убеждений, передвижения для всех людей независимо от их расы, пола, языка и религии¹⁵. Причем с заключением в августе 1975 г. итоговой договоренности Хельсинкский процесс не завершился, а подлежал углублению, проработке конкретных механизмов своего осуществления¹⁶.

Между тем, перспектива дальнейшего развития Хельсинкского процесса в западных странах резко отличалась от тех последствий, которые возымело достигнутое соглашение для государств с коммунистическими режимами. Важным результатом подписания Хельсинкского Заключительного акта стало оживление правозащитной диссидентской деятельности в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, причем, по сути, речь шла о новой форме оппозиционных движений. Ссылаясь на положения, подписанные в Хельсинки представителями этих стран, граждане коммунистических государств требовали от собственных властей соблюдения *de facto* гражданских прав человека, зафиксированных в этом международном документе (и нисколько не противоречивших при этом конституциям данных стран). Факты нарушения хельсинкских договоренностей выносились на обсуждение международной общественности на совещаниях, призванных способствовать углублению и развитию общеевропейского процесса. При этом начиная с чехословацкой Хартии 77 голос оппозиционеров-диссидентов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы звучал все громче и громче. Это касалось и Румынии,

где с каждым годом крепили поначалу довольно робкие голоса, требовавшие от властей соблюдения элементарных прав человека. С течением времени критика диссидентами режима Чаушеску распространилась на все сферы общественной деятельности (экономика, социальная политика, а в конце концов и политическая система). Что касается официальной позиции Бухареста, то Чаушеску и представителям его команды приходилось и в дальнейшем «в духе Хельсинки» публично высказываться за соблюдение экономических и социальных прав граждан¹⁷. Вместе с тем, когда дело касалось таких фундаментальных гражданских прав, как свобода выражения и перемещения, они все чаще рассматривались в качестве неких сугубо формальных атрибутов, удобных для использования в роли инструментов западной пропаганды¹⁸.

По своим идейным установкам и методам диссидентское движение в Румынии имело много общего с аналогичными движениями в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы, хотя масштабы его были невелики, оно, как правило, ограничивалось индивидуальными проявлениями инакомыслия. В условиях постоянной слежки со стороны органов Секуритате в Румынии не сложились предпосылки для формирования параллельной неофициозной культуры, способной породить альтернативные течения общественной мысли. Весьма узок был круг лиц, выразивших готовность примкнуть к диссидентскому движению, а потому так и не сложилась его разветвленная сеть. Не получил широкого распространения самиздат.

Как бы то ни было, и в Румынии ряд интеллектуалов встал на путь диссидентства, жертвуя при этом своей профессиональной карьерой и, более того, подвергая себя нешуточной физической опасности¹⁹. В их числе писатель Паул Гома, историк Влад Джорджеску, математик Михай Ботез, преподаватель филологии Дойна Корня. О возникновении правозащитного движения в Румынии в духе приверженности хельсинкским декларациям можно говорить после политического жеста писателя Паула Гомы, который в 1977 г. составил первое письмо с выражением солидарности чешским интеллектуалам, подписавшим Хартию 77.

Уроженец Бессарабии, родившийся в 1935 г., Паул Гома испытал на себе тюремное заключение по политическим мо-

тивам еще в 1950-е гг., когда власти подвергли серьезным гонениям всех, кто в той или иной форме проявил сочувствие венгерскому восстанию 1956 г.²⁰ И в дальнейшем он находился в открытом конфликте с властями коммунистического государства, особенно после опубликования за границей его книг, не пропущенных цензурой в Румынии («Остинато», «Дверь», «Герла»). В 1977 г. в западной печати появляются письма Гома, адресованные Н. Чаушеску, в которых обращалось внимание на политический произвол властей. Это не могло не возыметь последствий для писателя – его прогнали из редакции издания «România literară» («Литературная Румыния»), запретили публиковать новые произведения и установили постоянную слежку со стороны Секуритате.

П. Гома пытался подвигнуть коллег-литераторов поставить подписи под составленным им письмом солидарности с Хартией 77, но безуспешно – никто из известных румынских писателей не присоединился к его призыву. В этих условиях ему пришлось действовать на свой страх и риск²¹. Выражая поддержку чехословацким диссидентам, Гома указывал на специфику ситуации в его собственной стране: в отличие от стран, находящихся под советской оккупацией, в Румынии гражданскому обществу приходится испытывать давление со стороны доморощенного коммунистического режима, который достигает своих целей с большим эффектом, нежели любая иностранная оккупация, и это делает положение граждан еще более болезненным: «везде бедность, экономический хаос, демагогия, неуверенность, террор»²². Для понимания личности и позиции П. Гома показательным, что в письме, адресованном самому Чаушеску, он призывал лидера страны, поставившего свою подпись под Хельсинкской декларацией, публично выступить в поддержку Хартии 77, тем самым показав пример своим согражданам²³.

9 февраля 1977 г. радиостанция «Свободная Европа» впервые озвучила на весь мир инициированное П. Гомой письмо, в котором современная Румыния предстала перед международным общественным мнением как государство, где грубо нарушались права собственных граждан, положения Конституции страны, а также подписанные румынским правительством международные конвенции.

В последующие месяцы более сотни граждан Румынии поставили свои подписи под этим письмом. Среди них были представители совершенно разных профессий – деятели культуры, врачи, преподаватели, простые рабочие²⁴. Некоторые были в прошлом, в частности, в 1950-е гг., политическими заключенными. Таким образом, желание людей добиться определенных позитивных перемен в стране, где они живут, породило в Румынии конца 1970-х гг. настоящее движение за права человека, которое по праву можно назвать движением Гомы²⁵. Преследования властями П. Гомы, который уже в ноябре 1977 г. был вынужден не по своей воле покинуть Румынию и обосновался во Франции, а также и его единомышленников, не дали движению распространиться еще шире. Впрочем, на судьбе этого движения сказалось и отсутствие четко проработанной программы действий, развитой институциональной структуры, а также и отсутствие в нем (за редкими исключениями, как например, врач И. Виану) ярких личностей, способных влиять на гражданское общество.

Другим выдающимся представителем румынского диссидентства был Михай Ботез (1940 – 1995), математик и футуролог. Началом его оппозиционной деятельности явилось обращение к руководству Румынии, зачитанное на волне радиостанции «Свободная Европа» весной 1979 г.²⁶ и в некоторой степени вызвавшее в историческом сознании нации реминисценции с «Петицией интеллигенции», адресованной маршалу Антонеску в 1944 г. В документе давалась краткая, но четкая характеристика экономического и социального положения в стране, говорилось о хроническом недостатке продуктов на внутреннем рынке, ставившем под угрозу генофонд нации, о громадном и постоянно растущем внешнем долге. Ботез доказывал, что избранная стратегия развития, в ущерб сельскому хозяйству делавшая ставку на отрасли промышленности, полностью зависимые от импорта сырья и внешних рынков сбыта, привела к непредвиденным и крайне отрицательным результатам: «запущенное, испытывавшее в прошлом немало ударов сельское хозяйство должно и дальше тянуть такую промышленность, которая не в состоянии удовлетворить собственные нужды и стала тяжким бременем для страны». В документе анализировались пагубные социальные

последствия форсированной индустриализации: «люди покидают село, крестьянство (слой, гарантирующий сохранение румынской цивилизации) истощается. Но при этом отнюдь не формируется и современный рабочий класс». Автор петиции не обошел стороной катастрофическое положение системы образования (жертвы многочисленных неудавшихся экспериментов), кризиса науки, «превращенной в прикладной инструмент для решения производственных задач (неправильно поставленных)» и культуры, низведенной до выполнения чисто пропагандистских функций. Затрагивалась и крайне болезненная для румынского общества проблема, связанная с невиданным «ростом числа румын, которые хотят покинуть свою страну и ищут способы для этого».

Не ограничиваясь характеристикой ситуации, указанием на наиболее существенные проблемы, стоявшие перед страной, Ботез призывал к публичному, открытому, искреннему, конструктивному диалогу всех заинтересованных в нем лиц – именно это могло стать, по его мнению, отправной точкой для исправления сложившегося положения.

Деятельность М. Ботеза не сводилась к письмам, адресованным властям коммунистического государства. Прибегая к сугубо научной методологии футуролога и прогнозиста, он пытался в своих текстах выявить «формулу выживания» Румынии в сложившихся крайне непростых условиях и определить место в этом процессе диссидентства. При этом он принимал во внимание опыт других социалистических стран, учитывая многообразие политических практик коммунистических режимов и широкую гамму методов запугивания несогласных, а также и разнообразие форм оппозиционной активности (он выискивал возможности использования в Румынии тех форм диссидентства, которые были применимы в ее конкретных условиях).

Позиция М. Ботеза, отдававшего предпочтение индивидуальной духовной работе, предполагала большую ответственность лиц, выступавших с критикой режима изнутри, обязательную их приверженность методам, не выходящим за рамки законов; этого мыслителя-диссидента всегда отличало стремление избежать лишних, ненужных эксцессов в отношениях между властью и обществом. При всем при этом Ботез прида-

вал большое значение инакомыслию, позволявшему гражданам Румынии услышать голоса, сохранявшие свою индивидуальность на фоне «бесконечного и все труднее переносимого монолога власти». Свой жизненный путь Ботез закончил после падения режима Чаушеску в роли посла Румынии в США.

С близких Ботезу позиций выступала с критикой политики режима Чаушеску архитектор Марина Челак. Она обращалась к властям с петициями по поводу сноса памятников архитектуры и исторических зданий, особенно активно протестовала против политики так называемой «систематизации сел», направленной на разрушение сотен исторических населенных пунктов, что, по сути, означало ликвидацию традиционного сельского уклада жизни.

Яркой фигурой в истории румынского оппозиционного движения эпохи Чаушеску был известный историк Влад Джорджеску (1937–1988), еще в начале 1977 г. разработавший и распространивший документ под названием «Программа диссидентского движения в Румынии»²⁷. Выраженная в нем позиция сознательно исходила из уважения действовавших в Румынии законов, признания Конституции, согласно которой Румыния являлась социалистической страной с компартией в качестве руководящей политической силы. Вместе с тем Джорджеску требовал легализации не только права на инакомыслие, но и общественной организации под названием «Движение в поддержку демократии», предназначенной для того, чтобы напоминать гражданам «об их собственных правах, если они забыты или не соблюдаются»²⁸. Демонстрируя лояльность к Конституции, Джорджеску в то же время обращал внимание общественного мнения на несоблюдение самими властями ее важнейших положений, особенно тех, которые гарантировали гражданские права. За распространение своей программы В. Джорджеску был 29 марта 1977 г. арестован и его несколько месяцев держали в заключении без суда. После освобождения ему разрешили вернуться к работе в академическом Институте по изучению Юго-Восточной Европы. Весной 1979 г. Джорджеску (в период своеобразной «оттепели» конца 1960-х – рубежа 1970-х гг. неоднократно стажировавшийся в США и имевший довольно широкие международные связи) навсегда покинул Румынию – ему разрешили выехать на Запад в качес-

тве стипендиата Фонда Вудро Вильсона в результате ходатайства ряда влиятельных граждан США. Находясь в изгнании, он работал на радиостанции «Свободная Европа», с 1983 г. до конца жизни возглавлял ее румынский департамент. При этом он поддерживал связи с румынскими диссидентами, обеспечивая для них возможность выхода через каналы массовой информации на западную аудиторию. Умер осенью 1988 г. в Мюнхене при не до конца проясненных обстоятельствах.

Еще один выдающийся представитель румынского диссидентства, пользующийся по сегодняшний день очень высоким моральным авторитетом в среде интеллигенции, – преподавательница французского языка из Клужского университета Дойна Корня. После трансляции радиостанцией «Свободная Европа» одного из первых ее публицистических опусов, «Письма тем, кто не перестал мыслить»²⁹, она была вызвана на допросы в органы Секуритате, уволена из университета, всецело сосредоточившись после этого на диссидентской, правозащитной деятельности. Большое внимание в своих выступлениях, особенно во второй половине 1980-х гг., Корня уделяла конкретным, реальным проблемам, с которыми сталкивалось румынское общество (последствия «систематизации сел» для румынской деревни, пороки системы образования, необходимость восстановления в Трансильвании уничтоженной в первые годы коммунистической диктатуры Греко-католической церкви). В ее публицистике затрагивались и вопросы экономики, поднимались проблемы реформирования политической системы³⁰. Но выступления Д. Корни ценны не только своим содержанием, но и моральной составляющей, требованием духовного и морального возрождения румынской нации, избавления ее от страха и лжи. Дрейфовавшему под диктатом жесткой коммунистической власти обществу и далеко не в последнюю очередь молодежи (которой, кстати, был адресован специальный цикл ее текстов, переданных в 1985 г. радиостанцией «Свободная Европа») выдающаяся диссидентка хотела напомнить, что перемена общей судьбы румын возможна, прежде всего, не под давлением внешних обстоятельств, а изнутри, усилиями каждого человека в отдельности.

В последние годы существования режима Чаушеску выступления Д. Корни становились все более частыми, несмотря на

усиление преследований ее властями. Немало времени она уделяла непосредственной правозащитной деятельности, выражая солидарность не только с другими незаконно преследуемыми румынскими диссидентами из числа интеллигенции, но и с проявлениями независимого рабочего движения. В ноябре 1987 г., после серьезных волнений рабочих в Брашове, о которых речь пойдет ниже, Дойна Корня изготовила и при помощи своего сына Леонтина Юхаса распространила, главным образом, по Клужу в 160 экземплярах листовки с выражением поддержки восставших рабочих. На второй день мать и сын были арестованы, против них возбудили уголовное дело. Их держали пять недель в заключении, подвергая, голодных, многочасовым допросам следователей.

Последние два года существования коммунистического режима в Румынии Дойна Корня, продолжавшая заниматься оппозиционной деятельностью, находилась под постоянной, неослабной слежкой со стороны Секуритате.

Развернувшееся с конца 1970-х гг. оппозиционное движение в Румынии принимало все более многообразные формы. Правозащитные выступления П. Гомы и его единомышленников, выступления верующих в защиту религиозных свобод, забастовка шахтеров, создание первого в Румынии свободного профсоюза (SLOMR) – все это свидетельствовало о медленном, но постепенно набиравшем силу процессе формирования разветвленной оппозиции, имевшем много общего с тем, что происходило в других государствах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Идея создания в Румынии независимого профсоюза возникла в конце 1978 – начале 1979 гг., у ее истоков стояли врач И. Канэ, священник Г. Калчу-Думитряса, экономист Г. Брашовяну, изучавшие аналогичный опыт других стран. Декларация о создании SLOMR была зачитана 2 марта 1979 г. на волне «Свободной Европы»³¹.

Провозглашенной целью профсоюза явилась защита прав человека в области трудовых отношений. Дистанцируясь в соответствии со своей программой от любых действий политической направленности, SLOMR предполагал сосредоточиться на проблемах, с которыми постоянно сталкивались рабочие: безработица, плохие условия труда, незаконные увольнения.

К числу более специфических румынских проблем относились «психиатрические» преследования рабочих (в том числе за проявленное недовольство условиями труда и выражение ненадлежащих взглядов), а также массовое их вовлечение в акции по патриотическому воспитанию, участие в которых, по убеждению инициаторов профсоюза, должно было носить не обязательный, а добровольный характер.

Программный документ основанного профсоюза содержал положения, которые затрагивали привилегии коммунистической номенклатуры (например, требования включить номенклатурные спецмагазины в общую торговую сеть в интересах улучшения снабжения населения продуктами питания; аналогичные меры, направленные на расширение доступа людей в элитные больницы, гостиницы, дома престарелых; сокращение автопарка легковых автомобилей, используемых исключительно представителями высших эшелонов партии).

О желании вступить в новый профсоюз в скором времени заявило несколько сот человек. Один из них, рабочий из Плоешт В. Параскив (в 1977 г. уже подписавший петицию П. Гомы и за это прошедший принудительный курс лечения в психической больнице), в марте 1979 г. зачитал на профсоюзном собрании своего завода переданное «Свободной Европой» сообщение о создании в Румынии независимого профсоюза. В тот же день он был задержан и избит в полиции, а в последующие месяцы подвергался новым избиениям и психиатрическим преследованиям. Тем не менее, Параскив и в 1980-е гг. продолжал активно бороться за права рабочих.

Идея независимого профсоюза продолжала жить и овладевать умами новых граждан Румынии и после того, как ее непосредственные инициаторы были в марте 1979 г. арестованы, а в мае приговорены к различным срокам тюремного заключения по надуманным обвинениям в раскрытии государственных тайн и даже в причастности к антигосударственному заговору, причем священник Г. Калчу-Думитряса – на 10 лет.

Эксперимент с созданием независимого профсоюза, хотя и не смог быть в тех условиях реализован на практике, был интересен тем, что сыграл роль модели – предложил обществу определенную программу, способ функционирования, а, кроме того, показал, к каким формам репрессий против оппозиции

могут прибегать власти. В 1980-е гг., под влиянием опыта польской «Солидарности», были предприняты новые попытки заявить обществу о начале формирования альтернативных профсоюзов. Но хотя экономическая ситуация в стране еще более усугубилась, серьезного общественного внимания они не привлекли и в обстановке тотального контроля властей не могли иметь успеха³².

Первым крупным рабочим бунтом с момента установления коммунистического режима в Румынии стала забастовка шахтеров Долины Жиу в августе 1977 г. Протест рабочих выявил настоящую пропасть между декларациями, провозглашенными партией, и жесткой каждодневной действительностью. Шахтеры, бунтовавшие в Долине Жиулуй, выступали с требованиями социального и экономического характера, сложившаяся ситуация показала, в каких ужасных условиях жил румынский рабочий класс на фоне постоянных заверений властей о новых успехах партии.

Детонатором акции явился принятый в 1977 г. закон о социальных страхованиях, жестко ограничивший доходы шахтеров. Другим положением, усилившим негодование рабочих, явилось повышение пенсионного возраста с 50 до 53 лет³³.

Первые признаки недовольства проявились 1 августа 1977 г. в шахтах Аниноаса и Лупени, где шахтеры требовали разъяснений в связи с новыми нормами начисления ставок. Не получив ответа от местных властей, они решили направить делегацию в составе 100 человек в Бухарест с тем, чтобы потребовать объяснений уже от высшего руководства. Соппротивление первого секретаря уездного комитета партии и других ответственных лиц осуществлению этой акции еще больше накалило атмосферу. Шахтеры с других предприятий Долины Жиулуй отказались спускаться в шахты и направились в Лупени, главному очагу протестного выступления. Из Бухареста была срочно прислана партийная комиссия, во главе с секретарем ЦК РКП Илие Вердецем. Но повлиять на ситуацию она не смогла: протестующие требовали приезда к ним самого Чаушеску.

Между тем, к утру 3 августа в Лупени сосредоточилось 30-35 тыс. чел., главным образом, шахтеров, из разных уголков Долины Жиу. Одной из центральных фигур был К. Добре, представлявший горное предприятие в Парошени. Именно он

сформулировал все требования шахтеров в единой программе, переданной самому Чаушеску, приехавшему в Долину Жиу. В результате встреч с главой румынского государства требования шахтеров были частично удовлетворены. Однако вскоре власти прибегли к жестким мерам. 15 чел. были арестованы и приговорены к различным срокам исправительных работ по уголовным статьям (за нарушения правопорядка, нанесение оскорблений и телесных повреждений).

Более серьезным вызовом для коммунистических властей явились события в крупном индустриальном городе Брашове, произошедшие 10 лет спустя, в ином историческом контексте, в условиях еще более усугубившегося экономического кризиса, при крайне тяжелом социальном положении населения. 15 ноября 1987 г. Брашов стал свидетелем крупномасштабных рабочих демонстраций. Поводом послужило запаздывание с выплатой зарплаты на несколько недель, причем когда деньги были все же выплачены, рабочие обнаружили недостачу в 30%. Именно на этот день были назначены выборы в местные органы власти. Пользуясь этим обстоятельством, 200–300 возмущенных обманом начальства рабочих автозавода «Стягул Рошу» («Красное Знамя») отправились к зданию уездного комитета партии, где располагалась и уездная административная власть. По пути к их колонне присоединились и другие жители города.

Участники демонстрации несли трехцветные национальные флаги, скандируя лозунги: «Долой диктатуру!», «Хотим хлеба!», «Долой Чаушеску!», «Долой коммунизм!». Всё это происходило под звуки песни «Проснись, румын!» Демонстранты проникли в здание уездного комитета партии, выбросили из окон портреты четы Чаушеску, папки, пропагандистские материалы, которые стали жечь на площади. Первоначально для разгона демонстрантов власти использовали силы пожарников, затем были вызваны спецотряды Секуритате антитеррористического назначения. Для того, чтобы окружить зону конфликта, были пущены в ход даже танки. Начались первые аресты³⁴. Город несколько дней находился в изоляции, в нем не останавливались поезда, телефонная связь была прервана, выезд из Брашова разрешался только по специальному разрешению³⁵.

Несмотря на принятые властями меры, весть о случившемся в Брашове пересекла границы Румынии. 23 ноября сцены тех драматических событий, снятые на киноплёнку в спешке иностранным туристом, были переданы по итальянскому телевидению. Телезрители могли видеть поврежденное здание уездного комитета, горевшие на площади кипы бумаг и большую толпу, преследуемую бронемашинами³⁶. Осуществлением репрессивных мер руководили секретарь ЦК РКП Э. Бобу и министр внутренних дел Т. Постельнику. Уже вечером 15 ноября начались аресты, продолжавшиеся в последующие дни. Число задержанных достигло порядка 250–300 чел. На допросах использовалось как физическое, так и психическое воздействие на арестованных³⁷. При этом политическое в сущности дело старались переквалифицировать в сугубо уголовное³⁸. После очень жестких допросов 61 чел. предстал перед судом и 3 декабря 1987 г. был приговорен к различным срокам тюремного заключения за акты хулиганства и вандализма, «грубое нарушение норм общественного поведения». Они были депортированы в другие города и смогли вернуться в Брашов лишь после революции, в январе 1990 г.

Между тем, в городе по-прежнему было беспокойно. Накануне суда, 2 декабря 1987 г., на заводе «Красное Знамя» состоялось чрезвычайное собрание, в ходе которого было единогласно выражено требование проведения дальнейшего расследования, а также привлечения к ответственности руководителей завода, своими действиями вызвавших недовольство пролетариата³⁹. В этих условиях власть не могла не пойти на частичные уступки. В своей речи от 5 февраля 1988 г. Чаушеску возложил свою долю вины за обострение обстановки и выход событий из-под контроля лиц, принявших незаконное решение урезать заработные платы рабочих. Вместе с тем партийный лидер не преминул осудить и тех рабочих, которые прибегли к «анархическим действиям»⁴⁰.

Брашовские события происходили уже в разгар горбачевской перестройки, с которой связывалось немало надежд в румынском обществе. Показательны сведения, которые очевидец событий дал в январе 1988 г. корреспонденту французского журнала «L'Événement du jeudi», подробно информировавшего западную публику о волнениях в румынском городе. На следу-

ющее утро после разгрома здания уездного комитета партии на стенах брашовских домов еще красовались надписи с политическими лозунгами, а большой портрет Чаушеску был залит неизвестными грязью. Причем на стенах университета можно было видеть надпись, которая, как написал французский журналист, «всего несколько лет тому назад могла бы просто взбесить румын, известных своим традиционным антисоветизмом: «Миша! Приди к нам и измени положение вещей»»⁴¹.

Взрыв народного негодования в Брашове выявил глубокий кризис в отношениях между румынской компартией и рабочим классом, предпринятые репрессии отразили неспособность коммунистических властей урегулировать конфликт политическими методами. Брашовские события ознаменовали собой также решающую эволюцию в действиях румынских рабочих. Экономические требования были теперь дополнены лозунгами сугубо политического содержания: «Долой диктатуру!», «Долой Румынскую компартию!». Коммунистический режим, по оценке румынских рабочих, оказался неспособным предоставить шанс на улучшение жизни, все иллюзии были отброшены. Тем не менее, рабочие протесты были задушены относительно быстро и прежде всего из-за отсутствия должного отклика со стороны представителей других социальных слоев. За некоторыми исключениями⁴², румынская интеллигенция не проявила активности в поддержке пролетариата. Смычки рабочих и интеллигенции по образцу польской «Солидарности» в Румынии так и не произошло.

Коммунистическая пропаганда всячески пыталась создать образ румынской компартии как монолитной силы и этот образ, действительно, был близок к действительности в 1960-е – 1980-е гг. Партийная дисциплина была на уровне, так что маленькие неполадки в функционировании механизма не ставили под угрозу единство партии, особенно если вести речь о партийном руководстве. Но при всем доминировании в партии политического конформизма, имели место и случаи демонстративного отклонения от официальной позиции. Так, Виктор Фрунзе, профессор по кафедре журналистики в партийной Академии имени Штефана Георгиу (и, кстати, выпускник МГУ), адресовал в 1978 г. письмо Н. Чаушеску. Не подвергая никакому сомнению основы марксистско-ленинской идео-

логии и принципы партийной этики, он указал на нарушения «социалистической демократии» в Румынии, подверг критике набирающий силу культ личности. Письмо было отправлено из Парижа, где автор находился в туристической поездке. По возвращении домой он был отстранен от преподавания в престижном партийном учебном заведении, вызывался на допросы. По сути, Фрунзэ оказался во внутренней эмиграции, а через два года получил разрешение выехать в Данию, где основал издательство «Nord». Еще на родине в 1974 г. он начал работу над своей наиболее известной книгой «История сталинизма в Румынии». Переписанная от руки на папиросной бумаге, она была отправлена за границу в 1978 г., где выдержала несколько изданий.

Если Виктор Фрунзэ не принадлежал к высшему эшелону партии, то совсем другое дело Константин Пырвулеску⁴³, устроивший «бунт» на XII съезде РКП в ноябре 1979 г., подписавший «Письмо шести» (март 1989 г.) или более молодой функционер Ион Илиеску, также выступивший против Чаушеску.

Ветеран партии и один из ее основателей К. Пырвулеску удивил участников партийного съезда, выступив с протестом против превращения высшего партийного форума в трибуну для прославления Чаушеску. Пырвулеску особенно возмущало то, что вместо обсуждения насущных для страны проблем, ждавших своего неотложного решения, работа съезда, по сути, свелась к торжественному переизбранию генерального секретаря партии.

После этого Чаушеску на съезде был вынужден перейти в контратаку. В своем жестком выступлении, поддержанном лояльными режиму функционерами, он, по сути, обвинил авторитетного ветерана партии в национальном предательстве⁴⁴. После этого инцидента была образована специальная партийная комиссия для расследования дела Пырвулеску. Она работала целый год и должна была установить, в какой мере его позиция разделялась другими представителями партийной элиты⁴⁵. Комиссия предложила занести в протокол вывод о том, что Пырвулеску действовал «преднамеренно, сознательно поставив себя на службу противников румынского народа». Тем самым, он поставил себя вне рядов партии. Хотя Чаушеску предложил в качестве меры наказания строгий выговор, дру-

гие участники заседания, чтобы не вызвать гнева и подозрений своего вождя, поддержали альтернативное предложение об исключении ветерана РКП из партии.

Позиция, выраженная Пырвулеску на XII съезде, была направлена против растущего культа личности и ни в коей мере не являлась антикоммунистической. Автор в соответствии со своими принципиальными убеждениями требовал от лидера РКП соблюдения «ленинских партийных норм». Однако жест уважаемого ветерана остался криком вопиющего в пустыне. Его соратникам в то время не хватило смелости публично присоединиться к критическому выступлению. Совсем иная ситуация сложилась через 10 лет, в условиях во многом более глубокого внутривластного кризиса. Весной 1989 г. группа из шести очень влиятельных партийцев, на протяжении десятилетий относившихся к элите РКП, предприняла уже коллективную акцию против Чаушеску, доставившую ему и его близкому окружению гораздо больше озабоченности.

Идея открытого письма с развернутой критикой руководства партии за допущенные в ее политике провалы появилась в ходе бесед между Сильвиу Бруканом и Георге Апостолом летом 1988 г. К реализации этого плана были приобщены Александру Бырлэдяну, Корнелиу Мэнеску, Константин Пырвулеску, Григоре Рэчану⁴⁶. Направленный за границу путями, о которых исследователи дискутируют до сих пор, текст письма был оглашен в конце марта 1989 г. радиостанцией ВВС, вызвав на Западе, да и в самой Румынии эффект разорвавшейся бомбы.

Тот факт, что текст был написан бывшими партийными деятелями, приверженными коммунистическим ценностям, бросается в глаза с первых строк письма, в котором авторы мотивируют свою позицию дискредитацией политикой Чаушеску самой идеи социализма, за которую эти люди всю жизнь сознательно боролись.

В документе шла речь о нарушениях положений Конституции, об экономических проблемах, с которыми сталкивалась Румыния, о снижении международного престижа страны. Авторы требовали от Чаушеску отказаться от планов «систематизации сел», соблюдать права граждан в соответствии с положениями Конституции и Хельсинкского Заключительного акта, положить конец вывозу из страны продуктов питания, в сло-

жившихся условиях уже угрожавшему самому биологическому существованию нации. Одновременно они выражали свою готовность «вести конструктивный диалог с правительством, чтобы найти пути преодоления тупика, в котором оказалась страна».

Авторы письма потом вызывались на допросы в Секурита-те, где допрашивались часами. В конце концов, их было решено изолировать от общества и партии. С. Брукана, К. Мэнеску и А. Бырлэдяну переселили из престижных кварталов на окраины Бухареста. Пырвулеску депортировали в деревню в отдаленном уезде Васлуй, Апостолу (в 1954–1955 гг. номинальному первому секретарю ЦК Румынской рабочей партии!) и Рэчану также было назначено строго предписанное местожительство.

Еще более резкой была составленная тогда же, в марте 1989 г., декларация бывшего секретаря ЦК РКП Иона Илиеску, которого еще в начале 1970-х гг. Чаушеску отодвинул на вторые роли. Она адресовывалась всем гражданам Румынии и всем членам румынской компартии, ее текст также был предназначен для передачи за границу, но из-за неполадок связи так и не стал достоянием международного общественного мнения. Илиеску называл Чаушеску виновником политического, экономического и морального кризиса в Румынии, возлагал на него ответственность за трудности и унижения, которые переживало все население страны.

Автор письма также критиковал культ личности Чаушеску, но пошел дальше, подвергнув осуждению и тот факт, что лидер партии поставил себе на службу органы безопасности, превратив их в инструменты слежки, в первую очередь за должностными лицами и руководящими кадрами⁴⁷.

В конце декларации Илиеску содержался прямой призыв к действию в целях «устранения режима Чаушеску, всего его клана и клики лакеев, поддерживающих его». Ко «всем патриотам, активным силам нации, всем категориям трудящихся» был обращен призыв «начать широкие акции народного протеста, используя самые разнообразные средства и возможности, в том числе официальные акции, организованные режимом, с тем, чтобы потребовать отстранения от власти [четы] Чаушеску и их пособников», создать «широкий патриотический народный фронт для восстановления и *социалистическо-*

го обновления страны (курсив наш. – А.-М. Кэтэнуш, В. Буга»), возвращения страны в ряд цивилизованных европейских государств, «чтобы придать социализму в Румынии естественные черты подлинно народного строя, а ее политическому режиму по-настоящему демократический характер»⁴⁸.

В отличие от «Письма шести», которое было адресовано лично Чаушеску и, апеллируя к его благосклонности, призывало партийного и государственного лидера решать насущные проблемы в целях преодоления кризисной ситуации в стране, декларация Илиеску была обращена ко всем членам РКП и гражданам Румынии и призывала к свержению режима Чаушеску⁴⁹.

Особенности коммунистического режима в Румынии в последние два десятилетия его существования (репрессивный характер, тотальная слежка), но также и специфические черты сильно травмированного режимом румынского общества (низкий уровень общественной активности на фоне всеобщей апатии) объясняют тот факт, что оппозиционные проявления в Румынии не приобрели значительных масштабов. И тем не менее, по своим формам и содержанию они не отличались коренным образом от проявлений, имевших место в других странах, находившихся под советским влиянием.

Перевод с румынского В. Буги

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Речь идет о фондах Национального Архива Румынии, архива румынской службы безопасности, архивов радиостанции «Свободная Европа» (Open Society Archives, Будапешт).

² Янку Аврам – командир вооруженных отрядов, отстаивавших национальные интересы румын Трансильвании в условиях революции 1848–1849 гг. на землях Габсбургской монархии. – Прим. ред.

³ «Bande, bandiți și eroi». Grupurile de rezistență și Securitatea (1948–1968). Documente. / Coord. F. Dobre. București, 2003. P. 15, 18, 22.

⁴ Cartea Albă a Securității. Vol. III. / Coord. M. Pelin. Serviciul Român de Informații. București, 1995. P. 52.

⁵ Brișcă A. Rezistența armată anticomunistă din România, 1944–1962 // Arhivele Totalitarismului. București, 1999. № 1–2. P. 49.

⁶ Эта тема получила подробное освещение в работах Национального института по изучению тоталитаризма. См., в частности: *Colectivizarea agriculturii în România. Cadrul legislativ, 1949–1962*. București, 2007; *Colectivizarea agriculturii în România. Represiunea. Vol. I. 1949–1953*. Coord. Cătănuș D., Roske O. București, 2004. См. также многочисленные статьи О. Роске в журнале «Arhivele totalitarismului».

⁷ Dobrescu C. *Revolte anticomuniste în Prahova, 1948, I* // *Arhivele Totalitarismului*. 1996. N 2–3. P. 115–135; Idem. *Revolte anticomuniste în Prahova, 1948, II* // *Arhivele Totalitarismului*. 1997. N 2–3. P. 123–137. В объединении обрабатываемых земель крестьяне увидели первый шаг к созданию колхозов.

⁸ *Colectivizarea agriculturii în România. Represiunea...* P. 72–118; Roske O., *Colectivizarea agriculturii în România, 1949–1962* // *Arhivele Totalitarismului*. 1993. Nr. 1. P. 152–154; Breazu S. *Am fost martor la revoltele țărănești din județul Arad, anul 1949* // *Analele Sighet* 7. București, 1999. P. 693–696; Breazu S., Criste E. *Revolta țărănească anticomunistă de la Ucriș–Bihor, din anul 1949* // *Ibid.* P. 697–701; Nicoară C. *Adevărul despre alianța dintre clasa muncitoare și țărănimea muncitoare* // *Ibid.* P. 651–659.

⁹ *Colectivizarea în Vlașca. Documente, 1949–1950*, Ediție de documente întocmită de A. Damian, F. Breazu și I. Bălan. București, 2002; Roske O., *Colectivizarea agriculturii în România, 1949–1962...* P. 156–157; Cătănuș D., Roske O. *Op. cit.* P. 199–200, 267.

¹⁰ См. план информативной слежки за Л. Благой, разработанный органами безопасности города Клужа, в котором он жил, от 31 октября 1958 г.: *Ibid.* P. 264.

¹¹ Блага прекрасно понимал, что его творчество не соответствует линии режима. В 1958 г. он признавался в беседе с одним близким ему человеком, что его рукописи насчитывают 15 томов, содержащих сюжеты, которые пока не могут выйти в свет. См.: *Ibid.* P. 265.

¹² За июльскими тезисами, содержащими обоснование новой концепции идеологической и культурной политики, последовали решения ноябрьского пленума ЦК РКП 1971 г., явившиеся новым шагом по пути администрирования и «завинчивания гаек». Вообще же эти решения достигают эффекта не сразу, процесс утверждения новой, более догматической политики происходил постепенно, на протяжении всей первой половины 1970-х гг. См.: Cătănuș A.–M. (coord.). *Sfârșitul perioadei liberale a regimului Ceaușescu: Minirevoluția culturală din 1971*. București, 2005.

¹³ Речь шла не только об активизации контактов в области науки и культуры, но и об облегчении условий передвижения в личных и профессиональных целях, воссоединения семей, поддержания постоянных связей между их членами, проживавшими на территории разных государств.

¹⁴ См.: Colard D. *Détente, dissidence, et droits de l'homme* // *Études Internationales*. Vol. 8. 1977. № 4. P. 549–599; Beamish T., Hadley G. *The Kremlin's Dilemma. The Struggle for Human Rights in Eastern Europe*. London, 1979. P. 30–33; Cătănuș A.–M. *Actul Final de la Helsinki* // Roske O. (coord.). *România 1945–1989. Enciclopedia regimului comunist. Represiunea*. Vol. I. A–E. București, 2011. P. 37–39.

¹⁵ Так, Н. Чаушеску, выступая по случаю заключения Хельсинкского акта, хотя и сделал акцент на проблемах европейской безопасности, экономических и научно–технических связей, вместе с тем отметил также важность соглашений, открывавших перспективы гуманитарного сотрудничества, затронул вопрос об обеспечении прав на передвижение и заключение браков. См.: *Cuvântarea președintelui Nicolae Ceaușescu la Conferința pentru Securitate și Cooperare în Europa, Helsinki, 1 august 1975* // *Conferința pentru Securitate și Cooperare în Europa*. București, 1975. P. 24–25.

¹⁶ Этому были призваны способствовать новые совещания в Хельсинки, Мадриде, Вене в рамках так называемого постхельсинкского механизма. См.: Gonzalez Aldea P. *Helsinki 1975: începutul sfârșitului. Degradarea regimului din România și singularitatea lui în blocul de Est (1975–1990)*. București, 2008.

¹⁷ См.: *Conceptia președintelui României, Nicolae Ceaușescu, privind drepturile omului* // *Drepturile omului în lumea contemporană. Culegere selectivă de documente* (M. Antal, C. Băiașu, V. Duculescu, I. Răduică, S. Stanciu, N. Ecobescu). București, 1983.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Документы, отражающие развитие диссидентского движения в Румынии в 1970-е – 1980-е гг., в том числе хронику оппозиционных проявлений в этой стране в 1968 – 1989 гг. см.: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго–Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века*. Т. I – II. СПб., 2012–2013.

²⁰ См.: Cătănuș A.–M. *Paul Goma și experiența anului 1956. Începutul biografiei unui disident* // Cătănuș D., Buga V. (coord.). *Lagărul comunist sub impactul destalinizării, 1956*. București, 2006. P. 451–461. После освобождения из тюрьмы Гома до 1964 г. жил на поселении.

²¹ Впрочем, первый коллективный демарш имел место уже в начале февраля 1977 г., когда восемь румынских граждан, в том числе художники и музыканты, направили по инициативе Гома открытое письмо государствам–участникам готовившейся в Белграде конференции, призванной обсудить способы претворения в жизнь программы Хельсинкского совещания.

²² *Cătore Pavel Kohut și camarazii săi* // Goma P. *Culoarea curcubeului '77. Cutremurul oamenilor*. Chișinău, 2003. P. 29.

²³ Ibid. P. 40.

²⁴ Присоединившийся к Го́ме литературный критик Ион Негоицеску указывал в своем письме, что права писателя в обществе, с одной стороны, идентичны общегражданским правам человека, с другой же стороны, именно писатели обязаны идти в первых рядах защитников человеческих прав.

²⁵ См.: Cătănuș A.–M. *Forme de disidență în România în anii '70: Paul Goma și miscarea pentru drepturile omului* // *Arhivele Totalitarismului*. 2005. N 3–4. P. 99–122; Deletant D. *Ceaușescu și Securitatea. Constrângere și disidență în România anilor 1965–1989*. București, 1998. P. 229–230; Călinescu M., Vianu I. *Amintiri în dialog*. Iași, 2005.

²⁶ См.: Botez M. *Scrisori către Vlad Georgescu*. București, 2003. Петицию в переводе на русский язык см.: *Анатомия конфликтов*. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. С. 358–360.

²⁷ *Programul mișcării disidente din România* // *Georgescu V. Politică și istorie. Cazul comuniștilor români, 1944–1977*. München, 1983. P. 119–123. На русском языке см.: *Анатомия конфликтов...* Т. I. С. 353–358.

²⁸ Там же. С. 357.

²⁹ *Cornea D. Scrisori deschise și alte texte*. București, 1991. P. 13–17.

³⁰ На русском языке письмо Д. Корни в адрес Чаушеску с требованием реформ (сентябрь 1988 г.) см.: *Анатомия конфликтов*. Т. II. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. СПб., 2013. С. 476–484.

³¹ *The Foundation of a Free Trade Union in Romania*. *Arhivele Naționale Istorice Centrale (A.N.I.C.)*. Fond Anneli Ute Gabanyi. Dos. nr. 156. Ff. 1–4.

³² Согласно данным *Securitate*, в 1981 г. в Бухаресте распространялись листовки от имени так называемого профсоюза «Унирия» («Объединение»). Позже, во второй половине 1980-х гг., было объявлено о создании независимого профсоюза «Либертата» («Свобода»). Среди инициаторов этой акции были недавние политзаключенные, отбывшие наказание за участие в оппозиционной деятельности.

³³ *Spiridon R.N. Greva minerilor, 2–3 august 1977* // *Caietele CNSAS*. 2008. N 2. P. 313.

³⁴ См.: *Spiridon R.N. Reprimarea mișcărilor muncitorești de protest în perioada 1977–1987: evenimentele din Valea Jiului (1–3 august 1977) și revolta de la Brașov (15 noiembrie 1987)* // *Ibid.* P. 243.

³⁵ См. также: *Bručan S. Generația irosită. Memorii*. București, 1992. P. 167.

³⁶ *The Workers' Protest in Brașov: Assessment and Aftermath*. *Radio Free Europe Research*, 4 December 1987. HU–OSA–300–60–3–cutia 1.

³⁷ Пострадавшие потом рассказывали об избиваниях, лишении пищи и сна, натравливании одних арестованных на других и т.д. См.: *Iftene D. Brașov, 15 noiembrie 1989...* // *Caietele CNSAS*. Nr. 2/2008. P. 275.

³⁸ См.: Spiridon R.N. Reprimarea mișcărilor muncitorești de protest în perioada 1977–1987... P. 239.

³⁹ The Workers' Protest in Brașov...

⁴⁰ Telegramă. 1988. 6 Februarie // Ibidem.

⁴¹ Подробнее см.: Goga V. Fragmente salvate, 1975–1989. Iași, 1996. P. 177.

⁴² Уже говорилось о протестной акции Дойны Корни. С рабочими солидаризировалась также группа студентов Брашовского политехнического института, организовавших 22 ноября собрание в университетской столовой.

⁴³ Пырвулеску Константин – член румынской компартии с момента ее создания в 1921 г., по сути может быть назван в числе ее основателей. Был свидетелем октябрьской революции в России, служил добровольцем в Красной Армии во время гражданской войны. С 1920-х гг. избирался в ЦК румынской компартии, а позже – в Политбюро. Осужденный за свою революционную деятельность в 1934 г., часть заключения провел в тюрьме Дофтана вместе с Г. Георгиу-Дежем, а после освобождения из тюрьмы в 1944 г. вошел в узкое руководство своей партии. Позже возглавлял ее центральную ревизионную комиссию, но был в конце 1950-х гг. оттеснен на вторые роли Дежем, обвинившим его в сочувствии фракционерам М. Константинеску и И. Кишиневскому. При Чаушеску, впрочем, оставался на плаву, занимая ответственные посты в партаппарате. См.: Diac C. Constantin Pârvulescu (1895–1992) // Arhivele Totalitarismului. 2007. N 1–2. P. 267–271.

⁴⁴ Discursul lui N. Ceaușescu la Congresul al XII-lea, 19–23 noiembrie 1979. Montaj din lucrările Congresului al XII-lea al PCR, 19–23 noiembrie 1979. Arhiva Televiziunii Române.

⁴⁵ Отчет по итогам работы комиссии был представлен к заседанию Политисполкома ЦК РКП от 16 декабря 1980 г. См.: Stenograma ședinței Comitetului Politic Executiv al C.C. al P.C.R. din ziua de 16 decembrie 1980 // Opreș P. Criza poloneză de la începutul anilor '80. Reacția conducerii Partidului Comunist Român. Ploiești, 2008. P. 161–166.

⁴⁶ См.: Анатолия конфликтов... Т. II. С. 485–489.

⁴⁷ Caietele revoluției. 2009. Nr.1(20). P. 55.

⁴⁸ Ibid. P. 59.

⁴⁹ Ibidem.

А.С. Гладышева (Россия)

Феномен открытых писем протеста
в Румынии в середине 1970-х – 1980-е гг.
Правозащитная деятельность
Дойны Корни

Анализируется история одной из важнейших форм политического протеста – феномена открытых писем в социалистической Румынии. Рассматривается судьба и правозащитная деятельность преподавателя из трансильванского г. Клуж Дойны Корни.

Ключевые слова: творческая интеллигенция, правозащитное движение, феномен открытых писем, Дойна Корня, инакомыслящие, румынское диссидентство.

Антикоммунистические настроения в Румынии возникли сразу после прихода к власти в России большевиков, выступавших с программой дальнейшего распространения мировой революции, в том числе и на Румынию. Позже, на заключительном этапе Второй мировой войны, перспектива советизации, со всей отчетливостью обозначившаяся после вступления советских войск на территорию Румынии в августе 1944 г., породила первые очаги сопротивления экспансии левых сил, усилившиеся с ликвидацией в конце 1947 г. монархии и последующим установлением в стране в 1948 г. коммунистической диктатуры. Однако, если не считать стихийных крестьянских выступлений против коллективизации в начале 1950-х гг., пик активности борцов с коммунистическим режимом пришелся на последние 15–20 лет пребывания компартии у власти. Углубление социально-экономического кризиса в стране и все более вопиющее ущемление гражданских прав человека в середине 1970-х – 1980-е гг. вызвали бурную реакцию во всех слоях румынского общества. Антикоммунис-

тическое движение в стране развивалось в разных направлениях: чаще в подполье, иногда борьба принимала и открытые формы. Среди форм оппозиционной деятельности, практиковавшихся людьми, противостоявшими режиму – попытки создания независимых общественных организаций в самой Румынии и за рубежом, публичные акции (манifestации, забастовки), публикации неподцензурных текстов, открытые письма протеста.

Если исходить из определения диссидентства как движения инакомыслящих, т.е. лиц, не разделяющих господствующую в стране идеологию, то есть основания говорить о его зарождении в Румынии уже применительно к 1945–1947 гг. – периоду устранения коммунистами политической оппозиции и их постепенного укрепления у власти. В этот период борьбу против режима вели, прежде всего, выходцы из так называемых «политически неблагонадежных» слоев общества, к которым относились отнюдь не только приверженцы монархизма и тем более ультраправые, но и сторонники демократических партий, не принимавшие коммунистической альтернативы. В движении антикоммунистического сопротивления участвовали как офицеры королевской армии, представители бывших эксплуататорских классов, так и интеллигенция, а также лица, пострадавшие вследствие гонений на церковь. Следует также иметь в виду, что в Румынии формирование протестных настроений населения испытывало на себе влияние национального вопроса.

Можно выделить несколько этапов в истории румынского диссидентства. На первом этапе, (1948–1965 гг.), в движении антикоммунистического сопротивления доминировали представители социальных слоев, не поддерживавших приход к власти коммунистов. На этом этапе не только имели место отдельные акции саботажа мероприятий правительства, но и формировались небольшие военизированные отряды, действовавшие в лесах и горах, продолжали существовать подпольные общественно-политические организации антикоммунистического толка. Второй этап (1965–1975 гг.), когда Чаушеску умело играл на национальной специфике в интересах укрепления социальной базы своего режима (что проявлялось и в независимой внешней политике), характеризовался случа-

ями открытого неповиновения властям. Наконец, третий этап (1975–1989 гг.) был связан с активизацией правозащитного движения разносторонней направленности.

Важной вехой в формировании диссидентского движения стало подписание Румынией в 1975 г. Хельсинкского Заключительного акта по безопасности и сотрудничеству в Европе, который обязал участников соблюдать права человека. Акт способствовал развитию правозащитной деятельности в Центральной и Юго-Восточной Европе, осуществлявшейся под лозунгами соблюдения конституционных прав граждан в странах советского блока. Именно в это время возникает такая форма политического протеста как открытые письма: граждане начинают обращаться непосредственно к правительству. О большинстве этих обращений стало известно только после революции, т.к. они «терялись» в румынских ведомствах. Однако некоторые письма были опубликованы в зарубежной прессе или же озвучены западными радиостанциями в годы правления Н. Чаушеску.

Изучение феномена открытых писем диктует необходимость поиска ответа на ряд вопросов: кем являлись авторы этих писем и их адресаты, каким образом письма попадали (если вообще попадали) к последним, каково было их содержание, менялся ли их характер на протяжении 1980-х гг., какие цели преследовали авторы, как письма влияли на их дальнейшую судьбу и др. Анализ упомянутых обращений показывает, что их авторами были, прежде всего, представители творческой и партийной интеллигенции (писатели, актеры, преподаватели вузов, бывшие партийные функционеры), реже рядовые граждане. Письма обращались ко всем ступеням властной структуры общества: к руководству предприятий, различных учреждений, местной администрации, партийным органам, правительству и, наконец, президенту Н. Чаушеску, как самой высокой инстанции.

Обращения доходили до адресатов двумя путями: напрямую, направляясь анонимно или за подписью автора в секретариаты, канцелярии учреждений и органы власти, а также косвенно, будучи озвученными на радиостанциях «Свободная Европа», «Голос Америки», румынской службой БиБиСи или опубликованными за рубежом. В первом случае, хотя пись-

ма и не получали огласку, авторы автоматически становились врагами режима. Органы Секуритате вызывали их на допросы, после чего следовали разные формы наказания, например, увольнение с работы, исключение из партии, арест и последующее тюремное заключение. За этими людьми могло быть установлено наблюдение сотрудников Секуритате, применялась также звуко- и видеозаписывающая аппаратура. Во втором случае письма, попадавшие на радио различными путями (через родственников, знакомых, коллег по работе и даже через иностранных туристов), становились достоянием гласности. Благодаря радиоэфиру и публикациям за рубежом широкую известность получили послания писателей Дана Петреску, Ливиу Канджопола; преподавательницы Дойны Корни, т.н. «письмо шести»¹ и др. Меры румынских властей в отношении авторов этих обращений, были аналогичными тем, что применялись к авторам неразглашенных писем. Самой жесткой формой наказания стало заключение под стражу, иногда практиковался домашний арест, в ряде случаев людей вынуждали эмигрировать. Однако письма, озвученные по радио, имели серьезные последствия не только для авторов, но и для руководства страны, т.к. дискредитировали его политику перед мировым сообществом.

На протяжении 1980-х гг. характер писем менялся. Если поначалу имели место скупые обвинения в адрес властей, то к середине десятилетия, ввиду ухудшения социально-экономической ситуации в стране, письма становятся более острыми и политизированными. Авторы преследовали различные цели. О глубоких противоречиях в обществе, порожденных режимом Румынской коммунистической партии (РКП), свидетельствовали обвинения правительства в осуществлении конкретных мероприятий, подрывавших национальную экономику и ущемлявших права человека в Румынии. Критика режима касалась всех сфер жизни общества. Под лозунгами продвижения к всесторонне развитому социализму Румыния при сохранении низкого уровня финансирования социальной сферы столкнулась с кризисом системы образования, здравоохранения и науки в целом. Наука и культура, находившиеся под неусыпным контролем партии и ограниченные цензурными рамками, были заданы марксистской идеологией. Несмотря на со-

здание коммунистическим режимом в соответствии со своей идеологией довольно развитых механизмов социальной защиты, социального обеспечения, страхования и т.д., всего этого было явно недостаточно в условиях, когда Румыния находилась в состоянии глубокого экономического кризиса, больно ударившего по уровню жизни граждан. Беды, обрушившиеся на страну, и становились основной темой обсуждения в открытых письмах протеста.

В центре внимания статьи – диссидентская деятельность Дойны Корни. Последнее десятилетие существования коммунистического режима в Румынии превратилось для нее в годы активной борьбы с властью, обернувшейся большими проблемами для всей ее семьи, подвергавшейся жестким преследованиям. Дойна Корня родилась в трансильванском г. Брашов в 1929 г. Окончив итало-французское отделение филологического факультета в Клуже², она занялась преподавательской работой: вплоть до 1956 г. преподавала французский язык в г. Залэу. В этот период Корня вышла замуж за адвоката Валентина Корнела Юхаса, стала матерью двоих детей (Ариадны и Леонтина-Хорациу), а в 1958 г. с семьей вернулась в Клуж. На кафедре родного факультета она получила должность ассистента, здесь же в начале 1980-х гг. активизировала свою правозащитную деятельность. Преподавательница стала распространять среди своих студентов запрещенную цензурой литературу, а сама принимала участие в переводе и публикации ряда книг в самиздате. Ее перу принадлежат переводы с французского пяти произведений: «Дао дэ цзин» Лао-цзы, «Правда и справедливость» Габриэля Марселя, а также трех книг интеллектуалов румынского происхождения – «Испытание лабиринтом» Мирчи Элиаде, «Иеремия Валахский» Петру Германа и, наконец, фрагменты обширного философского труда Штефана Лупашку «Человек и три его этики».

История первого перевода (М. Элиаде) довольно прозаична и не имела под собой никакого политического подтекста. В 1980 г. дочь Д. Корни Ариадна обучалась во Франции и присылала матери книги, среди которых оказалось и «Испытание лабиринтом» М. Элиаде. Прочитав эту книгу, преподавательница решила, что она могла бы пригодиться для занятий со студентами, и начала ее переводить на румынский язык (Д. Корня

работала не только со студентами-филологами, не имевшими проблем с чтением сложных текстов на французском оригинале). К 1982 г. перевод был готов. Д. Корня вспоминает, что эта и другие работы румынских писателей и философов, живших в изгнании, вызывали неподдельный интерес у студентов. Зная об этом, она решилась приносить своим подопечным запрещенные книги для чтения³. В 1980-е гг. ее бывшим студентам удавалось тайно размножить тексты ее переводов на небольших предприятиях, где имелись копировальные аппараты. Так, перевод М. Элиаде существовал в 100 экземплярах, передавался из рук в руки в Клуже и за его пределами. Находились сочувствовавшие, обеспечивавшие Корню средствами, необходимыми для размножения переводов.

Помимо этого, с 1982 г. преподавательница стала распространять через радиостанцию «Свободная Европа» свои открытые письма, адресованные румынскому народу, правительству, президенту, а также правительствам других стран и некоторым деятелям, в частности, Папе Иоанну Павлу II. Почему Д. Корня начала свою правозащитную деятельность только в начале 1980-х гг., а не раньше, способствовали ли этому какие-то внутри- и внешнеполитические факторы? Для ответа на этот вопрос необходимо подробнее остановиться на процессах, которые происходили в румынском правозащитном движении в этот период как в самой стране, так и за ее пределами.

Оппозиционное движение в Румынии не приобрело значительных масштабов, что было связано с жестким характером режима Н. Чаушеску, особенно после 1974 г., а следовательно, со страхами и предельной осторожностью населения. При этом, как и в других странах советского блока, оппозиция с течением времени все чаще обращалась к новым формам протеста, хотя и продолжавшим носить локальный характер. Радикализации общества способствовали, помимо внутренних, и внешнеполитические факторы. Так Хельсинкские соглашения 1975 г. явились ключевым моментом в активизации диссидентства в Румынии, пример чему – деятельность писателя Паула Гомы. По его инициативе в феврале 1977 г. была предпринята попытка присоединения к чехословацкой Хартии 77⁴, которая вылилась в так называемое «движение П. Гомы». Более сотни человек, примкнувших к писателю, были арестованы, подвер-

глись допросам, часть из них выслали из страны. Среди последних оказался и сам Гома⁵. Движение в его защиту послужило поводом к восстановлению в Париже «Лиги защиты прав человека в Румынии»⁶ и созданию румынской секции «Международной федерации лиг по защите прав человека». «Лига защиты прав человека в Румынии» во главе с эмигрантами (Михня Бериндей, Санда Столожан и др.) собирала информацию о противоправных действиях режима и передавала ее международным организациям, распространяла статьи о положении в Румынии на волнах радиостанций «Свободная Европа» и «Голос Америки»⁷. При посредничестве эмигрантов оказывалась юридическая помощь пострадавшим от нападок коммунистического режима в Румынии, проводились кампании в защиту сел, попавших под правительственную программу укрупнения, а также памятников истории и архитектуры, многие из которых были разрушены или пострадали в ходе осуществления волонтеристских градостроительных проектов Н. Чаушеску.

Для самой Румынии движение П. Гома также имело последствия, оказав сильное влияние на процессы, происходившие в обществе. К диссидентскому движению присоединился целый ряд видных представителей интеллигенции, деятелей культуры. Именно в конце 1970-х гг. начинают свою правозащитную деятельность историк и журналист Влад Джеоржеску, математик и экономист Михай Ботез, которые через несколько лет были вынуждены покинуть страну под нажимом властей. Инициатива Гома вдохновила румынскую интеллигенцию на создание неподконтрольных государству объединений. Если идея В. Джеоржеску о формировании правозащитной организации «Движение в поддержку демократии»⁸ так и осталась на бумаге, то доктору Йонелу Канэ и инженеру Георге Брашовяну все-таки удалось создать весной 1979 г. Свободный профсоюз рабочих (рум.: SLOMR), в который вступили около 2 тыс. чел. из разных городов страны⁹. «Жизнь» этого профсоюза была короткой и предсказуемой судьба (организаторов арестовали и посадили в тюрьму), но сам факт его создания свидетельствовал о стремлении общества отстаивать демократические права, закрепленные в Конституции. Кроме того, создание профсоюза явилось стимулом для повышения политической активности представителей рабочего класса. В этой связи

можно вспомнить рабочего Василе Параскива из г. Плоешти, попытавшегося вторично организовать независимый профсоюз, а также попытку слесаря-монтажника из г. Клуж Юлиуса Филипа вступить в польский профсоюз «Солидарность»¹⁰.

В конце 1970-х гг. социально-экономический кризис в Румынии спровоцировал вспышку массовых акций протеста, которые периодически проходили в стране вплоть до падения режима. Первую крупную забастовку организовали шахтеры 1–3 августа 1977 г. Она началась в муниципии Лупени уезда Хунедоара и затем охватила всю долину реки Жиу. По разным подсчетам, в ней участвовали от 10 тыс. до 35 тыс. чел. Поводом для выступления явились новые законы об оплате труда, пенсиях и социальном страховании, низкое качество питания, медицинских и юридических услуг. Крайнее недовольство вызывала также слабая техническая оснащенность шахт, приводившая к травматизму и угрожавшая жизни людей. В ходе забастовки заложником стал будущий премьер-министр Илие Вердец, занимавший в 1970-е гг. пост главы Центрального совета по рабочему контролю за социально-экономической деятельностью. Для стабилизации ситуации сам Н. Чаушеску прибыл в район волнений и пообещал в ближайшее время выполнить все требования шахтеров. Однако в дальнейшем последовали аресты лидеров забастовки и их депортация¹¹. Высылка участников беспорядков в другие районы страны стала обычной практикой в таких ситуациях. Власти Румынии видели в этой мере, грозивший разобщением и распадом семей, эффективный метод устрашения населения. Однако рассеивание по стране недовольных людей лишь усиливало бурление в обществе.

Еще одним мероприятием правительства, активизировавшим деятельность правозащитников в конце 1970-х – начале 1980-х гг., стало ужесточение цензуры, при том, что формально ее упразднили мартовским декретом 1977 г. В действительности полномочия ранее существовавшего Главного управления по делам печати и печатных изданий оказались теперь распределены между несколькими другими инстанциями. Учреждается так называемая «пост-цензура», открывшая дорогу литературным доносам¹². Широкое распространение в обществе получила внешняя цензура: любой библиотекарь под уг-

розой преследований мог изъять из обращения книги, усмотрев в них оппозиционный дух¹³. Жесткие цензурные рамки творческая интеллигенция пыталась обойти. Запрещенные в Румынии литературные и научные труды публиковались в основном на Западе. Правозащитные материалы имели отклик в Румынии благодаря трансляции по западным радиоканалам, но распространялись и в самой стране в виде листовок, других форм самиздата, а также в ходе устных бесед. В 1980-е гг. в Румынии появились первые самиздатовские периодические издания. Первопроходцем в этом деле стала венгерская интеллигенция Трансильвании. При участии поэта Гезы Сеча и священника Ласло Текеша в 1981 г. на венгерском языке вышел первый номер журнала «Ellenpontok» («Контрапункты»). Фрагменты из известных двенадцати его номеров публиковались румынскими эмигрантами во французском журнале «Alternative» («Альтернатива»), а в Румынии распространялись по радио «Свободная Европа»¹⁴. Во второй половине 1980-х гг. в Будапеште в системе довольно развитого к тому времени в Венгрии самиздата работало новостное агентство «Венгерская пресса Трансильвании», а с апреля 1988 г. в венгерской столице полулегально издавалась газета на румынском языке «România Liberă» («Свободная Румыния»), предназначенная для распространения на территории Румынии¹⁵.

К началу 1980-х гг. в стране по разным направлениям, хотя и малыми силами, велась активная борьба с антидемократическими мероприятиями коммунистического режима. Как румынская, так и трансильванская венгерская интеллигенция составила базу диссидентского движения в стране в его самых разных проявлениях. Недовольство интеллигенции нарушением прав человека, растущим культом личности, волюнтаризмом экономической политики создали благодатную почву для начала деятельности Дойны Корни.

Чтобы понять, как развивались и эволюционировали взгляды правозащитницы, обратимся как к первому, так и к одному из последних ее писем. Первое письмо появилось в соавторстве с дочерью Ариадной и держалось в тайне даже от главы семейства. Письмо было решено передать на радиостанцию «Свободная Европа». Разглашать свое имя Корни опасалась, поэтому в тексте письма упоминалось только о ее преподава-

тельской деятельности в университете г. Клуж¹⁶. Однако для редакции радиостанции она указала свой точный адрес и место работы, что, как оказалось, сыграло с ней злую шутку. Письмо предполагалось озвучить по радио в августе 1982 г. Д. Корня, собираясь в отпуск с мужем, взяла с собой радиоприемник. Каково же было ее удивление, когда зачитывавший письмо по каналу «Свободной Европы» В. Джеоржеску произнес в эфире ее имя. Любопытно, что в течение нескольких месяцев не последовало никакой реакции со стороны властей. Вероятно, это могло быть связано с тем, что письмо не имело яркой политической окраски. Лишь в декабре к Д. Корне впервые пришел домой полковник Секуритате, контролировавший работу филологического факультета Клужского университета, одного из главных вузов страны¹⁷. После нескольких визитов он вызвал преподавательницу в местное отделение Секуритате, чтобы она дала объяснения по поводу письма, прозвучавшего на радио «Свободная Европа». Вопрос о том, как письмо попало на радио, Корня безнаказанно оставила тогда без ответа. Вместе с тем, не побоявшись последствий, она откровенно заявила, что оно оказалось в редакции «Свободной Европы», прежде всего, потому, что партийная газета «Scinteia» («Искра») не стала бы его публиковать. Сославшись на отсутствие в стране свободы слова, она фактически тем самым обрушилась с обвинениями в адрес режима и самого Н. Чаушеску.

Распространение письма через радиостанцию имело для правозащитницы серьезные последствия. В начале января 1983 г. было проведено расширенное заседание руководства университета с участием преподавательского состава, куда пригласили и Д. Корню, оказавшуюся на нем центральной фигурой. На заседании ее порицали за несанкционированный перевод книги М. Элиаде, которая, по словам руководства университета, не имела якобы никакого отношения к французской литературе – предмету изучения Д. Корни. Кроме того, ее обвинили в «очернении достижений социализма» и в обращении к студентам с призывами «не верить интеллектуальной элите своего времени»¹⁸. На основании этих обвинений в июне того же года ее уволили с филологического факультета. Попытка обжаловать это решение успехом не увенчалась. Ректор университета Ион Влад, отстранив Корню от преподаватель-

ской деятельности, предложил ей должность библиотекаря в университетской библиотеке, от которой она по понятным соображениям наотрез отказалась¹⁹.

После увольнения Д. Корня сконцентрировалась на правозащитной деятельности. Второе ее письмо было написано в конце 1983 г. в знак протеста против увольнения. Кроме него, на радиостанцию «Свободная Европа» она направила для трансляции 10 лекций, которые читала студентам. Преподавательница пыталась тем самым показать, что в них не содержалось ничего противозаконного²⁰. Всего до революции 1989 г. было распространено 31 письмо Д. Корни, за каждое из которых она платила штраф в размере 500 лей, что в среднем составляло половину зарплаты преподавателя университета. Все это время правозащитница находилась под пристальным надзором со стороны органов Секуритате. В конце 1987 г. ее положение резко усугубилось.

В 1987 г. по стране прокатилась волна забастовок. Наиболее широкий общественный резонанс получила манифестация рабочих машиностроительного завода «Красное знамя» в г. Брашов 15 ноября 1987 г. В знак солидарности с бастующими Д. Корня написала от руки 160 листовок, которые распространялись в Клуже ее сыном Леонтином. 18 ноября он расклеил листовки по городу на стенах фабрик, в разных зданиях университета. На следующий день после этой акции в домах Корни и Леонтина провели обыск под предлогом поиска золота и валюты. 20 ноября ее с сыном арестовали и держали в заключении в течение пяти недель до 24 декабря, подвергая первые четыре недели изнурительным восьмичасовым допросам²¹. К моменту ареста было распространено 13 писем протеста, не считая других текстов и переводов. За освобождением из заключения последовал домашний арест, под которым Д. Корня и ее муж без телефонной связи и возможности общения с родственниками находились до 21 декабря 1989 г. Сотрудники Секуритате, постоянно наблюдавшие за домом Д. Корни, проявили относительную гуманность лишь однажды, когда в сентябре 1989 г. умерла ее мать. Дом в этот день разрешили посетить родственникам, которые, однако, находились в нем под присмотром информаторов.

После освобождения из заключения в дни революции Д. Корня в качестве представителя от г. Клуж вошла в состав Совета Фронта национального спасения (ФНС), взявшего на себя обязанности временного руководящего органа власти. Однако спустя месяц она вышла из ФНС, не согласившись с тем, что тот провозгласил себя партией. Новая власть не оправдала надежд Д. Корни, поэтому в начале 1990-х гг. она оказалась в оппозиции И. Илиеску, ставшему первым президентом посткоммунистической Румынии.

Вернемся вновь к письмам диссидентки. Как они попадали на иностранное радио? Способы были разными, но ни разу Д. Корня не направляла свои послания напрямую. Люди, соглашавшиеся передавать письма, шли на огромный риск, вывозя их из страны. Первое письмо было отправлено на радио через иностранного туриста, имени которого диссидентка не знала. Позднее ряд писем также шел по этому каналу. Представляясь иностранцам в качестве оппозиционера режиму, она безоговорочно получала от них согласие передать письма. Вплоть до 1986 г. письма передавались также через французского лектора Жилия Барди²², преподававшего в Клужском университете. Но в 1986 г. он женился и, не желая ставить под угрозу безопасность семьи, отказался от этой миссии.

Рассмотрим более детально текст первого, не преследовавшего никаких политических целей, письма Д. Корни. Сама правозащитница подчеркивала, что оно было адресовано не столько властям, сколько интеллектуалам, которые слишком запуганы²³. Действительно, письмо явилось своеобразным призывом, обращенным к румынской интеллектуальной элите. Все проблемы современного общества Д. Корня связывала в конечном итоге с культурным и духовным обнищанием нации. Корни этой деградации уходила, по ее мнению, в государственную коммунистическую идеологию и материальные трудности, с которыми столкнулся румынский народ в годы пребывания у власти Н. Чаушеску. Большой бедой Румынии Корня называла уничтожение старой интеллектуальной элиты в процессе укрепления коммунистического режима, вследствие чего нация была лишена духовного образца. В свою очередь, возникшая коммунистическая элита в массе своей потворствовала деградации нации, т.к. сформировалась из лояльных ре-

жиму лиц, оторванных от исторического прошлого страны с его многовековыми традициями. Пути выхода из сложившейся ситуации Д. Корня видела в эффективном использовании интеллигенцией своих возможностей в процессе возрождения нации и ее самосознания. По мнению диссидентки, педагогам нужно не подчинять образование повседневным экономическим, материальным нуждам, а налаживать контакты с учениками, знакомя их на должном уровне с мировой литературой и философской мыслью. Особую роль в просвещении нации в сложившихся условиях Д. Корня видела в культурно-просветительских радиопередачах из-за рубежа и деятельности румынской интеллигенции за пределами страны.

Как видим, заинтересованность со стороны Секуритате личностью Д. Корни имела под собой лишь косвенные основания. Текст письма не указывал прямо на преступления румынского правительства и коммунистического режима. Однако вскользь прозвучали обвинения властей в уничтожении интеллигенции и в создании своей политикой огромных материальных трудностей, с которыми столкнулась страна к началу 1980-х гг. По сути, своими выводами правозащитница дискредитировала образ новой румынской социалистической интеллигенции, миф о которой складывался с начала 1950-х гг., и это не могло остаться незамеченным властями.

Обратимся также к открытому письму, написанному в июле 1988 г²⁴. Оно было озвучено на радио «Свободная Европа» в начале сентября и опубликовано в британском журнале «The Spectator» и французской газете «Le Monde». Письмо содержало довольно радикальную программу выхода из кризиса. Д. Корня вменяла в вину правительству чрезмерную централизацию власти, неразумную экономическую политику (высокие показатели экспорта в ущерб благосостоянию населения, разрушение сельского хозяйства путем укрупнения сел) и связанное с этим падение уровня жизни, манипуляцию общественным сознанием, уничтожение памятников архитектуры и нерациональное использование природных ресурсов, культ личности главы государства, внешнеполитическую изоляцию страны. Изменить ситуацию, по ее мнению, можно было двумя путями: добиться отставки Н. Чаушеску или вынудить его к последовательному осуществлению некоторых демократических

реформ. Анализируя предложенную Д. Корней программу реформ, можно понять, чего хотела творческая интеллигенция в Румынии: укрепиться во власти и реорганизовать социальную политику (в том числе и систему социального обеспечения с сохранением бесплатных услуг), приступить к экономическим реформам (что предполагало осуществление децентрализации, либерализацию цен, активизацию частной собственности, укрепление личных крестьянских хозяйств и аграрного сектора в целом), обновить систему образования, а также СМИ и систему правосудия²⁵. Программа имела весьма противоречивый характер: желание сбросить оковы социализма, ограничить государственный сектор в экономике сочеталось со стремлением сохранить и даже расширить систему социальных услуг, оказываемых государством на безвозмездной основе. Такой подход позволяет предположить, что румынская интеллигенция была не удовлетворена не столько, может быть, самой системой, сколько некомпетентностью тех, кто находился у руля государственного управления. Подобная реакция населения на политику правительства не нашла отклика властей, а, скорее, породила страх, о чем свидетельствовали репрессии против авторов подобных обращений, настроившие часть общества на более радикальное неприятие режима и пробудившие интеллигенцию.

Социально-экономическая политика румынских властей вызвала сильнейший резонанс во всех слоях общества в середине 1970-х – 1980-е гг.: от организованных форм протеста в среде творческой интеллигенции (диссидентское движение) до стихийных выступлений масс (забастовки студентов и рабочих). Нестабильная ситуация внутри государства и нежелание считаться с начавшимся переходом в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы к новой общественно-политической и экономической модели привели в декабре 1989 г. к трагической развязке. Падение коммунистического режима в Румынии свершилось в результате кровавой революции. События 1989 г. показали глубочайший кризис доверия населения РКП. Оказался очевиден и кризис внутри самой правящей партии, выразившийся в идейных разногласиях среди членов партийной верхушки, в дальнейшей бюрократизации аппарата, усилении культа личности Н. Чаушеску. РКП ста-

ла инструментом в руках диктаторской власти. Закостенелые партийные структуры явились препятствием на пути реформ. Лишенный гибкости государственный аппарат превратил бюрократию в самодовлеющую силу, но был сметен в течение считанных дней волной народного негодования.

ПРИЛОЖЕНИЕ*.

Для тех, кто не утратил способности мыслить (1982 г.)²⁶

Через вашу радиостанцию я обращаюсь ко всем тем, кто еще сохранил в этой стране способность мыслить, к порядочным людям, которые хотели бы приложить усилия для предотвращения краха, на пороге которого мы стоим. Я уверена, что ни одна попытка, какой бы ничтожной она ни казалась, не напрасна, и думаю, что мое послание может послужить поводом к размышлению.

Трудности, обрушившиеся на нас, заставили меня задуматься над тем, сколь глубоки вызвавшие их причины. В ваших передачах вы чаще всего ссылаетесь на непосредственные причины, например, на неверно спрогнозированное развитие экономики, на чрезмерную централизацию власти, наконец, на нашу столь закостеневшую социально-экономическую систему. Я, преподаватель, живущий здесь, вижу, что корни наших проблем лежат гораздо глубже. Речь идет о культурном, духовном обнищании нашего общества в результате внедрения упрощенной, стерилизованной идеологии. Я спрашиваю, прежде всего, себя, как это могло произойти, в какой мере каждый из нас, простых, рядовых людей, несет ответственность за происходящее. Если мы внимательно заглянем себе в душу, разве мы не найдем следов допущенных нами компромиссов, позволивших распространиться лжи.

Элита, носитель нашей культуры и интеллектуальной традиции, была жестоко подавлена у самых истоков [коммунистического режима]. Последствия этих преступлений (совершенных в [19]50-е гг., но продолжающихся по сию пору в более мягких формах) сейчас ощущаются нашим народом все сильнее и сильнее. Что касается самого народа, лишенного духовных образцов, которые ранее предоставляла ему элита, то

* Перевод с румынского А.С. Гладышевой.

вследствие противоестественных социально-экономических изменений он давно утратил нравственные основы и традиции своей социальной среды. Наши крестьяне, носители традиционных ценностей, оказались на городской периферии оторванными от собственных корней. Рабочие, как класс, оказались ослаблены инородным вторжением в их среду. Наши интеллектуалы, спешно завербованные [властью] по политическим мотивам, без прочных, глубоких знаний, не имеющие связей с традицией, не способны стать духовным образцом [для нации]. Незаслуженные льготы, положившие начало возвышению этих людей, подталкивают их к новым и новым компромиссам. Старая традиция – или, точнее, то, что от нее осталось, – задушена в этом всеобщем хаосе.

Мы стали народом, у которого отсутствует шкала моральных и духовных ценностей. Народом, питающимся лишь упрощенными, стереотипными, одномерными лозунгами, которые своей постоянной навязчивостью преграждают любой путь к истине, обновлению, созиданию. Думаю, что в основе этого процесса *духовного истощения* (здесь и далее курсив в оригинале. – А. Г.) [нации] лежат и все те материальные трудности, которые мы сейчас переживаем, потому что силой самих вещей *общество приходит в упадок, когда деградирует человеческая личность*, когда она теряет свою духовность.

Мы, нынешние интеллектуалы, своей пассивностью помогаем достойному сожаления развращению сознания. Мы все ощущаем, как истинные моральные ценности дискредитированы, но мы не сопротивляемся этому: человеческая солидарность, трудолюбие, честь, храбрость, достоинство стали для нас пустыми словами. Такие понятия, как патриотизм, свобода и национальная независимость, служат сейчас только предательству нашей истории и деградации патриотических чувств. Место моральных ценностей было занято материальными. Большинство наших сограждан вне зависимости от их социального статуса уже не верят в другие ценности, кроме положения, денег, связей и комфорта. Оторванные от внутренней правды, которую ни школа, ни семья не были способны открыть, люди становятся жертвами *жадности* и одновременно *страха*, что материальные блага не смогут насытить их потребности.

Если мы хотим преодолеть эту трагическую ситуацию, мы должны заставить себя вернуться к духовному [началу], т.е. важнейшим ценностям, формирующим ум, этику, культуру, свободу и ответственность. Только так может быть создан климат, благоприятный для появления новой интеллектуальной элиты. В формировании завтрашней интеллигенции мы, просветители, играем первостепенную роль. Одновременно мы несем ответственность за этическое начало и духовность нашего народа. Не будем забывать, *что любая личная духовная позиция имеет значение в историческом процессе*. Только таким образом мы перестанем формировать инфантильную молодежь: рабскую, лишенную смелости и индивидуальности, склонную к далеко идущим компромиссам, едва ли не с детского сада готовую к ним! Только в этом случае мы больше не подвергнемся (ежедневно подталкиваемые нашей собственной трусостью) соблазну встать на оппортунистические и лицемерные позиции! Пока же в силу нашего конформизма и чрезмерной осторожности (зачастую совсем неоправданной!) мы способствуем день ото дня моральной расслабленности нашей нации.

Я обращаюсь непосредственно к вам, моим коллегам, педагогам Румынии... Есть одна крупная ошибка: мы подчиняем весь процесс образования ближайшим экономическим, материальным нуждам, тогда как задачей образования остается, несомненно, *формирование цельного человека*, его моральных качеств, эмоционального и творческого начала. (Идея технического образования, нацеленного на интеграцию людей в производство, что гарантирует молодому человеку после окончания школы получение профессии, не является в принципе ошибочной, но в реализуемом нами виде, она, по сути, низводит человека к роли простого инструмента). Для формирования цельной, творческой личности даже в технических школах следует снова ввести гуманитарные дисциплины. Это предполагало бы новую реформу образования. Но в данный момент даже в рамках существующей закостеневшей системы, *трибуна, которая нам [педагогам] еще предоставляется, может быть использована более эффективно*.

Не учите также ваших учеников и студентов вещам, в которые они не верят, в которые вообще не верит никто из вас! Приучайте их мыслить свободнее, смелее, более осознанно и

благородно! Мы знаем только то, что движущей силой подлинного творчества являются правда и искренность, но мы ничего не делаем во имя их торжества! Как правило, никто вообще не принуждает нас к идеологическим заблуждениям, в которых, к сожалению, мы пребываем все чаще и чаще! Сколько еще можно, в самом деле, повторять бесполезные лозунги и бессодержательные клише! Сколько нас из каких-либо опасений отказывается культивировать духовное начало, делиться с учениками и студентам плодами своих изысканий? Каждую книгу, каждую ценную идею мы обязаны передать им!

Одновременно мы сопротивляемся сближению с учениками, не учитывая важный критерий. Отсутствие требовательности стало обычной нормой во имя хороших оценок в ходе разных проверок. Отдаем ли мы себе отчет в том, что именно мы, педагоги, в первую очередь сами виноваты в дискредитации и обесценивании румынского образования?

Безусловно, выполнение нашей миссии невозможно без тесных контактов с миром книг и ценных идей. Но если у нас что-то и публикуется и что-то пишется представителями нашей культуры, которые не прервали связь с истинными румынскими духовными источниками, то все это появляется ограниченным тиражом и без рекламы. Что касается книг, которые мы импортируем, то их количество также максимально ограничено. В этих условиях тем более недопустимо, чтобы мы, преподаватели, имея эти книги, отказывали ученикам и студентам в их прочтении из чувства страха и осторожности.

Вы, те из нас, кто живет в изгнании, помогаете нам и продолжаете помогать посредством культурно-просветительных передач на философские и исторические темы. Я думаю, это находит отражение в цикле передач на исторические темы профессора Влада Джеоржеску или в презентациях книг, изданных за пределами страны, в толковании идей многих деятелей нашей культуры, таких как Мирча Элиаде, Штефан Лупашку, Винтиле Хория и др. Хотелось бы также добавить сюда передачи, посвященные идеям некоторых философов, живущих в самой стране, таких как Сержиу Анатол Джеордже, Константин Ноика, [Габриэл] Лиичану, которые большинство наших интеллектуалов игнорируют, или делают вид, что игнорируют. Многие из этих передач хорошо было бы возобно-

вить. Я уверена, что они всегда будут полезны и положительно приняты нами, на протяжении столь длительного времени оторванными не только от европейской и традиционной восточной философии, но даже от румынской мысли, той, которая является для нас аутентичной.

Сегодня, когда сопоставляются многие течения общественной мысли, унаследованные от разных эпох, когда мы ощущаем, что из этих сопоставлений появится человек XXI века, мы не должны оставаться в очередной раз в нашей истории изолированными от всего остального мира. Тем более что, как нам кажется, румынская мысль всегда была чувствительна как к западной мысли, так и к мудрости, пришедшей с Востока (Эминеску, Блага, Элиаде). Сегодня студенты все больше и больше интересуются философией йоги, традиционной восточной философией, поэтому я не исключаю возможности восстановить и с помощью этих учений истину, нечто вроде утраченной чистоты.

В заключение мне бы хотелось попросить всех в нашей стране, к кому я обращаюсь сегодня, простить меня за то, что я не раскрываю свою личность, это не ставит под сомнение искренность моих слов. Мне кажется более важным, что благодаря моей работе мне удастся сохранять и в дальнейшем контакт со студентами, поскольку я преподаю в высшем учебном заведении в Клуже.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ В марте 1989 г. 6 бывших членов ЦК РКП (Георге Апостол – бывший член Политбюро и бывший председатель Генерального Союза Профсоюзов; Александру Бырлэдяну – бывший член Политбюро и бывший председатель Государственного планового комитета; Корнелиу Мэнеску – бывший министр иностранных дел и бывший председатель сессии Генеральной Ассамблеи ООН; Константин Пырвулеску – один из основателей Коммунистической Партии Румынии; Григоре Рэчану – ветеран РКП; Сильвиу Брукан – в прошлом заместитель главного редактора газеты «Скынтейя» и шеф румынского телевидения) обратились к Чаушеску с посланием, которое вошло в историю как «письмо шести». См.: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго–Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. II. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. СПб., 2013. С. 485–489.

² Deletant D. Ceaușescu and the Securitate: Coercion and Dissent in Romania, 1965–1989. London, 1995. P. 261.

³ Cornea D. Jurnal. Ultimele caiete. București, 2009. P. 167–168.

⁴ Хартия 77 – программный документ чехословацкого диссидентского движения. Текст Хартии был составлен в 1976 г., а опубликован 6 января 1977 г. В ответ правительство Чехословакии организовало проправительственную Антихартию. Подробнее см.: Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии. Август 1968 – 1989 г. М., 2008.

⁵ Cătănuș A–M. Chipuri nevăzute. Represiune împotriva mișcării Goma // Arhivele totalitarismului. București, 2007. № 56–57. P. 225–239.

⁶ Лига защиты прав человека (Liga pentru Apărarea Drepturilor Omului) была основана в Румынии в 1925 г.; после установления в стране коммунистического режима продолжила свою деятельность в Париже в 1948 г.

⁷ Niculescu A. O cronologie a societății civile în anii lui Ceaușescu // Anii 1973–1989: Cronica unui sfârșit de sistem. Analele Sighet 10. București, 2003. P. 152; Scurtu I. Revoluția română din decembrie 1989 în context internațional. București, 2006. P. 82.

⁸ Spiridon R. Vlad Georgescu și începuturile disidenței românești // Arhivele totalitarismului. București, 2007. № 1–2. P. 221–241.

⁹ Niculescu A. Op. cit. P. 154.

¹⁰ Filip I. O scrisoare trimisă «Solidarității» // Anii 1973–1989...P. 869–870; România în timpul războiului rece. Scurtă cronologie a evenimentelor, instituțiilor și mentalităților (1945–1989) / Sub dir. R. Rusan. București, 2011. P. 110. Письмо Ю. Филипа в адрес польской «Солидарности» (июнь 1981 г.) на русском языке см.: Анатомия конфликтов. Т. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. СПб., 2012. С. 361–362.

¹¹ România în timpul războiului rece... P. 102.

¹² Niculescu A. Op. cit. P. 153.

¹³ Marino A. Cenzura în România. Schiță istorică intriductivă. Craiova, 2000. P. 69.

¹⁴ Niculescu A. Op. cit. P. 156.

¹⁵ Schöpflin G. Hungarians From Transylvania // The Hungarians: A Divided Nation. Oxford, 1988. P. 142.

¹⁶ Cornea D. Scrisori deschise și alte texte. București, 1991. P. 17.

¹⁷ Полковника Секуритате, курировавшего в те годы работу филологического факультета Клужского университета, звали Иоан Гокан. Позднее он займет должность инспектора III отдела Секуритате (Отдел контринформации) уезда Клуж. Именно Гокан будет докладывать начальству о действиях, предпринимаемых Корней, и контролировать все ее передвижения.

¹⁸ Cornea D. Jurnal. Ultimele caiete... P. 177–178.

¹⁹ Ibid. P. 166–184.

²⁰ Ibid. P. 184, 195.

²¹ Первый допрос после ареста длился 36 часов. См.: Cornea D. Jurnal. Ultimele caiete... P. 213–216, 222.

²² Жиль Барди родился 18 марта 1951 г. в Марселе. В 1980-е гг. более 8 лет преподавал французский язык в Клужском университете, будучи прикомандирован МИДом Франции. В настоящее время – профессор Прованского университета, преподаватель румынского языка, литературы и истории румынской цивилизации.

²³ Cornea D. Jurnal. Ultimele caiete... P. 173.

²⁴ Eadem. Scrisori deschise și alte texte... P. 84–85. Это письмо Д. Корни опубликовано на русском языке. См.: Анатомия конфликтов... Т. 2. С. 476–484.

²⁵ Cornea D. Jurnal. Ultimele caiete... P. 292.

²⁶ Eadem. Scrisori deschise și alte texte... P. 13–17.

ЮГОСЛАВИЯ

И.В. Руднева (Россия)

Оппозиционное движение в Хорватии в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. Социалистическая Федеративная Республика Югославия взяла курс на преодоление кризисных явлений, охвативших страну. Выход из сложной ситуации руководство страны видело в проведении реформ, как в экономической и политической, так и в общественной и культурной сферах. Реформаторские движения появились во всех субъектах федерации, но только в Хорватии они приобрели оппозиционный характер. Оппозиционное движение прошло эволюцию от чисто национального к националистическому, а отношение к нехорватскому населению позволяет говорить и о присутствии в нем элементов шовинизма. Планы отделения от Югославии, создание нелегального комитета и связи с усташеской эмиграцией обусловили его сепаратистский и антиконституционный характер.

Ключевые слова: Хорватия, Югославия, федерация, кризисные явления, оппозиция, Матица Хорватская, суверенитет, государственность.

В 1960-х гг. Социалистическая федеративная республика Югославия (СФРЮ) искала новые возможности экономического и политического развития для преодоления кризисных явлений, охвативших страну. В политической системе надеялись на новую Конституцию, в экономике – на широкие реформы. Необходимость изменений признавали все, но их содержание виделось по-разному. Реформаторские движения появились во многих республиках, но только в Хорватии новый курс приобрел оппозиционный характер.

Иллюзия демократизации, приход в руководство партии молодых образованных кадров, изменение статуса республик по Конституции 1963 г. с расширением их прав, претензии на серьезную экономическую реформу со свободой экономических субъектов, становление рыночных отношений, ослабление контроля органов государственной безопасности, развитие сотрудничества с Западом, легализация выезда граждан на работу за границу, связи с эмиграцией – все это способствовало росту национального самосознания у хорватов. В хорватских общественных и научных кругах появилось желание пересмотреть роль и место Хорватии в Югославии. Одновременно Союз коммунистов Югославии все больше терял монолитность, а ощущение свободы и демократии придавало уверенность в возможности постановки разных вопросов, требований, высказываний по самым острым проблемам. Среди партийцев появились группы, течения, направления.

Рассмотрим основные этапы деятельности оппозиционных сил в Хорватии. Первые осторожные шаги были сделаны оппозиционерами в 1967 г. Матица Хорватская (МХ), общественная организация, изначально занимавшаяся вопросами развития национальной культуры, литературы и языка, при поддержке ряда научных институтов инициировала принятие и обнародование «Декларации о положении и названии хорватского литературного языка». Документ был посвящен роли языка в многонациональной федерации, а данная тема сразу же приобрела политическое звучание. В «Декларации» отмечалось, что хорватский литературный язык вытесняется и ставится в неравноправное положение местного наречия. Причины сложившегося положения виделись в недостатках политической системы. В частности, в документе говорилось: «Известно, при каких обстоятельствах в нашей стране оживились тенденции к унитаризму и гегемонизму. В связи с этим появилась концепция о необходимости единственного “государственного языка”, причем с этой целью за основу был взят сербский литературный язык»¹. Создатели «Декларации» открыто заявили, что хорватский народ должен иметь собственное национальное название языка, так как это неотъемлемое право любого народа. Они критиковали использование сербского языка в Югославской Народной Армии (ЮНА), средствах массовой

информации, документации союзной администрации, законодательстве и дипломатии. Далее следовало предложение внести изменения в Конституцию СФРЮ (статья 131), чтобы закрепить равноправное использование четырех литературных языков – словенского, хорватского, сербского и македонского. Вопрос языка тесно связывался с положением хорватского народа в рамках Югославии и являлся, по мнению авторов, основой национального суверенитета и полного равноправия. Текст «Декларации» был распространен во всех хорватских средствах массовой информации.

«Декларация» взбудоражила хорватское общество, спровоцировав волну как хорватского национализма, так и постановку сербского национального вопроса. В дискуссии включились и представители хорватской эмиграции.

Хорватское руководство долго сомневалось, что делать с зачинщиками скандала. Особенно, когда в ходе расследования стало ясно, что в создании документа приняли участие представители высшего партийного руководства республики. Авторы «Декларации» и ее активные сторонники подверглись различным наказаниям – от выговоров до увольнений и исключений из партии. Поддержка документа руководством республики стала для оппозиционных сил сигналом о том, что можно предпринять и другие шаги в направлении пересмотра места Хорватии в Югославии, причем не только в области культуры и филологии.

Не успели затихнуть обсуждения «Декларации», МХ сделала попытку пересмотра исторических событий, представленных в программах средних школ. Директор издательства «Školska Knjiga» («Школьная книга») А. Марина, одновременно являвшаяся членом Центрального комитета Матицы и совета газеты «Hrvatski Tjednik» («Хорватский еженедельник»), без консультации с Министерством образования выступила с инициативой пересмотра методологии преподавания истории. Это же издательство при полной поддержке МХ опубликовало «Новую хорватскую орфографию», что упростило ее утверждение. Этот учебник был предназначен для школ со смешанным национальным составом, где предполагалось открыть специальные отделения для сербских детей. Были примеры еще более радикальные: МХ подготовила списки сербских партизан, ко-

торых следовало судить за преступления против усташей, сторонников профашистского режима времен Второй мировой войны².

«Декларация о положении и названии хорватского литературного языка», националистические акции МХ, пересмотр хорватскими историками оценок отдельных исторических событий стали выражением стремления хорватской политической, научной и культурной элиты к пересмотру места Хорватии в Югославии. Эти намерения приобретали все более отчетливые формы. Хорватский исследователь Д. Кастратович отмечал: «Декларация» явилась серьезным моментом в развитии хорватского общества. Был использован небольшой запас свободы. Теоретически, выступая за социализм югославского типа с судьбоносными изменениями, партии предстояло преобразоваться в движение. Но движения нигде не было. Попытки расширить свободу исходили из самой партии, ее реформаторского крыла. Речь шла о дозированной свободе»³. Уже в следующем 1968 г. в Хорватии заговорили о создании национального движения во главе с партийным руководством.

Оппозиция стала активно привлекать молодежь. Удобным поводом явились студенческие забастовки в Белграде в 1968 г. 3 июня студенты ряда факультетов Белградского университета вышли с акциями протеста на улицы города. Студенческие волнения стали следствием неуспеха реформ, волнений албанцев в Косове, нестабильности политической системы. В СМИ появились статьи «Против уравниловки», «Рынок – это единственный и наиболее правильный судья». Для всех этих процессов существовали объективные причины: уровень жизни снижался, зарплата в государственном секторе, особенно заработки профессоров, не росла, пенсионеры едва сводили концы с концами, молодые с трудом находили работу. За неполных десять лет, после принятия «самой прогрессивной» программы СКЮ, цели, изложенные в ней, провалились⁴. Социальное расслоение, проблемы с трудоустройством, бытовая неустроенность привели к разочарованию по отношению к власти. Студенты требовали «тот социализм, который был обещан обществу, но до сих пор не осуществлен».

Хорватские студенты поддержали требования белградской молодежи. Однако руководство республики и профессора

Университета в Загребе, являвшиеся членами МХ, сделали все, чтобы увести хорватских студентов с улиц. Им объяснили, что у Хорватии свой национальный путь, но для активных действий время еще не пришло. С. Дабчевич-Кучар, председатель Центрального комитета Союза коммунистов Хорватии (ЦК СКХ), в своих воспоминаниях написала: «Мы разговаривали с нашими, прохорватски ориентированными студентами и пришли к выводу, что левые позиции не подходят для Хорватии»⁵. В Загребе республиканское руководство пыталось убедить студентов, что национальные требования более важны, чем социальные. М. Трипало, секретарь Исполнительного комитета ЦК СКХ, был еще более категоричен, когда сравнивал студенческое движение, утверждая, что белградские демонстрации проводят экстремистские «левые» силы, частично унитаристски и сталинистски ориентированные, поэтому в Загребе акценты надо расставлять иначе.

К власти в Хорватии пришли молодые кадры, средний возраст членов ЦК был около 45 лет. Они выступили с серьезными экономическими инициативами, направленными на достижение Хорватией большей экономической самостоятельности. В их числе: реформирование банковской системы, децентрализация валютных фондов, передача экономической власти рабочим организациям, общинам и республикам. Они также подняли вопрос о «чистых доходах», то есть стремились сами распоряжаться доходами республики. Эти планы хорватского руководства привели к конфликту Хорватии с союзными органами и вызвали непонимание у остальных югославских республик.

Стремясь обосновать свои требования, хорватские политики запросили у Союзного Исполнительного Веча (СИВ) данные о структуре доходов в СФРЮ. М. Трипало считал, что Хорватия вносила в союзный бюджет больше всего средств: Хорватия – 25,77%, Сербия – 24,33%, Словения – 14,96%, БиГ – 13,59%, Воеводина – 11,77%, Македония – 5,22%, Косово – 2,32%, Черногория – 2,04%. По этому вопросу возник новый конфликт, так как официальные данные по экономическим показателям в СИВ им предоставить отказались. С. Дабчевич-Кучар, председатель Исполнительного веча Хорватии, потребовала полной информации об экономических показателях в

республике. Однако, по ее словам, просьба о предоставлении подобной информации воспринималась в то время, как дестабилизация межнациональных отношений, как угроза единству всей Югославии⁶.

Хорватия выступила с критикой СИВ за непоследовательность в осуществлении утвержденной экономической политики. Это вызвало полемику вокруг внебюджетного баланса федерации. Хорваты недоумевали, откуда в федерации при постоянно растущих доходах и крупных инвестиционных проектах берется дефицит. Они обвинили союзные власти в предоставлении нереального уровня роста национального дохода. В запросе, направленном в СИВ, говорилось о необходимости изменения монопольного положения союзных банков, о новых подходах к планированию и перераспределению средств. В этом вопросе Хорватия снова не нашла поддержки других республик.

Тогда хорватские политики снова обратились к общественности, обнародовав детали своих переговоров с союзным правительством. Представители СИВ ответили хорватской стороне обвинением в нарушении договорной политики. Они утверждали, что данные по дефициту, представленные Хорватией и союзными органами, не совпали. Союзное правительство заявило, что дефицит появился от нереального составления хорватами годовых планов роста национального дохода.

В стране в 1968 г. продолжалась работа над поправками к союзной Конституции. Первые шесть поправок были приняты в апреле 1967 г. и касались скупщин республик, федерации, продолжительности мандата председателя страны. Следующие тринадцать поправок утвердили в конце 1968 г. – вводились новые палаты парламента (вече республик и краев), определялись правила употребления языков и алфавитов (сербскохорватский язык перестал называться общегославским). Поправки, касавшиеся отношений республик и федерации, приняли в марте 1969 г. и в октябре 1970 г., а в середине 1971 г. были сделаны еще двадцать три поправки по проблемам самоуправления.

У Хорватии и по поводу конституционных изменений имелось свое мнение. В октябре 1968 г. республика выступила против поправки о Вече народов, против паритетного представительства от каждой из республик без учета численности

ее населения. После дискуссий при ее принятии, депутаты из Хорватии за эту поправку не голосовали. П. Пиркер, секретарь Исполнительного комитета ЦК СКХ, на заседании экономической палаты заявил: «Конституционная реформа, по сути, реформой не является»⁷. Тем самым, он дал понять, что хорватские реформаторы рассчитывают на большее.

Хорватские коммунисты демонстрировали стремление власти быть ближе к народу, служить его интересам. За экономическими требованиями последовали политические претензии Хорватии к федерации. В своем стремлении к большей самостоятельности хорватские коммунисты апеллировали к историческим правам хорватского народа, что привело к обострению в республике межнациональных противоречий и росту националистических проявлений.

Новые тенденции в политической жизни Хорватии нашли понимание и поддержку у деятелей МХ, которые стремились усилить роль своей организации в политической жизни республики. В 1968–1969 гг. Матица серьезно расширила издательскую деятельность и через периодические издания осуществляла планомерную пропаганду своих идей. Если в период с 20 мая 1966 по 31 марта 1968 гг. МХ издавала 9 журналов, то к осени 1971 г. их число возросло до 25. На страницах газет и журналов организации поднимались следующие темы: национальный вопрос, варианты создания национального государства, формирование национальной армии, разделение учащихся по национальному признаку, проблема смешанных браков, экономическое угнетение Хорватии в Югославии. В средствах массовой информации МХ открыто пропагандировала национальную нетерпимость хорватов к другим народам Югославии и, прежде всего, к сербам. Власти Хорватии не только не принимали мер против подобных шагов, но и поощряли их, оказывая МХ финансовую помощь. Она же, в свою очередь, в рамках научных и общественных форумов поддерживала политику молодых хорватских лидеров и выступала с критикой их противников. В рассматриваемый период можно говорить о том, что часть СКХ и МХ по ряду вопросов становятся союзниками.

В 1970 г. наблюдается оформление целей и задач оппозиционного лагеря. Отличительной чертой этого этапа стал пере-

ход от обсуждений проблем хорватской самобытности и условий существования в рамках СФРЮ к разработке программ конкретных действий. Молодые хорватские лидеры сумели склонить И. Броз Тито на свою сторону, и, как следствие, не просто удержаться у власти, но и укрепить свои позиции.

На проведенном 15-17 января 1970 г. X пленуме СКХ молодые коммунисты отстаивали право принимать политические решения самостоятельно от других республик и союзных органов, при этом они считали недопустимой критику в отношении проводимой ими в Хорватии политики. Это право, по их мнению, оправдывалось «прогрессивностью» взглядов хорватской политической элиты и поддержкой ее со стороны И. Броз Тито.

Во время пленума члены хорватского руководства дважды разговаривали с И. Броз Тито по телефону. Первый раз он сам позвонил и спросил, как идут дела. Второй раз ему звонила С. Дабчевич-Кучар, чтобы зачитать проект Заключения пленума перед его окончательным утверждением. Тем самым создавалось впечатление участия и поддержки главой государства всего того, что происходило на X пленуме ЦК СКХ.

На пленум были приглашены все средства массовой информации. В политической практике Югославии пленум ЦК одной из югославских республик впервые транслировался в прямом эфире по радио и телевидению. Исследователь Т. Понош считает, что это являлось показателем новых веяний, примером открытости общественному мнению⁸. Такую предельную гласность можно объяснить опасениями хорватских лидеров, что их заявления могут исказить, неправильно интерпретировать. К тому же это был самый быстрый способ донести до широкой общественности свои взгляды, учитывая достаточно сложное положение хорватского руководства в конце 1969 г., когда их инициативы не поддерживали другие республики, а сами они фактически оказались в изоляции.

Вступительное слово взяла С. Дабчевич-Кучар. Подчеркивая прогрессивность планов хорватской партии, она подняла вопросы экономических реформ. В докладе главы СКХ в очередной раз были поставлены вопросы «чистых доходов», валютного регулирования, ограничения роли федерации в инвестиционной политике, концентрации капитала в

нескольких союзных банках и вопрос суверенитета, а также свободы и равноправия всех народов Югославии. Хорватия выступала за то, чтобы доходы республики шли на ее же развитие, особенно валютные средства, доля которых в республиканском бюджете была больше, чем в других республиках СФРЮ. Это можно считать еще одной заявкой на расширение экономической самостоятельности. При этом о других республиках речи не шло, за что потом С. Дабчевич-Кучар серьезно критиковали, поскольку доходы каждой из югославских республик были разными, а изменение в системе перераспределения доходов нанесло бы ущерб экономически менее развитым республикам. «Прогрессивность взглядов», по мнению хорватских политиков, давала Хорватии право рассуждать о единстве СКЮ и народов Югославии в одностороннем порядке.

Затронуть национальный вопрос пришлось, но С. Дабчевич-Кучар представила его как право каждого народа на самостоятельное развитие в области культуры и образования. Она признала существование национализма в Хорватии, но как незначительное явление, которое находилось под контролем партии и не имело тенденции к росту. С. Дабчевич-Кучар заметила, что большая часть интеллигенции поддерживает курс ЦК СКХ, а под националистическое влияние попали единицы из числа деятелей культуры. Выход она видела в активизации диалога с этими силами. Более того, она акцентировала внимание на национальных проблемах, в данном случае, Хорватии, связав их с равноправием народов, усилением национальной индивидуальности, как противовес унитаризму. «Для унитаристов, – заявила она, – не существует национального вопроса и национальных проблем. Они считают, что существование сильной нации и народности ослабляет Югославию. Я не верю в единство, которое основывается не только на неприятии, но и отрицании свободы и равноправия нации. Унитаристы боятся даже упоминать слова хорват, хорватский, хорватский язык и подобные»⁹. Далее следовал вывод о том, что права хорватского народа в Югославии не защищены. По мнению С. Дабчевич-Кучар, СКХ выступал той единственной силой, которая способна вести борьбу за равноправие и национальную индивидуальность с враждебными антисоциалистическими и анти-

реформаторскими силами. Снова звучала критика в адрес союзного руководства.

В докладе С. Дабчевич-Кучар были официально озвучены права хорватского народа на свой литературный язык, национальную культуру и образование. Фактически СКХ на партийном уровне закреплял те посылы, которые шли от Матицы хорватской с 1967 г. Это говорит не просто о единстве взглядов этих двух политических сил, но и о выработке общей позиции.

По инициативе С. Дабчевич-Кучар на пленуме был поднят вопрос будущего развития республики, «как государства», ее роли в федерации. Она прямо заявляла на пленуме о стремлении Хорватии изменить свой статус в СФРЮ: «Мы сможем обрести свое социалистическое государство»¹⁰. Вопрос об отделении не поднимался, но каждый раз следовала оговорка, что суверенитет будет осуществляться в рамках Югославии. Под тезисом «государственности» в Хорватии подразумевали современное экономическое развитие на уровне современных европейских государств, правовой порядок вместо партийно-политического государства, плюрализм мнений вместо идеологического единообразия, европейскую, а не балканскую геополитическую ориентацию¹¹. Хорватским лидерам важно было показать свою состоятельность и способность справляться с трудностями, а залогом успешного руководства они считали реформы, которые проводились в республике.

Таким образом, вступительная речь С. Дабчевич-Кучар превратилась в презентацию программы нового курса СКХ с заявкой на большую самостоятельность в экономике, культуре, внутренней и внешней политике, а также внутрипартийных отношениях, вплоть до создания в рамках Югославии своего государственного образования. Это право обосновывалось «прогрессивностью» и решительностью хорватских коммунистов.

Хорватские коммунисты планировали занять лидирующее место в СКЮ и претворять свои планы в жизнь в рамках существующих механизмов социалистической системы, но деятели МХ стремились преодолеть монополию одной партии, противопоставив ей политические возможности своей организации.

Деятели МХ, представляя себя будущими политическими лидерами Хорватии, внедряли в органы власти и партии своих сторонников. ЦК СКХ озвучил планы по созданию социалистического государства в рамках Югославии, Матица же стремилась к максимально свободной Хорватии, обсуждая на страницах периодических изданий вопрос о ее будущей независимости.

После X пленума ЦК СКХ начался процесс перехода части руководства Хорватии на националистические позиции. В. Бакарич откровенно заявил о смене тактики МХ на слияние с СКХ: «Перестало быть понятно, где проходит линия между нами и ними. На этой основе они начали добиваться успеха»¹². Исследование деятельности МХ также подтверждает наше мнение. Члены Матицы стремились занять посты в партийном и республиканском руководстве Хорватии, включая Союз коммунистов. Еще во время обсуждения «Декларации» В. Бакарич подчеркивал, что в случае с МХ речь идет о «параллельном ЦК», но с тех пор об этом предостережении многие забыли. Теперь же, в начале 1970-х гг., по мнению многих политиков, МХ превратилась в «теневое правительство», в котором, например, профессору юридического факультета университета в Загребе Ш. Джодану – секретарю по экономическим вопросам Матицы – фактически отводилась роль министра экономики Хорватии. На заседании Исполнительного комитета ЦК СКХ в Загребе 19 ноября 1970 г. он открыто заявил, что «МХ отвечает за экономический сектор»¹³. Вопросами культуры в «теневом кабинете» ведал литератор, редактор журналов «Kolo» («Круг») и «Kritika» («Критика») В. Павлетич, директор издательства МХ, а делами по трудоустройству хорватских граждан за границей – З. Комарица, публицист в звании полковника Югославской народной армии.

Члены МХ заняли ответственные государственные должности и посты в народном хозяйстве, просвещении, средствах массовой информации. Ф. Микулич получил место председателя Общинной скупщины Ястребарско, И. Рамляк перешел в издательство «Školska Knjiga», И. Гази начал работать на предприятии «Винопродукт», а активист студенческого движения А. Глибот стал секретарем в журнале «Hrvatski gospodarski glasnik» («Хорватский экономический вестник»). Такое разно-

образии важных постов в республике давало МХ больше возможности распространять свои идеи и влияние. Так, например, известен случай, когда М. Веселица и Ю. Сарич, являясь членами Республиканского вече профсоюзов, по собственной инициативе поставили на повестку дня Союза профсоюзов вопрос об организации профсоюзов на национальной основе (сербский или хорватский профсоюз вместо профсоюзов Сербии, Хорватии). Там же была затронута проблема экономического ущемления Хорватии. М. Веселица потребовал, чтобы при рассмотрении конституционных поправок профсоюз не забыл подчеркнуть идею национальной государственности и концепцию закрытой национальной экономики¹⁴. Таким образом, по своим целям, по характеру деятельности, организационной структуре, стилю внутренней жизни и тактике борьбы Матица хорватская приобрела черты политической партии. В связи с этим интересными представляются воспоминания генерала Р. Мишковича, который описал разговор с М. Трипало: «В разговоре со мной он постоянно уходил от ответа о связи руководства с националистами. Потом задумчиво произнес, что без этого союза в Хорватии никто не смог бы удержаться у власти, и они тоже»¹⁵.

Можно говорить о складывании четкой концепции хорватского оппозиционного движения, основной целью которого являлось создание самостоятельного хорватского государства пока в рамках Югославии. При определенных благоприятных условиях не исключалась и полная независимость. Четко обозначенные в системе политических координат составляющие силы хорватского оппозиционного движения МХ и СКХ стали действовать уже не просто в одном направлении, но перешли к согласованию своих программ.

В 1971 г. хорватское оппозиционное движение вышло на принципиально новый уровень. Этот этап характеризуется тем, что МХ и часть СКХ после принятия программ действий приступили к выработке и осуществлению политики конкретных шагов по их реализации. В 1971 г. у части руководства СКХ и МХ появилось ощущение «исторического шанса», который как одни, так и другие спешили использовать. К этому времени деятели МХ настолько проникают в ряды СКХ, а коммунисты становятся членами Матицы, что фактически происходит

слияние этих двух составляющих сил. И те, и другие заявили о создании хорватского так называемого «массового движения». М. Трипало сформулировал его так: «Это комбинирование организованных социалистических сил и спонтанного действия, а также свободной инициативы широких слоев нашего общества»¹⁶.

Лидеры Хорватии превратили «массовое движение» в часть стратегии Союза коммунистов Хорватии. Озвученное ими стремление к переменам было все больше похоже на движение за усиление самостоятельности в рамках Югославии. На партийных форумах все чаще использовалось понятие «хорватская государственность», а работа над поправками к республиканской Конституции приобрела форму подготовки к достижению максимальной независимости.

Идеологи МХ разработали планы по освоению власти в республике, которые заключались в повсеместной замене руководства предприятий, государственных учреждений, СМИ, учебных заведений своими сторонниками. Добившись больших результатов на политическом уровне путем внедрения во властные органы своих членов, МХ уже не скрывала стремления стать ведущей политической организацией Хорватии. Заявления представителей Матицы становились все более смелыми. На выступлении в Валпове в мае 1971 г. идеолог организации М. Веселица сказал, что Матица является реальной политической силой, и только она сможет защитить права хорватского народа. Деятели МХ выработывали для себя тактику дальнейших действий: «У нас уже есть победа на политическом уровне на X пленуме ЦК СКХ по легализации хорватского Сабора, Матицы как глобальной силы Хорватии, которая отстаивает хорватский интерес. В газете «Hrvatski Tjednik» и в хорватском университете мы ведем конкретную борьбу. Если в эту борьбу включится каждое местное объединение, каждая рабочая организация, каждая община, каждый комитет СКХ, каждая школа, каждый факультет, каждое спортивное общество, тогда мы добьемся успеха. Результатом борьбы станет снятие директоров предприятий, смена рабочих советов, комитетов, общественных структур, местных объединений, фондов культуры. Это огромная работа, это наша тактика и стратегия»¹⁷. Таким образом, МХ стремилась к обретению политической власти,

используя средства массовой информации, влияние в университете и в партийных структурах. Основательность и масштаб планов показывают, что идея возникновения «массового движения» в рядах СКХ не могла быть случайной. Она, очевидно, формулировалась и конкретизировалась в тесном взаимодействии с МХ.

Деятели Матицы хорватской видели себя будущими лидерами Хорватии. На заседании Президиума СКХ в Сплите в начале 1971 г. М. Велич пришел к выводу, что основной задачей участников хорватского оппозиционного движения является «получить абсолютную власть в республике». И свои надежды он связывал с МХ: «Политической и организованной силой в Хорватии, которая отстаивает хорватские интересы, является Матица хорватская, а не СКХ»¹⁸. Любую критику в свой адрес МХ объявляла ограничением свободы научной и культурной деятельности. Судя по программам МХ, если бы власть оказалась в руках ее сторонников, «врагов» Хорватии ждала незавидная участь.

Материалы периодических изданий МХ на этом этапе развития хорватского движения стали носить открыто антиюгославский и антисербский характер. На страницах газет и журналов организации преобладала пропаганда националистических идей. Политика СКХ и деятельность МХ способствовали росту как хорватского, так и сербского национализма, политической и межнациональной напряженности в республике. Следствием созданной в Хорватии атмосферы стала активизация сербских общественных и культурных организаций, выступавших в защиту сербского населения, чьи интересы хорватское «массовое движение» не только не учитывало, но и часто открыто преступало. В республике участились столкновения на национальной почве. В школах, на предприятиях, в государственных учреждениях велся подсчет соотношения сербов и хорватов, осуществлялись перевыборы в местные органы власти, началось переименование улиц. В межнациональные споры в Хорватии вмешалась Матица сербская и ЮНА. Их участие в событиях являлось угрозой перерастания хорватского «массового движения» пределов республиканских границ.

Многочисленные попытки И. Броз Тито вернуть хорватский политический курс в общее реформаторское русло, тре-

бования своими силами справиться с оппозиционерами оказались тщетными. 4 июля 1971 г. глава государства приехал в Загреб, где встретился с Исполнительным комитетом СКХ и другими видными политическими функционерами Хорватии. Встреча состоялась на вилле «Загорье» и стала одной из самых интересных и важных в ходе хорватского «массового движения». И. Броз Тито отметил, что национализм присутствует во всех республиках, но особенно сильно он проявляется в Хорватии, и что нужны другие способы борьбы с ним, разговоров недостаточно. «Сейчас начался курс против меня и против вас. Сейчас у меня достаточно власти, но я не знаю, как выйти из этой ситуации»¹⁹, – добавил он. Тито пригрозил хорватам отставками тех, кто не готов к решительным действиям против национализма и призвал к чистке в Союзе коммунистов Хорватии.

Тем самым доверия к хорватскому руководству у И. Броз Тито оставалось все меньше. Решительные меры в борьбе с национализмом не осуществлялись. Он критиковал республиканское руководство за то, что оно «сосредоточило все усилия на создании государства», которое приобрело все необходимые атрибуты, в том числе и в сфере международных отношений. Руководство СКХ ответило на критику ставшими уже традиционными ссылками на интриги против Хорватии. Секретарь Исполнительного комитета П. Пиркер, заявил, что в Хорватии не происходит ничего тревожного, но и ничего позитивного, поскольку важные вопросы развития республики на югославском пространстве не решены.

Это вызвало крайнее удивление И. Броз Тито, поскольку молодые хорватские политики открыто и решительно противоречили ему. Сторонники В. Бакарича (Й. Радойчевич, М. Планинц, Э. Доросси-Биелац) настаивали на том, что ситуация в Хорватии трагическая – сербы запуганы, в некоторых селах выставлены посты охраны. Однако, несмотря на поток критики в адрес Хорватии И. Броз Тито в конце встречи попросил прощения за некоторую резкость и обещал поразмышлять над всем услышанным.

В конце встречи 4 июля 1971 г. И. Броз Тито обратился к хорватскому руководству. «Вы думаете, – сказал он, – у меня нет никакого национального самосознания, что я вообще не

ощущаю себя хорватом, что я, как молодой пролетарий, впитал в себя интернационализм, так как мы, коммунисты, должны быть интернационалистами? Но я все-таки хорват... Вы рискуете оказаться на самом краю, но совсем не хотите меня слушать...»²⁰. Как видно, глава государства колебался между национальными чувствами и партийно-государственными интересами. Именно этим можно объяснить терпение, с которым он постоянно в течение 1971 г. давал шанс хорватскому руководству в условиях, когда все остальные республики Югославии были настроены против Хорватии.

Пропаганда МХ среди молодежи и призывы СКХ к более активной политической позиции привели к тому, что университет в Загребе объявил забастовку. Однако остальные составляющие оппозиционного движения активного участия в забастовке не приняли, ограничившись моральной поддержкой. Забастовка еще больше дестабилизировала и без того непростую ситуацию в Хорватии.

Основной документ для рассмотрения целей участников забастовки был представлен в «Заключениях», принятых студентами 22 ноября 1971 г. В нем они выражали поддержку поправкам к Конституции СРХ, которые могли превратить Хорватию в «суверенное национальное государство хорватского народа». Студенты осудили так называемые «надуманные эксцессы» с сербами, которые дестабилизировали ситуацию в обществе. Осуждению подверглись также те политики, которые сводили свои действия к преследованию хорватских интеллектуалов и студентов. Особенно активными в этом плане были студенты юридического факультета, на котором незадолго до начала забастовки читал лекции М. Трипало. Не исключено, что именно его влияние отразилось на заявлении факультета о забастовке: «Мы присоединились к забастовке не потому, что против прогрессивного развития нашего социалистического общества, а потому, что хотим его ускорить. Мы верим, что ЦК СКХ в большинстве своем прогрессивен и ведет борьбу в интересах рабочего класса Хорватии и всего хорватского народа»²¹. Студенты университета прекратили занятия, оправдывая свои действия поддержкой СКХ, особенно решениями XXII пленума ЦК СКХ (5–6 ноября 1971 г.), СКЮ и тем, что необходимо конкретное давление на «бюрократические силы», которые тормозят ре-

форматорские процессы. Речь шла о представителях старшего поколения в руководстве республики.

«Заключения» сводились к четырем основным целям:

1. Поддержать политику руководства СКХ.
2. Превратить Хорватию в суверенное государство хорватского народа.
3. Изолировать противников реформ.
4. Способствовать быстрому изменению валютного регулирования в пользу Хорватии²².

Таким образом, «Заключения» содержали озвученные МХ и ЦК СКХ политические и экономические вопросы. Но это уже была не просто программа, а подкрепленные конкретными действиями требования.

К Загребу были подтянуты армейские подразделения. Молодые хорватские лидеры, стремясь избежать возможного кровопролития в республике, подали в отставку. В Хорватии прошли массовые увольнения, исключения из партии, аресты, проводились многочисленные судебные разбирательства.

И. Броз Тито остался доволен результатами проводимых в Хорватии мероприятий по борьбе с национализмом и сепаратизмом, считая, что все сделал правильно и своевременно. 23 декабря, говоря о Хорватии, он отметил: «Они уже начали проповедовать, что однажды войдут в ООН, и постепенно день за днем возьмут армию в свои руки. Думаю, что скорее река Сава поменяет свое течение»²³. После отставки молодых хорватских коммунистов и начала арестов их сторонников хорватское «массовое движение» пошло на спад. Массовость, которую хорватские лидеры так часто подчеркивали, им не помогла. Никто не выступил в их защиту: ни интеллигенция, ни пресса, ни рабочие, ни армия. Произшедшая перегруппировка в руководстве не вызвала общественного недовольства. На улицах еще находились студенты, судьба которых с этого момента оставалась неясной, а так же было очевидно, что грядут массовые чистки как партийных кругов, так и общественных и культурных организаций. Покидая свой пост, М. Трипало пообещал, что репрессивных мер в отношении студентов и преподавателей не будет. Однако ситуация резко изменилась, и сразу же после отставки хорватского руководства прошли аресты всех лидеров университетского движения. В последу-

ющие дни милиция проводила рейды в студенческих общежитиях, в ходе которых были арестованы еще более 800 чел., 475 из них предстали перед судом²⁴.

7 декабря 1971 г. были арестованы все редакторы еженедельника «Хрватски тьедник»: главный редактор В. Готовац, редактор по экономической тематике Х. Шошич, а также главные авторы газеты – Ф. Туджман, В. Павлетич, Ш. Джодан. 11 декабря 1971 г. произошла коллективная отставка Исполнительного комитета МХ, 20 декабря в отставку отправлены члены Центрального комитета и Президиума Матицы хорватской. Здание организации и ее архив были опечатаны полицией, позднее их передали Югославской Академии Наук и Искусств в Загребе. В начале 1972 г. архив МХ сгорел при невыясненных обстоятельствах, ее деятельность была прекращена, а члены были лишены свободы по статьям 100, 106, 109, 118 и 225 Уголовного кодекса СФРЮ. М. Веселица был осужден на семь лет, Ш. Джодан – на шесть, Х. Шошич – на два с половиной, З. Комарица и Ф. Туджман – на два года, В. Павлетич провел в заключении полтора года строгого режима (с запретом на дальнейшую общественную деятельность). В. Готоваца приговорили к 4 годам, 18 лет он жил без паспорта, 19 лет – без работы²⁵. Таким образом, удалось изолировать самых активных и влиятельных участников движения, его идеологов, тех, кто был способен и дальше будоражить общественное мнение.

Запрет МХ способствовал более быстрому подавлению хорватского оппозиционного движения и, в конечном счете, его поражению. Секретарь ИК ЦК СКХ Й. Врховец в дискуссии о МХ в 1972 г. констатировал: «МХ превратилась в политическую партию и начала осуществлять массовое движение. Если вы посмотрите на организацию ее Президиума и многочисленных комиссий, то увидите, что это было не что иное, как правительство»²⁶.

Идеи хорватского движения вдохновили зарубежных экстремистов на решительные действия, которые они предприняли летом 1972 г., попытавшись организовать на территории Герцеговины партизанскую войну. Согласно изданной под грифом «Совершенно секретно» Директиве верховного командования Вооруженных сил СФРЮ, по всей стране формировались мобильные группы, которые обезвреживали экс-

тремистов и предотвращали попытки создания партизанских отрядов. Было предписано обращать особое внимание на инициаторов, организаторов и участников так называемой «специальной войны» – термина, появившегося в этот период²⁷.

В марте 1972 г. прошли суды над студенческими лидерами с формулировкой «за контрреволюционные действия против народа и государства». По официальным данным, в 1972 г. к суду были привлечены 69 коммунистов-членов ЦК и 947 чел. на более низких должностях. Так называемые политические меры были применены к 1052: из Союза коммунистов исключены 741 человек; 31 руководитель переведен на другие должности; в отставку со своих должностей ушли 280 чел.²⁸.

Если с 1961 г. по 1971 г. в республике были осуждены 400 чел., то только с 1972 по 1973 г. число осужденных составило 2000 чел.²⁹ Эту цифру подтверждает и С. Дабчевич-Кучар в своих воспоминаниях, называя указанный период «охотой на людей». М. Трипало в своих воспоминаниях утверждает, что в это время из партии было исключено более 5000 чел. Действительно, отставки прокатились по всей республике, в каждой административной области, на всех предприятиях, во всех средствах массовой информации. Бывшие хорватские лидеры тоже ожидали ареста. С. Дабчевич-Кучар пишет, что этого требовал и И. Броз Тито, но В. Бакарич предостерег: «Не нужно из них делать еще больших героев»³⁰.

19 сентября 1972 г. состоялся суд на Ф. Туджманом. Как и многие другие, он был обвинен в преступлении против народа и государства, во враждебной пропаганде и сотрудничестве с крайней политической эмиграцией. Через три года он вновь вернулся на политическую сцену.

По статистическим данным СКХ, в 1971–1972 гг. из партии были исключены 12403 члена. Хорватский историк З. Раделич в своей работе приводит сведения партийных документов за 1972 г., согласно которым членства в СКХ лишились около 25051 чел.³¹ Если судить по количеству подвергшихся различным наказаниям людей, то хорватское движение оказывается массовым. Однако нельзя исключать, что после прорыва на территорию страны экстремистов, власти провели тотальные чистки, наказывая всех подозревавшихся в симпатиях к хорватскому «массовому движению». Таких людей в республике

было немало, поскольку участники движения озвучили традиционные составляющие хорватской национальной идеи.

Оппозиционное движение в Хорватии в 1960-х - 1970-х гг. стало для многих хорватских политических и общественных деятелей хорошей школой и мотивом для дальнейшей борьбы за создание независимого государства. В начале 1990-х гг. они успешно применили опыт «массового движения», его отработанные методы и средства, налаженные каналы связи с хорватской эмиграцией для создания независимого государства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Geneza maspoka u Hrvatskoj. Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd, 1990. S. 2.

² Matici treba da bude strano pokroviteljstvo nad Hrvatima koji žive van Hrvatske. Borba, 1970 g. 23 nov. // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 677.

³ Kastratović D. Proljeće moderne Hrvatske. Zagreb, 2002. S. 60.

⁴ Миладиновић И. Тајна и опомена: 1968.: тридесет пет година касније: Све модрице студентске револуције. Београд, 2003. С. 17.

⁵ Marković P. J. Studentski pokret u Jugoslaviji 60-tih godina 20 veka: između nacionalizma i internacionalizma, između reformizma i dogmatizma // Dijalog povjesničara– istoričara, Zagreb, 2002. 20–22 septembra. S. 405.

⁶ Dabčević–Kučar S. '71 hrvatski snovi i stvarnost. Zagreb, 1997. 2 sv. S. 89.

⁷ Zanko M. Zabilješka o nacionalističkim pojavama u SR Hrvatskoj koje sam iznio u razgovoru sa Predsjednikom Republike // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 179.

⁸ Ponoš. T. Na rubu revolucije– studenti '71. Zagreb, 2007. S. 57.

⁹ Kastratović D. Op. cit. S. 150.

¹⁰ Dabčević–Kučar S. SKH u političkoj akciji. Zagreb, 1971. S. 42.

¹¹ Dabčević –Kučar S., Gotovac V., Budiša D. Nakon četvrt stoljeća // Erasmus. 1996. № 15. S. 9.

¹² Ibid. S. 8.

¹³ Savez komunista Hrvatske. Centralni komitet. Sjednica (28, Zagreb, 1972), Izvještaj o stanju u Savezu komunista Hrvatske u odnosu na prodor nacionalizma u njegove redove (usvojen na 28 sjednici CK CKH, 8 svibnja 1972). Zagreb, 2003. S. 161.

¹⁴ Ibid. S. 263–264.

¹⁵ Vuković Z. Od deformacija SDB do maspoka i liberalizma: Moji stenografski zapisi 1966–1972 godine. Beograd, 1996. 400 S.

¹⁶ Tripalo M. Hrvatsko proljeće. Zagreb, 1990. S. 28

- ¹⁷ Bošković J. NDH drugi put. Beograd, 1999. S. 31–32.
- ¹⁸ Izvodi iz «Izvještaja» // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 1022–1023.
- ¹⁹ Tripalo M. Op. cit. S. 160
- ²⁰ Kastratović D. Op. cit. S. 211
- ²¹ Studenti Pravnog fakulteta Hrvatskog Sveučilišta // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 816.
- ²² Knezović M. Štraik hrvatskih sveučilistaraca u jesen 1971 u onodobnom tisku // Zagreb, Radovi zavoda za povjest znanosti FF. 1995. Vol.28. S. 231.
- ²³ Šošić H. Hrvatski tjednik u 1971 g. // Kolo Matice Hrvatske. 1994. № 11/12. S. 1189.
- ²⁴ Radelić Z. Hrvatska u Jugoslaviji 1945–1991.: od zajedništva do razlaza. Zagreb, 2006. S. 454.
- ²⁵ Gotovac V., Budiša D. Razgovori o slobodnoj Hrvatskoj. Zagreb, 1991. S. 90–91.
- ²⁶ Jandrič B. Uloga Matice hrvatske u događajima 1971 godine // Dijalog povjesničara–istoričara, Zagreb, 2002. 20–22 septembra. S. 428.
- ²⁷ Arhiv Slovenije. F.1931. Š. 1404. S. 1.
- ²⁸ Izvodi i «Izvještaja» // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 1046.
- ²⁹ Tripalo M. Op. cit. S. 198.
- ³⁰ Dabčević –Kučar S. Hteli smo Evropu dovesti u Hrvatsku // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb, 1990. S. 1012.
- ³¹ Radelić Z. Op. cit. S. 461.

Е.Ю. Гуськова (Россия)

Социалистический союз трудового народа Югославии как форма преодоления оппозиционного движения

В статье рассматривается формирование политической системы Югославии в послевоенный период и анализируется попытка создать институт согласования различных точек зрения, названный Социалистический союз трудового народа Югославии (ССТНЮ). Он рассматривался как всенародный парламент, как основа системы политической демократии в Югославии, вполне заменяющий многопартийную систему. ССТНЮ смог на начальном этапе сыграть важную роль заменителя многопартийной системы, хотя полностью нейтрализовать диссидентское движение в стране так и не удалось.. Не получилось и предотвратить сепаратистское националистическое движение в Косове и Метохии.

Ключевые слова: Югославия, Социалистический союз трудового народа, парламентаризм, альтернативные и диссидентские движения, сепаратизм, Косово и Метохия.

История сербской оппозиции восходит ко времени складывания политической системы в Сербии, когда она входила в состав Османской империи в качестве автономного княжества. Именно тогда по требованию оппозиции, стремившейся ограничить власть князя Милоша Обреновича, в 1835 г. была созвана Скупщина, принявшая Конституцию.

Основа формирования современной парламентской системы была заложена после Второй мировой войны, с провозглашением в 1945 г. Временной Народной Скупщины, постановившей провести народные выборы и создать Учредительную Скупщину. За короткий срок были разрушены многопартийная система и буржуазный плюрализм межвоенной Югосла-

вии, и в стране утвердилась однопартийная система во главе с Коммунистической партией. В условиях многонационального государства, серьезного опыта многопартийной системы и буржуазного плюрализма переход к однопартийной системе нельзя назвать нелегким. Власть постоянно реформировала политическую систему, пытаясь сделать так, чтобы парламент играл в СФРЮ роль рупора народной воли, зеркально отражая эволюцию системы самоуправления во всем ее многообразии. При сохранении монополии одной партии, идеологи системы самоуправления пытались доказать, что и при однопартийной системе можно достичь высокого уровня демократии.

Политический режим Югославии эволюционировал от командно-административной системы в 1945 г. через так называемую социалистическую демократию однопартийной системы, затем социалистический политический плюрализм к многопартийной системе в 1990 г.

Однако однопартийная система не давала и не предполагала давать простор для альтернативных коммунистическим позиций, для иных взглядов и теорий. Для политической системы, закрепленной Конституцией 1946 г., были характерны концентрация и централизация власти, укрепление исполнительно-административных органов. Правительство обладало правом осуществлять нормативные функции, издавать постановления, имевшие силу закона. Специальный закон (декабрь 1946 г.) наделял правительство правом принимать постановления по вопросам экономики и финансов, (таковых было принято более 100). Правительство часто подменяло деятельность Скупщины, в то время как парламент играл лишь посредническую роль. Доминирующая роль правительства в законодательной деятельности, принижение значения представительных органов являлись существенной характеристикой командно-административной системы, складывавшейся в Югославии в первое послевоенное десятилетие. Послевоенная конституционная система отражала высокий уровень государственной централизации, которая рассматривалась как вынужденная революционная мера.

Уже в первые послевоенные годы однопартийная система подвергалась критике со стороны бывших членов прекративших существование политических партий, и вопрос о необ-

ходимости расширения демократии заставлял И. Броз Тито и его окружение искать такие формы «демократии», которые не могли бы нарушить прочность формирующейся политической системы. Выход был найден в создании некоего института согласования различных точек зрения, названного Социалистический союз трудового народа Югославии (ССТНЮ). Он возник на основе Народно-освободительного фронта (НОФ), созданного во время Народно-освободительной войны 1941–1945 гг. как массовая организация всех антифашистских сил. Но в НОФе был лидер – Коммунистическая партия, задававшая тон всей деятельности Фронта. В 1945 г. организация стала называться Народным фронтом Югославии и просуществовала 8 лет. За это время произошли важные для жизни страны события: разрыв с СССР и социалистическим лагерем, начало разработки теории самоуправления, отказ от советской модели экономического и политического развития. Народный фронт, существовавший и в других странах социалистического лагеря, напоминал о былом единстве схем построения социализма. В феврале 1953 г. Народный фронт Югославии переименован в Социалистический союз трудового народа Югославии.

Постепенно этой организации, не имевшей аналогов в других странах, стали отводить особое место в политической системе Югославии. ССТНЮ рассматривался как всенародный парламент, как основа системы политической демократии в Югославии, вполне заменявший многопартийную систему.

Власть относилась лояльно к тем организациям, которые объявляли о своем вхождении в ССТНЮ. Видя в возникающих общественных и политических группах зародыши политических партий, руководство страны пыталось ввести их в организационные рамки существующего фронта, пойти по пути «непартийного политического плюрализма», т.е. плюрализма позиций, мнений, объединений, не ведущих к созданию политических партий.

Согласно Уставу, ССТНЮ, организованный по территориальному принципу, объединял на добровольной основе всех граждан страны, предоставляя свою трибуну различным точкам зрения и взглядам. Членами Социалистического союза могли стать как отдельный человек, так и общественно-поли-

тические организации и объединения трудящихся. Коллективными членами ССТНЮ являлись Союз коммунистов Югославии, Союз профсоюзов, Союз социалистической молодежи, Союз объединений ветеранов народно-освободительной войны, все общественно-политические организации страны. ССТНЮ был призван сплотить все силы общества, независимо от различий в их идеологии, методах деятельности, представляясь демократической формой организации взаимосогласования инициатив, достижения договоренностей.

Социалистический союз имел разветвленную организационную структуру, формировал по всей стране по территориальному принципу местные организации, которые могли создавать низовые организации. Высший орган ССТНЮ – Союзная конференция, формируемая на принципах паритета из делегаций республиканских и краевых организаций ССТНЮ, делегаций общественно-политической организации и делегатов общественной организации и объединений граждан в федерации. Для принятия политических решений чрезвычайной важности мог быть созван съезд ССТНЮ. Политическим исполнительным органом Союзной конференции являлся Президиум, который избирал Секретариат. Численность ССТНЮ в середине 1970-х гг. была внушительной: свыше 8,5 млн. чел. Социалистический союз имел свой печатный орган – газету «Борба» («Борьба»).

Трудящиеся, различные организации могли в ССТНЮ согласовать свои позиции и выработать общую платформу деятельности. Деятельность Союза была достаточно разнообразной. Он организовывал проведение выборов делегатов в скупщины общественно-политических содружеств, выдвигал и обсуждал кандидатов в члены делегаций, обсуждал общие вопросы политики и подготовки кадров, наблюдал за работой органов власти, органов управления самоуправленческих организаций и объединений¹.

В Конституции 1974 г. было записано, что Социалистический союз трудового народа Югославии является самой широкой основой общественно-политической деятельности трудящихся в системе социалистического самоуправления. В ССТНЮ трудящиеся и граждане, общественно-политические организации и все организованные социалистические силы

обеспечивают политическое единство и единство действий социалистических сил и направляют общественное развитие на основах власти и самоуправления рабочего класса и всех трудящихся и в этих целях:

- обсуждают общественные вопросы и выступают с политическими инициативами во всех областях общественной жизни, согласовывают мнения, определяют политические позиции относительно решения этих вопросов, направления общественного развития, осуществления прав и интересов трудящихся и граждан, обеспечения равноправия народов и народностей, развития социалистических демократических отношений самоуправления, вносят предложения в целях решения общественных вопросов и дают указания своим делегатам в скупщинах общественно-политических содружеств;

- утверждают общие программы общественной деятельности и общие критерии для проведения в основных организациях объединенного труда, местных содружествах и других самоуправляемых организациях и объединениях избрания делегаций, а также для выборов делегатов в скупщины общественно-политических содружеств, обеспечивают демократическое выдвижение и утверждение кандидатов в члены делегаций, избираемых в самоуправляемые организации и объединения, кандидатов в делегации, избираемые в скупщины общественно-политических содружеств, и кандидатов на должности в системе самоуправления и другие должности в системе общественно-политических содружеств;

- обсуждают общие вопросы политики и подготовки кадров, утверждают критерии по отбору кадров;

- наблюдают за работой органов власти, органов управления самоуправляемых организаций и объединений, носителей функций самоуправления и других общественных функций, высказывают свои мнения и оценки, осуществляют общественный контроль и критически оценивают их деятельность, особенно с точки зрения обеспечения гласности работы и ответственности за работу;

- создают условия для всестороннего приобщения молодежи и ее организаций к общественной и политической жизни;

- обеспечивают информирование трудящихся и граждан, оказывают влияние на общественную систему информации и

на выполнение прессой и другими средствами общественной информации их роли;

– борются за гуманные отношения между людьми, за развитие социалистического демократического сознания и норм социалистической жизни, а также за ликвидацию тех явлений, которые ограничивают развитие социалистических демократических общественных отношений самоуправления или каким-либо образом наносят им ущерб.

До 1988 г. все объединения граждан носили неполитический характер. В конце 1980-х появляется целый ряд политических организаций, которые получают название «альтернативные движения», а позднее – «новые политические движения». Объявление в стране в конце 1980-х годов политики реформ поставило на повестку дня и вопрос о роли новых общественно-политических организаций. В средствах массовой информации развернулась полемика по этому вопросу.

Острая и оживленная дискуссия среди югославских ученых и общественно-политических деятелей о политическом плюрализме являлась важной составляющей дискуссии об изменении политической системы, роли Союза коммунистов Югославии, о новом видении социализма, в то время, как теория социалистического самоуправления пыталась теоретически обосновать возможность согласования различных точек зрения и политических движений в рамках ССТНЮ.

Однако практика оказалась такова, что Социалистический союз не смог уберечь страну от введения многопартийной системы. Не удалось Социалистическому союзу нейтрализовать и диссидентское движение. Оно существовало, правда, большей частью, за рубежом, а в стране развивалось вне рамок этой организации.

В рамках ССТНЮ поощрялись дискуссии, особенно теоретические, которые создавали видимость демократического обсуждения, но не могли привести к расшатыванию системы. Приведём пример широко обсуждавшегося вопроса о необходимости введения в стране политического плюрализма. Ученые пытались доказать, что политический плюрализм позволяет преодолеть политическую отчужденность руководства от граждан, вернуть веру в носителей политических функций; избежать внутривнутрипартийных разногласий; построить современ-

ное правовое государство². Допускался даже разговор о преимуществах и недостатках однопартийной и многопартийной систем в условиях самоуправления. Многие тогда были убеждены, что Социалистический союз трудового народа – идеальное место для таких споров

Термин «политический плюрализм» появился в югославском политическом лексиконе, прежде всего, как отдушина для нараставшего недовольства неспособностью Союза коммунистов вывести страну из кризиса, как отражение стремления к большей демократизации.

Среди ученых и политиков тогда существовало несколько подходов к определению содержания политического плюрализма.

1. В условиях самоуправления, теоретически разрабатывавшегося Э. Карделем, «плюрализм самоуправленческих интересов» представлялся важной составляющей политического плюрализма.

2. Наиболее оптимальной считалась модель политического плюрализма в рамках ССТНЮ.

3. Для тех, кто стремился выйти за рамки однопартийной системы, предлагалась модель так называемого двухпартийного политического плюрализма, где СКЮ противостояла бы демократическая оппозиция в лице ССТНЮ.

4. Одним из обсуждавшихся вариантов был смешанный политический плюрализм без партийного представительства в парламенте. Допускалось существование многих партий, но исключалась многопартийная система.

5. Непартийный плюрализм, или «политический плюрализм в функции беспартийной демократии». Его последовательно отстаивал член Президиума ЦК СК Македонии С. Шкарич. По его мнению, политический плюрализм следует искать посередине между самоуправленческим плюрализмом и многопартийной системой и рассматривать как платформу для развития беспартийной демократии³. По его мнению, должно существовать равенство политических субъектов в рамках ССТНЮ. При этом необходим процесс демонополизации идей СКЮ⁴. По оценке Т. Янтала, непартийный плюрализм – это такая форма политической жизни, когда граждане сами, непосредственно, без участия партии выражают свои политические

устремления. Однако в условиях Югославии он считал такой вид плюрализма утопией. Ведь в других странах беспартийный плюрализм не прижился, а развивался партийный плюрализм, поскольку «организованная коллективная деятельность граждан укрепляет их политическое влияние»⁵.

6. Среди важных составляющих политического плюрализма некоторые авторы называли и национальный плюрализм.

7. Для многих, не желавших расставаться с однопартийной системой, предлагалось обсудить вариант внутривнутрипартийного плюрализма. Он, по словам М. Якшича, должен способствовать демополилизации партии⁶.

8. Классический политический плюрализм многопартийного типа в дискуссиях упоминался, но не рассматривался как альтернатива существующему строю в Югославии.

9. Многие ученые сходились на том, что существующий в Югославии контролируемый федерально-партийный политический плюрализм вполне соответствует требованию времени и представляет собой прогрессивное явление в стране, успешно строящей самоуправленческий социализм.

Большинство партийцев не верило в возможность появления политических партий в Югославии даже в конце 1980-х гг. Многие готовы были предположить, что, скорее всего, это будут форумы, комитеты, движения, инициативные группы, профессиональные и культурные объединения, носящие временный характер. Причины виделись в отсутствии социальной базы для формирования партий и соответствующей идеологии. И все боялись политической нестабильности или блокады органов власти, предпочитая рекомендовать уважать демократическую волю народа и воспитывать политическую культуру⁷.

Однако жизнь внесла свои коррективы в теоретические споры югославских ученых. В 1970-е гг. прочное диссидентское ядро в Белграде (Люба Тадич, Драголюб Мичунович, Света Стоянович, Зага Голубович, Михайло Маркович) складывалось вокруг известного писателя Добрицы Чосича. Диссиденты из Сербии имели тесные связи с коллегами из Любляны, Загреба. Словенцы не скрывали свой сепаратизм, и в этом были едины как левые, так и правые⁸.

Многопартийная система стремительно зарождалась в 1990 г. Диссидентское движение, существовавшее в стране в

предыдущий период, не могло создать основу для формирования партий разных направлений. Оно лишь давало ощущение принадлежности к оппозиции. Именно поэтому, когда в январе 1990 г. открылась реальная возможность для создания многопартийной системы, большинство партий, например, в Сербии, не имело своего политического лица. Партии различались по лидерам, а лидеры происходили из одного кружка. Большинство из возникших политических партий было немногочисленно, не имело опыта политической работы, формировалось в ряде республик по национальному признаку. Уже в сентябре 1990 г. официально было зарегистрировано 119 политических партий и организаций. Все партии, включая и социалистические, полностью или частично отказались от классового принципа в своей политической программе, заменив его национальным.

Социалистический союз трудового народа, хотя и заявлял о своей важной роли – обсуждать спорные вопросы, на практике стал органом, который играл подчиненную Союзу коммунистов Югославии роль, должен был показать единство взглядов разных слоев общества и организаций по важным вопросам развития страны. И, конечно, ССТНЮ не мог остановить развития оппозиционного движения. Оно, правда, было разное. Наиболее острыми критиками «режима Тито» выступали эмигрантские круги, в которых существовали даже боевые отряды. В стране мы наблюдаем лишь возникновение альтернативных идей – либеральных, демократических, националистических, но они не претендовали на изменение однопартийной системы, а лишь стремились к ее усовершенствованию. Если же возникали явления, казавшиеся власти, и особенно И. Броз Тито, оппозиционными, противостоявшими строю, то такие явления (или личности) немилосердно подавлялись: инакомыслие искоренялось, партийцы исключались из партии, чаще арестовывались, журналы и газеты закрывались. Единственное, с чем борьба не удалась – это албанское сепаратистское движение в Косове, которое не прекращалось после 1945 г., выступая против существования автономного края в составе Югославии. Остановимся на этом более подробно.

Руководство КПЮ в конце Второй мировой войны столкнулось с серьезным сопротивлением албанских националис-

тов и вынуждено было с декабря 1944 по февраль 1945 г. вести с ними вооруженную борьбу. Оперативный штаб сообщал в декабре 1944 г., что на территории Косова орудуют «шиптарские⁹ банды», которые находятся большей частью в горах, получая помощь и продукты питания в селах, которые их поддерживают. В отношении таких сел предлагалось проводить репрессии. По всему краю действовали албанские контрреволюционные комитеты, которые ширили дух неповиновения, проводили пропаганду «Великой Албании», организовывали сопротивление народной власти, призывали не вступать в армию Тито. Албанские отряды сопротивления насчитывали, по разным данным, от 10 до 16 тыс. чел. Между восставшими албанцами и партизанской армией, в которой большинство составляли сербы и черногорцы, велись военные действия. Были убиты около 3 тыс. албанцев¹⁰. Восстание удалось погасить, часть албанцев перебралась в Грецию, часть осталась в горах и продолжила сопротивление новой власти¹¹. В начале февраля 1945 г. в Косове было введено военное управление, заменявшее гражданскую власть в крае. На должности политического комиссара, командующего и коменданта назначались сербы. Партийные организации Косова и Метохии также возглавляли сербы.

Сепаратистская деятельность радикально настроенной части албанских группировок в Автономном крае Косово началась сразу после войны и в дальнейшем лишь разрасталась. Объединение с Албанией оставалось их главной целью. Они шли к этой цели последовательно и упорно все годы, меняя лишь тактику и средства достижения цели. И повлиять на них не могли ни благородные идеи правящей партии, ни уровень межнациональных отношений во всей федерации, ни степень экономического и социального развития края. В Косове действовали подпольные организации и боевые группы, которые поддерживали албанские организации, разбросанные по всему миру: «Союз косоваров» (с центром в Италии, позже – в Турции), Третья «Призренская лига» (с центром в Нью-Йорке и филиалами в Турции, Австралии, Канаде, Франции, Бельгии, ФРГ). И в Македонии под влиянием, главным образом, косовских настроений, развивалась нелегальная деятельность тайных албанских организаций, подпольных групп и воору-

женных отрядов. Причем, вооруженные отряды действовали преимущественно в 1945–1950 гг., а нелегальные организации и группы – до 1987 г.¹². Наиболее активным временем действия подпольных организаций стали первые послевоенные годы и период 1967–1987 гг. В Македонии подпольные группы и организации были раскрыты в общинах Куманово, Скопье, Тетово, Гостивар, Дебар, Кичево и Струга. Главные цели албанского националистического движения – «освобождение и объединение» албанцев в рамках «этнической территории»¹³.

В 1950-е гг. сепаратистская деятельность в Косове начиналась с создания сети подпольных групп, с привлечения в них преданных людей, с пропагандистской деятельности, особенно среди молодежи, с налаживания связей в руководстве республики и страны. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Косове создается организация «Революционное движение за объединение албанцев», которая позже стала называться «Национальное движение за освобождение Косова и других албанских земель» под руководством Адема Демачи. В ее состав входили около 300 чел. В программе движения констатировалось: «Наша борьба будет долгой, и мы к ней должны подготовиться», а Устав начинался со слов: «Основная и конечная цель движения – освобождение шиптарских краев, аннексированных Югославией, и их объединение с матерью Албанией»¹⁴. Для достижения поставленных целей предполагалось «употребить все средства» – и политические, и пропагандистские, и вооруженную борьбу, и общенародное восстание.

В 1962 г. к заседанию Исполнительного Комитета Союза коммунистов Сербии был подготовлен обширный документ «О вражеской деятельности и негативных явлениях в Космете». В нем отмечалась антиюгославская деятельность албанского посольства, пропагандистская деятельность Албании посредством радио, средств массовой информации. Среди албанцев на территории Югославии отмечалось создание нелегальных организаций: только в 1960 г. их было раскрыто 5 (22 чел.), в 1961 г. – 11 (70 чел.)¹⁵. Целью таких нелегальных организаций являлся сбор оружия, проведение демонстраций, диверсии на предприятиях, распространение листовок, вывешивание албанских флагов и т. д. Но основной задачей таких групп считалась «Борьба за присоединение Косова к Албании»¹⁶.

В 1960-е гг. сепаратисты действовали уже активнее – устраивали провокации и диверсии, оскверняли церковные и кульговые памятники, запугивали православное население. В упомянутом выше документе указывалось на враждебную деятельность учителей и школьников, работников культуры и искусства, чиновников государственного и партийного аппарата. Тогда же стали заметными явления нетерпимости к сербскому населению края. За 10 лет из Косова уехали 500 семей сербов и черногорцев¹⁷. В Епархиальном архиве в Призрене содержатся письма священников, которые сообщали об отъезде многих сербских семей из края, описывали их страдания. Дечанский игумен Макарий писал 3 апреля 1968 г. сербскому Патриарху Герману: «Шиптари опять показывают свою истинную ненависть к сербам. Мы находимся в более тяжелой ситуации, чем во время австрийской или турецкой оккупации. Тогда мы имели хоть какие-то права... Ежедневными стали насилие, кражи средь бела дня, унижения и преследования...»¹⁸.

В одном из сообщений Министерства внутренних дел (МВД) Сербии в 1966 г., составленном на основании данных краевого отделения внутренних дел, подчеркивалось: «В средних школах, средних специальных заведениях, гимназиях и учительских школах молодежи легально преподают национализм... Враждебность растет. И таких акций в последнее время становится все больше... – организация бойкота, нападения на лиц черногорской и сербской национальности, угрозы и принуждения к отъезду с этой территории, открытые враждебные выступления в общественных местах...»¹⁹. Коммунисты Косова во главе с Ф. Ходжей требовали равноправия языков народов и народностей в федерации, переименования Устава края в Конституцию, определения СФРЮ как содружества равноправных народов и народностей, создания в крае Конституционного суда.

В 1968 г. в крупных городах Косова и македонских Тетове и Гостиваре произошли массовые выступления националистической албанской молодежи, разогнанные полицией. Демонстранты требовали предоставить Косову статус республики, принять новую конституцию, объединить территории с албанским населением разных республик. «Тем демонстрациям, – вспоминал профессор из Приштины Ф. Агани, – пред-

шествовали так называемые конституционные дискуссии в СФРЮ. Я участвовал в них, настаивая на требованиях, которые с того времени уже постоянно повторялись: самоопределение, Косово – республика...»²⁰. Служба государственной безопасности отмечала, что националистические настроения в Косове ширятся, охватывая ряды интеллектуалов, студентов и школьников. В конце 1960-х гг. в крае было разрешено использование албанских национальных символов (флаг, например, совпадал с национальным флагом Албании), созданы условия для научного и культурного сотрудничества с Албанией. Укрепление положение края в республике придало силы националистам. Под их давлением из края выселялись сербы и черногорцы. Неалбанские национальности были неравноправны в судах, при приеме на работу, при увольнении с работы. В период с 1961 г. до 1980 г. из Косова уехали 92.197 сербов и 20.424 черногорца²¹. В конце 1960-х гг. в Косове и Метохии активно действовало уже упоминавшееся «Движение за национальное освобождение Косова и других албанских земель», в Македонии – ряд более мелких организаций и групп, таких как: «Национальная партия труда», «Куштрим и лирис», «Дер пер доре» (всего 52 чел.) и др.

Конституция 1974 г. значительно расширяла права автономии в федерации, а многие албанцы считали этот период наиболее благоприятным для развития края²². Однако в крае не было спокойно и в 1970-е гг. Союзный секретарь по внутренним делам СФРЮ Ф. Херлевич сообщил, что с 1974 г. до начала 1981 г. органы безопасности обнаружили свыше 1 тыс. чел., занимавшихся подрывной деятельностью с позиций албанского национализма. Многие из них, по его словам, были связаны с деятельностью одной из самых активных ирредентистских организаций – так называемого «Красного фронта» – «про-албанской организации, которая базируется на территории западных стран, а направляется Албанской партией труда»²³. В 1976 гг. возникла «Группа марксистов-ленинистов Косова», в 1978 г. – «Коммунистическая марксистско-ленинская партия албанцев в Югославии», в 1982 г. – «Движение за албанскую социалистическую республику в Югославии», в 1985 г. – «Организационный комитет марксистов-ленинистов в Косове» с подкомитетом в Македонии²⁴. Один из организаторов акций

протеста в 1981 г. Хидает Хисени вспоминал, что в 1970-е гг. он «включился в общее студенческое движение», которое занималось в основном пропагандой, распространением запрещенной литературы, написанием листовок. «Это был вид постоянного движения албанцев за национальное освобождение и равноправие с другими народами в той Югославии... Я поддерживал тогда связи с группами, которые действовали в рамках “Движения за национальное освобождение албанцев”», – рассказывал он²⁵.

Центральный комитет «Движения за албанскую социалистическую республику в Югославии» в составе семи человек располагался за границей. В руководство входили как старые эмигранты-диссиденты, так и молодежь из Косова, которая возглавляла демонстрации, но затем бежала из страны. Движение выступало за объединение в Республике Косова всех югославских земель, населенных албанцами края, Западной Македонии, части Санджака, части Черногории вокруг Ульциня. Движение выпускало газету, которая нелегально распространялась в Югославии, формировало краевые, окружные и местные комитеты, а также комитеты в Югославской народной армии. Югославская милиция в 1984 г. открыла канал распространения Устава организации, который размножали в типографии сараевского банка. Осенью 1985 г. начались аресты, и 127 членов организации по всей Югославии были приговорены к различным срокам наказания – от 4,5 до 7 лет. Десятеро из арестованных были офицерами Югославской народной армии. В 1981–1988 гг. в рядах Югославской народной армии обнаружили 225 нелегальных групп, в которые входили 1600 военных албанской национальности. В это же время на территории Косова отмечалось около 100 случаев нападения на военные объекты и порчи военного имущества²⁶. В Македонии в 1970–1980 гг. действовало 18 нелегальных албанских групп численностью 120 чел.²⁷ В одной из листовок нелегальной группы в Тетове (май 1955 г.) говорилось: «Мир знает, что Югославия создана на чужой территории. Районы: Бар, Малесия (Черногория), Косово и Метохия, Куманово, Скопье, Полог и часть Пелагонии – это наша земля. В 1911 г. в Скопье и окрестностях проживали 90% албанцев. После огромного террора со стороны сербов, а позже болгар, албанский народ был

вынужден бежать. Сегодня в Скопье, столице Македонии, всего 60% албанцев. Сегодняшние правители, диктаторы и шовинисты не стыдятся, когда говорят, что не хотят чужой земли. Да здравствует этническая Албания – Сильный союз (Форт Башкими)!»²⁸.

Руководство Сербии опасалось «контрреволюционного подполья» в Косове, его активизации после окончательной албанизации края и усиливало там деятельность Министерства внутренних дел и службы безопасности.

Рассмотренный материал показывает, что политическая система Югославии постоянно балансировала между жесткой централизацией управления и расширением прав республик и краев. Социалистический союз трудового народа смог на начальном этапе сыграть важную роль заместителя многопартийной системы, хотя полностью нейтрализовать диссидентское движение так и не удалось. Не получилось и предотвратить сепаратистское националистическое движение в Косове и Метохии, как, впрочем, и сохранить единства Югославии в 90-е годы прошлого века.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. Белград, 1974. С. 85–86.

² Politički pluralizam u sistemu socijalističkog samoupravljanja: Okrugli sto // Samoupravljanje. Beograd, 1989. G. 17. № 5. S. 35.

³ Skarić S. Međusobna uslovljenost reforme SK i političkog sistema // Socijalizam. Beograd, 1989. G. 21. № 1. S. 67.

⁴ Skarić S. Konkurencija ideja i programa //Komunist.–Beograd,1989. 24 mart. G. 47. № 1664. S. 10.

⁵ Jantol T. Vlačavma javoog razuma //Komunist. Beograd, 1989. 26 maj. G.47. № 1672. S. 10.

⁶ Jakšić M. Pluralizam: unutar ili izvan SKJ // Ibid. 1989. 4 dec. S. 4.

⁷ Politički pluralizam u sistemu socijalističkog samoupravljanja... S. 38–40.

⁸ Đinđić Z. Jedna beogradska priča // Duga. Beograd, 1994. 28 maj / 10 jun. № 528. С. 17–20.

⁹ Албанские.

¹⁰ Косово и Метохија у великоалбанским плановима 1878–2000. Београд, 2001. С. 136.

¹¹ Jugoslavija 1918–1984: Zbirka dokumenata / Petranović B., Zečević M. Beograd, 1985. S. 625–626.

¹² Батковски Т. Великоалбанската игра во Македонија. Скопје, 1994. С. 63.

¹³ Там же. С. 67, 103.

¹⁴ Там же. С. 67; Bulatović Lj. Prizrenski proces. Novi Sad, 1987. S. 129.

¹⁵ Извештај о непријатељском деловању и негативним појавама на Космету // Терзић С. Стара Србија (19–20 век): Драма једне цивилизације. Нови Сад/Београд, 2012. С. 518.

¹⁶ Там же. С. 519.

¹⁷ Там же. С. 542.

¹⁸ Јевтић Атанасије, јеромонах. Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941 до 1990. Приштина, 1990. С. 44.

¹⁹ Цит. по: Bulatović Lj. Op. cit. S. 158–159.

²⁰ Agani F. Intervju... // Intervju. Beograd, 1996. 19 jan. Br. 374. S. 23.

²¹ Павловић М. Албанци (Шиптари) у Србији и Југославији 1944–1991 // Косово и Метохија у великоалбанским планинима: 1878–2000. Београд, 2001. С. 169.

²² Čosja R. Gandijeovski put udaljava od cilja // Monitor. Beograd, 1994. 2 sept. S. 14; Ляука И. Эволюция проблемы Косовы и ее современное состояние: Автореф. дис. канд. полит. наук. М., 1994. С. 17; . Agani F. Intervju... S. 23.

²³ Херлевић Ф. Нећемо дозволити да Титово и наше дело ико угрожава // Борба. Београд, 1981. 13 мај. С. 6.

²⁴ Батковски Т. Указ. соч. С. 67.

²⁵ Хисени Х. Интервју... // Интервју. Београд, 1994. 5 авг. Бр. 341. С. 26.

²⁶ Димитријевић Б. Преглед дејстава арнаутске гериле 1998–1999 // Косово и Метохија у великоалбанским планинима: 1878 – 2000. Београд, 2001. С. 230.

²⁷ Батковски Т. Указ. соч. С. 216.

²⁸ Листовки нелегалне групе в Тетове // Албански фактор в развити кризиса на територији бившеј Југославије. М., 2006. Т. 1. С. 132. См. также документы № 78, 81.

А. Животич (Сербия)

Власть и оппозиция в Белградском университете (1971–1975 гг.)

В условиях общественного кризиса в социалистической Югославии на рубеже 1960-х – 1970-х гг., на юридическом и философском факультетах Белградского университета сложилась группа свободомыслящих профессоров и ассистентов, не смирившихся с существованием в казарменной и шаблонной атмосфере подавления сущностных интеллектуальных и гражданских свобод, предназначенной интеллектуалам партийным и государственным руководством страны. Режим с трудом мог удерживать под контролем накопившееся недовольство. Потому он и прибегал к репрессиям, стремясь подавить в зародыше любой признак будущего сопротивления или бунта. Все же репрессии не дали ожидавшихся результатов. С течением времени изгнанные профессора возвратились на факультеты и в институты, а история признала правоту их и тех универсальных начал, за которые они боролись.

Ключевые слова: Югославия, Сербия, Белградский университет, юридический факультет, философский факультет, диссиденты, гражданские свободы, интеллектуалы.

В середине 1960-х гг. нараставший экономический и политический кризис в Югославии угрожал основам югославского социалистического общества. Крах экономических реформ, которые должны были повысить производительность и рыночную конкурентоспособность югославской экономики, поднять уровень занятости и экономической независимости страны, конфликт внутри партийной верхушки, приведший к снятию со всех государственных и партийных постов № 2 югославской номенклатуры Александра Ранковича, на-

пряженность в отношениях со странами восточного блока, укрепление политических сил, выступавших за децентрализацию страны и повышение роли республик за счет центральных властей – все это подпитывало внутреннее недовольство. В 1968 г. Югославия не осталась в стороне от сильных политических, идеологических и интеллектуальных европейских веяний. Эти тенденции порождали нарастание и структурирование критики официальной политики режима.

После студенческого бунта 1968 г. в Белградском университете сложилась группа профессоров и студентов, критически относившаяся к внутривластным проблемам югославского государства. Критике подвергалась политика резкой конфедерализации Югославии посредством принятия поправок к конституции, позднее ставших элементами конституции СФРЮ 1974 г., нарастающее внутреннее социальное расслоение, отход от основ марксизма и политика репрессий против интеллектуалов. Режим, со своей стороны, направлял основное свое давление на профессоров юридического и философского факультетов, которые издавна являлись оазисами свободной мысли в Белградском университете.

Еще в 1968 г. Йосип Броз Тито в своих публичных выступлениях призывал отделять «зерно от плевел» и устранять из университетов профессоров, «разлагавших молодежь». На сессии Исполкома Президиума СКЮ 20 мая 1969 г. активно обсуждалось положение в Белградском университете, недовольство в среде профессоров и студенчества. Власти опасались, что студенты настоят на чествовании годовщины демонстраций 1968 г. Тем не менее, после длительного обсуждения было согласовано решение не предпринимать репрессивных мер в отношении студентов и профессоров.¹

В момент подавления хорватского национализма в конце 1971 г. Йосип Броз Тито выступил с еще более резким заявлением: «Что мы сделали до сих пор? Никого не сняли. Мы прекрасно знали, кто инициировал и кто подстрекал студенческие волнения в Белградском университете. Все было известно, однако люди остались там же. Эти люди в основном прозападные, они нам чужды...». Драгиша Иванович, ректор Белградского университета, продолжил: «Многие из нынешних профессоров юридического факультета не добились успеха в науке и потому

ударилась в политику, причем не в простую, а в крайне сомнительную... Большинство нынешних бунтарей мы ранее отправляли на стажировку в некоторые западноевропейские страны. Они уезжали туда коммунистами, а вернулись с идеями, не имеющими с нашей идеологией ничего общего»².

Схожие утверждения прозвучали в речи Тито перед политическим активом Сербии в октябре 1972 г., когда он снова сожалел, что недостаточно боролся с врагами в университете. В этот раз он говорил конкретнее, что свидетельствовало о подготовке к практическим шагам: «Я годами говорю, что в Белградском, как и в Загребском и в некоторых других университетах есть профессора, воспитывающие молодежь так, что если это не прекратить, то завтра она будет совершенно чужда нашему социалистическому развитию. Я уже говорил, что нам следует привлечь этих профессоров к ответственности и не позволять им преподавать в университетах. До сих пор я ничего не добился. Я открыто сказал о ком идет речь и сейчас у нас здесь есть их список...». На следующий день после его выступления список сомнительных профессоров Белградского университета появился в печати³.

Конституционные реформы, начавшиеся в конце 1960-х – начале 1970-х гг. принятием ряда поправок к конституции, направленных на децентрализацию страны и усиление роли республик, в марте 1971 г. вызвали критику со стороны группы видных профессоров и ассистентов юридического факультета Белградского университета. В рамках общей программы факультетского Союза коммунистов, союза студентов и общества университетских преподавателей 18–19 и 22 марта 1971 г. на юридическом факультете в обсуждении конституционных реформ приняли участие 22 преподавателя факультета. Стеван Врачар и Коста Чавошки оспорили само значение поправок, утверждая, что с их помощью прикрываются и игнорируются истинные общественные проблемы и что они лишь отражают несогласия внутри «правлящих сил» и «отделившей себя от общества элиты»⁴. Видный профессор Михайло Джурич открыто заявил, что новые изменения конституции угрожают статусу Сербии как составной части югославской федерации, что республика на протяжении всего послевоенного периода находилась в подчиненном положении. Он также подчеркнул, что

«в условиях, когда межреспубликанские границы все более становятся государственными наша главная задача – обеспечить политические права сербского народа, значительная часть которого (40%) живет вне границ Социалистической республики Сербии»⁵. Участники дискуссии критиковали определение статуса автономных областей в федеральной конституции, предупреждая, что конституционные изменения приведут к распаду страны и заявляли, что сербы сохраняют Югославию, а все остальные играют с ее судьбой⁶.

В самом конце дискуссии слово попросил и профессор международного права Стеван Джорджевич, коснувшийся предлагавшихся поправок к определению статуса Президента республики. Он публично оспорил необходимость расширения президентских полномочий и выступил против упоминания исторических заслуг и роли в тексте поправки к конституции. Он открыто высказался против очередного выдвижения на президентский пост кандидатуры Иосипа Броз Тито⁷. Молниеносная реакция факультетского партактива не заставила себя ждать. На заседании 2 апреля партийцы большинством голосов осудили выступление профессора Джорджевича и единогласно поддержали предложение об очередном выдвижении Иосипа Броза. Лакейские и карьеристские побуждения огромного большинства участников одержали верх над научными и профессиональными принципами. Сразу же последовало и начало открытого конфликта, сведение счетов с «непоследовательными» профессорами Белградского университета⁸.

Первым под ударом оказался профессор юридического факультета М. Джурич, который был уволен из университета, подвергся судебному преследованию за речь против конституционных поправок, позднее опубликованную в «Анналах юридического факультета» под названием «Сознательные козни» и статью «Камень раздора», изданную в журнале «Уметност» («Искусство») (1971. № 27–28). В первой статье Джурич предупреждал, что Югославия уже практически расколота поправками 1971 г., и что национализм достиг в стране широких масштабов. Сербь от этого развала страны могут потерять особенно много, из-за своего расселения в нескольких республиках. Он утверждал, что Югославия все более превращается лишь в географическое понятие и что на ее территории под

маской последовательного развития равноправности ее народов создается несколько независимых и даже противостоящих друг другу национальных государств. В 1971 г. Джурич говорил: «Сразу нужно сказать, что предложенные изменения конституции фундаментально изменяют характер существующего государственного сообщества югославянских народов. Точнее, это изменение по сути отменяет саму идею такого государственного содружества. Если от него что-либо и остается, то лишь для того, чтобы в следующей, так называемой второй фазе перемен было что окончательно отменить». В «Камне раздора» Джурич вместе со многими известными деятелями осуждал предпринятый тогдашними властями Черногории снос надгробной капеллы Негоша в Ловчене.

В партийном руководстве Сербии не было единой реакции на события на юридическом факультете, а особенно в отношении профессора Джурича. Сербские партлидеры опасались принятия жестких мер против известных и авторитетных профессоров, так как боялись вызвать волну недовольства в университетской среде, тогда как представители секретариата внутренних дел⁹ предлагали принять особые меры в отношении Джурича. В феврале 1972 г. Президиум Скупщины СР Сербии принял решение не предпринимать ничего против Джурича и его единомышленников.¹⁰ Секретарь ЦК Союза коммунистов Сербии Латинка Перович сначала выступала против репрессивных мер, но в июне 1972 г., когда Джуричу уже предъявили обвинение, заявила об адекватности позиции партийного руководства Сербии и обвинила полицию в том, что она ничего не сделала для его наказания, выразив одновременно недоумение ее бездеятельностью¹¹.

Расправа над профессором Джуричем началась 7 июня 1972 г. когда окружная прокуратура Белграда выдвинула против него обвинение в выступлении против существующего государственного и общественного строя, в призывах и подстрекательстве к подрыву братства и единства народов Югославии и «умышленном искажении положения дел в стране». Предметом обвинения были названы речь и статьи 1971 г. Начало гонений против Джурича совпало по времени с подавлением Маспока (массового хорватского национально-оппозиционного движения в 1968–1972 гг.) и с подготовкой политическо-

го отстранения сербских либералов. Делом Джурича сербское партруководство пыталось снять с себя бремя обвинений в якобы попустительстве оппозиционным группам в Белградском университете¹².

17 июля 1972 г. белградский окружной суд приговорил профессора Джурича к двум годам тюремного заключения строгого режима как сербского националиста за уголовное преступление «распространения враждебной пропаганды». Само обвинения было расширено пунктами о подстрекательстве к подрыву основ государственного устройства и общественной системы, что, по мнению суда, могло привести к тяжким последствиям. Суд отклонил утверждение обвиняемого, что в указанных текстах он лишь изложил свои взгляды на основы и направления конституционных реформ. Суд постановил, что Джурич не стремился улучшить предложенные поправки к основному закону и намеренно исказил общественно-политическую ситуацию, связанную с решением властей Черногории поставить на Ловчене памятник работы скульптора Ивана Мештровича. Апелляцию на приговор рассмотрел Верховный суд Сербии и 24 ноября 1972 г. сократил срок наказания профессору Джуричу до 9 месяцев заключения. Вопрос в том, как в условиях гонений на сербских либералов ему удалось смягчить приговор, остается открытым. Существуют спекуляции, что на смягчение приговора повлиял уходивший лидер сербских коммунистов Марко Никезич, а также ряд ведущих профессоров Гарварда и президент Всемирного еврейского конгресса Наом Голдман. Возможно, свою роль сыграло и смещение сербских либералов, активно выступавших за преследования оппозиционной профессуры Белградского университета. В этой ситуации власти пытались показать себя более демократичными и толерантными, чем отстраненные от власти носители либеральных тенденций. Выйдя из заключения, Джурич, который согласно закону потерял работу на юридическом факультете, до 1990 г. работал в Институте общественных наук в качестве научного советника. В 1990 г. он вернулся на юридический факультет, а в 1991 г. вышел на пенсию. Номер «Анналов юридического факультета», в котором была опубликована его статья, запретили¹³.

Парадоксально, но всего немногим более десятка лет спустя, накануне распада югославской федерации, взгляды, из-за

которых пострадал и был осужден профессор М. Джурич, станут составной частью и одним из постулатов Союза коммунистов Сербии.

В этих условиях особому давлению режима подвергались и суды. Стремясь погасить пламя свободной мысли, власти посредством окружной прокуратуры инициировали судебный запрет журнала «Анналы юридического факультета». Однако они столкнулись с неожиданным сопротивлением в самом окружном суде. Судья Любомир Радович не согласился с доводами обвинения, требовавшего запретить журнал. В обосновании приговора судья указал, что с неприемлемыми взглядами следует бороться не запретами, а иными методами¹⁴. Тут же срочно вмешался Верховный Суд Сербии, уже 3 июня 1971 г. принявший решение о запрете выпуска и о конфискации всего тиража журнала¹⁵. Такой поступок судьи не мог остаться без ответа. Вскоре он был привлечен к партийной ответственности за «либеральничание и недостаток бдительности». Дело в том, что Радович схожим образом поступил при попытке запрета журнала «Филозофија» («Философия»), а ранее не допустил постоянного запрета фильма Желимира Жилника «Ранние труды». Так как Радович являлся весьма авторитетным судьей и относился к числу первых партизан, то более жесткие санкции против него не представлялись возможными. Он подвергся критике, но и в дальнейшем оставался в рядах партии¹⁶. Данный случай ясно показывает непоследовательность самих судебных органов. Суды выносили более мягкие приговоры видным партийным функционерам, а «внепартийная оппозиция» получала гораздо более серьезные наказания по схожим или одинаковым обвинениям. Так, при почти аналогичных обвинениях Добрица Чосич в 1968 г. и Михайло Джурич в 1972 г. получили очень разные приговоры: Чосич отделался только снятием с партийных должностей, а Джурич получил двухлетнее тюремное заключение.

Против судебного процесса протестовали многие югославские и всемирные знаменитости, включая немецкого философа Эрнста Блоха. В защиту Джурича выступила редакция авторитетного журнала «Праксис» («Практика»), поместившая редакционную статью «За свободу академической дискуссии» (1972. № 3–4), утверждая суверенное право профессора Джу-

рича на свободную научную дискуссию как основу академических свобод и заявляя, что никто не должен быть осужден за взгляды, изложенные в академическом журнале. Реакция режима была стремительной и жесткой. Уже в июле 1972 г. решением окружной прокуратуры г. Сисака выход журнала временно запретили, а 24 июля 1972 г. окружной суд этого же города вынес приговор об окончательном запрете издания журнала. Апелляция редакции не была удовлетворена, и Верховный Суд Хорватии утвердил приговор¹⁷. Одновременно гнев властей ощутил и журнал «Филозофија», главными редакторами которого были Загорка Голубович и Любомир Тадич. Второй номер издания за 1972 г. запретили за публикацию обвинения против М. Джурича и нескольких критических текстов Д. Чосича, а весь тираж изъяли и сожгли¹⁸.

Профессора юридического факультета, напуганные острой редакцией режима, опасавшиеся за свое положение, часто руководствовавшиеся исключительно карьерными побуждениями, в основном молчали. Исключение составили семь профессоров и ассистентов, осудившие обвинительный приговор профессору М. Джуричу в петиции к республиканскому секретариату правосудия¹⁹. Вскоре все они были отстранены от преподавания на юридическом факультете за поддержку петиции о помиловании М. Джурича и выступления с критикой конституционных изменений и легализации пожизненного правления Тито. Коста Чавошки, в то время ассистент, а позднее профессор юридического факультета, в ноябре 1972 г. был исключен из Союза коммунистов Югославии за научную критику планировавшихся конституционных поправок 1971 г. и поддержку М. Джурича в журнале «Гледишта» («Мнения»). В марте 1973 г. его приговорили к шести месяцам лишения свободы и двум годам условного заключения²⁰. 31 декабря 1975 г. единогласным решением Научно-педагогического совета юридического факультета он был исключен как морально-политически неблагонадежная личность²¹. Чавошки долго еще оставался безработным и не имел заграничного паспорта.

Доцент сравнительного права Александар Стоянович в 1973 г. был исключен из партии и отстранен от преподавания. После того, как в 1975 г. научно-педагогический совет юридического факультета не утвердил его в должности профессора,

он остался безработным²² и до 1990 г. жил на минимальное пособие по безработице, тщетно пытаясь найти работу²³. Стоянович и Чавошки составили ряд обращений в Конституционный суд Югославии с требованием проверки соответствия конституции отдельных законов, принципа морально-политического соответствия, запрета органов печати и массовой информации, распространявших ложь и тревожные новости. На их взгляд, отдельные нормы противоречили декларируемым в конституции правам и свободам, равно как и подписанным Югославией международным договорам. Стоянович особо настаивал на проверке конституционности требования морально-политического соответствия, которое он считал противоречившим закрепленным в конституции основным правам человека. Он настаивал, что статья 42 закона о правах и обязанностях работника в системе объединенного труда Социалистической республики Сербии вводила требование морально-политического соответствия, которое не устанавливалось ни республиканским, ни федеральным законодательством²⁴.

Другие преподаватели и сотрудники юридического факультета, участвовавшие в дебатах или каким-либо иным образом поддерживавшие их, также очень скоро оказались под ударом. Стеван Врачар и Данило Баста в 1973 г. были исключены из партии, а вскоре получили запрет на преподавательскую деятельность. Бранислава Йойич получила партийный выговор и переехала в Мостар, где получила место в местном университете. Андрия Гамс был досрочно отправлен на пенсию, а ассистента Воислава Коштуницу уволили с факультета и лишили возможности защитить докторскую диссертацию. Ружица Гузина получила партийное взыскание.²⁵ Весьма необычным оказался случай с профессором Стеваном Джорджевичем, которого сразу же отстранили от преподавания, но из партии не исключили. К преподаванию он был допущен только в 1982 г.²⁶ В отличие от Стояновича, Коштуница и Чавошки после увольнения с юридического факультета получили работу в Институте общественных наук. В начале 1991 г. Чавошки вернулся на юридический факультет²⁷, а в 2003 г. стал академиком Сербской академии наук и искусств, тогда как Воислав Коштуница отказался от возобновления университетской карьеры, включившись в активную политику²⁸. В 1990-х гг. он стал председателем Демократической

партии Сербии, а после смены режима в 2000 г. – президентом Югославии и дважды – премьер-министром Сербии.

Философский факультет – бастион свободной мысли. Очагом сопротивления новой волне интеллектуальных репрессий режима и оазисом свободной мысли стал философский факультет. С 1945 г. старейший факультет Белградского университета, породивший больше всего известных и признанных в мире сербских интеллектуалов, находился под непрерывным пристальным наблюдением органов власти. Сразу по завершении Второй мировой войны философский факультет был интеллектуальным центром, который партия, невзирая на упорные попытки, так и не смогла полностью поставить под свой контроль. На факультете преподавал ряд выдающихся «буржуазных профессоров», чьи знания не подвергались сомнению, но которых партия и государство относили к категории политически неблагонадежных. Многолетние попытки привести философский факультет в приемлемые для партии границы и поставить его под свой контроль путем инфильтрации молодых «классово-сознательных» кадров также не дали плодов²⁹. Студенческие волнения 1968 г., эпицентр которых находился именно на философском факультете, ясно показали, что государство и партия не контролируют сложившуюся здесь ситуацию, и лишь обострили старые подозрения³⁰. Тем не менее, генеральная линия партии в отношении студенческих волнений 1968 г. предполагала амортизацию недовольства студентов и профессоров и некоторое удовлетворение их требований. Именно по этой причине не произошло немедленное сведение счетов с главными студенческими вожаками и профессорами – активными участниками протестов 1968 г.

Совет университета в ноябре 1973 г. постановил, что профессора и сотрудники, желавшие работать в «качестве преподавателей принимают программу и политику СКЮ и его ведущую роль в развитии общества», что фиксировалось путем принятия так называемых договоров о самоуправлении.

В списке неблагонадежных философского факультета как «самого реакционного учреждения» оказались профессора Михайло Маркович, Светозар Стоянович, Любомир Тадич, Драголюб Мичунович, Загорка Пешич-Голубович, Миладин Животич и ассистенты Триво Инджич и Небойша Попов. Про-

тив внедрения принципа «морально-политического соответствия» и ликвидации университетской автономии выступил Союз студентов философских факультетов Белградского, Загребского и Люблянского университетов, а поддержку профессорам оказали члены комитета Летней школы на Корчуле и редакция журнала «Праксис». К концу 1974 г. все эти организации были практически закрыты. Репрессии в отношении критически настроенных профессоров проходили на трех уровнях: «партийном» (партийные органы), «самоуправленческом» (университет) и «государственном» (Служба безопасности и суды). Интересно, что первая попытка увольнения «маркированных» ассистентов Стево Инджича и Небойши Попова посредством официальных каналов провалилась, так как Научно-педагогический совет, несмотря на давление, проголосовал за их положительную аттестацию. В неподписанном «Материале для оценки морально-политического соответствия», поступившем в Совет университета, утверждалось (со ссылкой на тексты В. Сутлича, М. Филиповича и М. Поповича), что эта группа «разделяет фальсификации западной антикоммунистической пропаганды, мнение об обожествлении харизматической власти» и приписывалось подстрекательство «воинствующих экстремистских групп студентов».

Декан факультета, известный историк Сима Чиркович, столкнувшись с давлением властей, 14 января 1974 г. открыто выступил в защиту гонимых коллег. На Совете Белградского университета он подчеркивал право на свободу мысли и творчества и отвергал обвинения в совместных акциях группы профессоров, выступавших как своего рода неформальная группа. Помимо этого он отвергал обвинение о влиянии указанных профессоров влияют на студентов, якобы распространявших пропаганду и «общественно опасные идеи»³¹. Он подчеркнул, что факультет не будет уклоняться от принятия решения, ясно показывая, что он лично, как и большинство преподавателей философского факультета, проявит солидарность с преследовавшимися коллегами. Столкнувшись с давлением власти, партийных органов, разъяренных коллег и не желая примириться с тем, что факультет, считавшийся оплотом свободной мысли в Сербии, а также в довоенной и титовской Югославии, по вымышленным обвинениям самым варварским способом исклю-

чает видных профессоров академик Чиркович вскоре подал в отставку с поста декана философского факультета.

Не имея возможности наказать профессоров философского факультета в рамках существовавших законов и опасаясь, что их пример может повлиять на поведение других университетских профессоров, партийное руководство Сербии пришло к выводу, что «нельзя рассчитывать на достижение необходимого результата от применения самоуправленческих механизмов, из-за плохого состава факультетского совета, большинство которого поддерживает группу профессоров-экстремистов». Попытки что-либо предпринять на самом факультете также не давали результата. Одно из заседаний факультетского совета было сорвано недовольными студентами, а на другом – принят новый статут факультета, который позволял отложить на длительный срок рассмотрение идейно-политического и морального соответствия преподавателей и сотрудников³². Поэтому на встрече представителей общественно-политических организаций и университетских, городских и республиканских партийных органов 13 февраля 1974 г. в Президиуме СР Сербии было решено предложить разделить философский факультет на две части, что дало бы возможность принять новые факультетские статуты и отстранить от преподавания неугодных профессоров³³. Следующее заседание, на котором приняли решение о необходимости пойти на юридическую ликвидацию факультета с последующим формированием нового, под названием философско-исторического, состоялось 27 февраля. В рамках этого преобразования кадровой комиссии предстояло провести аттестацию всего преподавательского состава. Единогласно было заключено, что поведение парторганизации самого факультета нетерпимо и по это причине она подлежала роспуску³⁴. Однако немедленную ликвидацию факультета признали политически нецелесообразной и решили начать в рамках Федерального исполнительного совета процедуру принятия нового закона, который позволил бы устранять неугодных преподавателей. Это решение было вызвано опасением возможных инцидентов на факультете в ходе весеннего семестра, которые могли бы развиться на университетской среде, равно как и страхом, что в условиях подготовки к X конгрессу СКЮ это могло бы нанести ущерб репутации режима за рубежом³⁵.

Факультетская комиссия, проанализировав работу профессоров, не обнаружила за ними никакой вины, а 5 июля 1974 г. ее заключение было принято большинством голосов Совета философского факультета. После этого включились государственные органы. Поправки к закону о высшем образовании и профессиональных объединениях отменили делегирование представителей в факультетские советы и вводили новую форму трудовых отношений «нахождения в распоряжении», а также усилили политическое давление на преподавательский состав и неблагонадежных профессоров. После ряда политических, общественных и личных лишений группа попавших под анафему профессоров решением Скупщины СР Сербии была исключена из образовательного процесса. Вслед за этим республиканский секретариат образования применил новые положения закона и постановил оставить их в распоряжении факультета. Зарплата отстраненных от образовательного процесса профессоров и сотрудников философского факультета устанавливалась в размере 60% от прежнего уровня. Одновременно государство без церемоний остановило финансирование всех научных проектов, в которых были задействованы наказанные профессора. Закрытие журналов «Праксис» и «Филозофија» также нанесло по ним удар, лишив возможности публиковать свои труды³⁶. Запрещалась работы Корчулской летней школы, равно как и всех научных собраний, в которых планировалось участие указанных профессоров. Этими мерами формировался негласный механизм запрета и тихого удушения творчества бывших профессоров и сотрудников философского факультета.

Издательства отказывались публиковать их книги, опасаясь потенциальной опалы. Институт международного рабочего движения остановил все виды прежнего плодотворного и развитого сотрудничества с ними³⁷. Профессор Драголюб Мичунович отмечает, что директор института Андрия Крешич пошел на этот шаг под прямым давлением партийных верхов, но в знак протеста немедленно подал в отставку с поста директора³⁸. По требованию университетского парткомитета им были запрещены согласованные ранее лекции в рамках Философского общества Сербии и Студенческого культурного центра³⁹. Вскоре им была запрещено и сотрудничество с Институтом философии философского факультета, где они работали в качестве нештатных сотрудников. Весьма оригинально оформлялось и увольне-

ние из этого института. Знаменитый историк Радован Самарджич, избранный деканом после отставки профессора Симы Чирковича, через посредника (продекана Петра Влаховича) сообщил им, что они должны освободить помещения факультета⁴⁰. Однако, они отказались подчиниться без письменного распоряжения, заявив, что в случае получения такового обязуются его исполнить. После этого декан запретил охране со следующего дня пропускать их в здание факультета⁴¹. Несомненно, что руководство факультета подвергалось серьезному давлению со стороны партийных и полицейских структур.

В беседах и в переписке с политическим руководством (Д. Марковичем, Ж. Васильевичем, Д. Тешичем и Д. Глигориевичем) профессора соглашались пойти на уступки на трех условиях: прекращение репрессий против студентов, защищавших целостность факультета (процесс Люблянской четверки и т.п.), прекращение нарушения гражданских и самоуправленческих прав факультетского сообщества и снятие барьеров на работу научно-исследовательских институтов философского факультета. В отчете службы госбезопасности за 1975 г. говорится, что «Михайло Маркович на днях в лекциях в Бредфордском университете (Англия) опять критикует наш самоуправленческий строй и социализм как общественный порядок». В отчетах констатируется, что члены «белградской восьмерки» свободно путешествуют за границей и выступают там с «враждебными взглядами»: Светозар Стоянович в США, Михайло Маркович и Драголюб Мичунович – в Великобритании, Загорка Голубович – во Франции, а Велько Рус из Любляны – в Канаде⁴².

Так как отстраненные профессора не прекратили свою деятельность, которую режим полагал исключительно опасной для самого существования государства и социалистического строя, то Служба госбезопасности предприняла целый ряд мер по документированию их действий для дальнейшего решительного уголовного или административного преследования. Федеральный секретарь по внутренним делам Франьо Херлевич запрашивал на это согласие президиума страны. Одновременно студентам, подвергавшимся суду, предлагалось дать показания, что указанные профессора инструктировали их и тем самым подстрекали к выступлениям против существующего общественного порядка. В обмен им предлагалось смягчение условий приговоров⁴³.

Группа отстраненных профессоров не мирилась с навязанными им властями условиями. При поддержке единомышленников – профессоров Загребского университета Руди Супека, Гайи Петровича и др. – они начали активную борьбу за отмену правовой нормы «морально-политического соответствия». В петициях, обращенных к ряду государственных учреждений и письмах, направленных в адрес ведущих мировых интеллектуалов, они утверждали, что речь идет о грубой дискриминации, попрании закрепленных в конституции прав и свобод и о нарушении права на труд и существование носителям иных политическим взглядов⁴⁴. Пытаясь защитить свои права в рамках существующей системы, они начали длительную тяжбу в Конституционном суде Югославии⁴⁵. «Отстраненные» не отказались от своих идей и от совместной деятельности. Стремясь парировать новую волну репрессий, они продолжили собираться на квартирах, где вместе с другими диссидентами устраивали целые курсы лекций, обсуждений и дискуссий. Тем самым формировался так называемый «Свободный университет» как единая критическая трибуна и своеобразный формат свободного взаимодействия интеллектуалов. Большинство из них продолжало свои выступления и в качестве приглашенных лекторов в ряде западных университетов Канады, Франции, Великобритании, ФРГ и США. Все это происходило под бдительным присмотром режима, терпевшего их деятельность, прежде всего, по соображениям пропагандистской и внешнеполитической целесообразности⁴⁶.

Столкнувшись с давлением интеллектуальной общественности внутри страны и зарубежного общественного мнения, режим стремился достичь компромисса с отстраненными профессорами. Республиканский секретарь по образованию и науке принял их и предложил им другие места работы⁴⁷. Однако такой компромисс предполагал существенную смену профессии и косвенное признание вины, почему и был отвергнут. Возникшая на уровне республики проблема быстро поднялась до федерального масштаба. Даже Президиум СФРЮ вскоре осознал, что речь шла не только о проблеме партруководства Сербии, но и учитывая заметное давление и поддержку со стороны коллег с философских факультетов Любляны и Загреба, не исключалась возможность схожих бунтов и там⁴⁸. После многолетних петиций, обращений, просьб, давления и т.п.

профессорам только после смерти Тито была возвращена работа. В 1981 г. они снова получили работу, но не в Белградском университете, а в Центре философии и теории общества при Институте общественных наук, позднее трансформированном в Институт философии и теории общества. Хотя в 1978 г. Конституционный суд Сербии признал, что указанное положение о морально-политическом соответствии являлось неконституционным, но это решение было опубликовано лишь в 1983 г. Официальной реабилитации так и не произошло, никто из подвергавшихся опале не получил материальной компенсации и не вернулся на прежняя должность⁴⁹.

В условиях острого общественного кризиса социалистической Югославии на рубеже 1960–1970-х гг. на юридическом и философском факультетах Белградского университета сложилась группа свободомыслящих профессоров и ассистентов, которые не смирились с судьбой интеллектуалов в атмосфере единообразия и шаблонности, сущностного подавления прав человека и свободы интеллекта насаждавшихся партийным и государственным руководством страны. Режим с трудом мог контролировать накопившееся недовольство и потому пошел на репрессивные меры, стремясь в зародыше подавить любую угрозу возможного бунта и сопротивления. Однако репрессии не принесли ожидавшихся результатов. Со временем опальные профессора вернулись на факультеты и в институты, а история доказала как их правоту, так и истинность отстаивавшихся ими универсальных начал.

Перевод с сербского Г.Н. Энгельгардта.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Архив Југославије (далее АЈ). 507/IV – Извршни биро Председништва СКЈ, 70. Стенографске белешке са седнице Извршног бироа Председништва СКЈ, одржане 20. маја 1969.

² Cvetković S. Između srpa i čekića, II, Politička represija u Srbiji 1953–1985. Beograd, 2011. S. 423.

³ Đukić S. Slom srpskih liberala. Tehnologija političkih obračuna Josipa Broza, Beograd, 1990. S. 140–141.

⁴ АЈ. 837 – Кабинет Председника Републике, II–4–а, Информација Градског комитета СК Београда о расправама на Правном факултету у Београду поводом уставних амандмана упућена Ј.Б. Титу 6. априла 1971.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem

⁸ Ibidem.

⁹ Республичанског МВД. – Прим. переводчика.

¹⁰ АЈ. 837 – Кабинет Председника Републике. II–4–6, Информација секретара за унутрашње послове СР Србије Славка Зечевића Кабинету Председника Републике од 24. јуна 1972.

¹¹ Ibidem.

¹² Danilović R. *Upotreba neprijatelja*. Beograd, 2002. S. 306.

¹³ Подробнее о судбеном преследованију професора МДжурича см: Ђукић С., *Политичко гробље*, Београд, 2009; Trkulja J. *Zločin nad mišljenjem – osuda i izgon Mihaila Đurića*. Beograd, 2005; Danilović R. *Upotreba neprijatelja*. Beograd, 2002.

¹⁴ Решење Окружног суда у Београду од 26. маја 1971. о одбијању предлога о забрани излажења часописа «Анали Правног факултета» // Чавошки К. *Анатомија једне чистке. Изгон с Правног факултета у Београду*. Београд, 2013. С. 131–134.

¹⁵ Решење Врховног суда Србије од 3. јуна 1971. о забрани излажења часописа «Анали Правног факултета» // Чавошки К. *Указ. соч. С. 126–130.*

¹⁶ Ђукић С. *Указ. соч. С. 140.*

¹⁷ Danilović R. *Op. cit.* S. 308–309.

¹⁸ Подробнее см.: Danilović R. *Op. cit.* S. 308; Popović S. *Poslednja instanca, I*. Beograd, 2003. S. 187–236.

¹⁹ Писмо групе професора и асистената Правног факултета Републичком секретаријату за правосудје и општу управу СР Србије // Чавошки К. *Указ. соч. С. 171.*

²⁰ Решење Врховног суда Србије од 7. новембра 1973. о осуди Косте Чавошког // Чавошки К. *Указ. соч. С. 166–170.*

²¹ Решење декана Правног факултета о престанку радног односа Косте Чавошког од 16. децембра 1975 // Чавошки К. *Указ. соч. С. 326–327.*

²² Негативан реферат о избору Александра Стојановића у звање доцента 18. фебруара 1975 // Чавошки К. *Указ. соч. С. 238–247.*

²³ Ђукић С. *Op. cit.* S. 146.

²⁴ АЈ. 803 – Председништво СФРЈ, ф. 650, Информација о достављеним представкама К. Чавошког и А. Стојановића 15.2.1977.

²⁵ Писмо огранка Савеза комуниста наставника Правног факултета у Београду Декану Правног факултета од 31. маја 1973 // Чавошки К. *Указ. соч. С. 214–215.*

²⁶ Svetković S. *Između srpa i čekića, II, Politička represija u Srbiji 1953–1985*. Beograd, 2011. S. 461.

²⁷ Реферат о избору Косте Чавошког у звање редовног професора Правног факултета од 30. јула 1990 // Чавошки К. *Указ. соч. С. 349–372.*

²⁸ Писмо Војислава Коштунице Декану Правног факултета од 18. новембра 1989 // Чавошки К. Указ. соч. С. 393–394.

²⁹ Подробнее о положенији философског факултета в социалистическој Југославији см.: Bondžić D. *Beogradski univerzitet 1944–1952*. Beograd, 2004; Бонџић Д. Универзитет у социјализму 1950–1960. Београд, 2010.

³⁰ Подробнее о событияњх на философском факултете в 1968 г. см: Pavlović Ž. *Ispljuvak pun krvi*. Dnevnik 1968. Beograd, 2008; Malavrazić Đ. (ред), 1968 – lične istorije, Beograd, 2008; Радић Р. (уредник). 1968 – четрдесет година после. Београд, 2008.

³¹ Реч декана Филозофског факултета на Скупштини Универзитета у Београду 14. јануара 1974. године // Чавошки К. Указ. соч. С. 395–397.

³² АЈ. 837 – Кабинет Председника Републике, II–4–а. Информација о акцијама у вези са Филозофским факултетом од 1. фебруара 1974. до данас – Из Централног комитета Савеза комуниста Србије (19. март 1974).

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Svetković S. Op. cit. S. 426.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Mićunović D. *Život u nevremenu*. Beograd, 2013. S. 297–298.

³⁹ АЈ. 803–Председништво СФРЈ. Ф. 44. Писмо Председништву СФРЈ групе професора З. Голубовић, С. Стојановић, Љ. Тадић, М. Марковић, М. Животић и Н. Попов.

⁴⁰ D. Mićunović. Op.cit. S. 297.

⁴¹ Ibidem.

⁴² АЈ. 803–Председништво СФРЈ. Ф. 24. Нека актуелна питања безбедности – излагање савезног секретара за унутрашње послове Фрање Херљевића 18. марта 1975.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ АЈ. 803–Председништво СФРЈ. Ф. 44. Инострана средства информисања о акцији шездесет југословенских интелектуалаца.

⁴⁵ АЈ. 803–Председништво СФРЈ. Ф. 656. Представка бивших професора Београдског универзитета Председништву СФРЈ за укидање прописа и праксе испитивања морално–политичке подобности.

⁴⁶ Svetković S. Op. cit. S. 427.

⁴⁷ АЈ. 803–Председништво СФРЈ. Ф. 44. Допис Председништву СФРЈ и Председништву СРС групе професора Филозофског факултета у Београду.

⁴⁸ АЈ. 803–Председништво СФРЈ. Ф. 44. Информација Уставног суда СФРЈ о поднесцима грађана који траже оцену уставности неких одредаба закона о путним исправама југословенских грађана.

⁴⁹ Svetković S. Op. cit. S. 427.

А.А. Пивоваренко (Россия)

Становление Ф. Туджмана как лидера движения за независимое хорватское государство

В статье рассматривается биография первого президента Хорватии Франьо Туджмана до его прихода к власти. Анализируются ключевые эпизоды, способствовавшие его утверждению сначала в роли оппозиционного лидера, а затем, в 1989–1990 гг., в качестве лидера партии Хорватское демократическое содружество (ХДС), возглавившего борьбу за политическую независимость Хорватии.

Ключевые слова: Туджман, Хорватия, СФРЮ, Тито, Матица хорватская, Хорватское демократическое содружество.

В портрете современной хорватской государственности важное, если не ключевое, место занимает личность первого президента страны Франьо Туджмана (1922–1999 гг.). Ф. Туджман считается главным создателем хорватского государства в 1990-е гг. и находится на одной ступени с такими деятелями хорватского национального движения прошлого, как А. Старчевич и С. Радич. Существуют попытки поставить Ф. Туджмана на один уровень с Йосипом Броз Тито.

Истории жизни и деятельности первого президента Хорватии уже посвящено множество работ, как академических, так и рассчитанных на массового читателя. Отметим книги хорватских авторов Ж. Крушеля, Д. Хорватича, А. Никича, Д. Гуделиста, И. Радоша, а также работу американского исследователя Д. Садковича «Туджман: первая политическая биография».

Между тем, в этих и других работах биография Ф. Туджмана обычно преподносится в крайне мифологизированной форме, что, несомненно, важно для создания соответствующего

образа борьбе за создание современного государства Хорватия, начавшейся в 1970-е гг. и достигшей своего апогея к 1990–1991 гг. В российской историографии данный вопрос детально еще не рассматривался. Поэтому данная статья преследует сразу несколько целей.

Во-первых, предлагается краткое изложение биографии Ф. Туджмана, основанное как на указанных выше работах, так и на данных источников (свидетельства очевидцев, материалы прессы, официальная версия биографии, предложенная партией ХДС). Во-вторых, она представляет собой попытку дать краткую характеристику названным работам и некоторым другим популярным трактовкам, представляющим собой типичные примеры мифологизации личности хорватского лидера. В-третьих, в рассматриваемый период происходило идеологическое и кадровое развитие хорватского национального движения в Югославии, которое из «диссидентского» (1970-е гг.) трансформировалось в сепаратистское (конец 1980-х – начало 1990-х гг.). Таким образом, история жизни Туджмана – это в каком-то смысле и история хорватского оппозиционного движения в разрезе, где сам будущий президент на разных этапах играл различные роли.

В биографии Ф. Туджмана «допрезидентского» периода можно выделить четыре этапа. *Первый* этап – рождение и взросление (1922–1944 гг.). Ф. Туджман родился 14 мая 1922 г. в г. Велико-Трговиште, в Крапино-Загорской жупании, на северо-западе Хорватии. Будущий президент рос в многодетной семье: у него были два младших брата (Степан и Ивица) и сестра, которая умерла в младенчестве. В 1929 г. при родах пятого ребенка умерла его мать Юстина¹. Необходимо сказать об отце семейства, Степане Туджмане. Он был членом Хорватской крестьянской партии (ХКП), оппозиционной парламентской силы в королевской Югославии и дважды (в 1936 и 1938 гг.) избирался ее районным лидером². Отметим, что глава семейства Туджманов также имел четырех братьев (Мато, Андраш, Юрай и Валентин), трое из которых к концу 1930-х гг. эмигрировали в США³. Можно говорить о том, что будущий хорватский лидер находился под влиянием идеи хорватской самостоятельности и независимости уже с самого детства.

В 1935 г. Туджман переехал в Загреб для учебы в средней школе, где стал круглым отличником⁴. В это время формируются его политические взгляды. По мнению американского исследователя Д. Садковича, имела место определенная эволюция убеждений: сначала Туджман сочувствовал хорватской национальной борьбе, был сторонником ХКП и якобы встречался с лидером партии того времени В. Мачеком, однако затем перешел на социалистические и коммунистические позиции и даже был арестован за участие в демонстрации, посвященной годовщине Октябрьской революции в России⁵. В хорватской историографии этот период оценивается по-разному. В официальной биографии, предоставленной партией ХДС, говорится лишь о факте ареста за участие в «национальном демократическом движении»⁶. Авторы же из числа публицистов не обходят этот факт стороной, отмечая, что Туджман «в условиях роста популярности фашизма сделал выбор в пользу марксизма и коммунизма»⁷.

В годы Второй мировой войны Туджман участвовал в организации партизанского движения в родном регионе Загорье, а затем, в апреле 1944 г., стал командиром партизанской бригады «Матия Губец». В антифашистской борьбе погибли его отец и брат. В хорватской историографии акцентируется внимание на том, что уже в составе партизан Туджман говорил о «праве хорватского народа быть хозяином на своей земле»⁸. Этот тезис имеет важное значение. Из него следует, что хотя Туджман боролся против фашизма, а вместе с ним и против сил, выступавших за независимую Хорватию (усташи и Независимое государство Хорватия – НГХ), уже тогда проявился его патриотизм, желание видеть хорватский народ в самостоятельном государстве. Утверждение о том, что будущий первый президент Хорватии придерживался антифашистских взглядов, приобрело актуальность в 1990-е гг., когда оно стало контраргументом на утверждение, что движение за хорватскую независимость имеет фашистскую и ультранационалистическую природу, истоки которой восходят к усташскому движению и НГХ, существовавшему в 1941–1945 гг.

Второй этап условно можно назвать «номенклатурным» (1945–1972 гг.). После окончания Второй мировой войны Туджман в звании подполковника продолжил военную службу

в Белграде, где занимал различные посты в Генеральном штабе Югославской народной армии (ЮНА) и Министерстве обороны. В 1953 г. он получил звание полковника, а в 1959 г. стал генерал-майором, самым молодым в ЮНА. В круг обязанностей Туджмана входило руководство отделом кадров, однако он также занимался теоретической работой и опубликовал несколько статей по военной тематике⁹. Одной из причин такого стремительного продвижения по службе часто называют протекцию, которую Туджману оказывал министр обороны СФРЮ хорват Иван Гошняк¹⁰. Параллельно своей основной деятельности, Туджман в 1958–1960 гг. входил в руководство белградского «Партизана» – одного из главных спортивных обществ Югославии. По утверждению хорватского журналиста Д. Гуделиста, в этот период будущий президент весьма близко воспринял идею о важности спорта для узнаваемости и престижа государства на международной арене, что проявилось в период хорватской независимости, когда предпринимались попытки создать на основе сильнейшего футбольного клуба страны «Динамо» (г. Загреб) команду общегосударственного значения¹¹.

Белградский период интересен и с точки зрения знакомства с хорватским историком Душаном Биланджичем, преподававшим в военной академии ЮНА. Его следует рассматривать как важный эпизод консолидации национально-ориентированной хорватской интеллигенции, так как взаимоотношения продолжились, и в 1990-е гг. Биланджич стал доверенным лицом и советником Туджмана, ставшего президентом Хорватии¹². Этот период также создал почву для любопытного мифа о знакомстве Ф. Туджмана с Й. Броз Тито и возникновении между ними «особых взаимоотношений».

Несмотря на успешную, на первый взгляд, карьеру, Туджман в 1961 г. оставил военную службу, чтобы возглавить созданный в эти же годы в Загребе Институт истории рабочего движения (ИИРД, сейчас – Институт хорватской истории). О мотивах этого шага трудно говорить однозначно, хотя бы в силу закрытости таких институтов, как армия. В хорватской историографии этот вопрос подробно не рассматривается. В англоязычных же работах можно найти мнение, что причиной стал конфликт с сербскими офицерами на почве «элитизма» пос-

ледних. «Он был раздражен, что хорватский вклад в военные усилия отрицался, а вся нация повсеместно клеймилась понятием “усташи”», – считает М. Таннер¹³.

Следует отметить и высказывание Д. Оуэна. По мнению британского дипломата, в 1990-е гг. работавшего над урегулированием военного конфликта в бывшей Югославии, служба в штабе ЮНА предопределила политический подъем Ф. Туджмана, так как именно в это время он установил контакты с представителями хорватской диаспоры за рубежом, вынужденными эмигрировать после Второй мировой войны¹⁴. Все эти версии следует принимать во внимание, однако с большой осторожностью, вызванной отсутствием подтвержденных данных. По нашему мнению, вряд ли можно говорить о полной дискриминации хорватских военнослужащих в то время. С другой стороны, причиной отставки действительно мог стать конфликт на почве национализма, демонстрировавшегося, в том числе, самим Туджманом. Смена рода деятельности также могла быть связана с желанием продолжать карьеру именно в столице Хорватии, либо получить возможность совершать поездки за рубеж по научной линии. Более определенно можно говорить о значении самого переезда в Загреб. Его следует рассматривать как еще один эпизод консолидации в хорватской столице национально-ориентированной интеллигенции, заявившей о себе в начале 1970-х гг.

1960-е гг. стали для бывшего генерала временем активной общественной деятельности. В 1961–1967 гг. он работал директором ИИРД. Ф. Туджман читал курс «Социалистическая революция и современная хорватская история» на факультете политологии Загребского университета, преподавал в университетах Чехословакии, Италии, Германии, Австрии, Канады и США, в том числе в Гарвардском университете¹⁵. Он был автором более 150 статей в различных областях: история, философия истории, военная теория, международные отношения. Туджман был редактором журнала «Военное дело», помощником главного редактора «Военной энциклопедии», автором и редактором академических изданий. Исследования и зарубежные поездки во многом финансировались Матицей хорватской¹⁶, где он являлся председателем комиссии по взаимоотно-

шениям с переселенцами Северной Америки, а также входил в состав руководящего и исполнительного комитетов.

Параллельно Туджман участвовал в комиссии по международным отношениям ЦК Социалистического союза Хорватии, являлся председателем комитета по научным исследованиям парламента Союзной Республики (СР) Хорватии. На этой работе он завязал знакомство с людьми, составившими далее его политическое окружение: С. Месичем (предпоследний председатель Президиума СФРЮ, первый премьер-министр и второй президент Хорватии), Й. Маноличем (в 1990-е гг. премьер-министр, руководитель спецслужб, председатель верхней палаты парламента), Й. Больковцем (в 1990–1991 гг. – министр внутренних дел Хорватии).

Считается, что в это время результаты научных исследований Ф. Туджмана впервые приобрели политический оттенок. В 1964 г. на одном из заседаний Союза коммунистов Хорватии Ф. Туджман был раскритикован руководителем СР Хорватии В. Бакаричем¹⁷. Хорватский исследователь И. Голдстайн считает, что именно в конце 1960-х гг. будущий президент сформировал ключевые положения своей национальной программы¹⁸.

В декабре 1965 г. Туджман защитил диссертацию на тему «Причины кризиса монархической Югославии: от образования в 1918 г. до развала в 1941 г.». Местом подготовки исследования стал философский факультет Загребского университета, защита проходила в г. Задар¹⁹. Однако уже в декабре 1966 г. авторитетный академик Л. Бобан обвинил Туджмана в плагиате и вынудил его уйти с поста директора ИИРД. Эти события, а также участие в «хорватской весне»²⁰, положили начало новому, *третьему*, диссидентскому этапу жизни (1972–1987 гг.).

19 сентября 1972 г. Туджмана обвинили в «контрреволюционном национализме» и сотрудничестве с «экстремистской политической эмиграцией» и приговорили к 2 годам тюремного заключения. Однако уже через девять месяцев он был выпущен на свободу, якобы по личному приказу Тито в ответ на просьбу писателя М. Крлежи. По нашему мнению, к этому утверждению нужно относиться скептически: положение отставного генерал-майора едва ли давало Туджману возможность входить в круг лиц, за судьбой которых следил югославский лидер. Однако нельзя не отметить, что Туджман в

тюремном заключении имел больше привилегий, чем другие осужденные деятели «хорватской весны». В частности, у него была возможность иметь в камере собственную бритву²¹.

В первые годы после освобождения Туджман сосредоточился на публицистической деятельности, что принесло ему известность. В середине 1970-х гг. он дал несколько громких интервью югославским и зарубежным СМИ. На страницах изданий будущий президент предстал политическим диссидентом, подвергшимся преследованию за попытки «установления исторической истины»²². В 1975 г. в интервью германскому еженедельнику «Шпигель» Туджман резко ответил неомарксистскому философу Э. Блоху, употребившему словосочетание «хорватские фашисты»²³. 2 и 11 февраля 1978 г. телевидение Швеции показало развернутый сюжет под заголовком «Хорваты: террористы или борцы за свободу?»²⁴. В нем приводились высказывания оппозиционеров Д. Будиши, В. Готовца, И. З. Чичака и Ф. Туджмана. Прозвучало характерное заявление о некорректности официальных югославских данных о жертвах Второй мировой войны среди сербского населения в Хорватии (в частности, в концлагере Ясеновац). Официальная цифра в 800–900 тыс. чел. объявлялась завышенной; реальное же число жертв якобы не могло превышать 60 тыс. Тезисы интервью были подхвачены и растиражированы печатными изданиями хорватской эмиграции: «Nova Hrvatska» («Новая Хорватия», 18 декабря 1977 г.), «Hrvatska revija» («Хорватское обозрение», декабрь 1977 г.), «Hrvatska Borba» («Хорватская борьба») и др.²⁵

В 1981 г. Туджман закончил работу над книгой «Национализм в современной Европе». Она была опубликована в Нью-Йорке при посредничестве американского хорвата Мате Мештровича, профессора истории, близкого политическим кругам²⁶. Данную работу можно назвать обзорным историко-политологическим исследованием, посвященным вопросам регионального национализма в Европе. Центральное место занимал раздел, посвященный положению Хорватии в Югославии. В книге делались весьма громкие утверждения, в частности о том, что в составе СФРЮ Хорватская республика подвергалась политическому и экономическому угнетению. Говорилось, что «начиная со Средневековья, хорватская нация оберегала уникальность своего национального государства»²⁷.

В целом эта работа представляла собой первую комплексную попытку теоретического обоснования права Хорватии на независимость, однако тональность формулировок придавала ей черты политического манифеста.

Публицистическая деятельность Туджмана стала одним из поводов для начала нового судебного преследования. В феврале 1981 г. он был осужден на три года с запретом ведения общественной деятельности на пять лет. Однако собственно в тюрьме Лепоглава осужденный провел всего 17 месяцев – часть срока по состоянию здоровья ему разрешили отбыть дома. В сентябре 1984 г. Туджман был досрочно выпущен на свободу, благодаря вмешательству генерала Б. Црнобрии (в 1967–1971 гг. посол Югославии в США), к которому обратился С. Месич, называвший Црнобрию другом своего отца²⁸.

Четвертый и последний этап – становление Туджмана в качестве лидера движения за независимое хорватское государство (1987–1989 гг.). В июне 1987 г. бывший заключенный получил право выезда за рубеж и вместе с женой Анкицей отправился в Канаду по приглашению Хорватского общества экономистов и интеллектуалов (г. Торонто), а также в гости к бизнесмену и бывшему члену ХКП З. Чалдаревичу (эмигрировал в 1968 г.). Сам Чалдаревич отмечает, что он помогал Туджману «финансово и морально» еще в 1970-е годы²⁹.

В Северной Америке Туджман выступал с лекциями в университетах (Торонто, Онтарио, Чикаго, Нью-Йорк), а также на конференциях, организованных Американской ассоциацией по изучению славистики³⁰. Доклады назывались: «Степан Радич и хорватский суверенитет» (Чикаго), «Демократические процессы в современной Хорватии» (Нью-Йорк и Торонто), «Исторические предпосылки самоопределения народа и его интеграции в мире». 1 ноября 1989 г. Туджман принял участие в пресс-конференции в Палате представителей Конгресса США, где говорил об общественно-политических процессах, происходивших в СФРЮ³¹.

Считается, что по отношению к Туджману в Северной Америке ввиду его партизанского прошлого существовало прохладное отношение со стороны хорватской диаспоры. Однако яркими выступлениями лектору удалось расположить ее к себе, завоевать авторитет. По нашему мнению, это утверж-

дение слишком наивно, если учесть, что Туджман зависел от диаспоры финансово. З. Чалдаревич отмечал, что пребывание гостя из Хорватии было связано для него с материальными неудобствами: «Он не понимал, что бизнесмены в Америке и Канаде все оплачивают из своего кармана, что это их деньги, а не государственные или общественные»³². На этом основании следует предположить, что, несмотря на утверждение о стремительном завоевании авторитета в диаспоре, на каком-то этапе не существовало однозначного отношения к его деятельности, особенно у состоятельных ее представителей. Знающие цену деньгам, они едва ли согласились бы на оказание финансовой поддержки без получения практической отдачи. Такую отдачу могла принести борьба Ф. Туджмана за независимое хорватское государство.

Важным результатом стало сближение с бизнесменом Гойко Шушаком. Шушак родился 16 апреля 1945 г. в г. Широки Бриег в Герцеговине. В 1960-х гг. он учился в университете Риеки, а в 1967 г. эмигрировал в Канаду. В Канаде Шушак работал в частной сфере, сначала рядовым сотрудником сети быстрого питания KFC, а затем, в середине 1980-х гг., основал в Оттаве несколько собственных компаний, в том числе сеть ресторанов-пиццерий. Параллельно Шушак участвовал в деятельности хорватского эмигрантского сообщества, помогал обустроить жизнь на новом месте прибывшим из Хорватии переселенцам (по данным «Нью-Йорк Таймс», Шушак поучаствовал в судьбе около 160 семей), организовывал спортивные и культурные мероприятия. Далее Шушак возглавил единую организацию хорватских эмигрантов Канады, насчитывавшую более 100 тыс. человек, объединенных в 70 культурно-фольклорных сообществ. По мнению газеты «Нью-Йорк Таймс», это открыло для него возможности для взаимодействия с хорватской диаспорой в США, численность которой составляла около 1 млн. чел., большей частью проживавших в районе Нью-Йорка, Чикаго, Кливленда и Питтсбурга³³. В результате, к концу 1980-х гг., Г. Шушак стал если не лидером североамериканского хорватского сообщества, то, по крайней мере, заметным его участником, имевшим связи и доступ к значительным материальным ресурсам. После прихода Туджмана к власти Г. Шушак стал практически бессменным министром обороны Хорватии (с 18 сентября

1991 г. по 18 мая 1998 г.), занимая пост, вплоть до своей смерти, во всех правительствах, которые менялись достаточно часто. Считается, что через его руки проходили крупные финансовые средства, направленные на создание хорватской армии.

Параллельно с осени 1988 г. происходило оформление политической партии ХДС. 28 февраля 1989 г. в Загребе в здании Союза писателей Хорватии в присутствии 300–400 делегатов был представлен документ «Проект программных основ Хорватского демократического содружства». 17 июня 1989 г. состоялось учредительное собрание. 20 и 21 января 1990 г. в Кливленде, в присутствии более чем 1000 делегатов, прошел съезд североамериканского отделения ХДС, на котором Туджман пообещал создать условия для возвращения хорватских эмигрантов на родину после своего прихода к власти. Считается, что в Кливленде впервые была озвучена политическая цель движения: выход Хорватии из состава Югославии³⁴. Начинаясь, новый этап хорватского оппозиционного движения, которое в апреле 1990 г., после победы ХДС на многопартийных выборах в СР Хорватии, перестало быть оппозиционным.

Все это позволяет говорить о том, что во второй половине 1980-х гг. Туджман уже четко оформился в качестве лидера хорватского национального движения. В конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. он активно участвовал в общественно-политической и публицистической деятельности, что было особенно заметно на фоне ухода в тень лидеров «массового движения» начала 1970-х гг. Начиная с середины 1980-х гг., лидерство Туджмана связано с образованием в Хорватии политической силы, призванной стать связующим звеном между хорватами на родине и диаспорой за рубежом. Такой силой стала партия ХДС. Можно предположить, что произошло формирование некоего симбиоза, в котором Туджман получал шанс стать главной фигурой, а поддерживавшие его лица – возможность влиять на политические процессы в Хорватии. Однако для дальнейшего исследования этого тезиса необходимо обращение к еще не изученным темам, таким, как: хорватское оппозиционное движение в Югославии в 1980-е гг., хорватское эмигрантское движение в Северной Америке, Югославия и Хорватия в системе международных отношений середины-конца 1980-х гг. – начала 1990-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Hudelist D. Tuđman. Biografija. Zagreb, 2004. S. 15.

² Хорватская крестьянская партия – ведущая хорватская политическая сила в королевской Югославии (до 6 января 1929 г. – Королевство сербов, хорватов и словенцев). В 1920-е гг. за радикальность требований она подверглась запрету, а ее лидер С. Радич был арестован.

³ Hudelist D. Op. cit. S. 12–13.

⁴ Ibid. S. 37–44.

⁵ Sadkovich J. Tuđman – Prva politička biografija. Zagreb, 2010. S. 50.

⁶ См.: биография Ф. Туджмана на официальном сайте ХДС.

<http://www.hdz.hr/tudjman/>

Биография Ф. Туджмана на официальном сайте отделения ХДС в США.

<http://www.hdzusa.com/dr-franjo-tudman/zivotopis-dr-franje-tudmana/>

⁷ См.: Hudelist D. Op. cit. S. 46; Krušelj Ž. Franjo Tuđman. Zagreb, 1991. S. 29.

⁸ Krušelj Ž. Op. cit. S. 31–32.

⁹ Об участии Туджмана в теоретической работе говорят его публикации в специализированных изданиях. См.: Tuđman F. Razmatranja o osnovnim pitanjima rukovođenja // Vojno delo. Beograd, 1953. № 9–10. S. 1–19.; Tuđman F. Razmatranja o osnovnim pitanjima rukovođenja // Vojno delo. Beograd, 1953. № 11. S. 9–23. На эти статьи ссылается в своих работах хорватский военный историк Д. Мариан. См.: Marijan D. Rukovođenje i komandovanje Oružanim snagama SFRJ: Vrhovna razina // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 2009. Vol. 41. № 3. S. 664. Это дает ряду авторов основания утверждать, что Туджман мог принимать участие в разработке концепции общенародной обороны ЮНА. См. также: Radoš I. Tuđman izbliza. Zagreb, 2005. S. 7.

¹⁰ Goldstein I. Croatia, a history. London, 1999. S. 223.

¹¹ См.: Hudelist D. Op. cit. S. 210–217.

¹² Sadkovich J. Op. cit. S. 82.

¹³ Tanner M. Croatia: a Nation, Forged in War. Yale University Press, 1997. P. 190.

¹⁴ Owen D. Balkanska odiseja. Zagreb, 1998. S. 111.

¹⁵ Биография Ф. Туджмана на официальном сайте отделения ХДС в США.

<http://www.hdzusa.com/dr-franjo-tudman/zivotopis-dr-franje-tudmana/>

¹⁶ Матица хорватская – научно-просветительское общество, созданное в 1842 г., занимающееся изучением хорватской истории, языка и культуры.

¹⁷ Руднева И.В. Хорватское национальное движение в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2008. С. 67–70.

¹⁸ Goldstein I. Dvadeset godina samostalne Hrvatske. Zagreb, 2010. S. 46.

¹⁹ Со слов ректора Задарского университета А. Угрешича, произнесенных на открытии конференции «Франьо Тужман и создание современного хорватского государства (1990–1999)» (Задарский университет, декабрь 2012 г.).

<http://www.zadarskilist.hr/clanci/11122012/biskup-ivas-franju-tudmana-s-pravom-mozemo-zvati-veliki-franjo>

²⁰ Хорватская весна или «маспок» («массовое движение») – движение за расширение прав Хорватии в составе СФРЮ конца 1960-х – начала 1970-х гг. Моментом возникновения движения можно считать принятие в марте 1967 г. Матицей хорватской «Декларации о положении хорватского литературного языка». На начальном этапе движение носило характер студенческих выступлений, однако затем, благодаря Матице, в СМИ и политических кругах стали подниматься более серьезные проблемы, связанные с «национальным вопросом». Движение было подавлено в декабре 1971 г. – марте 1972 г.

²¹ Интервью Ф. Туджмана каналу HRT 1 (1997 г.) (См. с 3:05).

http://www.youtube.com/watch?v=wDISJixGzh4&feature=PlayList&p=434A9BF8A3CD7604&playnext=1&playnext_from=PL&index=40

См. также: Radoš I. Op. cit. S. 7–8.

²² Их интервью Ф. Туджмана шведскому телевидению. См.: Hrvatska Zauvijek. Prilozi hrvatskoj državnotvornoj misli. Priredio Ane Selak. Zagreb, 1996. S. 130.

²³ Der Spiegel. 1975. № 6. S. 80.

<http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-41561063.html>

²⁴ Отрывок из интервью В. Готовца шведскому телевидению (1977 г.).

http://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=nZ7WAOmRUxw#.

²⁵ Tujman F. Odgovor na optužbu na glavnoj raspravi pred Okružnim sudom u Zagrebu. 17–20 veljače 1981.

http://www.hrsvijet.net/index.php?option=com_content&view=article&id=23929:dr-franjo-tuman-odgovor-na-optubu-na-glavnoj-raspravi-pred-okrunim-sudom-u-zagrebu-17-20-veljae-1981&catid=28:povijesni-identitet&Itemid=112

²⁶ Мештрович Мате – сын югославского скульптора И. Мештровича, возглавлявший в 1982–1990 гг. эмигрантскую организацию «Хорватское народное вече». После провозглашения независимости Хорватии вернулся на родину и стал депутатом Сабора, а затем представителем Хорватии в Совете Европы.

²⁷ Tuđman F. Nationalism in Contemporary Europe. P. 122.

²⁸ Radoš I. Op. cit. S. 13.

²⁹ Ibid. S. 21–22.

³⁰ В настоящее время – Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies). <http://aseees.org/>

³¹ См.: биография Ф. Туђмана на официальном сайте ХДС.

<http://www.hdzusa.com/dr-franjo-tudman/zivotopis-dr-franje-tudmana/>

³² Radoš I. Op. cit. S. 24.

³³ The New York Times. 1994. 16.01.

<http://www.nytimes.com/1994/01/16/world/from-pizza-man-in-canada-to-croatian-kingmaker.html>

³⁴ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. М., 2001. С. 84.

РАЗДЕЛ 4

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Ю.П. Гусев (Россия)

Диссиденты и диссидентствующие

Бесспорно, диссиденты и их деятельность способствовали, вместе с другими факторами, приближению краха тоталитарных коммунистических режимов. Но автор убежден, что в самом диссидентстве следует видеть один из симптомов неизлечимой болезни коммунистического государственного строя. Поэтому не нужно смотреть на диссидентов исключительно как на святых и подвижников: были среди них и герои, но были и обычные люди, следовавшие за модой, ориентировавшиеся на престиж. Автор показывает это на венгерском историческом и литературном материале.

Ключевые слова: Венгрия, культурная политика, Я. Кадар, Д. Ацель, диссидентство, Я. Хаи.

Мы живем в благословенное время, когда инакомыслие уже не считается преступлением. Ты можешь говорить что угодно (ну, или почти что угодно), и тебе за это ничего не будет. Например, ты, будучи сотрудником института РАН, можешь вслух, прилюдно заявить, что не согласен с ликвидацией Академии наук, и тебя не арестуют, не посадят, даже не уволят (а если уволят, то за что-нибудь другое). Ты можешь жестко критиковать действия власти (по конкретным вопросам или в целом), — она и ухом не поведет. Словом, живи — не хочу.

В такие времена хорошо оглянуться назад и попытаться оценить, проанализировать жизнь, свою и других, в тот канувший в прошлое период, когда времена были еще совсем не *такие*. Дистанция, как известно, обеспечивает куда большую степень объективности, чем отсутствие дистанции. Скажем, при Сталине понятие «враг народа» в массовом сознании было

практически неотрывно от чувства ненависти и холодного страха: ведь синонимами этого понятия были слова «диверсант», «вредитель». В хрущевско-брежневские же времена мы стали понимать, что враги народа в большинстве своем — это враги Сталина, ну, или советской власти, концентрированным воплощением которой был опять же Сталин.

В 1960–1970 гг. появились *диссиденты* — вызывавшие сложное чувство, в котором недоумение смешивалось, в разной пропорции, с восхищением (не с завистью!). Еще бы: если человек открыто (именно *открыто*: в душе, про себя, дома на кухне мы чуть ли не все были немножко диссидентами) выступает против огромного, всемогущего государства, против его грозного «щита и меча», КПБ, значит, он то ли герой, то ли святой, то ли сумасшедший. (А разве герой и святой — это не сумасшедшие? Во всяком случае, нормальными их назвать никак нельзя. Святость, подвижничество в человеческом обществе никогда нормой не считались).

Еще больше запутывается дело, если мы пробуем разобраться в подобных вопросах относительно XIX века. Кем был, например, один из персонажей поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», Гриша Добросклонов? Помните:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чухотку и Сибирь.

Конечно, прототип Гриши Добросклонова — Н.А. Добролюбов, революционный демократ. Со школы мы, не особенно задумываясь над этим, считали, что революционные демократы — это революционеры. Но «народный заступник» на революционера, как говорится, не тянет.

Иди к униженным,
Иди к обиженным,
Там нужен ты.

Скорее всего, к Грише Добросклонову (да и к его прототипу) подходит нынешнее слово «правозащитник», которое совсем не воспринимается как синоним понятия «революционер» или «диссидент».

Вот и в постсоциалистическую эпоху, обращая взгляд в недавнее, социалистическое прошлое, мы с удивлением обнаруживаем, насколько неоднозначно это понятие, диссидент. Оно и понятно: так и должно быть. Если взять исходный, коренящийся в истории церкви смысл понятия диссидентства, где «диссидент» в общем значило: «еретик», то и тогда нельзя не иметь в виду, что ересь — как отступление от церковных догм — может быть многозначной, ибо отклоняться от догм можно в самые разные стороны. Тем более это так, когда речь идет о политике, об идеологии, о мировоззрении. И действительно, возьмите хоть советских диссидентов: какое тут разнообразие «ересей» — от максималиста-утописта Сахарова до супер-большевика Лимонова (правда, если вдуматься, большевизм — это и есть максималистский утопизм; однако националистический ингредиент уводит лимоновскую утопию совсем в другие измерения).

И еще вот что становится просто-таки вопиюще очевидным, когда мы оглядываемся назад и размышляем о советском ли, венгерском ли, польском ли, другом ли каком-либо диссидентстве.

Конечно, диссиденты — и открытые, громогласные (пускай громогласны они в основном «за бугром», в безопасном эмигрантском бытии), и скрытые (например, некоторые писатели), подтачивающие устои официальной идеологии исподтишка, через эзопов язык, через аллюзии, — все они немало сделали для подготовки массового сознания к разочарованию в райских перспективах социализма и к отказу считать компартию умом, честью и совестью нашей эпохи. Только вот зависимость здесь, скорее, обратная: не диссидентство разрушило коммунистические режимы, а коммунистические режимы породили диссидентство. Так больной организм вырабатывает токсические вещества, которые, накапливаясь в тканях и органах, усугубляют болезнь, ускоряют ее победу над здоровьем, то есть, попросту говоря, подталкивают организм к смерти.

Примером подобной зависимости является хотя бы знаменитая хрущевская «оттепель». Правящая верхушка СССР, инстинктивно чувствуя невозможность дальнейшего существования сталинской модели, ослабила «гайки» — и тем самым запустила процесс развала, гибели системы. Приостановить,

замедлить (но, как показывает 20–30-летний отрезок истории после смерти Сталина, не обратить вспять) этот процесс удалось лишь с помощью жесткого оперативного вмешательства (Венгрия – 1956 год, Чехословакия – 1968 год). Однако болезнь — если нежизнеспособность данной системы можно назвать болезнью — вылечить, остановить было нельзя, организм продолжал вырабатывать токсины.

Иногда не может не возникать впечатление, что правящая верхушка в той или иной стране едва ли не сознательно (исходя при этом из интересов оздоровления, спасения социализма) способствовала распространению идей и настроений, разрушавших этот режим. Да что впечатление: разве не фактом является то, что Имре Надь в Венгрии, Александр Дубчек в Чехословакии пытались придать строю, в основе своей бесчеловечному, человеческое лицо? За что и заплатились...

Но если даже не брать такие кричащие, такие крайние примеры (хотя они очень показательны), то и в спокойных, даже подчас даже благостных буднях «реального социализма» можно выявить свидетельства того, что процесс, так сказать, самоликвидации не останавливался, а шел вперед.

Эпоху Кадара принято делить на четыре периода: 1) до 1963 г. — период, определяемый словом «megtorlás» («расправа», «возмездие»), — годы, когда приходилось преодолевать последствия восстания, т. е. период реакции (сюда входил и расстрел Имре Надя и его соратников); 2) попытка введения «нового хозяйственного механизма» и создания «социалистического общества благосостояния»; 3) 1970-е гг. — период отступления от реформ, стагнации, консерватизма; 4) 1980-е гг. — череда кризисов, завершившаяся крахом.

О каждом из этих периодов можно говорить отдельно — хотя бы потому, что каждый из них был далеко не однозначным. Взять уже первый период: да, Хрущев выбрал Кадара как такого человека, который должен вернуть Венгрию в лоно социалистического содружества, вытравить всякие еретические настроения, сомнения в перспективности социализма, в оптимальности советского пути и т. д. И Кадар вполне оправдал доверие, сделал то, чего от него ждали. Но ведь Хрущев и сам, надо думать, понимал, что жесткая, диктаторская линия, сталинизм — это опасно для судьбы того же социализма. По-

этому он поставил во главе Венгрии не нового Ракоши, а руководителя иного склада; можно сказать: по своему образу и подобию. То есть руководителя «оттепельного» типа. Насколько это трудное, даже безнадежное дело, показывает судьба самого Хрущева: трагикомические зигзаги проводимой им линии (от XX съезда КПСС до ресталинизации, от разрешения печатать «Один день Ивана Денисовича» до площадной брани в адрес молодых художников) и не менее трагикомический финал его карьеры. Конечно, Кадар был не таким взрывным, не бросался из крайности в крайность; но у меня есть сильное подозрение, что роль палача, которую на него возложили, тяжелым гнетом легла на его совесть и, в конце концов, привела к тому душевному конфликту, проявлением которого стала его последняя речь на Пленуме ВСРП.

Как бы то ни было, его неоднозначность, вытекающая из стремления блюсти принципы, быть правоверным коммунистом, с одной стороны, и понимание (или — ощущение?) того, что принципы эти плохо совмещаются с человечностью, да и просто со здравым смыслом, — проявилась уже и в первом, самом жестком периоде. И проявилась она в том, например, что Кадар приблизил к себе, а потом сделал, в сущности, вторым человеком в партийно-государственной иерархии Дёрдя Ацеля. Не только потому, что Ацель пережил (как и сам Кадар) репрессии, около пяти лет сидел в тюрьме — как причастный к пресловутому делу Райка. Но, главным образом, потому, что, видимо, почувствовал (а может быть, знал об этом, поскольку они были в дружеских отношениях) в нем человека незащепленного, широкого (если не сказать: либерала).

Во всяком случае, уже в августе 1957 г., будучи замминистра культуры, Ацель направил в ЦК партии письмо, в котором впервые сформулировал свой, позже ставший знаменитым, принцип «трех Т».

Писем в ЦК во всех странах, где был ЦК, писали много. В лучшем случае их оставляли без ответа, в худшем — могли надрать уши или еще похуже. Письмо Ацеля, посланное не в самый удачный момент (еще и года не прошло после революционного взрыва осени 1956 года), не просто не пропало втуне, но через несколько лет стало определять всю культурную политику венгерских коммунистов. Меньше всего я склонен

думать, что Кадар, прочитав письмо, ахнул, почесал лысину и задумался: а ведь толковые вещи говорит парень! Скорее, я бы предположил, что позиция Ацеля была у них с Кадаром согласована, и Ацель писал не наобум.

Вообще эта формула, «три Т», только на первый взгляд проста. «Támogatás, túrés, tiltás» — что-то мы поддерживаем, что-то терпим, что-то запрещаем. Вроде бы логично. По крайней мере, поддержка и запрет — это особых вопросов не вызывает. Но вот что значит: «терпим»? Здесь, очевидно, имеются в виду явления (произведения, высказывания, позиции), с которыми мы не согласны, но с существованием которых считаем разумным мириться. Но ведь это, по сути дела, признание плюрализма взглядов и мнений! Одно из главных требований, из-за которых рухнула коммунистическая власть в СССР. Если ты что-то допускаешь, значит, ты признаешь правомочность этого чего-то, значит, ты признаешь, что твое мнение — не единственно правильное. Значит, такие постулаты, как, например, «учение Маркса правильно, потому что оно верно», — не более чем пустые слова.

Вообще такое явление, как терпимость, толерантность, — это едва ли не высшее проявление цивилизованности. Ведь толерантность — это сознательное культивирование в обществе конкурентной среды, не ради чего-то, а в интересах общего прогресса, так как «социально близкие нам группы и ценности (а в цивилизованном обществе все его слои более или менее близки друг другу. — Ю.Г.) могут укрепляться и развиваться лишь в состязании с соперничающими»¹. Более того, терпимость подразумевает понимание того, что любая социальная группа или сила в своем видении мира невольно искажает его восприятие, «поэтому всесторонняя социальная истина заведомо не может быть достигнута без уважения к мнениям, даже и радикально отличающимся от наших собственных»².

Конечно, и у терпимости могут быть свои крайности. Она может стать безграничной, и тогда общество превратится в дом терпимости. Она может быть вынужденной, тактической: дескать, ладно, мы вас потерпим немного, а потом — к ногтю. (Известная история «пусть расцветают сто цветов».)

Конечно, есть большой соблазн трактовать терпимость в триаде Ацеля именно как такую тактическую уловку. Но даль-

нейшая история этого принципа, история развития культурной политики в Венгрии, на протяжении 1960-х – 1970-х гг., свидетельствует о том, что вряд ли это было тактическим ходом.

Если для такого вывода мало самих перипетий культуры, искусства, литературы (дескать, они развивались, как развивались, и воля режима тут просто оказывалась бессильной, неэффективной: имманентное движение способно смести любые субъективные ограничения), то нельзя не учесть и других вещей, которые ставят под сомнение тезис об имманентности. Да, Кадар мог приструнить Ацеля, мог бы вообще «задвинуть» его — однако, напротив, Ацель становится все влиятельнее и вскоре, на посту секретаря ЦК, затем члена Политбюро, вырастает в руководителя культурной политикой Венгрии.

В этом плане очень большое значение приобретает тот факт, что в декабре 1961 г., то есть еще до завершения того периода, который считается периодом расправ, Янош Кадар провозглашает очень важный и очень необычный для коммунистического руководителя лозунг: «Кто не против нас, тот с нами».

Кадара, при всей его простоватости, мужиковатости, недаром считают едва ли не гениальным дипломатом. Если эти слова отражают его убеждение, то он мудро не высунулся с ним раньше: Хрущев, не задумываясь, убрал бы его, отстранил от руководства. Но 1961 год явился в этом смысле удачным: в СССР готовился XXII съезд КПСС, который должен был стать продолжением XX-го; имелись и другие факторы. Так что Кадар, взяв этот лозунг из Евангелия («Ибо кто не против вас, тот за вас». Марк 9, 40), не слишком рисковал.

Кадару с Ацелем нужно отдать должное еще вот в каком отношении. Если бы они посягнули на устои социализма в политике, в экономике (скажем, попытались бы пересмотреть тезис о диктатуре пролетариата или реабилитировали частную собственность), им бы не сдобровать. Искусство, культура же — в коммунистических режимах это не казалось кардинально важной сферой. Даже Сталин позволял себе некоторые либеральные жесты по отношению к Булгакову, к Пастернаку. А тот факт, что абсолютно антисоветский роман «Тихий Дон» был зачислен в классику социалистического реализма, — разве это

не свидетельствует о не слишком скрупулезном отношении власти к литературе?..

Но венгерский опыт говорит еще и о другом. Когда перед писателем (если, конечно, он человек мыслящий) стоит выбор, быть поддерживаемым властью или терпимым ею, причем выбор этот не связан с публикуемостью, гонорарами, дачами и т. д., то тут вступает в действие простая психология — писатель выберет второе. Быть в оппозиции к власти в наших краях всегда престижно.

В итоге к 1980-му г. в Венгрии практически не осталось литературы, которая могла быть отнесена к «поддерживаемой». Оставаться в этой категории было как бы немного стыдно, ощущалось как некий моветон. Вот почему я рискнул ввести понятие «диссидентствующие».

В других социалистических странах, в других условиях тоже происходило нечто подобное, но, конечно, не в таких масштабах. А то, что коммунисты в своем отношении к искусству и литературе, в недооценке их воздействия на умы сильно ошибались, теперь, думается, очевидно: ведь искусство и литература — довольно важный, хотя и не решающий, фактор влияния на общественное сознание, подтачивающий идеологический костяк режима.

Я не верю, что Ацель, провозгласив принцип «три Т» и проводя его в жизнь, был настолько наивен и недалек, что не предвидел подобных последствий.

Вместе с тем я вовсе не считаю Ацеля — вместе с Кадаром — такими Штирлицами, которые целенаправленно подрывали изнутри социализм. Просто они по-своему (куда осторожнее, осмотрительнее, чем упоминавшиеся выше Имре Надь и Александр Дубчек) пытались исправить то, что считали недоработками, искажениями, вредными для успешного продвижения и развития, для строительства социализма. И делали это с постоянной оглядкой на «старшего брата», балансируя между стражами режима, внешними и внутренними, и своими убеждениями. Отсюда — непоследовательность, половинчатость, противоречивость многих их действий и начинаний.

(Как известно, Ацель после своей отставки жил в Вене и писал мемуары, но не успел их завершить: он умер в 1991 г. Инте-

ресно было бы почитать их. Может быть, когда-нибудь удастся. Хотя — вряд ли.)

Таким образом, сейчас, во втором десятилетии XXI в., понятия «диссидент», «диссидентство» утратили свой былой сакральный оттенок. Мы уже видим, во-первых, их неоднозначность, пестроту, а во-вторых, их вторичность: диссидентство — не только проявление сопротивления общества диктатуре, но и следствие возрастающей дряхлости, нежизнеспособности этой диктатуры.

И поэтому уже без какого-либо особого внутреннего сопротивления воспринимаем изображение диссидентства, предлагаемого нам, например, современным венгерским писателем Яношем Хаи, представителем того поколения венгерских литераторов, которое постепенно становится доминирующим в венгерской словесности.

Речь идет о его романе «Парень» («A gyerek», 2007), только что вышедшем на русском языке. Роман представляет собой своего рода историю, биографию низшего, трудового слоя венгерского народа («эксплуатируемых» — уже язык не поворачивается сказать, хотя общество до сих пор живет благодаря тяжкому, часто нечеловечески тяжкому труду этого слоя, производящего материальные ценности в градах и весях страны), жизнь которого с «поворотом», с переходом Венгрии из «соцлагеря» в Европейский Союз не изменилась в лучшую сторону, а в чем-то даже изменилась в худшую.

Отец главного героя книги, живя в деревне и трудясь в поле, еще и работает в городе, на домостроительном комбинате, ежедневно отпраиваясь туда в четыре утра. Что делать: он хочет, чтобы его сын получил образование, избежав, таким образом, неминуемо ожидающего его удела — беспросветный физический труд, болезни, алкоголизм и ранняя смерть.

В романе Яноша Хаи много фрагментарно или бегло изображенных человеческих судеб, много ответвлений сюжета, и все они бьют в одну точку, показывая, что жизнь человека труда как была невыносимо тяжелой, так невыносимо тяжелой и осталась. Но среди всех этих «веток» и «веточек» появляется одна, касающаяся нашей темы.

«Как-то пришли на комбинат молодые люди, бородатые, в вельветовых штанах и клетчатых ковбойках, чтобы знако-

миться с рабочими и быть ближе к жизни, а не к книгам. Они учились в университете, и были у них, среди всего остального, такие занятия, где они анализировали структуру государства, Там им сказали, что власть принадлежит им всем, всему народу, то есть частично и этому коллективу; даже в названии страны стоит: “народная”³, потому что это такая форма государства, где власть находится не в руках какой-то одной касты, а в руках всего населения. Но они, студенты, в это не верят. У них хватает ума, чтобы подвергнуть сомнению это фальшивое утверждение, и они намерены доказать, что власть на самом деле вовсе не в руках населения и не в руках рабочих этого завода, а совсем в других руках, так что это явная и наглая ложь: ведь в руках у рабочего – монтировка, ключ водопроводный, где там власти поместиться! Они, эти бородатые студенты в вельветовых штанах, убеждены были, что если им удастся отнять власть у тех, кто ее, именем рабочих, узурпировал, то есть если власть окажется в руках у студентов, то они сумеют разделить ее так, чтобы хватило всем. Они не оставят ее себе, как нынешние узурпаторы, а скажут: люди, отложите инструменты, тут вас ждет большой кусок власти, — и отдадут ее, например, этому маленькому коллективу, которому она, собственно, и принадлежит»⁴.

Ирония Хаи здесь – добродушна. Но она становится довольно-таки ядовитой, когда он описывает духовного наставника этих благородно настроенных, но ужасно наивных студентов – «одного профессора, который на самом деле уже не профессор, потому что в университете не преподает, и вообще одной ногой в тюрьме, живет в полной изоляции, без всяких средств к существованию, хотя у него у самого трое детишек, двое от первого брака и еще один — от случайной связи, а сейчас новая жена тоже не прочь родить от него ребенка, так что сами подумайте, может ли этот профессор взвалить на плечи добавочный груз, к троим — еще четвертого, а то и пятого. Вот если бы ему — американскую стипендию; да ведь и стипендия — это не на всю жизнь, а года на два разве что, и то если ему разрешат уехать. Хотя надежда есть, ведь нынешние узурпаторы власти, они только рады будут, если такой, с позволения сказать, ученый уберется куда подальше. Они ведь как думают: если его отпустить, этого профессора, и он там будет амери-

канским газетам заливать насчет того, что тут вроде нет свободы, — над ним же люди смеяться будут. Мол, как же тут нет свободы, вот у него, например, есть свобода: если бы не было, как бы он мог уехать во враждебную страну? Да только шишки, которые там, наверху сидят, очень ошибаются, потому что заграничные уши хотят слышать только то, что им приятно слышать. Одним словом, когда профессор все-таки уехал, вскоре после того, как у него родился четвертый ребенок, никто там, за океаном, не обратил внимания на противоречие между его словами и реальной ситуацией, то есть что он, за хорошие деньги, пасется в американском университете, но поехал туда по разрешению диктаторского государства»⁵.

Период правления Кадара называют «мягкой диктатурой». Мне кажется, приведенный текст иллюстрирует эту «мягкость», непоследовательность, «показушность» куда лучше всяких документальных источников. Поэтому, вопреки принятым или привычным нормам, приведу еще одну-две пространные цитаты из этого великолепного романа.

«В конце концов, наказание за этот маленький обман наш профессор получил, но не от тех, кто управлял государством и наукой, а от собственной жены, которая, пока его не было, сошлась с одним его учеником, который был ей почти ровесник, и к тому времени, когда профессор вернулся, вообще ушла к нему жить. Да еще призналась, что отношения у них начались в то время, когда был зачат тот самый, четвертый профессорский ребенок, почему он, этот малыш, собственно, и родился. Пускай профессор вспомнит, как он не хотел ребенка и как предохранялся всеми возможными способами. После этого профессор до конца жизни так и не мог решить, его это ребенок или не его; а может, жена с любовником просто придумали это, чтобы он, профессор, не докучал им: мол, он хочет видеть своего сына. Со временем ему таки представилась возможность избавиться от этих сомнений, а заодно и от алиментов на тех троих детей, которые вроде бы были точно его: он оказался в одном маленьком университете, в штате Айова, и преподавал там социологию, преподавал точно на том уровне, на каком владел английским языком и социологией, и только коллеги, оставшиеся дома, распространяли о нем легенды о том, как он близок — то есть ну просто совсем близок! — к самым

значительным движениям современности и в каких – ну просто в очень многих! – международных научных проектах фигурирует его имя, и что его работы печатает самый что ни на есть ведущий – правда, на оставленной им родине совершенно недоступный – научный журнал. Профессор невольно – потому что для этого практически ничего не сделал и этих легенд не заслужил – стал своего рода символом. А имя его стало чем-то вроде священной облатки, которая на какое-то, очень короткое время – хотя бы на то мгновение, пока ты слышишь, что она, эта облатка, есть залог искупления, – вот на протяжении этого мгновения она приносит тебе глоток свежего воздуха из того мира, где свобода просто бьет через край»⁶.

Если диктатура была «показушной», осуществлялась как бы для очистки совести, то и диссидентство не могло не быть «показушным», безобидным. С профессором (фигура которого обладает, мне кажется, некоторым конкретным соответствием – или соответствиями – в реальной жизни; иначе говоря, у этого литературного образа имелся реальный прототип) – все ясно. Но и «политическая деятельность» юных диссидентов выглядит скорее игрой, которой некоторая, не очень серьезная, опасность лишь придает приятную остроту.

«Студенты околачивались на заводской территории, ходили туда-сюда, брали в руки какой-нибудь инструмент, чтобы показать, мы, мол, такие же, как вы, те, кто здесь работает. Рабочие косились на них, но не особо раздражались, пускай себе играют, дед Мороз в детстве ничего им, поди, не приносил, потому что росли они в атеистических семьях, а там детям всякой чепухой голову не дурят. Иной раз студенты даже помогали; во всяком случае, хотели помочь. Давайте я эту штуку подниму, дядя Лайош, – говорил кто-нибудь, иди в жопу, отвечал дядя Лайош, оторвется селезенка, мать твою, мне ее электросваркой, что ли, на место приваривать, или уронишь шлакоблок себе на ногу... Любознательные студенты не обижались, понимали, раз уж взялся за такое исследование, никуда не денешься, мирись с тем, что работяги с тобой не церемонятся. Это все-таки лучше, чем к цыганам, в их развалюхи, там еще и вонь, и копоть, не говоря уж о вшах, к этому они не привычны, а тут все-таки, как-никак, свежий воздух, там иной раз и по морде можно схлопотать, мол, ты какого хрена привязался к

моей жене; а тут, ну, разве что беззлобное «иди в жопу». Ходили они, ходили за работягами, потом шли с ними фрёч⁷ пить, хотя сами пили исключительно содовую, – правда, если выбирать, они бы выбрали апельсиновый сок, но программа исследований подобных трат не предусматривала, так что они предпочитали обходиться без сока, и не только без сока, но и без сигарет с фильтром, ведь сигареты с фильтром здесь, на предприятии, в самом деле выглядели анахронизмом, сигареты с фильтром курили начальники, у которых они намеревались отобрать власть. Студенты и в корчме продолжали свои исследования, у них были такие большие листы с вопросами, и студенты двигались постепенно, от вопроса к вопросу: сколько вы получаете, и какова выходит плата за час, и что будет из ваших детей, будут ли они осуществлять власть на каком-нибудь таком же предприятии, и что вы едите дома, правда же, самую простую пищу, потому что на другую зарплаты не хватает, и чем занимаетесь в свободное время, надо думать, ничем, после такой тяжелой работы. Студенты обещали, что такой же материал они соберут и по другим предприятиям, и тогда всем станет ясно, что власть тут принадлежит совсем не рабочим, и они, эти молодые ученые, готовы будут жизнь отдать, чтобы судьба рабочих стала лучше. Потому что они, эти молодые люди, – такие люди, которые хотят жить не для себя, а для других, для общества, например, для этого вот маленького коллектива на тридцать втором домостроительном комбинате. Да она у нас и так нормальная, говорил бригадир, то есть судьба, стало быть, неизвестно ведь, какой она станет, если будет еще лучше. Для него лично и так, собственно, хорошо, особенно если вспомнить, как его родителям пришлось жить в свое время: вкалывали они с рассвета до позднего вечера, и никаких видов даже на минимальное медицинское обслуживание, вот хоть этот пример, так что лучшей жизни, чем сейчас, он и представить не может. Но как же так, – сказал один из бородатых молодых людей, – очень даже можно представить: скажем, вы бы в театры могли ходить, на концерты, летом ездить на море или хотя бы на Балатон, а свободное время проводить не в саду да на винограднике, а отдыхать, развлекаться. Для нас на винограднике копать, это и есть отдых, – сказал один из рабочих, – лучшего развлечения не придумаешь. Потому что

ты работаешь и знаешь, что из этого винограда осенью будет вино, а это – самое лучшее развлечение, потому что ясно, что вино это можно будет выпить, а когда выпьешь, станет очень даже весело, и не только тебе, а и тому, с кем вместе ты его выпьешь. Но мы, — сказал бородатый, — мы жизнь отдадим за то, чтобы вам было еще лучше, вот как та немка, Ульрика Майнхоф⁸, которая вообще-то для нас пример, и мы, как она, готовы умереть за это дело. За нас не надо, — сказал рабочий, — за нас вы не умирайте, не нужно нам, чтобы нас совесть мучила, что из-за нас чья-то мать потеряла ребенка. Этого нам только не хватает»⁹.

Но особенно хорош следующий пассаж из того же романа – пассаж, где ирония писателя становится уже убийственной. Пассаж, где ситуация в стране показана в стадии, о которой мечтали диссиденты, и пожилые, и юные, ради которой они подвергались преследованиям (пускай в значительной мере воображаемым, – но это же так интересно!), печатались в самиздате и в тамиздате (а некоторые – в там-и-сям-издате). Иными словами, в долгожданном состоянии свободы от коммунистического диктата и от строгого кремлевского контроля.

Итак, «...наши герои (то есть диссиденты и диссидентствующие. – Ю. Г.) получили хлебные должности, сев во главе всяких важных организаций, руководящих органов и огромных предприятий, заняв такие позиции, против которых в прежние, легендарные времена они боролись и правомочность которых в свое время решительно ставили под сомнение. Но ведь тот государственный строй был строй совсем другого типа, нелегитимный, созданный и державшийся с помощью чужой власти, — в отличие от нынешнего, то есть как раз от того, о котором идет речь и в котором наши герои смогли наконец выбраться из просторных, но вообще-то крайне запущенных бабушкиных квартир, из подполья вышли на свет, и произошло это в рамках абсолютно другого государственного уклада, который опирается на частный капитал и механизм народного представительства, а, следовательно, с моральной точки зрения в его легитимности и правомочности никто не может усомниться»¹⁰.

Вероятно, здесь могут прозвучать веские возражения: дескать, да, любые революционные изменения в обществе под-

разумевают, что борцы против старого, прогнившего режима, разрушив, свергнув его, сами становятся во главе общества. По формуле: кто был ничем, тот станет всем.

Беда лишь в том, что тот, кто был ничем, ничем и остался. Отец парня, вкалывавший с рассвета на домостроительном комбинате, а вторую половину дня – на кукурузном поле или на винограднике, и тысячи и тысячи его товарищей по социальному положению продолжали вкалывать там же и столько же (и это еще в лучшем случае, потому что домостроительный комбинат вполне могли закрыть, как закрыли в Венгрии и в других странах, высвободившихся из-под советской опеки, огромное количество предприятий бывшего народного хозяйства). Да и сам парень, хотя и получил высшее образование, не смог пробиться вверх, заняться наукой (он мечтал стать философом): слишком прочно удерживали его внизу социальные, генетические, культурные корни. Правда, он стал директором школы в селе, где родился и вырос, но от алкоголизма и ранней смерти ему не удалось уйти.

Таким образом, роль диссидентов в обществе не следует преувеличивать. Они – лишь форма, разновидность инакомыслия, как инакомыслие – проявление многообразия человеческого сознания (единообразие же ни в человеческом обществе, ни в любой форме жизни – вещь невозможная, так как тогда невозможна сама жизнь). Чтобы коренным образом изменить человеческую жизнь, необходимы глубокие и, видимо, постепенные сдвиги в сознании, психике, социальных рефлексах человека. Диссиденты же являются тут лишь одним из факторов – не более важным, чем, например, погода.

Может быть, эта статья покажется ложкой дегтя в бочке фирмиама, который должен быть воскурен перед диссидентством. Но все равно эта ложка нужна.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Мелихов А. Броня из облака. СПб. – М., 2012. С. 219.

² Там же. С. 220.

³ Официальное название Венгрии в 1949–1989 гг.: Венгерская Народная Республика.

⁴ Хаи Я. Парень. М., 2013. С. 54–55.

⁵ Там же. С. 55–56.

⁶ Там же. С. 56–57.

⁷ Вино с содовой в различных пропорциях; считается демократическим напитком.

⁸ Майнхоф Ульрика Мария (1934–1976) – западногерманская журналистка, ставшая одним из лидеров террористического движения в западном мире. В мае 1976 г. погибла в тюрьме (по официальной версии, покончила с собой).

⁹ Хаи Я. Указ. соч. С. 57–60.

¹⁰ Там же. С. 136–137.

И. Кишш (Венгрия)

Советское, антисоветское или не-советское? Проблемы официальной кодификации и неофициального восприятия романа «Мастер и Маргарита» в Венгрии, Польше и СССР в 1960-е – 1980-е гг.

Процесс восприятия романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в СССР, Венгрии и Польше в 1960–1980-е гг. рассматривается в более широком контексте культурной политики и настроений среди интеллигенции, в том числе оппозиционной. Интересам культурной политики в социалистических странах соответствовало стремление интегрировать роман в советское культурное пространство, что проявилось и в сопроводительных статьях Константина Симонова, сделавших возможным публикацию романа в СССР. Однако параллельно возникает и иная тенденция – трактовать «Мастера и Маргариту» как вне-советское и вне-системное произведение, что нашло особенно яркое выражение в работе польского литературоведа Анджея Дравича.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, К.М. Симонов, социалистический реализм, культурная политика в СССР, Польша 1980-х годов; кадровская Венгрия.

Вместе с обширным архивом Михаила Булгакова вдова писателя, Елена Сергеевна Булгакова, до конца жизни заботливо хранила для будущих исследователей всю документацию, связанную с историей публикации и восприятием романа «Мастер и Маргарита» как в СССР, так и за рубежом. История изданий книги в Советском Союзе освещалась во многих исследованиях, но архивные материалы до сих пор преподносят сюрпризы. Мало что известно, например, об издании и рецепции булгаковского романа в Венгрии и в других странах социализма, где роман так же, как и в СССР, сразу был воспринят читателями

как литературная (да и политическая) сенсация. В данной статье прослежена история выхода книги в Венгрии, ее канонизации официальной культурной политикой, а также некоторые особенности неофициального восприятия романа в Венгрии, Польше и в СССР. Изучение процессов канонизации литературного произведения помогает раскрыть не только суть советской культурной политики, но и специфику венгерской.

Культурно-исторический феномен, о котором идет речь, может вызвать интерес в силу ряда факторов. Издание романа «Мастер и Маргарита» в Венгрии в конце 1969 г. стало первой полной и первой книжной публикацией романа во всем социалистическом лагере¹, и это само по себе можно считать уникальным явлением. Тем более, что в этом издании были восстановлены все купюры, имевшиеся в первом советском издании в журнале «Москва» (1966. № 11; 1967. № 1), и оно на 4 года опередило первую книжную публикацию в СССР². Книгу выпустило официальное издательство «Европа»³, а подготовку издания осуществляла, в основном, сама переводчица Клара Селлеш. Благодаря ее усилиям официальное издание сопровождалось неофициальным восстановлением купюр, что было весьма интересным явлением.

Нам предстоит дать свой ответ на вопрос, который должны были в то время решать и официальная культурная политика, и интеллектуальное (читательское) сообщество: Что такое «Мастер и Маргарита»? Советский (антисоветский) или вообще не-советский роман? Ответ на этот вопрос непосредственно связан с центральной проблемой конференции Института славяноведения РАН: идеей новой государственности в инакомыслии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, ведь эта идея формировалась в тесной корреляции как с процессом самоидентификации их граждан, так и с характером отношения к культурной традиции.

«Eine Tasse schwarzer Kaffee»⁴

«Что такое официальное и неофициальное? ... Сегодня я неофициальное лицо, а завтра, глядишь, официальное!», – слова Коровьева, с которыми он обращался в романе «Мастер и Маргарита» к председателю жилтоварищества, Никанору Ивановичу Босому, сегодня могут звучать просто как крылатые фразы,

но в 1960-е гг. противопоставление «официальное / неофициальное» имело куда более веское содержание. Во время своей поездки в Венгрию в 1968 г., например, Елена Сергеевна Булгакова оставалась с самого начала и до конца неофициальным лицом по своей ли воле, или по решению венгерских учреждений – это сейчас уже трудно установить. Стоит, однако, отметить, что в 1967 г. вдова писателя прибыла в Варшаву по официальному приглашению министерства культуры Польской Народной Республики – правда, это было еще до пражских событий. Как бы то ни было, официальный статус ограничивал ее возможности: хотя «Мастер и Маргарита» был опубликован на польском в том же в 1969 г., как и венгерское издание, но со значительными купюрами⁵. Несмотря на это, книга сразу стала в Польше (как и в Венгрии) весьма популярной, в том числе благодаря замечательным переводам Ирены Левандовской и Витолда Домбровского, неоднократно переиздавалась (1973, 1980), но первая полная версия появилась на польском языке только в 1981 г., а начиная с 1987 г. роман переиздается практически ежегодно, разными издательствами⁶. Таково было своеобразное «социалистическое соревнование» между Венгрией и Польшей по Булгакову.

Согласно сохранным в архиве М. Булгакова документам⁷, Елена Сергеевна приехала в Будапешт 10 ноября 1968 г., по частному приглашению переводчицы Клары Селлеши, и остановилась в качестве частного, неофициального гостя в гостинице «Будапешт»⁸. Единственным официальным мероприятием, случайно совпавшим с ее пребыванием, которое она посетила по приглашению Союза венгерских писателей, по-видимому, стал прием по случаю конференции переводчиков в здании Венгерской Академии наук 18 ноября 1968 г. Но талонами на чашку кофе и на стакан прохладительного напитка от венгерского Интуриста (ИБУС) во время самой конференции 19–21 ноября она уже не успела воспользоваться; карточки так и лежат в Доме Пашкова среди остальных архивных бумаг с надписью на венгерском и немецком: «IBUSZ frissítő / Ein Glass Obst-Saft; IBUSZ Fekete kávé / Eine Tasse schwarzer Kaffee».

Конечно, Елену Сергеевну в Будапеште интересовали не талоны на чашку кофе, а беседы с директором издательства⁹ и переводчицей. С Klarой Селлеши она впервые встретилась в

Москве в июле 1968 г. Первое письмо от 6 июля свидетельствует не только о тесных личных связях, но и о том, что перевод «Мастера и Маргариты» к этому времени был близок к завершению. «Я, – говорится в нем, – принесла Вам сердечные приветы Вашей венгерской подруги Шары Кариг¹⁰... Я перевела на венгерский язык два романа Вашего мужа (“Театральный роман” и “Мастер и Маргарита”). Мне очень-очень хочется познакомиться с Вами, но – кажется – номер телефона у меня ошибочно записан... Будьте любезны, позвоните мне в гостиницу “Пекин”». В письме от 30 августа 1968 г. дается теплейший отзыв о состоявшейся встрече: «Я никогда не забуду вечер, проведенный у Вас, интересные разговоры, и дух Михаила Афанасьевича, который как будто повеял на нас из книг, фотографий, из каждого Вашего слова... Перевод романа “Мастер и Маргарита” почти (здесь и далее выделено в оригинале. – И. К.) закончен, но не совсем: и для этого требуется Ваша мудрая помощь». Многозначительные недоговоренности («почти закончен, но не совсем», «и для этого требуется ... помощь»; а в другом месте письма: «Я позвонила Веселому – ему и вдове Бабеля написала письмо, так что он в курсе дел»; и т.д.) указывают на то, что речь идет о большем, нежели просто о выяснении или осмыслении некоторых мест переводимого текста с сугубо языковой точки зрения. В переписке, само собой разумеется, нет ни слова о возможном выполнении пробелов (купюр). Но можно утверждать с большой долей уверенности, что такая работа была проделана именно в эти месяцы (включая и время пребывания Елены Сергеевны в Венгрии). Что касается частного приглашения, то оно было передано ей, по всей видимости, с оказией, а именно переводчиком Я. Эльбертом¹¹: «...наш друг Янош Эльберт прибыл в Москву, и наверно Вас посетил» – читаем в письме от 2 октября.

О самом пребывании Елены Сергеевны в Будапеште мало что известно. Из последующего письма Клары Селлеш (от 13 декабря) можно сделать вывод, что большая часть времени прошла за текстом романа. Вообще Е.С. Булгакова хотела остаться в роли «частного гостя»: «Все знакомые мне делают упреки, что я Вас им не показывала...Если бы Вы остались еще 10 дней в Будапеште, Вас уже совсем не пустили бы домой! Ну что ж, можно уже подумать о повторении Вашего посещения!!». На то, что к этому времени текст книги был уже сверстан, ука-

зывает следующее замечание: «Я, конечно, сразу проверила опечатки в романе, – мне кажется, типография вообще *славно* поработала, в таком сложном тексте опечаток сравнительно очень-очень мало». Не имея документов, свидетельствующих о ходе работы, можно только предполагать, что Селлешы ссылаются на окончательный этап восстановления цельного булгаковского текста. И в этом плане самое многозначительное в письме – это сугубо булгаковское слово «*славно*» (в романе, например, излюбленное выражение доктора Стравинского): это, помимо прочих словоупотреблений, указывает на то, что переводчица полностью освоила язык «Мастера», прежде всего его личную (личностную) интонацию, как и музыкальную аранжировку романа. Переводчице нужны были личная встреча и собеседование – не только для того, чтобы восстановить купюры (она поняла, что роман, без них ли, с ними ли, остается незаконченным, и в этом заключаются его «сюрпризы»), а прежде всего для того, чтобы услышать радикально новый, «персональный» голос романного текста. Ключ лучших переводов романа заключался в нахождении адекватной формы для воспроизведения «*ad hominem*» наррации Булгакова.

Переводчица Клара Селлеш чутко вникла в эту новую «персональную поэтику», которую она могла постичь (пусть без четкой формулировки) только в голосе Елены Сергеевны. При этом она старается сохранить дистанцию: «я так привыкла к Вам. И не хотелось бы, чтобы миф покрывал настоящего человека», – пишет она в том же письме от 13 декабря. «Спасибо за все, все – кофе и икра все прекрасные вещи, мы праздничный обед (который у нас по обычаю 24-ого вечером состоится) ели “под Вашим знаменем”, если можно так сказать – но самое большое счастье для меня – фотография Михаила Афанасьевича, которую мне так хотелось иметь!», – пишет Клара в своем рождественском письме от 25 декабря 1968 г. А пасхальное письмо от 13 апреля 1969 г. начинается такими словами: «Дорогая уникальная Елена, мне кажется, самый лучший момент, чтобы отвечать на Ваше очаровательное письмо – при звуках „Johannes Passion” J.S. Bach-a, который я слушаю по радио – поют о тех же самых лицах, которых я знаю из “Мастера” и мне как-нибудь кажется, что я их теперь знаю гораздо ближе, более интимно, чем до этого романа, до этого знакомства».

Клара Селлеша регулярно сообщала Елене Сергеевне о ходе издательских дел: «все “ответственные лица” уже прочли текст, всем нравится, и книга увидит свет еще в этом году – т.е. если типография, ... тоже так хочет...» (13 апреля 1969 г.); «...гранки пока не получила, но говорят (и в газетах уже печатно “говорили”), что выйдет в этом году» (28 июля 1969 г.). «...21-го мне позвонили из Института Театрального искусства, что наш Национальный театр интересуется пьесой М.А. “Последние дни” – могу ли я переводить её? Ну, конечно, “могла”, и даже “на четвереньках”, как говорится по-венгерски. Так что я уже мысленно вижу пьесу на сцене – хотя все это не так просто, ведь тема все-таки немножко дальше от венгерской публики... Но мне это все равно, я снова в очаровательной атмосфере Булгакова, и Пушкин первый раз делается близким для меня человеком, я все биографии прочитала, словом: переживаю его жизнь и смерть, и, в то же самое время, все “подстрочные” мысли и страдания Михаила Афанасьевича», – читаем в одном из 12-и писем, от 28 августа 1969 г.

Обе удивительные женщины скончались в одном и том же 1970 г.: Клара Селлеша – не дожив до 60-ти, Елена Сергеевна – не дожив до 80-ти лет. О выходе «Мастера» к Рождеству 1969 г. вдове писателя сообщает уже не переводчица, а Агнеш Остович, в то время студентка университета (письмо от 20 декабря 1969 г.). А несколько месяцев спустя она же пишет так: «Вышло и второе издание “Мастера”. И опять за три дня продали все экземпляры. Искренне могу сказать, сейчас нет более популярного романа, чем “Мастер и Маргарита”. В каждом лит[ературном] журнале появились и появляются статьи о романе. Сейчас известный нам писатель писал о том, как он нашел своего Христа¹² именно у Булгакова»¹³. Но это письмо от 3 августа 1970 г. уже не застало Елену Сергеевну в живых.

Венгерское прочтение романа – по-советски

Итак, венгерский читатель к 1969 г., т.е. к моменту выхода первой полной книжной версии «Мастера и Маргариты», пользовался двойным преимуществом по сравнению с советским читателем: во-первых, он имел доступ к целому тексту романа без купюр, причем даже в официальном книжном издании, во-вторых, пользовался возможностью читать эту книгу «без кон-

воирования» в виде сопроводительной статьи, разъясняющей официальную или полуофициальную точку зрения на то или иное художественное произведение¹⁴. Это обстоятельство имело особое значение в культурно-политических условиях конца 1960-х гг. Выход такой книги без купюр и тем более без обязательного предисловия не может объясняться просто «недосмотром» культурной политики, хотя надо иметь в виду, что, как отзвук Пражской весны даже после ее подавления в Венгрии, еще наблюдалось некоторое ослабление централизованного контроля как раз в области культурной (и издательской) политики. Вообще это был период временной либерализации управления культурной жизнью в условиях начатых в 1968 г. экономических реформ. Как бы то ни было, кому-то и в Венгрии предстояло решить вопрос, вынесенный в название нашей статьи: Что же это за роман, наконец? Советский, антисоветский, или же вообще не-советский? Директор издательства «Европа», человек с огромными познаниями в мировой литературе, сам великолепный литератор и отличный культурный стратег, не стал давать своего ответа на этот вопрос, оставив его для венгерской критики: канонизация булгаковского произведения в Венгрии проходила задним числом, уже после выхода книги.

Между тем, венгерская критика не сразу отреагировала ни на головокружительный читательский успех, ни на сам роман с его неоднозначной репутацией. Задача канонизации его в Венгрии была сопряжена с целым рядом трудностей: поскольку его сразу же восприняли как роман для интеллигенции, роман о взаимоотношении интеллигенции и власти, естественным стало стремление критики вывести его за эти узкие рамки восприятия. Задача была тем более непростая, учитывая исторически сложившееся расщепление венгерской интеллигенции: урбанистам с их подчеркнутым культурным космополитизмом противостояли народники (почвенники). Этот традиционный на поле венгерской культуры «ландшафт» усложнялся после 1968 г. из-за происходившей кристаллизации неформальной группы из представителей своего рода «демократической оппозиции», важную роль в которой играли те, кто принадлежал ко второму поколению учеников Дердя Лукача (Янош Киш, Дердь Бенце и др.). Эта группа особенно консолидировалась после 1973 г., когда начались гонения (вплоть

до высылки из страны) на учеников и последователей Лукача из университетских кругов и академических институтов (так называемый «суд над философами»). В этот период активно начинают проводиться альтернативные официальной идеологической и культурной политике семинары на квартирах. Семинар по политической философии вели Дердь Бенце и Дердь Маркуш, а по эстетике (где занимались и разбором литературных произведений) Геза Фодор, известный своими работами о музыке и театре.

В рамках именно этого «частного семинара» выступил с лекцией о романе «Мастер и Маргарита» Андраш Лакатош, человек большой эрудиции, великолепный литературный критик и редактор, который с 1969 г. оставил свою работу в издательстве, работал в области статистики, а потом библиотекарем¹⁵. Его лекция вызвала тогда огромный резонанс не только в неформальных кругах интеллигенции, отзвуки дошли и до «официальных» академических и культурных институций. Текст лекции не был записан, а статью на ее основе так и не подготовили. Тем не менее, основной ее тезис широко обсуждался, став негласной «мишенью» официальной критики. В трактовке Лакатоша нет большего греха, чем отрицание воскрешения. Именно из-за этого был наказан Берлиоз Воландом, именно это и должно стать решающим критерием при оценке булгаковского романа. По фрагментарным воспоминаниям одного из слушателей лекции¹⁶, вывод лектора заключался в том, что, хотя в мире ныне правит дьявол, но воскрешение будет, воскрешение неизбежно. Судя по отзывам, Лакатош делал акцент не на исключительно теологическом аспекте, а, скорее, на осмыслении воскрешения в категориях моральной философии, сквозь призму внутренних императивов личности (и – шире – интеллигенции). Конечно, такая интерпретация не могла, в глазах культурной политики, служить ориентиром для читателя.

Если не считать формировавшейся демократической оппозиции, к концу 1960-х гг. было достигнуто некоторое хрупкое равновесие между двумя основными лагерями венгерской интеллигенции – народниками и урбанистами. Это произошло в силу ряда факторов. Во-первых, в интересах консолидации сам кадаровский режим предоставил больше простора

тем деятелям культуры из числа народников, которые готовы были проявить лояльность к власти. Во-вторых, такая компромиссная линия после разгрома Пражской весны принималась (по крайней мере, применительно к Венгрии) и советской стороной как необходимая, но достаточная уступка в вопросе о национальной идентичности (в отдельно взятой стране социалистического лагеря). И, в-третьих, культура «народно-национальной» окраски в новых условиях поддерживалась и значительной частью урбанистической интеллигенции как возможная новая форма национальной самоидентификации. Это настроение было взято на вооружение, когда задачу по официальной канонизации романа Булгакова в Венгрии принял на себя писатель, который по праву может считаться одной из знаковых фигур венгерского движения народников межвоенного периода – Геза Фейя¹⁷.

Статья Фейя под названием «Булгаков», опубликованная в официальном журнале Союза Писателей «Kortárs» («Современник») ¹⁸, сама по себе воспринималась как своего рода прорыв в послевоенной венгерской критике, ведь советское произведение, неоднозначно оцененное в СССР, было сразу квалифицировано в Венгрии как «шедевр». «Те, - подчеркивает автор, – кто еще хранит в сознании изначальный смысл литературы, хорошо понимают, что вышел не просто “отличный роман”, но произошло “решающее событие” в литературе. Произведение Булгакова нас обязывает к тому, чтобы видеть мир другими глазами, другими мерками его измерять» (С. 280). Но из последующего текста статьи видно, что Булгаков и его роман послужили для Фейя лишь поводом к тому, чтобы попытаться отлучить от литературы «с изначальным смыслом» (т.е. ставившей перед собой мессианские цели) тех литераторов, которые этой задаче не соответствовали, поскольку исходили из принципа литературы ради самой литературы, т.е. не преследовавшей каких-либо политико-идеологических целей. Писатель-народник последовательно осуждал тех, кто отвергал ответственность пишущих за изображение действительности – «трусливых авангардистов», которым нужен лишь эстетический эпатаж. Причем, осуждая «литературщину», как он ее понимал, Фейя активно вводил в венгерский дискурс Булгакова в качестве своего союзника.

Советское прочтение романа – по-советски

Константин Симонов, возглавлявший комиссию Союза писателей по литературному наследию Булгакова, как известно, осторожно, но неутомимо продвигал публикацию его ранее неопубликованных произведений и, прежде всего, «Мастера и Маргариты». Он добился публикации этого романа (хотя и с купюрами) в журнале «Москва» в конце 1966 – начале 1967 гг., а в книжном варианте – в 1973 г., уже без купюр, но в соответствии с версией, во многом отличавшейся от предполагаемой авторской интенции. Еще одну попытку, так и не осуществленную, Симонов предпринял раньше, ее исторический фон пока еще не освещен в булгаковедении. Известно только, что к 1965 г. он подготовил для публикации в историко-биографическом альманахе «Прометей» отрывки из романа, а именно так называемые «ершалаимские» главы, изъятые из произведения единым блоком¹⁹. Во всех трех случаях он сам «конвоировал» публикуемые тексты, т.е. сопровождал их предисловием для ориентации читателей и критики. Именно симоновские предисловия стали основой для официальной канонизации романа по-советски.

Публикация в «Прометее», по неизвестным причинам, не осуществилась. По пометам на уже готовой верстке, сохранившейся в архиве Симонова, можно судить о том, что в конце концов ее планировали опубликовать во втором выпуске альманаха, вышедшем в свет в 1967 г.²⁰. Сохранилось в верстке и симоновское предисловие под названием «Об этом маленьком романе Михаила Булгакова». Но как бы ни был влиятелен Симонов в литературных и общественных кругах, даже он не сумел «протащить» роман Булгакова в «Прометей», может быть, это объяснялось тем, что в год 50-летия октябрьской революции планировались к публикации, прежде всего, материалы революционного содержания.

При всех различиях в историческом контексте и своих авторских установках оба «кодификатора» булгаковского романа, венгерский и советский, Геза Фейя и Константин Симонов, делали свое дело, учитывая обязательные требования культурной политики данного периода. Нам неизвестно, читал ли венгерский писатель предисловие Симонова в журнале «Москва» (1966. № 11), но он, как и его советский коллега, имел дело с

произведением, которое явно не вписывалось в рамки господствующего литературного канона. Проблема заключалась как в непривычном, радикально новом отношении Булгакова к реализму, так и в принципиальной открытости, незавершенности произведения.

Решить первую проблему канонизаторам оказалось легче. Симонов, особенно в предисловии к публикации «Прометея», вообще провел идею о соединении у Булгакова под одной крышей двух романов²¹, причем «историческое повествование» «второго романа», по его мнению, «выдержано в духе строгой реалистической прозы». Фейя, исходя из оправданного намерения расширить границы реализма, восторгается методом писателя, не ограничивающегося тремя измерениями: «это отнюдь не означает ни утопию, ни фантастику, но чрезвычайную храбрость писателя, **революционное расширение восприятия действительности**» (С. 283). Сформулированный таким образом «код» дает возможность кодификатору перейти к интерпретации романа Булгакова в духе эстетики идейно близких Фейя венгерских «народных писателей»: он называет введенное Булгаковым новое измерение «временем фольклора», в котором может «раствориться и уравниваться» все, что «ни в прошлом, ни в настоящем не могло быть решено» (С. 289). Булгаков, продолжает Фейя, одомашнивал «раскрепощенных» и «освобожденных» демонов. Его значение – по мнению венгерского писателя-народника – «состоит в том, что он смог превратить (обворожив) в органичную целостность общественную действительность и мировосприятие фольклора»; «он нашел тропинку к истине, состоящей в Целности, умиряющей все в равновесии».

Заключение венгерского писателя перекликается с выводами К. Симонова. Фейя, исходя из требований официальной культурной политики Венгрии конца 1960-х гг., предлагает читать «Мастер и Маргариту» как роман компромиссов, роман усмирения, упорядочения, уравнивания, и, что самое главное, как «роман завершения». Булгаков, по его мнению, «привнес порядок в хаос века», он создал «**завершенное целое**». В свою очередь, Константин Симонов, который три раза «конвоировал» текст «Мастера и Маргариты» своими сопроводительными статьями, чтобы выпустить его в свет²², во всех «конвоирующих»

текстах в качестве главного аргумента приводит тезис о завершенности романа.

Этот аргумент находился в очевидном противоречии с самим статусом текста во всех трех (двух состоявшихся и одной так и несостоявшейся) публикациях: он выступал **не** как автономное произведение, **не** как самодовлеющий текст, не совпадал даже и с предполагаемой писательской интенцией, а запланированная в «Прометее» компиляция «исторических» глав и вовсе противоречила намерениям писателя. При подготовке публикации в журнале «Москва» характерен сам подход к «урезанию»: создается впечатление, что некоторые слова и абзацы были изъяты не из соображений политико-идеологической цензуры, а совершенно случайно. Т.е. урезание было проведено как символический акт, как некий жест, манифестирующий отрицание публикаторами автономного характера публикуемого произведения. Но и книжное издание (которое в советском контексте само по себе, как правило, означало, что то или иное художественное произведение теперь возводилось в ранг полной канонизированности) на этот раз декларативно указывало на противоположное. Поскольку в сборнике издательства «Художественная литература» (1973) «Мастер и Маргарита» был сознательно поставлен в один ряд с двумя другими булгаковскими романами («Белой гвардией» и «Театральным романом»), сам этот факт подчеркивал, что он является не более чем **«одним из»** булгаковских романов, т.е. автономный статус произведения резко ослабевал. Очевиден, таким образом, **неполный, частичный характер канонизации** «Мастера и Маргариты» в результате состоявшихся первых публикаций. Вопреки (или в противовес) этому, Симонов во всех трех случаях «конвоирования» произведения своими предисловиями совершил (как бы в качестве некоего обряда) свой собственный акт канонизации, подчеркивая при этом именно **завершенный, законченный** характер романа. Причем он довел свои аргументы почти до абсурда, настаивая на том, что даже и «Театральный роман» имеет якобы завершенный характер, хотя на самом деле текст в нем обрывается буквально на полуслове²³. Особенно явно выделяется эта тенденция в первом из предисловий Симонова – к предполагаемой публикации в «Прометее», где он попытался обосновать завер-

шенность взятого для публикации блока своеобразием структуры произведения (соединением под одной обложкой двух романов). Примечателен также способ, при помощи которого автор предисловия как бы оправдывает «**условное**, фантазмагорическое, полное щедрой и безудержной фантазии» повествование, ссылаясь на «**историческое повествование**» «второго романа», который, напротив, «выдержан в духе **строгой реалистической прозы**»²⁴.

Таким образом, несмотря на все «очевидности системной абсурдности» (пользуясь термином искусствоведа Михаила Алленова), было «успешно» преодолено одно из самых непреодолимых препятствий для канонизации по-советски, связанное с незаконченностью романа²⁵. И как было указано, венгерский и советский способы решения данной проблемы, по своему смыслу и направлению, совпали. Оба канонизатора определили роман как «советский», и оба определили его «по-советски».

Польское прочтение – по-не-советски

После выхода романа Булгакова в издании 1973 г. кодификация стала приобретать более систематичный характер, причем наряду с политико-идеологической типологизацией появились и другие подходы. В официальном советском (социалистическом) пространстве разработанный в предисловиях К. Симонова **политический подход** к роману оставался в силе вплоть до времен перестройки: «Мастер и Маргарита» воспринималась, прежде всего, как «часть советской литературы». Но в результате вышеупомянутых совместных советско-венгерских исследований по социологии чтения с конца 1970-х годов набирал силу и **социологический подход**, согласно которому роман определялся как «роман об интеллигенции». И хотя такое осмысление значительно сужало спектр интерпретации, все-таки оно дало возможность выйти за рамки политико-идеологического восприятия, острее поставив и вопрос о самоидентификации. Открывался также путь и к новому описанию взаимоотношений государства и индивидуума.

Вне сферы официальной кодификации определенный прорыв обозначила ставшая уже классической статья Бориса Гаспарова, опубликованная впервые в переводе на русский язык в Иерусалиме²⁶. Предложенный им **поэтический под-**

ход успешно вывел произведение за рамки политических и социологических терминов, но при этом, вольно или невольно, поставил сразу две новые ловушки. Во-первых, определение «Мастера и Маргариты» как «романа-мифа» противоречило интенции самого автора, который в принципе был против любого рода «мифологизации» литературы. Это определение привело к тому, что «Мастер и Маргарита», по своей типологии, начал изучаться и восприниматься в одном ряду с теми «мифологическими» произведениями, с которыми на самом деле имел мало общего (речь не идет здесь о сопоставлении художественного уровня)²⁷. Во-вторых, изучая структуру романа в тесной связи с мотивикой действий главных персонажей, Гаспаров – независимо от своей воли – положил начало самому популярному и, порою, при этом самому опасному (в силу отсутствия критической рефлексии) направлению в булгаковедении, когда дело сводится к расследованию прототипов мотивов, персонажей и мест.

Самое продуктивное осмысление булгаковского романа (не считая некоторых исследований, созданных вне советско-социалистического блока, и в том числе эмигрантской литературы) происходило в Польше, в рамках культурного движения диссидентской направленности. Надо назвать, прежде всего, созданную в основном еще в 1973 г. книгу известного литературоведа, переводчика, политического деятеля Анджея Дравича, который едва ли не первым определил роман как не-советский или а-советский («It is simply a-Soviet»)²⁸. Философский подход Дравича предоставил впервые возможность раскрыть всю смысловую многоаспектность романа, избегая при этом использования в процессе анализа терминологии, чужеродной булгаковской поэтике. Исключение составила разве что литературная метафора чешского писателя М. Кундеры, что проявилось в определении романа как произведения именно «о легкости бытия», причем и эта метафора введена Дравичем в контекст его размышлений о свободе и человеческой практике как философских категориях²⁹. Именно философия свободы, согласно Дравичу, позволяет установить смысловые рамки, в которых роман может быть адекватно оценен в органичном единстве акта «писания» и акта «чтения», акта познания «теории» и осуществления «практики» свободного человеческого существования.

Предложенный подход позволил акцентировать принципиальную открытость булгаковского произведения именно в эстетическом плане³⁰, причем принципиальная открытость, незавершенность романного действия возводится на уровень важнейшего структурного и формообразующего элемента художественной литературы XX в.³¹ Еще более важно отметить, что Дравич соотносит «открытый статус» произведения и с самим процессом его создания, и с процессом чтения; открытость художественного произведения в этом смысле радикально меняет место литературы в культурном пространстве, художник не только овладевает творческой свободой, но и предоставляет «шанс для свободы» своим будущим читателям (Р. 327). В рамках данного подхода можно заново определить политическую тональность произведения либо прийти к принципиальному утверждению о том, что роман был создан **вне** политической ангажированности, т.е. он не должен быть кодифицирован ни в качестве «советского», ни «антисоветского» романа, ни про-, ни антисталинского произведения. Политическая терминология при анализе «Мастера и Маргариты» ни при чем, точнее, она может быть объектом анализа лишь как объект острейшей критики Булгакова.

Дравич (в этом одна из его заслуг и в теоретическом плане) доказывает, что произведение Булгакова обладает принципиальным автономным статусом, в нем не просто создается автономный мир, но многим вещам и ценностям, которые стало привычным воспринимать сквозь призму идеологии, возвращается их нормальный, естественный, не перевернутый, «без кавычек», смысл. А это возможно только, когда мы имеем дело не с антисоветским произведением, а с таким, которое вообще находится в иной системе координат. Существующая дьявольская система аннулируется не путем борьбы с ней, а, скорее, фигурой умолчания, тем, что ей в этом автономном художественном мире не находится места даже в качестве мишени для насмешек³².

Но эта булгаковская «легкость» бытия, как это ни парадоксально, способна предложить своего рода новую методологию для осмысления государственной власти как таковой не в качестве безличного авторитета и инструмента внешнего насилия, а в качестве личностной системы для упорядочения

общественного бытия. Согласно этой концепции, всем своим смыслом роман Булгакова направлен не против государства, даже не против «плохого» государства, а **за разумное** государство. А это значит, за государство, которое основано на культурной традиции, на преемственности между эпохами и поколениями, на внутренней свободе, освобождающей сознание от тоталитарных оков³³.

Детоталитаризация человеческого духа – вот в этом заключается смысл культуры согласно концепции Булгакова, и это хорошо раскрыл в своей работе польский мыслитель Анджей Дравич, причем в условиях господства тоталитарной власти. Детоталитаризация государства немыслима без обращения к культурной традиции – к пониманию этого приходили мыслители и деятели культуры из Польши, Венгрии, СССР, других стран, участвовавшие в 1960-е – 1980-е гг. в неофициальной общественной жизни, в оппозиционном, диссидентском движении.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Почти одновременно вышло первое полное издание на русском языке в эмигрантском издательстве «Посев»: Франкфурт-на-Майне: Possev-Verlag, 1969. 500 стр. Переиздано в 1971, 1974, 1980, 1986 гг.; каждый раз на тонкой бумаге, в карманном формате 14,4 X 9,6, приспособленном для нелегальной перевозки. Первым же книжным изданием романа можно считать издание на итальянском языке в переводе Веры Дридзо, выпущенное туринским издательством «Эйнауди» в 1967 г.

² Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Под ред. А. Саакянц. М., 1973. Ср. со следующим, более научно выверенным изданием: Мастер и Маргарита // Булгаков М. Собрание сочинений. Киев, 1989. Т. 2. (Публикуется в новой научно-текстологической подготовке. Текст сверен с оригиналами, хранящимися в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Текстологическая подготовка Л. Яновской и В. Лосева). См. также несколько более позднее издание, идентичное с «киевским»: Булгаков М. Собр. соч. М., 1990. Т. 5. В отсутствие авторизованного текста, за основу в процессе осуществления новых (и обновленных) переводов берется именно это издание, в т.ч. и в Венгрии (Eugóра. 2010. Под ред. и с комментариями И. Кишш).

³ Создано в 1948 г. под эгидой общества советско-венгерской дружбы под названием «Новое венгерское издательство», а в 1956 г.

преобразовано в издательство, представляющее венгерскому читателю всю мировую литературу.

⁴ Чашка черного кофе (нем.).

⁵ Bułhakow M. *Mistrz i Małgorzata* / Tł. [z ros.] I. Lewandowska, W. Dąbrowski. Warszawa, 1969.

⁶ По некоторым данным, в 1999 г. в книжном обороте было 4 разных издания разных переводов, в том числе в переводе, выполненном исследователем романа, известным польским русистом Анджеем Дравичем (Wrocław, 1995).

⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 562. К. 28. Ед. хр. 23. В папке хранятся среди прочего обращение от 10 октября 1968 г. Е.С. Булгаковой в ОВИР с приложенным официальным приглашением от переводчицы (Dr. Sebestyén Péterné, урожд. dr. Szöllösy Klára XII. ker. Nárcisz u. 35.), справка Союза советских писателей о ее пребывании в ВНР в течение 10 дней, а также копия «Расписки» о том, что в качестве гонора она получила 5 тыс. форинтов от Издательства «Европа», но из этой суммы Управление по делам авторских прав сняло 1 тыс. форинтов в качестве налога и 2 тыс. форинтов ушло на расходы по пребыванию в гостинице «Будапешт». Оставшиеся 2 тыс. были ею лично получены 20 ноября 1968 г.

⁸ См. о поездке по «горячим следам»: Szöllösy. Margarita Budapestén // *Élet és Irodalom*. 1968. November 23. P. 6. (газетную вырезку и копию машинописного оригинала статьи см.: ОР РГБ. Ф.562. К. 37. Ед. хр. 29). См. также личные воспоминания о встрече в Будапеште с Е.С. Булгаковой: Kámán E. *Találkozásom Bulgakov feleségével* // *Nagyvilág*. 2013. 11. P. 1214–1223 (в статье поездка датирована ошибочно).

⁹ Домокош Янош – главный редактор издательства «Европа» в 1956–1964 гг. и его директор в 1965–1987 гг. По воспоминаниям ряда переводчиков, он вел весьма либеральную издательскую политику, и это касалось не только всей мировой, но в том числе и советской литературы, самим переводчикам и редакторам предоставлялось довольно широкое поле для маневра. Благодаря его издательской стратегии, в превосходных переводах вышли и классики русской литературы XX в., и современные писатели. Дарственная надпись на визитной карточке, сохранившаяся в архиве Е.С. Булгаковой, свидетельствует о том, что их дружественная беседа велась на французском языке.

¹⁰ Венгерская переводчица советской литературы, в т.ч. произведений Булгакова «Роковые яйца» и «Жизнь г–на Мольера», Шара Кариг выучила русский язык (как украинский и белорусский), будучи политзаключенной в Воркутлаге.

¹¹ Янош Эльберт погиб в 1983 г. при не выясненных до сих пор обстоятельствах.

¹² Вспоминается в этом контексте Зенон Косидовский, автор «Библейских сказаний», книги важной как для венгерского, так и для советского читателя того времени.

¹³ ОР РГБ Ф. 562. К. 36. Ед. хр. 31.

¹⁴ Особенности восприятия венгерским читателем булгаковского романа посвящено литературно–социологическое исследование Иштвана Камараша под характерным названием «За мной, читатель!» См.: Kamarás I. Utánam, olvasó! A Mester és Margarita fogadtatása, értelmezése és hatása Magyarországon. Budapest, 1986. Есть и издание на русском языке: Камараш И. За мной, читатель! Восприятие, трактовка и эффект романа «Мастер и Маргарита» в Венгрии. Будапешт, 1984. Само исследование было проведено в 1979–1983 гг. в качестве совместного проекта отделов по социологии чтения двух общегосударственных библиотек – имени Сечени и имени Ленина.

¹⁵ См. посвященный ему юбилейный сборник: Az olvasó. Írások Lakatos András tiszteletére. Szerkesztette: Fogarassy Miklós. Budapest, 2009. 176 p.

¹⁶ Kőszeg Ferenc: Két lektor // Az olvasó... P. 41–50.

¹⁷ Фейя Геца (1900–1978) – в 1930-е гг. – один из лидеров и идеологов (наряду с Дюлой Ийешем и др.) движения писателей–народников, активно занимавшихся исследованием венгерских деревень. За опубликованный в 1937 г. социографический очерк о самом отсталом аграрном районе Венгрии был осужден властями за то, что «подверг позору» свою нацию. Вместе со знаменитым политическим мыслителем Иштваном Бибо входил в руководство демократической политической организации – Мартовского Фронта. После 1945 г. попал в опалу, в том числе из–за связей с самым ярким идеологом венгерского почвенничества Деже Сабо, балансировавшим накануне войны на грани расистских воззрений. В 1956 г. Фейя был одним из тех, кто пытался возродить в качестве самостоятельной силы венгерскую крестьянскую партию (Партия Петефи), поэтому после подавления революции он тоже мог бы подвергнуться репрессиям, если бы не согласился на все более и более активное сотрудничество с новой культурной политикой.

¹⁸ Féja G. Bulgakov // Kortárs. 1970. № 7. P. 1121–1128. Далее статья цитируется с указанием в скобках номеров страниц по книжному изданию: Féja G. Bulgakov // Törzsek és hajítások. Budapest, 1978. P. 280–299. В конкурировавшем с изданием «Kortárs» литературном журнале «Új Írás» («Новое письмо») была опубликована статья литературоведа–слависта Эндре Бойтара, где давался совсем иной взгляд на роман, но серьезной дискуссии не возникло. См.: Vojtár E. Egy rendhagyó regény. Mihail Bulgakov: A Mester és Margarita // Új Írás. 1970. № 6. P. 106–109.

¹⁹ Альманах был только что создан в серии «Жизнь замечательных людей» издательства ленинского Комсомола «Молодая гвардия», К.М. Симонов входил в состав его редколлегии.

²⁰ Верстку с пометами и редактурой Симонова см.: ОР РГБ. Ф. 562. К. 58. Ед.хр. 7. 93 листа. Публикация планировалась под рубрикой «Литературное наследство».

²¹ «Этот роман очень своеобразен по форме. В сущности, это даже не один роман, а как бы два романа, соединенные под одной обложкой. **Каждый из них имеет свое собственное начало и свой собственный конец** (выделено в оригинале. – И.К.), и оба они связаны друг с другом не столько сюжетом или внешними ассоциациями, сколько единым для обоих авторским “я”, личностью автора».

²² Для публикации отдельных глав в альманахе «Прометей» (написано в 1965 г.), для публикации всего романа (со значительными купюрами) в журнале «Москва» в 1966–1967 гг. (предисловие вышло в ноябре 1966 г.) и для книжного издания заново отредактированного текста романа в 1973 г. в издательстве «Художественная литература».

²³ Симонов противоречит самому себе, называя его «неоконченным романом» в другом месте, в предисловии к книге «Воспоминания о Михаиле Булгакове». См.: ОР РГБ. Ф. 562. К. 55. Ед.хр. 2. Машинопись (написана в конце 1966 г., не позже января 1967 г.). Публикация этого сборника, запланированная в издательстве «Искусство», так и не была реализована.

²⁴ Можно коротко остановиться и еще на одном весьма важном аспекте канонизации: Симонов искал в романе атеистическое начало, особенно в предисловии к несостоявшейся публикации в альманахе «Прометей». «Историческому факту, – пишет он, – очевидно так или иначе легшему в основу христианских легенд о жизни и гибели одного из раскольников той эпохи, одного из проповедников и **бунтарей против канонической иудейской религии** (здесь и далее выделено в оригинале. – И. К.), посвящено немало страниц во всех литературах мира. Реальная историческая основа христианских мифов приковывала к себе внимание многих писателей, бывших **убежденными атеистами** по своему мировоззрению. К ним принадлежал Анатолий Франс, принадлежал к ним Булгаков».

²⁵ Из телеологического характера социалистического искусства прямо вытекает его принципиальная завершенность, ведь сама идеология по определению исключала открытость – с достижением прекрасной цели (коммунизма) «пирамида увенчана, история кончилась», как емко сформулировал суть дела в своей классической статье о соцреализме Андрей Синявский.

²⁶ Slavica Hierosolymitiana. 1978. Vol. III. P. 198–251.

²⁷ Сюда можно отнести даже те исследования, написанные на высоком интеллектуальном уровне, в которых роман Булгакова сопоставляется с произведениями Томаса Манна, в том числе с романом «Доктор Фаустус». См. об этом: *Az ördögregény két huszadik századi változata. A Doktor Faustus és a Mester és Margarita // Medvetánc (ELTE–MKKE)*. 1988. P. 36–48.

²⁸ Книга легально не издавалась в Польше вплоть до 1990 года, см. краковское издание: *Mistrz i diabeł: o Michale Bułhakowie*. Kraków, 1990. 376 p. (этому предшествовало издание 1987 г. в самиздате). Ниже мы цитируем эту работу по широко известному в мире англоязычному изданию с указанием номеров страниц в скобках: *Drawicz A. The Master and the Devil. A Study of Mikhail Bulgakov*. Trans. by Kevin Windle // *Studies in Slavic Languages and Literature*. 2001. Vol. 18. 352 p.

²⁹ Вот одна из ключевых фраз книги: «We may pause before calling it a „great” book: this description seems to be reserved for works aimed at the very heart of existence and posing fundamental philosophical questions. Bulgakov was deeply concerned **with the practice, rather than the theory of human existence. He chose the lightness of being**, or rather became light, when he resolved to be free in everything, including the very act of writing» (P. 328).

³⁰ Ср. с трактовкой «открытого произведения» как эстетического феномена в одноименной теоретической работе Умберто Эко (*Opera aperta*. 1962, 1976).

³¹ «The book was not finally concluded. Which means that it goes on; it remains open-ended. Which means that something else ought to happen». (P. 331).

³² Показателен ход его рассуждений в англоязычном издании: «The book creates its own world, in which inverted concepts are returned to their normal position, in which there is no longer any compulsion to see evil as good, and Stalinist 'honesty' again becomes honesty without quotation marks. **It is not as if the book were anti-Soviet; this classification does not apply to *The Master and Margarita* ...** It has nothing in common with those things that go to make up the system in which it came into being and by what it passes over in silence. **It nullifies that system – by what it says and by what it passes over in silence.** It has its own specific weight of words unspoken and things not shown, which for Bulgakov simply do not exist, even as the target of mockery. ... ***Diabolus major* is the absence of goodness ...** best neutralized not by struggling against it but by denial». (P. 328).

³³ «... **it sets people internally free and helps „detotalitarianize” their minds**». (P. 327).

Д. Балан (Румыния)

Писатели-диссиденты при режиме Чаушеску

В Румынии в условиях некоторой либерализации коммунистического режима, с начала 1960-х гг., ослабевают репрессии против противников социализма, выходят на свободу многие политзаключенные, в том числе представители интеллигенции. Этот курс был продолжен с приходом к власти в 1965 г. Чаушеску, умело игравшего на национальных струнах в интересах укрепления своего режима. Но возможность вдохнуть «глоток свободы» оказалась недолгой. Эволюция режима Чаушеску к неосталинизму с ярко выраженной национальной окраской привела к новым репрессиям против свободно мыслящих интеллектуалов, вынудивших многих из них эмигрировать. В статье отмечена роль писателей П. Гомы, Г. Урсу (убитого в тюрьме в 1985 г.), Н. Бребана, В. Фрунзе и др. в расшатывании тоталитарного режима Чаушеску. Одним из ярких символов победившего Декабря 1989 г. стало творчество бунтующего поэта М. Динеску.

Ключевые слова: Румыния, коммунистический режим, либерализация, внутренняя эмиграция, интеллектуалы,

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

Н.С. Гумилев

Значение и сила протестующего поэтического слова, о котором написал превосходные стихи расстрелянный в 1921 г. чекистами поэт Николай Гумилев, хорошо осознавались властями социалистической Румынии. Щедро поощряя (в духе ста-

линской культурной политики) певцов нового уклада жизни, коммунистическая диктатура с первых лет своего существования, с конца 1940-х гг., вместе с тем жестоко наказывала оппонентов коммунистической идеологии, вплоть до заключения их на долгие годы в тюрьмы и лагеря. Поэт Раду Джир, уже испытывавший в 1945–1956 гг. тюремное заключение, был вновь арестован в 1958 г. и приговорен к смертной казни за одно лишь стихотворение «Встань Георге, встань Иоане» (правда, впоследствии приговор заменили на 25 лет тюрьмы). Умер в застенках Жилавы Штефан Ионеску, арестованный за книгу «От Петра Великого до Сталина». Составленный И. Лазу список литераторов, подвергнутых заключению в тюрьмах и лагерях¹, насчитывает 400 фамилий, из них 51 чел. погиб в тюрьмах строгого режима, 28 – были осуждены дважды или даже трижды, 59 чел., пережив заключение, смогли потом эмигрировать, что спасло их от дальнейших столкновений с властями.

Все это несколько не перечеркивает того факта, что в литературной жизни Румынии имелось и достаточно «леваков», поддерживавших режим. В их числе и те, кто искренне верил в идеалы социализма, но немало было и оппортунистов. На прямой компромисс с новой властью пошли видные писатели Михаил Садовяну и Джордже Кэлинеску (последний все-таки был изгнан в начале 1950-х гг. с университетской кафедры, но оставлен на посту директора академического института литературоведения и фольклора).

Другие писатели (и их было немало) избрали путь внутренней эмиграции, сделали выбор в пользу латентных форм сопротивления, уединившись в своем эзотерическом мире культуры. Лишь много лет спустя, в 1960-е гг., в условиях относительной румынской «оттепели», литераторы получили некоторые возможности выступать более смело и открыто против чрезмерного идеологизирования литературы, попрания самых элементарных прав на проявление свободы творчества.

Нельзя упускать из виду, что еще при Георге Георгиу-Деже, особенно после вывода советских войск из Румынии в 1958 г., румынская внешняя политика становится несколько более самостоятельной, независимой от «старшего брата» с Востока, что нашло отражение в известной апрельской Декларации Румынской рабочей партии (РРП) 1964 г. Расширяются экономи-

ческие связи со странами Запада. Одновременно происходит умеренная либерализация внутривнутриполитической жизни, достигшая более серьезных масштабов к 1964 г., когда были отпущены на свободу фактически все политзаключенные. Особый курс на международной арене был продолжен после прихода к власти в 1965 г. Николае Чаушеску, который к тому же в целях завоевания популярности и укрепления собственных позиций удалил из партийного и государственного руководства ряд соратников своего предшественника и осудил отдельные преступления, совершенные в прежние годы коммунистическим режимом (умолчав, разумеется, о тех, к которым он сам стал непосредственно причастен). Новая ситуация дала возможность писателям обратиться к ранее табуированным темам.

С середины 1960-х гг. невиданными ранее тиражами, порой до ста тысяч экземпляров, публикуются не только книги известных зарубежных писателей и мыслителей (ранее малодоступные), но и сочинения румынских писателей Дж. Кэлинеску, Марина Преды, Н. Бребана, стихотворные сборники Никиты Стэнеску, Марина Сореску, Аны Бландианы, Адриана Пэунеску и др.

Продолжали активизироваться многосторонние, в том числе культурные связи со странами Запада (в 1967 г. Румыния первой из государств «восточного блока» установила дипломатические отношения с ФРГ). Все больше писателей смогли получить визы для посещения капиталистических стран, в том числе и США. Стали возможными и контакты граждан Румынии, в том числе литераторов, с виднейшими деятелями румынской культуры, жившими в эмиграции.

Возобновили свой выход в разных крупных городах Румынии запрещенные в послевоенные годы литературные газеты и журналы, появились и новые серийные издания. Выходит ряд нашумевших сборников, причем не обходилось без скандалов. Так, в 1968 г. в очень популярной и имевшей давние традиции серии «Библиотека для всех» выходит тиражом 85 тыс. экземпляров составленная литературным критиком Николае Манолеску антология «Современная румынская поэзия». Всего за несколько дней было распродано 22 тыс. экземпляров, остальную же часть тиража сняли с продажи и уничтожили (поводом послужило то, что среди представленных авторов

фигурировали поэты, ранее осужденные коммунистической властью по политическим мотивам, а также 2–3 поэта из диаспоры). Подобные инциденты пока еще не могли поколебать авторитета Чаушеску. Его звездный час пришелся на 21 августа 1968 г., когда на митинге на площади Республики в столице он выступил перед огромной массой народа с осуждением вторжения армий стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию². После этого смелого поступка многие люди, ранее безразличные к политике и даже оппозиционно настроенные в отношении коммунистической власти, подали заявления с просьбой принять их в ряды Румынской коммунистической партии. Среди них были прозаик Аурел Драгош Мунтяну, поэт Адриан Пэунеску и даже пережившие тюремное заключение по политическим мотивам писатели Александру Ивасюк (погибший во время землетрясения 4 марта 1977 г.) и Паул Гома, впоследствии одна из центральных фигур румынского диссидентского движения.

Но «медовый месяц» в отношениях власти и творческой интеллигенции длился недолго. Вскоре после поездки с женой Еленой в Китай и Северную Корею и внимательного изучения опыта дальневосточных стран в строительстве социализма, Чаушеску в июле 1971 г. обнаруживает на пленуме ЦК РКП новые тезисы культурной политики. Если в первые годы «золотой эпохи» Чаушеску в литературе допускалось многообразие формальных поисков, публиковались без каких-либо серьезных ограничений произведения писателей-сюрреалистов, приверженцев магического реализма и других идейно-стилевых течений, то теперь все это объявляется нежелательным, ибо несоответствующим новой задаче, поставленной перед художественной культурой – воспитания массового сознания в духе национальной идеи, точнее, в духе социализма с ярко выраженной национальной окраской.

Постепенно ужесточаются требования цензуры, изымаются из издательских планов отдельные «неудобные» произведения. В 1972 г. после трех спектаклей запрещается превосходная постановка гоголевского «Ревизора», было наказано руководство театра имени Л.С. Буландры, а режиссера Лучиана Пинтилие заставили эмигрировать (работая на Западе, он получил мировую известность)³. После этого дается строгое предписа-

ние, чтобы в дальнейшем пьесы ставились только с санкции партийных и государственных органов.

Прозаик Николае Бребан в дни принятия июльских тезисов 1971 г. находился в Париже. Узнав о намерении Чаушеску восстановить жесткий идеологический контроль партии над литературой, он решительно выступил с протестом на целой полосе газеты «Le Monde» и объявил через западные радиостанции о своей отставке с поста главного редактора еженедельника Союза писателей Румынии «România literară» (Литературная Румыния), а также о сложении с себя обязанностей кандидата в члены ЦК РКП.

Нельзя отрицать того факта, что в процессе пересмотра официального подхода к проблеме национальных традиций читатель получил более широкий доступ к наследию ранее отодвинутых в тень видных представителей румынской культуры межвоенного периода – Н. Йорги, О. Гоги, Л. Благи, Арона Котруша, В. Пырвана. С другой стороны, живущие писатели познали новые ограничения и давление со стороны властей. Так, 1 мая 1974 г. секретариатом ЦК партии принимаются решения о резком сокращении тиражей, а в ряде случаев – и формата центральных и местных газет и журналов (в том числе литературных), об упразднении одних периодических изданий и об изменении профиля других (сам Н. Чаушеску, который руководил заседанием, требовал, чтобы литературно-общественный еженедельник «Contemporanul» («Современник») был преобразован в журнал пропаганды воинствующего марксизма-ленинизма). Без согласия руководства Союза писателей во главе литературного еженедельника «Luceafărul» («Звезда») было поставлено лицо, не являющееся членом этого Союза; протесты писателей остались безрезультатны.

Ревнивый к чужой славе лидер партии и государства запрещает писателям публиковать больше одной книги в год и даже помещать на обложке книг собственные фотографии. Под запретом по-прежнему находились произведения писателей-эмигрантов, многие из которых выступали на Западе с критикой режима и тем самым сильно вредили Чаушеску, который своей независимой внешней политикой хотел завоевать популярность в глазах международного общественного мнения. В 1975 г., для того, чтобы сделать возможным выход в издатель-

стве Бухарестского университета своей литературоведческой монографии «Маяковский в Румынии», автор этих строк был вынужден по требованию цензуры удалить из текста и даже из библиографии фамилии писателей-изгнанников Матея Кэлинеску, Серджиу Фэркэшана, А. Миродана и др., которые в свое время занимались переводами стихов великого советского поэта на румынский язык или откликались на его творчество. Разумеется, из открытых фондов румынских библиотек были изъяты почти все книги писателей-эмигрантов.

1977 год стал годом не только страшного землетрясения в Румынии, но и некоторых институциональных изменений, ознаменовавших собой начало нового этапа в раскрытии глубоких противоречий между партийным руководством и народом, между диктаторским режимом и передовой интеллигенцией. «Де-юре» в декабре 1977 г. был упразднен Государственный комитет по печати (выполнявший функции цензуры, аналог советского Главлита), «де-факто» же децентрализованная цензура оказалась еще более жесткой, так как директора издательств и главные редакторы периодических изданий, опасаясь навлечь на себя гнев и потерять свои кресла, нередко становились еще более яростными церберами. Между прочим, даже один из секретарей ЦК партии, К. Буртикэ, поплатился своей должностью за то, что в том же 1977 г. дал согласие на публикацию в Яссах романа «Благовещение» Николае Бребана; это глубокое произведение другой функционер, Т. Попович, на пленуме ЦК партии оклеветал, назвав его «порнографическим антикоммунистическим романом».

Именно в 1977 г. писатель П. Гома солидаризируется с Хартией 77 в Чехословакии. В письме, адресованном в марте месяце известному чешскому драматургу Павлу Когоуту и переданном на волнах западных радиостанций, он поддержал созданный в Румынии первый подпольный независимый профсоюз⁴, смело восстал против политики террора и устрашения граждан, против запрета многим писателям печататься, начиная с 1971 г., в собственной стране, из-за чего и сам Гома был вынужден отправлять тексты своих романов на Запад. Надо сказать, что Гома имел за плечами и собственный богатый опыт противостояния коммунистическому режиму. В 1956 г. на собрании в школе для подготовки начинающих писателей

«Михай Эминеску» (созданной по образцу московского Литературного института) он зачитал фрагменты из своего произведения о венгерской революции, над которым в то время работал. Вскоре Гома был арестован и в 1957 г. осужден на 2 года тюрьмы по обвинению «в попытке организовать враждебные манифестации»; позже в романе «Цвет радуги» (1977) он опишет смерть своего однокашника в результате жестоких побоев. После своего демарша 1977 г. он снова был брошен в тюрьму, где, по некоторым сведениям, его непосредственно избивал один из шефов Секуритате Н. Плешицэ. Однако теперь дело Гома привлекло широкое внимание международной общественности, его выпустили из тюрьмы, но в том же году вместе с семьей изгнали из страны. Он сразу же получил политическое убежище во Франции (лишенный румынского гражданства, французское подданство Гома принять не захотел, надеясь на скорое возвращение домой и оставаясь долгие годы в положении апатрида, человека без гражданства). Надо сказать, что еще до высылки Гома во Францию, его романы о румынском ГУЛАГе, изданные на Западе, приковали к себе немалое внимание французских и немецких читателей, а также СМИ, что сильно раздражало не только репрессивно-секуристские органы, но и саму правящую чету Румынии – супругов Чаушеску. Критики назвали писателя, живущего и поныне в Париже, «румынским Солженицыным», правда, в отличие от русского писателя, вернувшегося после падения коммунистического режима на родину, он до сих пор продолжает жить на чужбине⁵.

Из страны были выдворены и так называемые «онирики»: талантливые писатели-сюрреалисты Думитру Цепенеаг и Вирджил Тэнасе; с трудом получил разрешение выехать на Запад поэт Дорин Тудоран (как и Гома, выразивший на волне «Свободной Европы» солидарность с пражской Хартией 77). Его выпустили только после продолжительной голодовки (42 дня) и других смелых поступков, получивших резонанс общественного мнения на Западе.

С трудом – только после личного вмешательства в 1979 г. президента Франции Валери Жискар д'Эстена – позволили эмигрировать литератору и исследователю румынского ГУЛАГа Чичероне Ионицику⁶. Дважды осуждавшийся по политическим мотивам (в 1950 и 1962 гг.), он на собственном опыте поз-

нал ужасы румынских темниц строгого содержания, а на воле написал потрясающие мемуарные страницы, а также составил объемный словарь «Жертвы коммунистического террора» в 11 томах.

Репрессивные органы Румынии по прямому указанию Н. Чаушеску жестко расправлялись с критиками режима: имели место многочисленные покушения на румынских журналистов, работавших на радиостанции «Свободная Европа», некоторые из них заплатили жизнью за смелость в разоблачении преступлений румынских вождей-диктаторов.

Если при режиме Георгиу-Дежа неудобные писатели (их власти называли, как и всех оппонентов проводимой политики, «врагами народа») сгнивали в тюрьмах и лишь немногим удалось сбежать на Запад (нелегально перейдя границу, в частности, с титовской Югославией) или остаться там в качестве невозвращенцев (после какого-либо визита за рубеж – туристического или официального), то при Чаушеску ситуация изменилась. Этот коммунистический лидер, мечтавший получить Нобелевскую премию мира, скрепя сердце, был вынужден предоставить некоторым видным представителям творческой интеллигенции возможность покинуть пределы страны (часто под давлением мировой общественности вплоть до вмешательства глав капиталистических стран).

После короткого периода «передышки», когда можно было более или менее свободно получить визы на выезд в другие страны, после 1971 г. для Румынии вновь устанавливается «железный занавес». Так, писатель и преподаватель Ясского университета Петру Урсаке, приглашенный на Запад для чтения лекций, около десяти раз безуспешно пытался получить согласие Секуритате на выезд, но выехать так и не смог. Были ограничены и поездки в страны социалистического блока. Автор этих строк, например, не мог ездить к родственникам в Москву (естественно, по приглашению) чаще, чем раз в два года.

В 1980-е гг. велось постоянное наблюдение за общением румынских граждан с иностранцами, а официальные встречи проводились, как правило, в определенных, заранее подготовленных помещениях тех или иных государственных учреждений, учебных заведений и научных институтов, творческих союзов и т.д.

Не доходили до адресатов печатные издания, отправленные в Румынию из-за рубежа, если бдительные сотрудники соответствующих служб находили в них что-нибудь подозрительное, бросающее тень на политику руководства страны. Помню, как, будучи подписчиком 3-го издания Большой Советской Энциклопедии, не получил 12-й том. После долгих хождений по инстанциям, многочисленных жалоб (письменных и устных) злополучный том был все же передан законному владельцу с объяснением причины задержки: оказывается, статья о политике Китая пришлась кому-то не по вкусу (в вопросах дружбы с КНР Румыния, как известно, занимала особую позицию среди стран советского блока). А уже позже, в горбачевское время, автор этих строк и вовсе не получил по подписке номер журнала «Юность» с романом В. Войновича «Солдат Иван Чонкин», так как в качестве иллюстрации была напечатана карикатура на Сталина (в юбке). Все это не удивительно: политика Чаушеску в последние годы его правления была явно неосталинской, особенно если говорить о масштабах культа личности. Вообще надо сказать, что Чаушеску особенно жестоко расправлялся с теми своими оппонентами, в том числе с писателями, которые сатирически изображали его семью. Об этом красноречивее всего свидетельствует трагическая кончина поэта по призванию и инженера по профессии Георге Урсу, прозванного в кругу друзей и знакомых Бабу.

В декабре 1984 г. в НИИ, где работал Урсу, две его подчиненные – стукачки – взломали выдвижной ящик его рабочего стола и там нашли часть взрывоопасного «Дневника» Урсу, переданного ими в конце концов органам Секуритате. С января по май 1985 г. Урсу, пока еще находившегося на свободе, постоянно, несколько раз в неделю, а иногда и ежедневно вызывали на допросы. От него ждали показаний против друзей, среди которых были видные представители литературной жизни Дж. Богза, Р. Косашу, Н. Кассиан, Й. Кимет, С. Виеру, режиссер М. Илишиу), но он отказался давать о них сведения. Считая нецелесообразным делать Урсу жертвой политических преследований (в СССР уже пришел к власти Горбачев), в органах решили изменить концепцию, в соответствии с которой теперь предстояло сфабриковать судебное дело уже как чисто уголовное. Его оставили на несколько месяцев в покое, но в сентябре на-

грянули с обыском. Найденная ничтожная сумма в 17 долларов (оставшаяся после командировки за рубеж) дала повод для ареста и предъявления обвинений в незаконных валютных операциях. После непрерывных допросов с избиениями Урсу был помещен в одну камеру с уголовниками и убит ими 17 ноября 1985 г. (надзиратели получили приказ не вмешиваться). В начале 1990-х гг. под давлением общественности дело Урсу разбиралось на суде, где высшие чины службы информации Румынии (продолжательницы Секуритате) пытались его замаять, опасаясь обнародования каких-нибудь документов, раскрывавших тот факт, что задание убить Урсу поступило сверху (конечно, не в форме прямого письменного распоряжения) от одного из высокопоставленных чиновников Секуритате. Показательно, что дневник самого Урсу, ставший поводом для возбуждения дела, был уничтожен уже в это время действующим генералом службы информации, получившим за это всего лишь выговор «за расхлябанность при исполнении служебных обязанностей». Впрочем, некоторые страницы дневника сохранились и впервые были опубликованы в румынской прессе еще в апреле 1990 г.

Свой дневник Урсу вел с юных лет, с 1948 г., исписав несколько десятков школьных тетрадей. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, он представлял собой не только литературно-художественную ценность, но и значение в качестве исторического источника. Ведь в нем была зафиксирована хроника тех или иных событий, особенно культурной жизни. Отреагировав, например, на кончину писателя Т. Мазилу, Урсу вспомнил запрет в начале 1960-х гг. постановки пьесы «Дураки под лунным светом», которую кое-кто в руководстве страны (и в том числе Чаушеску, тогда еще не всемогущий «Бог», но уже член Политбюро) воспринял как выпад в свой адрес. Несколько ниже он пишет о встрече представителей литературной элиты с Чаушеску, «заметно раздраженным тем, что писатели вместо того, чтобы объединиться общим фронтом и лизать его задницу, ссорятся между собой и, следовательно, у них нет времени лизать сколько требуется». Первая поэтесса страны Ана Бландиана сказала на этой встрече, что патриотом является и поэт, воспевающий траву, на что Елена Чаушеску, толкнув локтем соседа, прошептала так, чтобы весь

зал услышал: «И нашлась такая, чтобы учить нас литературе». Уже сама внешность 40-летней поэтессы (высокой, стройной и яркой как кинозвезда) воспринималась Свинюлей (по беспощадному определению Урсу) как непростительный вызов не только первой леди, но и всей системе.

Трагически закончивший свои дни поэт был постоянным слушателем радиостанции «Свободная Европа»⁷ и в его дневнике нашло отражение на шумевшее дело, широко освещавшееся западной, особенно французской прессой. В апреле 1982 г. агент Секуритате по имени Матвей Хайдуку, посланный в Париж по заданию самого Чаушеску с целью ликвидировать писателей диссидентов П. Гому и В. Тэнасе, сдался французским властям. Как комментировал этот инцидент Гома (а после него в своем дневнике и Урсу), «гениальный Чаушеску получил самую страшную пощечину в своей жизни». Два года спустя сам Хайдуку подробно описал это дело в своей на шумевшей книге «J'ai refusé de tuer» («Я отказался убить»), вышедшей в Париже.

Порвал с режимом и генерал службы внешней разведки Ион Михай Пачепа, в своей книге «Красные горизонты» приводящий немало примеров беспощадности Чаушеску к оппонентам режима и особенно критикам культа личности. Он рассказал о том, как получил от Чаушеску приказ организовать ликвидацию ряда оппонентов режима, в том числе Гомы⁸.

Если в других социалистических странах со временем более активно предпринимались попытки установить нормальный, цивилизованный контакт со своими соотечественниками-эмигрантами⁹, то Чаушеску в срочном порядке лишил эмигрировавших писателей и деятелей культуры румынского гражданства. Остракизму подверглись Думитру Цепенеаг, Паул Гома, Вирджил Тэнасе, Адина Кенереш, Паул Ромошан и многие другие. «Ничто не страшило Чаушеску больше, чем эмигранты», – утверждает Пачепа. Как и другие вожди стран советского блока, румынский лидер больше всего опасался, продолжает он, что «кто-либо из их ближайших, доверенных ему людей может эмигрировать на Запад и рассказать, каков на самом деле коммунизм»¹⁰.

Неоднократные угрозы получала в свой адрес и чета писателей-эмигрантов Моника Ловинеску, ведшая, кстати, на волне «Свободной Европы» очень популярную еженедельную ра-

диопередачу, и Вирджил Иерунка, являвшийся среди прочего составителем нашумевшей «Антологии стыда», где были собраны тексты многих писателей, возвеличивавших в стихах и прозе генерального секретаря компартии Румынии. Моника Ловинеску (1923–2008) проживала в Париже с 1948 г., участвуя в деятельности эмигрантских структур. Ее мать (вдова крупного литературного критика и эссеиста межвоенной эпохи Эуджена Ловинеску), от которой органы требовали добиться возвращения дочери обратно, в конце концов, бросили в тюрьму, где она умерла вследствие бесчеловечного обращения и была похоронена в общей могиле. Гораздо позже, в 1977 г., на Монике во дворе ее парижского дома напали и зверски избили два палестинца-террориста, находившихся на службе Чаушеску¹¹. Кстати, вышеупомянутый Г. Урсу поддерживал контакты с М. Ловинеску и В. Иерункой, но, судя по известным протоколам допросов, отказался давать показания против них.

Об удушливой атмосфере в Румынии при Чаушеску убедительно написал в своей «Истории сталинизма в Румынии» Виктор Фрунзе, литератор и публицист, в конце концов, эмигрировавший в Данию. Он получил известность после переданного радиостанции. «Свободная Европа» во время заграничной поездки и зачитанного по ее каналам открытого письма в адрес президента Румынии, в котором обоснованно, четко показал, что Чаушеску создал для себя и поддерживал невиданный до тех пор в истории Румынии культ личности. Исключенный по возвращении на родину из партии и изгнанный с работы Фрунзе преследовался органами Секуритате днем и ночью; получить разрешение на выезд из страны в определенной мере ему помогло то обстоятельство, что его жена была гражданкой СССР.

Еще при Г. Георгиу-Деже проявляются, а при Чаушеску только усиливаются тенденции во внутренней политике режима в отношении национальных меньшинств, которые вызывали подчас обоснованное недовольство и протесты как за рубежом, так и внутри страны¹². Сполна почувствовала на себе все невзгоды диктаторского режима и отразила их потом в своем творчестве немка из Баната Герта Мюллер, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе. Надо, однако, сказать, что такая политика вызывала порой возражения и в партийной среде. Так, на одном партийном собрании литератор и переводчик

Стелиан Груя, преподававший украинский язык и литературу в Бухарестском университете, смело заговорил вдруг об ущемлении прав украинского меньшинства на получение образования на родном языке. За этим последовали вызовы на допросы в органы Секуритате и иезуитские угрозы типа призывов проявлять осторожность на улицах, дабы не стать случайно жертвой наезда грузовика. Позже писателю досталось и за роман «Черный конь», где в карикатурном виде была изображена фигура тогдашнего безграмотного министра образования.

Как это ни парадоксально, но в стране, где печать была подцензурна, телефонные разговоры постоянно подслушивались, корреспонденция контролировалась, а среди беседующих на работе или просто на улице могли быть и стукачи-доносчики, единственным местом, где существовала некоторая возможность открыто поднять наболевшие вопросы в рамках формального права на критику и самокритику, предусмотренного в уставе партии, стали именно партийные собрания. Так, в период резкого сокращения количества студентов, обучавшихся на русских отделениях университетских филфаков, и удаления преподавателей с кафедр, автор этих строк поднял на партсобрании вопрос о разрешении свободного выезда из Румынии, чтобы учителя могли бы найти себе работу по специальности в других странах, если родина не в состоянии их обеспечить работой. Вследствие слишком резкой постановки на партсобраниях щепетильных проблем была ликвидирована партийная организация Союза писателей, а ее члены распределены по другим парторганизациям по месту постоянной работы, соответственно, по издательствам, редакциям газет и журналов, учреждениям культуры и т.д. (в отличие от СССР в Румынии почти не было писателей, живущих только за счет гонораров за свои книги, им приходилось зарабатывать на хлеб, находясь на службе у государства).

В условиях неосталинского румынского диктаторского режима писатели, наверное, в страхе за собственную жизнь не так уж решительно и сплоченно становились на защиту своих собратьев по перу, попавших в жернова репрессивных органов. Так, уже упомянутый П. Гома не сумел склонить никого из известных писателей подписать в 1977 г. свой знаменитый меморандум протеста, зато нашел соратников в рядах рабоче-

го класса. В литературных кругах никто из влиятельных людей не заступился за писателя-диссидента, когда он был подвергнут чудовищной травле. Бескомпромиссность писателя в отстаивании собственных убеждений, в борьбе с доморощенной «румынской оккупацией, еще более болезненной и действенной», чем любая иностранная оккупация, не всегда вызывала понимание, подчас осложняла отношения с собратьями по перу. Оказавшегося на Западе Гому, как и некоторых других эмигрантов (Д. Цепенеаг, В. Тэнасе), не приглашали вести передачи на радиостанцию «Свободная Европа» из-за принципиальных идейных разногласий. Он считал, что за разоблачением внутренней политики Чаушеску подчас может скрываться и пренебрежение национальными интересами Румынии, испытывавшей давление со стороны СССР и союзников по ОВД. Гома был против упрощенных негативных оценок политики утверждения Румынией национальной независимости в 1960-е гг., в период относительной либерализации.

В 1980-е гг. конфликт между властью и творческой интеллигенцией стал еще более острым, достигнув своего апогея к концу десятилетия. Причем все это происходило на фоне коренных изменений в других странах «восточного блока», особенно с началом в СССР политики перестройки и гласности, связанной с именем М.С. Горбачева. Важно заметить, однако, что упадка национальной культуры не было и в условиях углублявшегося в стране системного кризиса (экономического, социального, политического, морального) проза Марина Преды, Аугустина Бузуры, Николае Бребана, Еуджена Урикару, Д.Р. Попеску, стихи Аны Бландианы, Мирчи Динеску, Никиты Стэнеску, Эмиля Брумару и других становятся хлебом насущным для румынской нации, залогом сохранения национальной духовности в чрезвычайно сложных условиях. Отдельные стихотворения Бландианы и даже Адриана Пэунеску (раскритикованного после декабря 1989 г. за гимны, посвященные «великому кормчему» страны) перепечатывались на пишущей машинке или переписывались от руки (пишущие машинки в конце эпохи надо было регистрировать в органах Секуритате) и распространялись. Они становились тем самым своеобразной, хотя и скромной, формой самиздата в социалистической Румынии, стране, где размножение и распространение каких-либо под-

польных, нелегальных текстов (рукописных или машинописных, не говоря уже о печатных) неусыпно преследовались и в сравнении с другими социалистическими странами более строго карались. Из страха перед преследованиями в конце эпохи Чаушеску люди боялись показывать друг другу даже те произведения, которые были напечатаны легально, но потом изъяты из книжных магазинов и библиотек; в спецхраны крупных библиотек попали даже – по распоряжению сверху – книга эротических стихов Матая Александру, сборник сюрреалистических стихов Константина Абэлуцэ и т.д. и т.п.

К концу 1980-х гг. все больше граждан Румынии (и в том числе видных личностей, представлявших национальную гордость, таких, например, как олимпийская чемпионка по гимнастике Надя Комэнеч) спасаются от «золотой эпохи» Чаушеску бегством на Запад, «ногами» голосуя за другие формы общественного устройства. Не составляли исключения и литераторы, которыми все сильнее овладевало желание получить «глоток свободы» за железным занавесом. В последние годы правления Чаушеску Румынию покинули разными способами, сделав выбор в пользу более свободного Запада, такие видные литераторы и в том числе настоящие мастера пера, как Симион Алтереску, Баруцу Т. Аргези, Анарей Брезяну, Матей Вишниек, Виктор Фрунзэ, С. Дамян, Вирджил Дуда, Ромулус Захария, Желу Ионеску, Мирча М. Ионеску, Мирча Йоргулеску, Антоанета Константинеску, Ион Карайон, Нина Кассиан, Адина Кенереш, Винтилэ Корбул, Марчел Корниш-Поп, Дан Кристя, Дан Кулчер, Соня Лариан, Норман Манеа (премия, полученная им от Союза писателей в 1984 г., была потом объявлена незаконной Советом культуры и социалистического воспитания, и писатель эмигрировал в США в 1986 г.), Ион Негоицеску, Бужор Неделкович, Дамян Некула, Думитру Раду Попа, Мариан Попа, Александру Папилиан, Лучиан Райку, Мирча Сэндулеску, Штефан Стоенеску, Константин Стойчиу, Дорин Тудоран, Александра Тырзиу, Михай Урсаке, Дину Флэмынд, Джеоржета Хородинкэ, Овидиу Хурдузеу, Родика Юлиан. Они пополнили ряды писателей, публицистов, эссеистов, критиков, переводчиков, оставивших Румынию по разным причинам раньше, главным образом в 1970-е гг. (Овидиу Вуя, Серджиу Гроссу, Винтилэ Ивэнческу, Мирон Киропол, Андрей Кодреску, Бен Корлачку, Аурора Корну, Николае Корбяну,

Мироара Кремене, Анжела Кройтору, Ион Петру Кулиану, Вера Кэлин, Матей Кэлинеску, Вера Лунгу, Аурел Серджиу Маринеску, Ион Омеску, Андрей Пандреа, Ремус Радина, Марин Тарэнгул, Вирджил Тэнасе, Думитру Цепенеаг, Сильвия Чинка, Мариана Шора и др.). Но негативное отношение к режиму выразилось не только в желании «проголосовать против него “ногами”», но и в обилии язвительных текстов с острым разоблачением того, кто принес Румынии и временную славу (в 1968 г.), и позор. Некоторые тексты были написаны уже в эмиграции, другие (как, например, в случае с Н. Бребаном или В. Фрунзэ) – литераторами, ненадолго выехавшими за рубеж и выступившими там против преступной политики. Иногда страницы, осуждавшие Чаушеску, писались в Румынии анонимно и переправлялись на Запад тайком (с просьбой к адресатам не указывать имени автора), но при этом тут же появлялись в зарубежной печати и передавались по так называемым «вражеским радиоканалам». Можно назвать в этом ряду написанные в 1987–1989 гг. письма таких известных писателей, как Мирча Динеску, Аурел Драгош Мунтяну, Дан Дешлиу (который раньше был удостоен «народной властью» многих высоких литературных наград)¹³. Ответственность за главные беды, случившиеся со страной, была в них прямо возложена на Чаушеску. Динеску тут же исключили из партии, Мунтяну сам вышел из нее в 1988 г. Оба были лишены работы – изгнаны из редакций литературных изданий «România literară» и «Luceafărul», соответственно. Динеску назначают арест на дому, а за Мунтяну устраивают круглосуточный надзор (подслушивание велось не только за телефонными разговорами, но, как рассказывал сам Мунтяну на встрече, которую я организовал ему с корреспондентом «Советской культуры» поэтессой Татьяной Кузовлевой в марте 1990 г., записывались все его разговоры с женой, даже в спальне и на кухне). Дан Дешлиу также часто вызывался на допросы в органы безопасности и агенты были заняты им круглосуточно. Преследованию, гонениям и даже аресту и избиениям подверглись и другие литераторы-диссиденты – не только в Бухаресте, но и в других городах (в Яссах, например, Дан Петреску, Александру Таку, Мария Спиридон Кассиан, Аурел Штефанаки).

Если в 1977 г. П. Гома внутри страны не ощутил ожидаемой им поддержки со стороны коллег-писателей, то 10 годами поз-

же разные литераторы пишут письма председателю Союза писателей Румынии, требуя защиты поэтов Мирчи Динеску, Дана Дешлиу, Аны Бландианы и других от преследований, от травли. И диссидентка Дойна Корня из Клужа в письме, адресованном Чаушеску, подчеркивала, что преследуемые писатели являются мыслителями, выступающими от имени целого народа, а «не вашей личной собственностью».

Выступления румынских писателей-диссидентов имели большой отклик и за рубежом; в защиту названных выше поэтов, а также писателей Дана Петреску, Ливиу Канджиопола, Андрея Плешу вступились 60 румынских литераторов из диаспоры; многочисленные передачи по «Свободной Европе», «Голосу Америки», БиБиСи, «Немецкой волне» были посвящены этой накопившей проблеме.

Почему все-таки Чаушеску не прибегнул к ликвидации своих оппонентов? Прежде всего потому, что он должен был все же учитывать и начатые демократические перемены в соседних странах, а также международный резонанс возникшего вопроса. Несмотря на декларируемую им политику независимости и невмешательства в дела друг друга, казалось бы, созвучную духу горбачевской перестройки, он с явной настороженностью относился к новым хозяевам Кремля.

Сказывались и внешние связи писателей-диссидентов, позволявшие усилить международный резонанс в случае любого рода преследований. В самом деле, у Корни дочь жила во Франции, жена Дешлиу – в Канаде, у А. Мунтеану были влиятельные друзья в США, что же касается М. Динеску, то он был еще более крепким орешком. Во-первых, после смерти Никиты Стэнеску в 1983 г., он являлся (наряду с Аной Бландианой и Марином Сореску) гордостью румынской современной поэзии. Его творчество хорошо воспринималось на Западе, в том числе в Германии, Британии, а посол Голландии в Румынии Коэн Сторк, открыто поддерживавший румынских диссидентов, был другом поэта. Во-вторых (и это, может быть, еще важнее), у Динеску имелись связи в СССР. В 1989 г. он побывал в Москве на презентации собственной книги. Динеску, всегда лишенный националистической узости, жил в интернациональной семье, его тесть, профессор Бухарестского университета, был трансильванским венгром, а теща, русская, лите-

ратуровед Елена Логиновская, хотя и прожила больше 30 лет в Румынии, работая в университете и потом в академическом институте, сохранила советское гражданство. Любопытно, что интервью, взятое в Москве у Динеску в 1989 г. и переданное по московскому радио, было тут же ретранслировано и на волнах «Свободной Европы», вызвав отклик в Румынии.

Подводя итоги, можно безошибочно утверждать, что политика коммунистической партии исковеркала судьбы многих представителей творческой интеллигенции, уничтожив одних, заставив других покинуть родину. Даже в недолгие годы относительной либерализации режима атмосфера ограниченной, но все-таки свободы творчества была отравлена некомпетентным вмешательством четы Чаушеску в культуру. Ценные, выдающиеся произведения выходили в свет на самом деле не благодаря, а чаще всего вопреки указаниям и помощи партийных и государственных боссов. Так, например, детская книга про кота талантливейшей поэтессы А. Бландианы была изъята из книжных магазинов по личному распоряжению шефа Секуритате Ю. Влада (в ней усмотрели пародию на главу государства). За эту книгу заплатились и директор издательства, и редактор. Несколько позже, в 1985 г. был снят с должности главный редактор журнала «Amfiteatru» («Амфитеатр») Стелиан Моциу за то, что его журнал напечатал 4 стихотворения той же поэтессы. Писатель М. Бырсэилэ вспоминает на страницах журнала «Argeş» («Арджеш») о том, как, будучи в городе Кэлэраш директором Дома культуры, читал эти стихи в ресторане в кругу друзей (ныне известный искусствовед П. Шушарэ, будущие писатели М. Лупашку и М. Стэнилэ), за что был вызван на допросы в местные органы Секуритате¹⁴.

Более полную картину о мучительном, изнуряющем процессе творчества при коммунистическом режиме Чаушеску, о битве в настоящем смысле этого слова за выход в свет каждого произведения читатель, владеющий румынским языком, может составить по свидетельствам самих писателей (в основном в жанре мемуаров и дневников), опубликованным за последнюю четверть века. Следует назвать такие книги, как, например, «Дневник ленивого человека» Виктора Фелеа, «Дневник» (в 4-х томах) Мирчи Зачиу, «Дневник человека без дневника» И.Д. Сырбу, «Синяя тетрадь» Николае Балотэ, «Ежедневная наша

темница» Иона Иоанида, «Стена свидетель» Флоренцы Албу, «Жизнь одинокого человека» Адриана Марино, «Молитесь за моего брата Александра» Константина Нойки (кстати, рукопись его книги о Гегеле редактор издательства отнес в Секуритате), «Дневник счастья» Николае Стейнхардта, эссе и очерки в нескольких томах Николае Бребана, «Я ненавижу Чаушеску. Годы, люди, диссидентство» Габриэла Андрееску, «ГУЛАГ в румынском сознании» Руксандры Чесереану и др. Вышли сборники документов из архивов бывших репрессивных органов (эти архивы сегодня находятся в ведении Национального Совета по изучению архивов Секуритате). Из опубликованных документов выясняется, что почти каждый писатель находился под неусыпным надзором органов Секуритате либо полиции, что все писатели, ранее побывавшие под арестом, были вынуждены периодически отчитываться перед соответствующими органами, давать письменные показания не только о себе, но и о тех лицах, с которыми входили в контакт. Было заведено, например, специальное дело о круглосуточном надзоре за писателем старшего поколения, членом компартии со времен довоенного подполья Мироном Раду Параскивеску, наставником многих молодых литераторов. Как выясняется из двух объемистых томов, составленных Секуритате, слежка за Параскивеску длилась 20 лет и была прекращена лишь в 1970 г., когда писатель, тяжело больной неизлечимым раком, уже не представлял для властей никакой опасности.

В личных делах, хранящихся в фондах Секуритате и сейчас уже опубликованных, бывают и пробелы, отсутствуют определённые материалы, встречаются и тексты заранее подделанные лицами из бывшего руководства службы безопасности для заметания следов. А бывает и так, что жертвы террора, бывшие узники, прошедшие годы молодости в страшных тюрьмах при власти, называвшей себя народной, потом оказываются оклеветанными, их доброе имя невольно, а порою предвзято, преднамеренно бывает опорочено. Такова, к примеру, судьба уже покойного Адриана Марино. Бывший диссидент Габриэл Андрееску в подготовленной к печати своей новой книге «Писатели, оппозиционеры и документы. Манипуляция Архивов Секуритате» развенчивает миф об использовании А. Марино в роли стукача, который проводится в книге «Моника Ловинеску в до-

кументах Секуритате, 1949–1989». Основанием для этого мифа явилась неточная и предвзятая трактовка ряда информационных донесений, относящихся к 1974 г., когда А. Марино вернулся из поездки за рубеж. Как доказывает Андрееску, по процитированным записям никак нельзя обвинить Марино в стукачестве.

Но как бы то ни было, дальнейшее изучение и обнародование хотя бы отдельных страниц из огромнейшего клада многочисленных тысячестраничных досье, составленных усилиями целой армии агентов и информаторов, необходимо и полезно. Есть немало до сих пор влиятельных личностей, тесно связанных в прошлом с Секуритате (например, бывший главный редактор уже обанкротившейся к настоящему времени газеты «Ziua» – «День», продолжающий, однако, оставаться и сегодня депутатом парламента), чье стукачество в прошлом доказано неопровержимо. Такие люди и их еще более влиятельные покровители, пожалуй, заинтересованы в дискредитации смельчаков, мужественно противостоявших диктатуре Чаушеску¹⁵. Периодически возобновляются нападки и необоснованные обвинения в адрес, слава Богу, здравствующих Паула Гомы и Николае Бребана; можно предположить, что кое-кому претят литературная слава и подлинный авторитет этих выдающихся писателей¹⁶. Когда представители второго и третьего эшелонов компартии на собраниях громко рукоплескали, горячо одобряя политику «гениального кормчего», вышеуказанные писатели и некоторые другие их собратья по перу, рискуя жизнью, выступали не только за личную свободу, но и за свободу своих соотечественников¹⁷.

Остается неопровержимым фактом то, что наряду со стачкой шахтеров в Долине Жиу 1977 г., воинствующей манифестацией рабочих города Брашова осенью 1987 г. и с многочисленными индивидуальными проявлениями протеста против диктатуры, весомый вклад в расшатывание «всесторонне развитого социализма» Чаушеску и подготовку его последующего ниспровержения внесло смелое писательское слово. Как внесло оно свой вклад и в утверждение уклада жизни, позволяющего каждому свободно высказать свои мысли и мнения. В истории Румынии второй половины XX в. в полной мере проявилась сила Слова, которым пророчески открывается Библия. И потому до сих пор актуально звучат бессмертные

строки из мажорного воззвания Николая Гумилева, поставленные эпиграфом к настоящей статье.

Перевод с румынского автора

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Lazu I. Memorialul scriitorilor încarcerati sub regimul comunist // Oglinda literară [Focșani]. XII. 2013. № 139, 140, 141 (iulie, aug., sept.).

² Scinteia. 1968. 22 august.

³ О причинах снятия из репертуара театра этого спектакля см.: Балан Д. Русская драматургия и румынская цензура // Национальный театр в контексте многонациональной культуры. М., 2008. В публикациях последних лет исследователи (Н. Сэлкудяну и др.) показывают, что румынские власти в сущности применяли в отношении инакомыслящих те же методы, что и в СССР в отношении А. Солженицына, а также других известных диссидентов.

⁴ Подробнее см. статью В. Буги и А.–М. Кэтэнуш в настоящем издании.

⁵ В 2012 г. П. Гома – уроженец Бессарабии, согласился получить паспорт гражданина Республики Молдова, но продолжает жить во Франции. – Прим. ред.

⁶ Скончался 26 января 2014 г. в возрасте 89 лет.

⁷ Об отношении Чаушеску к этой радиостанции лучше всего свидетельствует зафиксированное одним из его собеседников высказывание: «Пусть бы она взлетела на воздух и как можно выше». См.: Расапа I.M. Orizonturi roșii. Amintirile unui general de securitate. București, 1992. P. 221.

⁸ В условиях, когда взаимного доверия в отношениях с Москвой не было, осложнения и всякого рода шпионские скандалы возникали не только на западном направлении. Начальник военного гарнизона Бухареста генерал И. Шерб был уличен в передаче секретных документов советской разведке. Ликвидировать его Чаушеску не решился, его приговорили в 1972 г. лишь к семилетнему тюремному заключению, а четыре года спустя – после встречи Чаушеску с Л.И. Брежневым в Крыму – Шерб был освобожден и отправлен руководить сельским госхозом. И на этом деле Чаушеску заработал определенный политический капитал на Западе, распространив там через органы дезинформации слух о том, что Шерб – это первый советский шпион, арестованный и осужденный в странах социалистического блока; иностранные газеты в то время даже писали, что генерал был расстрелян. В румынской печати освещение этого дела, естественно, было табуировано, подробности всего этого казуса обнаружили лишь после декабря 1989 г.

⁹ К примеру, венгерские власти, как правило, не лишали своих не-возвращенцев гражданства ВНР, исходя из того, что сохранение подданства заставит их быть сдержаннее в критике порядков собственной страны. – Прим. ред.

¹⁰ Расера I.M. Op. cit. P. 220.

¹¹ Şapte seri, Bucureşti. 2008. Aprilie 25. P. 56.

¹² Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что часть писателей венгерского и немецкого происхождения не только была лояльна, но и активно сотрудничала с коммунистическим режимом.

¹³ См. на русском языке интервью Мирчи Динеску французскому изданию «Libération» (весна 1989 г.): Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. II. Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. СПб., 2013. С. 489–499.

¹⁴ Русский читатель может судить о творчестве Аны Бландианы по переводам Анастасии Старостиной, выходившим в России в последние годы.

¹⁵ Показательна в этом отношении статья Михая Михэйлеску «Секуритатеа еще занимается Георге Урсу» с красноречивым подзаголовком «Жизнь, убийство и постдекабрьское маранье имени диссидента “Золотой Эпохи”». См.: România literară. Bucureşti. 2003. Aprilie 24. P. 1, 7.

¹⁶ В 2013 г. союз писателей Молдовы выдвинул кандидатуру П. Гомы на присуждение Нобелевской премии по литературе, что вызвало острые общественные дискуссии в связи с тем, что этот крупный писатель некоторыми своими выступлениями прежних лет дал повод для обвинений в антисемитизме. В частности, ему припомнили попытки «обосновать» правомерность жестоких репрессий режима Антонеску в отношении евреев летом 1941 г. активной поддержкой ими действий Красной Армии и всех мер советской власти в ходе осуществления летом 1940 г. акции по присоединению Бессарабии к СССР. Из литературы, жестко полемизирующей с позицией П. Гомы в этом вопросе, см.: Левит И.Э. В наркотическом угаре юдофобии: по поводу эссе писателя Паула Гомы «Красная неделя 28 июня – 3 июля 1940. Бессарабия и евреи». Кишинев, 2004. – Прим. ред.

¹⁷ Например, Габриэл Юга в 1972 г. объявил голодовку в знак протеста против цензуры. Петру Ромошан уже в конце 1980-х гг. со второй попытки смог перейти границу с Венгрией и оттуда, с помощью Пала Бодора (венгерского литератора, выходца из Трансильвании), выступал по венгерскому радио, раскрыв тот факт, что только в период между июнем и августом 1988 г. на румынско-венгерской границе были застрелены 200 чел., желавших убежать из страны. (Цифра не подтвержденная известными нам документальными источниками. – Прим. ред.).

С.А. Шерлаимова (Россия)

Чешские писатели-диссиденты и эмигранты в период «нормализации»: от духовного лидерства к отказу от идеологии

Отличительной особенностью периода 1960-х гг. в Чехословакии была высокая активность чешских писателей (М. Кундера, Л. Вацулик, В. Гавел и др.). Они выступали против догматов социалистического реализма, выражали нараставшее в обществе стремление к позитивным переменам, к свободе, к «социализму с человеческим лицом». Новый импульс развитию реформаторского движения дали IV съезд Союза чехословацких писателей и манифест «Две тысячи слов». Разные взгляды на развитие общества после подавления Пражской весны высказали в полемике М. Кундера и В. Гавел. Последовавшие годы «нормализации» стали временем самой крупной в чешской истории литературной эмиграции, временем диссидентства, разветвленной сети «самиздата».

Ключевые слова: Пражская весна, чешская литература, диссидентское движение, самиздат.

В конце XX века в нашей стране и странах так называемого «европейского социалистического лагеря» произошли события, кардинально изменившие их политический строй. Процессы, приведшие к этим переменам, были во всех государствах сходными и в то же время в каждой стране имели свою специфику. Отличительной особенностью Чехословакии была высокая активность писателей в реформаторском движении Пражской весны. Это, в первую очередь, относится к писателям чешским, о которых пойдет речь в настоящей статье.

60-е годы XX века («золотые шестидесятые», как их в Чехии ностальгически называют) были временем подъема чешско-

го искусства – в области кино (достаточно назвать имя такого представителя «Новой волны», как оscarоносный режиссер Милош Форман), театра (Вацлав Гавел с его пьесой «Праздник в саду»), литературы. Это было время, когда деятели искусств, прежде всего писатели, наиболее ясно и открыто выражали нараставшее в обществе стремление к позитивным переменам, к более гуманному режиму, к свободе, ко всему тому, что воплотилось в формуле «социализм с человеческим лицом». В интервью Алену Финкелькрауту, впервые опубликованном в Америке в 1982 г., Милан Кундера утверждал: «Величие эпохи 60-х гг. и Пражской весны заключается не в политике тех лет (она была некомпетентной и, в конце концов, привела к краху), а в культуре. Культуре в самом широком понимании этого термина: не только как искусство и наука, но вообще как поведение народа, его традиционная толерантность, юмор и свободолюбие... Те годы отмечены необычайным расцветом чешской культуры. Запад, который не способен воспринимать эту культуру иначе, как нечто вроде придатка к политической системе, никогда не поймет, что происходило в Чехословакии до 1968 г. Не понял он и того, что *убийство чешской культуры* (курсив в оригинале. – С.Ш.) было самым неизгладимым следствием русского вторжения 1968 г.»¹.

Почему именно писатели сыграли столь важную роль в событиях Пражской весны? Безусловно, здесь действовал субъективный фактор: в пору зрелости тогда вступало целое поколение талантливых и смелых поэтов, прозаиков, литературных критиков, сформировавшихся уже после окончания войны, прошедших через «шоковую терапию» конца 1940-х – начала 1950-х гг. и впитавших «оттепельные» настроения 1956 г. – XX съезда КПСС и проникнутого стремлением к свободе слова II съезда Союза чехословацких писателей. Лучшие представители этого поколения выступили против навязываемых сверху догматов социалистического реализма, ставили перед собой цель говорить от имени простого человека. На II съезде писателей была выдвинута программа «Поэзии будничного дня» (Иржи Шотола, Карел Шиктанц, Мирослав Голуб, Мирослав Флориан), призывавшая покончить в стихах с лозунговостью и декларативностью. Правдиво писать о современной жизни стремились прозаики серии «Жизнь вокруг нас» (Ян Прохаз-

ка, Иван Клима и др.), в так называемых «маленьких пражских театрах» шли веселые пьески авангардистской направленности, в театре «На забрадли» была с успехом поставлена иронично – интеллектуальная пьеса Вацлава Гавела «Праздник в саду», представлявшая собой соединение приемов театра абсурда с острой сатирой на тогдашние идеологические штампы. К концу десятилетия появились смелые новаторские произведения крупной формы – романы «Топор» Людвика Вацулика и «Шутка» Милана Кундеры, статью о которых авторитетный критик Вацлав Черны назвал «Два романа почти великие».

Но дело не только в художественных новациях, не только в реабилитации таких достижений литературоведческой науки, как пражский литературный структурализм. Большим влиянием пользовалась литературная печать: «Literární noviny» («Литературная газета»), журналы «Květen» («Май»), «Plamen» («Пламя» и др.), литературные дискуссии и конференции привлекали всеобщее внимание, подчас становились своего рода общественными событиями европейского масштаба, как, например, международная конференция 1963 г. о творчестве пражского уроженца Франца Кафки.

Петр Питгарт в книге «Шестьдесят восьмой», впервые изданной в Кельне в 1980 г., обратил внимание и на материальные предпосылки большей раскрепощенности «писательского сословия». Партийные власти придавали особое значение влиянию литературы на массы, стремились привлечь на свою сторону писателей, действуя не только кнутом запретов, но и пряником премий, высоких гонораров и т.д. Литераторы принадлежали не только к авторитетным, но и относительно обеспеченным гражданам своей страны, что, как с иронией и даже некоторой завистью отмечал Питгарт, тоже «придавало им смелости». Партийное руководство на протяжении всех «золотых шестидесятых» пыталось писателей «утихомирить», «поставить на место», но этого удавалось достичь лишь на короткое время.

Новый импульс развитию реформаторского движения дал IV съезд Союза чехословацких писателей (июнь 1967 г.), на котором со вступительной речью выступил М. Кундера. Он говорил о трудной исторической судьбе чешской литературы, добившейся серьезного подъема лишь в межвоенное двадца-

тилетие, но этот подъем был прерван «сначала оккупацией, а вслед затем сталинизмом». И только последние годы вернули надежду на возрождение чешской литературы, от которого, по его мнению, возрождение чешского народа зависело напрямую: «И поэтому каждый, кто своим ханжеством, вандализмом, некультурностью, неспособностью мыслить свободно связывает ноги нашему вновь набирающему разбег культурному развитию, ставит подножку самому существованию этого народа»². Тон, заданный речью Кундеры, поддержал Павел Когоут, зачитавший полученное по частным каналам письмо Александра Солженицына Съезду советских писателей, поддержали и усилили выступления Людвика Вацулика, Вацлава Гавела и ряда других писателей. Некоторые ораторы (Иржи Гаек) пытались противопоставить преобладавшему на съезде критическому пафосу напоминание о давних социалистических традициях отечественной литературы, но собравшихся больше волновало современное положение в стране и желание добиться подлинной свободы слова. Руководству КПЧ не хватало ни сил, ни умения остановить рост оппозиционных настроений в культуре и обществе, а новое руководство Александра Дубчека, сменившего на посту главы партии Антонина Новотного в январе 1968 г., справедливо рассматривало реформаторское крыло в культуре, в среде писателей, как своих надежных союзников.

Как наиболее радикальная составляющая реформаторского движения, способная объединить массы, писатели проявили себя выпуском манифеста «Две тысячи слов» (опубликован 27 июня 1968 г. в издании «Literární listy» («Литературный журнал»). Манифест содержал призыв к народу поддержать изменение современного режима «снизу»: созданием самостоятельных органов местного управления, давлением на консерваторов и т.п., но и здесь, как практически во всех реформаторских выступлениях того времени, речь шла не о сломе социализма, а лишь о его гуманизации и демократизации. При всем том необходимо подчеркнуть, что даже в такие моменты наивысшего подъема движения Пражской весны, как сплочение народных масс вокруг манифеста «Две тысячи слов», писательское сообщество не было единым. Дело не только в том, что продолжало существовать, хотя и не проявляло себя сколько-нибудь активно, консервативное крыло писательской

организации, поддерживавшее прежнее руководство КПЧ, но единства не было и среди реформаторов. Выступавшие за демократические перемены члены руководства Союза писателей (Иржи Шотола, Ян Прохазка, Павел Когоут и другие) оставались членами КПЧ и считали себя подлинными социалистами, а в глазах Вацлава Гавела, который возглавил созданный при его самом деятельном участии беспартийный «Круг независимых писателей», они представляли, по его определению, «антидогматический истеблишмент».

«Две тысячи слов» заканчивались предсказанием: «Снова мы имеем возможность взять в наши собственные руки общее дело, которое для практических целей мы будем называть социализмом, и дать ему форму, которая будет лучше соответствовать нашей некогда хорошей репутации и относительно хорошему мнению, которое когда-то мы имели о себе. Весна уже кончилась и никогда не вернется. К зиме мы будем знать все»³. «Все узнали» даже раньше: 21 августа 1968 г. по пражским мостовым снова загрохотали советские танки, но их встречали уже совсем иначе, чем в мае 1945-го: не цветами и улыбками, а горькими протестными выкриками.

В конце бурного 1968 года у ряда реформаторов еще оставались какие-то надежды, ибо советские войска были спешно отведены из городов на заранее подготовленные отдаленные места, вроде бы все продолжало как-то работать и сохранялась свобода слова. Но все было призрачным. Это сразу осознал автор известного романа «Малодушные» (1957) Йозеф Шкворецкий, который уже в 1969 г. эмигрировал за океан и вместе со своей женой Зденой Саливаровой основал в Торонто самое крупное чешское эмигрантское издательство «Сиксти-эйт-паблишерс». А вот Кундера, исходя из своего тогдашнего мифологизированного представления о чешском народе и его истории, надеялся, что в стране еще надолго может сохраниться относительно свободное положение, которое, по его мнению, характеризовало «пражскую осень» 1968 г. В рождественском номере еженедельника «Listy» («Журнал», бывший «Literární listy»), противопоставляя чешский народ пришедшим на его земли советским войскам, он с воодушевлением писал: «Есть гордость народов, кичащихся походами своих Наполеонов и Суворовых, а есть гордость народов, которые жестоких Суво-

ровых никогда не экспортировали»⁴. Он полагал, что «пражская осень» показала несомненное достоинство высококультурного чешского народа не менее наглядно, чем Пражская весна, что чешский народ выстоял и будет держаться.

В полемику с Кундерой вступил Вацлав Гавел, который понимал иллюзорность представлений о якобы сохранявшейся свободе, он считал, что надо готовиться к длительному сопротивлению. Трезвости его взгляда на сложившуюся ситуацию способствовало и то, что в момент вторжения иностранных войск он оказался в провинциальном городе Либерец, где принял активное участие в протестной агитации по местному радио. В ответе Кундере он призывал не обольщаться воспоминаниями о славном прошлом, а готовиться к сопротивлению, к неизбежным репрессиям. Кундера воспринял позицию Гавела как бесполезный радикализм и «моральный эксгибиционизм», как желание прослыть героем, хотя ему ничто не угрожает, о чем и написал в своей новой статье. Но дальнейший спор, вступить в который стремились и другие авторы, уже не мог состояться: литературная печать была остановлена, была введена цензура. Руководителем КПЧ стал Густав Гусак. Начался период «нормализации», и все писатели, которые не согласились с новыми порядками: и Гавел, и Вацулик, и Кундера, и Когоут, и многие другие оказались «в одной лодке»: им было запрещено печататься, их книги изымались из библиотек, за ними устанавливалась слежка и т.п. Два десятилетия «нормализации» стали временем самой крупной в чешской истории литературной эмиграции, временем диссидентства, разветвленной сети «тамиздата» и «самиздата». Для потерпевших поражение реформаторов это стало временем осмысления уроков Пражской весны с её успехами и ошибками и построения проектов на будущее.

Гусаковское руководство КПЧ рассматривало писателей реформаторского крыла как своих врагов. В докладе на XIV съезде партии (май 1971 г.) Гусак следующим образом характеризовал эту ситуацию: «Хотя в прошлом принимались неплохие резолюции об идейности и партийности искусства, о его значении для идеологической борьбы, но недооценивалась реальная угроза наступления правых сил и вообще положение на культурном фронте идеализировалось. Рост несоциалистичес-

ких, мелкобуржуазных тенденций в этой области в конце концов привел в 1968 г. к серьезным злоупотреблениям искусством и культурой, к их использованию в целях захвата власти блоком ревизионистских и антисоциалистических сил»⁵. Эту оценку полностью принял созданный в 1972 г. «официальный» Союз чешских писателей. Возглавивший эту организацию Ян Козак на учредительном съезде Союза утверждал, что «в области литературы наиболее выразительно проявились оппортунистические, ревизионистские, антисоциалистические, антисоветские, контрреволюционные тенденции и силы»⁶ и что руководство прежнего Союза чехословацких писателей стремилось его превратить в «штаб», обслуживающий планы мировой буржуазии по расшатыванию социалистических государств.

Однако и в среде оппозиционных писателей высказывались критические суждения не только о советской оккупации и гусачковском режиме, но и о просчетах Пражской весны, о недостаточной продуманности действий её участников. Так, Павел Когоут в написанной вскоре после 21 августа 1968 г. мемуарной книге «Из дневника контрреволюционера» с оттенком горькой иронии говорил о тех событиях, как об особом новом чешском «жанре»: «Это восстание или эстрада?». Вацлав Гавел в «Заочном допросе» (1986) признавался, что, когда он наблюдал за внешне эффектными выступлениями «героев Января» на многолюдных собраниях, его не покидала «боязнь, что это сигнализирует о каком-то фатально опасном легкомыслии, с которым здесь делается история»⁷. М. Кундера, который теперь ощущал приход советских войск как наступление «вечной русской ночи», считал погубительной для Чехии – страны высокой западной культуры – её поглощение чуждой ей «иррациональной» русской цивилизацией. Особенно остро он писал об этом в вызвавшей широкую международную дискуссию статье «Похищение Запада или Трагедия Центральной Европы» (1984), в которой обвинил западные страны в том, что они не поняли, какой большой урон нанесло всей Европе крушение Пражской весны, что они не пришли на помощь маленькой Чехии. Подобные упреки будут повторяться и в других его эссе, и в романах.

Разногласия, существовавшие в среде оппозиционных литераторов в «золотые шестидесятые», не исчезли и в годы «нор-

мализации». При известном сотрудничестве и солидарности не было единства взглядов между писателями-эмигрантами и теми, кто остался в стране. Это убедительно изобразил Людвик Вацулик в своем, по моему мнению, лучшем произведении «Чешский сонник» – мемуарном романе, описывающем один год жизни его автора-диссидента и выпущенном в 1981 г. в самиздатовской серии Вацулика «Петлице». Устами Мадлы – жены автобиографического героя – о покинувших родину говорится: «Мне в эмигрантах не нравится то, что они считают себя более ценными людьми, чем мы, остальные. Если бы здесь была свобода, они бы не уехали. Если свобода! А если здесь братская могила – тогда что?». Вот четкая формулировка самого автора: «Первейшее право человека – свободно жить дома, а не свободно убежать». И конечный вывод: «У меня просто уже не осталось других средств борьбы, кроме как остаться здесь!».

Известна негативная реакция целого ряда представителей чешской альтернативной литературы на изображение диссидентов в романе Кундеры «Невыносимая легкость бытия» (1984). Так, видный критик Милан Юнгманн в самиздатовской статье «Кундеровские парадоксы» (1986) указывал на неточности в изображении писателем порядков периода «нормализации». Главный герой – искусный хирург Томаш не мог стать мойщиком окон, так как медицинским работникам не разрешалось самовольно переходить в другие сферы деятельности – мытье окон было уделом литераторов, журналистов, работников прочих гуманитарных профессий. Издевкой казалось критику описание в «Невыносимой легкости бытия» тяжелой работы мойщика окон как «каникул», заполненных чередой эротических приключений с клиентками. Упрекали Кундеру и в том, что он солидаризируется со своим героем, когда тот отказывается подписать письмо в защиту политзаключенных, считая это делом бесполезным и всего лишь «пиар-акцией». Но в том же романе мы находим критический выпад самого Кундеры по адресу чешских эмигрантов. Близкая автору по духу художница Сабина, живущая в Швейцарии, присутствует на собрании чешских эмигрантов, достаточно удачно устроившихся в этой благополучной стране и ведущих бесконечные споры о том, следовало ли 21 августа 1968 г. братья за оружие. Звучало мнение, что стоило. Тогда Сабина сказала: «Вот и возвращайтесь домой и

воюйте», чем вызвала всеобщее возмущение. Сам Кундера, как и его героиня, скептически относится к народным восстаниям, к участию в революционной борьбе таких далеких от реальности восторженных интеллектуалов, каким был любовник Сабины профессор Франц, погибший в результате неудавшегося похода на помощь сражающейся Камбодже.

Раздумывая о будущем своей родины, Кундера говорил в уже упомянутом выше интервью: «Моя страна – не капиталистическая, и я не думаю, что она снова захочет ею стать. На самом деле она – старая западноевропейская страна и хотела бы восстановить эту свою идентичность»⁸. Культурная принадлежность Чехии к Западу: общность культуры, общая история – для него, как мы видим, важнее политических характеристик. Здесь обнаруживается очевидная противоречивость позиции Кундеры: настаивая на неприемлемости для Чехии «русской цивилизации», он оставляет в стороне политическую сторону вопроса, отвергает не «советскую цивилизацию», как можно было бы предположить, а именно «цивилизацию русскую», воплощение духа которой он видит в том числе в творчестве Достоевского. Но при этом он высоко поднимает творчество Толстого и Чехова, то есть все-таки признает великую русскую литературу, составляющую едва ли не самую ценную часть русской культуры, основу русской цивилизации.

С 1975 г. Кундера живет во Франции, его лишили чехословацкого гражданства, но он сразу же получает гражданство Франции, преподает в здешних университетах, французские переводы его романов, начиная с расхваленной Арагоном «Шутки» (1968), печатает престижное парижское издательство «Галлимар», они переводятся на множество других языков как западных, так и восточных, имеют международный успех. Он становится одним из самых известных в мире романистов, о нем пишут научные монографии, проводят конференции, спорят⁹, но в его художественных произведениях и теоретических эссе, написанных с блеском и тонким юмором, постоянно ощущается некоторая разочарованность и горечь, хотя он продолжает верить в исследующую человеческую экзистенцию силу романа, «достойного этого имени».

Вацлав Гавел имел возможность эмигрировать, но остался на родине, одно время был подсобным рабочим на пивоварен-

ном заводе недалеко от своей дачи в Градечке, сразу же включился в диссидентское движение, выдвинулся в число его лидеров, был одним из инициаторов знаменитой антигусаковской Хартии 77, отсидел по тюрьмам и лагерям почти пять лет, часто на тяжелой работе, но не оставлял и литературное дело. В годы «нормализации» он создал самиздатовскую серию «Эдице Экспедице», писал пьесы для «домашнего театра», в подпольной печати выступал против гусаковского режима. Вскоре после разгрома Пражской весны он попытался в драматургической форме проанализировать причины такого конца в пьесе «Заговорщики» (в 1972 г. издана в немецком переводе, в 1977 г. – по-чешски за рубежом). Герои пьесы, добившиеся власти в стране посредством заговора, не умеют ею распорядиться и, в конце концов, снова приглашают диктатора. Гавел считал впоследствии эту пьесу слабой, но примечательно само по себе его стремление к анализу всего произошедшего.

В ситуации «нормализованной» страны пьесы Гавела могли ставиться только в так называемых «домашних театрах» – тайно, знакомыми актерами и режиссерами. И тем не менее, достаточно широкий резонанс получили его одноактные пьесы «ваньковского цикла» (по имени главного героя) о жизни интеллектуалов-диссидентов («Аудиенция», 1975; «Вернисаж», 1975; «Протест», 1978). Показательно, что в этих «актовках», как и в большой пьесе «Largo desolato» («Скорбное ларго», 1985), также посвященной трудному существованию диссидента-интеллектуала в условиях «нормализации», он воздерживается от всякой героизации своих не принимавших той действительности персонажей, не скупится не только на юмористические оттенки, но и на иронию. Так, протагонист «Largo desolato» доктор философии Копршива резко критикует гусаковские порядки и сам любит свою смелость, упивается восторгом своих почитателей и возлюбленных и настолько устает от такой жизни, что готов спрятаться от всего своего окружения даже в тюрьму.

Если в драматургии Гавел, как и прежде, использовал самые разные художественные ходы (приемы театра абсурда, комизм ситуаций, игру словами и фразами и т.п.), то его публицистические выступления отличала отточенность и выверенность однозначных формулировок. Так, в открытом письме Гусаку

от 8 апреля 1975 г. он вскрывает огромный вред, наносимый стране и народу политикой этого президента: «Сейчас вы избрали путь, самый удобный для себя и самый опасный для общества – путь кажущегося внешнего благополучия за счет внутреннего упадка, путь роста энтропии за счет умерщвления жизни, *путь простой защиты своей власти ценой углубления духовного и морального кризиса общества и систематического унижения человеческого достоинства* (курсив в оригинале. – С.Ш.)»¹⁰.

Кундера еще осенью 1968 года надеялся, что в его стране могут сохраниться демократические порядки, «социализм с человеческим лицом», и изменил свои взгляды только после наступления периода гусаковской «нормализации». Гавел же не питал подобных иллюзий, ясно выразив это уже в полемике с Кундерой, где четко определил свой проект будущего: он хотел, чтобы его родина стала «нормальной западноевропейской страной», какой была после 1918 г. Можно сказать, что Кундера, настаивая в своих статьях периода «нормализации» на принадлежности Чехии к Западной Европе, в видении будущего своей родины практически совпадает с Гавелом, если отвлечься от некоторых терминологических различий. Большинство представителей чешской альтернативной литературы разделяло подобные взгляды, имевшие очевидную политическую окраску. Относительно будущего чешской литературы в альтернативной культурной среде возродились давние иллюзии: вместе с победой демократии и свободы вообще исчезнет потребность в идеологической направленности искусства, которое сосредоточится исключительно на эстетических задачах, что приведет к его расцвету.

В ноябре 1989 г. победила «бархатная» революция, принесшая чешской литературе реальную свободу слова и открывшая новый период в ее развитии, главной особенностью которого стала давно вождеденная художественная вседозволенность, наиболее ярко проявившаяся в постмодернизме. Ведущий представитель и пропагандист чешского постмодернизма, вышедший из диссидентской среды, автор многих романов Иржи Кратохвил писал об этом направлении: «Это литература, которая презирует любую идеологию, любую миссию и служение нации либо кому бы то ни было»¹¹. Однако очень скоро стало

очевидно, что якобы благотворное для художественного совершенства произведения искусства освобождение от идеологии было очередной иллюзией. Дело не только в том, что не произошло массового появления эстетических шедевров. Оказалось, что совсем «очистить от идеологии» не получается даже в отношении постмодернизма.

Возвещали освобождение от идеологии, но она обнаруживается во всех интересных современных произведениях. Так, Кундера постоянно выступал против присутствия идеологии в романе, утверждал, что она препятствует выполнению его основной функции – исследованию человеческой экзистенции. Но в его написанном через десяток лет после «бархатной» революции романе «Неведение» (2000), посвященном изображенной в критическом ключе посленоябрьской Чехии, затрагиваются вопросы о капитализме и коммунизме. В последнем же его романе «Торжество незначительности» (2013) писатель впервые в своем творчестве выводит на сцену советских вождей и самого Сталина – в комическом ракурсе, но при наличии серьезного подтекста. В последней пьесе Гавела «Как уходят» (2007), в которой изображен уход в отставку главы какого-то современного государства и приход на его место нового правителя, соединены комедийность и острая критика, дается своего рода анализ отношений государства и человека в современном мире.

Не свободен от идеологии и чешский постмодернизм. Даже книги его самого ревностного глашатая – Иржи Кратохвила не «очищены» не только от идеологических, но и от откровенно политических, пусть и мифологизированных, образов и сюжетов. Достаточно назвать его «Бессмертную историю» (1997), повествующую о жизни нестареющей Сони Троцкой – дочери «сына православного попа» Льва Троцкого на фоне мировой истории XX века. Фантастика переплетена здесь со странными рассуждениями на серьезные политические темы. Вот русский священник-миссионер Никон разговаривает с Соней: «Ведь написано, что два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать. Нет, нет, милая Соня, это уже давно не так. Будет ровно столько Римов, сколько нам потребуется. Нужно все время начинать снова. Москва еще долго будет очень плохим местом. Православная церковь сейчас там вся нашпигована привер-

женцами Папы, кальвинистами, лютеранами, иудеями, мусульманами и буддистами. Москва уже давно не святой Рим. Все время нужно начинать снова!».

Надежды на расцвет чешской литературы после ее освобождения от пут идеологии и партийно-государственного диктата в очередной раз не оправдались. Но появляются новые имена, новые произведения, подчас идут жаркие споры в критике: споры о литературе по-прежнему сплетаются со спорами о будущем страны, и опыт недавнего драматического прошлого в них должен быть учтен.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Critical Essays on Milan Kundera. Ed. P. Petro. New York, 1999. P. 34.

² IV sjezd Svazu československých spisovatelů. Praha, 1968. S. 28.

³ Цит. по: Хранить вечно // Независимая газета. 1998. 3.VIII. Приложение. С. 9.

⁴ Svědectví. 1990. № 89–90. S. 359.

⁵ KSČ a kultura. Sborník dokumentů, projevů a článků ke kulturní politice KSČ. Díl III. 1960–1971. Praha, 1973. S. 239–240.

⁶ Sjezd Svazu českých spisovatelů. 31 května – 1 června 1972. Praha, 1972. S. 7.

⁷ Havel V. Dálkový výslech. Praha, 1989. S. 88.

⁸ Critical Essays on Milan Kundera... P. 35.

⁹ Среди других полемик с Кундерой надо специально отметить статью Иосифа Бродского «Почему Милан Кундера не прав в отношении Достоевского», опубликованную в феврале 1985 г. в «Нью-Йорк таймс бук ревью», в которой русский поэт и будущий лауреат Нобелевской премии убедительно показывает, что негативные оценки Кундерой «русской цивилизации» объясняются идеологическими причинами.

¹⁰ Havel V. O lidskou identitu. Praha, 1990. S. 49.

¹¹ Kratochvil J. Příběhy příběhů. Brno, 1995. S. 84.

Л.Ф. Широкова (Россия)

«Культура как общение». Концепция развития общества в творчестве Д. Татарки

В творчестве Доминика Татарки, видного словацкого писателя, публициста и диссидента отразились основные этапы развития словацкого общества, культуры и литературы с начала 1940-х по конец 1980-х гг. В своих книгах он выражал протест против «ночи» в том или ином ее проявлении – будь то война, дегуманизация, отчуждение, тоталитаризм. В то же время писатель в публицистике высказывал и свои позитивные представления о развитии общества, сформулировал концепцию культуры как объединяющей силы, основы существования и исторического самосознания нации.

Ключевые слова: словацкое общество, писатель-диссидент, публицистика, концепция культуры, историческое самосознание.

Доминик Татарка (1913–1989) – словацкий писатель, публицист, а в 1970-е – 1980-е гг. – известный и самый последовательный диссидент. В своем литературном творчестве он прошел этапы, весьма различные, а во многом и противоречивые по идейному содержанию и стилистике. Его творчество развивалось на протяжении более сорока лет, отражая драматические повороты судеб страны и ее гражданина. Перу Д. Татарки принадлежат книги разных жанров и направлений. Это и экзистенциалистские или сюрреалистические новеллы («В тоске поисков», 1942; «Панна волшебница», 1944), и социально-психологический роман («Приходская республика», 1948), и «производственный» или «колхозный» роман в духе социалистического реализма («Дружные годы», «Свадебный пирог»,

1954). В 1960-е гг. он отходит от коммунистических идей в их реальном воплощении и становится активным участником движения Пражской весны. В совокупности его произведения представляют цельную картину интеллектуальных поисков словацкого писателя в XX веке. «Я писал искренне, – признавался он позднее, – руководствуясь своими убеждениями и собственным опытом».

Уже в первых произведениях («В тоске поисков», 1942 и др.) он обозначил свою обеспокоенность состоянием окружающего мира, атмосферой в Словакии, грозившей распадом личности и межличностных отношений. Сюрреалистическая по своему настроению и поэтике новелла «Панна Волшебница» несла в себе идею единения близких по духу людей на основе любви и творчества. Именно в ней впервые прозвучала тема «один против ночи», ставшая впоследствии метафорой жизни и творчества писателя в годы «нормализации», после подавления реформаторского движения в Чехословакии в 1968 г., когда его произведения были под запретом. Примечательно, что одна из книг Д. Татарки, опубликованных в это время диссидентским издательством за рубежом, получила название «Один против ночи» (Мюнхен, 1984), и в ее тексте также дословно повторяются эти слова.

«Один против ночи» – это и циклический мотив многих произведений Татарки, и трактовка центрального героя, одиночки, противостоящего «ночи». По сути, Татарка в своих книгах так или иначе выражал протест против «ночи» в том или ином ее проявлении – будь то война, дегуманизация, или отчуждение, тоталитаризм, крушение надежд, смерть. Так, в романе «Приходская республика» (1948) «ночь» – это деструктивная реальность фашизма, которой пытается противостоять близкий автору персонаж – учитель Томаш Менкина.

Памфлет «Демон согласия» (1956), появившийся на волне «оттепели», содержит уже прямую, исполненную сарказма критику темной стороны, «ночи» несвободы и тоталитаризма. Художественная форма этого произведения условна, близка с фантазмагории, и автор в своем обличительном пафосе также почти сливается с героем-повествователем.

Особенно драматичным для писателя стал рубеж 1968 г. Он, верный своим убеждениям, активно протестовал в август-

те против войск на улицах Братиславы, за что был на долгие годы исключен из литературной и общественной жизни, лишился членства в Союзе писателей, до конца жизни не имел права публиковать свои произведения в официальной печати. Татарка сознательно и демонстративно вышел из компартии, которая, по его убеждению, была повинна в том, что «не защитила Республику». Позднее он первым из немногих словацких писателей поставил свою подпись под Хартией 77, после чего репрессии против него еще более усилились. Лишь некоторые работы ему удалось напечатать в эмигрантских издательствах, в самиздате.

В воспоминаниях о Татарке «Еще немного побыть с вами» (1994) приводятся слова писателя об атмосфере в период «нормализации»: «Я подписал Хартию, и все меня осудили, писатели, художники, артисты, хотя ни один из них Хартию не читал. Абсурдная, абсолютно абсурдная послушность... Наша культура теперь только в фольклоре. Прага стала провинциальным городом. Нет прежних кафе художников, всё попряталось по домам»¹. В позиции активного диссидента выразилась (возможно, в последний раз публично, с общественным резонансом) его позиция бунтаря-трибуна, для которого было необходимо непосредственное обращение к аудитории. С этим связаны и повторяющиеся мотивы и сцены в его поздних произведениях, в частности – выступление перед студентами возле университета в августе 1968 г. («Меня... подняла на руки молодежь: “Выступи, выступи...” Я говорил о свободе, о культуре...»²). Утрата возможности активного самовыражения стала одной из причин изменения его творческого стиля. Часть своих работ, созданных после 1968 г., Татарке удалось опубликовать в самиздате или в чешских эмигрантских издательствах; последние вышли уже после его смерти: «В непогоду» (1978), «Записки» (1984), «Один против ночи» (1984), «Письма в вечность» (1988), «Магнитофонные записи» (1988), «Магнитофонные записи с Домиником Татаркой» (2000), «Записки для возлюбленной Лютеции» (2013).

Вместе с тем, борьба с «силами тьмы» носит у Татарки не только критический характер. В художественных произведениях и в публицистике писателя выражены и его позитивные представления, «созидательная программа». Значительное

место в творчестве Татарки занимает эссеистика. Статьи писателя появлялись в 1950–1960-е гг. на страницах словацкой периодики; избранные, наиболее значимые его работы из числа журнальных публикаций были изданы затем в сборниках «Против демонов» (1968) и «Культура как общение» (1998, уже после «нежной» революции).

К концу 1960-х гг. у Татарки сложилась своеобразная концепция культуры как объединяющей силы, основы существования нации, изложенная в ряде статей и эссе, большинство которых было опубликовано в журнале «Kultúrny život» («Культурная жизнь») – флагмане либерально-демократической печати времен Чехословацкой весны. Это такие работы, как «Культура как общение», «Сознание культуры», «Разговоры о культуре», «О культуре и власти», «Писатель и общество» и др. Параллельно и в переплетении с ней Татарка формулирует концепцию общества как «Божьей общины», высказывает свое представление о дальнейшем пути развития нации, начатом реформами 1968 г. Его идеи и размышления проникнуты духом «реформаторства», гуманизма, обращены к человеческой личности.

В статье «Культура как общение» с подзаголовком «Размышления о движении нации» Татарка в присущей ему образной форме излагает свои представления о роли и месте культуры в современном мире. Он вспоминает несколько ярких, переломных эпизодов из собственной жизни, навсегда запечатлевшихся в его сознании и связанных с эстетическим переживанием. Это и сильное впечатление от спектакля, сыгранного гениальным, по мнению писателя, актером Цтибором Филчиком, и неожиданная ассоциация с поэзией, возникшая у него в трагический момент войны, во время расстрела немцами его партизанской группы (он увидел тогда скульптурку святого и вспомнил поэтический сборник Л. Новомеского «Святой за деревней»), а уже в мирное время, слушая песню «Соловьи», вспомнил замерзшего на посту в горах молодого партизана. Продолжая свои рассуждения, он проводит обратную параллель событиями начала 1968 г. в ЧССР: Партийный руководитель страны, А. Новотный, олицетворял собой, по его убеждению, антикультуру нации, ложь о ее истории, и его уход писатель воспринимает как «очищение», «реабилитацию»,

«обновление смысла жизни». Одним из «возможных смыслов жизни» (не единиц, для которых смыслом может быть слава, власть, деньги, а каждого человека) он считает культуру. «Жизнь должна иметь смысл общий, доступный каждому», и именно культура в широком смысле слова является «для человека и человеческого сообщества родной стихией»³.

В послевоенные десятилетия правления компартии «культурный уровень нации измерялся масштабами массового потребления культуры, книг и фильмов, “посещаемости” музеев, театров» и проч., и понятие «культура» сводилось только к понятию «искусство», причем в доступной народу форме. Поддерживать и направлять производство новых его образцов стало одной из основных «функций секретарей по идеологии и целого штата специалистов». На самом же деле, как считал Татарка, культура намного шире – это не только материальное, но и духовное понятие. «Культура – это сознание и совесть отдельного человека и сообщества – рода, племени, нации, всего человечества»⁴, – утверждал он.

«Самыми великолепными культурными феноменами человечества» называет он восстания и революции как высшее проявление общественной, объединяющей культуры. Революцией он считал и Пражскую весну, и в духе гуманистических идей социализма с человеческим лицом указывает на главный и необходимый принцип «социалистической культуры»: в ее основе должно быть «право и свобода слова, высказывания, свободного общения», которое (на бумаге) гарантировано конституцией, а на деле ограничивается всеми возможными способами.

Важнейшая функция культуры, по убеждению Татарки – объединяющая, способствующая общению и взаимопониманию людей. «Культура для нас, – пишет он, – это общение. Это разговор. Это понимание друг друга. Это сумма поступков. Это жизнь нации. Это совокупность всех ее проявлений. (...) В основании национальной культуры лежит культура единения, культура общественная, первое проявление которой – собрание людей, общества». Писатель указывает на конкретную задачу, стоящую перед обществом: «Необходимо возрождать в нас самих и в молодом поколении осознание целостности

национальной культуры. В культуре самовыражается не только художник. В ней выражает себя народ как целое»⁵.

В своих эссе Д. Татарка поднимает еще одну важную проблему – проблему исторической памяти, корней и традиций национальной культуры, словацкого самосознания. В статье «Сознание культуры» с красноречивым эпиграфом «Боже, сколько в нас холопства!» он пишет о культуре в гуманистическом смысле слова, как о «внутреннем пространстве каждого из нас, пространстве свободы. Культура широка, как жизнь. Культура глубока, как история»⁶. Один из важнейших аспектов этого широкого явления – материальная культура нации, уходящая корнями в далекое прошлое; писатель, основываясь на открытиях археологов, отвергает представление о словаках как об «исторически молодой или неисторической нации». Его картина словацкого мира исполнена эмоциональности и художественной образности: «Дуга Карпат, защищаемая с севера, была с незапамятных времен бесконечно дорогой родиной, тихим надежным прибежищем, хранимым самой природой местом обитания многих народов. (...) И какой же народ здесь “неисторический”? Эту землю под Татрами мы покрывали и покрываем мощным слоем культуры, костями и кровью своих предков»⁷.

Пишет Д. Татарка и о культуре послевоенной Словакии, попавшей в идеологические тиски в «период репрессий» или, по его определению, в «пору национального угнетения» конца 1940–1950-х гг., когда освобожденная республика сразу же оказалась в ведении пресловутых «секретарей по идеологии», когда была установлена система жесткой субординации, взят курс на «культурную революцию». В этих условиях «словацкому народу следовало отказаться от исторического осознания своей самобытности, стать частью чехословацкого народа», надеть чужую идеологическую «униформу». Период репрессий стал «периодом неслыханного варварства» и привел, по убеждению Татарки, к «обесцениванию культурного и природного достояния» словаков.

В противовес этому, как перспективу развития общества в начале Пражской весны, Татарка определяет контуры и содержание национальной культуры в личностном, гуманистическом выражении: «Материальная культура коренится в по-

читании предков, сохранении традиций, обычаев, песен». Для словаков такими предками, отцами нации он считает деятелей национального возрождения – Людовита Штура, Йозефа Милослава Гурбана, Янко Краля. Татарка, будучи чехословацким патриотом, истинным ценителем чешской культуры, видел будущее в совместном государстве. При этом он считал важным осознание «культуры как общения, как словесного и материального выражения отношения человека к человеку, нации к нации», «взаимного уважения в духе свободы и правды, осознания нашей общей судьбы»⁸.

На пике Пражской весны, в мае 1968 г., Татарка публикует статью «Община божья – община человеческая», в которой продолжает развивать свою идею культуры как фактора, объединяющего людей и народы. «Божья община» в его понимании – это не христианская утопия, не некая неосуществимая мечта, а уже существующая или достижимая реальность.

Татарка для большей яркости и убедительности приводит примеры из собственного опыта, когда ему довелось увидеть несколько образцов таких сообществ, объединенных общей идеей, одним бескорыстным интересом. «Я уже не раз, – пишет он, – бывал в общинах честных, справедливых, самоотверженных людей – в довоенных организациях коммунистической молодежи, в свободных сельскохозяйственных кооперативах, в сектах»⁹. И далее Татарка описывает сцену собрания религиозной секты в г. Мартин накануне Словацкого национального восстания 1944 г. Его, молодого преподавателя гимназии, пригласили на него родители учеников. «Старейшина общины, – вспоминает он, – приветствовал меня как брата Доминика, усадил в центре стола, накрытого белоснежной скатертью». Целью собрания была встреча с «сестрой Павлинкой, которая пришла... из моравской Остравы, чтобы поведать свое послание, свое видение... Иисуса Христа, идущего по зеленому полю, залитому человеческой кровью», символизирующее скорый конец войны. Затем следовало общее ритуальное причастие из пущенного по кругу кувшина с водой, после чего старейшина общины поблагодарил каждого из собравшихся «по духу и по правде... Все пожали друг другу руки. Так закончился этот простой и возвышенный обряд»¹⁰, о котором писатель, по его признанию, всегда вспоминал с теплотой и благодарностью.

Полная противоположность такого рода общины в представлении Татарки – это пассивная масса в тоталитарном государстве: «Церковно-военная организация государственной власти породила свой идеал положительного героя, философию своего режима. Удел остальных, то есть неорганизованных, неположительных, неамбициозных – быть лишь массой, ведомой и управляемой».

Татарка смотрит на эту проблему с гуманистических позиций, вновь намечая пути развития общества по курсу Пражской весны: «Община божья – это община человеческая, она могла бы стать сегодня живым организмом, состоящим из общественных ячеек свободных граждан, выражением их исторического сознания, их гуманистических, национальных и общечеловеческих устремлений». Он видит возможность существования такого организма в обновленной стране – это «Республика как божья община, как союз божьих общин, в которой верховная власть должна быть действительно избранной».

Несмотря на оговорки, Татарка все же затрагивает и важный для Словакии вопрос о католической церкви. Он приводит в качестве примера излишней «гибкости» лояльность к властям официального ее руководства. Иное дело – словацкие католики, которые «как нам известно, не настолько пассивны, чтобы безоговорочно признавать любую власть... они, безусловно, хотят такую власть, которая гарантировала бы им возможность реализовать себя, строить социализм в соответствии с нравственными нормами и представлениями христианства». И задает риторический вопрос: «Грозит ли нам возрождение религиозного христианского чувства? И разве была бы в том угроза социализму в республике?»¹¹.

Впоследствии, в годы нормализации Татарка по-новому взглянул на свою идею «Божьей общины» времен Пражской весны. В книге «Один против ночи» (1984) он признает, что она все-таки была, пусть неосознанно, «навеевна католической формацией духа, воспитанием чувств в детстве, наследием, полученным от матери... В пору Пражской весны я мечтал и писал, находя большой отклик, о божьей общине, о Республике как общине общин, об общении, сотрудничестве... свободном бескорыстном обмене предметами, идеями, творчеством»¹².

Гражданская и писательская позиция Татарки на протяжении почти всей его творческой биографии не совпадала с официальной идеологической линией той или иной власти, но при этом находилась в созвучии с состоянием и проблемами словацкого общества и человека. Нередко критикуемый за инакомыслие, писатель упорно шел своим путем, не отказываясь от собственного оригинального стиля и страстно-эмоционального отношения к жизни. Недаром по отношению к нему высказывались такие метафорические характеристики, как «представитель культуры сердца» (Милан Гамада), «словацкий Донкихот» (Мария Баторова), «демон согласия и несогласия», «демон пафоса» (Валер Микула). Альберт Маренчин писал о Татарке: «Он бунтовал во имя человека и гуманизма, во имя своей веры в человека и его миссию. Он был глубоко верующим – не в религиозном, а в гуманистическом смысле, и вера его концентрировалась на одном – его представлении о свободном обществе свободных людей, которому он дал имя “Божья община”»¹³.

Словацкая исследовательница М. Баторова, автор монографии о Д. Татарке, подчеркивает его роль в поиске обществом новых идейных ориентиров: «Культура стала в конце 1960-х гг. для государств Восточного блока тем местом, где формировалась новая гражданская идентичность. Вызовом для властей... стали стратегии, разрабатываемые в противовес системе независимыми сообществами... В Словакии заслуга в смене парадигм принадлежит, в том числе, и Доминику Татарке»¹⁴.

Д. Татарка создал за годы своей писательской деятельности большое число произведений в жанрах художественной прозы, публицистики и эссеистики. Его роль и место в словацкой литературе и культуре XX века заметны и неоспоримы, но не менее велико и его значение как авторитетного деятеля диссидентского движения, которое во многом подготовило демократические перемены «нежной» революции 1989 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ešte s vami pobudnúť. Spomínanie na Dominika Tatarku. Bratislava, 1994. S. 122.

² Tatarka D. Sám proti noci. München. 1984. S. 68.

- ³ Tatarka D. Kultúra ako obcovanie // Kultúrny život. 1968. № 31. S. 6.
- ⁴ Ibid. S. 8.
- ⁵ Ibid. S. 6.
- ⁶ Tatarka D. Kultúra ako obcovanie. Bratislava, 1998. S. 65.
- ⁷ Ibid. S. 66.
- ⁸ Ibid. S. 70.
- ⁹ Ibid. S. 144.
- ¹⁰ Ibid. S. 145.
- ¹¹ Ibid. S. 147.
- ¹² Tatarka D. Sám proti noci... S. 42.
- ¹³ Ešte s vami pobudnúť... S. 66.
- ¹⁴ Bátorová M. Dominik Tatarka slovenský Don Quijote. Bratislava, 2012. S. 97.

А. Шереш (Венгрия)

Диссидентская оппозиция коммунистической власти: на улице и в павильонах киностудий. Венгрия 1970-х гг. глазами советского кинорежиссера

Публикуется текст отчета известного советского кинорежиссера Г. Н. Чухрая Правлению Союза кинематографистов СССР о его творческой командировке в Венгрию в 1973 г. – документа, найденного в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Советский кинематографист находился на венгерской земле в исторический момент, вскоре после массовых волнений студенчества и столкновений его с полицией 15 марта 1973 г. Массовые демонстрации против властей были вызваны провалом общественно-экономических реформ, провозглашенных Венгерской социалистической рабочей партией в 1968 г., что связывалось с усилением внутривластной контрреформаторской оппозиции. Недовольство прекращением реформаторского курса нашло выражение в разных областях художественного творчества, в том числе и в киноискусстве. Во время пребывания Г.Н. Чухрая в Венгрии на закрытом показе ему был представлен фильм «Петефи 73», отразивший настроение венгерского студенчества.

Ключевые слова: Венгрия, кадаровская эпоха, внутривластная оппозиция, реформаторский курс, художественное творчество.

Вниманию читателя предлагается ценный документальный источник, обнаруженный автором статьи в ходе исследовательской работы в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) – отчет известного советского кинорежиссера Григория Наумовича Чухрая (1921–2001) о двухнедельной командировке в Венгрию весной 1973 г. во главе делегации советских кинематографистов¹.

Г.Н. Чухрай бывал на венгерской земле неоднократно, первый раз – в рядах одной из дивизий III Украинского фронта Красной Армии, в одном из боев он получил ранение и попал в госпиталь. Через три десятилетия, в 1975 г., он был приглашен в Венгрию редакцией журнала «Ország-Világ» («Страна и мир»), чтобы поделиться воспоминаниями о боевых действиях на венгерской территории. В РГАНИ сохранился отчет и об этой его поездке в Венгерскую Народную Республику². В этом документе Г. Чухрай упоминает и о своем пребывании в Венгрии в 1963 г. на торжественном показе созданного им знаменитого фильма «Баллада о солдате» в г. Кечкемете³. Правда, какие-либо отчеты и докладные записки о той его поездке не были найдены нами ни в РГАНИ, ни в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), где хранится архивный фонд Союза кинематографистов (СК) СССР за этот период⁴. Что же касается командировок 1973 и 1975 гг., правление СК СССР, которому были адресованы отчёты Г. Чухрая, в обоих случаях сочло целесообразным переправить их в Отдел культуры ЦК КПСС для информирования ответственных работников аппарата ЦК. Это вполне понятно, поскольку в этих документах речь шла не только об узко профессиональных проблемах, интересующих лишь кинематографистов, но затрагивались те или иные феномены общественной жизни ВНР.

Ознакомившись с публикуемым ниже документом, российские читатели могут сами прийти к выводу о том, что весной 1973 г. делегация советских кинематографистов во главе с Г.Н. Чухраем приехала в Венгрию в непривычно острый для апогея кадаровской эпохи момент. За несколько дней до ее прибытия по стране прошла целая волна молодежных демонстраций и прочих протестных акций. Едва не выйдя из-под контроля властей, эти события наглядно показали всему миру (в том числе и склонным к этому времени идеализировать кадаровский режим западным леволлиберальным политикам), что политическая и общественная консолидация в стране после подавления революции 1956 г. была далеко не столь успешной и всеобъемлющей, как это пыталось вопреки истине изобразить венгерское партийно-государственное руководство.

Главные столкновения между группами молодежи и частями полиции произошли на улицах Будапешта 15 марта

1973 г., что не удивительно. В 1950–1980-е гг. 15 марта – день начала великого события венгерской национальной истории, революции 1848 г., не был официальным государственным праздником и выходным днем. Правда, отмечать это событие разрешалось, но только по определенному, хорошо проработанному сценарию, написанному в кабинетах партийных функционеров. Нужно отметить, что великая национальная революция хотя и считалась идеологами режима значительным явлением венгерской истории, однако ее наследие надо было во что бы то ни стало уберечь от любого рода оппозиционеров, способных воспринять опыт 1848 г. как руководство к действию (именно так произошло, как известно, осенью 1956 г., когда события 1848 г., жившие в исторической памяти венгерской нации, проявились в многообразной революционной символике – митинги у памятников Шандору Петефи и генералу Юзефу Бему, программный документ «16 пунктов», вызывавший у миллионов венгров ассоциации с программными «12 пунктами» марта 1848 г.). Но следовать предписанному сценарию не удалось ни в 1971, ни в 1972 гг. Дело не ограничилось официозными действиями в местах, связанных с важнейшими событиями революции 1848 г., речами партийных чиновников и театрализованными реконструкциями с помехиванием приведенных по разнарядке зрителей (главным образом, студентов) красными флажками. Массовые торжества давали повод для несанкционированных демонстраций явно оппозиционной направленности, угрожавших выходом из-под контроля властей. Так, в 1972 г. при разгоне молодежной демонстрации было доставлено в отделения милиции 88 чел. Через год, 15 марта 1973 г., оппозиционное выступление приобрело еще больший размах. На этот раз (впервые после 1956 г.) присланные отряды милиции оказались не способны удержать толпы недовольных, пришлось срочно мобилизовывать «народных дружинников» – так называемую «рабочую гвардию», находившуюся в ведении партаппарата, и так называемую «Молодую гвардию» Союза молодых коммунистов Венгрии⁵. Убитых не было, однако многих участников столкновений жестоко избили, некоторые не избежали ранений. Всего были, по некоторым данным, задержаны и подверглись судебным и административным преследованиям различной

строгости 634 чел., около 300 из них – в возрасте от 15 до 20 лет⁶.

Понятны в этой связи не только озабоченность посла СССР в ВНР В.Я. Павлова и его предостережения на встрече с советскими кинематографистами, но и известная напряженность в венгерских общественных кругах (наряду со страхом перед преследованиями⁷), проявившаяся и в ходе контактов венгерских деятелей кино с советскими коллегами – в сдержанности при общении, а иной раз и в открытой критике. При этом надо иметь в виду, что между советскими и венгерскими кинематографистами с 1960-х гг. сложились очень плодотворные творческие, партнерские и даже неформальные человеческие, дружеские отношения, поэтому возникшее отчуждение и определенная неуравновешенность некоторых людей в ходе контактов объяснима, в первую очередь, грузом исторической памяти о событиях 1956 г., опасениями их повторения.

Более подробное освещение исторического фона молодежных волнений начала 1970-х гг. выходит за рамки данной вводной статьи. Следует в то же время отметить влияние на них внешних факторов – на поведении венгерской молодежи и ее настроениях в той или иной мере сказались опыт и идеология левых протестных движений 1968 г., охвативших развитые европейские страны. Свежи были в памяти и воспоминания о реформаторских устремлениях Пражской весны, в удушении которой вместе с СССР и рядом ее союзников приняла участие и кадаровская Венгрия. Не менее значим был, конечно, внутривосточный аспект. К концу 1972 г. была фактически свернута экономическая реформа, начатая 1 января 1968 г. Реформаторские планы, нацеленные на создание так называемой «социалистической рыночной экономики», предполагали не только децентрализацию механизма управления экономикой, активизацию наряду с государственным сектором кооперативного производства и (в определенных рамках) частного бизнеса, но и создание более благоприятного общественного климата в стране, постепенную демократизацию общественной жизни. Однако в ноябре 1972 г. под нажимом собственной внутривластной контрреформаторской оппозиции и в условиях постоянного давления советского руководства, опасавшегося выхода событий из-под партийного

контроля, ЦК ВСРП принял решения, по сути означавшие приостановку реформы. Последующий период называли в общественных кругах Венгрии временем «застоя», шанс демократизации страны был упущен⁸.

Отчет Г. Чухрая представляет интерес не только как свидетельство человека, побывавшего в Венгрии в один из поворотных моментов ее послевоенной истории, но и содержащимся в нем эстетическим анализом венгерских фильмов, тем более ценным, что принадлежит перу большого мастера кино. Выдающийся советский кинорежиссер, конечно же, не мог глубоко знать венгерских реалий. Он откровенно признался в своем отчете, что не до конца понимал некоторые феномены венгерской действительности, нашедшие отражение в просмотренных им фильмах, и связанные с ними реминисценции. Не знал он (как и другие члены советской делегации) и о том, что примерно треть объема фильма «Петефи 73» пришлось вырезать – цензоры, представлявшие официальную культурную политику, не позволили появиться на экране диалогам о свободе печати и цензуре (об этом вспоминала позже, в частности, вдова Ференца Кардоша, режиссера фильма⁹). Вместе с тем Чухрай тонко почувствовал преломление в увиденных фильмах общественных настроений времени. О корреляции между миром реальным и миром кино особенно можно говорить применительно к фильму «Петефи 73»: события, только что (15 марта 1973 г.), происходившие на улицах Будапешта, в своеобразной художественной форме запечатлелись и на экране перед глазами советских кинодеятелей. Сделанный в 1972 г. и впервые показанный на экране перед широкой публикой, причем с огромным успехом, в январе 1973 г. в кинотеатре «Сикра», фильм в определенной мере предвосхитил бурные мартовские события и, более того, придал новые идейно-эмоциональные импульсы венгерскому молодежному протестному движению, проявившиеся в мартовских волнениях¹⁰.

Идея фильма, не оставившая равнодушным молодого венгерского зрителя, была ясна: монополизировав в интересах собственной легитимации наследие революции, правящая элита отчуждает его от новых поколений, но до конца это сделать не удастся. В поисках истины и смысла существования молодежь, не склонная к конформизму, решительно заявляет свое право

на наследие великой национальной революции, бросая вызов коммунистическим властям на их же идеологическом поле¹¹.

Приложение

Отчет Г.Н. Чухрая

Правлению Союза кинематографистов СССР
о творческой командировке в Венгрию
с 25 марта по 6 апреля 1973 г.

Москва

без даты¹².

ОТЧЕТ

о поездке советских кинематографистов
для участия в советско-венгерском симпозиуме
художественных фильмов

С 25 марта по 6 апреля делегация советских кинематографистов в составе: Г. Чухрай (руководитель делегации), режиссеры Даниил Храбровицкий, Равиль Батыров, Геннадий Базаров, режиссер Центрального телевидения Ирина Селезнева, оператор Вадим Юсов, критик Юрий Ханютин¹³ – находились в Венгрии в связи с очередным Венгерско-Советским Симпозиумом. Чухрай и Батыров приехали в Будапешт из Рима на день раньше. В этот же день мне (Чухраю) было предложено ознакомиться с проектом программы нашего пребывания в Венгрии. Проект меня несколько удивил, в связи с тем, что очень мало времени уделялось на самом симпозиуме обсуждению просмотренных фильмов. Вечером на следующий день я встретился с товарищем Дьердьем Ацелом – секретарем Центрального комитета по идеологии¹⁴, – с которым имел продолжительную беседу, однако эта беседа касалась больше вопросов его выступления на открытой дискуссии с одним из французских антисоциалистов, чем вопросов кино. Потом я попросил аудиенции у посла В.Я. Павлова¹⁵. Посол ясно объяснил мне сложившуюся ситуацию.

Дело в том, что в дни Петефи (это было 13 марта – по-моему)¹⁶ в Будапеште было беспокойно, у памятника Петефи произошло столкновение студентов и школьников с полицией. Посол высказал пожелание, чтобы мы учитывали эту обстановку, при которой каждое критическое замечание в наш адрес со стороны венгров может некоторыми элементами раздуться,

а наша резкая критика в атмосфере повышенной нервозности тоже может восприниматься как поучение или осуществление какого-то нажима на венгерских товарищей. В этой ситуации посол порекомендовал мне не возражать против проведения дискуссии в один день. Посол рекомендовал быть мягким и тактичным по отношению к венграм.

В соответствии с планом, мы за первые дни пребывания в Будапеште просмотрели шесть художественных фильмов последнего времени: «Петефи 73» (режиссер Ференц Кардош¹⁷), «На венгерском паре» или «На венгерской целине» (режиссер Андраш Ковач¹⁸), «Путешествие с Якобом» (режиссер Пал Габор¹⁹), «Плюс-минус один день» (режиссер Золтан Фабри²⁰), «Фотография» (режиссер Пал Золтан²¹) и «Третья попытка» (режиссер Петер Бачо²²). После приезда из путешествия по стране мы посмотрели ещё фильм Миклоша Янчо²³ «Народ просит ещё», «Красный псалом» и три картины студии Белы Балаш²⁴: полнометражную кинокартину молодого режиссера Дьюла Газдага²⁵ – «Постановление» и две короткометражные кинокартины – «Школа ораторов» и уже довольно старую ленту, которая была на прошлом Московском кинофестивале, «Крокодил».

Путешествие в Дебрецен – один из промышленных центров Венгрии – было для нас очень интересным. Мы сумели побывать на заводе шарикоподшипников, где нам показали производство, рассказали о сотрудничестве с Советским Союзом и другими социалистическими странами и остановились на некоторых вопросах экономической реформы, которая сейчас проводится в Венгрии. Кроме того, нам была предоставлена возможность побывать на новоселье одного из молодых рабочих этого завода. Вечер, проведенный в этой семье, среди этих простых и хороших людей, оставил у нас самое глубокое и полезное впечатление. Важным результатом этих посещений явилось еще и то, что, как мы сумели заметить, в сфере производства промышленного и колхозного имеется ряд совершенно очевидных успехов. Сегодня венгерский крестьянин и рабочий живут лучше, чем вчера.

Общее впечатление от просмотренных нами венгерских фильмов в общем можно оценить, как весьма отрадное. Венгерский кинематограф сегодня, если судить по 10 картинам,

которые мы посмотрели, отличает серьезность, проблемность, доверие к жизни и стремление поставить наиболее острые и важные вопросы, волнующие нацию и художников экрана. Характерно, в этом смысле, что в числе наиболее интересных картин были либо фильмы чисто документальные, как «Постановление» Дьюла Газдага, о котором будет идти речь дальше, либо картины, в которых соединяется пласт документальный с пластом игровым, как картины «Фотография» Пала Золнаи и «Петефи 73» Ференца Кардоша. Эта же документальная основа, документальный широкий фон есть и в фильме Петера Бачо «Третья попытка».

Нужно отметить еще одно обстоятельство, что если в предыдущие годы венгерский кинематограф в основном концентрировал свое внимание на вопросах истории, обращаясь к дням 1956 года, эпохе революции, эпохе культа личности, проводя своеобразные расчеты с прошлым и переосмысляя исторический путь народа, то сегодня главный его интерес и главные усилия сконцентрированы на проблемах современности.

В числе картин вот этого смешанного документально-игрового жанра, который сегодня весьма распространяется в мировом кино, в первую очередь, следует отметить фильм Пала Золнаи «Фотография». Эта картина основана на весьма простом приеме: два фотографа, роли которых исполняют актеры, отправляются в деревню, с тем, чтобы подработать, снимая крестьян и продавая их собственные фотографии. В процессе этих съемок они сталкиваются с жизнью деревни, с судьбами крестьян, для них открывается быт и психология народа. В первых кадрах этого фильма встает проблема соотношения жизни, искусства и потребителя, крестьяне не очень одобряют подлинные, неретушированные фотографии (старухам не нравятся их портреты с узловатыми морщинистыми руками, изможденными лицами). А вот фотографии отретушированные, где они кажутся моложе и красивее, кажутся им подлинной правдой.

Сам режиссер, тем не менее, следует принципу правдивого, без ретуши, изображения деревни, сталкивая судьбы драматические и даже трагические.

Эта картина, казалось бы, узко очерковая, имеет большой социальный смысл благодаря тому, что она показывает, какую огромную дистанцию прошла Венгрия от старой деревни, на-

ходившейся во власти тьмы, до современной, разумной, демократичной, гуманной социалистической Венгрии. Именно с этих гуманных позиций смотрят на прожитые жизни, на это село молодые ребята, делающие фотографии и выражающие как бы позицию и взгляд самого автора.

В этом же ряду картин, в которых документальное начало сплетается с игровым, находится фильм молодого режиссера Ференца Кардоша «Петефи 73». Это одна из наиболее существенных и важных картин для понимания процессов, происходящих сегодня в венгерском кинематографе, и, очевидно, и в идеологической жизни страны. Она представляет собой историю того, как венгерские школьники старших классов и студенты разыгрывают в импровизированном театральном представлении эпизоды из последних полутора лет жизни Петефи. Эпизоды кульминации и разгрома венгерской революции 1948 года²⁶.

Картина начинается с панорамы студенческого двора, где юноши и девушки, одетые в джинсы, облегающие майки, выбирают исполнителей на роли главных героев: самого Петефи, его соратников, его врагов. «Петефи 73» – это как бы эпизоды революции, разыгранные сегодняшними людьми, осмысляющими одновременно их историческое значение в сегодняшней обстановке. Они выбегают на улицу с факелами, они сжигают мебель, захватывают типографию, отменяя цензуру. И поначалу может показаться, что в этом фильме существует некий подстрекательский смысл, некий призыв «Выходите на улицы, захватывайте типографии, жгите и крушите». Но потом, из дальнейшего развития фильма, становится ясно, что Ференц Кардош имел в виду иную, более глубокую, более трагическую мысль, лишённую какого бы то ни было подстрекательского смысла. Основное содержание сцен революции, разыгрываемых в этом фильме, заключается в показе того, как революция гибнет сама из-за внутренних антагонистических противоречий, как революционный энтузиазм переходит в террор. И хотя в исторической действительности венгерская революция пала, прежде всего, под ударом международной реакции – австрийской и русской, в данном фильме дело показано таким образом, что сам механизм развития этой мелкобуржуазной революции, внутренние раздоры, противоречия

различных классовых и идеологических сил привели ее к неизбежному краху.

Надо сказать, что фильм построен на сочетании разыгрываемых эпизодов революции и сцен, где ребята «выходят» из образа и рассуждают о своем отношении к Петефи, о своей собственной жизни. В его стиле чувствуется Брехт и условность производит большое впечатление. Куски сегодняшних размышлений были бы конечно, наиболее интересными, но часть из них устранена по каким-то цензурным соображениям. Принципиально ясной оказалась единственная мысль, как ее формулирует один из героев: мы прожили полтора года жизни Петефи, мы прожили полтора года революции, когда мы жили полной жизнью. Но вот мы возвращаемся к нашей нормальной жизни, где нам говорят: нужно учиться, выполнять то, что положено, но мы отторгнуты от какого-то исторического дела, от каких-то больших исторических задач, и наша жизнь нам кажется тусклой и неинтенсивной. Надо сказать, что вот эта мысль и эта тема довольно настойчиво звучит в различных молодежных дискуссиях, свидетелями которых мы были еще два или три года назад.

При всем при том, может быть, из-за вот этих сокращений, произведенных в фильме, его итоговая мысль остается весьма неясной. Можно сказать, смутной. О чем говорит этот фильм? О том ли, что революция и насилие революционное не может ничего решить, и исторически бесполезны. О том ли, что сегодняшняя молодежь должна для себя искать какие-то иные исторические альтернативы в нынешних условиях. Что же такое «Петефи 73», что означают уроки революции 1848 года сегодня? Как нужно понимать Петефи в сегодняшних условиях 1973 года, осталось все-таки не до конца ясным.

Возможно, эта неясность для нас связана с тем, что многие вещи в этом фильме подразумеваются заранее известными зрителю, и для внутреннего употребления в Венгрии это вполне годится. А когда речь идет о зрителе, который смотрит на это из другой страны, то уже многие намеки, многие подразумевающиеся вещи пропадают, и фильм тем самым становится не таким полным и ясным.

Наконец, чтобы закончить с этим рядом картин, в которых документальное начало сильно и даже оказывается решаю-

шим, хотелось бы сказать о чрезвычайно интересной картине молодого режиссера Дьюла Газдага «Постановление». Это полнометражный фильм, в котором полтора часа на экране в сущности показываются снятые документально разговоры, совещания и обсуждения. И, несмотря на это, смотреть его поразительно интересно. Дело в том, что вот эта самая наблюдающая синхронная камера применяется здесь как бы по законам игрового кино. Ибо весь этот фильм построен по законам игровой драматургии – с завязкой, кульминацией и развязкой, в которой решаются и сюжет, и судьба главных героев. Суть дела состоит в [---]²⁷ и его группа приехали в один район, чтобы снять историю о том, как выбирают председателя в новых условиях венгерского села, где делается особый акцент на самостоятельность сельскохозяйственных кооперативов, на внутриколхозную демократию. И в этом самом районе им сказали: «А вот мы сейчас будем, наоборот, снимать одного председателя, который оказался замешан в не очень красивую историю с нэпманом, арестованным в Будапеште». Нэпман реализовал продукцию, сделанную ремесленными артелями в этом колхозе. Сложность, однако, как объяснили в райкоме, заключается в том, что председатель кооператива, которого хотят снимать, весьма деловой человек. И ему удалось очень повысить доходы колхозников. И, естественно, многие колхозники, видя только эту сторону дела, выступают за своего председателя, не желая замечать того, что он оказался замешан, в не очень чистоплотных комбинациях и что он довольно жестко, так сказать, диктаторски, осуществляет свои обязанности в колхозе, выгоняя из кооператива неугодных ему по тем, или иным причинам людей. Начало, экспозицию фильма составляет совещание в Райкоме, где районные работники советуются, как все-таки убрать этого человека, не нарушая при том колхозной демократии, необходимость которой они все понимают и признают. Дальнейшее действие фильма представляет собой историю еще нескольких собраний.

Центральной кульминационной сценой является колхозное собрание, где скрещиваются мнения, где пылают страсти, и где люди выступают с такой силой откровенности и обнаженности, с такой в общем-то художественной убедительнос-

тью, которая, пожалуй, не может быть достигнута игровым кино.

Последняя сцена снова возвращает нас в Райком, где руководители района обсуждают неудачу своей попытки снять председателя, поскольку колхозники проголосовали за то, чтобы он остался. При этом они извлекают политические уроки из этой акции. На наш взгляд, эта картина интересно отражает те процессы, которые происходят в сегодняшней Венгрии в связи с экономической реформой. Сложность состоит в том, что при всей важности, нужности и понимании необходимости демократизации общественной жизни процесс ее развития не столь прост.

Чтобы закончить с документальными картинами, можно вкратце остановиться на двух документальных картинах студии «Белы Балаш». «Школа ораторского искусства» – очень едкая, ироничная, а где-то даже грустная картина. Люди учатся говорить ненужные слова. Они учатся отпевать мертвецов, еще неизвестных им, уже заготовленными фразами насчет их добропорядочности, отношения к социалистическому строю. Проблема! Не просто ораторы и смерть, а ораторы и жизнь. Жизнь идет своим рядом, а эти «ораторы» учатся болтать пустопорожние слова.

Видимо, венгерское киноискусство всерьез волнует проблема вот этих самых издержек демократии и пустой трепотни. Потому что фильм «Крокодил» как раз и рассказывает о том, как, в общем, довольно простой вопрос о том, разрешить или не разрешить гражданину такому-то держать у себя дома нескольких крокодилов, становится предметом массовых консилиумов и массовых заседаний десятков людей, которые говорят о чем угодно, ставят какие угодно проблемы и впустую сотрясают воздух там, где необходимо быстрое, простое и оперативное решение.

Как «Петефи 73», так и картины студии «Бела Балаша», сделаны молодыми режиссерами. К этому же поколению относится и режиссер Пал Габор, сделавший фильм «Поездка с Якобом». Эта картина находится внутри молодежной проблематики, она сделана профессионально и говорит об ответственности молодого человека за свои поступки. Рассказывает о двух в общем-то по существу хороших, порядочных парнях, которые,

занимаясь несложным делом проверки огнетушителей, ездят по стране и ведут веселую, проказливую, где-то на грани даже шалопайства, жизнь.

Симпатичной чертой этой картины, как и некоторых других, является трогательное, нежное отношение молодых героев, как и самого режиссера, к старикам, к слабым и к слабости вообще.

В программе венгерских картин были также показаны картины представителей среднего и старшего поколений венгерских кинематографистов. Фильм Андраша Ковача «На венгерском паре» и фильм Петера Бачо «Третий разбег». Картина «На венгерском паре» рассматривает ситуацию поражения, после разгрома первой венгерской советской республики в 1919 году. Картина показывает психологический процесс измельчания людей, говорит о том, как нравственные компромиссы приводят к подлости. Надо сказать, что эта работа, на наш взгляд, не относится к самым удачным картинам Ковача. Она также разговорна, как и большинство других фильмов Ковача. Но если там проблемы брались очень остро, и герои их сами обсуждали заинтересованно, как главные проблемы своей жизни, то есть ощущение, что этот фильм сделан усталым человеком, сделан скорее профессионально, чем вдохновенно.

Картина Петера Бачо – одного из ведущих сегодня режиссеров венгерского кинематографа снова посвящена жизни рабочего класса, проблемам современного венгерского общества. Так же, как в «Настоящем времени», он продолжает одну из генеральных тем социалистического искусства и в этом смысле заслуживает всяческого уважения. В центре фильма весьма интересный герой и интересный случай. Человек, который почувствовал, что он не справляется с работой генерального директора, решил быть честным перед собой и перед обществом и вернуться к той своей профессии, с которой он когда-то начинал – профессии сварщика. Но оказывается, что внутренние проблемы этого решения – это еще не самое главное, не самое трудное. Выясняется, что против него восстают и его близкие, и его семья, которым материально стало жить труднее, и его бывшие товарищи по работе, руководители разного рода предприятий, которые считают, что он своим поступком бросает вызов как бы всем им. Да и сами рабочие, в среду которых

он возвращается, считают его человеком временным, чужим, не понимают причины его поступка. И проходит долгое время, пока эту стену отчуждения и подозрительности ему удастся проломить.

А дальше жизнь складывается таким образом, что ему снова предлагают место инженера просто потому, что сама жизнь требует, чтобы человек, знающий, деловой, был выдвинут на новый пост. И так начинается его третья попытка, но уже на другом каком-то этапе и фильм кончается вопросом в том смысле, что хватит ли у него сил на эту третью попытку.

Надо сказать, что при несомненной остроте сюжета, проблематики нынешняя картина Бачо все же слабее, чем его предыдущий фильм «Настоящее время». Менее достоверен по изображению рабочей среды, характера рабочих, по какой-то психологической правде, которая присутствовала в предыдущей картине.

Картина Золтана Фабри «Плюс-минус один день» посвящена одному дню человека, который вышел на свободу, после того как просидел 25 лет в тюрьме за военные преступления. Он сжег деревню, он был карателем, который убивал венгерских евреев и партизан. Вся его психологическая жизнь, все его усилия состоят в том, чтобы напомнить о себе, заявить, что он жив, и что именно он сделал эти преступления. Но оказывается, что он попадает в довольно естественную и простую ситуацию, когда многие о нем не помнят, другие не хотят вспоминать. Он, собственно, политический и человеческий труп. Он приезжает на место своих бывших преступлений еще с одним человеком, который, очевидно, был его помощником, и в конце фильма убивает его.

«Плюс-минус один день», казалось бы, не так много к 25 годам. Но за этот один день совершено еще одно преступление. Картина для меня ценна тем, что она показывает, отвечает на вопрос, по которому люди спорят до сих пор: «Что такое военные преступники?» и «Что есть их жизнь и их преступления – служение ли долгу, или просто развязанные определенными условиями инстинкты убийц и подлецов».

Картина сделана с обычным для Золтана Фабри высоким профессионализмом, но в традиционной и даже несколько архаичной манере.

Наконец, последняя картина, которую нам показывали венгерские товарищи, и которая вызвала отрицательную реакцию у всей делегации, это фильм Миклоша Янчо «Еще просит народ» или, другое название, «Красный псалом».

Эта картина, которая рассказывает о волнениях среди аграрных рабочих Венгрии начала века, в сущности, лишена исторической конкретности. Эта некая развернутая на полтора часа метафора, некоторая цепь символов, рисующих революцию и контрреволюцию, силы восстановления и свободы, силы подавления и угнетения. Это балетное представление, снятое, как всегда, у Янчо беспрерывно движущейся камерой, когда снимается без перерыва почти целая коробка пленки. Идут кадры по 150–200, а может быть, и больше метров. Нам эта картина не понравилась своей претенциозностью, манерностью и той расплывчатостью и одновременно назойливостью символов, при которой под любой символ можно поставить любое значение. Вся картина читается, как шарада, как ребус, где каждый волен подставлять свои разгадки, свои значения.

Кроме того, когда революция изображается при помощи бантиков (красных бантиков), которые возникают на месте ран, кажется, что в этом есть что-то оскорбительное, и лишенное вкуса. Этот балет на тему революции плох еще и тем, что он претендует на высокую эстетичность, но достигает только красоты, изощренной, модной и холодной. Много крови – но все это холодно и скучно.

И в целом, повторяю, венгерская программа оставила у нас отрадное впечатление своей серьезностью, стремлением ставить серьезные и главные проблемы жизни венгерского народа, Венгерской Социалистической Республики²⁸, а не бежать от этих вопросов, отделяваться милыми, трогательными пустячками, или коммерческими развлекательными произведениями.

С советской стороны на венгерский симпозиум была представлена следующая программа: «Укрощение огня» (режиссер Д. Храбровицкий), «Любить человека» (режиссер С. Герасимов), «Солярис» (режиссер А. Тарковский), «Человек на своем месте» (режиссер А. Сахаров), «Ждем тебя, парень» (Р. Батыров), «Улица» (режиссер Г. Базаров) и телевизионный фильм «Перевод с английского» (режиссер И. Селезнева). Мы не присутствовали

на просмотрах этих картин. Но, насколько нам известно, программа была принята венгерскими кинематографистами весьма сдержанно.

«Солярис» был принят в целом доброжелательно, но спокойно. В настоящий момент в Будапеште с огромным успехом идет «Андрей Рублев», и новая картина не кажется им шагом вперед по сравнению с предыдущей. Были, в общем, доброжелательно приняты картины Батырова и Базарова, в них привлекала экзотика материала, искренность, теплота и человечность. Однако, в частных разговорах венгерские товарищи отмечали недостаточную сущность проблем, поставленных в этих картинах.

Картина «Любить человека» была просмотрена с интересом. Однако венгры сетовали на ее старомодный стиль изложения, большое количество текста и затянутость. Что же касается картины Д. Храбровицкого, то как следует из кулуарных бесед, впечатление на всех произвели мощь наших ракет и вообще все сцены, связанные с техникой. Но многие говорили о том, что герой картины показан однобоко. Он показан только в своей функции, особенно выпячена его настойчивость и стремление к единой цели, но одно только это не делает художественный образ, а его человеческие качества сведены до минимума. Сосредоточенность на деле вовсе не требует того, чтобы человек забыл семью и жену, и родственников, и своих детей. Что касается отношения к нему его жены, то оно тоже очень странное и понять его весьма трудно.

Дискуссия началась по предложению венгерских товарищей с двух сообщений – Эрвина Дертьяна²⁹ о состоянии современной венгерской кинематографии и Ю. Ханютина о советской. Само же предложение, как показалось нам, преследовало цель каким-то образом занять время с тем, чтобы на дискуссию осталось как можно меньше строк. Тем не менее, сообщение Дертьяна содержало интересную информацию. Юрий Ханютин в ответном сообщении рассказал о Постановлении ЦК КПСС³⁰ и о тех новых организационных и творческих усилиях, которые принимают советские кинематографисты сегодня, чтобы выполнить это важное для жизни нашего кинематографа Постановление. В частности, он подчеркнул, что сегодня все талантливые кинематографисты заняты в про-

изводстве, что это линия нового руководства³¹. Доклад Ханютина произвел на наших венгерских коллег благоприятное впечатление, особенно тот его раздел, где говорилось о будущих работах талантливой молодежи. Что же касается самой дискуссии, то на нее осталось еще меньше времени. И тут венгерские товарищи выпустили целую обойму всевозможных вопросов, касающихся конкретных деталей фильмов. Наши ответы на эти вопросы заняли еще полтора часа. А затем ведущий заседание Ковач поспешил предложить завершить «дискуссию». Видя эту ситуацию, я воспользовался правом заключительного слова, чтобы коснуться сути предполагавшейся дискуссии хотя бы в обобщенной форме. В 40 минутном выступлении сказал о своих впечатлениях и впечатлении от венгерского кино всей нашей делегации. А мы накануне предварительно обменялись мнениями по поводу каждого фильма. При этом, до того, как высказать эти впечатления, я счел необходимым рассказать о приятной встрече в Дебрецене с любителями кино, которые показали очень большую эрудицию в области советского кинематографа, задавали интересные вопросы. И, несмотря на то, что беседа происходила очень откровенно, она была весьма полезной и интересной. Этот намек был необходимым для того, чтобы наши товарищи поняли, что опасаться дискуссии с нами, в общем, не стоило. Впоследствии Дертьян отреагировал на это. Затем было высказано наше мнение по картинам, которое уже известно из выше написанного, в мягкой форме, но все-таки было сказано о том, что картина Янчо не произвела на нас впечатления столь глубокого, как она произвела на некоторых зрителей в Аргентине, в Италии и во Франции. Повторяю, что это было сказано в очень мягкой манере, но со всей определенностью и достаточно подробно.

После этого заключения Эрвин Дертьян нашел необходимым со своей стороны коротко обрисовать отношение к нашим фильмам. Это было сделано уклончиво, весьма тактично, обойден фильм «Укрощение огня». Надо заметить, что, в отличие от наших симпозиумов, стенограмма этого симпозиума не велась. И после выступления Дертьяна Ковач уже вполне решительно закрыл эту встречу.

Таким образом закончилось это обсуждение. К нашему удивлению, никакого взаимного спора не произошло, хотя

мое выступление давало основание для этого спора. Но надо сказать, со всей откровенностью, что у наших венгерских товарищей были определенные основания (как мы поняли это позже) не поднимать этой дискуссии. Во-первых, не очень благоприятное впечатление о нашей программе, в которой не было «лидера», фильма, который всем бы, безусловно, понравился, и второе, открывшееся на прощальном ужине. Наши хозяева устроили этот ужин очень широко, атмосфера на нем сначала была теплой и действительно дружеская, пока не пришел Миклош Янчо, который завладел столом как тамада. В своих выступлениях Миклош Янчо под прикрытием всевозможных комплиментов в общем высказал ряд сентенций отнюдь не дружеского (как нам показалось) характера. Причем это относилось не столько к нам, к гостям, или вернее не только к нам, гостям, но и вообще присутствию русских в Венгрии. У нас были все основания предполагать, что невозникший спор или столкновение на дискуссии Янчо решил спровоцировать здесь. Мы сделали все для того, чтобы этого не произошло, и поскольку все высказывания Янчо были в намеках, мы просто не приняли этих намеков. Вели себя по отношению к нашим венгерским хозяевам очень доброжелательно и лояльно, но в конце этого вечера я, как глава делегации, все-таки должен был в мягкой, но совершенно определенной форме сказать, что нам поведение Янчо не нравится. Были выступлениями Янчо огорчены и венгерские товарищи.

Нашему послу было известно обо всем этом, но он все же решил пригласить Янчо на прием, который он устроил в честь нашей делегации. Янчо явился и в разговоре почти с каждым нашим членом делегации «отматывал» свое поведение назад.

Что касается приема нашей делегации, то нужно особо подчеркнуть, что он был венгерскими товарищами организован очень хорошо, нам оказывали всемерное уважение, всемерную заботу и внимание, и принимали нас очень широко (в смысле расходов, которые они на нас произвели и в смысле внимания и интереса к нам). Почти всех интервьюировали – радио, телевидение – пресса, со всеми беседовали, выполняли все наши просьбы. Мы имели фактически трех переводчиков. Было сделано все, чтобы наше пребывание в стране было возможно более приятным, более содержательным и интересным.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что несмотря на то, что публичная дискуссия не состоялась, пребывание нашей делегации в Венгрии было, несомненно, полезным. Во-первых, была дана весьма подробная обоюдная информация о состоянии и перспективах развития кинематографии. Во-вторых, были просмотрены фильмы, и по ним состоялся развернутый и достаточно прямой обмен мнениями, правда, проходил он, в основном, не за официальным столом симпозиума, а в кулуарах, на приемах и в личных встречах.

И, наконец, последнее. Во всех иногда сложных ситуациях наша делегация демонстрировала добрую волю, желание товарищеского, на равных, разговора, желание понять проблемы дружеского социалистического киноискусства. И, как говорили нам венгерские кинематографисты, с их точки зрения наш приезд имел для них в этом смысле большое положительное значение.

Г. Чухрай³²

Машинописная копия.

Публикуется по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 234. Л. 93-110.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Г.Н. Чухрай в это время был художественным руководителем Экспериментального творческого объединения при киностудии «Мосфильм».

² Поездка состоялась с 6-го по 12-е марта 1975 г. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 632. Л. 112-115. Дата на документе не указана, по имеющимся пометам о получении документа в аппарате ЦК КПСС, он был подготовлен не позже 6 мая 1975 г.

³ Там же. Л. 113.

⁴ Не обнаружена нами и деловая межведомственная переписка, отражающая факт его поездки. Скорее всего, в 1963 г. он побывал в Венгрии не в официальной командировке в рамках договора о сотрудничестве и обмене поездками между СК СССР и СК Венгрии, а по специальному приглашению тех или иных венгерских культурных или общественных организаций.

⁵ Tóth-Szenesi A., Haszán Z. A vagányabbja akkor is bevállalta. Index. 2008. Márc. 15.

⁶ Laczik E. Dobrev Klára családi liturgiái. Magyar Nemzet. 2007. Márc. 14.

⁷ Страх этот не был необоснованным. Как раз в марте 1973 г. доходит пика кампания травли ряда видных венгерских интеллекту-

алов, вынудившая некоторых из них впоследствии покинуть страну. См. на русском языке документы об этом: *Анатомия конфликтов. Центральная и Юго–Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Т. I. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов.* Отв. редактор Ю.С. Новопашин. СПб., 2012. С. 124–144.

⁸ *Negyven éve lépett életbe az új gazdasági mechanizmus.* HVG. 2007. Dec. 30.

⁹ *Mikor együtt tomboltak Petőfi mellett.* Index. 2012. Márc. 15

¹⁰ *Nedbál M. Petőfi '73 újra.* Magyar Nemzet. 2003. Márc. 1.

¹¹ *Harmincéves a Petőfi '73.* HVG. 2003. Márc. 13.

¹² Отчет Г.Н. Чухрая был направлен в ЦК КПСС секретарем Правления Союза кинематографистов СССР А.В. Карагановым 7 августа 1973 г. (См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 234. Л. 92). Таким образом, появление документа можно датировать периодом времени от 7-го апреля по 6 августа 1973 г.

¹³ Биографические справки о советских деятелях кино, а также о всемирно известных деятелях культуры (как, например, Б. Брехт) нами не составлены, ведь речь идет об информации, легко доступной российскому читателю по разного рода справочным и энциклопедическим изданиям, вышедшим в России.

¹⁴ Ацел Дьердь (1917–1991) – венгерский государственный и партийный деятель, с 12 апреля 1967 г. по 20 марта 1974 г. – секретарь ЦК ВСРП по идеологии и культурной политике, позже занимал другие руководящие должности; входил в Политбюро. Главный идеолог культурной политики ВСРП в 1960–1980-х гг.

¹⁵ Павлов Владимир Яковлевич (1923–1998) – посол СССР в Венгрии с 18 марта 1971 г. по 18 января 1982 г.

¹⁶ Фактически традиционно отмечаемый в Венгрии день начала революции 1848 г. приходится на 15 марта. Петефи Шандор (1822–1849) – великий венгерский поэт, активный участник и один из идейных вождей венгерской революции и национально–освободительной войны 1848–1849 гг.

¹⁷ Кардош Ференц (1937–1999) – венгерский кинорежиссер и сценарист, его самый известный фильм «Петефи 73» был представлен в конкурсной программе Международного кинофестиваля в Каннах в 1973 г.

¹⁸ Ковач Андраш (р. 1925) – венгерский кинорежиссер и сценарист, его фильм «Холодные дни» получил главный приз Международного кинофестиваля в Карловых Варах в 1966 г.

¹⁹ Габор Пал (1932–1987) – венгерский режиссер. Мировое признание получил его фильм «Вера Анги» (1978 г.).

²⁰ Фабри Золтан (1917–1994) – венгерский кинорежиссер, сценарист, драматург, с 1958 г. по 1981 г. председатель Союза венгерских

кинематографистов, один из самых влиятельных деятелей венгерского киноискусства 1960-х–1980-х гг. Его фильм «Двадцать часов» получил гран-при Московского международного кинофестиваля в 1965 г., а фильм «Пятая печать» – главную премию Московского международного кинофестиваля 1977 г.

²¹ Правильно: Золнаи Пал (1928–1995) – венгерский кинорежиссер, драматург, его фильм «Фотография» получил отдельный приз жюри Московского международного кинофестиваля в 1973 г.

²² Бачо Петер (1928–2009) – венгерский кинорежиссер, сценарист, драматург, его фильм «Свидетель», снятый в 1969 г. и представлявший в остро сатирическом ключе политические судебные процессы 1950-х гг., около десятилетия оставался запрещенным.

²³ Янчо Миклош (1921–2014) – один из известнейших венгерских кинорежиссеров, в 1960–1980 гг. его фильмы получили множество призов на разных международных кинофестивалях.

²⁴ Так в оригинале. Студия основана в 1958 г. для корпоративной экспериментальной творческой работы киноэстетиков и молодых режиссеров, которые снимали в основном короткометражные художественные и документальные фильмы. Студия названа в честь Балажа Бельи (1884–1949) – известного венгерского писателя, кинодраматурга и одного из основоположников эстетики кино (в 1932–1945 гг. жил в эмиграции в Москве, профессор ВГИКа).

²⁵ Газдаг Дюла (р. 1947) – венгерский кинорежиссер, сценарист, снимал и документальные фильмы. Получил международную известность как преподаватель киноискусства. Его фильм «Свистящий бульжник» (1971 г.), осмыслявший влияние левых молодежных движений 1968 г. в Западной Европе на венгерскую молодежь, долгое время лежал на полках.

²⁶ Sic! Очевидная опечатка Г.Н. Чухрая. На самом деле речь идет о венгерской революции и национально–освободительной войне 1848–1849 гг.

²⁷ Два слова в тексте неразборчивы.

²⁸ Ошибка автора записки. Страна официально называлась Венгерская Народная Республика.

²⁹ Дертян Эрвин (1925–2011) – венгерский кинокритик, в 1977–1981 гг. – заместитель председателя, в 1981–1985 гг. – председатель Международного союза кинокритиков.

³⁰ Имеется в виду постановление ЦК КПСС от 22 августа 1972 г. «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии».

³¹ В 1972 г. госкомитет Совета Министров СССР по кинематографии возглавил Ф.Т. Ермаш.

³² Автограф Г.Н. Чухрая.

РЕЗЮМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I.S. Yazhborovskaya (Russia). Systemic and non-systemic opposition in the context of domestic and foreign political relations in the «socialist commonwealth».

This study shows the dynamics of the opposition mood growth in the Central-Eastern and South-Western Europe. The author takes into account the expansion of modern discourse of this problem using the methodology of natural scientists. She demonstrates the rejection of the «party-state» model, the quest of new ways for state and society development, the importance of changes in the foreign policy.

V.L. Musatov (Russia). Opposition movements and protest manifestations in the USSR and European socialist countries in the 1970s–1980s.

The article examines the impact of the dissident and opposition movement in the Soviet Union and the Eastern European countries in the 1970s and 1980s on the weakening the socialist system. While in the USSR this movement was active but of a small scale, in the former socialist countries the situation was different. The mass movement of «Solidarnost» in Poland was a phenomenon, which together with the Catholic church became the main counter-force to Polish socialism. On the whole, against the background of the processes initiated by perestroika in the USSR, actions taken by the human rights activists and the exogenous opposition were only one and not the main cause of the collapse of real socialism.

T.S. Bushujeva (Russia). The protest movement in the USSR in the 1920–1930s: forms and dynamics of development.

The article is written on declassified materials included into the documentary multi-volume edition «“Top secret”. Lubyanka — to Stalin on the situation in the country 1922–1934». These previously unknown materials of the information service of the State Security testify, how difficult it was to establish the Soviet regime on the vast

territory of the USSR. Protest was expressed in a wide range of tools: from open armed insurgency, riots, industrial strikes, peasant rebellion, actions of the anti-Soviet parties and groups to critical conversations in queues at home. The protest regions in the considered period were Ukraine, then Caucasus and the Volga region. On all these anti-state actions, the authorities responded with repression that took considerable size. In the twenty-first century once again problems of establishing an acceptable model of relations between government and society became topical and require historical lessons of the past.

L.P. Kolodnikova (Russia). Special features of the USSR civil society in 30–40s of the XX century.

An array of previously hidden sources, which has been recently revealed and became available for the researchers, allows us address the issue of civil society not only from the legal or sociological points of view, but, above all, in historical perspective. During the period under review civil society and dissidence in the USSR existed in quite specific circumstances and forms, not only in 1960s–1970s, but also at earlier stages of the Soviet history. And despite of the availability of a very significant body of documentary sources today the existence and functioning of civil society are far from being exhaustively explored.

S. Troebst (Germany). Opposition movements in East-Central Europe in the focus of East European Studies in the West, 1975–1989: Three cases.

The post-Helsinki dissident groups and oppositional movements in the Soviet sphere of hegemony were put in second place by Western area studies on the USSR and Eastern Europe. There were, however, a number of significant exceptions within and outside academia. The article deals with the periodical «Info des Sozialistischen Osteuropakomitees» published from 1973 to 1987 by students of the universities in Hamburg and West Berlin, with the Canadian political scientist H. Gordon Skilling, who after the Prague Spring mutated from a pro-Soviet communist to an anti-communist supporter and chronicler of Charter 77, and finally with Forschungsstelle Osteuropa, a research institute, documentation centre, library and archive at the West German university of Bremen founded in 1981 which soon emerged Europe-wide as the place for research on civic movements and samizdat in the Soviet realm.

L.N. Shishelina (Russia). Hungarian opposition representation on reforming society and foreign policy in the 1970–1980s.

A distinguished feature of Hungarian political life in the 1970–1980s was understanding of the necessity of reforms both in the Hungarian ruling party and in the opposition. Since the middle of the 1980s Hungarian politics might be divided into two groups: legal and illegal ones. Still a positive sign of the Hungarian reform movement was the possibility to turn it into a form of «round table» between the power and the opposition. This led to constructive joint work on the reform and to the free elections to the Hungarian Parliament in April 1990. Today, the Hungarian society understands that reforms were necessary, but there is also an agreement that they should have been conducted in a different way.

A.S. Stykalin (Russia). The Polish crisis of 1980–1981 and revitalisation of the opposition movement in Hungary.

First structures of the oppositional movement for human rights in Hungary were created in 1977, under the influence of manifestations of the Polish workers in 1976 and the Charta 77 in Czechoslovakia. But relative stability of the late 1970s regime was undermining the social basis of the opposition. The majority of the population was keeping the terms of the unwritten social contract, which supposed abstention from political activity in exchange for material prosperity. Nevertheless, the turbulences in Poland in 1980–1981 and the foundation of the independent trade-union «Solidarity» perpetuated oppositional movements in Hungary either. Given the economic situation there was worsening, human-rights movements in Hungary were getting stronger with every year. In the late 1980s, under the impetus of Gorbachov's perestroika, they turned into a strong political actor, acquiring more and more weight.

V.V. Volobuev (Russia). The right wing of the political opposition in Poland (1956–1980).

The article presents a conceptual image of the national patriotic wing of the political opposition in Poland in the period from the social and political crisis of 1956 to the time when the independent and self-governed trade union called «Solidarity» appeared. It also shows some prerequisites for the break up within the movement of informal

opposition and the relations of its activists with the representatives of the left democratic wing of the Polish political opposition.

O.N. Mayorova (Russia). The ideological principles and political purposes of the Workers' Defence Committee (KOR) in Poland (1976–1981).

The author reveals the political purposes and ideological principles of the Workers' Defence Committee (KOR) in 1976–1981. This organization was the first major anti-communist civic group in Poland, as well as in Eastern Europe. KOR saw its role in fulfilling two main functions: firstly – working out of the strategy, tactics and program; secondly – testing out their conceptions in order to show that legal and organized opposition activity were possible. All these ideas were regarded as concrete means for achieving the final goals – parliamentary democracy and the sovereign Poland. They were realized eight years after the dismissal of the Committee. KOR was a precursor and inspiration for the efforts of the «Solidarity» trade union.

O.Ju. Mikhalev (Russia). The Third Rzeczpospolita in the ideas of the Confederation of Independent Poland (1979–1989).

Confederation of Independent Poland (CIP) was founded in 1979 by Leszek Moczulski together with a group of oppositionists and was a significant part of the Polish anticommunist movement. Attempting to unite all kinds of nationally oriented groups, the Confederation also rejected the idea of establishing a dialogue with the communists, proclaiming independence of Poland from the USSR as their ultimate and main goal, which made them the most radical part of Polish opposition. This article is based on the works of Moczulski and the documents of CIP and analyses the party's approach to possible ways of liberation of Poland from Communism and the future political system of the Third Rzeczpospolita. It also embraces different views on the future place of Poland in the system of international relations, particularly on the concept of «Międzymorze» («Intermarium»), which presupposes the primary role of Poland in liberation of Eastern Europe from Communism.

J. Eisler (Poland). Socio-political concepts of participants of «Solidarity» in 1980–1989.

The author raises the question of perception of the social and political crisis in 1980–1981 by participants of the independent

self-governing trade union «Solidarity» and its place in the history of movements and ideologies of the twentieth century. The factors of the civil conflict in Poland in the 1980s, and the role of «Solidarity» in the breakup of the Soviet bloc and the collapse of the socialist system are analysed.

L.S. Lykoshina (Russia). Gdansk liberalism. Personalities and ideas.

The article examines the challenges of both ideological and organizational making of the Gdansk liberals from the 1980s to the early twenty-first century. The search of identity in social and political development context of Poland during the period under scrutiny and the way that Gdansk liberals passed from the «Political review» to the «Civic platform» party became the subject of analysis in this article.

V.V. Marjina (Russia). G. Husak's rehabilitation and revival of idea of federalization of Czechoslovakia.

Rehabilitation of the so-called bourgeois nationalists in the early 1960s became the impetus for the resumption of discussion on the legal position of Slovakia in the Czechoslovak Socialist Republic. This article discusses how this issue was formulated in 1963–1968 and a law on the federal structure of Czechoslovakia developed.

E. Londáková (Slovakia). Origins, manifestations and consequences of the new ideas of statehood before and after 1968 in Czechoslovakia.

The study focuses on the evolution of attitudes towards so-called «Slovak question» in Czech and Slovak circles and thus towards Slovak statehood, in the period before and after the invasion of the Warsaw Pact troops. The occupation brought a violent end to the Prague Spring – as a consequence, many of its protagonists fell at the margins of society and to dissent, where they were surviving until the fall of the regime in 1989. Yet, in dissent, the question of the new statehood quickly became one of diminished importance, in order to preserve cohesion in the common struggle against the communist regime.

J. Pernes (Czech Republik). From the Czechoslovak Socialist Party to the Czechoslovak Movement for Democratic Socialism (1968–1972).

After the invasion of the Warsaw Pact armies to Czechoslovakia on 21 August 1968, not all political forces in the country did give up efforts to keep democratisation accomplishments alive. One of the bodies opposing post-August conditions was the Brno organisation of the Czechoslovak Socialist Party and their activity gradually started to bear the characteristics of illegal work. Besides publishing unauthorised printed matter and political discussions, they devoted themselves to programme issues and gradually started to form the Czechoslovak Movement for Democratic Socialism. They established contacts with other opposition groups and strived to develop a joint movement aiming to achieve a change of the regime. In the late 1971 and at the beginning of 1972, State Security Units took action against these activists, many of them were arrested and brought to court. After their release from prison, most of them joined the activities carried out by Charta 77.

J. Pazhout (Czech Republik). Program recourses of the anti-regime opposition in Czechoslovakia in the first phase of the so called normalization regime (1969–1972).

The occupation of Czechoslovakia in August 1968 made perfect conditions for gradual suppression of the free environment from the first half of this year. The process of the so called normalization went faster after Gustav Husák came to power as a head of the Communist party of the Czechoslovakia in April 1969. Citizens, who did not recede to their private life or did not gave up their freedom of speech made a suitable framework for a new opposition movement. In general, three ideological streams formed up, reform communists, ex-members of the Czechoslovakian socialist party and radical new leftists (Revolutionary Youth Movement). All of them endorsed socialism, each in specific interpretation.

E.G. Zadorozhnyuk (Russia). Contours of the new statehood format in the documents of the Czech and Slovak protest course (1969–1989): general and specific.

The outlines of a new statehood format in the documents and concepts of the Czech and Slovak components of the Czechoslovak anti-normalisation movement have been revealed. The stages of the history of ideological quests of Czech dissidents inside the country and in exile (from democratic socialism to the legal state)

as well as Slovak protest structures with the role of the confessional factor were defined. The author comes to the conclusion that their synergy effect has a direct impact on the «velvet» (Czech part of the federation) and the «soft» (Slovak part) revolutions, which marked the beginning of the transition from ideas to the practical implementation of new models of the statehood.

J. Suk (Czech Republik). Morality and power. Political thinking and political practice Václav Havel (1977–1992).

In its first part, the study looks at political thinking of the dissident Václav Havel following the appearance of manifesto Charta 77 and during the social changes that took place in Czechoslovakia and other countries of the Eastern Bloc under the influence of the Soviet perestroika (1977–1989). It deals with an uneven route of Czechoslovak dissent, of which Havel was a leading figure, from a moral protest to political opposition. In its second part, the article focuses on political practice of the president Václav Havel. His conflicts with the highest legislative body – the Federal Assembly of the Czech and Slovak Federal Republic (1990–1992) – is taken as an example of his specific political style. It shows the pitfalls of charismatic politics relying on the public opinion and undermining institutional relations.

E. Vorachek (Czech Republik). M. Gorbachev and G. Husák – protagonists of the twilight of «Real Socialism»: Aspects of the Soviet-Czechoslovak relations.

Employing the available archive resources studied, the author tried to research how the discussions between M. Gorbachev and leaders of the Czechoslovak regime before the Velvet Revolution proceeded in the period of perestroika, and whether they were reflected in their political actions. No substantial differences were found between M. Gorbachev's official speeches and his intimate negotiations with other leaders of the Eastern Bloc as well as his statements in the dialogues with top representatives of the Czechoslovak communist elite. On the other hand, in the memoirs of Soviet politicians, such as Gorbachev, Yakovlev or Shakhnazarov which were published later, we can observe some differences in assessment of the situation in Czechoslovakia in the 1980s.

N.V. Korovitsyna (Russia). New statehood in the Czech social consciousness before and after 1989.

On the basis of sociological polls starting from the times of Prague Spring 1968 till our days, the extent of democratization of the Czech society is analysed. It shows relative stability of ordinary Czech's concepts of new statehood against its background a system change at the end of the twentieth century.

I. Bayeva (Bulgaria). Political alternative in Bulgaria in 1980s.

The program documents of the dissident movement pulled out in the end of 1980s just before the crash of the system show that the main principles, which became leading during the construction of a democratic political system in 1990s, emerged in the Bulgarian society at that time. But the documents of Bulgarian dissidents are much more moderate and inclined to compromise with the ruling Communist party than the dissident documents of the other socialist countries in Central Europe. The absence of an effective alternative social program became one of the reasons of a slower pace of democratic reforms in Bulgaria as compared to the reforms in a number of other countries of the Eastern Bloc.

E.L. Valeva (Russia). The vision of the future of the democratic society in the program materials of Bulgarian dissidents (the late of 1980s).

The dissident movement in Bulgaria arose just at the end of 1980s and existed only for a year and a half. Estimating the program materials of Bulgarian dissidents from today's point of view, we have to admit that in 1988–1989 they still were at the stage of working out the tasks and their organized structures and did not have any concrete alternative strategy for the Bulgarian development in a new way. However, in spite of the specific character of the time of their appearance, forms of activity and organization, in the moment of deep social crisis Bulgarian informal structures managed to create favorable atmosphere for the transition to democracy and market economy.

A.-M. Ketenush, V. Buga (Romania). Forms of opposition movement in Romania in the 1970s–1980s.

The authors concentrate on the typology of opposition activities in Romania in the last two decades of the Communist regime. The main facts of the intellectual opposition to the regime are pre-

sented as well as the attempts of launching of independent trade unions in the Communist Romania and the most important manifestations of the workers unrest – the miners strike in Valea Jiului in 1977 and the uprising of the workers of Braşov in 1987. The authors also pay the necessary attention to the Fronde of the members of the Communist Party elite to the course of Ceauşescu.

A.S. Gladysheva (Russia). The phenomenon of open letters in Romania, the mid 1970s and 1980s. Doina Cornea's human rights activities.

The history of the phenomenon of open letters – one of the most important forms of political protest in the socialist Romania in the mid 1970s and 1980s is analyzed. The fate and dissident activities of the university lecturer from the Transylvanian city of Cluj Doina Cornea are considered in details.

I.V. Rudneva (Russia). The opposition movement in Croatia in the late 1960s – early 1970s.

In the late 1960s - early 1970s Socialist Federal Republic of Yugoslavia took a course on overcoming the crisis that engulfed the country. The country saw the way out in the implementation of reforms, both economic and political, as well as in the social and cultural spheres. Reform movements appeared in all the subjects of the federation, but only in Croatia they acquired oppositional character. The «mass movement» evolved from the purely national and nationalistic one, and the ratio of non-Croat population allows to speak about the presence of elements of chauvinism. Plans of separation from Yugoslavia, and creation of an illegal committee due to the ustashi emigration caused its separatist and anti-constitutional character.

E.Ju. Guskova (Russia). Socialist union of the working people of Yugoslavia as a form of overcoming opposition movement.

In article, the author considers formation of political system of Yugoslavia during the post-war period and analyses the creation of the institute of coordination of the various points of view, the named Socialist union of the working people of Yugoslavia (SUW-PJ). It was considered as national parliament, as a basis of the system of political democracy in Yugoslavia, replacing the multi-party system. The SUWPJ could play an important role of a substitute of

a multi-party system at the initial stage though it was not possible to neutralize dissident movement in the country completely. It was not a success and did not prevent separatist nationalist movements in Kosovo and Metohia.

A. Zhivotich (Serbia). Power and the opposition in 1971–1975, University of Belgrade.

General social crisis of the socialist Yugoslavia of late 1960s and early 1970s formed a group of non-conformist professors and assistant professors of the law and philosophy faculties of the Belgrade University. They were opposing the governmental policy of oppression of basic individual and intellectual rights. The government had problems with controlling the rising tensions. Thus it used repressions to exterminate any seed of dissent. However repressions were not as efficient as supposed. In some time the banned professors came back to their faculties and the history proved the rightness of the universal values they had stood for.

A.A. Pivovarenko (Russia). The formation of Franjo Tudjman as a leader of the movement for Croatian independence.

The article deals with the biography of the first president of Croatia Franjo Tudjman before his coming to power. The view is given to the key episodes, that contributed to his maturation as a leader of Croatian nationalist opposition in the 1980s, and then, in 1989–1990, as a leader of a party Croatian Democratic Union (HDZ), which led the movement for political independence of Croatia.

Ju.P. Gusev (Russia). Dissidents and those pretending to be the ones (dissidentstvuyushchiye).

Undoubtedly, dissidents and their activities contributed, together with other factors, to the collapse of the totalitarian Communist regimes drawing near. But the author is convinced that the very dissent must be seen as one of the symptoms of an incurable illness of the Communist system of state. So one should not look at the dissidents as though they were just saints and ascetics: there were heroes among them, but there were also ordinary people who followed the fashion, who focused on the prestige of being a dissident. The author shows this through Hungarian historical and literary material.

I. Kiss (Hungary). Soviet, anti-Soviet or non-Soviet? Problems of official codification and informal perception novel «Master and Margarita» in Hungary, Poland and USSR in the 1960s–1970s.

The author places the reception of the famous novel of Mikhail Bulgakov «Master and Margarita» in the broader context of the cultural policy and the mind of intellectuals (including the opponents of the regime) in the USSR, Hungary and Poland in 1960–1980 years. The socialist cultural policy was interested in the integration of the great novel into the sphere of the official socialist culture, the same tendency manifested in the introductions of Konstantin Simonov which accompanied the first publications of the novel in the USSR and, to some extent, made it possible to publish it. But the opposite tendency also was born – to assess the novel as not Soviet or anti-Soviet but as simply a-Soviet (which is out of the Soviet system of values). This tendency manifested in the work of the Polish Bulgakov's interpreter Andrzej Drawicz.

D. Balan (Romania). Dissident-writers under the regime of Ceausescu.

Relative liberalization of the Communist regime in Romania at the beginning of the 1960s resulted in weakening of the wave of repressions against the opponents of the regime; many political prisoners were discharged, including the intellectuals. This course was continued after 1965, in the first years of the rule of Ceaușescu, who presented himself in the eyes of many Romanians as the Communist leader concentrated on the national priorities. The «breath of freedom» in the late 1960s was replaced in the 1970s by the new wave of the repressions of National Communist regime against Romanian intellectuals; some of them were forced to emigrate. The author concentrates on the role of the writers P. Goma, Gh. Ursu (killed in prison in 1985), N. Breban, V. Frunză and some others in the shaking of the Neostalinist regime of Ceaușescu. The rebellious poetry of M. Diniescu was one of the symbols of the December revolution of 1989.

S.A. Sherlaimova (Russia). Czech dissident writers and emigrants in the period of «normalization»: from the spiritual leadership to abandon of ideology.

The article studies highly active Czech writers in the 1960s–1980s (Havel, Kundera, Vaculik, Kohout) when they acted as ideo-

logues of the Prague spring, fighting for the humanistic values of Czech culture and playing a part in the dissident movement. Alternative literature of «normalization» period was marked by artistic achievements, but the writers expected the future, where, without ideology, arts would flourish. However, after the victory of the «velvet revolution», this blossoming has not started yet, and ideology still plays an important role in literature.

L.F. Shirokova (Russia). «Culture as communication». The concept of the development of society in the work of D. Tatarka.

The work of Dominik Tatarka, a prominent Slovak writer, journalist and dissident, reflects the main stages of development of the Slovak society, culture and literature from the early 1940s to the late 1980s. In his books, he was protesting against all the incarnations of the «night», be it war, dehumanization, alienation or totalitarianism. At the same time, in journalism, he expressed his positive views on the development of society, formulated the concept of culture as a unifying force, the basis of existence and historical self-consciousness of the nation.

A. Seres (Hungary). Dissident against Communist authorities: on the street and in the pavilion studios. Hungary of the 1970s through the eyes of a Soviet filmmaker.

The famous Soviet film director Grigory Chuhray's report for the Union of the Soviet Screen Artists about his visit to Hungary in 1973 as a head of the Soviet delegation is published in this article. The report was found in the Russian State Archives of Contemporary History (RGANI). Chuhray arrived in Hungary in a historical moment, some days after the mass unrest of the Hungarian youth against the police on the 15th of March 1973. Mass demonstrations against the ruling Communist authorities were inspired mainly by the failure of the reform policy of the Hungarian Socialist Labour Party declared in 1968 and as the result of the recruitment of internal party opposition to the reforms. Dissatisfaction with the social policy of the Communist party was reflected in arts and culture, including movie. For Chuhray and the Soviet movie-makers delegation the new film «Petőfi 73» was demonstrated, which was also reflecting the dissatisfaction of the Hungarian youth.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЕВА Искра – кандидат наук (история), профессор кафедры новой и современной истории Исторического факультета, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София.

БАЛАН Думитру – кандидат наук (филология), профессор кафедры русской литературы Бухарестского университета, член Союза писателей Румынии, Бухарест.

БУГА Василе – кандидат наук (история), профессор, ведущий научный сотрудник Института по изучению тоталитаризма Румынской Академии наук, Бухарест.

БУШУЕВА Татьяна Семеновна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра публикации источников по истории России XX века, Институт российской истории РАН, Москва.

ВАЛЕВА Елена Любомировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

ВОЛОБУЕВ Вадим Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

ВОРАЧЕК Эмил – доктор исторических наук, сотрудник Отдела истории XX столетия, Институт истории Академии наук Чешской Республики, Прага.

ГЛАДЫШЕВА Анна Сергеевна – младший научный сотрудник Центра по изучению общественных процессов в Восточной Европе после Второй мировой войны, Институт славяноведения РАН, Москва.

ГУСЕВ Юрий Павлович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

ГУСЬКОВА Елена Юрьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса, Институт славяноведения РАН, Москва.

ЖИВОТИЧ Александр – кандидат наук (история), доцент кафедры истории философского факультета, Белградский университет, Белград.

ЗАДОРЖНИК Элла Григорьевна – доктор исторических наук, заведующая Отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

КИШШ Илона – кандидат наук (филология), в 2002–2008 гг. директор Научного, культурного и информационного центра Венгрии в Москве.

КОЛОДНИКОВА Людмила Павловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра публикации источников по истории России XX века, Институт российской истории РАН, Москва.

КОРОВИЦЫНА Наталья Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

КЭТЭНУШ Анна-Мария – кандидат наук (история), Институт по изучению тоталитаризма Румынской Академии наук, Бухарест.

ЛОНДАКОВА Елена – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Словацкой Академии наук, Братислава.

ЛЫКОШИНА Лариса Семеновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва.

МАЙОРОВА Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

МАРЬИНА Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

МИХАЛЕВ Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и мировой политики факультета международных отношений Воронежского государственного университета, Воронеж.

МУСАТОВ Валерий Леонидович – кандидат исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, Москва.

НИКИФОРОВ Константин Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор Института славяноведения РАН, Москва.

ПАЖОУТ Ярослав – кандидат наук (история), заведующий кафедрой истории естественнонаучного и педагогического факультета, Технический университет, Либерец.

ПЕРНЕС Иржи – кандидат наук (история), доцент, научный сотрудник Института современной истории Академии наук Чешской Республики в Праге, руководитель филиала Института, Брно.

ПИВОВАРЕНКО Александр Александрович – младший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

РУДНЕВА Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению современного балканского кризиса, Институт славяноведения РАН, Москва.

СТЫКАЛИН Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН, Москва.

СУК Иржи – кандидат наук (история), научный сотрудник Института современной истории Академии наук Чешской Республики, Прага.

ТРЕБСТ Штефан – кандидат наук (история), профессор, заведующий Гуманитарным центром истории и культуры Цен-

тральной и Восточной Европы, Лейпцигский университет, Лейпциг.

ШЕРЕШ Атила – кандидат наук (история), руководитель Архивного института Венгрии в Москве, старший научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных наук Венгерской Академии наук.

ШЕРЛАИМОВА Светлана Александровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

ШИРОКОВА Людмила Федоровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва.

ШИШЕЛИНА Любовь Николаевна – доктор исторических наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы, Институт Европы РАН, Москва.

ЭЙСЛЕР Ежи – доктор исторических наук, профессор, директор Варшавского отдела Института национальной памяти, Варшава.

ЯЖБОРОВСКАЯ Инесса Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии, Институт социологии РАН, Москва.

Научное издание

Коллектив авторов

ИНАКОМЫСЛИЕ
В УСЛОВИЯХ «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА».
ПОИСКИ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(КОНЕЦ 60-х – 80-е гг. XX в.)

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать 15.09.2014 г.

Формат 60х90/16

Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,5. Тираж 300 экз.

Издательский центр Института славяноведения РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96